

Юлия Михалкина

A woman in red high heels and black stockings is lying on a bed with a man. The scene is dimly lit, and there are stacks of money scattered around them. The text "Страсть искажает ВСЕ" is overlaid on the image.

Страсть искажает
ВСЕ

Она была совсем юной, когда оказалась в месте, где главным является удовлетворение собственных амбиций ценой в жизни других людей. Где все решают не деньги, а их количество. В мир, которым правят жестокие мужчины.

Он с детства стремился к справедливости, но это обернулось против него. Он попал туда, где люди существуют по другим законам. Где за выживание приходится платить жизнями других.

Их объединяли похожие мечты и общее прошлое, но судьба развела по разные стороны. Они выжили благодаря воспоминаниям друг о друге.

Неизбежность снова сведет их вместе. Лишь вдвоем смогут узнать, можно ли сполна вкусив все «прелести» аморальной жизни, сохранить чистоту и невинность души; веру в лучшее и надежду на настоящую любовь, выжить не сломавшись. Выжить там, где страсть искажает все.

Юлия Михалина

Страсть искажает все

1998 год

Промозглый ветер по-осеннему пронзал до каждой клеточки тела, вызывая дикую дрожь. Ей бы остановиться, вернуться домой, закутаться в теплое одеяло и с чашкой горячего чая засесть за книгой на широком подоконнике. Только в таком случае холод не вызовет озноба и страха перед предстоящей неизвестностью. Хотя, вероятно, подобные чувства у девушки вызывал вовсе не холод. Тяжело быть спокойной, когда не знаешь, что ожидает со следующим шагом вперед.

Словно в подтверждение мыслей под ногами со скрипом треснула доска, оседая куда-то вниз, в подвал, который всенепременно должен быть в огромном, некогда стратегически важном объекте. Если бы не мгновенная реакция и способность быстро ориентироваться, девушка вряд ли успела ухватиться за старый, покрывшийся пылью, стеллаж, и удержаться на месте, не провалившись вслед за гнилым перекрытием.

— Что за черт? — тихо выругалась, когда вдобавок ко всему на нос упала огромная капля дождя, что без труда просачивался сквозь давно изжившую себя крышу.

Сердце глухо забилося в груди и, казалось, готовилось оттуда выпрыгнуть. *Какая трусиха!* Стоило сидеть дома, а не переться непонятно куда и зачем. Выяснить захотелось... Это всё — элементарные поиски приключений на пятую точку! Лишь бы эти приключения ограничились провалившимся полом и промокшей насквозь курткой, а подозрения и сомнения, преследовавшие не один день, остались позади.

Чем дальше ступала девушка, чем глубже забиралась в безвыходный лабиринт, тем больше внутреннее чутье подсказывало, что нужно возвращаться. Пока не поздно. Пока не влипла окончательно. Пока не оказалась в заведомо выстроенной ловушке. Но какая ловушка? Это не кино, не детектив и не экшен, в которых возможны подобные нелепости.

Тогда почему всё началось именно так, как начинается в матерых американских фильмах? Почему страх сковывает естество, но она упорно двигается вперед? Ответ более чем прост. Потому что, если верить анонимному письму, где-то здесь, среди руин полуразрушенного склада давно не функционирующего танкового завода, находится *ОН*. Человек, ради спасения которого пойдет на что угодно. Единственно-близкий и родной для неё на всем белом свете. Тот, кого любит. И тот, от которого меньше всего ожидала подобной выходки.

Не могла поверить, что именно *ОН* способен ввязаться в передраги. Даже идя сюда, продолжала тешиться пустыми надеждами, что это шутки. Того же Пашки. Глупые такие, детские, нелепые. Ведь знает прекрасно, как она ненавидит осеннюю сырость и как боится подобных этому заброшенных мест. Возможно, решил проверить? Мол, если любишь, придешь, невзирая на фобии.

Пришла. Доказала любовь, называется. Где тогда, скажите на милость, сам Пашка, или организатор всего мероприятия под названием «Розыгрыш». Когда выпрыгнет из-за очередного поворота нескончаемых коридоров с криками «*Сюрприз!*»? Она так промозгла и заждалась сего момента, что готова наплевать на всё. Знай, что это действительно шутка, давно развернулась и ушла. Но предчувствие, желание проверить, не позволяло остановиться на полпути. Что-то гораздо сильнее неё.

Казалось, внутренний мир разделился надвое. Одна часть, наивная и доверчивая, также

отчаянно продолжала не верить, что прочитанное накануне утром правда. А другая, гораздо более трезво смотрящая на жизнь, точила мелким червячком сомнений, что никто не посмел бы с ней так шутить. Слишком нелепо. Нельзя шутить такими вещами, присылая жестокие письма. Это слишком даже для Пашки.

Милый и любимый Пашка. Такой добрый, такой нежный. Он не из тех, кто плетет интриги. Точно знала! Знала о нём всё и даже больше. Почти с пеленок. Не мог этот человек обманывать. *«Равносильно, как не мог прямо взять и рассказать о своих тайнах...»* — прошептал где-то на задворках сознания упрямый разум.

Ох, как хотела, чтобы происходящее оказалось страшным сном. Нелепым бредом полусонного сознания, как зачастую до этого бывало. Как хотела, выбравшись из кошмара, вместе с Павлом посмеяться над всем, как над детской шалостью. Как хотела, чтобы всё было иначе. Но... Свернув к длинному коридору, который за время своего плутания ни разу не встречала, девушка с ужасом поняла, что заблудилась. Немудрено в таком огромном здании, где всё как на подбор одинаково.

Не окажись сегодня здесь, ни за что не предположила, что в их провинциальном городишке есть такие заброшенные, пустынные и по-настоящему жуткие места. Раньше считала, что знает родной город как собственные пять пальцев. Подобное утверждение, казалось, подходит и знаниям о Павле.

Двигаясь прямо, опасаясь свернуть и заплутать сильнее, услышала со стороны голоса. Чем дальше продвигалась к некогда дверному проему, теперь до половины заваленному остатками кирпичной стены, тем отчетливее слышала их. И теперь без труда различала, что там находится как минимум трое мужчин. Не могла конкретно понять, о чем шел разговор, но сильно сомневалась, что, обнаружив своё присутствие, не окажется в опасности.

Разум буквально завопил, мигая впереди ярко-красным маячком, что пора возвращаться, но упрямство, природная тяга к приключениям и желание понять, кто и зачем её сюда позвал, прикрываясь Пашкой, не позволяли отступить.

Сбавив темп, старясь передвигаться как можно осторожнее, чтобы ненароком не задеть местами разбросанные обломки старой мебели, а прогнившие доски пола не закрипели под тяжестью веса, приблизилась почти вплотную к щели, открывающей вид на огромное, не менее запущенное помещение. Тут еще валялись остатки запчастей, и, похоже, это было нечто вроде мастерской, где собирали танки.

Окинув беглым взглядом комнату, зацепилась за три фигуры, стоящие поодаль. Повернутые спиной располагались в самом дальнем и темном углу, из-за чего их практически не разглядеть. Полумрак, что сгущался от наступления вечерних сумерек и мерзких осенних дождей, не способствовал видимости. Лишь силуэты. Весьма крепких и здоровых мужиков, с которыми ей, хрупкой девчонке, ни за что не справиться.

Чего собственно думает об этом? *Бежать!* Бежать и еще раз бежать! Весьма сомнительно, что, задержавшись хоть на секунду, узнает нечто полезное для себя. И что это не обернется лишними проблемами.

Девушка собралась уйти, когда знакомый голос, прозвучавший настолько приглушенно и обрывисто, буквально приковал к месту. Она и хотела обознаться, но этого человека не могла спутать ни с кем другим.

Глаза привыкали к полутьме и, присмотревшись, узнала за спинами бугаев, как успела мысленно окрестить троих неизвестных, того самого, ради кого пришла. Он сидел на чем-то смутно напоминающем стул, и... О, Господи! Был привязан! Во всяком случае, руки

неестественно заведены за спину. Поначалу сказанные им фразы были настолько непонятны, что больше походили на детский лепет, как ни пыталась прислушаться.

— Что за хе*ню несешь? — закричал один из громил. — Какой, на*ер Сизый? Что за лабуду городишь? Знай он, что ты гонишь, собственноручно пришел тебя!

Раздраженный голос звучал слишком жестоко, а говор напоминал такой, как если бы человек отсидел минимум лет пять. Не могла сказать наверняка, но почему-то была в этом уверена почти на сто процентов. Слишком живы в памяти времена, когда в стране управляли блатные да новые русские. Судя по тому, что слышит, сейчас обстановка не лучше.

— Ребят, я не знаю, как так получилось, — внятнее заговорил Пашка.

Несмотря на реалистичность увиденного, в душе девушки теплился слабый огонек надежды на что-то хорошее. Но голос любимого звучал отнюдь не шуточно, как можно представить в случае разыгрываемого представления.

— Не знает он как получилось? — взревел другой, по всей видимости, главный из троих. — Как подставлять, как кидать на бабосы, так он знал, а тут не знает! С*ка!

Громила сплюнул, тем самым вызывая приближение тошноты. Как мерзко. Куда Пашка вляпался? Его нужно спасать! Но каким образом? Это страшные люди.

Всё почему-то выглядело словно декорации из фильмов о бандитах, что последнее время всё чаще крутили на экранах. Только с единственной разницей — в фильме не ощущаешь того страха и ужаса, который сковывает тело, когда наблюдаешь живую. В фильме, как ни бойся за героев, ты уверен, что в итоге будет хорошо. Добро всегда побеждает зло. Хорошие парни побеждают плохих, в какой заднице не находились. Сейчас куда страшнее. Потому что это реальность. Щемлящая, сдавливающая горло до слез, но реальность. С опасениями, удастся ли помочь родному человеку, и с непониманием отчего и от кого следует спастись.

— Последний раз спрашиваю, тварь! — наклоняясь к Пашке, фыркнул первый из тех, кого сегодня довелось услышать. — Кому впарил афганку и как так получилось, что ни я, ни Сизый не в курсе, а? Куда бабки дел?

— Я не знал, честно. Думал, это от Сизого. Мне сказали, что это он, — дрожащим голосом затараторил Павел.

— Чем думал, гнида, когда послушно отвалил им бабло? С таким успехом мог выйти на улицу и отдать первому встречному!

— Да вали его, Крот, и всего делов! — вмешался третий.

— Знаешь, что? Когда трахнем твою девку, тоже не будем знать, чья она, да почему, — бросил главный, очевидно, тот самый Крот, не реагируя на замечание своего подельника.

Двое, оценив шутку, громко рассмеялись.

— Только попробуйте её тронуть! — осмелел Пашка.

В другой момент девушка порадовалась столь яростной защите. Потому как практически не сомневалась, кого имели в виду под «девкой». Но не сейчас.

— И чего будет? — наклонившись, выдал Крот. — Бить нас будешь? Ты не в том состоянии! Надеюсь, твоя деваха поумнее будет и сразу сообразит, как тебя выручить из беды. А? Как считаете, парни? Сразу раздвинет ноги или поартачится? Все равно это её неизбежная участь. Как и та, что ждет тебя. Молись, баклан, чтобы тебя сразу порешали!

— Кончай с ним, Крот! — снова вмешался один из громил и в его руках блеснул... нож? Нужно куда-то бежать, звать на помощь! Спасать Пашку любой ценой, ведь эти бандиты

совсем не блефуют. Если захотят, убьют и не покаются. Но тело сковала невидимая сила, заставляя стоять неподвижно и наблюдать за происходящим.

Будто в страшном кошмаре — каждой клеточкой ощущаешь приближение неотвратимого, видишь, но не можешь что-либо изменить. Не в силах проснуться. Одновременно и страх, и желание досмотреть до конца, до последнего веря в счастливый исход. Только сейчас совсем не сон и малейшее промедление будет иметь огромную плату, ценой в человеческую жизнь. Ценой в Пашкину жизнь. Она не должна этого допустить!

— Подожди! — отодвигая подельника, рывкнул главный. — Мочконуть его не*ер делать! Для начала нужно решить, чем расплачиваться будет.

— Да чем ему расплачиваться? Такая тварь помрет, а где бабки зарыл не скажет.

— Чё, пацан, скажешь, как дельце провернул и останешься жить, или мы узнаем сами, хуже будет не только тебе, но и бабе, — зная на что давить, не унимался Крот. — Учти, мы следим за ней! Малейший промах, пойдет отрабатывать долг вместо тебя. Уж мы-то найдем ей применение.

— Хрен вам, с*ки! — взревел Пашка и, дернувшись на стуле, каким-то чудом освободив руки, бросился на Крота с куском арматуры.

Рывок, и пытается сбить «оружием» одного из бандитов. Еще один, и самый молчаливый подельник перехватывает и заламывает руку Паши. Арматура с характерным металлическим звоном падает на пол. Второй громила с помощью подножки заваливает Пашку на землю. Словно замедленная киносъемка. Словно давний избитый сюжет, что в кошмаре не приснится. Третий, Крот, вытаскивает пистолет из-за ремня джинс и нацеливается на Павла.

Ей бы кричать, но крик застревает в горле тяжким комом, не в состоянии вырваться наружу. Единственный выход — обнаружить себя. Хоть на мгновение заставить помедлить. Не позволить случиться неизбежному. Пускай исполняют свои угрозы, пускай заставляют её отрабатывать, как сами сказали, не пойми что. Только бы не тронули Пашку!

Делает шаг. Последний шаг из своего укрытия. Осталось совсем чуть-чуть. Но вмиг кто-то сзади, словно предвидя дальнейшее действие, будто желая защитить, одной рукой хватается за плечи, а второй закрывает рот, приглушая вырвавшийся наружу вскрик. Именно в этот момент в противоположной стороне мастерской звучит угрожающий выстрел, оповещающая, что это конец.

Девушка уже не видит этого. К своему счастью. Зато, прижатая спиной к стене крепким мужским телом, с удивлением и одновременно облегчением видит перед собой человека, которого меньше всего ожидала здесь увидеть после Пашки. Того, кто всегда готовился прийти на помощь. Кто все мог решить. Показалось, что с появлением этого человека произошедшее с любимым можно изменить.

— Тише, девочка, тише, — одними губами попросил мужчина, продолжая удерживать девушку прижатой к стене и не убирая ладони от лица, опасаясь, что как-то выдаст их присутствие. — Ты уже ничего не изменишь, а они ни перед чем не остановятся.

Но как? Как, черт побери, можно быть тише, когда там... Даже мысли не могла повернуть в ту сторону. Пашка. Её Пашка! Неужели его больше нет? Это невозможно! Это просто... Она скоро проснется и поймет, что это страшный сон... Даже не может заплакать. Слез нет. Лишь шок и немой ужас в глазах.

— Я сейчас уберу руку, и ты не будешь кричать, — попросил мужчина, — хорошо? Нам нужно по мере возможности выбраться отсюда незамеченными. Или переждать, пока они

уйдут. Они сюда не поткнутся. Будут выходить с другой стороны.

Кто «они» не составляло труда догадаться. Но как узнал? Откуда такая осведомленность? Почему здесь?

— Если поняла, кивни, — настаивал мужчина.

Получив подтверждение, ослабил хватку, давая возможность вдохнуть кислород полной грудью, но продолжая придерживать, чтобы в нужный момент заткнуть.

— Что ты здесь делаешь, Олег? — нервно сглотнув, прошептала.

— Наверное, то же, что и ты, — фыркнул раздраженно. — Пытаюсь спасти чью-то задницу. Только если у тебя это получилось, откровенно говоря, хреново, позволь хотя бы мне довести дело до счастливого финала.

— Они его убили?.. — не обращая внимания на длинную тираду, еле слышно спросила. Хотя вопрос прозвучал почти как утверждение.

В этот раз Олег только и смог, что несмело кивнуть.

— Кто они такие?

— Не слишком много вопросов? — выглядывая из-за укрытия, шикнул. — Сейчас не лучшее время.

Договорить не успел. Послышался шум вместе с приближающимися шагами.

— Крот, чего-то мне это не нравится. Мы ненароком не притащили за собой хвост? — где-то совсем близко раздался голос одного из громил.

Приложив палец к губам, призывая молчать, Олег осторожно привлек девушку к себе, вынуждая вместе с ним осторожно присесть на землю. Это практически получилось. Всего-то предстояло затаить дыхание и подождать, пока «проверка» закончится и обойдет стороной.

Когда шестерка Крота прошел мимо, ничего не заподозрив, Олег, понимая, что пережидать больше не вариант, знаком показал пробираться вдоль стены до одного из поворотов, что вел к тому же выходу, откуда ранее пришли.

Ему стоило идти первым, чтобы проверять пол на шаткость и скрипучесть. Но девушка оказалась впереди. И то ли от ужаса, что овладевал разумом и сердцем, то ли от неосторожности ступила не туда. Доска с треском хрустнула под ногой.

Застыв на мгновение, не успела опомниться, как сзади послышался возглас:

— Крот, Корявый, айда сюда! Смотрите, кого нашел!

— Ритка, беги! — толкая девушку вперед, закричал Олег, пытаясь прикрыть её и позволить уйти.

Она не хотела оставлять здесь еще и Олега. Не хотела лишаться последней опоры и поддержки в этой жизни. Но прекрасно понимала, что, если и в этот раз будет молчаливо наблюдать за тем, на что способны эти уроды, ничем не поможет другу. Должна попытаться сбежать! Чтобы успеть позвать на помощь.

Оставалось несколько шагов. Девушка ухватилась за дверной косяк, опасаясь, что, в противном случае, не удержит равновесие и упадет. Но не могла не обернуться, слыша позади вскрики:

— Бл**ь, они следили за нами! Ах ты, гнида!

Оборачиваясь на ходу, не увидела, что ей преградили путь. Лишь когда с ходу врезалась в громадный шкаф, которым оказался один из бандитов, поняла, что в ловушке. Теперь не выбраться. Брыкаясь изо всех сил, краем глаз пыталась зацепиться за творившееся неподалеку. Хотела увидеть, что с Олегом.

Он отбивался, вступая в драку наравне с громилами и ничем не уступая. Быть может, даже имея преимущество в ловкости и скорости движений. Но здесь всё предрешено заранее. Никакая ловкость не спасёт, когда бой изначально неравен. Когда у заведомо сильнейшей стороны еще и оружие.

Рита не могла это ни видеть, ни слышать. Ей хотелось заснуть и проснуться, когда кошмара не будет в жизни. Возможно, сознание решило смилостивиться, потому как пистолет, нацеленный на друга, был последним, что заметила.

— Олег, нет!

Пистолет и звонкий выстрел, приглушенный обезумевшим криком девушки, которая в одночасье потеряла всё...

2010 год

Гордо вздернув подбородок, позволяя ветру шаловливо развеять волосы, девушка полностью отдавалась во власть норовистому благородному животному, что, пустившись в легкий галоп, несло подалее от мирской суеты, вглубь леса. С блаженством вдыхала свежий утренний воздух.

Она любила подобные моменты единения с природой. Стук копыт по непроторенных дорожках. Чувствовать, как под тобой перекачиваются напряженные мышцы великолепной лошади. Единственного, пускай молчаливого, но друга, который никогда не предаст. Наблюдать, как забавно фыркает и прижимает уши к голове, слыша опасность. Как ускоряет ход, стараясь оградить от рисков не только себя, но и того, за кого несет полную ответственность в данный момент. В отличие от людей.

Маргарита до безумия любила отречься от городской жизни и неприятных, тяготящих мыслей, что не покидали последние годы ни на миг. В такие моменты ощущала себя свободной от прошлого. Независимой в полной мере. Как ветер, гуляющий под сенью деревьев. Как Страсть, что, ощущая настроение хозяйки, сегодня мчалась с необычным воодушевлением.

Страсть — великолепная арабская лошадь ярко-огненного цвета. Единственная в своем роде. Совсем молоденькая, но лучшая в небольшой конюшне.

Эту превосходную кобылку около года назад за несколько десятков тысяч долларов на «Днях арабской лошади» в Польше приобрел для девушки Кирилл по собственной инициативе. Подарок ко Дню Рождения. Роскошный подарок. Хотя Роцин всегда стремился угодить и никогда не жалел денег. А зная любовь к скорости и лошадям, не мог не расщедриться на Passion. Страсть.

Почему именно Страсть? Девушка считала, что в этом мире всё измеряется в одном-единственном эквиваленте и название тому — страсть. Элементарная тяга к алкоголю либо к новой пагубной заразе последних десятилетий — наркотикам. Страсть бывает у всех и ко всему. У полных людей к еде. У коллекционеров к раритетным автомобилям, почтовым маркам и прочим эксклюзивным штучкам. Страсть к оружию и диковинным животным. Страсть к путешествиям и роскоши. Страсть к власти. Страсть к деньгам. Страсть к противоположному полу, в конце концов. Многие называют это влечением или более вычурно — любовью. Но как ни определяй, смысл один — главное имя всему страсть. Все начинается со страсти и все заканчивается страстью. Страсть искажает все.

И это дорогое животное было страстью. В данном случае для Маргариты. Но не за это привязана к лошади. Они во многом похожи. Марго, как и гнедая кобылка, тоже всегда была объектом чьей-то страсти. Поначалу это раздражало, нервировало, до зуда выводило из себя. Хотелось доказать всему миру, что она не может быть такой. Не должна быть объектом страсти. Быть от кого-то зависимой. В юности много иллюзий не питала. После смирилась, свыклась с малоприятной ролью в этом мире, позволила себе плыть по течению. Поняла, что даже из подобного положения вполне реально извлечь весьма приличные дивиденды.

Да, звучит цинично и эгоистично. Но как относиться к окружающим по-другому, когда для них ты никто? Всего лишь очередная страсть и вождение. Как перестала верить в сказки и научилась смотреть на вещи реалистично, смогла выбраться из замкнутого круга и

добиться невозможного в своем тогдашнем положении. Получила независимость, смогла полностью распоряжаться собственной жизнью. Научилась жить иначе, ставя окружающих на место и не позволяя никому пользоваться собой. Теперь сама вправе выбирать для себя объекты страсти. Сама решает кому позволять желать себя, а кого без зазрений совести ставить на место.

Последние несколько лет желать себя позволяла одному Кириллу. Марго не могла сказать, что испытывала к нему слишком сильные чувства, но Роцин ей нравился. С ним спокойно и хорошо. Роцин стал той удобной гаванью, которую долго искала. Попав в неё, со стопроцентной уверенностью считала, что подобная жизнь вполне устраивает. По сравнению с тем, что ранее пришлось пережить, настоящее представлялась раем на земле. И не собиралась разрушать и жертвовать им во имя чего бы ни было. Тем паче внезапной страсти, которая, к счастью, не предвиделась.

Хватит страстей! За несколько лет испытала множество их проявлений, которые люди не в силах пережить за всю жизнь. Имеет право на спокойное и размеренное существование, без каких-либо непредвиденных ситуаций.

— Но-но, девочка! — Марго потянула за узды, когда Страсть добравшись до берега реки, остановилась у самого края и стала жадно хватать еще зеленеющую травку. — Извини, малышка, но пора домой. Нас ждут великие дела.

Девушке не меньше лошади не хотелось возвращаться. Сама с превеликим удовольствием осталась здесь хотя бы на пару часиков, отрекаясь от мирского, но время не ждет. Порой даже распоряжаясь самостоятельно жизнью, не в силах что-либо изменить. Сегодня она неподвластна над обстоятельствами, что вынуждают действовать вопреки собственным желаниям, следуя определенному долгу.

Какое неприятное и обязующее слово — долг. Долг превыше всего. Ныне превыше собственной страсти к одиночеству, свободе, тишине. Именно из-за этого долга Маргарита развернется и помчится обратно, возвращаясь к решению текущих проблем. Она не станет раскисать и показывать истинные чувства. Давно научилась скрывать их. В свое время такое умение сыграло на руку, и сейчас поможет.

Обратный путь к конюшне показался еще более быстрым и коротким, чем к лесу. Так всегда, если не хочешь возвращаться. Как ни оттягивай время, окончание пути неизбежно.

Вынырнув из-за широкой посадки, заставляя Страсть перейти с галопа на легкую рысь, заметила у дома темную фигурку, что с каждым мгновением приближалась. Вскоре распознала в ней Кирилла. Он, сунув руки в карманы, с видом полнейшего недовольства шел навстречу.

Когда лошадь замедлила ход, Маргарита спрыгнула на землю. Одной рукой ухватила под узды и повела вперед, а другой приветливо помахала Роцину окликнув:

— Доброе утро, Кирилл! Ты чего так рано?

— То самое хотел спросить у тебя, — поравнявшись с девушкой, невозмутимо фыркнул мужчина. Окидывая оценивающим взглядом лошадь: — Опять тебе не спится? Могла сегодня отдохнуть. Ты знаешь, что предстоят важные переговоры.

— Кирилл, чего ты? — остановившись у калитки, что служила ограждением конюшни, стянув висящую на крючке щетку, Марго стала вычесывать гриву лошади. — Какая разница, переговоры или нет? Я так давно не была здесь, так соскучилась по Страсти. Ты прекрасно знаешь, как люблю раннюю осень, утренний лес, рассветы.

С этим пытливо устала на мужчину, прекрасно понимая, что не может пламенной

речью не зацепить и не утихомирить его. Рошин не способен устоять перед умоляющим тоном и прожигающим взглядом карих глаз. Маргарита неоднократно пользовалась таким преимуществом.

Девушка смотрела на Кирилла, стараясь уловить малейшие изменения, что происходили на глазах. Вот он еще хмурится, раздраженно постукивая пальцами по штакетнику, громко посапывая. Сощурившись, изучает её лицо. Недовольный, но вскоре разом прекратив нервное движение рук, успокаивается. Красивое лицо медленно, но уверенно преобразуется. Складочки на лбу и у век постепенно разглаживаются, в серых глазах исчезает безумный огонек, сменяясь нежностью.

Рошин умел быть жестким, даже жестоким, и никогда не скрывал этого. Но именно в моменты нежности особенно нравился Маргарите. Жестокости давно хлебнула сполна, хватит по гроб жизни. Возможно, по той же причине Кирилл старался не проявлять с ней темную сторону своего характера.

Разменяв четвертый десяток, будучи старше девушки почти на пятнадцать полных лет, Рошин всё еще находился в отличной физической форме. Не было ни дряблого живота, что зачастую наблюдался у мужчин его возраста и их круга. Ни признаков приближающейся старости. Отличная фигура, что стала результатом регулярных тренировок, на которых пропадал с завидной регулярностью. Внешне далек от эталона мужской красоты вроде Алена Делона. Без малейшей смазливости и слащавости по-своему красив именно настоящей мужской, в чем-то животной красотой. Он был мужчиной с большой буквы, и в этом запросто мог потягаться с ровесниками Маргариты, определенно выходя победителем. Лишь легкая седина, местами посеребрившая виски, от которой категорически отказывался избавляться, утверждая, что не по-мужски, да морщинки в уголках глаз и губ в моменты раздражения выдавали зрелого и опытного мужчину.

— Знаю, поэтому терплю твои выходки, Марго, — усмехнувшись краешком губ, заметил Кирилл.

Действительно, вытерпеть сколько вытерпел с ней этот мужчина, не смог бы, наверное, никто. Хотя Рошин изначально знал, на что шел. Но не побоялся. Не струсил. Это было еще одним немаловажным пунктом, из-за которого Маргарита его уважала и по-своему любила. Не так, как стоит любить мужчину, с которым планируешь провести остаток своих дней, но любила.

Именно Рошин однажды вытащил из болота, в котором оказалась по собственной глупости, неопытности и нелепом стечении обстоятельств. Именно Рошин сумел заставить начать жизнь заново, попробовать вычеркнуть если не из памяти, хотя бы из сердца пережитое. Не побоялся связаться с грязной, недостойной нормального мира женщиной, каковой зачастую считали. Напротив, сумел заткнуть всем рты и помог стать той, кем стала. Маргаритой Одинцовой. Уверенной в себе женщиной. Успешной. Богатой. Способной кружить головы мужчинам, оставляя их ни с чем. Отмщая за страдания и боль. Вызывая зависть у других женщин. И с победной улыбкой на лице принимать вызов любой сложности, заранее зная, кто выйдет победителем из боя. Она, Маргарита Одинцова, и никто больше.

Отныне не позволяла себе такую роскошь, как поражения. Это осталось в прошлом. Равносильно, как и юная девочка, оказавшаяся в путях неизбежности. Никто и ничто не заставит её вернуться к былой наивной и глупой Ритке.

— И за твое терпение ценю тебя больше всего, — ни капли не лукавя, призналась

девушка.

— Да ты что? — передразнил Роцин. — Думал, ты больше всего ценишь меня за винодельческую компанию?

— Прости-прости! Компания, безусловно, главное, за что тебя можно ценить, — хихикнула Маргарита, позволяя появившемуся со сторожки конюху увести Страсть.

— Вот и я про то же, — увлекая Марго в сторону шикарного особняка, шутя, отметил мужчина. Вмиг посерьезнев, добавил: — Знаешь, почему я занудствую? Ты не забыла, что через пару часов у нас очень важная встреча, где решается едва ли не судьба Золотой Роци?

— Да уж, о таком забудешь, — Маргарита покосилась на Кирилла, в очередной раз удивляясь его мгновенным порывам беспокойства.

Вроде сильный, уверенный в себе мужчина, имеющий всё, что можно пожелать, но порой ведет себя хуже ребенка малого, раздувая большие проблемы из ничего.

— Ты совершенно напрасно иронизируешь, — обнимая девушку за плечи, обеспокоенно вздохнул Роцин. — Если бы не чертова Жемчужина со своими непонятно откуда взявшимися шикарными виноградниками, мы давным-давно возглавили пятерку лидеров страны по производству вин.

— И ты говоришь это мне, человеку, который не последний в продвижении и экспорте нашей продукции за границу? — нахмурившись, Маргарита остановилась у крыльца. — Кирилл, я прекрасно знаю, если на сегодняшней встрече нам удастся их подмять под себя, уже завтра мы можем считать, что Золотая Роща официально входит в Internal Group.

— Да, Марго, именно! — воодушевленно воскликнул мужчина. — Это не просто заоблачные перспективы! Это официальное признание в Европе, к которому мы так стремились!

— Кирилл, я помню, — без энтузиазма фыркнула Одинцова.

— Тогда скажи мне, Ритуль, почему вместо того, чтобы готовиться к важной встрече, ты опять возишься с утра пораньше с этой своей... Страстью? — не унимался Роцин. — Лучше отдохнула как следует после трудовых будней. В столицу мы возвращаемся не раньше, чем через три дня, успеешь полюбоваться своей кобылкой.

— Кирилл! — попыталась вмешаться.

— Ну а что, Ритуль? Разве не прав?

— Кирилл, я тебя сотни раз просила не называть меня Ритулей! — игнорируя другие замечания, с упреком осадила Маргарита.

— Опять ты об этом, — махнул рукой. — Что в самом деле раздуваешь из мухи слона?

— Нет, Кирюш, не раздуваю, — отстраняясь от мужчины, беспечно пожала плечами Одинцова.

— Маргарита! — поморщившись, как от зубной боли, оборвал Роцин. — Я не баба какая-то, чтобы меня так называть.

— Зато, видимо, только так усвоишь мою просьбу, — отворачиваясь с намерением уйти в дом, хмыкнула Маргарита.

— Ну, хорошо-хорошо, Марго, — делая акцент на имени, поправил Кирилл.

— Вот и чудненько. Я пошла собираться, а то кое-кто совсем разволновался, — чмокнув мужчину в щеку, заявила девушка. — Не переживай, все пройдет в лучшем виде. И встреча с нашими малоизвестными конкурентами обязательно принесет нам такое необходимое признание.

Отстранившись, Марго легко взбежала по ступенькам на крыльцо. Поспешно, словно

боясь быть задержанной на месте преступления, проскользнула сквозь массивную дубовую дверь в выдержанный в стиле современного кантри особняк.

Вроде огромный дом, шикарно обставленный, с едва ли не самой дорогой мебелью, но хранящий в себе вековые традиции прошлого. Тех, кто испокон веков, когда еще никто представить не мог о благах современной цивилизации, выращивали лучший виноград и делали шикарное вино. Рецепты которых передавали потомкам, среди каких по счастливой случайности оказался и сам Кирилл Роцин.

Роцин. Золотая Роща. Если задуматься, улавливается определенная связь. Либо фамилия пошла от названия поселка. Либо селение выросло благодаря одному из носящих эту фамилию. Неважно, как давно все происходило. Главное, спустя десятилетия, если не века, Золотая Роща оставалась единственной в своем роде. Не Массандра, выросшая на грани веков, с известными достопримечательностями, старая и признанная. Но и не Коктебель, превратившийся в пафосный и модный курорт.

Некогда небольшая рабочая деревенька на берегу реки, уходящей глубоко в море. Отделенная наполовину густыми лесами, с солнечной стороны имевшая широкие бескрайние поля, где практически круглый год созревали лучшие сорта винограда. Теперь это шикарный поселок, где помимо коренных жителей, многие известные лица страны желали приобрести участок, чтобы иметь возможность отдыхая, наслаждаться чудесными пейзажами и прекрасным вином. Но не раскрученный настолько, чтобы кишеть неутомными туристами.

Этот дом... Да что дом, весь поселок, были гордостью Кирилла. Он по праву считался негласным хозяином бескрайних полей и всего селения. В большей степени благодаря ему у людей была работа. Он помогал и выручал из беды. Однажды не позволил распасться давнему, местами упадочному предприятию, за несколько недолгих лет с излишком возвратил Роще былую славу.

Маргарита до безумия любила это место. Ранее не представляла, что где-то в мире сможет найти такой уголок, почувствует себя свободной и счастливой. Здесь было именно так. Не с первым появлением здесь, но очень быстро поняла и приняла дом и всё, что его окружало.

Любила приезжать в Рощу, вырываясь из удручающей и подавляющей столичной суеты. Почти деревенское спокойствие спасало от уныния, возвращая снова и снова к жизни. Только здесь могла позволить себе непростительную роскошь, как забыться. Забыться о том, что никогда не искоренить из памяти. Здесь боль притуплялась, не отзываясь внутри звонким скрежетом. Хотя бы потому стоило ценить это место. И Марго ценила.

Жаль, но выбираться в Золотую Рощу в связи с делами могла редко. С удовольствием осталась здесь навсегда. Но Кирилл, убеждая, что без неё не справится в городе, удерживал Маргариту возле себя.

Можно запросто настоять на своем, взбрыкнуть, раскапризничаться. Но Роцин слишком много сделал, чтобы так запросто отказать его маленькой просьбе находиться рядом. Одинцова и не отказывала, всякий раз сопровождая в поездках, помогая в решениях деловых вопросов, в которых хоть малость компетентна.

Подобное мероприятие предстояло и сегодня. Но, к счастью, совпало с долгожданными выходными и возвращением в Рощу. Некий неизвестный господин, пожелавший до личной встречи оставаться инкогнито, владелец новоиспеченной винодельческой компании с вычурным названием Черная Жемчужина, категорически отказался встречаться в столице

для обсуждения дел, заявив, что, если Рощина интересуется какое-либо сотрудничество, пускай приезжает сам. Благо, место проживания мистера «Х» оказалось недалеко от особняка Кирилла.

Небывалая наглость по отношению к человеку, добившемуся и имевшему в этой стране многое. Речь не о материально осязаемых благах, а о незримом уважении, власти и почете. Но незнакомец либо не в курсе, либо решил позариться на славу Кирилла, что не стоило сбрасывать со счетов. Последнее наиболее беспокоило Рощина, хоть и не подавал виду.

В любом случае за сегодняшним деловым обедом Одинцова во что бы ни стало, планировала уговорить, вынудить, или что угодно сделать, чтобы владелец Жемчужины согласился пойти на слияние с Golden Grove. Тем самым обеспечив компании долгожданное официальное международное признание, которое с появлением новых, но весьма перспективных конкурентов в лице всё той же Жемчужины становилось под огромным вопросом. Даже если для этого придется применить весь арсенал женского обаяния. Маргарита прекрасно знала, как порой действует на мужчин и умело этим пользовалась, не давая переходить дозволенную грань.

Предположим, незнакомец не согласится на волне новоиспеченного головокружительного успеха. Но скорый успех обманчив своей быстротечностью. Легко заслужив, потерять его еще проще. Марго предпочитала надеяться, что неизвестный хоть малость дальновиден, чтобы понять неписанные законы бизнеса.

В попытках настроиться на положительный исход прошло время, отведенное на сборы к обеду. Час был довольно ранним, да и место встречи по сравнению с пафосной столицей более чем дружеским, потому Марго остановилась на дневном коктейльном платье из атласа, цвета осенней листвы, едва доходившего до колен и отлично подчеркивающие достоинства фигуры. Надела симпатичные босоножки на тонкой высокой шпильке. Волосы оставила распущенными, завив на кончиках. Дополнила образ дневным макияжем и золотыми сережками с небольшими жемчужинами посередине. Скромно и со вкусом. То, что нужно, чтобы подчеркнуть особое положение в компании Рощина.

В холле Маргариту встретил обеспокоенный Кирилл. В черном деловом костюме. Как всегда, сама элегантность, сосредоточенность и учтивость. Девушка в очередной раз отметила, что по праву может считать себя счастливицей, раз отхватила столь шикарного мужчину.

— Ты сегодня великолепна, — осмелился на скомканный комплимент Рощин.

— Спасибо, — подавая руку, коротко кивнула.

Больше не сказав ни слова, вышли из дома и направились к стоявшему неподалеку внедорожнику Кирилла. В столице Рощин предпочитал водителя, считая, что время, потраченное на вождение, можно просветить с большей пользой, решая срочные вопросы. Маргарита не совсем разделяла его точку зрения, не представляя жизнь без скорости, но старалась понять. Но сегодня решил обойтись без излишней роскоши. Единственными делами, которые его волновали, была возможная сделка с Жемчужиной.

Недолгий путь, ведущий по поселковой дороге, провели в молчании. Маргарита понимала, что пытаться успокаивать Рощина бесполезно. А Кирилл слишком увлечен переживаниями, чтобы запросто отказаться от них.

Подъезжая к назначенному месту, а именно огромной территории, по периметру обнесенной высокими заборами, не удержавшись, присвистнул.

— Нехило. Вот скажи, откуда у этих новоиспеченных х*еновых бизнесменов горы

бабла?

Кирилл крайне редко позволял себе выражаться при Марго подобным тоном. В иной ситуации возмутилась его словам, но ныне готова подписаться под каждым словом.

Открывшаяся картина, когда перед автомобилем отворились металлические резные ворота, впечатлила. Огромный пруд с почти прозрачной водой, где плавали одомашненные лебеди, будто преграждал путь к трехэтажному новенькому дому, полностью выстроенному из деревянного бруса. Но это, на первый взгляд, потому как вокруг пруда с обеих сторон расстилались широкие подъездные дороги с высаженными по обочинам причудливыми растениями, названия которым Марго вряд ли знала. Воистину: красиво жить не запретишь.

Одинцова вдруг засомневалась в их удаче. Если человек живет в столь вычурном особняке, вряд ли станет размениваться на сомнительные сотрудничества. Синдром величия, как давно окрестила подобные человеческие качества, ошутимо чувствовался в неизвестном мистере «Х».

Не испытай в собственной жизни лишений и трудностей, запросто заставила Кирилл развернуться и уехать обратно, отменив встречу. Домой. В уютный и спокойный мирок. Но она чересчур горда, чтобы сворачивать с половины пути. В этот раз тоже не свернет. Чего бы ни ожидало за стенами дома.

Прежде чем Маргарита с Кириллом успели подняться на порог и нажать на звонок, дверь отворилась и перед ними возникла пожилая женщина лет пятидесяти, в накрахмаленном переднике и чепчике.

«Экономка, или прислуга», — мелькнула шальная мысль у Марго.

Если на них решили произвести впечатление, это почти удалось.

— Добрый день, — тем временем вежливо поздоровалась женщина, пропуская гостей вовнутрь. — Проходите, пожалуйста. Вас ждут.

Хмыкнув, Кирилл проследовал за экономкой, которая шла впереди, указывая путь. Марго поспешила следом, на ходу осматриваясь. Внутри дом как дом. Оказался не таким большим как снаружи, и довольно уютным и симпатичным. В большей части из-за единственного отделочного материала — дерева, которое самое пафосное строение способно сделать теплее.

Мысль Маргариты оборвалась, когда оказались в небольшом зале, где был накрыт обеденный стол. С противоположной стороны стоял кожаный диван, пара кресел, стеклянный журнальный столик. Без излишеств, но со вкусом. Дополнял картину небольшой, но зато настоящий камин, огражденный кованной решеткой, где потрескивали поленья.

Но и тут осмотреться не успела. Взгляд невольно приковало к мужской фигуре, стоящей у окна, спиной к двери. Довольно высокой и мускулистой. Это подчеркивали льняные черные брюки и белоснежная рубашка с рукавами, небрежно закатанными до локтей. В полутемном углу, в котором находился незнакомец, рассмотреть большее оказалось трудно. Солнечные лучи заслепляли.

— Кхе-кхе... — когда экономка без слов удалилась, прокашлялся Кирилл, привлекая внимание хозяина. — Добрый день. Мы пришли, как договаривались.

— Добрый день, господин Рощин, — медленно оборачиваясь, с легкой хрипотцой проговорил незнакомец.

Марго словно замороженная наблюдала за малейшими движениями мистера «Х». Когда он, полностью повернувшись, сделал шаг вперед, позволяя яркому солнцу осветить лицо, с

трудом удержала удивленный вздох, что грозился слететь с губ. Пожалуй, она не так удивилась, увидев перед собой Деву Марию, но никак не того, кто стоял в паре метрах.

Глядя на до боли знакомого и в то же время неизвестного мужчину, в его бездонные, как и прежде голубые пронзающие насквозь глаза, совершенно не понимала, как себя вести дальше. Случись подобное лет десять назад, наверняка распласталась на полу без сознания, как кисейная барышня. Но время не прошло для Маргариты бесследно. Она давно научилась скрывать истинные эмоции и быть готовой к любым неожиданностям. Но сейчас откровенно не соображала, радоваться или... огорчаться?

Перед ней стоял тот, вместе с кем однажды ушла последняя надежда на спасение. Мужчина, которого не мечтала встретить в этой жизни. Живым. Мужчина, которого однажды окончательно похоронила вместе со своим прошлым...

1998 год

Теплые волны беспечно плескались, окутывая тело. На губах соленый вкус морской воды. Ощущение невесомости. Где-то там, высоко над землей. Непривычное состояние. Но, кажется, парить можно бесконечно. А затем в какой-то миг блаженство исчезает, заменяя себя неприятной качкой, усиливающейся с каждым мгновением. Хочется вернуться к первоначальному покою, упасть в забытье, но вместо этого приходит понимание, что поздно.

Сознание возвращалось в суровую реальность. Откуда никогда не воротиться в сказку. В теплый и уютный мирок, бережно лелеемый и охраняемый от внешних бурь, ходу нет.

Поморщившись, Рита поняла, что представляемое ранее приятными волнами, на деле оказалось нечто иное. Качка была обыкновенной тряской автомобиля по ухабистой дороге. Прежде чем сообразила, что происходит и почему, в памяти не вовремя всплыли жуткие события, происходящие накануне. Старый завод, плутание по лабиринтам, поиски Пашки, его тщетные попытки вырваться и, наконец, появление Олега. И снова выстрел. Очередной, забирающий следующую жизнь. Еще одного близкого человека.

Не в силах контролировать эмоции, девушка дёрнулась как от страшного кошмара и, желая прогнать наваждение, распахнула веки.

— Опаньки, Корявый, ты глянь, кто проснулся! — сразу прозвучал знакомый голос.

Маргарита заметила, как на неё взирают две пары глаз через широкое зеркало заднего вида. Тех, кого предпочла увидеть в последнюю очередь. И в кого собственноручно всадила нож и не покаялась.

Девушка поняла, что находится на заднем сиденье автомобиля. Вернее, лежит в неопределенной позе. И руки её... Черт, этого не хватало! Связаны сзади тугим узлом, до боли врезавшимся в кожу. Судя по полутьме, стоящей в салоне, уже поздний вечер, если не глубокая ночь. Неизвестно сколько времени пробыла без сознания.

Господи, что с ней собираются делать? Неужели кошмар не закончился? Куда везут? Почему не убили на месте, как сделали это с... Нет! Хотя можно сколько угодно тешить себя иллюзиями, от реальности не сбежать. Как убили Пашку и... Олега. Для чего она сдалась этим громилам?

— О, неженка соизволили разбудиться! — между тем неприятно засмеявшись, отметит тот, кто именовался Корявым, впервые давая возможность Рите расслышать голос.

— Слышь, а она красивая, — косясь на девушку, довольно буркнул громила сидящий за рулем и ловко маневрирующий во тьме ночи среди редких, мчавшихся по дороге, автомобилей.

— Что вам от меня нужно? — решив, что в её ситуации поддаваться и ждать у моря погоды не лучший вариант, как можно смелее сходу воскликнула Рита, пытаюсь подняться.

Видно, вышло не очень смело. Водитель еще больше расплылся в довольной усмешке, показывая далеко не безупречные и белоснежные зубы.

— Типа смелая, чё ли? Харе ломаться, гляди не девочка! Как доедем до места назначения, увидишь, чего от тебя хотят! Трахнем и всего делов!

— Зюня, ты это, базар фильтруй! — нахмурившись, недовольно перебил разрисованные в ярких красках задумки своего подельника Корявый. — Крот узнает, по головке не

погладит! Была б девчонка для нас, мы поимели её еще на танках, а не тащили через весь город. Ты прекрасно знаешь, что Крот рассчитывает подмазаться к Бате. А у Бати на таких как она другие планы.

— Ой, да ладно! Ты чё боишься Крота? — фыркнул водитель, не сводя похотливого взгляда с девушки.

— А ты типа не боишься? — шикнул другой и, развернувшись к Рите, неловко пытающейся освободить рук. Окидывая её оценивающим взглядом, прикрикнул: — Ты сиди и не рыпайся! И не ори, не то пасть кляпом заткну!

Застыв, девушка с немой злостью уставилась на амбала. Как было противно происходящее. Где-то на задворках сознания продолжала верить и надеяться, что обойдется. Что над ней кто-то подшутил. Да, зло и неприятно, но пошутил. Но привкус реальности и щемящей до боли неизвестности остро ощущался на губах. Одному богу ведомо, что ждет дальше.

— Да пошли вы все! — гневно выкрикнула Маргарита. — Вы — ублюдки! Убийцы! Я вас всех ненавижу!

Хотелось вмазать по наглой ухмыляющейся роже. Ей терять нечего, да связанные руки останавливали. Но ничего не мешало высказать пренебрежения. Хотя бы плюнув Корявому в лицо. В какой-то миг показалось, что бандит залепит пощечину. Настолько сильно переменялся в лице, искажаясь в опасной гримасе, не предвещающей ничего хорошего.

— Ага, мы не имеем ниче святого и дальше по списку, — наблюдая за происходящим, хохотнул Зюня, немного разряжая обстановку.

— С*ка! — не реагируя на замечания подельника, сверля девушку зловещим взором, процедил сквозь зубы Корявый. Вытерев лицо рукавом, резво ухватил Риту за волосы и, притянув к себе, процедил: — Твое счастье, что нам приказано довести тебя в целости и сохранности. Иначе...

Что значили его слова, Маргарите не судилось узнать. Для чего? Куда? Корявый не намеревался продолжать разговор и уж тем более посвящать в предстоящие планы. В очередной раз осмотрел презрительно и резко отпустил, заставляя пошатнуться от потерянного вмиг равновесия. Отвернувшись, раздраженно прикрикнул на водителя, что продолжал тихо посмеиваться:

— Ты чего скалишься, придурок? Давай гони скорее! Не видишь, за нами хвост?!

— Менты, чё ли?

Задержавшись, в спешке оборачиваясь, Зюня до упора нажал на педаль газа, отчего Рита впечаталась в спинку сиденья, стукнувшись головой о боковое стекло.

— Не похоже! — повернувшись назад, Корявый вытащил из кармана пистолет, снимая с предохранителя. — Блатная тачка.

Приподнявшись, Маргарита оглянулась к заднему окну, пытаясь разглядеть преследователей. В темноте ничего, кроме яркого ослепляющего света фар, не различала. Понятия не имела, кто эти люди, но молила бога об одном — чтобы догнали. Кто бы там ни был, хуже не станет. Гонители явно не в одной команде с её попутчиками и, вероятно, грядут разборки. Возможно, это единственный шанс на спасение. Попытаться сбежать в суматохе. Особенно если другие не так плохи. Кто может быть ужаснее, погубивших её родных?

— Думаешь, кто-то бросился за этой? — кивнув на девушку, уточнил водитель.

Чем немало удивил Маргариту. За ней? К сожалению, с сегодняшнего дня список

небезразличных и желающих её спасти значительно поредел. Если совсем точно — опустел.

— Да сдалась она кому-то! — прикрикнул Корявый и, опуская стекло, высунул руку с пистолетом, пытаясь нацелиться назад и подстрелить колеса автомобиля преследователей. Когда попытки раззадорили противников и их автомобиль, ловко маневрируя, вырвался на обгон, заорал: — Бл**ь, гони-гони!

Ритка не успела опомниться, как их машина с силой стукнула гонимых. Тех, закрутив на мокрой от дождя трассе, занесло в сторону на приличной скорости. Зюня под крики Корявого: «Давай направо, в развилку», — крутанул руль, выскакивая в рожицу, из которой проще оторваться от погони незамеченными. Спустя минуты удалось выехать на поселковую дорогу.

Напоследок обернувшись, девушка всмотрелась назад с надеждой увидеть яркие вспышки света преследовавшего автомобиля. Слабый огонек иллюзии спасения. Тщетно. Местность для Риты давно перестала быть знакомой. Боялась предположить, что ждет далее.

— Хух, кажись, оторвались, — с облегчением вздохнул Зюня, подтверждая неутешительные думы.

— Ёлы-палы, чё за идиоты были, — выдохнул следом Корявый. — Надеюсь, Крот вовремя свинтил с завода.

— Хрен с ним, с Кротом. Куда мы?

— Куда-куда? Давай на базу! Если Крота не будет, сами сдадим девку, гляди чего обломиться от Бати, — гаркнул Корявый и, обернувшись к испуганной Маргарите, что широко смотрела перед собой, расплылся в плотоядной улыбке, приговаривая: — Ну чё, перешугалась поди? Не бойсь, ты в надежных руках.

Насчет последнего грызли смутные сомнения. Но памятуя о недавнем и понимая, что огрызаться бесполезно, оставила услышанное без комментария. За последние несколько часов успела выучить и отлично усвоить простой урок — с подобными людьми лучше быть поаккуратней. Дело не в том, что убьют не моргнув. Маргарита не прочь такой смерти. Молниеносно быстрой и желательно бесшумной. Ей жить незачем. Вся жизнь в одно мгновение обрушилась. Надежды, мечты... Всё. Раз и навсегда. Осталась одна в целом мире.

С другой стороны, не хотела так легко умирать. Не потому, что лелеяла что-то относительно призрачного счастливого будущего. Не с кем его строить. В жизни одно желание — мести. И если сразу Рита не разумела, как себя вести, нарываясь на рожон, после гонки отчетливо поняла, что жаждет мести. За Пашку. За Олега. За свою разрушенную жизнь.

Ей бы разрыдаться, да слез нет. Подумать, как выбраться из плена, да разумных мыслей не возникало. Дальнейшая судьба представлялась более чем туманной. Что за люди? Для начала стоит дождаться приезда в сомнительное место, именуемое «базой».

К счастью, или горечи, ждать пришлось недолго. Не более десяти минут езды в тишине и вырулили в сторону небольшого дачного поселка. Еще пара минут и автомобиль въезжал в широкие кованые ворота что, словно по мановению палочки при их появлении, разъехались в стороны. И отчего-то чем ближе неведомый пункт назначения, тем сильнее Риту окутывал леденящий душу страх.

Когда притормозили напротив парадного входа громадного особняка, больше напоминающего пригородный мотель, нежели частные владения, девушка задрожала, жалея, что не попала под пулю еще на заводе. Вместо Олега. Черт возьми, это она должна была умереть! Не появился он, так и случилось. Лучший и самый надежный в мире друг был бы

жив. Пускай погоревал немного, поискал её, но зато жив.

Тряхнув головой, избавляясь от наваждения, Маргарита оценивающе оглянула обстановку. Поодаль стоял черный джип, рядом терлось три амбала сомнительной наружности и сильно напоминающих её попутчиков. У входа в дом еще двое мужчин крепкого телосложения, но более культурных с виду. Вместо кожаных курток — черные костюмы, в руках рации, на ремнях кобура с пистолетами. Обычно так выглядят охранники. Но охранники чего?

Распутать клубок предположений не успела, так как Корявый со словами: «О, Крот уже здесь!», — выбрался из автомобиля. Зюня последовал примеру товарища. Перебросились парой фраз с громилами из джипа, среди которых узнала того самого Крота из завода, но который загадочным образом на время исчез. После этот самый Крот быстро прошагал к автомобилю и, не давая Рите воспротивиться, ухватил за локоть и вытащил на улицу.

Девушка с опаской уставилась на мужчину. Свет фонарных столбов падал ему на лицо и не составило огромного труда разглядеть, что из себя представляет. Вблизи зрелище ужасало. Хладнокровный убийца способный на многое. И вероятнее всего, убийства не самое страшное, что мог совершить.

Вздвогнув от страха вперемешку с повеявшим ночным холодом, попыталась вырваться, выдернуть руку. Но захват оказался сильным. Крепкая рука уверенно сжимала предплечье. Это ощущалось через плотную осеннюю куртку. У неё руки по-прежнему оставались связаны, и никто не торопился что-то менять. Скорее всего, на этих местах останутся синяки. Но плевать на синяки.

— Ну-ка не рыпайся, — встряхнув Маргариту, прорычал Крот.

Не будь так страшно, засмеялась.

Рычащий крот. То еще сочетание. Только отчего-то было не до смеха.

— Какая-то она зашуганная, — рассматривая девушку, не мог не отметить Крот. Обращаясь к подельникам, недоверчиво уточнил: — Вы чё с ней делали? Узнаю, что поимели — прибью! Она для Сизого! Должен оценить. Гляди чего перепадет, или хотя б за проваленное дело скостит наказание.

— Ты чё, Крот? — возмутился Корявый, устремившись загнанно на главного. — Я бы посмотрел, как ты выглядел, прокатись с ветерком. Скажи, Зюнь. — Дернул дружка за рукав. Тот уверенно закивал, пятясь назад.

— Да ладно, забей, — хлопнув свободной рукой по спине Корявого, хохотнул Крот. — Шутки совсем не сечешь!

Амбалы пожали плечами, натянуто засмеявшись, чтобы не огорчать главного, что удовлетворенный произведенным эффектом, серьезно уточнил:

— Так что там с ветерком?

— Прикинь, какие-то бакланы на хвост прицепились, еле оторвались, — пояснил довольный собой Корявый.

— Менты, что ли? — переспросил Крот. Дернув Риту за руку, что, воспользовавшись моментом, попыталась освободиться, прикрикнул: — Да стой ты, мелкая!

— Не похоже, — подал голос Зюня.

— Бл*, точно от Плантатора, — грязно выругавшись, Крот презрительно отплевался на землю.

— Чего так решил? — нахмурившись, Корявый с интересом уставился на подельников.

Рита сама притихла, прислушиваясь к ответу, в надежде поймать какую-то зацепку.

Быть может узнает, кто эти люди и будет проще сориентироваться? Проще разобраться в том, в чем совершенно не соображала. Куда попала, к кому? Главное зачем. Вдруг среди окружения этого Плантатора как раз стоит искать защиту.

— Да потому что этот с*ка как-то пронюхал о наших делишках и заявился на завод.

— Так это был он? — удивился Корявый.

Заставляя Риту гадать, кто этот загадочный Плантатор? Когда заявился на завод, если кроме бандитов, Пашки и Олега там никого не было. Или были?

— Похоже на то, — задумчиво уставившись вдаль, продолжил: — Притом непонятно, чё ему еще надо. На бабосы с афганкой нас кинул. Того баклана мы сами мочконули. Сиди, да не рыпайся. Так нет, эта сволочь явно чего-то вынюхивает. Если еще и за вами с Зюней погнался.

— За бабой, может? — несмело предложил Зюня.

— За этой, что ли? — потянув девушку на себя, Крот несколько мгновений рассматривал её лицо. После, ухмыльнувшись, выдал: — Да ну, нафига ему эта малолетка? Кстати, еще большой вопрос, как она там оказалась. Детка, расскажешь? — Обращаясь к Маргарите.

— Что вам от меня нужно? — собравшись с духом, прошипела.

Значит, записка о Пашке не от них. В принципе, почти не сомневалась, но теперь знает наверняка. Круг сужается. Или напротив? Хотела бы знать, как оказалась на злополучном заводе. Но даже знай, не рассказала этим. Слишком опасно. Опасная ситуация. Опасные люди.

— Это узнаешь попозже. Всему свое время, — придерживая одной рукой Риту за предплечье, другой, очерчивая контур лица, выдохнул, наклоняясь ближе: — Думаю, тебе понравится.

Неприятный запах, раздавшийся от Крота вместе с ненавистным прикосновением, едва не вызвал у Риты приступ тошноты. Передернувшись, она хотела возмутиться. Но где-то сзади, словно спасение от одной, как позже окажется, первой из многочисленных пыток, раздался голос предполагаемого охранника:

— Крот, давай с девчонкой в дом. Сизый ждет.

В тот момент охранник показался Рите самым адекватным человеком из всех увиденных. Возможно, потому что в его голосе прозвучало нечто сродни сочувствию, а в глазах не было той похотливости, с которой на неё взирали остальные. Скорее равнодушное спокойствие и уверенность, которые так необходимы.

Послав мужчине умоляющий взгляд и поймав в ответ такой же безнадежный: мол, извини, но при всем желании не могу помочь, в памяти Маргариты снова всплыл образ Олега. Кажется, этот охранник чем-то напоминал друга. Убитого друга.

Почему думает именно об Олеге? Не о Пашке, которого любила всеми фибрами души. Не об обоих. А именно об Олеге. Потому что в последний момент узнала о Пашке много нового, а Олег так и остался чист в памяти? Спаситель. Который, рискуя ценной собственной жизнью, пошел за ней. Жизнь которого нелепо оборвалась. Но не об этом стоит думать, когда у самой впереди неизвестность. Совсем не об этом.

Вздыхнув, Маргарита, семеня мелкими шажками, прошла следом за Кротом, что также бесцеремонно тащил за собой. Яркий свет ламп ослепил, когда оказались в помещении. На мгновение остановившись и заморгав, привыкая к освещению, спешно осмотрелась.

Дорогая обстановка, особенно по меркам её захолустной комнатухи в коммуналке, в

одновременно привлекала внимание. Довольно-таки просторный холл, широкая лестница, ведущая на второй этаж, выложенная белоснежным мрамором с черными вкраплениями. Внушительного вида деревянные резные комоды у стен. Судя по всему, раритетные. Все говорило о богатстве и важности хозяина. В какой-то момент в сердце затеплилась надежда, что может в Сизом её шанс? Вдруг отпустит? Пожалеет и не воплотит в жизнь смутно очерченные планы, которые составили на её счет бандиты.

Надежда почти сразу погасла, стоило дойти до комнаты напоминающей кабинет-библиотеку и когда перед ней оказался тот самый легендарный Сизый. Взрослый мужчина, что по возрасту годился в отцы. Лет сорок пять, не меньше. Но выглядел весьма неплохо для своих лет. Как мужчина по-своему красив. Даже так называемое пивное брюшко не портило общую картину.

В выражении лица, манере держаться проскальзывало нечто аристократичное. Если по Кроту сразу заметно, что убийца — исполнитель, по этому чувствовалось, что собственноручно не замазается. Скорее сделает чьими-то руками. Через угрозы, приказы, хитростью. Пока трудно предположить, что лучше — сразу знать, что ожидать от противника, или идти на ощупь в темноту, не ведая, что ждет за очередным поворотом. Одно ясно наверняка — Сизый оправдывал положение среди бандитов. Его боялись и было за что.

— Добрый вечер, Николай Степанович, — остановившись едва не на пороге, пробормотал Крот, придерживая девушку рядом.

Значит, Николай Степанович. Все же у него есть имя. Хоть что-то.

— Что застыл? — грубо прикрикнул Сизый, отворачиваясь к столику, где стояли бутылки со спиртным и наливая из одной янтарной жидкости. — Проходи, давай. И дверь прикрой, — когда амбал послушно подчинился, проталкивая изумленную Риту вперед, обернувшись продолжил: — Рассказывай, куда опять влипли?

— Да никуда не влипли, — судя по подрагивающей руке, Крот побаивался Сизого. Неудивительно. — Получилась маленькая нестыковочка, когда решали вопрос с Павликом.

— Какие на х*ен нестыковочки, после того как про*рали такую партию наркоты с бабосами? — взревел Сизый, не обращая внимания на Маргариту. — И кому? Этому молокососу, Плантатору!

— По ходу он со своими дружками следил за нами.

— Что за вами следить, если вы простое дело не можете без шума выполнить, — осушив бокал, фыркнул мужчина.

— В этом и вопрос. Хорошо они успели, когда мы Павлика успели прикончить. Мои ребята подсуетились, если чё на Плантатора и его компашку эту мокруху повесят.

— А это кто? — наконец, зыркнув на девушку, равнодушно уточнил Николай, напрочь позабыв об изначальном разговоре.

— Поймали на месте с ребятами. С Павликом вроде как мутила. А чего её принесло на завод непонятно. Наверное, вызволять своего любовничка.

— Отпусти ты её! И руки развяжи, — не спуская глаз с Риты, приказал Сизый. Когда Крот подчинился, освободив онемевшие от тугого узла запястья, подошел ближе. Приподняв двумя пальцами подбородок, заставляя посмотреть на себя, с восхищением протянул: — Красивая.

— Ну, так, обижаешь, Бать, — зардевшись, забормотал где-то позади Крот, переходя на «ты». — Знал, что ты оценишь. Такого цветочка в твоей коллекции точно еще нет.

— Цветочек, говоришь? — усмехнувшись уголками губ, переспросил Сизый. Медленно

переведа холодный взгляд на губы девушки, прикрикнул: — Ладно, считай, реабилитировался за афганку. Теперь, брысь!

Два раза повторять Кроту не стоило. Через секунды дверь захлопнулась с той стороны и Маргарита, нервно сглотнув, поняла, что происходящее минутами ранее было не так страшно. Сизый не предвещал ничего доброго. Пускай в нем не было похотливости, сколько удалось поймать от Крота, но загадочная ухмылка, стальные, но увлеченные глаза, и скрытые намерения хуже показушного интереса.

— Ты боишься меня, что ли? — почувствовав страх, удивленно вскинул бровь. Не получив ответа, попросил: — Не бойся, тебе здесь никто не причинит зла. Как тебя хоть зовут?

— Рита, — не в состоянии сопротивляться или отвечать колкостями, еле слышно выдохнула девушка.

— Рита, — удовлетворенно протянул Николай Степанович. Резко отступая, осмотрел хрупкую фигурку. — Лет тебе сколько, Рита?

— Семнадцать, — обхватив себя за плечи, словно защищаясь, честно призналась.

В голове появилась мысль, что возможно её несовершеннолетний возраст отпугнет от кардинальных действий. Но...

— Хм, действительно цветочек, — скорее для себя отметил мужчина и, вернувшись к столу, позвонил в небольшой колокольчик.

Почти сразу в кабинет залетел охранник. Как будто ждал за дверью. Тот самый, который показался Рите нормальным. А Сизый в приказном порядке выдал:

— Сергей, проводи её к Беллке и скажи, пускай займется этим Цветочком. Кажись, у нас пополнение.

Сергей молчаливо кивнул и, подхватив ошарашенную Риту за локоток, направился к выходу, еле слышно бросив:

— Не трясись. Выбора у тебя нет. Лучше сразу смириться. Тебе самой проще будет.

Тогда Маргарита поняла, что попала. Очень серьезно попала.

2010 год

— Добрый день, господин Рошин.

В голове сотнями колокольчиков звенел голос знакомого незнакомца. Вместе с громким выстрелом пистолета, раздавшимся в далёком прошлом. Впереди картинки, сменяющиеся друг за другом. Неверие. Недоумение. Непонимание. Она обозналась?

Несколько секунд Маргарита, не моргая, смотрит на стоящего впереди мужчину. Изучающе. Недоверчиво. С опаской. Боясь отпустить эмоции, пронзающие сердце насквозь. Мгновения и удаётся поймать взгляд таких же голубых, как когда-то, глаз. Спасительных. Всё понимающих. Мгновения, за которые, кажется, в очах скользнул огонек радости и облегчения. Всего пара секунд и искорка, не зажегшись, потухла, оставляя тлеть внутри отголоски надежды.

Похоже, он совсем не изменился. Но это иллюзия, отраженная в вечно юных и задорных глазах. Иллюзия, которая разрушается, стоит совсем рядом прозвучать раздраженному голосу Кирилла.

— Добрый-добрый, — передразнил, сунув руки в карманы. — Не нужно фамильярничать. Достаточно просто Кирилл. Сергеевич. А Вас... кхм... Как позволите величать? Не то несправедливо, мы в гостях, но не имеем ни малейшего понятия у кого.

Марго ощущала, что Рошин из последних сил пытается сохранить самообладание. Об этом говорила каждая нотка голоса и то, с каким скрежетом давались слова. Но девушке было безразлично. Направляясь сюда, собиралась поддерживать Кирилла, теперь хотела одного — вытерпеть самой. Не сорваться. Не вспылить. Не показать заинтересованности. Почему? Не знала.

— Олег, — медленно переводя взор с Марго на Рошина.

Расширив веки, Одинцова глубоко втягивает воздух.

— Вячеславович, — слегка склонив голову.

Сердце девушки замирает в неверии.

— Чернышевский, — улыбнувшись краешками губ, Олег растягивает по слогам.

Окончательно подтверждая возникшие догадки Маргариты, стоило увидеть фигуру в полумраке. *Почему именно сейчас?* Олег — её верный, идеальный и лучший друг. Извечный спаситель. Но как? Разве такое возможно?

Что последует далее? Что он скажет? Как себя поведет?

Первоначальная мысль, что Чернышевский бросится к ней со счастливыми объятиями, разбилась о стену самообладания и спокойствия, которой оградился мужчина. Верно, ни к чему это. Слишком поздно. Назад нет возврата. Они давно перешагнули грань, когда стоило радоваться встрече.

Узнал ли Олег Маргариту? За более чем десяток лет много воды утекло. Многое изменилось. Она изменилась, в конце концов. И, черт возьми, не собиралась что-то рушить из-за случайной встречи. Кем бы в прошлом для неё не являлся этот мужчина.

Недолгое молчание, после чего Олег шагает вперед в направлении к Рошину. Мимоходом захватывая очами Марго, и она понимает, что узнал. Не мог не узнать. Уже потому, что в тот памятный день погиб из-за неё. Хотя, нет. Оказывается, едва не погиб. Выжил. Теперь стоит тут, а девушка даже не знает, что в таких случаях говорят.

Чернышевский протягивает руку Кириллу. Для пожатия. Тот не спешит отвечать. Цинично хмыкнув, окатывает конкурента неприкрытой неприязнью и с наигранным равнодушием отмечает:

— Слукавлю, если скажу, что мне приятно это знакомство, Олег, — читая на лице Чернышевского немой вопрос, равнодушно добавляет: — Вячеславович.

— Не сомневаюсь. Кирилл. Сергеевич, — щелкнув пальцами протянутой руки, Олег резко развернулся к Маргарите.

Сощурившись, заколебался в раздумьях, что сказать. Самоуверенный. Серьезный. Но не меньше Одинцовой не знающий, как себя вести. Или напротив понимал, заранее расписав ходы этой партии?..

— Одинцова, — подавая ладошку, как секундами ранее Олег Кириллу, твердо проговорила девушка, выдерживая на себе пристальный взгляд. Когда Чернышевский протягивает свою руку, гордо вздернув подбородок добавляет: — Маргарита Андреевна.

— Я в курсе, — на дольше, чем следовало, задержав в своей руке девушки, мужчина кивнул и, неожиданно склонившись, прильнул губами к тыльной стороне ладони.

В этом весь Олег. Внимательный. Галантный. Уверенный в себе. Но дыхание, опалившее кожу, отчего-то вызвало прилив адреналина в крови. Марго едва сдержалась, чтобы никоим образом не выдать чувств. Похоже, ей так и не удалось до конца избавиться от призраков прошлого, раз встреча всколыхнула внутри столько странных чувств. Заставляя едва ли не впервые за последние годы откровенно нервничать. И это его: «Я знаю...».

— Вы знакомы? — словно за глухой стеной послышался удивленный вопрос Кирилла.

В который раз отрезвляя и спуская на землю. Напоминая, ради чего прибыли в поместье. Дела прежде всего. Тем более Марго давно поклялась себе, что больше ничто и никто не заставит вернуться в прошлое. Пускай и мысленно. Лично множество раз просила Рощина не напоминать о былом. И став перед выбором: пойти дальше или свернуть обратно, не раздумывая, выберет первое.

— Да, — самоуверенный кивок Олега.

— Нет, — почти одновременно с ним, почему-то воспротивилась Марго. Но сообразив, что перечит очевидному, вызывая подозрения у Кирилла, поспешила оправдаться: — Немного.

— Если наше былое общением можно назвать так, то да — немного знакомы, — поворачиваясь к Рощину, пришел на помощь Чернышевский.

Стало ли это такой уж ценной помощью, трудно сказать наверняка. Учитывая, как подозрительно скосился на неё Кирилл. Похоже, он по-своему расценил причины и обстоятельства их с Олегом знакомства.

Что же, так даже проще. Не придётся ничего объяснять. Рассказывать Рощину об Олеге, как друге детства и юности Марго не особо хотела. Пускай причин скрывать не предвиделось, что-то внутри умоляло молчать. Интуиция, быть может.

— Хорошо, давайте покончим с любезностями и перейдем к делу, — нарушая неловкую паузу, с облегчением выдохнул Рощин.

— Да, Олег Вячеславович, — с силой сжав ладошки в кулачки, равнодушно проговорила Марго. — Хотелось бы, наконец, узнать в чем состоит цель нашего визита.

Что её узнал Чернышевский совсем неважно. Столько времени от него ни слуху, ни духу. Столько времени винила себя в его смерти. Не смерти Павла, а Олега. Вспоминала именно о нём. Постоянно. Когда сама находилась на грани. А Олег, оказывается, все это

время был жив. Поднимал свою винодельческую империю? Сколачивал состояние? Или поднимался сам? Разве это важно, если в момент, когда был нужен больше всего на свете, его не было рядом.

Можно сколько угодно твердить, что в Маргарите сейчас говорит юная обиженная девочка, привыкшая, что её из любой передраги вызволит Чернышевский. Но ей ведь достаточно было какой-то весточки, знать, что жив. Но теперь много воды утекло. Теперь у неё есть Кирилл. Теперь они с Олегом по разные стороны баррикад.

— Что же... — благодушно ухмыльнувшись, протянул Чернышевский, обращая внимание на девушку. На сей раз словно с одобрением. После чего, круто повернувшись на пятках, махнул в сторону стола: — Прошу. С удовольствием готов обсудить всё за обедом.

На миг обернувшись к Кириллу, что в каждом движении выдавал нетерпение, Марго прошла к столу. Стараясь не смотреть на Олега, позволила помочь присесть и задвинуть стул. В их обществе не принято выставлять чувства и эмоции напоказ. Будь то неприязнь или раздражение. В их обществе гораздо проще улыбаться в лицо, даже если чувства имели иной оттенок. Это золотое правило Одинцова давно изучила и не собиралась отступать от него.

— Красное? Белое? — с явным превосходством поинтересовался Олег, когда все уселись за стол, а экономка, выставив закуски, принесла небольшое ведерко, наполненное льдом, откуда выглядывали две бутылки вина.

Рошин, сидя напротив, угрюмо молчал. Откинувшись к спинке стула и сложив руки на груди, не спешил отвечать, предоставляя выбор Маргарите. Чернышевский тоже ожидал именно её ответа, вопросительно изучая.

— Пожалуй, — покрутив в руках пустой бокал, девушка с вызовом выдала: — доверюсь вкусу хозяина. Кому как не Вам знать, какое из вин вашей коллекции лучшее подходит к случаю.

— Вы правы, Маргарита, — Чернышевский вытащил из ведра бутылку с красным вином. — Можно я буду Вас называть по старой памяти просто Маргарита?

Не получив ответа, продолжил, попутно открывая бутылку:

— Это вино так и называется Жемчужина. Оно является гордостью нашей компании. Вы не пробовали? — наполняя бокал Одинцовой темно-бордовым, практически кровавым как кровь, напитком.

— Пить вино конкурентов? — решил вмешаться Кирилл, поддаваясь вперед. — Сдается, это дурной тон. Если владельцы компании вместо того, чтобы продвигать своего производителя, будут увлекаться распитием чужих вин, как думаете, что ждет эту компанию? Явно не доверие покупателей.

— Напрасно, — как бы между прочим возразил Олег, — конкурента стоит знать в лицо.

В этом вопросе Марго готова согласиться с Чернышевским. В его словах присутствовала трезвость мышления в ведении бизнеса. Как можно стать лучше, не зная, что готовы представить другие? Но Кирилла с его уверениями бессмысленно переубеждать.

— Я Ваше пробовал, — продолжал Чернышевский. — Не в восторге, конечно, есть к чему стремиться. Но в целом неплохо.

— Это говорите мне Вы — человек, который без году неделю находится на уровне более-менее приличного рынка? — вспыхнул Рошин, недовольно скрипнув зубами.

Еще пара выпадов со стороны Чернышевского и Кирилл взорвется, поставив под угрозу дальнейшие переговоры. Этого допустить нельзя.

— Стремиться есть к чему даже будучи на высшем уровне, — тактично встряла Марго,

глянув на Кирилла. Словно уговаривая предоставить ведение разговора именно ей.

— Маргарита права, — отставляя бутылку, Олег приподнял бокал в знак примирения. — За знакомство?

— За, надеюсь, возможное сотрудничество, — отсалютовав бокалом, предположила Одинцова.

— Практически не сомневаюсь в этом, — согласно кивнул Чернышевский, пригубив вина.

Снова глаза в глаза. Отчего-то девушке привиделось, что Олег рад их случайной (но случайной ли?) встрече. Про себя вряд ли могла сказать с полной уверенностью. В какой-то миг устоявшаяся жизнь пошатнулась и это вызывало противоречия.

Одинцова медленно перевела взгляд на Кирилла, что не торопился вмешиваться. Послала ему немую мольбу. Когда Роцин приподнял свой бокал, сделала короткий глоток.

На вкус вино действительно оказалось неплохим. Что лукавить, оно было отменным и не напрасно считалось лучшим в коллекции Чернышевского. Терпковатый привкус с легкой сладостью. Едва уловимый аромат ванили вперемешку с более отчетливыми нотками черной смородины. Горечь и сладость одновременно. Необычное сочетание. Но стоит отметить выгодное и удачное.

— Это столовое полусухое, — заметив немое восхищение Марго, пояснил Олег. — Трехлетняя выдержка. Полученное с помощью купажа нескольких сортов винограда. Как ранних, так и поздних.

— Неплохо, — сделав короткий глоток, не мог не отметить Кирилл. — Похоже на Каберне Совиньон.

— Не совсем, — усмехнулся Олег. — Это было бы слишком просто.

— Не поделитесь секретом? — заранее предугадывая ответ, спросила девушка.

Хотя сама не уверена, имела в виду вино, или нечто большее. Секрет выживания? Секрет головокружительного и скорого успеха?

— С Вами, милая Маргарита, — явно выдавая в собственных словах скрытый смысл, уверенно проговорил Чернышевский, — всенепременно. Но всему свое время. Если я прямо сейчас раскрою секрет лучшего нашего вина конкурентам, а они начнут производить нечто подобное, как думаете, можно ли это будет продолжать считать нашей фишкой и гордостью? — поворачиваясь к Роцину.

— Да Вы стратег, Олег Вячеславович. — Кирилл, отставив в сторону бокал, принялся за обед. Ловко орудуя ножом и разрезая стейк, добавил: — Далеко пойдете.

Оставив замечание, Олег, следуя примеру вероятного соперника, потянулся к столовым приборам, не прекращая следить за Маргаритой.

Девушка, переводя взор с одного мужчины на другого, так и не заставила себя проглотить хоть кусочек. Еда — последнее, что волновало в данный момент. Как думать о чем-то приземленном, когда жизнь принимает столь неожиданные повороты? Когда сидишь между двумя мужчинами, без сомнения, сильными и властными. Один из которых буквально вырвал из лап прошлых скитаний и бед. А второй... Однажды пытался это сделать, но не смог. Оба самоуверенные и серьезные. Понимающий без слов когда-то, и уверенный, что понимает сейчас. В чем-то похожие, но слишком разные. Оба по-своему дороги Маргарите.

Возможно, при других обстоятельствах им бы удалось если не подружиться, найти общий язык. Но располагаясь не только по разные стороны за столом, они были по разные стороны жизни в целом. В другой ситуации попыталась что-то изменить, в том числе свой

выбор, но сейчас он заранее предрешен.

— Как Вы относитесь к сотрудничеству? — спустя минут пять молчания, резко выдал Рошин, отложив приборы.

— Зависит от того, что именно имеете в виду под сотрудничеством? — продолжая есть, отмахнулся Олег.

Кажется, его почти не волновало происходящее. Выглядел Чернышевский вполне миролюбиво и спокойно. Чего нельзя сказать о Кирилле. Он словно на иголках. Это не предвещало хорошего.

— Вы же прекрасно знаете, что я имею в виду! — поддаваясь вперед, с нажимом повторил Рошин. Приподняв бокал, прошипел: — Производство элитного вина, безусловно, прекрасно, но Вы должны отдавать отчет, что в одиночку долго на плаву не продержитесь.

— Интересно знать, откуда уверенность? — отодвинув тарелку, Олег сложил руки на груди, вопросительно уставившись на Рошина.

— Многолетний опыт ведения бизнеса, — фыркнул Кирилл. — В отличие от Вас. За последние годы, знаете, сколько таких компаний, как Жемчужина, я повстречал? Бесчисленное количество. Знаете, скольким из них удалось закрепить свое положение и реально удержаться на рынке?

— И сколько же? — покрутив в руках бокал, снисходительно хмыкнул Чернышевский.

— Единицы.

— Все с чего-то начинают, — нашел, казалось, веский довод Олег. — Если не вышло у кого-то, не значит, что не получится у меня. Риск — благородное дело.

Здесь Марго согласна с Чернышевским. Риск — единственное, куда ввязываясь, могла выйти победительницей. Не всегда оправдан, не всегда помогал, но не пытаюсь, сидела бы в клетке до сих пор, исполняя чужие прихоти. Не зря говорят: кто не рискует, не пьет шампанского. Правда, риск со стороны Олега ей с Рошиным совсем не на руку.

— Если он оправдан, — осушив стакан, бросил Кирилл. — Я предполагал, что Вы разумнее и понимаете, что такие предложения, как сейчас, делаю далеко не каждому. Признайтесь себе, наконец, что это Ваш единственный шанс.

— Шанс, простите чего? — без малейшей перемены в настроении и голосе не сдавался Чернышевский. — Подарить Вам безвозмездно возможность влиться в Internal Group за счет моей компании и получить мгновенное признание в Западной Европе?

— Если и так? — не скрывая истинных намерений за маской вежливости. — Что плохого в слиянии с одной из крупнейших компаний страны? Вам ли не понимать, что без нас Жемчужине нет хода в Internal Group?

— Раз так, не понимаю, почему Вы так распереживались, Кирилл Сергеевич? Мы не заримся на Вашу славу. Просто позвольте нам мирно существовать на рынке и все.

Маргарита по мере течения разговора переводила взгляд с одного мужчины на другого, пытаюсь поймать нужный момент, когда можно вмешаться. Но с каждой секундой обстановка накалялась, мужчины в словесных перепалках её практически не замечали.

— Чернышевский, давай начистоту, — переходя на «ты» и забывая об остатках вежливости прикрикнул Кирилл. Это могло говорить об одном — его терпение лопнуло, — ты готов на слияние с Golden Grove?

— Нет.

Однозначный, четкий, лаконичный ответ. Не терпящий возражений или рассуждений. В голосе Олега сквозила сталь. В глазах — ледяной холод. Уверенность в каждом движении.

Каждом вздохе. Он не сдастся. Маргарита чувствовала. Независимо от причины. Не уступит. Сейчас запросто наживет себе врага в лице Кирилла, но не изменит решения.

Глядя, как Роцин резко подхватывается со стула и в сердцах бросает салфетку на стол, каким взглядом окидывает невозмутимого с виду Чернышевского, Марго сотни раз пожалела, что пришли сюда. Что Олег оказался настолько упертым и не желающим идти на компромисс. Не потому, что эта встреча всколыхнула прошлое. Оттого что принесет новые потрясения в настоящем.

Отдавала себе отчет, что Кирилл не отступится. О том, что Олег пойдет на уступки больше не могло быть и речи.

— Ты уверен? — сощурившись, с нажимом уточнил Кирилл.

— Более чем, — поднимаясь следом, равнодушно отмахнулся Олег.

— Ты еще об этом пожалеешь! — гневно выплюнул Роцин и, резко повернувшись к сидящей девушке, хватая за руку, шикнул: — Маргарита, поднимайся! Мы уходим!

— Кирилл, — насупившись, Одинцова встала, но уверенно высвободила ладонь, не давая увести себя.

— Что? — нахмутив брови, мужчина застыл на пороге, явно недовольный перспективе оставаться в этом доме хоть на минуту.

— Ты иди, а я... — оглянувшись к Олегу, что выжидающе смотрел на неё. — Я сейчас, Кирилл.

— Маргарита, — махнув перед Одинцовой указательным пальцем, Роцин сдался: — две минуты, и мы уезжаем. — Вместе с чем выскочил в коридор.

Проводив взглядом Кирилла, Маргарита на выдохе пробормотала:

— Ты жив.

— Жив, — шагнув к девушке, утвердительно кивнул Чернышевский.

С лица словно спала невозмутимая маска равнодушия и серьезности, сменяясь легкой улыбкой. Искренней. Настоящей. Не в пример тому оскалу, который Олег показывал в присутствии Кирилла.

— Я... рада, — только и смогла проговорить.

Кажется, всякая способность трезво мыслить испарилась. Слова, которыми собиралась поделиться улетучились, оставляя вместо себя шок и недоумение.

— Рит, — сокращая расстояние до минимума, едва слышно пробубнил Чернышевский, — прости, что не уберег тебя.

— Не стоит вспоминать об этом, — глубоко втянув воздух, Одинцова пыталась держать эмоции под контролем. — Это давно в прошлом.

— Ты изменилась, — посерьезнев, отметил мужчина.

— Ты тоже, — усмехнулась Марго. — Жизнь не стоит на месте.

Хотела еще сказать о чем-то. Возможно, спросить. Но громкая трель мобильного где-то в сумочке спустила с небес на землю. Обрушила в реальность.

— Кирилл, — не вытаскивая телефон, прекрасно знала от кого звонок. Лишь невидяще глянула на сумочку. После снова на Олега, добавив: — Мне пора.

— Будь осторожна, — ухмыльнувшись при упоминании Роцина, мужчина сунул руки в карманы и отвернулся.

— Подумай, пожалуйста, еще раз о предложении Кирилла, — пропуская слова Олега мимо ушей, зачем-то попросила, когда звонок умолк.

— Я подумаю, — не оборачиваясь, Чернышевский прошел к окну, на ходу отмечая: —

чтобы еще раз убедиться в правильности своего решения.

— Олег, не глупи.

Маргарита мысленно сотни раз проклинала себя, что стоит перед этим мужчиной и путается в чем-то убедить. Но смолчать не могла. Ради Кирилла или все же ради... Олега?

— Рит, иди, а, — когда мобильный снова требовательно зазвонил, напоминания о Рощине. — Сейчас не лучшее время для разговоров. Потом поговорим.

Секунды Маргарита изучала профиль мужчины. Вроде знакомого, но на деле совсем неизведанного для неё. Подбирала слова прощания. Вопросы. Но не решившись ни на что, круто развернулась на каблучках и поспешно вышла из гостиной, едва не срываясь на бег.

За последние несколько часов что-то изменилось. Она слабо представляла, что именно. Но внутренний голос отчаянно вопил, что её мирная жизнь скоро попадет в крутые виражи и повороты. Самое страшное, что избежать их не дано.

— Маргарита, твою мать, чего ты с ним любезничала так долго? — на улице встретил раздраженный Кирилл. Облокотившись на капот автомобиля, нервно затягивался сигаретой.

— Я не любезничала, — холодно оборвала Одинцова, обходя машину и усаживаясь на свое место. — Я просто еще раз... — с упреком обращаясь к забравшемуся в салон мужчине: — более тактично, попросила подумать о нашем предложении.

— И? — включая зажигание, Роцин резко сорвался с места, оставляя позади себя клубы пыли. Словно этим высказывая непочтение хозяину поместья.

— Он подумает, — вздохнула девушка, отвернувшись к боковому стеклу.

Десятки минут ехали в молчании, осмысливая произошедшее недавно, прежде чем Роцин разразился проклятиями:

— Х*ена с два! Подумает он! — выжимая педаль газа. — Ты решила, что я собираюсь ждать, пока этот молокосос будет водить меня за нос?

— Кирилл, тише, — попросила Одинцова не кричать и одновременно с тем сбавить темп.

Несмотря на её любовь к скорости, гонять предпочитала сама. У Кирилла это выходило хоть и достаточно ловко, отчего-то пугающе.

— Нет, подумать только! Какая-то с*ка будет учить меня, как вести бизнес? — Роцин вряд ли услышал просьбы, заводясь сильнее. — Нет, я ожидал, что он заартачится, но чтобы так! Он, видать, еще не понял кому перешел дорогу.

Давненько Марго его подобным не видела. Таким практически никогда. За редкими исключениями, но это было в то время, когда она становилась на ноги. Теперь подобное поведение при ней было нонсенсом. До сегодняшнего дня. Тот факт, что причина в мужчине, некогда близком ей самой, заводил в тупик.

— Кирилл, своими криками ты ничего не добьешься, — очередная попытка достучаться.

— Маргарита, не тебе меня учить! Криками не добьюсь, но благо способов предостаточно! — Выдохнувшись, мужчина замолчал, когда на горизонте показался их дом. Стоило машине со свистом тормозов застыть у порога, Роцин на удивление спокойно выдал, повернувшись к девушке: — Ты сказала, что знакома с ним.

— Это было очень давно, — невразумительно махнула головой, не желая рассказывать о том, что связывало её с Олегом.

Впервые в жизни хотела удержать что-то втайне от Роцина. Может, в этом причина? Кирилл досконально её знает. А Олег та ниточка, связующая с прошлым, куда ни одной

живой душе ход заказан.

— Маргарита, посмотри на меня, — протягивая руку к девушке, Кирилл ухватил за подбородок и повернул на себя, озвучивая догадку: — Ты с ним спала.

— Я с ним не спала! — возразила Одинцова.

Ожидала подобного обвинения. Но когда услышала, не смогла спокойно воспринять и позволить Рошину думать именно в таком ключе. Представить, что она и Олег... Нет, это смешно!

— Поэтому за столом он пожирал тебя глазами, — на скулах мужчины заходили желваки.

Что это? Неужели ревность? Он никогда не ревновал. Прекрасно памятуя о её прошлом. Полностью принимая всё. Понимая, что не её вина в случившемся. А тут... Подумать только — ревность, да еще к кому? К Чернышевскому! К близкому старому другу!

— Кирилл, повторяю, я с ним не спала! — прикрикнула Одинцова.

— Брось ты дурочку валять! — притягивая Марго к себе, Рошин, сощурившись, всматривался в её лицо. — А то я не понял ничего! За идиота держишь?

— Рошин, отпусти, мне больно! — прикусив губу, прошипела.

— Знаешь, что? — хохотнув, мужчина спешно отстранился от Маргариты. — Мы ведь можем использовать это в наших целях.

— Что? — девушка с ужасом уставилась на Кирилла, пытаясь понять, он ли сейчас рядом.

Отдавала отчет, что этот человек далеко не ангел и всегда принимала таким, как есть. Но это выходило за все мыслимые рамки.

— Я не заставляю тебя с ним снова спать, — откинувшись к спинке сиденья, Рошин уставился куда-то вдаль, явно довольный собственной безумной идеей, — просто направим твоё обаяние в нужное русло. Что-то мне подсказывает, что этот сосунок не устоит.

— Ты серьезно? — неверующе переспросила Маргарита.

Получив утвердительный кивок, прекратила держать эмоции под замком — замахнулась и вlepила звонкую пощечину. Прежде чем последовала реакция, выпрыгнула из авто и, спотыкаясь на камушках, побежала в дом.

Одинцовой необходимо побыть одной. Осмыслить произошедшее за сегодняшний день. Неоднозначное предложение Кирилла, которое меньше всего ожидала когда-либо услышать. Внезапное и странное воскрешение Олега спустя столько лет. Стоит понять, как относиться к каждому событию по отдельности. И всему вместе. Как реагировать?

До сегодня Марго казалось, что знает людей, которые её окружают. До сегодня была уверена в стабильности собственного положения. Оказалось, все слишком шатко.

Есть Рошин, который спас её, помог. Которого считала единственным близким человеком. И который выдвигает столь мерзкие предложения.

Есть Чернышевский. Который чудом оказался жив. Который, кажется, по-прежнему безразличен к ней. Но который так непростительно пропал на долгие годы. Именно те, когда был необходим.

И есть она, Маргарита Одинцова. Которая, как подсказывал внутренний голос, отныне меж двух огней...

— Входите! — шагнув из ванной, на ходу вытирая волосы, окликнула Марго, когда услышала приглушенный стук.

Судя по тому как незамедлительно распахнулась дверь, пришедший только и ждал ответа. Не глядя на посетителя, девушка присела за туалетный столик, лоя в зеркале отражение мужчины. Кирилл. Конечно, он. Кто же еще. Удивительно, как постучался. Зачастую этот человек предпочитал рываться без стука.

— Доброе утро, — застыв посреди спальни, невозмутимо заговорил Роцин, буравя спину Маргариты хмурым взглядом.

— Доброе, — отбросив полотенце на стоящую рядом софу, встряхнула головой, отводя густую копну волос назад, и потянулась за кремом.

Полна равнодушия и невозмутимости. Словно её совершенно не волновало, что в комнате не одна и за спиной Кирилл. Одинцова давно привыкла к подобному своеволию со стороны мужчины. Если ранее пыталась сдерживаться и вести себя подобающе положению, после вчерашнего, когда Роцин открылся с иной стороны, понимание реальности исказилось. Как и собственное положение в этом доме.

— Я думал, ты спишь, — спустя минуты бесполезного молчания, сообразив, что она первая не собирается заводить разговор, подметил Кирилл. — Рано совсем.

— Ты же знаешь, в Роце я предпочитаю вставать рано, — тщательно втирая крем в лицо, безразлично оборвала Марго.

Отмечая, что стрелка часов приближалась к половине восьмого утра. Не так уж рано. Иногда, будучи в поселке, вставала с первыми солнечными лучами, желая насладиться рассветом и одиночеством, которое в эти часы воистину блаженное и умиротворяющее. Сегодня задержалась, позволив себе дольше понежиться в теплой успокаивающей ванне. К тому же, когда осень неумолимо вступала в свои права, светало гораздо позже.

А почему Роцин бродил по дому в такой час, да еще судя по деловому официальному костюму, при полном параде, оставалось вопросом. Впрочем, Маргарита не собиралась вдаваться в глубокие размышления по этому поводу. Захочет — расскажет.

— Ты еще дуешься за вчерашнее? — подходя ближе, прошептал Кирилл, склоняясь к ушку девушки.

— Я не в том положении, чтобы дуться на тебя, — потянувшись к пудре, напрочь игнорируя непосредственную близость мужчины, хмыкнула Одинцова.

Дулась ли на самом деле? Хороший вопрос. Скорее не понимала, как далее относиться к сложившейся ситуации. Как воспринимать Кирилла. Поначалу, безусловно, разозлилась. Очень сильно. Иначе ни за что не позволила себе такую вольность, как пощечина. Не сказать, что боялась Роцина, но отлично знала, каким он может быть. Пускай не с ней, с другими, но умел быть жестким. К тому же их отношения не предполагали рукоприкладства. Как оказалось, до вчерашнего дня.

Марго вспылила. Да так, что не рискнула выйти вечером к ужину. Ожидала, что Кирилл настоит на разговоре вечером. Но, видимо, он не меньше был озадачен и предпочел дать время на размышления. Правда, толку это не принесло. Проворочавшись полночи без сна, Одинцова пришла к кое-каким выводам. Кирилл, конечно, наговорил глупостей. Но, возможно, где-то прав? Сам сказал, что не заставит спать с Олегом. Нужно лишь применить

обаяние. Маргарита и сама планировала нечто подобное до тех пор, пока не узнала, кто является непосредственным конкурентом.

Легкий, ни к чему не обязывающий, флирт. Разве это преступление? Она не собиралась прыгать в постель тогда еще неизвестного. По сути, если вдуматься, вчера Роцин просто огласил её мысли. Немного в грубоватой форме.

Не мог предложить чего-то запредельного. Зная о её прошлом. Памятуя с каким трудом удалось его пережить и начать с чистого листа. Не после того как спас и закрыл глаза на всё, что большинство не прощает вовсе. Кирилл не способен причинить вред. Он ревнует её. И любит. Своеобразно, но любит. В этом практически уверена.

Поэтому вчерашней ночью Одинцова пришла к мысли, что просто недопоняла. В конце концов, Роцин весь день был на нервах. В таком состоянии чего не наплетешь. Придерживаясь такого объяснения, становилось легче. Это не разрушало веру в Кирилла. Не забыть в одночасье вчерашний инцидент и вести себя как ни в чем не бывало не могла. До тех пор, пока не получит более-менее обнадеживающее подтверждение своим умозаключениям.

— Марго, что ты в самом деле? — осторожно проведя шершавой ладонью по нежной шее, на выдохе пробормотал Кирилл и присел сзади на корточки. — Прости, — легонько прикусив мочку уха девушки: — я вчера немного погорячился. С кем не бывает. Сама понимаешь в каком я состоянии. Из-за этого Чернышевского мы словно на пороховой бочке.

— Кирилл, я понимаю не хуже тебя, — прикрыв веки, Одинцова втянула в легкие воздух.

Прикосновения Роцина не вызывали ни капли эмоций. Она и не думала о желании. Но элементарная дрожь или трепет должны ведь присутствовать? Но... ничего. Самое удивительное, это давно стало обыденностью. Жизнью, к которой Маргарита привыкла. С которой смирилась и давно не обращала внимания. Но почему сегодня этот нюанс отчетливо впечатывался в сознание, не отпуская?

Пожалуй, об этом и многом другом подумает как-нибудь потом. Этот вопрос неоднократно напомнит о себе. Но сейчас не намерена менять распорядок дня ради очередной прихоти Кирилла. Уклонившись от ненавязчивой ласки, послала укоряющий взгляд через зеркало. Отложив пудреницу на место, поднялась из-за столика.

— Да что с тобой сегодня? — подхватившись следом, ворчливо прикрикнул Роцин.

— Кирилл, извини, но я планировала конную прогулку, — без тени сожаления пояснила Маргарита.

Вытащив из шкафа, встроенного в стене, брюки и блузку специально подходящие к такому случаю, совершенно не стесняясь, что находится в одной комнате с мужчиной, развязала узелок на шелковом халатике и позволила тому упорхнуть к ногам.

Одеваясь, ощущала на себе внимание. Прекрасно знала, что Кирилл не постесняется и, пользуясь случаем, в который раз досконально изучит каждый изгиб её оголенного тела. Но Маргарите без разницы. Ей нечего стесняться. Можно подумать он чего-то не видел. Сама же давно избавилась от способности краснеть перед мужчинами. Даже в подобном виде. В особенности перед Роциным.

— Опять ты со своими прогулками, — фыркнул мужчина и, сунув руки в карманы, отошел к окну. Но продолжая украдкой следить за действиями девушки, что медленно, словно провоцируя, натягивала на себя брюки.

— Кирилл, я не собираюсь с тобой спорить, — справившись со штанами, ловко

застегивая пуговички на белоснежной блузке: — Тебе все равно не понять.

— Конечно, куда мне, — не без иронии передразнил. — Марго, я бы на твоём месте волновался по другому поводу.

На замечание не последовало ответа — Одинцова, с видом полнейшей невозмутимости, натянув жилетку, расчесывала подсохшие волосы. И Кирилл заявил:

— После вчерашней встречи я сделал для себя выводы. Этот... — подбирая подходящие слова, Роцин, поймав немой вопрос, выплюнул: — Чернышевский явно нарывается. Или у него за спиной стоит большая шишка. Иначе не пер бы как танк. На человека, действующего спонтанно и импульсивно он не похож.

— К чему ты клонишь? — упоминания Олега сделало свое. Маргарита больше не могла равнодушно реагировать на слова Кирилла.

— Я вчера связался с нужными людьми. Мне пообещали представить о нём полную информацию в ближайшие дни, — присев на край кровати, задумчиво отметил мужчина. — В зависимости от этого предстоит думать, какие меры предпринимать. Если он действует в одиночку, мне и самому не составит труда решить с ним вопрос.

— А если нет? — Марго, казалось, дышать перестала.

Она могла себе представить вероятные способы решения проблем Роциным. Никогда не знала наверняка, но предполагала, что они далеки от законных. Отчего-то осознание того, что отныне под ударом является именно Олег, не добавляло уверенности и спокойствия.

— Даже на такого как он найдется управа, — поднявшись, Кирилл подошел ближе к Маргарите и, обхватив ладонями лицо, коротко чмокнул в лоб. После отстранившись, направился к выходу и бросил: — Как бы там ни было, пока информации нет, будем ждать.

— Кирилл? — нахмурившись, неуверенно позвала девушка. — Может, мне стоит встретиться с ним еще раз?

Вопрос слетел с уст прежде, чем Одинцова успела взвесить «за» и «против». Она рисковала. Но встреча могла не просто помочь Кириллу. Скорее она могла помочь самому Олегу. Уберечь от нежелательных последствий намечающейся негласной войны с Роциным. А еще расставить что-то по местам для неё самой. Чем мотивировалась в данный момент сложно ответить.

— Нет, — обернувшись у порога, категорично оборвал мужчину. — Тебе пока лучше не высываться. Для начала посмотрим, что предпримет Чернышевский.

— Хорошо, — умело скрывая разочарование, рискующее вырваться наружу, кивнула. — Ты куда-то собрался?

— В город. Скорее всего, буду поздно. Можешь не ждать.

На том, не прощаясь, Роцин вышел из спальни. Несколько минут Марго бессмысленно глядела вслед. После устало опустившись на софу, прикрыла лицо ладонями. Предчувствие наступающей бури в эти мгновения как нельзя ощутимо.

Ледяная хладнокровность, скользкая в движениях и словах Кирилла, наводила на размышления. С одной стороны Марго должно стать легче. Роцин извинился. Пускай в своей манере, но покаяться с цветами и на коленях от него ожидать не стоило. Он вроде отказался от затеи воздействовать на Олега с её помощью. Более того, отмел вероятность повторной встречи. Все вкуче должно радовать. Но отчего-то не радовало.

Кирилл не расспрашивал, где и при каких обстоятельствах познакомилась с Чернышевским. Это можно списать на познания о её прошлом. Но обычно, когда затрагивались интересы бизнеса, любые другие интересы, в том числе запретные темы,

отходили на второй план. Но и здесь сдержался. Он, вообще, казался спокойным и невозмутимым, что странно. По сравнению со вчерашним поведением.

Еще эта поездка в город... Нет, она не в новинку. Обычно приезжая в Золотую Рощу, мужчина регулярно навещал в областной центр решать деловые вопросы. В чем они заключались, Маргариту особо не интересовало. Но сегодня пыталась найти подвох. Зацепку или связь относительно предстоящих разборок с Олегом.

В какой-то момент вспыхнула идея, раз Кирилл не будет дома, поехать к Чернышевскому и напрямую спросить, что значит его появление. Но она скоро улетучилась. Ни к чему толковому это не приведет. Рошин не дурак и при случае узнает. В конце концов, охрану не стоит сбрасывать со счетов. С их подачи поездка запросто получит новый неприятный оттенок и принесет лишние проблемы.

И Олег... Что знает об этом мужчине? Ровным счетом ничего. Как оказалось, никогда не знала. Это раньше был лучшим другом, вытаскивал из передряг, не боясь ничего. Это раньше считалась для него кем-то действительно важным. А теперь? Что-то изменилось. Где гарантия, что она, как и прежде, безразлична Чернышевскому?

Внутренний голос едва не завопил, что сомневаться не стоит. Олег, быть может, и стал другим, но отношение к Марго осталось былым. Чего стоят взгляды. Коротких минут общения наедине хватило, чтобы понять — ничего не изменилось. Иначе не прозвучали бы напутствия на осторожность.

Тряхнув головой, Маргарита, рванула к выходу. Необходимо успокоиться. Обрести трезвость мысли, которая то и дело ускользала, как ни пыталась разложить все по полочкам. Поможет одно — дикий галоп со Страстью. Это и ничто другое.

Забрав из конюшни любимую лошадь, по традиции приготовленную для утренней прогулки, уже через полчаса Одинцова мчалась по широкой тропе к излюбленному месту у реки. Ветер безжалостно хлестал по лицу, играя со спутавшимися волосами.

Вот она, настоящая свобода!

Прикрыла очи, наслаждаясь блаженством момента. Не сразу сообразила, что помимо шороха, создаваемого Страстью, где-то рядом эхом отдается аналогичный хруст мелких веточек и шелест опавших листьев. Когда расслышала стук копыт, издаваемый не её лошадью, вздрогнув и возвращаясь в реальность, несмело обернулась.

На расстоянии ста метров за ней мчался неизвестный всадник на огромном вороном скакуне. Из-за скорости трудно разглядеть лицо. Но глядя на силуэт и понимая, что пытается догнать именно её, предчувствие подкинуло единственный возможный вариант. Не было в Роще и в близлежащих краях того, кто подобно Маргарите, занимался верховой ездой. За более чем пять лет своего увлечения знала наверняка. До тех пор, пока не объявился Чернышевский. Лишь он способен так нагло и вальяжно вломиться на чужую территорию. Для чего оставалось загадкой. Но ощущение неизбежности не покидало.

Дабы проверить предположения, Одинцова пригнулась к спине Страсти, заставляя ту ускориться. Когда через пару минут езды, резко натянув поводья, остановила лошадь у реки, сомнений в том, кого увидит, не оставалось. По телу лихорадочно растекался внутренний трепет.

Соскочив с кобылки и погладив у шеи, Марго повернулась к гарцевавшему рядом скакуну. Фыркая и недоумевая, тот послушался хозяина и остановился в стороне. Вместе с чем всадник ловко спрыгнул на землю. Как и девушка погладил вороного и медленно повернувшись, двинул в её сторону. В простых брюках, высоких ездовых сапогах и

белоснежной рубашке, слегка расстегнутой на груди. Весь уверенный и невозмутимый. Серьезный. Прожигая и изучая одновременно.

Маргарита сильнее вжалась в Страсть. В голове мысль: *опасность*. В опасности сосредоточение всего. Этой встречи. Этого мужчины. Предстоящего будущего.

— Ловко ты с ней справляешься, — как ни в чем не бывало, будто и нет между ними пропасти в десяток лет, мужчина подошел ближе и потрепал кобылку за гриву.

— Чего там справляться. Это моя Страсть, — повернувшись к лошади, зачем-то призналась Марго. Трудно сказать, что имела в виду, упоминая «страсть». Имя лошади, или нечто иное.

— От тебя стоило ожидать подобного, — слабо улыбнувшись, отметил: — Ты всегда была смелой и отчаянной.

Что ответить не знала. Вроде много раз представляла, что было бы, окажись Олег жив? Как реагировала. Даже несколько часов назад, зная наверняка, что им предстоит снова встретиться, придумывала столько вопросов, столько важных слов... Где он был все время? Как жил? Чем жил? Как справлялся? Как добился высот? Зачем появился именно сейчас?

Что в итоге? Стояла и не представляла, как себя вести. Терялась. Впервые за многие годы по-настоящему терялась перед мужчиной. Наверное, именно из-за растерянности и вырвался самый нелепый и неправильный вопрос. Вопрос, попытки ответа на который так уверенно отмела при прошлой встрече.

— Где ты был все это время, Олег? — с отчаянием заглядывая в голубые глаза.

Скорее всего, Маргарита выглядела по-детски наивно и глупо. В какой-то миг словно вернулась в прошлое. Туда, где она еще маленькая наивная девочка Ритка. И всегда рядом Олег. Почти всегда.

— Рит, это сложно объяснить, — с сожалением выдохнул мужчина.

Вопрос ввел его в ступор. Он не меньше печалился о несбывшемся. А может больше? Кто знает...

— Ты попробуй, — вздохнув, Марго прошла в сторону реки, всматриваясь к противоположному берегу.

— Рит, придет время, ты обязательно обо всем узнаешь, — подкрадываясь сзади, виновато пробормотал Чернышевский.

— Когда придет? Почти двенадцать лет, Олег, — обхватив себя за плечи, Одинцова не решалась посмотреть на мужчину, опасаясь, что в этот раз не удержится под контролем. — Вдумайся! Двенадцать лет я жила с мыслью, что тебя там убили вместе с Пашкой. Что я вижу? Ты жив, здоров и, кажется, не слишком бедствуешь. Неужели тебе этого мало?

— Рита, если бы всё зависело от меня, — подойдя до неприличного близко как для случайного знакомого, осторожно сжал девичьи плечи, пытаюсь развернуть к себе.

— Конечно, понимаю, — ухмыльнувшись, Марго подчинилась. Не поднимая лица: — Бизнес прежде всего. Для вас мужчин всегда на первом месте удовлетворение собственных амбиций. Деньги, власть, признание. Ты не исключение, так? — вздернув подбородок, с вызовом вперилась в Чернышевского.

— Нет, Рит, — отрицательно качнув головой, с грустью в голосе признался Олег. — Дело не в бизнесе. И не в деньгах. Просто поверь мне.

В ответ девушка, отворачиваясь, усмехнулась. Доверие — последнее, что может дать. Способность доверять у неё украли в далеком прошлом. Скорее, чем все остальное. И он просит о доверии. Имеет ли право?

— Рита, скажи, — не получив желаемого ответа, осторожно приподнял двумя пальцами подбородок, заставляя Одинцову посмотреть на себя: — ты можешь поверить?

— Ты не знаешь, о чем просишь, Олег, — фыркнув, Маргарита освободилась и отступила. — Доверие хрупкая вещь. Расколов единожды, его нельзя склеить снова, — присев на край обрыва, подхватила с земли пару камушков и машинально пустила в реку. — Я не могу доверять тебе после того, что узнала вчера. Несмотря на нашу дружбу в прошлом. Я отчетливо понимаю, что толком не знала тебя никогда.

— А кому ты можешь доверять? — усаживаясь рядом, устало вздохнул, провожая взором очередной гольщ, брошенный девушкой. — Рощину?

— Его, по крайней мере, я знаю хорошо.

— Так уверена, что знаешь? — запустив камушек вслед за Ритой. — Беспрекословно внимая тому, что тебе говорят, не означает, что ты знаешь человека досконально. В большинстве случаев внешняя картинка — оболочка. Что находится внутри порой трудно понять самому посвященному человеку. Неужели ты уверена, что являешься для Рощина действительно близкой?

Снова вопрос, ответить на который Маргарита не готова. Не сейчас. Быть может, услышь его вчера утром, безусловно, ответ был утвердительным. Но сегодня что-то менялось. Невзирая на утренние извинения Кирилла осадок на душе остался. Странное ощущение ореола тайн вокруг Рощина, что появилось сегодня в разговоре с ним, после слов Чернышевского вспыхнуло с новой силой. Это мало радовало.

Снова копаться в прошлом, искать изъяны и недостатки в человеке, который сделал для неё гораздо больше, чем кто-то либо другой, не хотелось. Не хотелось обсуждать этот момент. Тем более с Олегом. Который и сам не лыком шит, одна сплошная загадка.

— Чернышевский, тебе какое дело? — подхватившись, Марго отряхнула с ног сухие травинки. — Ты столько времени шляешься черти где, а теперь появляешься и пытаешься меня убедить, что я живу неправильно. Ни много на себя берешь?

— Рита, я не говорю, что ты живешь неправильно! — подскочив следом, вспыхнул мужчина. — Я хочу помочь тебе разобраться с кем ты живешь и как! Чтобы ты поняла, наконец, для чего нужна своему Рощину!

— С чего ты взял, что я хочу этого? — став в позу, с вызовом выкрикнула Одинцова. — Между прочим, мне неплохо жилось до твоего появления! Зачем влез? Считаешь, что, связываясь с Кириллом, делаешь кому-то лучше? Ты делаешь в первую очередь хуже себе!

— Ритка, да послушай меня! — нагоняя девушку, когда та бросилась к лошади с намерением сбежать. Хватая за запястье, попытался развернуть. — В тебе говорит обида. Но я прошу тебя! Ты ведь неглупая. Подумай и трезво оцени ситуацию. Неужели ни разу за все время, пока живешь с Рощиным, не замечала за ним чего-то странного?

— Олег, давай начистоту. Хватит говорить загадками. Хочешь что-то сказать — говори! Что я должна заметить? Я прекрасно знаю, что Кирилл не ангел. Но не нужно настраивать меня против него! Если считаешь, что подобный способ поможет скорее продвинуться в бизнесе, смею огорчить — не поможет. Кирилл сожрет тебя и не поперхнется. Даже без меня! У него свои методы. И хочу предупредить: кажется, он уже пустил их в оборот. Со дня на день у него будет полное досье на тебя и тогда посмотрим, кто и о ком чего не знает!

— Вот и ответила на вопрос, — улыбнувшись, выдал Чернышевский. — Осталось сделать правильные выводы.

— Слушай, чего ты хочешь? — закатив веки, устало протянула Марго.

Разбираться в словах Олега, которые походили на головоломки, не в состоянии. Но еще надеялась получить исчерпывающее пояснение.

— Я уже сказал, что хочу тебе помочь.

— Ёлки-палки, Чернышевский, где ты был со своей помощью, когда я сидела в заточении в мерзкой Инанне [Ш](#)? — слова сами слетали с губ. Маргарита срывалась. Немного позже не раз пожалеет о сказанном, но сейчас не в силах замолчать. — Когда меня подкладывали под каждого встречного-поперечного толстосума, готового вывалить кругленькую сумму? Когда меня... когда я... — хватая воздух, как выброшенная на берег рыба. На глаза навернулись слезы и Марго, тряхнув головой, дернулась, пытаясь освободить руку из мужского захвата: — Отпусти уже меня!

Вырвавшись, пользуясь мимолетным замешательством Олега, запрыгнула на Страсть, что мирно щипала травку. Пуститься вскачь не успела. Реакция Чернышевского была молниеносной. Выбежав вперед лошади, перехватил узды останавливая. Удерживая кобылку, заговорил:

— Прости, что тогда не смог помочь тебе. Что не нашел способа, возможности. Но прошу об одном, Рита. Дай мне шанс. Не исправить. К сожалению, при всем желании у меня нет такой власти, чтобы вернуть время вспять. Просто дай шанс помочь тебе забыть о том кошмаре.

— Олег, это не тот случай, когда возможно забыть, — возразила Маргарита, закусив губу.

— И все-таки... Не спеши давать окончательный ответ, — отступая, тем самым давая возможность уйти, Чернышевский напоследок выкрикнул: — Если решишься, я буду ждать тебя в этом месте в это же время на протяжении недели!

Отчаяния и мольбы, сквозящей на лице мужчины, Маргарита не видела. Равносильно, как и не слышала, как Чернышевский, едва скрылась в лесной чаще, машинально вытащил из кармана мобильный и, набрав нужный номер, хладнокровно проговорил:

— Рощин клюнул. Сделай так, чтобы он узнал то, что должен знать, — отключившись, мужчина уставился на густое облако пыли, оставшееся от девушки и пробормотал: — Рита-Рита. Маргарита. Она же Грета. Королева. Марго. И моя Жемчужина. Но что ни говори несмотря на невозмутимую браваду, как ни храбрись, ты все та же Ритка...

Одинцова стремглав неслась в направлении особняка. В голове каламбур из мыслей и услышанных от Олега слов. На глазах пелена слез. Тех самых, которые в свое время были произвольной роскошью. И картинки из прошлого. Одна за другой. Те самые, которые сделали её такой. Которые проложили путь метаморфоз её жизни. Превращая из юной наивной Ритки в отрешенную от реальности и оскорбленную на весь мир Грету...

1998 год

— Рит, смотри какая красота! — восхищенно воскликнула Белла, вытащив из шкафа короткое платье кроваво-алого цвета и встряхнув перед девушкой.

— Угу, — безжизненно отозвалась Маргарита, не взглянув на увлеченную нарядами блондинку.

Вместо этого продолжала изучать отражение в зеркале. Бледное лицо. Запавшие веки, синяки под ними и безразличие ко всему, воспроизводящееся в некогда счастливых, карих глазах. Несколько дней и от если не беззаботной, по крайней мере удовлетворенной жизнью девчонки, не осталось следа. Одна горечь потери и равнодушие ко всему. Окончательное и бесповоротное. Желание мести разбилось о пути безвыходной клетки, в которой оказалась.

— Рит, что-то ты совсем раскисла, — отбросив платье на кровать, обеспокоенно отметила Белла.

— Ты думаешь, в моем положении возможно чему-то радоваться? — развернувшись на крутящемся стульчике, гневно прошипела Одинцова, встречаясь взглядом с блондинкой.

Повисла неловкая пауза. Белла пыталась придумать малость достойный ответ. Но судя по всему у неё не особо получилось. Несмотря на жизненный опыт. Несмотря на то что довольно долго вращалась в сомнительных кругах.

Белла была весьма миловидной женщиной лет тридцати. Шикарные, слегка вьющиеся, белокурые волосы. Красивые пронизательные голубые глаза. Эта женщина далеко не глупа и, наверное, именно поэтому ей удалось заполучить в золотой клетке столь высокое и почетное место. Начиная одной из «стаи», стала главной над остальными. Но и этого ей казалось недостаточно. Женщина явно стремилась к большему.

Упрямая и вспыльчивая. Не желающая подчиняться. В этом они схожи с Маргаритой. Но в отличие от Одинцовой, Белла могла и умело подстраивалась под ситуации. Притаившись, выполняла любые указания. Не потому, что боялась противоречить. Выжидала подходящего момента, чтобы показать себя, настоящую. Рите этому предстояло научиться.

Тогда, дня три назад, после первой и пока единственной встречи с Сизым, именно к Белле её привел охранник Сергей. Именно на Беллу возложена почетная миссия ввести Маргариту в курс дела. Да что там? Именно Белла занималась так называемым пополнением, подготавливая, а затем и принаряжая девушек для «работы». Сама женщина давно прошла путь от одной из множества девочек по вызову до дорогостоящей и элитной, для избранных. Сейчас её работа заключалась совершенно в ином и, похоже, это прельщало куда сильнее.

— Рит, — Белла подошла к девушке и присев на корточки, взяла ледяные ладошки в свои, едва слышно заговорив: — прошлого не вернуть. Тебе нужно позаботиться о своей судьбе.

— Хорошая судьба, ничего не скажешь, — не желая выдавать накатывающиеся на глаза слезы, Одинцова спешно отвернулась, прикусив губу. — Всю жизнь мечтала быть чье-то подстилкой.

— Рита, — сильнее сжав руки девушки, — мало кто мечтал о подобной участи. Здесь много девушек, для которых Инанна — реальный шанс выжить. Не оказаться на улице и иметь хоть что-то. Крышу над головой, приличную еду и не самые дешевые вещи. Ты

предпочитаешь остаться одна, на улице, и пойти бомжевать? Или еще лучше — в грязные дешевые проститутки, готовые с любым за сотню?

— Считаешь, это единственный способ заработка? — позволяя слезинке скатиться по щеке, Рита невидяще уставилась на Беллу. — Можно ведь уборщицей, официанткой, продавщицей. Кем угодно! Лучше бомжевать! — на грани отчаяния и истерики. — Потвоему, здесь ложиться под кого-то лучше? Потому что эти «кто-то» толстосумы, готовые вывалить любые деньги за сомнительные развлечения?

— Рит, поверь, я знаю, о чем говорю, — тяжело вздохнув, Белла аккуратно стерла с личика Маргариты слезу. — Ты обязана выстоять. Чем больше будешь сопротивляться, тем быстрее сломаешься. А как же месть за близких тебе людей? Неужели готова так быстро сдаться?

— В то-то и дело, что не готова, — с надеждой всматриваясь в глаза женщины. А потом, как-то неожиданно усмехнувшись отчаянной мысли, пронзившей сознание, наклонилась к блондинке и заговорщицки прошептала: — Помоги сбежать! Ты ведь всё здесь знаешь. Ты здесь своя. Тебя никто не заподозрит!

— Рита, это невозможно, — натянув на лицо маску равнодушия, отрицательно закивала головой. — Ты видела охрану? Здесь куча камер. Тебе все равно далеко не уйти. Хочешь, чтобы тебя пристрелили при побеге? Или хуже того, поймав, устроили такую головомойку, после которой очередной толстосум покажется раем? Поверь, всякое проходили.

В чем-то блондинка права. Кто знает, возможно, когда-то Маргарита найдет здравый смысл в услышанном. Но это будет позже. Ныне сложно смириться. Поверить. Сдаться.

— Понятно.

Освободив ладони, Рита подскочила и отвернулась к окну, всматриваясь вдаль. Туда, где чернел, казалось, беспросветный лес за которым всенепременно должны находиться бескрайние поля и луга. Туда, где гуляет свободный ветер. Где она и сама могла стать свободной.

Глупо просить Беллу о помощи. Кто Рита для неё? Очередная из множества, прошедших через её руки. Интересно, сколько таких наивных дурочек обращались к женщине с подобной просьбой? Наверное, много. Вряд ли Белла находилась здесь, поддайся хоть на одну. Но, черт возьми, Маргарита не готова пойти на участь, что была уготована. Она не сможет. Физически. Морально. Она лучше умрет чем... Лучше действительно под пулю, чем всё это. Как страшно. От отсутствия выбора. От безысходности.

— Рита, — неслышно подкравшись сзади, Белла сжала за плечи и, развернув к себе, безучастно бросила, словно прочитав мысли: — не вздумай натворить глупостей.

Вместо ответа Одинцова нервно дернулась, пытаясь высвободиться. Но это была не самая равная борьба. Особенно когда силы на исходе, а нервы на пределе. Белла натаскана в усмирении подобных. С силой встряхнув Маргариту, потянула обратно к туалетному столику, на ходу приговаривая:

— Сегодняшний клиент заплатил за тебя бешеные деньги, — усаживая на стул, — поэтому ты обязана быть послушной и понравиться ему. Иначе придется отрабатывать еще и это.

— Я никуда не пойду! — прикрикнула Рита, дернув головой.

— Пойдешь. Как миленькая пойдешь, — настойчиво пробормотала женщина, распуская тугой узел, в который были связаны волосы. — Я уже сказала, что у тебя нет выбора, поэтому лучше не дергайся. Иначе попрошу Серёгу привязать тебя к этому стулу.

— Я лучше умру, чем позволю кому-то прикоснуться ко мне, — на выдохе прошипела, уставившись в отражение собственных глаз.

— Это успеешь, — ловко расчесывая волосы, хмыкнула Белла. — Может, все окажется не так страшно. Первый раз всегда боязно, а потом привыкнешь. Но для начала сделаем из тебя красавицу.

Оставив слова блондинки без ответа, Маргарита позволила той продолжить над собой колдовать. Все равно сил для сопротивления не оставалось, а в голове слишком пусто, чтобы продумывать пути для отступления. Действовать Рита станет по обстоятельствам. Именно тогда понадобятся крохотные остатки сил. Пускай Белла делает свое дело.

Белла не заставила себя долго ждать. Потянувшись за ножницами, прежде чем Маргарита успела возмутиться, собрала волосы в пучок и чикнула. Одним движением укорачивая практически наполовину длины. Пряди одна за другой падали на пол. Меняя не только внешний облик. Меняя что-то в самой жизни, в характере. Словно отрезая путь к прошлому, возврата куда нет и больше не будет.

Через каких-то десять минут вместо привычной густой копны, длинной до поясницы, волосы едва доходили до плеч. С зеркала взирала совсем другая девушка. Не сказать, что Маргарите она не нравилась или нравилась. Просто была другой. Лишь черты лица говорили, что это та самая Ритка.

Затем пришел черед макияжа. Повернув Одинцову к себе, Белла усердно мазала тональными кремами, что-то выводила кисточками, всевозможными щеточками с красками. Сдавалось, эта процедура никогда не закончится. И в то же время отчаянно желала, чтобы так и было. Но каждый мазок неумолимо приближал к часу «Х».

— Вот и все! Я знала, что твою безнадежно-кислую мину можно замаскировать, — удовлетворенная своей работой, отметила Белла и одернула на Маргарите откровенное платье.

Обернувшись к зеркалу, Одинцова едва сдержала возглас удивления. Казалось, на неё смотрел другой человек. Яркий макияж, делающий взгляд выразительным. Алая помада в тон платью, которое едва прикрывало попу. Откровенный вырез, подчеркивающий грудь. Гораздо взрослее своих лет. Хотя, пожалуй, Рита и так взрослее. Пережив то, что пережила за последние дни, невольно становишься взрослее. И опытнее. А ведь это начало.

— Знаешь, мне кажется, надо придумать тебе подходящее имя, — выглядывая из-за плеча Маргариты и осматривая отражение, предложила Белла.

— Зачем? — без эмоций осведомилась Одинцова.

На самом деле плевать, какой ответ последует. Плевать на всё. Практически на всё.

— Затем, что здесь почти никто не известен под настоящим именем, — словно неразумному ребенку пояснила блондинка. — Негласное правило, которое беспрекословно соблюдается среди девушек Инанны.

— И ты... — нахмурившись, удивленно уточнила Рита, — не Белла?

— Сама как думаешь? — усмехнувшись, женщина отвела взгляд в сторону окна. — Или считаешь, я в качестве исключения? Вовсе нет. Жизнь здесь сильно отличается от жизни там, за забором. Тут будто другое измерение. И если когда-нибудь подвернется возможность вырваться, по крайней мере что-то останется незапятнанным. Собственное имя — не так мало.

— А как тебя зовут? — осторожно уточнила, предполагая заранее, что не получит ответа на данный вопрос.

— Может, как-нибудь при случае расскажу, — поспешно отмахнулась Белла и, насупившись, неожиданно развернула Риту к себе, беззаботно приговаривая, — Серёга сказал, что Батя окрестил тебя Цветочком. Но какой ты цветочек? Слишком прозаично и не к случаю. Я уже вижу, вопреки возрасту, вскружишь голову не одному мужчине.

— Плевать на них хотела, — несмело огрызнулась.

— Знаешь что? — не обращая внимания на замечание, Белла, подперев рукой подбородок, еще раз осмотрела девушку с ног до головы, после чего довольно выдала: — Будешь у нас Гретой. Недалеко уйдем от твоего собственного имени, потому как значение практически одно и то же — жемчужина. Яркая и красивая. Правда, юная и неискушенная. Но слишком свобододлюбивая и мятежная. Да, тебе определенно подойдет.

Стук в дверь прервал рассуждения женщины, а Риту заставил нервно вздрогнуть. После чего, не дожидаясь ответа, в комнату заглянул Сергей. Охранник, которого довелось увидеть в первый день пребывания в Инанне. На удивление добродушный и открытый, чем-то по-прежнему напоминающий Олега. Не внешне, спокойствием и уравновешенностью. Быть может, некой надежностью. Он был одним из тех, кто отвечал за безопасность девушек.

— Ну что тут? — оценивающе окидывая Ритку взглядом. — Готова? Там клиент подъехал.

— Я никуда не пойду! — расширив от ужаса глаза, Маргарита быстро переводила испуганный взгляд с охранника на Беллу.

Услышав очередное упоминание неизбежной участи, осознала серьезность ситуации. Клиент, пришедший не для того, чтобы разводить светские беседы или распивать чай.

— Белл, ты до сих пор не проинструктировала её? — фыркнув, Сергей кивнул в сторону Риты.

— Она что маленькая, сама не понимает? — прикрикнула блондинка. — Иди, Серёг, выполняй прямые обязанности. Я сама отведу и представлю её клиенту.

— Что-то ты много на себя берешь. Доиграешься, смотри. Батя узнает, устроит тебе... — проворчал охранник, махнув рукой. Но послушно вышел, прикрыв за собой дверь.

— Белла, не надо, пожалуйста, — хрипло, как загнанный в угол зверек, пробормотала Рита.

Надеялась ли в тот момент на спасение? Вряд ли. Скорее не могла поверить, что происходящее случилось именно с ней. Что она, а не кто-либо другой, по нелепой случайности, глупому стечению обстоятельств попала в бордель. Элитный, дорогой. Но суть не меняется. Бордель он и есть бордель, будь хоть трижды обставлен золотом. Место, о котором простому народу известно разве что из фильмов. Кто мог подумать, что однажды сама узнает обо всех тяготах и лишениях не понаслышке.

— Рит, не в моей власти решать, что надо, а что нет, — безразлично вздохнула блондинка.

Пройдя к шкафу, вытащила бутылку коньяка и два бокала. Плеснув в них по изрядной порции алкоголя, вернулась к Маргарите и сунула один со словами:

— Пей. Хуже не будет. Сможешь немного расслабиться и успокоиться. А то вон как напряглась, — пытаюсь расправить плечи девушки.

— Белла, я не смогу, — пригубив со стакана, Рита закашлялась, когда жидкость, разливаясь жарким огнем внутри, выжигала дотла.

— Здесь никто и никого не спрашивает, сможешь или нет, — отпив из своего бокала, заметила женщина. — Все идут и выполняют, что приказано. Чем меньше сопротивлений,

тем проще. Постарайся отречься от происходящего и думать о чем-то более важном и серьезном.

— Какое отречься? Какое серьезное? Ты думаешь, что говоришь? — взвыла Одинцова, не пытаясь скрыть накатывающих на глаза слез. — Что может быть серьезнее этого?

— Так, Маргарита, не реви! — выхватив стакан из рук девушки, шикнула Белла. — Я зря старалась два часа? Чтобы ты за пару минут своими нюнями всё испортила? Ну, уж нет!

Прежде чем Рита успела опомниться, женщина, придерживая одной рукой за талию, другой заставляла выпить алкоголь. Приговаривая:

— Пей, пей. Ничего с тобой не случится после одного раза. Втянешься еще. С временем начнешь относиться как к обыкновенной работе. А к своему телу, как к инструменту зарабатывания денег и достижению целей. Не такая плохая перспектива. Если ко всему относится философски...

Белла говорила что-то еще. Но Рита не вслушивалась. Подчинившись, медленно, глоток за глотком, пила коньяк. Сопrotивляясь собственному организму, который ранее ничего крепче шампанского не видел. Сопrotивляясь желаниям, которые далеки от реальности. Но понимая, что здесь одна: перечить обстоятельствам и множеству людей не способна.

— Так, кажется, хватит, — забирая полупустой бокал из руки Риты, рявкнула Белла.

Но девушка не хотела отдавать. С каждым новым глотком больше отрывалась от яви. Перед глазами всё расплывалось со скоростью света и в какой-то момент Одинцова поймала себя на мысли, что уже все равно, что с ней будут делать. Становилось полегче. Но этого спасения нещадно лишили. Убрав стаканы, Белла потащила к выходу.

Затем был поход по длинным коридорам, тускло освещенным небольшими бра. Двигаясь вперед, Маргарита в полной мере осознала в насколько большом здании находится эта чертова Инанна. Казалось, что коридорам и лестницам не будет конца и края. Это со временем привыкнет, а пока...

Алкоголь сыграл злую шутку. Рита удивлялась, как не грохнулась в обморок прямо на месте. Возможно, это не худшая перспектива. Ведь не потащили бы её без сознания к этому клиенту? Или потащили?

Как бы ни было, несмотря на помутнение в сознании, девушку не посчитали неадекватной. Но возле дверей, которые вели к сегодняшней цели, Маргарита поймала на себе очередной сочувствующий взгляд охранника. А Белла, как-то обеспокоенно задержавшись, с уверенностью затараторила:

— Так, посмотри на меня! — приподняв лицо Риты за подбородок. — Заходишь и думаешь о чем-то совершенно ином. Никаких сопротивлений. Просто выполняешь его указания. Молча и не огрызаясь! Ты меня поняла? — когда с ужасом, отражающимся в стеклянных глазах, девушка неуверенно кивнула, облегченно выдохнула: — Вот и хорошо. Запомни — для него ты Грета.

Так же резко отпустив, Белла, открыла дверь комнаты, толкнула Риту внутрь.

Полумрак, царивший в спальне обезоружил Одинцову. Липкий страх цепочкой пробежал по позвоночнику. Часто заморгав, заставляя себя привыкнуть к темноте, через пару мгновений сумела различать силуэты. Первой на глаза бросилась огромная кровать. Подобные видела на картинках. Но она вызывала одно единственное ощущение — страх, страх и еще раз страх. Вокруг обставленная десятками зажженных свечей. Что там дальше, не рассмотрела. Взгляд буквально приковало к порочному ложе.

— Добрый вечер, — послышалось позади приторно-ласковое от Беллы. — Вот и наша

девочка, — легкий толчок в спину Риты.

— Добрый-добрый, — откуда-то со стороны послышался хрипловатый мужской голос. — Кто тут у нас?

Не сказать, что в голосе что-то угрожающе. Скорее наоборот. Слишком вежливо. Украдкой. Спокойно и умиротворенно. Это настораживало. Притворно любезный тон.

— Это наша новенькая, — проворковала Белла, — Грета.

— Грета, — протянув, словно смакуя имя, мужчина позвал: — Ну иди сюда, Грета.

Тогда Рита, несмело повернувшись на голос, заметила в стороне мужчину. Вальяжно развалившись в кресле, внимательно её разглядывал, словно ошупывая. В этот момент впервые поняла значение слов «раздевать взглядом». Как оказалось, в этом мало приятного.

— Помни, философское отношение и отрешенность, — едва слышно пробормотала Белла у уха Маргариты и, обращаясь к мужчине, добавила: — Приятного времяпровождения. Надеюсь, Вам понравится.

Отпустив Риту, заставляя, оказавшись без поддержки, пошатнуться, женщина поспешила скрыться из комнаты.

Когда захлопнулась дверь, мужчина, оставив на столик бокал, который прокручивал в руке, поднялся с места. Медленно, словно хищник, направился к девушке.

Мозг упрямо твердил, что нужно бежать. Что-то делать. Попытаться вырваться. Но внутри что-то окаменело, не давая возможности пошевелиться. Часто моргая, желая избавиться от страшного кошмара, идущего наяву, Рита рассматривала приближающегося.

Не слишком высокий. Но учитывая её небольшой рост минимум на голову выше. Черты лица разглядеть практически нереально. В первую очередь из-за игры света и тени, устраиваемой свечами, которые полностью заполняли комнату. Но вряд ли в лице этого человека что-то примечательное.

На вид около тридцати пяти лет. Хотя могла ошибаться ввиду страха и все той же темноты. Не толстый. Но не сказать, что щуплый и вряд ли увлекающийся спортзалами и рьяно следивший за фигурой. В целом обыкновенный мужчина, каких большинство. С одной-единственной разницей — нормальный мужчина никогда не станет покупать любовь.

Платить за сомнительное удовольствие, которое приносит созерцание боли и страданий испытываемые жертвой, может психически неуравновешенный или неполноценный морально неудовлетворенный человек. Который в жизни гроша ломанного не стоит. Просто ему выпал шанс добиться определенного финансового успеха. Будь то самостоятельно, или при посторонней помощи. Но вместо того чтобы использовать собственную власть во благо, творил страшные и безнаказанные поступки.

Этот мужчина не единственный в своем роде. К сожалению, их десятки, сотни, тысячи. В обыденности исполняют роли обычных людей. Имеют семьи, родных, детей. Но у них запросто может быть вторая жизнь, скрытая от общественности и самых близких.

Слабости — вот как называли вольности, на которые шли. Подобные Рите должны подчиняться и мириться. Не потому, что чем-то хуже. Но обычно тот, кто платит деньги заказывает музыку. Кто виноват, что деньги в распоряжении подобных этому подлецов?

— Какая ты красивая, — оказавшись на расстоянии не более полуметра, выдохнул мужчина. — Грета.

Его губы исказила неприятная ухмылка. А глаза... Черные глаза с видом полнейшего безумия бегали вверх и вниз по Рите. Они словно подготавливали к тому, что будет в дальнейшем. И это «что-то» не вязалось с чем-то человеческим.

— Ну же, расслабься девочка, — ухватив Маргариту за предплечья, цыкнул мужчина.

Не получив ответа, отпустил. Резко повернулся назад и подошел к столику, расположенному рядом с креслом и сервированному на две персоны легкими закусками и фруктами.

Проследив за передвижениями этого человека, Рита увидела насколько здесь всё подготовлено к предстоящей ночи.

— Выпьем и ты успокоишься, — наливая в бокалы шампанское, приговаривал. — Я люблю покорных. Учти, малышка.

Передернувшись от отвращения, Маргарита сотни раз прокляла чертов коньяк, который притупил реакцию, но не позволил до конца вырубиться. План побега, зревший в голове, со скоростью шквального ветра разбивался об упоминания количества охраны в здании. За сегодняшний вечер пока шла по коридорам увидела пятерых. Но если чудом удастся отделаться от них, вряд ли успеет найти выход.

— Держи, — снова оказавшись рядом, протянул бокал. На что она несмело закивала, отрицая и противореча. — Держи! — громче повторил.

— Я не буду... — впервые за время пребывания в этой комнате подала голос Рита.

Едва слышно. Одними губами. Но этого хватило, чтобы разозлить мужчину. В одно мгновение с его лица исчезла маска притворного удовлетворения и, схватив Маргариту за предплечье, в приказном тоне выдал:

— Я сказал, держи! — пытаюсь сунуть бокал в руку.

— Я не буду, — громче повторила, намереваясь высвободиться из крепкого захвата.

— А я сказал будешь! — проорал на ухо и нервно встряхнул. — Мне здесь никто не смеет перечить! Ты меня поняла?!

Вздвогнув от ужаса, отчетливее осознала, что еще не время проявлять характер. Потому несмело опустив глаза, приняла бокал.

— Вот так-то лучше, — спокойнее хмыкнул мужчина. Проведя ладонью по её щеке, вызывая невольную дрожь, снова заорал: — Теперь пей!

Пригубив напиток, украдкой следила за действиями незнакомца. Вот он с любопытством рассматривает её, проверяя, насколько послушалась на сей раз. Затем неожиданно разжав руку на предплечье, отступает. Залпом выпивает содержимое своего бокала. Отбросив куда-то на кресло, медленно стягивает пиджак. Отправив следом за стаканом, возвращается к Рите.

Подойдя вплотную, приподнял девичий подбородок, заставляя посмотреть на себя. Желание вырваться так и осталось неисполненным, когда Маргарита почувствовала, как мужская рука обвилась вокруг талии, вдавливая в грудь.

В нос ударил резкий неприятный запах парфюма. Одинцова ощутила, как в район живота уперлось что-то твердое. Что это такое, даже ей, неискушенной, нетрудно догадаться. Всё это вперемишку с выпитым алкоголем вызвало неприятный привкус горечи и тошноты во рту. А затем еще одно касание к лицу огромными пальцами и поняла, что не выдержит. Что угодно, но не это.

Отшатнувшись, как от удара, дернулась. Вырваться не удалось. Напротив, мужчина, кажется, прижал к себе крепче. Уткнувшись носом в шею, громко прорычал. Когда предприняла очередную попытку освободиться, прошипел ну ухо:

— Не дергайся, Грета. Тебе понравится.

Почуяла, как по телу зашарили огромные руки, сминая и пощипывая. Не заботясь, что

подобные действия могут причинить боль и оставить после себя следы.

Рита машинально разжала ладонь и бокал выскользнул из руки, со звоном падая на пол. Разливая игристую жидкость и разбиваясь на мелкие осколки, как разбивалась её жизнь. Что есть силы заколотила маленькими кулачками по мужско спине, груди, плечам... Всему, что попадалось под руку.

— Отпустите, пожалуйста! — в попытке уклониться от грубых настойчивых ласк. Шарящих по телу рук и губ.

Желаемого эффекта не принесло. Руки сильнее сжались на плечах, а губы заскользили вниз по шее. Еще мгновение и чужие ладони больно сжали грудь. Перед глазами в который раз всё поплыло.

— Я сказал, не рыпайся!

Еще секунда и мужчина, подталкивая в сторону, валит на кровать.

Пользуясь мимолетным освобождением, Рита попробовала подняться или откатиться в сторону. Видела, как он пытается неловко расстегнуть рубашку и стянуть галстук. Голова кружилась, лишая способности ориентироваться. Но из последних сил, отползая, пыталась подняться. Оглянувшись, вырвала глазами из множества предметов стоящую на прикроватном столике хрустальную статуэтку. Довольно массивную. Если предположения верны, обогрев таким, можно спастись от худшего. Главное, успеть.

Пока мужчина возился с узлом несчастного галстука, ей это практически удалось. Маргарита потянулась к столику, но не хватило пары секунд. Мужчина, хватая за ноги, дернул к себе, и вместо заветной статуэтки поймала воздух.

— Что ты творишь, дура? — злобно прорычал, когда лицо Риты оказалось на одном с ним уровне. — Думаешь, сбежишь от меня? Не получится.

Словно в подтверждение, наваливаясь всем весом, с силой сжал коленками её ноги. Вдавливая в кровать. Напрочь забыв о рубашке, что так и болталась на груди, начал лапать девичье тело, неприятно ерзая влажными губами по коже.

Всё казалось нелепым. Если бы не плачевность положения, Рита рассмеялась над никчемными попытками укротить её. Но сейчас не до смеха. Потому отчаянно брыкаясь, пыталась вырваться. Размахивая руками, царапаясь и извиваясь, всячески желала избежать касаний. В какой-то миг удалось попасть пальцами в глаз. Когда мужчина ослабил хватку, пользуясь мимолетным замешательством, резко дернув ногой, ударила коленкой в пах. Вместо желанной свободы, последовала незамедлительная реакция.

— Ах ты, с*ка! — заорал, пронзая обезумевшим взглядом, сильнее вдавливая в постель.

Прежде чем успела опомниться, увидела, как прямо на неё летит огромная рука. Машинально зажмурившись, громко вскрикнула, когда крепкий шлепок прошелся по лицу. Щека загорелась так, словно ею провезли на огромной скорости по асфальту. Не успела пожалеть о попытках воспротивиться, когда сообразила, что мужчина не собирался останавливаться.

Последовал еще один удар, уже на другую щеку. Затем еще и еще один. Вызывая дикую головную боль. Заставляя ощутить на языке металлический привкус крови от рассеченной губы. Но кричать или молить о пощаде уже не могла. Открыть глаза, чтобы увидеть, какое удовлетворение приносит своими мучениями этому человеку, тоже. Соленые слезы скатывались по щекам, опалая горящую от тяжелых пинков кожу.

Он все избивал и избивал. В какой-то миг Рита поняла, что удары сместились с лица вниз. С головы к плечам. Затем грудь. Живот. Этому человеку плевать, куда бить и как. Он

получал колоссальное удовольствие от происходящего. Девушка понимала по раскатистому и оглушающему смеху.

Столько унижения и боли, не только физической, но и моральной, Рита не испытывала никогда в жизни. На неё впервые поднял руку мужчина. Хотя, разве можно назвать мужчиной того, кто способен на подобное? Вряд ли. Превозносить себя на пьедестал за счет женщины... Даже девочки, почти ребенка по сравнению с ним может лишь полнейший моральный урод.

Это было ужасно. Рита поймала себя на мысли, что хочет одного — умереть. Чем быстрее, тем лучше. Чтобы поскорее избавиться от страшного испытания. Потому как раз за разом чувствовать, что тебя раздавливает огромный каток, было невыносимо. В памяти всплывали слова Беллы. Отречься. Забыть. Не сломаться. Но не сломаться трудно. Даже ради мести.

Сколько прошло прежде чем удары утихли Маргарита сказать точно не могла. Казалось, целая вечность. На секунды позволила допустить, что кто-то свыше смилостивился и исполнил просьбу о смерти. Но не зря говорят, что человеку дается столько испытаний, сколько способен вынести. Значит и Рита должна.

— Ты чего притихла? — дернув за волосы, прикрикнул мужчина. Намотал на кулак пряди, что давно перестали быть красивой прической.

Рита наконец поняла зачем Белла состригла косы. С волосами покороче сложнее справиться.

— Смотри на меня! — встряхнув, приподнял голову к себе. — Что, больно?

Прекрасно осознавая, что последует за непослушанием, преодолевая головную боль, что грозила расколоть надвое, несмело приоткрыла глаза. Встретилась с обезумевшими зрачками. Черные щелочки со странным блеском смотрели на неё. Они леденили душу и сковывали тело страхом. Эти глаза Маргарита не забудет никогда. Страшного животного. Гиены, желающей наживы. Стервятника, падкого к едва дышащей жертве.

— Я тебе, кажется, говорил, что люблю покорных! Но ты решила сыграть по своим правилам. Вот и получай.

Смотреть в эти глаза Рита не могла. Встрепенувшись, быстро отвернулась.

Наказание за эту маленькую вольность последовало незамедлительно. Мужчина, отпустив волосы, дернул платье на груди, разрывая и обнажая. Попытка прикрыться была отвергнута. Одной рукой хватая за запястья, завел её руки за голову, а другой дергано пытался освободиться от собственных штанов.

Задрожав от отвращения, Маргарита зажмурилась и отчаянно закивала головой. Последнее и единственное сопротивление на какое способна. Отвлечься. Забыться. Но как? Идиотский коньяк! Почему он так и не помог избавиться от сознательного восприятия происходящего? Пашка. Олег. Есть ли малейший шанс на спасение? На месть? За них. Теперь еще и за себя?..

— Вот так-то лучше, — не позволяя до конца раствориться в собственных размышлениях, довольно протянул мужчина. — Если не будешь сопротивляться, есть шанс, что и ты получишь удовольствие.

Рита почувствовала, как он нетерпеливо стянул её трусики. Еще секунда и что-то огромное одним рывком проникло внутрь. Страшная боль пронзила тело. Сжав руки в кулачки, впиваясь ногтями в ладони и закусывая губы, с отчаянием взвыла, когда зверь, немного помедлив, задвигался внутри. Всё быстрее и яростнее. Что-то довольно бормоча. И

с каждым движением боль становилась острее.

Стиснув зубы и зажмурившись, Маргарита хотела одного — чтобы это поскорее закончилось. Умереть. Забыть. Исчезнуть. Растворится в бессознательности...

Еще мгновение и внутри что-то сломалось, позволив окунуться в забытие. Туда, где нет боли и страха. Туда, где разуму все равно, что творится в реальности с телом. Где плывешь по теплему морю, не заботясь ни о чем...

Сегодня Рита сдалась. Позволила сделать с собой всё. Но не сломалась. Она переступила эту грань. Сегодня стала другой. Нашла силы уйти от реальности. Как на утро скажет Белла, Маргарита выдержала испытание и стала Гретой. Униженной физически, но не сломленной морально.

Сегодня она позволила этому человеку растоптать себя. Но однажды наступит день, когда он получит свое. Может, в более мягкой форме. Но Рита не будет собой, если не исполнит желания быть отмщенной.

Грета. Оскорбленная на весь мир и жаждущая мести.

Рано или поздно справедливость восторжествует. Мечь настигнет и его.

2010 год

Закутавшись в теплый плед, Маргарита невидяще уставилась в книгу. Вот уже второй час пытаюсь поймать смысл и суть происходящего на страницах легкого женского чтива. Как не старалась вникнуть в сюжет, мысли возвращались к другим событиям. К внезапному и неожиданному возвращению Олега. Не просто возвращению — к воскрешению. К последней встрече. К разговору. К просьбам довериться. К его якобы желанию помочь в чем-то неизведанном. Словам относительно Кирилла.

Что Чернышевский знает о Кирилле? Появившись черти откуда, устраивает игру в угадку, пытаюсь поколебать уверенность в мужчине, с которым живет под одной крышей не один год. Который до некоторых пор оставался единственным близким.

Что там оставался? Разве появление Олега спустя годы что-то изменило? Разве может человек, пропадавший неизвестно где, разрушить в одночасье веру в того, кто по-прежнему является её спасителем, вытащившим из болота? Это неоспоримый факт. Его не изменить и не переиграть. Именно Роцин оказался рядом в тот момент, когда больше всего нуждалась в помощи. Роцин, а не Чернышевский, о котором, получается, не знает ровным счетом ничего. Помимо того, что осталось в памяти из юности.

С другой стороны, что Марго знает о Роцине? О нем неизвестно и малой доли, что знакомо об Олеге. Разве что Кирилл является влиятельным бизнесменом. Возглавляет одну из лучших винодельческих компаний страны. Богатый, знаменитый человек. Всегда прямолинейный и немного жестковатый во всём, где затрагиваются его интересы. Но об этом знают все. Вплоть до людей, не сталкивавшихся с ним лично. А что знает о его жизни сокровенного? Личного?

Golden Drove досталась Роцину в наследство от почившего отца. Приблизительно лет шесть назад, в аккурат после того, как вытащил Одинцову из Инанны. Но с самим отцом не успела познакомиться. Затем стала свидетельницей как за короткое время Кирилл вытащил компанию из огромной долговой ямы, подняв на международный уровень. Об используемых методах Марго могла лишь догадываться. Одно знала точно — они далеки от правильных. Но разве в мире бизнеса возможно иначе? Здесь нет места праведности, невинности и чистоте.

Если девушка хотела жить в правильности — она выбрала неподходящую среду обитания. Нужен монастырь как минимум. Проблема в том, что с её прошлым вряд ли пускают в святые места. И не хотела прятаться остаток жизни в четырех стенах и безликом одеянии. Как бы богохульно ни звучало, боялась в очередной раз лишиться свободы. Даже ради замаливания собственных грехов и окончательного становления на путь истинный. Потому что никогда этого не будет. Маргарита не станет той невинной и наивной девочкой, какой была ранее. Что сделано, то сделано. Дороги назад нет.

Она давно привыкла к жизни и миру, в котором ворочалась. Свыклась, смирилась, поняла, что не все так плохо, как представляется. С такой биографией можно жить. И именно с таким прошлым, что было у Марго, не вправе осуждать кого-то за мелкие прегрешения. Будь то нечестность, мелкие махинации в бизнесе или нечто опаснее.

Но если связанное с бизнесом давно перестало волновать Одинцову, как быть с остальным? Почему за годы сожительства с Кириллом не удостоилась стать свидетельницей

хоть малюсенького эпизода его прошлой жизни? Почему до сих пор понятия не имеет как мужчина жил до того, как стал владельцем Роши? Где его мать? Что привело к смерти отца? Есть ли у Кирилла братья или сестры? Родные, двоюродные, неважно. Близкие родственники? Кто-то, с кем общается или мог общаться теснее? Не знала ровным счетом ни-че-го!

Захлопнув книгу, не пытаясь сохранить закладку на последней прочтенной странице, Маргарита откинулась к спинке дивана и устало прикрыла глаза. Запуталась. Ведь недавно жила в свое удовольствие и её ни капли не волновали подобные вопросы. Что изменилось теперь? Почему Олег одним появлением пошатнул уверенность в завтрашнем дне? Почему парой ничего незначущих фраз смог поколебать беспрекословное доверие к Рошину?

— Маргарита Андреевна, завтракать будете? — участливый голос экономки вернул в реальность.

— Нет, спасибо, — обернувшись к женщине, что, вытирая о фартук руки, обеспокоенно рассматривала Одинцову.

— Кофе? — не унималась домоправительница.

Это была женщина плотного телосложения, шестидесяти лет. Довольно приятная и простая. Сколько Марго помнила себя в этом доме, здесь всегда была Людмила Михайловна. На ней полностью лежала ответственность за дом. Особенно в их с Рошиным отсутствие. Людмила Михайловна занималась готовкой, уборкой и другими домашними хлопотами.

Маргарита никогда с ней не была близка, о разговорах по душам речи тем более не шло. Всегда ограничивались короткими фразами. Но испытывала к экономке глубокую симпатию и ощущала, что это взаимно. Не чувствовалось в Людмиле Михайловне неприязни или пренебрежительного отношения. Даже в прошлом, когда Одинцова впервые переступила порог дома. Когда брезгливость или откровенное отвращение было едва не единственным, что испытывали люди, посвященные в её тайны.

— Нет, не стоит. Я подожду Кирилла, — отмахнулась, мысленно добавив: *«Который в этот раз задержался в городе дольше обычного, не появившись дома даже поздним вечером»*.

Более того, Рошин не появился и сегодняшним ранним утром. И ни разу не позвонил, что случалось крайне редко. Судя по всему, дела действительно важные. Как иначе, если укатил на поиски информации на Чернышевского.

Этот факт вызвал новую волну нетерпения. Скоро настанет момент, когда и сама узнает нечто важное об Олеге. Возможно, какую-то тайну? Одному Богу известно, что скрывает этот мужчина. Гадать бессмысленно, остается ждать. Что если использовать отсутствие Рошина в собственных целях? Попытаться что-то прояснить? Для начала о самом Кирилле.

Колеблясь доли секунды, когда домоправительница отвернулась с намерением скрыться на кухне, девушка осторожно позвала:

— Людмила Михайловна, а Вы давно работаете у Рошина?

— Еще со времен Сергея Леонидовича, — повернувшись к Маргарите, уклончиво отозвалась женщина.

— То есть Вы знаете Кирилла с юности? — отложив книгу на столик, уточнила Одинцова.

— Лет с пятнадцати где-то, — призналась Людмила Михайловна. — Хотите узнать что-то конкретное, Маргарита Андреевна?

— Я не знаю, — подхватившись, замялась девушка. — Точнее... Вы не в курсе, есть ли у

Кирилл кто-то из близких? Братья-сестры? Мать? У Кириллa ведь есть мать? Или... была? Возможно, Вы расскажите о его прошлой жизни? Когда Сергей Леонидович еще был жив.

— Девочка, — вмиг переменившись в лице, серьезно отозвалась экономка, — я не в том положении, чтобы знать *такие* подробности жизни Роциных.

— Но как же? — озадаченно хмурясь, не унималась Марго.

В голове не укладывалось, как можно столько времени жить в этой среде и ничего не знать. Или знать, но бояться рассказать? Почему? Что такого в прошлом Кириллa, о чем лучше не упоминать?

— Я считаю, Вам стоит задать интересующие вопросы непосредственно Кириллу Сергеевичу, — словно к чему-то прислушиваясь, женщина подняла указательный палец: — Вот, кажется, и он. Извините, мне нужно накрывать на стол.

С этим Людмила Михайловна поспешно вышла из гостиной, не давая Маргарите времени на возражения. И что возразить? Экономка права. Личные дела стоит обсуждать непосредственно с интересующим лицом. Но проблема в том, что сомнительна сама возможность откровенности от Кириллa. Замкнутый круг получается! Кажется, все вокруг что-то знают и молчат. Или накручивает себя на пустом месте?

Бросив плед на спинку дивана, прошла к окну убедиться, что Роцин действительно вернулся. Отодвинув гардину, сразу заметила на подъездной аллее огромный джип. Не успела сообразить, что стоит встретить мужчину, как из холла послышался шум, затем стук хлопнувшей входной двери и, наконец, тяжелые шаги, ясно дающие понять, что Кирилл направляется сюда. Не изменяя собственным привычкам, он снова опередил её.

— Маргарита! — вместе с тем как обернулась на шорох, прогремел недовольный возглас вошедшего мужчины. — У меня для тебя новости!

В ответ Одинцова вопросительно вздернула бровь. Кирилл, быстро пересекая расстояние до журнального столика, с недовольным видом швырнул туда папку.

— Что это? — подходя ближе, равнодушно уточнила Маргарита, кивнув в сторону стола.

— Полюбуйся, что нашел на этого твоего... Чернышевского!

— Он не мой! — застыв на месте, выпалила Одинцова прежде, чем сообразила, что опять одно упоминание об Олеге выбивает из равновесия.

Почему-то в этот миг показалось, что Кирилл знает обо всем, что не спешила рассказывать. О давнем знакомстве с Чернышевским. О юношеской дружбе, которая всегда была для обоих чем-то большим, родством душ. О том, к чему всё привело. О вчерашней встрече. Вопреки запрету самого Роцина.

— Чего кипишуешь? — фыркнул мужчина, устало опускаясь на диван. — К слову сказал. Конечно, не твой. Это досадное недоразумение, возникшее у нас на пути к главной цели. Знаешь, с этой информацией легко устранимое и уязвимое, — ухмыльнувшись, потянулся к бумагам.

— Что там? — нервно сглотнув, едва слышно уточнила Марго.

Она боялась. Слов Кириллa. Того, что узнает об Олеге. Боялась окончательно разочароваться в нем. После случившегося это станет последней каплей. В который раз допускать мысль о возможном предательстве со стороны нечужого человека, оказывается, больно.

Неужели Олег глуп и без должной защиты полез на рожон? Рискован, что не испугался Роцина? Который пойдет на все ради достижения своих, в чем-то совместных с Маргаритой,

целей. Нет сомнений.

Марго стоило порадоваться, что развитию бизнеса Кирилл вряд ли что-то или кто-то помешает. Но радостно не было. Было страшно. Опять страшно за Олега. Совсем как тогда, на заводе, когда Чернышевский стал мишенью для одного из бандитов. Похоже, Олег снова превратиться в мишень. Но теперь в роли бандита выступит Кирилл. Или все не так страшно, как представляется? И Чернышевский не так прост, как кажется? Удалось же ему выжить тогда, в прошлом.

— Ты посмотри, — протягивая папку, с придыханием предложил Кирилл, краем глаза отмечая её реакцию, — занятная информация.

Переведя взгляд с Рощина на документы, Маргарита неуверенно приняла бумаги. Стараясь не выдать собственного волнения и надеясь, что Кирилл не заметит невольно вздрогнувшую руку, открыла папку. Сразу зацепилась за небольшую черно-белую фотографию Олега, размещенную в углу. Трудно сказать о давности снимка. Слишком смутно различимы изменения в чертах лица относительно последней встречи в прошлом. Но вряд ли фото новое. Здесь еще не чувствуется уверенности в глазах, которую заметила теперь.

Хотя нет, уверенность была. Не хватало самоуверенности. Чувства собственного достоинства, значимости и важности своей персоны. Олег и раньше был уверенным в себе и собственных силах. Но ранее, как и на этом фото, не кичился этим. Скорее, наоборот, сдерживал внутри. Раньше не было показухи. А сейчас... Трудно сказать, что сейчас. Во время первой встречи проскальзывало нечто пренебрежительное. Вчера у реки Олег казался почти таким, как когда-то.

— Как тебе? — поторопил Рощин, вырывая из размышлений.

Тряхнув головой, Маргарита пробежалась глазами по странице, урывками выхватывая отдельные фразы.

Олег Вячеславович Чернышевский (Волкодав, Фартовый). Дата рождения: 14 января 1977. 33 года. Национальность. Рост. Вес. Телосложение. Особые приметы: татуировка оскаленной волчьей пасти на левом предплечье.

В досье описано всё до мельчайших деталей. Каждый пункт. Плевать, нужно ли кому-то знать рост до миллиметра, или месторасположение родинок и шрамов. Казалось, человек, собиравший информацию, видел Чернышевского насквозь. По Олегу будто прошлись рентгеном, заглядывая в каждый уголок. Абсолютно везде. Обходя стороной одно — душу. Понять её до конца никогда не мог ни один самый талантливый и матерый сыщик.

Недоуменно фыркнув, Марго хотела захлопнуть папку и возмутиться, надеясь понять, откуда у Кирилла столько неприкрытого энтузиазма вокруг подробной, но мало что решающей информации, как в глаза бросилась строчка очередного пункта биографии.

1998 год. Осужден по ч.2 ст.15, + ч.2, п.3, ст. 115, УК Украины за покушение на преступление и умышленное убийство заложника или похищенного человека, в виде лишения свободы сроком на 11 лет пребывания в колонии строгого режима.

— Это что? — Маргарита ошарашенно уставилась на Рощина. В мыслях калькулятором подсчитывая прошедшие годы.

Целое десятилетие. Одиннадцать лет. Одиннадцать лет тюрьмы? Получается Чернышевский год назад освобожден? Неужели именно это имел в виду, утверждая, что не мог помочь ранее? Но как за один-единственный год смог добиться высот? Разве возможно после тюрьмы выйти богачом? Для этого нужно быть либо огромным счастливым, либо

продать душу дьяволу, не иначе.

Тюрьма ломает. Маргарита практически уверена в этом. Не на собственном опыте. К счастью, хоть эта беда обошла стороной. Но догадывалась. Имела возможность представить. В этих представлениях тюрьма не место, дарящее жажду жизни и надежды на светлое будущее. Как получилось, что Олег именно оттуда вышел с огромными привилегиями?

— Ты читай-читай, — заметив во взгляде Марго с десятков вопросов, ухмыльнулся Роцин, — там много занятного.

Послушно кивнув, Одинцова снова уставилась в бумаги.

2004 год. Освобожден условно-досрочно от отбывания наказания в связи с добросовестным поведением и отношением к труду, доказав свое исправление.

Значит, смог освободиться. Что испытывать Маргарита не представляла. Радоваться? Да, ей стоит порадоваться, что Олегу не пришлось долго сидеть за решеткой. *За покушение на преступление и умышленное убийство.* Какое к черту убийство? Совершенное в том году, когда считала жуткие амбалы убили самого Чернышевского вслед за Пашкой. Какая ирония судьбы! Какой абсурд! Неужели ему чудом удалось вывернуться и убить самому? Но при чем заложник или похищенный человек?

Наверное, что-то не понимает. Неправильно прочла? Это не об Олеге. Бред какой-то! Роцин откопал этот маразм, или сам придумал и пытается выдать за правду. Чтобы заставить разочароваться в старом друге. Но Кирилл не знает, не мог знать о дружбе! Путаница выходит. Надо же — всегда справедливый верный Олег и в тюрьме! Не может быть!

— Значит, он сидел? — хмурясь, пробормотала Маргарита. Не уверенная, что получит достоверный ответ.

Задала вопрос риторически. Для самой себя. Чтобы еще раз вникнуть в смысл, заставить себя признать истину услышанного и поверить. Или окончательно отречься, убедиться в нереальности прочтенного?

— Как видишь, — вальяжно откинувшись к спинке дивана, Кирилл сложил руки на груди. Из-под лба изучал удивление, скользящее в каждом взмахе ресниц Одинцовой. — Сидел практически все время, пока ты была в Инанне. Выходит, вы не там познакомились?

Дернувшись, как от удара хлыстом, девушка уставилась на Роцина. Если ему удалось выяснить такие подробности жизни Олега, как судимость и разновидность татуировки, не составит особого труда узнать, что их связывало в прошлом. Если уже не узнал. На крайний случай не так трудно составить два плюс два и понять, что её встреча с Чернышевским состояла далеко не из «деловых» отношений, включающих предоставляемые ею на тот момент услуги.

— Или все же там? — невозмутимо продолжал импровизированный допрос. — Освободился из мест не столь отдаленных и давай прыгать по бабам. Вот этому, кстати, ничуть не удивлюсь. Все факты указывают на возможность посещения Чернышевским Инанны. — Роцин задумчиво постучал пальцами по собственной коленке. После неожиданно махнув рукой, выдал, расценивая молчание девушки по-своему: — Да черт с ним. Не хочешь вспоминать, не нужно. Суть в другом.

— В чем же? — прикрыв на мгновение веки, Марго с облегчением выдохнула.

— Иди сюда, — похлопав рукой по дивану рядом с собой, требовательно позвал Кирилл. Когда девушка, уступая, машинально подчинилась, продолжил: — Суть в том, что этот молокосос в самом деле фартовый. И это мягко сказано.

— Я не понимаю, чем это поможет, — прижав папку к груди, Одинцова невидяще уставилась перед собой. — Если он в самом деле везунчик, тебе не кажется, что пора бояться?

— Бояться? — вопросительно вздернул бровь и ухмыльнулся Роцин. — С этой информацией я раздавлю его, как букашку. В этот раз большой фарт не подсобит.

— Ты так уверен в собственных силах? — с удивлением зыркнув на мужчину, Марго поймала себя на мысли, что так и не научилась понимать этого человека. — Неспроста Чернышевский после тюрьмы выбрался в бизнес-верхушку. Здесь кроется какая-то тайна.

— Нет тут никакой тайны. Как тебе такой расклад? — обнимая девушку за плечи, Кирилл прошептал на ухо: — Познакомившись на зоне с бандой братков, подчиненных одному влиятельному криминальному авторитету, Олег Вячеславович Чернышевский или Волкодав, как погоняют в народе, проявив смекалку и хитрость не только завел полезные знакомства, но и обеспечил себе «крышу». С её помощью условно-досрочно освобожден и попал под покровительство уже известного нам авторитета. В благодарность знаешь что? — поджавшись, Маргарита отрицательно кивнула. — Ввязался в удивительную авантюру и для общей казны отжал у одного из мелких коммерсов «небольшой» особнячок вместе с парочкой плантаций с виноградниками.

— Кирилл, ты можешь нормально пояснить, к чему клонишь? — с трудом поспевая за рассуждениями, уточнила Одинцова. — Что значит отжал? Для какой казны? Зачем?

— Маргарита, что ты как маленькая! — подхватившись, возмущился Роцин. — Найдя сферы влияния, прижал дяденьку так, что у того выбора не осталось, кроме как почти безвозмездно подарить свое имущество. Выиграл в покер? Кто знает. Почему нет? Он же типа фартовый! — раздраженно разводя руками. — Чернышевский работает на братву! Вот тебе и разгадка, почему так быстро поднялся и почему лезет на рожон. Он не боится, уверенный — «крыша» спасет и вытянет из любой передрыги. Он надеется, что стоящие за ним люди прикроют, понимаешь?

— Кирилл, что за бред ты несешь? — провожая взором мужчину, что широкими шагами измерял гостиную, выдохнула Марго. — Какая братва? Какие авторитеты? Неужели веришь в эту чушь? Это звучит абсурдно и нелепо! Двадцать первый век на дворе! Какие братки?!

— Маргарита, если ты думаешь, что с конца прошлого столетия что-то поменялось, сильно ошибаешься! Теперь многие стали осторожнее, беспредел творится не так открыто, но это не значит, что его нет. Неоспоримые факты тому подтверждение, — застыв посреди комнаты, Кирилл кивнул на папку, которую девушка все еще держала в руках: — Или считаешь, я все придумал?

— Я не говорю, что придумал. Но если Чернышевский связан с этими, как ты говоришь, авторитетами, считаешь, им больше заняться нечем, кроме как лезть в виноградники? Здесь толком взять нечего!

— Ритуся, черт побери, ты не представляешь, как ошибаешься! — взревел Роцин. — Неужели не понимаешь, что такие люди хотят контролировать всё? Вплоть до этого бизнеса! Им нас*ать, много здесь выгоды или нет! Виноградники — это не одно вино! Для них главное влезть у нас перед носом в Internal Group. Так будут иметь легальный доступ за границу. Прикрываясь вином туда можно перевозить все что угодно, понимаешь?! Это золотая жила! Они прекрасно осознают, какую выгоду это принесет. Больше не нужно искать лазейки. Это давно отработанная схема. На своем веку сколько таких повидал.

— Все равно не понимаю, — игнорируя неприятное обращение к себе. Игнорируя всё.

Мечтая об одном — разобраться в сути деятельности Олега и словах Кирилла, полных загадок. — Что имеешь в виду под «перевозить за границу что угодно?» Хочешь сказать, что вино прикрытие и этим не ограничится?

— Именно! — восхищенно выкрикнул Кирилл. Но сразу махнул рукой и, отвернувшись, прошел к камину. Побарабанив пальцами по мраморному покрытию, с наигранным равнодушием бросил: — Неважно. Х*ен с этим! Главное, теперь я знаю откуда ноги растут. И теперь будет легче справиться с Чернышевским.

— Ты готов ввязаться в эти грязные делишки? — ошарашено уточнила и, положив бумаги на стол, медленно поднялась с места. — Если сказанное тобой правда, дело реально рискованное. Тебе ли не знать, что подобные люди способны на всё.

Подойдя к Рошину, Марго не понимала, говорит в ней беспокойство за своего мужчину или здесь замешано нечто другое? Нежелание верить в нечестность Олега? Разбираться в ситуации и снова разочаровываться?

— Ты забыла, — резко обернувшись, когда Одинцова положила ладошки ему на плечи, — у меня есть кое-какие связи в органах. И связи непростые. Вместе мы их прижмем так, что у этих гадов отобьется жажда путаться у нас под ногами!

— Кирилл, может не стоит? — на выдохе уточнила Маргарита, вопросительно уставившись в глаза мужчины.

Как ей надоело! Бесконечные разборки, выяснения отношений и дележка территории. Она устала. Маргарита хотела нормальной спокойной жизни. Радоваться каждому дню. Быть счастливой от того, что отныне в её мире нет боли и горечи потерь. Пускай за всем скрывалась пустота души. Что с того? Зато так жилось гораздо легче. Спокойнее. Увереннее. Просто жилось. Что в итоге? Выходит, опять ошиблась. Так жестоко и безнадежно.

Девушка уверена — теперь Кирилл не даст её в обиду. Отметет любую вероятность встречи с Чернышевским. Но это не успокаивало. Марго не верила, что Олег причинит вред. Но теперь получается они окончательно по разные стороны баррикад. Раньше это была черта жизни и смерти, а теперь это нечто более серьезное и пугающее. Черту жизни и смерти можно перешагнуть. Как перешагнуть предательства?

— Хорошо, — спустя пару минут отягощающего молчания, равнодушно кивнул Кирилл, — давай отступим, позволим этим с*кам взять для начала контроль по экспорту вина, затем еще чего-то. Там и всю страну преподнесем в их белы ручки. Зачем стремиться к лучшему, если можно стать лидерами по поставкам дряни, отравляющей весь мир.

— Я совсем не это имела в виду, — оправдываясь, затараторила Одинцова. — Неужели считаешь, что самостоятельно сможешь противостоять давно устоявшейся системе? Я боюсь. Я не хочу этой войны, новых проблем, разборок.

— Марго, — заключая лицо девушки в собственных ладонях, — а как отнесешься к тому, если скажу, что война началась? Независимо от твоего или моего желания. Хотим или нет, мы в игре. Рулетка запущена. Мы единственные, кто реально это остановит. Потому что помимо бизнеса и денег здесь замешана месть.

— Месть? — закусив губу, Маргарита уставилась на Кирилла. Мысленно добавляя: «Олега? Но кому из них? Неужели ей? За что?»

— Да, — уверенно кивнул Рошин. — Месть одного нашего общего знакомого. Кажется, такое имя как Николай Степанович Сизов тебе знакомо?

— Что? — дернувшись, девушка безуспешно попыталась вырваться из цепких рук. —

При чем здесь он?

Имя не просто знакомо. Оно ассоциировалось с большинством былых бед и неприятностей. Именно с Сизова всё началось. Человек, ставший одним из проводников к персональному кошмару, который довелось пережить в Инанне. Влиятельный и представительный владелец элитного борделя, предоставляющего самые разнообразные спектры услуг. От девственниц и малолеток до садо-мазо. Тот человек, от которого Одинцова надеялась получить помилование, а получила кару, которая не могла присниться в самом страшном сне. Сизов. Он же Сизый. Он же Батя.

— Это и есть «крыша» нашего «друга» Чернышевского, — погладив большими пальцами Марго по щекам, фыркнул Рошин.

В какой-то момент Одинцовой показалось, что земля уходит из-под ног. Однажды освободившись с помощью Кирилла из загребущих лап Сизова, была уверена, что никогда не услышит о нем. Особенно в такой ипостаси. Тесно и в открытую связано с Чернышевским, считавшимся на тот момент погибшим. Неужели ужасы не закончились? Олег, который был не чужим человеком, теперь в одной связке с заклятым врагом.

С каждым мгновением реальность искажалась. Неужели Чернышевский преднамеренно туда полез? Знал ли, через что ей пришлось пройти благодаря Сизову? Если знал, как мог связаться с ним? Выходит, Олегу реально плевать на неё?

— Я думал, ты знаешь об их тесном сотрудничестве, — пробормотал Кирилл. — Хотя, будучи в Инанне, ты не была вхожа в круг избранных. Всего лишь выполняла свою работу. Откуда тебе знать, что этот Олег не один из очередных клиентов.

Кирилл хотел сказать что-то еще. Но хмурый взгляд, которым смерила Маргарита, заставил замолчать. Ей плевать, что надумал Рошин. Даже если его мысли дошли до абсурда и уверен, что спала с Чернышевским. Пускай думает, что хочет. Марго волновало совсем другое. Олег и его истинная натура. Его слова. Его вранье и двойственность. Его странная связь с Сизовым, в которую не хотела верить.

— Кирилл, но Сизов... — Вздрогнув, Одинцова пытливо уставилась на мужчину. — Ты ведь говорил, что тогда...

— Живучий падла оказался, — поморщившись, недовольно перебил Рошин. — Кто знал, что он ухитрится выбраться. Но фиг с этим. Однажды я справился с ним и на сей раз не отступлю. Никакие Волкодавы мне не помешают. Хм... Погоняло-то какое придумали! — резко отпустив Марго, скривился. — Больше пафоса, чем действия. Пешка ведь. Обычная пешка в давно продуманной и спланированной игре Сизого. Интересно, он хоть понимает это? Или надеется раз помогли выбраться из дерьма, сразу в короли возьмут.

— Не ввязывайся, — сверля невидящим взором спину Рошина, что медленно двинулся к окну, пробормотала Одинцова.

— Маргарита! — застыв на месте, взревел мужчина. — Теперь это дело чести! — оборачиваясь к девушке: — Война началась! Заметь, эту войну начал не я!

Пока Марго неуверенно ловила ртом воздух, Кирилл поспешно пересек разделяющее расстояние. Не позволяя отстраниться, ухватил за предплечья и, притянув к себе, жадно впился в губы жестоким, подчиняющим поцелуем.

Ошарашенная неожиданностью действий мужчины, Маргарита несколько мгновений позволяла Рошину себя подавлять. Она прекрасно знала, что у Кирилла иногда вспыхивали подобные порывы показателя собственной власть над ней. Сейчас, вероятно, он жаждал доказать свою правоту, раз другие доводы не действовали. Нелепый способ на самом деле.

Но девушка давно привыкла.

Когда Кирилл, сильнее стискивая в объятиях, стал жадно шарить руками по телу, сообразила, что он не намерен останавливаться на одном поцелуе. Такое с Роциным случалось крайне редко, но случалось. Вряд ли ему помешают возражения. Но попробовать стоило.

— Кирилл, — упираясь ладошками мужчине в грудь, когда он переместил губы к шее, умоляюще протянула Маргарита, — там Людмила Михайловна завтрак подала. Идем в столовую.

— К черту завтрак, — тяжело дыша, пробормотал Роцин, оттесняя Марго ближе к стене и продолжая нехитрые ласки. — Я не хочу есть. Я устал с дороги. Я соскучился по тебе.

— Кирилл, пожалуйста, — пытаюсь отстраниться, на выдохе протянула Одинцова, — давай позже, — уклоняясь от очередного поцелуя. — Не время и не место.

— Я нахожусь в собственном доме, — гневно глянув на Маргариту, прошипел мужчина. — Поэтому давай сам решу где место, а где нет, — заметив скользнувшую тень испуга на лице девушки, смягчил приказной тон: — Хорошо?

Зачарованно кивнув, едва сдержала вздох возмущения, когда Кирилл одним резким движением сорвал с неё кофточку, позволяя мелким пуговичкам беспорядочно рассыпаться по полу. Не давая опомниться, ловко расстегнул джинсы, спуская к коленкам.

Прислонившись к стене, Марго озадачено наблюдала за действиями Кирилла. О том, чтобы образумить его не было больше речи. Мужчина возбужден и настроен решительно. В такие моменты перечить бесполезно. Все равно возьмет свое. Хочешь того, или нет. Разница в том, что почувствует она сама. Потому предпочла сдаться и поплыть по течению, как делала не единожды в прошлом. Но мыслями витала далеко. Секс — последнее, что интересовало в данный момент. Куда больше волновали новости об Олеге. Это буквально сводило с ума.

Заметив, как Кирилл одной рукой расстегивает ремень, Одинцова невольно отвернулась, позволяя ему продолжить мимолетные ласки. А в голове шальная мысль-воспоминание о разговоре с Чернышевским. Вчера он обещал, что будет каждый день ждать у реки. Это реальный шанс поговорить. Что конкретно намерена узнать, толком не осознавала. Ведь и так всё понятно, как божий день. К информации с досе не подкопаешься. Всё логично. Всё сходится. Но этот разговор необходим ей. Что-то необъяснимое не давало Маргарите покоя. Факт, что всё слишком гладко?

— Девочка моя, что ты как неродная? — выдохнув где-то у уха, Кирилл медленно провел губами по её шее, опускаясь ниже. — Неужели не соскучилась?

Оставляя вопрос без ответа, Маргарита поджалась в руках мужчины, когда он, стаскивая с неё трусики, скользнул пальцами внутрь. Прокладывая короткими поцелуями дорожку к груди.

Кирилл всегда был умелым любовником и мог доставить удовольствие женщине. Завести вполоборота даже когда женщина не настроена на интим. Сегодня Марго не могла не отметить что, несмотря на нежелание секса, не выходило не отзываться на требовательные ласки Роцина. На уровне инстинктов, привычки. Не сказать, что сгорала от страсти или бесконечного вожделения. Но не могла оставаться равнодушной.

Обхватив Кирилла за плечи, невольно испустила вздох, почувствовав, как он одним рывком вошел в неё. Двигаясь резко и уверенно, Роцин продолжал терзать её грудь, покусывая и втягивая в себя.

Прошло несколько минут, которые показались вечностью, прежде чем поняла, что Кирилл, содрогнувшись, подошел к финишу. Где-то на задворках сознания мелькнула странная мысль: Роцин снова завладел её телом. Но за все годы ему ни разу так и не удалось завладеть душой.

2010 год

— Тише, девочка, — потянув за узды взбрыкнувшую и не желающую останавливаться на указанном месте лошадь, возмущенно позвала Маргарита: — стоять! Мы пришли!

За исключением их со Страстью, поблизости не наблюдалось признаков чьего-либо присутствия. Лишь шуршание сухих листьев и чириканье не улетевших на юг птиц нарушало скользкую в воздухе тишину. Наверное, еще рано. Для встречи. Для появления Олега в этом месте в указанный час. Для получения ответов на волнующие вопросы. Просто не время.

Марго машинально погладила кобылку по гриве и похлопав ладошкой, позволила той пройти к реке, пощипать травки. Обхватив себя за плечи, невидяще устремилась вдаль. Из последних сил заставляла держать себя в руках. Пряталась за невозмутимым спокойствием нервозность. Нетерпение предстоящего разговора. С Олегом. Если он все-таки сдержит обещание и приедет.

Весь вчерашний день после общения с Кириллом, не находила места. Отправляться на встречу с Чернышевским оказалось поздно. Роцин смог отпустить от себя Марго к вечеру, находя предлоги быть рядом. Для начала запоздалый завтрак. Затем очередное обсуждение Олега и его возможных способов ворваться в Internal Group. После попросил сверить соглашения о новых поставках. Когда опомнилась, поняла, что вряд ли Олег станет ждать до столь позднего часа.

Расслабиться ей нужно. Успокоится. Собраться с мыслями. Чтобы сгоряча не нарубить дров и не наговорить глупостей. Чтобы хоть для себя сформулировать интересующие вопросы. Понять, что конкретно необходимо узнать. Что готова услышать ныне, а что оставить на потом. Пыталась-пыталась, а в итоге сбежав поутру из дома, официально для традиционной конной прогулки, а на деле для целей, которые явно не одобрит Роцин, понятия не имела, что скажет Чернышевскому. Как поведет себя?

Олег просил о шансе. Маргарита пришла сюда по другому поводу. Но возможность объясниться тоже своего рода шанс. Связываясь с Кириллом, Чернышевский изначально должен догадываться куда влезает и что определенная информация станет известна и самой Марго. Хотя кто знает, что надумал этот мужчина.

Одинцова не представляла, в чем заключался зыбкий и призрачный шанс на неизведанное. Олег... Он казался до боли близким, необходимым. Виной тому прошлое или нечто иное, не особо разобрала.

Хруст треснувших веток и фыркание Страсти, прекратившей пасть и обернувшейся на шум, вырвал Маргариту из размышлений. Ей не стоило оборачиваться, чтобы узнать, кто решил потревожить своим присутствием. Так прекрасно понимала. Настолько легко и незаметно здесь мог появиться один человек.

— Все-таки пришла, — вкрадчивый голос за спиной заставил невольно вздрогнуть.

Что ни говори, а этот мужчина умеет подкрадываться незаметно. Девушка готова поклясться — какие-то секунды назад находился не ближе, чем в сотни метров. И вот совсем рядом. Это... волновало.

— Разве ожидал другого? — не оборачиваясь, спокойно уточнила Одинцова. — Ты ведь изначально был уверен, что я приду.

— Признаюсь, боялся, что это произойдет не так скоро, — усмехнулся мужчина. — Но с

другой стороны, у тебя с юности не отнять любопытства.

Уж действительно всему виной чертова любознательность. Впереди на размышления у Маргариты несколько дней. Вчера, изменив привычкам гулять по утрам, осталась ждать Кирилла. Запросто могла найти повод не выходить из дома и сегодня. Если бы не вопросы. Очередные вопросы, которые не давали покоя и лишили сна.

— Я все знаю, Олег, — поворачиваясь к мужчине, как на духу выпалила Марго.

Ожидала в этот момент чего угодно. Слов оправданий, возмущений, расспросов, что имеет в виду. Но не насмешку, скользкую на лице Чернышевского. Сунув руки в карманы, он равнодушно смотрел в упор. Напрочь безучастен. В чем-то забавляясь происходящим.

Пожалуй, именно из-за этого спокойствия у девушки возникло непреодолимое желание ударить. Вряд ли это что-то изменит. Олега удар мало заденет. А Маргарита в очередной раз обнажит перед ним душу со всеми переживаниями и мучениями. Потому сжав ладони в кулаки, выше вздернула подбородок, заглядывая в уверенные голубые омуты. Дожидаясь реакции. Возможного изменения в выражении лица, надеясь поймать ответ на один самый важный вопрос: стоит ли доверять?

— «Всё» — стало быть то, что знает Роцин? — невозмутимо предположил Чернышевский. Кажется, на его лице не дрогнула ни одна мышца.

— Это не имеет значения, — словно замороженная, Маргарита была не в силах отвернуться от мужчины. — «Всё» это значит — всё. И точка.

— Ты так уверена? — больше не пытаясь скрыть довольной ухмылки, выпалил Олег. Одним незначительным вопросом выбивая почву из-под ног. Снова и снова заставляя сомневаться.

— Волкодав. Фартовый. Умышленное убийство. Лишение свободы на 11 лет. Освобождение. Условно-досрочно. Тесное знакомство и сотрудничество с Николаем Степановичем Сизовым, — перечислив наиболее знаковые моменты, Марго хмуро переспросила: — Продолжать? Хотя зачем? Подробности знаешь лучше меня. Это как раз тебе стоит продолжать.

— Значит, пришла задавать вопросы? — фыркнув, Олег прервал зрительный контакт и побрел к реке, оставляя Маргариту с недоумением смотреть вслед.

— Думал, с одним твоим появлением брошу всё, что у меня есть и прибегу, одурманенная сомнительной перспективой неизвестности? — возмутилась девушка. — Чернышевский, ты стал невероятно самоуверен!

— Ты как-то сказала: жизнь не стоит на месте, — отметил мужчина, слегка повернув голову к Одинцовой. — Всё течет, всё меняется.

— Смотрю, общение с криминальными авторитетами принесло плоды.

— Кто бы говорил, — иронично, но без издевки, не мог не отметить Олег. — Странно слышать подобные упреки именно от тебя.

— Ты надеялся, что я порадуюсь? — делая шаг следом за мужчиной, хмыкнула. — Порадуюсь, что после всех скитаний и попыток борьбы за справедливость, ты опустился до того, чтобы связать жизнь с бандитами? Пускай во имя спасения. Олег, которого я знала, умирал бы, но никогда не подал руку таким, как Сизов.

— Ты предпочла, чтобы я оказался мертв? — резко обернувшись к девушке, вопросительно вздернул бровь.

— Олег, я просто... — нервно сглотнув, ошарашено смотрела на мужчину, не имея ни малейшего понятия, что ответить на подобное.

Она не хотела его смерти. Никогда. Просто смирилась. Свыклась с мыслью, что Олега, как и всех, связывающих с прошлой жизнью, больше нет.

— Можешь не утруждать себя, Рит, — пришел на помощь Чернышевский, — до моего появления тебе жилось гораздо проще. Понял. Знаешь, Рита, — смерил девушку грустным взглядом, — если найдешь способ убедить, что счастлива жить, как живешь, оставлю тебя в покое и больше никогда меня не увидишь.

Замолчав, Олег выжидающе глядел на Маргариту. Повисшая пауза была красноречивее любых слов. Девушка оказалась не готова прогнать Чернышевского. Убедить в том, в чем сама не уверена. Он не поверит. Если поверит и уйдет, снова терять толком не обретенного друга не желала.

— Что и требовалось доказать, — усмехнувшись краем губ, пожал плечами. — Возразить нечего. Теперь если будешь умолять исчезнуть из твоей жизни, убеждая, что великолепно живется с Роциным, все равно не уйду. Знаешь почему?

— Почему же? — пользуясь секундной паузой, поторопила Одинцова. Несмотря на нежелание терять Олега, признать его правоту, значило перечеркнуть неписанные правила, жить по которым давно свыклась. — Почему так уверен, что я и вправду несчастна?

— Ритуль, давай откровенно, — делая шаг к девушке, — будь так счастлива, как хочешь казаться, вряд ли пришла ко мне.

— Ты ни разу не предполагал, что мне просто небезразлична твоя судьба? — выпалила, поджавшись от приближения Олега.

Еще немножко и он будет совсем рядом. До неприличия близко. Стоит протянуть руку, чтобы коснуться.

Около минуты Чернышевский зачарованно рассматривал лицо Маргариты. Прежде чем его губы озарила блаженная улыбка.

— Ради того, чтобы услышать это из твоих уст, стоило пройти все круги ада, — просипел мужчина.

— Олег, кажется, мы снова говорим на разных языках, — дернувшись от осознания, что слова прозвучали достаточно двусмысленно, раз последовала такая реакция.

— Помнится, мы изначально с тобой говорили на разных языках. Но это никогда не мешало нам понимать друг друга.

Чернышевский снова прав. И опять на что-то надеется. Даже спустя годы. Лучший друг юности, который всегда мечтал о большем. И ладно сейчас могла понять, откуда это желание. Она достаточно красивая, уверенная в себе женщина. Многие мужчины желали заполучить её в постель хоть на одну ночь. Олег не исключение. Но в прошлом была щуплой, ничем не примечательной и не выделяющейся из толпы своих сверстниц, девчонкой. Немного взбалмошной и затерянной в огромном безжалостном мире. Обыкновенной школьницей Риткой. Уже тогда кардинально отличалась от статного, умного и взрослого не по годам парня. Старшего почти на целых пять лет. В том возрасте подобная разница казалась огромной пропастью, разделяющей поколения интересов. Что могло быть общего между ними?

Девочка-сирота. При живых родителях! Отец бросил их с матерью, когда Рите не исполнилось и трех лет. Девушка не знала наверняка, но мать всегда повторяла, что этот неблагодарный нашел другую женщину. Более состоятельную, более моложавую. И как Маргарита частенько про себя отмечала, явно более понимающую и благополучную, чем мать.

После Рита частенько жалела, что отец не забрал её с собой. Потому что в остатках воспоминаний всегда казалось, что он любил её. Во всяком случае, гораздо больше матери, которая после ухода мужа окончательно лишилась тормозов. Поначалу изредка выпивала, убеждая дочь и саму себя, что это для того, чтобы не свихнуться от одиночества. В итоге алкоголь полностью завладел реальностью этой женщины. Ей стало плевать на дочь. Она в прямо смысле пропивала всё, попадающееся под руку. Однажды, когда пропивать стало нечего, лишилась двухкомнатной квартиры, продав шарлатану за копейки. Если бы не старая комнатуха в коммуналке, оставшаяся от бабушки, попросту оказались на улице.

И молодой человек, едва перешагнувший порог совершеннолетия. Курсант Академии МВД. Сержант. Всегда стремящийся к справедливости. Мечтающий в одиночку побороть всю преступность. Тоже сирота. В прямом смысле. Не по собственной воле лишившийся родителей. По нелепой случайности, когда Олегу было шестнадцать, они оказались на борту самолета, потерпевшего крушение. С тех пор Чернышевский остался на попечении бабушки и дедушки со стороны отца. Жили они в том же доме, куда по «счастливой» случайности, благодаря матери, довелось перебраться и Маргарите. Но в соседнем подъезде. Там, где находились вполне нормальные квартиры на любой вкус.

Олег с Ритой были слишком разными в социальном положении. Но в то же время похожи в своем одиночестве. Быть может, именно поэтому тем памятным прохладным весенним днем Чернышевский обратил внимание на прозябшую до мозга костей девочку, сидящую на скрипучей качели и неловко растирающей слезы по щекам...

1995 год

— Эй, у тебя все в порядке?

Приятный мужской голос за спиной заставил Риту вздрогнуть и нервно стереть с лица мокрые соленые дорожки. Словно её застали на месте преступления.

— Угу, чудесно, — невнятно пробормотала и поспешила спрыгнуть с качели, желая поскорее сбежать от допроса неизвестного.

— Как-то не очень похоже, — недовольно отметил незнакомец, хватая девочку за запястье. Тем самым заставляя остановиться и, наконец, глянуть на себя.

Шмыгнув носом, Маргарита не без удивления осмотрела стоящего перед собой человека. Им оказался довольно молодой парень. Лет двадцать максимум. Но первым заприметила другое — форму курсанта милиции. Она мало разбиралась в различиях между костюмами всевозможных силовых структур. Но милицейскую определить могла. Потому как порой засматривалась на проходящих мимо молодых людей и девушек в форме, искренне мечтая однажды стать на сторону борьбы за справедливость.

Сегодня появление вероятного представителя власти немного пугало. За последние недели мать часто утверждала, что еще пара выходов со стороны Риты и вызовет наряд, чтобы с ней разобрались. В свете последней ссоры и ругательств, ничему не удивлялась и предполагала, что этот симпатичный парень пришел сюда не просто так. Конечно, она не уверена, что курсанты выполняют подобную работу, но исключать вероятность не стоило.

— Отпустите, мне нужно идти! — дернулась, пытаясь освободиться.

— Ты чего? — не позволяя уйти, осадил незнакомец. — Я тебя не съем!

— Зато заберете в обезьянник, дурку, детский дом или куда там еще забираете! — с вызовом глядя курсанту в глаза, девочка мысленно для себя отметила, что у этого парня они невероятно добрые.

На мгновение мелькнула мысль — ему вполне можно доверять. Но скоро улетучилась, когда в памяти всплыли глаза отца. Казалось, ему тоже можно доверять. Что в итоге? Он её предал. Близкий и родной человек. Почему не может предать незнакомец?

— Никуда я тебя не заберу. Больно надо! Сидишь здесь одна битый час. Мне показалось, тебе нужна помощь.

— От тебя, что ли? — вопросительно вздернув бровь, Рита немного притихла, прекратив попытки вырваться. — А чем такой как ты... — оценивая парня, — может помочь такой, как я? — указав на свою потертую и выцветшую от времени некогда ярко-синюю куртку.

— Нам никто не запретит попробовать, — разжав хват, предположил незнакомец. — Разве нет?

— Я ни в чем не уверена, — тяжело вздохнув, Рита, понимая, что идти всё равно некуда, а наблюдать за пьяными выходками матери последнее чего хотелось, обреченно опустилась обратно на качели, похлопав ладошкой по соседней: — Ну садитесь, коли пришли.

— Олег, — присев рядом, курсант протянул раскрытую ладонь недоверчивой девчонке.

— Рита, — несколько мгновений Одинцова изучала протянутую руку, прежде чем вложила свою.

— Приятно познакомиться, Рита, — задержав ладонь дольше, чем следовало, засиял парень. После неожиданно отпустив, отвел взор в сторону, отмечая скорее для самого себя: — Раньше тебя здесь не видел. Но теперь встречаю всё чаще.

— Мы переехали недавно, — призналась Маргарита.

— Понятно.

Несколько минут Рита ждала продолжения расспроса. Что поинтересуется хоть о чем-то. Но парень упорно молчал. Словно боялся переступить дозволенную черту. Ждал, пока сама решится на откровенности. И она рискнула.

— Извини, что налетала на тебя поначалу, — робко выдохнула Ритка. — У меня с матерью не очень хорошие отношения, она грозит, что сплавит в детдом, — поймав удивление Олега, пояснила: — Она пьет. Сильно пьет. С тех пор как отец ушел от нас. Почти десять лет одно и то же. Недавно квартиру профукала. Сюда переехали. Все обещала измениться. Но от этого не легче. Я знаю, что не нужна ей. Лишний рот, который надо кормить и который мешает, как говорит, полноценно отдыхать. А я что... Может, и ушла от неё, всё равно не заметит моего отсутствия. Да идти некуда. Пошла бы работать. Хоть полы мыть, хоть посуду драить. Хоть куда. Но не берут в моем возрасте, узнавала. А идти скитаться и просить милостыню... Лучше умру, чем так. Но и зависеть от вечно пьяной матери тоже не могу. Не хочу и не буду! Либо свободной, либо никак.

— Маленькая ты, — фыркнул Олег безразлично. — Умирать не выход. У тебя вся жизнь впереди. Сложно, тяжело. Кажется, ничего хорошего в будущем не светит, но нужно идти дальше. Стремиться к лучшему, пытаться. Поверь, смерть — крайний случай. Порой она и так заявляется без спроса и забирает самых дорогих людей. Тех, кому еще жить и жить... У кого планов море. Но нелепое стечение обстоятельств разрушает вмиг все надежды. Поверь, вот это самое страшное. Пока тяжело — есть к чему рваться. Значит, впереди пути к окончательной цели. Впереди целая жизнь. Свобода и истинное счастье.

— Ты говоришь странно... — затаив дыхание, еле слышно пробормотала Рита. — Сплошные загадки.

— Пару лет назад погибли мои родители, поэтому я знаю, о чем говорю. Со временем ты тоже многое поймешь.

— Прости, я не хотела, — отрицательно закивав головой, протараторила Одинцова.

— Ничего, привык, — отмахнулся Олег. Снова протянув Рите раскрытую ладонь, поднимаясь, предположил: — Ты, стало быть, голодна? — получив в ответ машинальный кивок, добавил: — Тогда идем. Бабушка напекла пирожков с капустой. Такие блестящие, поджаристые... Просто объеденье!

— Это, наверное, не очень удобно, — борясь с так не вовремя заурчавшим желудком и искушением согласиться, отрицательно закивала Маргарита.

— Их много, — не унимался Олег. — Нам с дедом не осилить, — когда девочка нерешительно протянула руку, поспешно стягивая Одинцову с качели, довольно заметил: — Вот и славненько. Думаю, ты понравишься бабуле. Она всегда хотела внучку, но не сложилось. Все жалуется, что от меня оболтуса проку никакого.

Улыбнувшись, Рита позволила странному, малознакомому, но уже тогда чем-то подкупающему курсанту потянуть себя в соседний подъезд...

2010 год

В тот день, познакомившись с бабушкой и дедом Олега, Маргарита впервые за долгое время ощутила себя по-настоящему счастливой. Почувствовала, как приятно, когда о тебе заботятся. Просто так, искренне. Безо всякой выгоды и не требуя ничего взамен. В тот день обрела первого и настоящего друга. Который никогда не задавал лишних вопросов, всегда понимая с полуслова. Который был словно из другого мира. Факт, что оба без родителей сближал, но ощущалась разница.

У Олега были те, кому он нужен и важен. Олег жил в нормальной квартире, где всегда чисто и пахло едой. Ухоженный, домашний. Рита обитала в грязной комнатухе, в которой как ни пыталась навести порядок, бардак возвращался вместе с очередной попойкой матери. Она была всегда предоставлена исключительно самой себе. Никому не нужная. Хотя с появлением Олега ощутила, что кому-то небезразлична.

В тот день Олег впервые помог ей. Морально. И хоть говорили на разных языках, а разглагольствования Чернышевского казались абсурдными, именно он заставил поверить, что должна жить и упрямо идти вперед. Не ломаясь и не прогибаясь под обстоятельствами. Потому что только так в итоге сможет достигнуть главной цели — стать свободной и счастливой. Именно эти простые истины однажды помогли остаться собой. Но к чему привели? Ни свободы, ни полноценного счастья.

Что до Олега? Кажется, у него не лучше. Удалось ли ему остаться собой большой вопрос, ответ на который очевиден заранее. Но вряд ли его можно назвать удовлетворительным.

— К чему вспоминать былое? — после затянувшейся паузы, заговорила Марго.

Отвернувшись от Олега, прошла вдоль реки к заваленной на землю ивовой ветке, запрятанной среди других размашистых деревьев. Осмотрелась, проверяя безопасность

подобного сиденья, и осторожно опустилась на полено. В голове десятки вопросов, которые давно стоило задать, а не ходить вокруг да около. Но вместо них с уст срывается единственный:

— Олег, признайся честно, ты появился в моей жизни потому, что я могу помочь противостоять Рощину? — скорый взгляд на мужчину, что, пройдя следом, остановился неподалеку. — Потому что имею с ним тесный контакт?

— Нет, — резковатый, но честный ответ Олега. Сомневаться в правдивости которого не представлялось возможным.

— Хорошо, — втягивая воздух в легкие, Маргарита с вызовом посмотрела на Чернышевского: — Из-за чего?

— Я думал, ты умнее и сама понимаешь, — отмахнулся Олег, скользя холодом по девичьей фигурке. — Есть нечто, над чем время неподвластно.

Нервно сглотнув, понимающе кивнула и быстро отвернулась, уставившись вдоль реки. Пожалуй, тут Олег прав. Кое-что не меняется даже с годами. Но какой прок, если действующие лица стали иными? Мир вокруг другой.

— Олег, — услышав, что мужчина присел рядом на дерево, продолжая рассматривать горизонт, с грустью предположила: — тогда, в 98-м, тебя посадили за убийство заложника, — резко поворачиваясь к Чернышевскому: — Скажи, это за?..

— За Пашку.

— Но как? — глотая горький комок, застывший в горле, не в силах запретить предательским слезам заслепить глаза. — Ты ведь не мог! Я лично видела, как его убили эти отморозки... Или?.. Боже мой!

Прикрыв ладошкой рот, Марго взвыла, составляя два плюс два. Пашку убил Крот, или как там его. Он работал на Сизова. Если верить досье, нарытому Кириллом, Олег тоже работает на Сизого. Неужели всё началось еще тогда? Неужели в тот роковой вечер Олег осознанно шел на заброшенный завод. Но не для того, чтобы помочь. А сделать всё, чтобы Рита попала в ловушку. Не хотела в это верить! Не хотела признавать еще одно предательство! Не от Олега!

— Кому-то очень нужно было найти козла отпущения, готового ответить за случившееся, — игнорируя накатывающуюся на девушку истерику, уверенно оборвал Чернышевский необоснованные и нелепые предположения. — По глупому стечению обстоятельств на месте оказался я. С огнестрельным ранением в предплечье. Без сознания. Рядом пистолет, которым убили Павла. С моими отпечатками пальцев.

— Что за бред? — уставившись на Чернышевского, как на незнакомца, ошарашено забормотала Марго. — Они ведь тебя самого того... убили. Точнее, едва не убили. В милиции не могли упустить данный факт. Это обвинение высосано из пальца! Неужели ты со своим ментовским образованием, связями... У тебя должны быть связи в прокуратуре или среди юристов. Неужели ты не смог доказать абсурдность обвинения? Как позволил им себя посадить?

— Рита, это долгая история. Нет смысла углубляться в подробности, — отмахнулся мужчина. Приподняв руку, осторожно провел большим пальцем по щеке Маргариты, стирая одинокую слезинку, застывшую у губ.

— Хорошо, — вздернув подбородок, Одинцова отшатнулась от мужской руки, боясь собственной реакции на прикосновение, — как насчет Сизого? Как и зачем с ним связался? Ты в курсе, что это не просто бандит? У него нет ничего святого. Из-за него я провела целых

шесть лет в борделе. Из-за него едва не лишилась жизни. Да черт со мной! Многим девчонкам повезло гораздо меньше! И сейчас узнаю, что ты с ним заодно. Скажи, что случилось с тем Олегом Чернышевским, который я знала ранее? Который всегда был на стороне справедливости? Неужели на пути к главной цели, свободе, ты лишился главного — самого себя?

— Долго думала? — нахмурившись, с раздражением выпалил Олег. Подхватившись, сложил руки на груди. Глядя на Маргариту сверху вниз, бросил: — Когда ты научишься разбираться в людях? Когда перестанешь беспрекословно верить своему... Рощину?

— Я верю не Рощину, а фактам! Как, по-твоему, научиться разбираться в людях, если окружающие носят реалистичные маски, сбрасывая их в неподходящие моменты? Когда меньше всего жду предательства! Кому, если не Рощину?

— Рощину она верит! — про себя фыркнул Олег. — И фактам его, черт подери! Маргарита! — ухватив девушку за запястья, потянул на себя, заставляя встать. — Если я скажу, что Пашка жив? Или что твой Роцин помог тебе потому, что ты избавила его от неприятных помех на пути к отцовскому наследству? Тоже поверишь?! Мне поверишь? — с силой встряхнул.

— Что? — вмиг обвиснув в руках мужчины, Марго не моргая, уставилась на Олега. — Повтори, что ты сказал. Пашка жив? И Роцин. Какие помехи? Можешь толком объяснить?

— Неважно, Ритка, — отпустив девушку, заставляя пошатнуться без поддержки, Чернышевский быстро сунул руки в карманы и отвернулся, выискивая взором коня. — Забудь.

— Нет, Олег, не забудь! — хватая мужчину за плечи, пытаюсь развернуть к себе. — Начал говорить — продолжай!

— Бред, правда? — обернувшись к Маргарите, усмехнулся Олег. Только смех был скорее механическим, в остальном сама серьезность. — Вот и некоторая информация, собранная Роциным тоже бред. Я пытаюсь доказать тебе — не стоит беспрекословно доверять услышанному, — хватая Одинцову за предплечья, наклонившись ближе, пытался достучаться до сознания: — Есть вещи, которые говорятся преднамеренно. Чтобы запутать следы, понимаешь?

— Зачем? — выдавила Маргарита.

— Я не могу тебе пока всего рассказать, — обреченно отрезал. — Так надо.

— Кому надо, Олег? Тебе, чтобы подняться за мой счет? Или Сизому, чтобы взять под контроль всю страну?

— Ты права, это нужно мне, — согласно кивнув, Чернышевский сильнее сжал плечи Марго. — Чтобы открыть тебе и окружающим правду о Рощине. Чтобы не позволить ни ему, ни Сизому взять под контроль страну. Но в первую очередь это нужно тебе самой. Чтобы обрести долгожданную свободу, к которой всегда стремилась. Если позволишь, я могу тебе помочь. Просто дай шанс. Поверь еще раз и обещаю, что сделаю всё, чтобы ты никогда не пожалела.

— Чернышевский, почему у тебя все так просто? — прикрыв веки, прошипела Маргарита.

— Просто? Разве это просто? — нахмурившись, Олег встряхнул девушку, принуждая посмотреть на себя. — Просто — это если бы предложил плюнуть на всё и сбежать со мной, куда глаза глядят. Забыть об обязательствах, чувстве долга, обещаниях. Вот это просто. А путь, который предлагаю, далеко не прост. Но пройдя его вместе, мы сможем обрести

настоящую свободу. И счастье.

Маргарита неверующе смотрела на Олега, пытаясь разобраться в услышанном. С одной стороны, так хотела довериться ему. Человеку, который никогда не предавал. Который по возможности всегда был рядом. Но с другой... С другой стороны — Кирилл. Противоположность Олегу. Двое мужчин, утверждающих абсолютно разные вещи.

— Хотя... — в очах Олега загорелся безумный огонек. Он, до неприличного близко склоняясь к лицу Маргариты, прошептал: — Согласись ты сбежать со мной, не раздумывая плюнул на всё и увез отсюда. Давай забудем о Рощине, о Сизом, о Жемчужине. Обо всем. И сбежим. Моих сбережений хватит на первое время, чтобы начать новую жизнь, — снова и снова встряхивая девушку, пытаясь достучаться до её сознания. — Как тебе, Рит? Хочешь? Мы можем сделать это прямо сейчас! Нужно твое согласие.

— Я не могу, Олег, — отрицательно закивала Маргарита, понимая, насколько абсурдно звучат слова мужчины.

Очередной побег. В этот раз не от окружающих людей, от себя. Нет, на подобную авантюру Одинцова не готова подписаться. Толком не соображая зачем Чернышевскому. Из-за давнишних чувств? Но где гарантия, что они по-прежнему живы?

— Почему? — вопрос, прозвучавший словно гром среди ясного неба. Спокойный, отстраненный. Но глаза полны бесконечной мольбы и отчаяния.

— Кирилл, — как само собой разумеющееся, выдала Марго. — Я не могу с ним так поступить.

Но сразу пожалела, заметив, как переменялся в лице Чернышевский, натягивая на себя невозмутимую маску серьезности и недовольства. Несколько секунд всматриваясь на Марго, дожидаясь еще чего-то. Оправданий. Но не получив их, скрипнул зубами и отпустил Одинцову. Отвернувшись, быстро зашагал прочь. На ходу окликнув коня:

— Ветер, давай сюда. Хватит, нагулялись сегодня, — хватая вороного под узды, похлопал по икрам.

— Олег, погоди! — бросившись следом, прикрикнула Одинцова. — Так просто возьмешь и уедешь без объяснений?

— Что ты от меня хотела? — с удивлением воззрившись на Марго. — Я попросил довериться и немножко помочь. Но, кажется, ты сделала выбор. Что ж справлюсь в одиночку, не привыкать.

— Я не говорила, что не хочу помогать, — не ведая, что несет, на духу выпалила, заморожено глядя на Олега. — Но не могу подписаться на дело, о котором не имею не малейшего представления. Начинать игру, не соображая на чьей стороне, по крайней мере, глупо.

— На моей! — перебил Чернышевский. — Этого мало?

— Я не знаю, Олег.

Маргарита хотела что-то сказать. Не могла собраться с мыслями. Оказывается, это невероятно сложно. Чернышевский, очевидно, считая бессмысленным ждать, ловко запрыгнул на коня с намерением ускакать прочь.

— Олег, погоди ты! — окликнула Марго. Когда мужчина на миг обернулся, с отчаянием пролепетала: — Как же я?

— Возвращайся домой, Рита, — устало выдохнул Чернышевский, — пока Кирилл не спустил на твои поиски всех собак, — пресекая возражения, уверенно добавил: — Я найду способ с тобой связаться. У меня есть твой номер телефона. Главное, не говори о наших

встречах Рошину. Если хоть немного доверяешь, и я что-то для тебя значу.

Не дожидаясь ответа, дернул поводья и бросился прочь, вздымая после себя огромные клубы пыли. И кучу загадок, которые Маргарите еще предстоит отгадать.

— Ну что, Волкодав, как я предсказывал, рыбка клюнула на наживку, — растягивая слова, лениво заметил мужской голос в трубке. — Точнее, волк медленно, но уверенно прокладывает себе дорогу в клетку.

— Есть новости? — всматриваясь в розовый закат и прокручивая в руках сигарету, уточнил Чернышевский.

— После того как предоставил Рощину информацию, он такого шума в городе навел, мама не горюй. Рыщет, как ищейка, — на той стороне провода снисходительно фыркнули. — Пытается понять, как ты вошел в свиту Сизого. Готов идти к последнему на поклон, чтобы понять в чем соль.

— Ты сделал всё, чтобы этого не случилось? — пройдясь взад-вперед по веранде, Олег устало опустил в плетеное кресло.

— Обижаешь, брат! У Рощина нет шансов откопать хоть толику инфы, где и при каких условиях загорает Сизов. Если начнет копать вглубь или поднимать связи, для всех многоуважаемый Николай Степанович либо давно сгнил в сырой земельке, не без участия нашего общего знакомого, либо свалил за бугор, пряча свою задницу и просаживая последние «честно заработанные» бабки. Здесь у Рощина нет шансов и...

— И, кажется, он сам это осознает, — прервав рассуждения, закончил Чернышевский, сощурившись и уставившись к горизонту, где, поднимая пыль, мчался знакомый автомобиль.

— Не понял. Откуда знаешь?

— Не знаю. Могу догадываться исключительно потому, что сейчас Рощин подъезжает к усадьбе.

— Ого! — в трубке послышался удивленный свист. — Не думал, что он так скоро созреет.

— А я думал? — огрызнувшись, мужчина смял не прикуренную сигарету и, отбросив на столик, подхватился с места.

— По ходу нашему Плантактору реально очень важен этот контракт. Ты снова не прогадал, брат.

— Сделка — золотая жила, а такой как Рощин своего не упустит. Ладно, Буря, пойду-ка встречать гостей, — наблюдая, как бесшумно разъехались кованые ворота, пропуская во двор нежеланного посетителя. — Позже перезвоню.

Отключившись, Олег сунул мобильный в карман и крутанувшись, направился из дома.

В планы Чернышевского сегодня не входила встреча с этим человеком. Будь его воля, Олег никогда не пересекался с Рощиным, не говоря об общих делах. Но раз ситуация сложилась таким образом и без личного общения никуда, хорошо, что Рощин попался на удочку быстро. Чем скорее всё начнется, тем скорее закончится.

Каждый получит по заслугам. Кирилл то, чего с помощью хитрости и изворотливости избегал долгие годы, сваливая ответственность на других. А Олег — ту самую желанную и необходимую свободу от обязательств к которой стремился. Но на которую по-прежнему не имел права.

Но к чему сожаления? При большом желании Чернышевский давно мог всё бросить, вернуться к нормальной жизни, найти хорошую, главное, не опасную и без подводных течений работу, завести семью и жить как живут все. Если захотеть, это не так трудно

сделать. Лазейка имелась еще шесть лет назад. В аккурат вместе с долгожданным условно-досрочным освобождением.

В чем проблема? Сказать — не хотел? Хотел. Очень хотел. И нормальную жизнь хотел, и работу, и семью, и даже детей. Причем детей, чем больше, тем лучше. Чтобы целая футбольная команда. Чтобы нянчиться, воспитывать и менять подгузники. Водить в садик, а затем школу. Учить играть в футбол и ездить на рыбалку. Иметь обычную, полноценную семью, в какой ему посчастливилось вырасти. Но которой по нелепому стечению обстоятельств преждевременно лишился. Проблема в том, что хотел еще одного — помочь человеку, который не безразличен. И это желание оказалось гораздо сильнее остальных вместе взятых. Для Олега всё взаимосвязано. Исполнится последнее — автоматически реализуется остальное. Он не был уверен. Надеялся. Как и прежде. Спустя годы.

Сколько лет прошло? Десять? Двенадцать? Кажется — целая вечность. Много изменилось. Его жизнь изменилась. Он изменился. Она изменилась. Внутренне. Внешне. Но одно осталось неизменно — Олегу, как и раньше, небезразлична Маргарита.

Ритка. Маленькая, потерянная среди сотен других людей, девочка. Одинокая. В какой момент стала значить для Олега гораздо больше, чем знакомая? Чуть больше, чем друг.

Когда впервые увидел её? Растрепанную и заплаканную на качелях. Когда понял, что должен помочь? Ведь если не он, больше некому, как выяснилось.

Когда открыл перед ней душу, обнажая потаенные уголки? Впервые после гибели родителей для кого-то чужого. Просто и неосознанно рассказывая, что в мыслях, на сердце. Не тая ничего.

Когда узнал её судьбу? Несчастной, брошенной и ненужной собственным родителям. Живым, в отличие от его.

Когда впервые защитил, не позволяя пьяной матери обрушить на обиженную девчонку праведный гнев? И потом всегда защищал, заступался. Забирал домой, где под присмотром и опекой его бабушки, Рита приходила в себя, успокаивалась.

Или, быть может, когда познакомил с парнем из соседнего двора? Младшим на пару лет приятелем зачастую бегавшим за Олегом хвостиком. Человеком, которому без зазрения совести всегда оставлял на попечение Ритку во время собственного отсутствия. Отправляясь на сборы, либо периодически возвращаясь к казарменному режиму. Потому что доверял.

Как не поверить пареньку, который с восхищением заглядывал в рот, в ожидании всевозможных историй о тягестях и лишениях курсантской жизни. Который до поры до времени планировал пойти по стопам самого Чернышевского.

Или когда в один прекрасный день возвращаясь после недельных сборов за городом, заметил свою юную подопечную прогуливающуюся в компании этого самого товарища? Держась за ручки. А затем поцелуй, увиденный случайно, украдкой. Быстрый, легкий, но совсем не дружеский. В тот момент у Олега пелена с глаз спала.

Может, именно тогда разглядел метаморфозы, происходящие в некогда угловатой девочке-подростке? Понял одну простую вещь — Рита больше чем друг. Всегда была таковой. С первого дня. Пожалел, что на осознание сего факта понадобилось целых два года. Два года, сблизивших настолько, что иначе, чем другом и братом, Ритка не могла его назвать. Удивительно ли, но парня, которого считала почти родственником, элементарно не представляла в роли кого-то более близкого. Душевно. Физически. До интимного.

Сколько ошибок в то время натворил Чернышевский? Мелких, незначительных. Кажется, не счесть. Именно оттуда всё началось. Запутался клубок безысходности, который

участникам событий приходится распутывать до сих пор.

Если бы предположил к чему приведет связь Ритки с Павлом. Чутьочку раньше узнал с его темных делишках. Успел прийти к Рите ранее в тот роковой день. Смог подобрать нужные слова, ключик к её разуму — заставить остаться, не наломать дров, не ввязаться в глупые передраги. Если бы смог по-тихому увести с того жуткого завода. Опять если бы. *Слишком много если бы.*

Ничего из списка, который можно продолжать бесконечно, не произошло. Поздно сокрушаться. Что-либо изменить тоже. Зато есть возможность еще раз попытаться модифицировать будущее. Повлиять на него. Найти новые лазейки для себя. Для Ритки. Вытащить из кабалы, в которую в этот раз залезла осознанно, не подозревая насколько серьезна ситуация. Конечно, это ведь не элитный бордель Инанна. Это нечто более завуалированное и замысловатое. Суть одна. На смену Сизому пришел Роцин. Но где гарантия, что последний лучше предыдущего «хозяина»? Нет гарантии. Олег намерен во что бы ни стало доказать Маргарите.

Чернышевский сам не лучше Сизого, или Роцина. Олегу плевать на многие вещи. Он тоже способен идти по головам. Готов все крушить и ломать. Стрелять и убивать. Стрелять его неплохо понатаскали во времена курсантства. Последнему пришлось научиться в тюрьме. Точнее, не столько научиться, сколько решиться, пересилив самого себя. Выбор оказался невелик — либо ты, либо тебя. Понятное дело, выбери последнее, не было бы ни Жемчужины, ни поместья, ни огромного желания заставить Роцина заплатить по заслугам.

— Господин Роцин! — с улицы послышался приближающийся голос экономки. — Погодите!

— Где хозяин? — последовал недовольный мужской рык. — Где прячется этот с*кин сын?

— Я должна сообщить Олегу Вячеславовичу о Вашем приходе!

— Я не намерен ждать! — срываясь на крик, возмутился мужчина. — Я не мальчик, чтобы сидеть, ожидая аудиенции!

Последняя фраза Роцина вызвала на лице Олега невольную ухмылку. Вместе с тем Кирилл вихрем ворвался в гостиную, спешно окидывая раздраженным взглядом. Мгновение и на глаза попался Чернышевский, застывший у двери, ведущей на веранду.

— Олег Вячеславович! — забежав следом за Роциным, затараторила запыхавшаяся женщина. — К Вам гости! Извините, я хотела предупредить, но мне не дали ни малейшего шанса, чтобы...

— Наталья Ивановна, — проходя вглубь комнаты, отстраненно перебил Олег, — всё нормально. Занимайтесь своими делами. Сам разберусь.

— Может, что-то нужно? — бросив последний недоверчивый взгляд на разъяренного Роцина, уточнила экономка.

— Нет. Если что, позову, — отмахнулся Чернышевский.

— Не ожидал? — плотоядно усмехнувшись, поинтересовался Кирилл, когда за женщиной закрылась дверь.

— И Вам вечер добрый, Кирилл Сергеевич! — вальяжно усевшись в кресло, с притворным официозом бросил Олег.

— Вижу, не ожидал, — игнорируя приветствие, Роцин последовал примеру и плюхнулся в противоположное кресло.

— Скорее, не могу понять, каким макарон удосуужился чести визита винного короля

страны, самого великого и могущественного Кирилла Сергеевича Рощина.

Олег откровенно забавлялся ситуацией и сменой эмоций на выражении лица собеседника. Будь на месте Чернышевского кто-то другой, уже запросто испугался и пожалел о сказанном. Извинился, быть может. Но точно не продолжил дерзить с таким видом, будто за пазухой весь мир. Кто угодно, но не Олег, у которого предостаточно козырей против Рощина. И если не сейчас, со временем намерен использовать все. Пока — пофиг, насколько может разозлиться Рощин. Бесил преднамеренно.

— Чай? Кофе? Коньяк? — заметив, как заиграли желваки на скулах Кирилла, в глазах вспыхнула ярость, а руки с силой сжались на подлокотниках, Олег продолжал издеваться. — Или все-таки попробуете нашего вина? Безусловно, не такого прекрасного и качественного как Ваше, но не менее достойного.

— Не паясничай Чернышевский! Я пришел по делу, а не трепаться о жизни.

— Пожалуйста, — разводя руки в стороны, — я весь внимание.

— Ты работаешь на Сизого, — не спрашивая, утверждая, с ходу выдал Рощин.

— Я бы назвал это иначе, — ухмыльнувшись, Олег приготовился к защите. — Я привык работать исключительно на себя. Другой вопрос, на чьей стороне ведется игра.

— Хорошо, — хохотнув, согласился Кирилл, — смею предположить, нынче игра на стороне Сизого?

— Допустим, — уклончиво отмахнулся Олег, потянувшись в карман за пачкой сигарет.

— В таком случае мы находимся по разные стороны баррикад. Ты это понимаешь, Волкодав? — вопросительно вздернув бровь.

— Более чем, — поддаваясь вперед, заметил Чернышевский, — Плантатор.

— А ты неплохо осведомлен, — Кирилл расслабленно откинулся к спинке. — Тогда, должно быть, знаешь, чем обернулись наши с Сизым прошлые недоразумения. Кто вышел победителем и получил всё, кто остался ни с чем.

— Напекаешь на набег шестилетней давности на базу? — вытащив сигарету, Олег протянул руку, предлагая Кириллу закурить. Но когда тот отрицательно отмахнулся, продолжил: — Как прижал ребят Сизого под себя, а его самого якобы порешил? Заметь, ключевое слово — якобы.

— Мне кажется, здесь ключевое другое, — сощурившись, хмыкнул Рощин. — Чтобы в итоге тогда не произошло с Сизым, согласишься, его живучесть другая сторона медали, но выиграл я. Именно я сделал великого и ужасного Сизова. Неужели думаешь, не могу сделать тебя? По*ер, что находишься под покровительством Бати. Его империя давным-давно рухнула.

— И ему на смену пришла империя Плантатора, — покрутив между пальцами сигарету, равнодушно бросил Олег. — На это намекаешь?

— Почему нет. Время власти Сизова закончилось. Поздно пытаться её возродить. Время вспять не вернуть. После того как Сизый нелепо прос*ал абсолютно всё, его никто не воспримет всерьез.

— Все имеют право на ошибку.

— Не в нашем деле. Чернышевский, ты прекрасно знаешь, здесь подобное не прощают. Степень доверия утеряна. Если Сизый, работая годами, не смог удержать собственный бизнес под контролем, где гарантия что так запросто не профукает чужое. Никто не пойдет с ним даже на мелкую сделку.

— С ним не пойдет. А с кем-то другим, более молодым, амбициозным, — щелкнув

зажигалкой, несколько секунд всматриваясь в яркий огонек, Олег пронизательно взглянул на Рощина, — почему нет?

— На себя намекаешь, что ли? — Кирилл иронично хмыкнул.

— Чем черт не шутит.

— На такого сопляка никто не взглянет! Не говоря о соглашениях.

— Ай-ай-ай, — поцокал языком Чернышевский, в который раз щелкнув зажигалкой, — как грубо. И глупо. Недооценивать соперника, о котором равным счетом ничего не знаешь. Ты самоуверен, Рощин.

— Я смотрю реалиям в лицо. Если так впрягаешься из-за Сизого, это не говорит о твоей могущественности. Хотя не скрою, любопытно послушать, как втерся в доверие к старому пройдохе. И где, собственно, находится он.

— Ты же не думаешь, что я раскрою карты?

— И не надеюсь.

— Зачем приехал? — понимая, что ходить вокруг да около бессмысленная трата времени, с вызовом изрек Олег.

— Чернышевский, давай откровенно, — посерьезнев, Рощин поддался вперед, — сколько ты хочешь?

— Не понял, — мужчина застыл с сигаретой на полпути ко рту. Предполагал подобный поворот. Но не ожидал явной прямоты.

— Что непонятного? — Кирилл нетерпеливо постучал пальцами по подлокотникам. — Я понимаю, ты здесь жопу рвешь не за просто так. За всю грязную работенку Сизый платит бабки, — окидывая оценивающим взглядом гостиную. — Очень неплохие. Ты имеешь шикарные тачки, жратву, баб. Приличную крышу над головой. Я в прямом смысле.

— К чему клонишь? — зажав сигарету в зубах, Олег подозрительно покосился на собеседника.

— Сколько тебе нужно, чтобы покрыть все расходы? — с нажимом повторил Рощин. — Я заплачу сколько необходимо для безбедного существования и даже больше. Поверь, в твоём образе жизни мало что изменится. Тот же шик, роскошь. Всё, что пожелаешь.

— Но? — прикуривая.

— Почему сразу «но»?

— После таких заманчивых предложений обычно следует «но», — выдыхая струйку сизого дыма вверх.

— Ты жук, Чернышевский, — усмехнувшись, Рощин машинально сунул руку в карман куртки в поисках сигарет.

— Нет, я Волкодав, — довольный собой, поправил Чернышевский. Наблюдая за безрезультатными попытками Кирилла отыскать следом за сигаретами зажигалку, протянул свою: — Угощайся огоньком.

— У меня свой, — найдя, Рощин довольно продемонстрировал дорогую позолоченную вещь. Прикурив, возвращая голосу былую серьезность, продолжил: — Так вот, Волкодав. Всё элементарно. Взамен переходишь на мою сторону и помогаешь избавиться от досадного недоразумения по имени Николай Степанович.

— Как неразумно с твоей стороны, Плантадор, — напоследок затянувшись, Олег подвинул к себе пепельницу, стоящую неподалеку на журнальном столике, нещадно смял окурочок о тонкий хрусталь. — Мне казалось, ты взрослый мужик, пришел пообщаться о делах, договориться. А несешь ахинею.

— Чернышевский, издеваешься? — вмиг вспыхнул Кирилл.

— Я? — нахмутив недоуменно брови. — Нет, конечно. Просто подумай сам — ты приходишь один в логово врага, делаешь такие опрометчивые предложения. Можешь представить, что я тебя грохну и никто не догадается. Как такой расклад?

— Ты этого не сделаешь, — не вздрогнув ни одной мышцей, покачал головой мужчина.

— Откуда уверенность? Почему нет? — медленно поднимаясь с кресла. — Нет человека — нет проблем. Всё просто.

— Не в правилах Сизого избавляться от проблем самым простым и неосторожным способом.

— Но и я не Сизый.

— Хочешь сказать... — наблюдая за передвижениями Олега, — что убережешь меня прямо здесь?

— Я? — застыв посреди комнаты, удивился Чернышевский. — Нет, что ты. Не хочу марать новенький ковер и прибавлять лишней работы Наталье Ивановне. Пытаюсь донести, что не все и не всё продается за деньги.

— Из идейных, что ли? — фыркнул Роцин.

В ответ Олег неуверенно пожал плечами. Прекрасно понимал, что разговор заходил в тупик. Вероятность убедить Роцина изменить собственной идеологии, изначально не представлялась возможной. После самоуверенной попытки перетащить на свою сторону и подавно. Как и предполагал, Плантатора возможно поймать, заставив самого себя заманить в ловушку. Как раз этим и займется в ближайшее время.

На этой ноте стоило завершить разговор. Сомнений в грядущих планах Роцина не оставалось. Но что-то сдерживало. И это что-то не амбиции Кирилла и не надежда услышать чего-то новое. Но это казалось важным.

— Чернышевский, я никогда не поверю, что ты настолько предан своему хозяину, — опираясь ладонями о подлокотники, Кирилл решительно поднялся. — Если не деньги, даю сто процентов гарантии, есть нечто, способное заставить тебя перейти ко мне. Или хотя бы отступить с дороги, предварительно предоставив необходимые козыри для игры против Сизого. Хорошо, если добровольно, а не с помощью компрометирующей информации или методов не так давно тобой упоминаемых. Как там говорил? — изобразив задумчивость, щелкнул пальцами: — Нет человека — нет проблем? Что-то в этом есть.

Роцин, отвернувшись, вальяжно направился к выходу. Олегу вздохнуть бы с облегчением. Заняться осуществлением заранее продуманного плана. Но безумная, опрометчивая мысль мелькнула в голове чересчур отчетливо. Сообразить не успел, когда преобразовалась в громкое заявление:

— *Маргарита.*

— Что? — застыл Роцин.

— Ты спрашиваешь, что помимо денег меня может заинтересовать, — ступая в направлении Кирилла: — Отвечаю — Маргарита.

Несколько секунд молчания, которые для Олега показались вечностью. Незыблемой, бесконечной. Моменты в ожидании ответа, который способен изменить если не всё, то многое. Который в одночасье способен превратить мечты в реальность.

Несколько секунд прежде чем Роцин, обернувшись, мгновение смотрит в глаза Олегу. Уверенно, серьезно. Не моргая.

Несколько секунд прежде чем прозвучит одно-единственное разрушительное слово.

Поставившее на кон всё. Принуждающее ступить на тропу безжалостной войны.

— *НЕТ.*

— Почему? — остановившись в паре метров от Кирилла, хладнокровно уточнил Чернышевский. — Тебе ведь жизненно необходимо, чтобы я ушел с дороги. Сам сказал, что готов дать всё. Я назвал цену. Маргарита. По-моему, не так много по сравнению с теми деньгами, которые предлагал чуть ранее.

Роцин выглядел озадаченным.

— Зачем она тебе? — хрипло, с придыханием, не в состоянии сказать чего-то еще.

— Станный вопрос, не находишь? — чувствуя прилив уверенности от одного вида заметно занервничавшего Кирилла. — Для чего может понадобится молодая, привлекательная женщина?

— Тебе баб мало, что ли? — скрипнув зубами, отгрызнулся Роцин.

— Может, я влюбился, — стирая с лица ухмылку, предельно откровенно признался Олег.

Вряд ли Кирилл поверит. Но это даст возможность развязать ему язык относительно Риты. А информация из уст Роцина может оказаться весьма любопытной.

— Влюбился? — недоверчиво уточнил Кирилл. Не заметив на лице Чернышевского ни капли издёвки, громко рассмеялся. — Ты влюбился? — между смешками, удивленно подмечая: — В мою Ритку? Да ты точно идиот!

— Не вижу ничего забавного, — спокойно отражая выпад, Олег в который раз отметил, что можно сколько угодно убеждать себя, что знаешь Роцина, всё равно найдутся новые доказательства обратного.

Роцин оставался человеком-загадкой. Сам себе на уме.

— Оглянись, Волкодав! Вокруг куча шалав. На любой, самый притязательный вкус. На любые деньги. Выбирай любую! Тебе мало? — переходя на крик. — Скажи! Предоставлю еще. Сколько захочешь. Опытных и умелых. Или предпочитаешь скромных недотрог? Любых! Ответь и получишь их!

— Ты меня не слышишь, — отрицательно махнул головой Чернышевский. — Не сомневаюсь в твоих возможностях относительно шалав. Мне они не нужны. Ни одна, ни две, ни десяток. Какими не были распрекрасными. Мне нужна Маргарита. Это мой окончательный ответ.

— А Маргарита чем лучше? — слабо контролируя эмоции, заорал Роцин. — Такая же шалава, как и остальные!

Мужчина был зол не на шутку. Об этом говорили и гневно вздымающиеся крылья носа. И сощуренные, сверкающие раздражением глаза. И напряженные мышцы на шее. Казалось, еще немного и Роцин готов двинуться в бой. Но после последней фразы Плантадора, давно натренированное спокойствие Олега тоже дало сбой. В глазах потемнело. Сжав руки в кулаки, едва сдержался, чтобы не наброситься на Кирилла — заставить ответить и пожалеть о сказанном.

Чернышевский никогда и никому не позволит оскорблять честь небезразличной ему женщины. Тем более человеку, не без которого Маргарита испытала весь тот ужас. Чего бы в прошлом Ритки не происходило, Роцин последний кто имеет право тыкать носом в былую грязь.

— С каких пор так считаешь? — сощурившись, Олег смерил брезгливым взглядом Кирилла. — Как вытащил её шесть лет назад из борделя? Или как двенадцать лет тому

неосторожно подставил, вынудив оказаться во все той же незабвенной Инанне?

— Что ты несешь? Какие к черту двенадцать лет? — взревел Рошин. — Ты ни хрена не знаешь, чтобы судить!

— Поверь, я знаю достаточно, чтобы судить, — сунув руки в карманы, хмыкнул Чернышевский. Обкрутившись на пятках, сделал пару шагов прочь от Кирилла. — Мне казалось, после того как Марго избавила тебя от ненавистного Авиатора, открыв путь к беспрекословной власти, ты должен молиться на неё. Но никак не напоминать о том, что пришлось пережить. Не без участия Авиатора. Да и тебя самого.

— Считаешь, я не мог избавиться от него без участия Марго? — глухо отозвался Кирилл.

— Ты бы ни за что не решился пойти против воли отца.

— Чернышевский, — скрипнув зубами, — что ты можешь знать о моем отце?

— Достаточно, — резко обернувшись. — Как и о тебе.

— Я и без Маргариты нашел бы способ кинуть Авиатора и получить власть, которая должна принадлежать мне по праву. Рано или поздно это случилось.

— Кажется, или ты оправдываешь? — нахмурился Чернышевский. — Мне глубоко плевать, что могло быть. Меня интересует Маргарита.

— Что вас с ней связывает? — пропуская мимо ушей замечание.

Видимо, Рошина тоже больше волновала Ритка, нежели вопросы, касающиеся бизнеса.

— Раз такой умный — выясни, — пожав плечами, отмахнулся Олег. — Гляди узнаешь что-то.

— Что ты с ней спал в прошлом ничего не значит.

— Считай, как знаешь. Но в отличие от тебя у меня на неё другие планы.

— Черта с два её получишь, — с придыханием выплюнул Кирилл.

— Это мы еще посмотрим.

— Чернышевский. — подходя к мужчине, Рошин ткнул того в грудь указательным пальцем, — не нарывайся. Учти, если я захочу тебя уничтожить, сделаю это. Не посмотрю ни на Сизого за твоей спиной, ни любую другую крышу, если она имеется.

— Угрожаешь? — провожая глазами жест Кирилла.

Что-то Олегу подсказывало, что в Рошине говорила не жажда быть первым в сомнительном бизнесе. Здесь замешано большее. Значительную роль играла Маргарита. Для обоих мужчин.

— Предупреждаю, — отмахнулся Кирилл отступая.

— Тогда считаю не лишним заметить — если я чего-то очень хочу, как правило, получаю. Тебе не составит труда догадаться, чего в данный момент хочу настолько сильно.

— Стало быть, война? — вопросительно вздернув бровь, Кирилл остановился у двери.

— Боже упаси. Сражение.

Хмыкнув, Рошин, не прощаясь, вылетел из гостиной.

Тогда Чернышевский уточнил, скорее для себя самого:

— Пока сражение.

Вздыхнув, направился к веранде. Отдернув занавеску, выглянул на улицу, провожая взглядом выскочившего из дома Кирилла. На ходу что-то набирая на мобильном, мужчина забрался во внедорожник. Через несколько минут о присутствии Плантатора на территории поместья напоминали лишь следы жженой резины у крыльца.

Задернув шторы, Олег вернулся в гостиную. Усевшись в кресло, потянулся к пачке

сигарет. Прикурив, достал телефон и набрал нужный номер.

— Что-то ты быстро, — послышалось вместо приветствия. — Как объект?

— Озадачен, — выдыхая густую клубу дыма.

— Просил об аудиенции с Сизым?

— Нет.

— Странно, не находишь?

— Я тебе говорил, он не так глуп.

— Зачем тогда приезжал? — задумчиво уточнили на том конце провода. — Неужели хотел уладить мирно?

— Можно сказать, — откинув голову к спинке кресла, Олег зажмурился. — Предлагал деньги, чтобы я перешел на его сторону.

— А ты?

— Буря, ты прекрасно знаешь: врагу не сдастся...

— Лишь наш Волкодав! — тоном которым обычно выкрикивают девизы и кричалки, закончил за Чернышевского друг.

— И знает об этом, и Буря и Шторм! — уже хором прокричали мужчины и громко рассмеялись.

— Как там, кстати, Шторм? — когда смех утих, поинтересовался Олег.

— Что с ним станется в тылу-то? — фыркнул Буря. — Это мы тут в эпицентре считай. А этот сидит, копается в бумагах. Гляди до повышения докопается.

— Да ладно тебе, брат. Нам здесь неплохо живется, правда? — слабо улыбнувшись, предположил Чернышевский.

— Конечно, — как-то не совсем уверенно согласился мужчина. — Похоже, пришло время решать, что делать дальше. Ждать, пока задергается и сам спалится? Или на живца ловить?

— Буря, по-моему, один факт, что я еще здесь, дает более чем очевидный ответ.

— Не боишься?

— Чего бояться? Гляди не пацан неопытный. Да и не впервой.

— Эх, Волкодав-Волкодав, как-то ты больно настойчиво в этот раз прешь на амбразуру, — с подозрением заметил мужчина. — Уж нет ли личных мотивов, толкающих на схватку со смертью?

— Ой, Буря, какой философский трактат прочел на сей раз? — пытаясь отшутиться, бросил Олег. — Откуда высокие сравнения?

— Да ну тебя! — с обидой возмутился друг. — Называй, как хочешь. Не схватка со смертью, так война.

— Нет, Буря, это не война. Всего лишь сражение, — повторил свои недавние слова.

— Давай без самодеятельности и поаккуратнее там, — тяжело вздохнув, попросил Буря. — Ты нам еще живым понадобишься.

Когда в трубке послышались короткие гудки, Олег, сжимая пальцами переносицу, устало выдохнул:

— Война начнется позже.

Трофеем за выигрыш будет не окончательное разоблачение Рощина. И даже не очередное повышение. Это его личная война. Трофеем один — Маргарита и никто больше. Маргарита и, если посчастливится, её любовь.

— Макс! — хлопнув дверью автомобиля, раздраженно позвал Рошин выскочившего из домика для охраны парня. — Поставь в гараж.

На ходу кинул ключи. Не заботясь, будут пойманы или нет, Кирилл влетел на крыльцо. Прежде чем войти в дом, краем глаза отметил, что охранник послушно выполняет указания.

Рошин не сомневался в ловкости и скорости своих ребят. Других не держал. Иные не подходили по статусу и возможностям. Будь охранники нерасторопными ослами, речи о личной безопасности не шло. Как мог доверить собственную жизнь людям, которые, не имея должной физической подготовки, не в состоянии вступить и выполнить элементарное задание? В свете последних событий данный вопрос являлся особенно актуальным.

Поэтому у Кирилла работали лучшие в своем деле. Начиная от начальника охраны, заканчивая последним водителем, допускающимся максимум к подвозке продуктов и корреспонденции. Каждый из парней проходил жесточайшую проверку. Только после одобрения Русланом ребята допускались к работе.

Своему начальнику охраны Рошин доверял беспрекословно, вот уже около шести лет. Не так много. Но и немало, чтобы окончательно утвердиться в истине — Бурый достоин находиться в приближенной свите. К сожалению, или счастью, подобная честь выпадала не каждому. Но парень доказал преданность при первой встрече, признавая в Кирилле хозяина. Последний не мог не оценить рвения. Рошину были нужны толковые ребята — Руслан сколотил команду.

Можно сколько угодно считать Кирилла подозрительным. Почти до паранойи. Но он предпочитал, чтобы рядом оставались пускай всего пара человек, но воистину преданных и настоящих, нежели множество лиц готовых при малейшей возможности воткнуть нож в спину.

Среди многочисленного окружения Рошин доверял всего троим. Остальные так, мелкие сошки. Пешки в большой игре, исполняющие разнообразные поручения. Они сменялись с завидной регулярностью, как погода весной. Убирая одних, ненужных, или много знающих, на их смену находили новых. Так снова и снова. Естественный отбор или кругооборот природы. От названия суть не изменится.

Неизменными оставались: упомянутый ранее Руслан Буртенко; Тимур Калачев — правая рука и главный помощник по бизнесу; и как бы странно ни звучало — Маргарита.

С Калачевым Кирилл прошел, как говорится, огонь, воду и медные трубы. Почти ровесники, они познакомились во времена армейской службы. Не сказать, что не разлей вода, но общались достаточно неплохо. После дембеля, казалось, пути-дорожки разошлись навсегда. Но миновало менее года, прежде чем Кирилл узнал, что Калач устроился на работу к отцу. В принципе, неплохую и высокооплачиваемую, в этом плане батя никогда не скупился, но без перспектив для карьерного роста. Чтобы состоять в числе группки вышибал особого ума не надо. А Тимур далеко не глуп, как могло показаться на первый взгляд.

Молодой и горячий, Калачев не хотел топтаться на месте. Прокладывать длительный и нудный путь по карьерной лестнице в уже тогда трещавшей по швам империи Сергея Леонидовича Рошина тоже не горел особым желанием. Тимур хотел всего и сразу. Как и Кириллу. Власти, денег, связей, возможностей. Это стало еще одной основополагающей причиной, почему Калач негласно перешел на сторону Рошина-младшего. Продолжая

работать на отца, исполнял роль партизана и добытчика необходимой информации.

Само собой разумеется, дорвавшись до власти, Кирилл не мог обделить главного помощника. С тех пор Тимур стал едва ни единственным, кто не просто знал подноготную темных делишек мужчины, но являлся непосредственным участником и одним из главных организаторов. Рощин знал — может запросто доверить помощнику абсолютно всё. Они не были друзьями в армии, но после стали командой и неплохими соратниками.

А Маргарита... Маргарита — женщина, значившая для Кирилла гораздо больше, чем очередная баба. Что стало главной причиной, не разобрался до сих пор.

Небывалая схожесть с едва ли ни самым родным человеком, которую обнаружил ненароком? Пожалуй, именно так всё началось. Желание иметь лучшее и эксклюзивное? Вероятно, без этого не обошлось. Медвежья услуга, которую Маргарита, не ведая, в один прекрасный день оказала Кириллу, окончательно развязав руки? Это стало ключевым звеном в цепочке, отвечающей на вопрос: «Почему она?».

Факт оставался фактом — девушка уже шесть лет находилась при нем. Рощин не намерен кому-то её отдавать или дарить. Пускай во имя бизнеса. Кирилл мог говорить что угодно, вести себя, как вздумается. Даже делать предложения, которые по идее не должны вызывать у Маргариты столь явного протеста и чувства оскорбленного девичьего достоинства. И вместе с тем менять свои решения, жалеть о сказанном, снова и снова осознавая — Одинцову никто, кроме него самого, не получит.

Зависимость? Может быть. Одержимость? Кто знает. За последние годы, пока Марго находилась рядом, привязался к ней. Было в этой женщине нечто, что не давало покоя. Не отпускало. Рощин не мог её отпустить, даже желая того.

Маргарита под боком гарантировала безопасность от непредвиденных ситуаций. Имея девушку при себе, Кирилл оставался уверен — его никто не тронет. Не рискнет сунуть нос в дела и попытаться разрушить давно налаженную схему, иначе результат окажется непредвиденным. Гарант неприкосновенности, которым с огромным успехом пользовался. Козырь в руках, позволяющий играть по-крупному, не боясь быть пойманным. Ради этого стоило связать жизнь с Одинцовой. И, черт возьми, возможность подмять под себя и регулярно трахать эту непростую девчонку, предоставлялась не каждому. Теперь не каждому.

Она, глупая, не догадывается, в каком котелке ворочается. Но это к лучшему. Меньше знает — крепче спит. Отсутствие информации у Марго делает её более уязвимой, неспособной пойти против. Очередная возможность для Рощина обезопасить себя.

Правда, последнее время Кирилл боялся за их совместное будущее. Не сомневался — Маргарита, как и ранее, в неведении. Но не мог не заметить, что с каждым днем её больше что-то тревожит. Как ни маскировалась за равнодушием и спокойствием, читал девушку как раскрытую книгу. Носом чуял, что-то не так.

«Не так» началось с появлением этого гада, Чернышевского. С*кин сын, мало того, что позарился на горячую сделку, которая грозит принести огромный куш прибыли, так еще положил глаз на саму Марго. Это, будучи под покровительством Сизого, который бабка надвое сказала, как выжил после взрыва шестилетней давности, не оставившего в ближайшей округе живого места.

Влюбился... Черта с два влюбился! Скорее всего, гнида пронюхал о козырных возможностях, которые поплывут в руки, окажись Марго у него. Айда, хитрец! Интересно, как давно Волкодав в курсе? Знает ли Сизый? Если да, почему раньше не воспользовался

возможностью, вместо этого гноя Ритку долгие годы в борделе?

Нет, здесь определенно есть нечто еще. Одинцову что-то связывает или связывало ранее с Чернышевским. Хорошо, если ограничилось ни к чему не обязывающим, при исполнении Марго, так сказать, трахом.

Тогда почему девка заартачилась и возмутилась якобы гнусному предложению разок-другой очаровать Волкодава? Ради дела ведь можно. Не переломится, вспомни молодость. Спала раз — переспала бы и другой.

Относительно «переспала» Кирилл погорячился. Подобного ни за какие коврижки не допустит. Раньше Маргарита могла спать с кем угодно и когда угодно. Сейчас она лишь его, делить с кем-то, в частности с Чернышевским, не собирается. В особенности с Чернышевским.

Надо основательно потрясти Марго по этому вопросу. Не то носится с ней, как с писаной торбой. Важность персоны — это прекрасно, но пора долги возвращать.

— Кирилл Сергеевич, Вы уже дома? — окликнула экономка прежде, чем мужчина успел сделать хоть пару шагов на второй этаж. — Ужинать будете?

— А Марго ела? — обернувшись, хмуро отозвался Роцин. — Она у себя?

— Да, она не стала Вас дожидаться и немного перекусив, поднялась наверх, — утвердительно закивала женщина. — Так как насчет ужина?

— Я не голоден! — резче чем следовало, рыкнул Кирилл.

Отталкиваясь рукой о перила, чтобы легче ориентироваться в полутьме, метнулся по лестнице. В пару широких шагов оказался у спальни Маргариты. Не раздумывая, без стука, распахнул дверь.

Полумрак разбавлял слабый свет ночников у постели девушки. В спальне было тихо. И, казалось, пусто. Внимательно осмотревшись, Роцин разглядел Марго с другой стороны кровати, свернувшуюся в калачик. Лежа спиной к двери, не вздрогнула от шороха. Опять зачиталась.

Она любила читать по вечерам. Порой это так увлекало Маргариту, что не слышала и не видела ничего. Обычно в такие моменты Кирилл старался не беспокоить девушку, давая возможность побыть в тишине и покое. Но сегодня, во имя дела, придется изменить давно заведенным традициям.

— Маргарита, — позвал Роцин, ступая вглубь комнаты.

Ответа не последовало. Одинцова продолжала лежать в неподвижной позе.

Хмыкнув, мужчина приготовился разразиться возмущениями и упреками. Ишь ты, удумала игнорировать его! Обогнув кровать и оказавшись перед Марго, увидел, что пресловутая книга, развернутая корешком вверх, покоилась рядом с подушкой. Сама девушка, подложив ладошки под щеку, мирно посапывала. Грудь размеренно вздымалась под легкой футболкой. Веки слабо трепетали от монотонного дыхания. Брови приподнимались и опускались, изменяя выражения лица от хмурого до умиротворенного.

Уснула. Попросту взяла и уснула. Желание устроить допрос как-то улетучилось, оставляя вместо себя удивительную потребность любоваться этой женщиной. Только во сне она была столь беззащитной и уязвимой. По-детски милой и забавной.

Кирилл всегда считал Маргариту сильной личностью. Невзирая на отдельные моменты, она пережила многое. Столько испытаний, что выпало на её долю не каждый мужик выдержит, не говоря о хрупкой, маленькой девочке, коей тогда была. И ведь смогла всё вынести на собственных плечах. Не сломаться. Встать и пойти дальше. Остаться человеком.

Сильная в чужих слабостях. Слабая в собственной силе. Его сильная, слабая женщина. Даже если ему придется умереть, никому не отдаст Маргариту. Не потому, что благодаря ей держится на плаву. Потому что держится исключительно ради неё.

Осмотревшись еще раз, Роцин заметил плед на краю кресла, расправил его и осторожно прикрыл девушку. Совсем ведь продрогнет.

Марго слабо дернувшись во сне, потянула на себя одеяло, закутываясь почти до самого носа.

Улыбнувшись, Кирилл осторожно прикоснулся пальцами к девичьей щеке, убирая назад прядку выбившихся из хвостика волос.

Его наркотик. Его зависимость. Его Маргарита...

Глубоко втянув воздух, Роцин резко отдернул руку. Стараясь не шуметь, вышел из спальни. Что ж, не судьба сегодня поговорить. Ничего, разговоры никуда не денутся, успеется. Вряд ли до завтра случится что-то из ряда вон выходящее. На сегодняшний вечер найдет чем себя занять.

Кабинет встретил Кирилла оглушающей тишиной и крошечной тьмой. Двигаясь исключительно по наитию, пришёл к столу. Усевшись в кожаное кресло, включил торшер. Нетерпеливо постучав пальцами по деревянной столешнице, открыл ящик. Перебрав несколько папок с бумагами, вытащил необходимую.

Черная пластиковая обложка, как в большинстве здесь. Вроде ничего особенного. Очередные документы. Но первая страница внутри громким названием гласила, что это досье. На Чернышевского Олега Вячеславовича. Где взялся паразит. Жили себе преспокойно. Нет, явился, не запылится. Еще артачится. Неужели считает, что сможет противостоять Кириллу?

Хрен ему! Не выйдет. И с помощью Сизого не выйдет. Который не факт, что в курсе, как используется его «доброе» имя. Кто знает, насколько этот парень рискованный. В тюрьме сидел; убийство, вряд ли одиночное, в списке заслуг имеется. Терять-то, по сути, нечего. Может, совсем безбашенный, не боится гнева Сизова, и рвется в бой без одобрения высших инстанций? Может, с Сизым не так просто? Кроме информации, предоставленной в досье, нигде и никак не упоминается об участии Бати.

Шесть лет назад Кирилл мог предположить, что такая ушлая крыса, как Николай Степанович, сбежит из тонущего корабля и умудрится ускользнуть от заготовленного «сюрприза». Но чтобы так?

Было время, поговаривали, будто во взорвавшемся автомобиле был не Сизов, а один из его помощников. Сам авторитет благополучно свинтил в теплые страны, понимая, что на родине ловить нечего — здесь новый царь и бог. Как на самом деле, Роцину до определенного времени было пох*ен, не пытался выяснить, что случилось с дядькой. Помер — шикарно — гарантированное и окончательное решение проблем. Свалил — фиг с ним, главное, чтоб не пугался под ногами. Не до того было. Но когда затронули личные интересы, стоило чего-то решать.

Мужчина запросто мог поверить во внезапное желание Сизого вернуться на родину, раз оказался жив. Ностальгия замучила, восстановил силы и равновесие, воскресил желание отомстить. Не сам, с помощью поверенного, коим судя по всему был Чернышевский. Мотивов оставаться в тени самому у Сизова предостаточно. Он уже не тот страшный зверь, которого боялись, и вряд ли снова им станет. Возраст не стоит сбрасывать со счетов. И вероятность оказаться прижученным спецслужбами по возвращении в страну.

Кирилл мог поверить — имея определенное влияние в нужных кругах, Сизый по неизвестным причинам приютил Чернышевского. Тот, благодарный до гробовой доски, выслуживается.

Все факты говорят в пользу Волкодава. Выглядит убедительно и правдоподобно. Но... возникало очередное «но», не дающее покоя. Нечто подозрительное, остающееся за кадром.

Резко захлопнув папку, Рошин, откинувшись к спинке кресла, вытянул мобильный и набрал нужный номер. Слушать гудки в ожидании ответа пришлось недолго. Тимур всегда был в зоне доступа, отвечая по первому зову, невзирая на время, в которое сделан звонок, и на место, в котором находился в тот период сам.

— Слушаю, Кирюх, — голос у Калачева был сонный и уставший. Неужто спать завалился? Время-то совсем детское.

— Ты слушаешь? — фыркнул Рошин. — Бляха-муха, охренел, Калач? Это я тебе слушаю! Спишь, что ль?

— Совсем уже! — возмутился Тимур. — Переполошил звонком, мне еще двое суток не спать, ковыряться в этих гребанных бумагах.

— Ладно, не кипятись, — вздохнул Кирилл спокойнее. — Нашел что-то?

— Не слишком быстро? — в трубке послышалось шуршание. — Позвонил час назад и хочешь, чтобы я за этот час нашел тебе решение всех проблем?

— Во-первых, — поддаваясь вперед, Рошин взял ручку и, покрутив в пальцах, процедил: — не тебе, а нам. Или подзабыл, что еще числишься в рядах доблестных сотрудников Золотой Роши? Проблема с Жемчужиной не моя личная и угрожает не одним беспрепятственным поставкам вина. Сечешь?

— Кир, думаешь, я не понимаю? — тяжелый вздох. — Но что я сделаю? Где возьму компромат? Они чисты по всем пунктам. Или делают всё, чтобы казаться чистыми.

— Не может такого быть. Сизый и «чисто» понятия несовместимые. Где-то должна быть зацепка.

— Если всё повязано на Сизом, тебе не проще попросить порыскать своего Руслана? Ему эта среда ближе.

— Что ты ноешь? — раздраженно стукнул кулаком по столу Кирилл. — Что ноешь, как баба? Мне иногда кажется, ты староват для занимаемой должности. Руслан занимается охраной. Ты главный по поставкам, вот давай — придумай что-нибудь. Нет, говоришь, компромата? Сделай, чтобы появился! Мне ли учить!

— Будет сделано.

— И да, — на секунды Рошин задумался, стоит ли озвучивать еще одну просьбу или лучше обойтись собственными силами. Но решив, что реальнее всего пробить через Калача и ему можно доверить столь личную информацию, между прочим отметил: — Копни по своим каналам, могла ли Маргарита быть знакома или как-то связана с Чернышевским.

— Твоя Маргарита?

— А есть еще какая-то? — нервничая, передразнил мужчина.

— Кирюх, извини, но Маргарита при определенных обстоятельствах могла быть связана с кем угодно, — двусмысленно хмыкнул Тимур.

— Ты — умник! Имеется в виду вне Инанны. Любая вероятность встречи. Учились в одной школе, жили в одном подъезде, какие общие знакомые-родственники. Вплоть до вероятности совместного горшка в детском саду, или соседних коек в роддоме.

— Ладно, что-нибудь постараюсь придумать.

— Не постараюсь, а будет сделано. Всё, отбой. Завтра наберу.

Отключившись, Кирилл, отбросил мобильный на стол.

Что за день-то такой? Сплошные неудачи. Полдня пытался найти какую-то зацепку, понять где прячется Сизый. Сообразив, что дело не выгорит, поехал к Чернышевскому. Не уверенный, что сможет договориться. Но попытаться стоило. Дал последний шанс. Опять же не себе, Чернышевскому.

Видит Бог, Роцин хотел решить всё мирно. Переманить Волкодава на свою сторону или заставить вовсе отойти. Поднадоели разборки, хотелось спокойно заниматься делами, как было на протяжении последних лет. Но на нет и суда нет. Придется включать тяжелую артиллерию, искать уязвимые стороны у противника и давить на них. Сделать так, чтобы Жемчужина оказалась неконкурентоспособной.

Тимур тупить начинает. Ничего сам сделать не может последнее время. А ведь раньше вроде умный мужик был. Куда более ушлый и пронырливый, чем сам Кирилл. Вечно искал лазейки, где не найти. Братца вон как сделали.

Махнув рукой, Роцин поднялся с кресла и прошел к окну всматриваясь вдаль. Думал еще рано, а на дворе темень, хоть глаза выколи. Взглянул на часы — половина десятого.

Быстро время летит за этими проблемами и размышлениями. Не сегодня. Вообще, жизнь стремительно мчится. То одно, то другое. Оглядываясь назад вспомнить толком нечего кроме извечных разборок. Дележка бизнеса, имущества, наследства. Попытки заполучить власть любыми способами. К этому ли стремился?

Всю сознательную жизнь доказывал, что способен на что-то. Не в качестве сына Сергея Роцина. Сам по себе. Своими силами способен добиться гораздо большего, чем добился отец и в итоге едва ни профукал с легкой руки этого козла, Гришки. Доказывал, что именно он, Кирилл, гораздо лучше и умнее того же Гришки. Любым путем. Мыслимым и не мыслимым способом. Тем самым отомстить. За единственного человека, который искренне любил его, ничего не требуя взамен и не нуждаясь в доказательствах, что достоин этого благословения.

Кирилл ненавидел Гришку. И спустя годы, когда всё давно в прошлом. Когда сам Латунин в прошлом. Роцин никогда не сожалел о содеянном. Единственное, что порой заставляло испытывать гадкое и неприятное ощущение злости, смешанное с ненавистью, что в один прекрасный день не придушил собственными руками, избавив мир гораздо раньше от этой мрази.

Мужчина хорошо помнил, как спустя пару лет после появления Гришки в их доме, не сдержался и чуть не сотворил праведный и долгожданный самосуд. Не окажись Тимура рядом, Роцину пришлось оправдываться и отмываться перед отцом еще и за это. Хотя, что толку? Отец Кирилла и без того не шибко жаловал. Старый хрыч!

Кирилл сам никогда не был ангелом. Но чтобы как Гришка! Это слишком даже для него. А отец ничего, принимал Латунина. Возможно, потому и принимал, что именно Гришка напоминал его самого? А Кирилл всегда казался ничтожной тенью, недостойным подобием. Хотя по логике вещей и исходя из воспитания должно быть с точностью наоборот...

Довольно похвастывая, желая поскорее поделиться с отцом удачно провернутой сделкой, Кирилл вошел в дом. Заметив у кабинета Тимура, подошел и машинально пожимая руку в знак приветствия, поинтересовался:

— Здорова, Калач. Батяня у себя?

— У себя, — подозрительно покосившись на дверь, мужчина, хлопая Рощина по плечу, увлек в сторону гостиной, — только это... К нему там... ну...

— Чего мнешься? — сбрасывая руку друга, вспыхнул Кирилл. — Кто-то из замов явился? Отец говорил, должны документы привезти на поставки вина, — последнее отмечая скорее для себя.

— Да нет, — оглянувшись. — Гришаня у него. Второй час сидят, что-то перетирают.

— От с*ка! Чего ему надо опять? Снова провалил дело и пришел клянчить бабки? Интересно, какую лабуду опять придумал.

— Нет, по ходу, в этот раз наоборот, — громким шепотом признался Калачев. — Вроде уладил терки по поводу афганки [12](#). Как раз той партии, которой Леонидыч планировал заняться.

— Не понял! — нахмурившись, Кирилл уставился в сторону кабинета. Жаль, что не умел прожигать взглядом, иначе от двери осталась бы гора пепла. И от одного из сидящих за ней. — Что за дела? Этот ушлепок сам шагу ступить не может, откуда самостоятельность?! Как он смог наладить переправу столь крупной партии?

— Не уверен, но похоже, Латунин в обход засады по-быстрому организовал новый канал. — снова положив руку на плечо Рощина, удерживая на месте, пояснил Калач.

— Бл**ь, авиатор [13](#), х*енов! Где взялся на мою голову! — пуще прежнего вспыхнул мужчина. — Ты, вообще, понял, что он просто взял и кинул меня?! — машинально дернул плечом, избавляясь от руки Тимура. — Мразь! Я ему устрою!

Кирилл бросился к кабинету, с намерением не просто разузнать о ситуации из первых уст, но и дать хорошей трепки козлу Гришке. Чтобы не лез, куда не стоит. Его давно пора отметить, чтоб имя собственное не вспомнил. Самое время начинать осуществлять задуманное. Более чем веская причина имеется.

У Кира всё на мази. Он практически договорился об открытии старого канала для реализации товара. Оставалось уточнить парочку деталей, сунуть кому нужно на лапу и дело сделано. Теперь что? Получается, Гришаня снова влез вперед, не только оставляя Рощина-младшего с носом, но и лишая удачной возможности доказать папику, кто здесь лучший. Черти что творится!

Мужчине едва не впервые в жизни было наплевать, что подумает отец, как отреагирует. Он просто возьмет и вытряхнет из гада всю душонку, чтобы понял — влезать в чужие игры чревато последствиями для здоровья.

Не успел добраться до цели, как дверь кабинета отворилась, выпуская довольного Латунина. Счастливая улыбка слетела с лица, когда Григорий увидел рядом с собой разъяренного не на шутку Рощина-младшего. Испуг проскользнул в черных глазенках, мгновенно исчезая. Не заметить этого Кирилл не мог. Данный факт довольно сильно тешил самолюбие и немного успокаивал.

Еще бы, Гришке было чего бояться. Не слишком высокий, невзрачный, не особо следящий за физической формой, он здорово уступал всегда готовому к бою Кириллу. Последний, следуя традиции, заведенной в армейские времена, не брезговал никакими физическими упражнениями и отлично владел азами боевых искусств.

Рошин мало у кого вызывал доверие или спокойствие внешним видом и вечно хмурым выражением лица. А уж когда злился, сжимая ладони в кулаки, шурился, изучая противника, подыскивая детали, говорящие о вероятном промахе, так и подавно. Как сейчас.

— Гнида, ты долго будешь здесь ошиваться? — прежде чем за Латуниным закрылась дверь, прошипел Кирилл, хватая мужчину за грудки.

— Не твое дело, — даже не пытаясь вырваться, огрызнулся Гришка. — Находиться в этом доме, в частности, в кабинете отца, имею такое же право, как и ты.

— Ни хрена ты не имеешь! — встряхивая Григория, возмутился Рошин. — Ты в этом доме и семье как был чужим, так и останешься! Сколько ни выпендривайся перед отцом.

Насчет последнего Кирилл лукавил. Очень сильно лукавил. Скорее высказывал свои сокровенные желания, прекрасно понимая — если так пойдет и дальше, Гришка реально заменит его отцу во всех аспектах. И в качестве сына, и в качестве приемника.

— Странно, но, кажется, кое-кто считает иначе, — словно прочитав мысли, ехидно отметил Латунин. — Неужели зависть совсем замучила, что я, а не ты, смог устроить сделку? Ты поаккуратней, Кир. Зависть она, знаешь ли, разрушает и...

Договорить Григорий не успел. Кирилл, не в состоянии сдерживаться и выслушивать завуалированные насмешки в свой адрес, замахнулся. Латунин сообразить не успел, как крепкий кулак врезал по лицу. Алая кровь брызнула из разбитого носа. Гришка, задержавшись в попытках освободиться от стального захвата, заорал:

— Ты чё, бл*?! Борзый сильно?!

— Кирюх, хватит! — за спиной прикрикнул Тимур, пытаясь остановить разгневанного Рошина, который снова ударил Григория, рассекая на этот раз губу.

— Кирилл! — очередной оклик. Более спокойный, но с металлом в голосе. Он подействовал словно ушат ледяной воды.

Брезгливо поморщившись, Рошин-младший на мгновение застыл. После еще раз встряхнув Латунина, отпустил, заставляя пошатнуться от вмиг утерянного равновесия.

— Ты что творишь, суч*нок? — раздражение, скользящее в голосе отца, окончательно вернуло Кирилла в реальность.

Очевидно, выйдет боком вольность. Плевать. Главное, выполнил то, что давно и отчаянно желал — почесал кулаки о наглую морду ненавистного противника.

— С*ка! — процедил сквозь зубы Гришка, вытирая сочащуюся из носа кровь. — Ты пожалеешь об этом.

— Мы еще посмотрим, — окинув Латунина придирчивым взглядом, желая заставить того, наконец, увидеть и принять его превосходство, — кто кого!

— Хватит! — заорал Рошин-старший, ловя обрывки брошенных шепотом фраз. — Григорий, иди улаживай дела. Считаю, я дал добро. А ты, Кирилл, — поворачиваясь к сыну: — Быстро за мной!

Сергей Леонидович скрылся в кабинете так же невозмутимо, как и появился. Он знал, что повторять дважды не нужно. Это двое, устроивших разборки в доме, не ослушаются — каждый выполнит приказ, как бы ни хотелось поубивать друг друга.

Кир, нехотя подчинившись, направился следом за отцом, краем глаза поймав на себе осуждение Тимура. Чтобы он понимал! Гришка пришел на готовенькое и думает, что Кирилл примет в семью? Шиш ему! Никто, тем более Калачев, работа которого заключается не в миссии милосердия или жалости к обездоленным и несчастным, не вправе осуждать его.

Осторожно прикрыл за собой дверь. Не дожидаясь пока отец, стоящий у окна,

предложит присесть, вальяжно опустился на диван, закинув ноги на журнальный столик.

— Когда ты утомонишься, Кирилл? — безразлично поинтересовался Сергей Леонидович. — Как вернулся после своей армии, который год сам не свой. Говорил тебе, ни к чему выпендриваться, отмазали и всего делов. Так нет, решил долг родине отдавать. Сдалась тебе эта родина. Сомневаюсь, что при случае, когда тебе понадобится помощь, она оплатит тебе тем же.

— Хочешь честно, бать? — хмуро сверля отцовскую спину, признался Кир, — мне по*ер, оплатит родина чем-то, или не оплатит. Не ради этого шел служить. Но в одном с тобой соглашусь — реально стоило отмазывать. Быть может, тогда мне удалось оградить собственную семью от этого проходимца. Раз глава семьи сделать это не в состоянии.

— Кирилл, не заговаривайся! — прикрикнул Сергей Леонидович. — Не много на себя берешь?

— Об этом лучше поинтересоваться у Гришани. Он считает себя шибко умным.

— Сколько можно собачиться?

— Пока этот козел будет лезть не в свои дела, — фыркнул Рошин-младший, растирая разбитый кулак. — Между прочим, я уже порешал с проблемной зоной транспортировки товара.

— Пока ты возился Григорий давно всё организовал, в обход. И что ты порешал? — обернувшись, вопросительно уставился на сына: — Сегодня ты договорился, тебя готовы без лишних вопросов пропустить через границу, а что будет завтра? Завтра они также запросто откажут или хуже того — устроят облаву. А товар опять уйдет к Сизому. Не хочу я ставить под удар ни свое имя, ни деньги.

— И ты запросто отдашь ситуацию Гришке под контроль?

— Я согласен с его утверждением, что гораздо удачнее будет наладить новые пути доставки, чем рисковать и переправлять по старым. Это всё равно, что ходить по минному полю, — пройдясь по кабинету взад-вперед, мужчина опустился в кресло. — Рано или поздно оно рванет. Кирилл, ты не дурак, сам должен понимать — предложение Григория более удачное, нежели твое.

— Выходит, какому-то Гришке доверяешь больше чем мне, собственному сыну? — поддаваясь вперед, с придыханием уточнил Кирилл.

— Ты прекрасно знаешь — не какому-то, — Сергей Леонидович помассировал круговыми движениями виски. Снова зыркнул на сына, выдохнув: — Григорий такой же сын для меня, как и ты. Между прочим, твой брат.

— В гробу видал такого брата, — Кир подскочил с кресла. — Я не видел этого козла лет двадцать! И еще бы столько не видел! Ну, нагулял ты его по молодости где-то с левой бабой, зачем в дом и семью тащить было?!

— Сын, в тебе говорит ревность. Попробуй взглянуть на ситуацию под другим углом. Стань благоразумнее.

Иногда Кириллу казалось, что выдержке отца нет предела. Вот и сейчас Сергей Леонидович невозмутим и непробиваем. Но Рошин-младший прекрасно понимал — еще пара выпадов с его стороны и отец сорвется. Тогда за последствия никто не ручается. Понимал, но остановить себя, заставить замолчать и прекратить бессмысленный разговор тоже не мог. Вместо этого продолжал давить и наступать на больные мозоли.

— Во мне говорит трезвость разума! О каком благоразумии речь, когда эта тварь довела до смерти мою мать!..

— Хватит скулить, щенок! — подхватившись, Сергей Леонидович с силой ударил кулаком по столешнице. — Ты больше четверти века прожил, а ума как не было, так и нет! — злостно сверкнул глазами. — Будто не знаешь, что Григорий ни при чём! Марина давно болела, еще задолго до Гришки!

— Но почему-то умерла лишь после его появления в нашем доме! — не в силах сдержать импульсивность под контролем, не унимался Кирилл. — Как можно быть таким слепым, чтобы доверять этому проходимцу?! Отец, мне иногда кажется, что ты медленно, но уверенно, сходишь с ума!

— А мне иногда кажется, что кто-то ошибся в роддоме, подсунув такого нытика, как ты! — в сердцах воскликнул Рошин-старший.

— Латунин тебя облапошит и не моргнет, вот увидишь! Если пойдешь у него на поводу, опять останешься ни с чем!

— Кирилл, сколько раз тебе говорить, в нашем бизнесе нельзя быть вспыльчивым и импульсивным, — спокойнее отметил мужчина. — Ты просишь о доверии, но сам не понимаешь, что с ним в итоге делать. Ты не готов к ведению серьезных дел.

— Гришка, значит, готов? — сощурившись, Кир подозрительно уставился на отца. — Получается я, человек, который давным-давно варится в этом котелке и знает все нюансы и тонкости дел, не готов? А Гришка, который вылез из клоповника и ничего, кроме как силой выбивать долги и вытряхивать нужные сделки чужими руками не в состоянии сделать, достоин?!

— Выходит, что так, — равнодушно пожал плечами Сергей Леонидович. — Последнее время я чаще задумываюсь, кто из вас станет более достойным приемником и окажется в состоянии удержать власть и бизнес под контролем. И, знаешь, сын? Я больше склоняюсь к варианту, что это не ты.

— Шикарно, — язвительно передразнил и, махнув рукой, направился к выходу. — Давай, отец, действуй — отдай семейное дело проходимцу из улицы. Пускай сразу разрушит налаженную схему и оставит нас ни с чем! Прекрасно! Со мной ведь постоянно что-то не так. До армии был не готов — слишком молодой и мягкотелый, теперь импульсивный.

— Вот ты и ответил на вопрос, почему Гришка, — усмехнулся Рошин-старший. — Тебе еще стоит поучиться многому. В частности, выдержке. Хотя гены твоей матери не искоренить. Нетерпимость у вас в роду. С Мариной это тоже сыграло злую шутку...

— Мать не приплетай сюда! — застыв у выхода, прикрикнул Кирилл. — Это спорный вопрос, кому и что нужно искоренять!

— Сынок, ты можешь созревать еще долго, а достойный приемник мне нужен уже сегодня. — словно не слыша, продолжал гнуть свое Сергей Леонидович. — Жизнь непредсказуемая штука. Сегодня ты полон сил и энергии, а завтра... Кто знает, будет ли оно это завтра. Мне необходимо знать, что если оно для меня не наступит — дело моей жизни останется в надежных руках. В один прекрасный момент не разрушится под давлением врагов и конкурентов, подобных Сизову. В этом плане я больше полагаюсь на Григория.

— Я так понял, это твое последнее слово? — оглянувшись, Кир глянул отцу прямо в глаза.

— На данный момент да.

— Ну и х*ен с вами! — выплюнул с придыханием. — А я докажу тебе, что способен на гораздо большее, чем твой Гришка. Сам по себе, без чьей-то помощи! Ты еще пожалеешь, что сделал ставку на него.

С этим Кирилл, громко захлопнув дверь, убежал прочь...

2010 год

После того памятного разговора пути Кирилла разошлись с путями отца. Сергей Леонидович чаще шел на поводу сомнительных авантюр Гришки. Всегда и всё прощая. Сорванные якобы случайно сделки. Подставы, которые едва не привели к потере бизнеса. Попытки примириться с Сизовым, поделив территорию.

Рошину-старшему казалось, будто это благоразумно и правильно. Кирилл запросто мог согласиться, если бы дело не касалось Латунина. Здесь, при всем желании обратного, Кир шел наперекор родственничкам. Чтобы доказать — он справится. Его вспыльчивость и порой не самые логичные методы, способны давать плоды. Он достоин места под солнцем.

Кирилл сдержал слово — доказал, что лучший. Станным, нелепым способом, но сделал именно так, как обещал. Жаль, что отец ничего этого не увидел. Или как раз хорошо, что так получилось? Сергей Леонидович наверняка с десятков раз в гробу перевернулся после событий шестилетней давности. Ну и пускай. Всё давно кануло в небытие.

Но как бы Роцин не убеждал себя и не упирался, что не имел выбора, поступал правильно, по-прежнему жалел об одном — что в свое время смог найти к отцу подход и нормально поговорить. Что навечно так и остался для Сергея Леонидовича плохим сыном.

Утро встретило Маргариту нависающими над поселком хмурыми тучами и мелкими противными каплями дождя, барабанившими в окна. Не хотелось, но осень вступала в свои права, окутывая душу меланхолией и ощущением безысходности. Заставляя замирать не только природу, но и оставляя внутри тревогу и грусть. Как раз под стать происходящему. Так же мутно, печально и единообразно.

Приведя себя в порядок, Одинцова с сожалением решила, что сегодня традиционную конную прогулку придется отменить. Причина не в неблагоприятной погоде.

Олег. Вот что, точнее кто, беспокоил девушку. Очередная вероятность встречи с ним. Последний разговор ставил под сомнение, что Чернышевский сдержит данное немного ранее обещание приезжать к реке на протяжении нескольких дней подряд. Тем более в такую погоду. Но недооценивать его не стоит. Как оказалось, этот человек во многом не изведен. Кто знает, какие неожиданности ждут в дальнейшем.

— Доброе утро, — стоило Марго ступить на порог столовой, поприветствовал Кирилл.

На секунды застыв, взглянула на восседающего во главе стола мужчину, прикидывая, в каком он расположении духа.

Пристально изучая девушку исподлобья, Рощин продолжал намазывать тост клубничным джемом. Не сказать, что злой или недовольный, на удивление загадочный. Словно что-то выжидающий.

— Доброе, — на выдохе бросила. Стараясь скрыть волнение, прошла к столу и присела на свое место, по правую руку от Кирилла.

— Как спалось? — отложив нож, мужчина откусил гренку, продолжая сверлить девушку глазами.

— Нормально, — невольно пожала плечами и потянулась к заварнику, чтобы налить кофе.

Если откровенно, спалось Маргарите отвратительно. С вечера уснула хорошо. Неожиданно для самой себя, пытаясь осилить очередную книгу. Подобное редко бывало, но вчера сморило. Переживания и размышления сделали коварное дело. Идиллия в царстве Морфея длилась недолго. Большую часть ночи плелись невнятные, невразумительные сны.

Вокруг гремели выстрелы, от которых пыталась сбежать, скрыться в убежище. Словно по минному полю, где один неверный шаг — взрыв. Мимолетные кусочки прошлой жизни... Инанна. Знакомые до мельчайших деталей стены персонального ада. Страшные обрывки первого и последнего дня в золотой клетке. Снова взрыв. А затем... тишина. Такая нереальная. Буквально оглушающая. Такая бывает разве что после смертельных сражений, в которых заведомо выигрывает дама в черном плаще с огромной косой. Для полноты картины не хватало карканья ворон.

Вместо этого — образ склонившегося на корточки мужчины. Смутно знакомое лицо и небесные глаза, глядящие с любовью и сожалением. Глаза, которым хочется довериться. И крик. Громкий, пронзительный. Вроде звучавший из уст самой Маргариты, но словно со стороны. От маленькой девочки, с каждым разом сильнее и сильнее тянущей незнакомца с добрыми глазами за полы пиджака и умоляющей об одном: *«Не уходи! Пожалуйста, не уходи. Папочка...»*

Папочка? Разобраться до конца не представилось возможным. Картинка сменилась не

менее удивительной. Марго одна, посередине огромной поляны, лихорадочно осматривается, пытаюсь понять, куда идти дальше. И вот оно — спасение. Кирилл. Негромкий зов за спиной. Оборачивается — Олег.

Мелкая дрожь накрывает с головой. Девушка не понимает, что делать. Тем временем между мужчинами появляется широкий канат, который каждый норовит перетянуть на себя. Вместе с Маргаритой. Кажется, это длится бесконечно. Она крутит головой. Секунда и канат рвется. Вместе с потаенными струнами души. Приходит спасение. Пробуждение от безумного, нелепого кошмара...

Вздрагнув, Марго пролила кофе на белоснежную скатерть. Зыркнула на Кирилла, вопросительно вздернувшего бровь. Спешно отставила от себя злополучный чайник и, сжав пальцами виски, уставилась на огромное коричневое пятно, расплывающееся по скатерти.

Одинцовой казалось, что давно избавилась от ночных кошмаров. Выходит, от одних отделалась, а на смену пришли новые. Отныне в них присутствовал Олег и странный мужчина, именуемым почти забытым словом «папа».

— Что-то случилось? — обеспокоенно уточнил Роцин. — Марго, ты в порядке?

— Аппетита нет, — с трудом выдавила, опасаясь глянуть на Кирилла.

— Людмила Михайловна! — взревел мужчина, возвращая в реальность. Когда экономка появилась в столовой, попросил: — Можете убирать. И скатерть замените.

Не успела женщина приступить к выполнению приказа, а Маргарита возразить, поднялся. Потянув девушку за руку, заставил встать. Возражать не было ни сил, ни желания. Маргарита послушно последовала за Роциным, увлекшим к кабинету.

— Ничего не хочешь рассказать? — с ходу поинтересовался, оказавшись на месте.

Отпуская Одинцову, прикрыл дверь. Сомкнув руки за спиной, прошел вглубь комнаты.

— Извини, я вчера не дождалась тебя, — опускаясь на диван, выпалила первое, что пришло на ум.

— Всего-то? — застыв, фыркнул Роцин.

На мгновение проскользнула мысль, что Кирилл обо всем узнал. Об Олега. О последних встречах. О встречах в принципе. И, казалось, в этом нет ничего зазорного — встретила с давним другом, не чужим, по сути, человеком. Если бы червячок сомнения не точил изнутри, напоминая: Чернышевский враг Кирилла, а значит и её враг. Наверное, её враг.

— Я всё равно поздно вернулся, — не дождавись ответа, отмахнулся мужчина. — Хотел поговорить, но не стал будить. Ты так сладко спала, — слабо улыбнулся, но глаза оставались холодными.

Маргарита мысленно выдохнула с облегчением. Вряд ли узнай Кирилл о чем-то, так просто оставил её сонную. Не укрывал бы пледом, который обнаружила на себе утром. Все-таки повезло ей с Кириллом. Он такой... заботливый?..

— Ты не сказал, куда едешь, — зачем-то заметила Марго. Сомневалась, что получит откровенный ответ, но это может быть важно. Для неё.

— Дела-дела, — ухмыльнулся Роцин.

— Я так и подумала, — едва слышно выдохнула Маргарита.

Если Кирилл не захочет заговорить, из него никакими расспросами не вытащить истины. Последняя надежда на предстоящую беседу, запланированную на вчерашний вечер, от которой мужчина вряд ли откажется.

Спустя минуту выжидающего молчания, он подтвердил догадки:

— Я был у Чернышевского.

Сердце в груди пропустило глухой удар. Руки сжались в кулаки. Хотелось отвернуться от Кирилла, спрятать глаза. Нервничала. До сумасшествия и оцепенения. Но не имела права пасовать. Рошин слишком пронизательный и умный. Подозрения? Одинцовой они ни к чему.

— Не спросишь, что я там делал? — удивленно вздернул бровь.

— Ездил поговорить о слиянии? — неуверенно пожала плечами. — Пытался найти способ заставить Чернышевского отойти в сторону и не мешать?

— Это тоже.

Прозвучало настораживающе. Хотелось крикнуть: "*Что же еще?*" Но затаившись, дожидалась дальнейшей реакции Кирилла.

— Знаешь, какова его цена?

Марго отрицательно замотала головой.

— Ты, — с придыханием признался мужчина.

— Не поняла, — сердце, замерев на секунды, волнительно пустилось вскачь. — Что имеешь в виду?

Маргарита могла предположить любой поворот событий, но к самому ожидаемому и одновременно неожиданному не подготовилась. Олег потребовал её. Что это значило? Чего добивался? Неужели Одинцова опять сыграет роль откупного? Игрушки? Станет известно после ответа Кирилла. Согласился ли? После всего, что наговорил несколько дней назад с появлением Чернышевского, можно ожидать чего угодно.

— А что тут непонятного? — разрывая зрительный контакт, Рошин отвернулся, сделав вид, что увлечен рассматриванием картины на стене, — Волкодав хочет тебя. В случае если соглашусь на его условия, сойдет с моего пути.

— Это такая шутка, да?

— Нет, — сощурившись, воззрился на Марго. — В серьезности его намерений я не сомневаюсь.

— Что ты ему ответил? — со страхом, пронзающим сердце насквозь, нерешительно уточнила: — Согласился?

— Ты бы этого хотела? — игнорируя вопрос, выдал в лоб мужчина.

— Кирилл, что ты несешь?! — подскочив, возмутилась Одинцова прежде, чем сама себе смогла мысленно ответить: *хочет ли?*

В одном уверена — не желает, чтобы ею торговали, неважно какие цели преследуя. В частности, чтобы этими купцами оказались двое небезразличных ей мужчин. Если Олег для себя решил и сделал ставку, оставалась последняя надежда. Ею был Кирилл.

— Вот и я подумал, что цена слишком высока, — хмыкнув, Рошин направился к столу. — Одно дело пустить в ход твое обаяние. Совсем другое использовать по полной. Тем более, во время последнего нашего разговора на эту тему, ты ясно дала понять, что против.

— Конечно, я против! — раздраженно прикрикнула. — Мне надоело быть игрушкой в руках окружающих! Я который год пытаюсь заставить себя забыть о прошлом, начать жизнь заново. Никогда не возвращаться к тому, что было ранее. Даже мысленно. Забыть обо всех людях, для которых была дорогим и красивым лотом. Теперь ты снова заставляешь испытывать эти мерзкие ощущения. И еще сомневаешься, против ли я?!

— Марго, я сказал, что отказался, — возвращаясь к Одинцовой, холодно обронил Кирилл. — Чернышевский хочет войны — он её получит.

Подойдя на слишком близкое расстояние, ухватил девушку за подбородок. Приподнимая

лицо, заставляя взглянуть в глаза, жестко отметил:

— Знаешь, в чем соль, Маргарита? — робкий отрицательный кивок. — Согласись ты сейчас, я не передумаю. Что бы ни оказалось на кону. Чернышевский и кто-либо другой не получит тебя. Спросишь, почему?

Девушка нервно сглотнула, пытаясь отвернуться. Попытки оказались тщетными. Кирилл настойчив и требователен. Уверен в себе.

— Потому что ты *МОЯ*, — выдохнул в губы. Впервые за шесть лет так открыто и нагло заявляя свои права на Одинцову. — Если однажды настанет момент, когда осмелишься посчитать иначе, помни об этом.

Рошин слабо улыбнулся. Но сощуренные глаза, которыми, казалось, доставал до глубины души, оставались холодны и безучастны. Десятки секунд молчания. Глаза в глаза. Маргарита впервые задумалась, что на самом деле значит для Кирилла. Вспышка сомнения: любовь это или зависимость всколыхнула сознание. Но пустить корни не успела.

Мужчина отступил и раздраженно выплюнул:

— Что тебя связывает с Чернышевским? — изначальная попытка возразить, была пресечена настоящим: — Не нужно врать и отнекиваться! Всё равно узнаю правду!

— Кирилл, я... — подбирая слова. Решая, что упомянуть, а что скрыть.

— Поэтому лучше, если сама расскажешь! — словно не слыша, продолжал Рошин. — Все обстоятельства и нюансы вашего знакомства. Будь то Инанна, или что-то еще.

Мужчина замолчал, а Одинцова осознала, что едва не впервые в жизни не знает, что ответить. Врать и изворачиваться? Бессмысленно. Кирилл прав — он узнает. Даже если для этого придется землю носом рыть. Сказать правду, пускай и не всю? Реакция может быть самой непредсказуемой.

Когда приготовилась раскрыть рот и признать, что была знакома с Олегом далеко до того, как попала к Сизому, словно спасение зазвонил мобильный Кирилла. На тот момент не представляла, что звонок окажется не спасительным, а наоборот...

Рошин прошел к столу. Поднял телефон и, не спеша отвечать, опустился в кресло. Потянулся к пачке сигарет, принимая вызов равнодушно бросил:

— Я слушаю, Калач.

Облегченно вздохнув, девушка, прикрыла глаза, устало опускаясь на диван.

Калачев. Всего лишь Калачев. Вряд ли его звонок способен принести реальные проблемы. Скорее всего, решил отчитаться о делах в офисе.

— Понял, — тем временем выслушав, согласился Кирилл прикуривая. — Но ты всё равно покопайся там. Вдруг что-то интересно попадет. Если нет, появились у меня кое-какие соображения... — затянувшись, мимоходом посмотрел на Марго. — Хорошо. В остальном как? Нарыл что-то по моему вопросу?

Недолгая пауза, пока Рошин внимал словам собеседника. Мгновения, за которые менялся в лице. Вытянув изо рта сигарету, раздраженно смял. Медленно перевел глаза на Маргариту. Буквально просверливая насквозь. Неуверенный кивок, после чего бровь удивленно поползла наверх. Еще секунда и, бросив окурок в пепельницу, резко подхватился. Фыркнув на прощание Тимуру:

— Я понял. Спасибо, друг, — отключился.

При этом окатил Марго таким взором, что захотелось провалиться сквозь землю. Его недовольство и хмурость не предвещали ничего хорошего.

— Поздравляю, тебя опередили, — отметил, присев на угол стола. — Не передумала?

— О чем конкретно? — стараясь из последних сил сохранить невозмутимость, с вызовом уставилась на Рощина.

— Ты знакома с Чернышевским лет с тринадцати. С тех пор, когда переехала с матерью в коммуналку, доставшуюся от бабушки, — перечислил реальные факты не моргнув. — И не отрицай. Я уверен на все сто.

— И не собиралась. Мы с Олегом были соседями.

— С Олегом?

Осознала, что сказала глупость. Называть по имени человека, с которым была лишь соседкой, наверное, странно.

— С Чернышевским. — поспешила исправить.

— Так уж и просто?

— На что намекаешь? — возмутилась, подумав, что ведет себя как последняя дура.

Что такого, если расскажет, как ранее водила дружбу с Олегом? Что он её пытался спасти. Что из-за неё оказался в тюрьме. Что являлся довольно близким человеком. Но что дальше? Не рассказывать же, что именно из-за неё, по его словам, ввязался в происходящее? Что хочет её спасти. Но отчего? От Кирилла? Вряд ли последний оценит.

Рассказать обо всем, значит — признать сомнения. Что в какой-то момент готова была перейти на сторону Олега, когда так уверенно и настойчиво убеждал. В потаенных уголках души сомнения по-прежнему терзают. Что делать?..

— Я не намекаю, спрашиваю прямо. Что, помимо соседства, тебя связывало с Волкодавом? Может, и ныне связывает?

— Не разузнал об этом?

Не зря говорят, что лучшая защита — нападение. Имеет право вспыхнуть. Получается, за столько лет Кирилл не научился ей доверять, раз за спиной что-то выискивает. Мог для начала подойти к ней и спросить напрямую. Хотя подойди, дальше что? Маргарита не призналась. Но это не имеет никакого значения.

— Твой Калач больше ни на что не способен, кроме как выяснить о соседстве?

Одинцова невольно передернулась от воспоминания о Тимуре. Этот тип никогда не вызвал доверия. Конечно, не в пример кошмарам из прошлого. Но тоже неприятно. Ей частенько приходилось общаться с Калачевым по работе и тот всегда вел себя прилично, не выходя за грань. Не делал двусмысленных намеков. Всё чинно и гладко. Оно и понятно — боялся Рощина. Его все боялись. Но подсознание не обманешь. На уровне ощущений научилась разбираться в людях.

— Копаться в грязном белье, так копаться по полной! — нервно жестикулируя, вспыхнула девушка. — Я почти изгой. Доверять мне нельзя. Проверять надо, как шпиона. Мало ли, окажусь посыльным из вражеского лагеря. Вдруг я целых шесть лет втиралась к тебе в доверие, чтобы в итоге сдать с потрохами и развалить бизнес?!

— Не носи чепуху, — приближаясь к Марго, одернул Кирилл, хватая за руку. — Я хочу услышать это от тебя. Что еще вас связывало?

— НИ-ЧЕ-ГО! — выплюнула по слогам, с вызовом уставившись на мужчину.

Только бы не заметил, как подкосились ноги, а руки подрагивают от неуверенности в самой себе. Не почувствовал лжи. Только бы уверовал.

— Я надеюсь, ты мне не соврала, — разжав ладонь на запястье, заставил пошатнуться от неожиданности, — ведь знаешь, я не люблю, когда мне врут. Очень не люблю.

На том отвернулся и направился к выходу. Пара быстрых шагов и за спиной

захлопнулась дверь. Ушел не извинившись. Хотя было ли за что извиняться? Да, солгала. Но надеялась, что ложь во благо. Не понимала, в чем оно заключалось, но искренне верила. Кирилл с каждым днем становился все неуправляемее. Это пугало. Что будет дальше, остается догадываться.

Машинально растирая запястье, Одинцова собралась вернуться к себе. Шум автомобиля за окном привлек внимание. Отдернув шторку, выглянула. Дождь прекратился. Солнышко показалось из-за туч. Редкие капли, слетающие с верхушек деревьев, ниспадали на землю. И судя по новенькому темно-синему кроссоверу, притормозившему у порога дома, у них гости. Такого автомобиля нет ни у одного из знакомых.

Прежде чем успела прикинуть, кто решил осчастливить визитом, дверца открылась и из авто показалась темноволосая мужская голова. Сердце пропустило глухой удар. Затем еще и еще один. Сомнений кто это, не осталось.

В подтверждение догадкам он, словно ощутив на себе взгляд, медленно обернулся в сторону окна. Взъерошив непослушные волосы, блаженно ухмыльнулся. Одинцову словно токомшибануло. Отскочив назад, желая спрятаться, задержала занавеску.

Олег. Черт возьми, что он здесь делает? Почему именно сейчас? В голове всплыли его слова: *«Возвращайся домой. Я найду способ с тобой связаться...»* Неужели это и есть способ? Не самый благополучный, надо сказать. Особенно после подозрений Кирилла. Без того с трудом удалось отвертеться. Очень сомнительно, что второй раз подряд подобное прокатит.

Что делать? Прятаться и ждать? Или сразу выйти и будь что будет?

Одинцова не из пугливых. Глубоко втянув воздух, поторопилась в коридор. С каждым, приближающим к цели шагом, замедляла ход, придумывая десятки оправданий для себя и для Олега. Пыталась понять, что говорить, как себя вести.

Оказавшись в холе, осознала, что пропустила одну важную деталь — приветствие мужчин. Возможно, оно помогло бы сориентироваться, видя, как повел себя сам Чернышевский. Из комнаты доносились голоса. Это означало одно — разговор начался.

Осмотревшись, убеждаясь, что поблизости нет никого из охраны или прислуги, медленно прошла к приоткрытой гостиной, стараясь не выдать присутствия.

— Вчерашний разговор не принес плодов, хотя мы оба понимаем, необходимо что-то решать, — раздалось приглушенное от Олега.

— Именно поэтому ты надумал осчастливить ответным визитом, — пробурчал Кирилл.

— Что-то вроде того.

Повисла пауза, а Одинцова, подкравшись впритык к двери, попыталась заглянуть хоть глазком в щелочку, чтобы рассмотреть... Что собственно рассматривать? Кирилла? Его и так видела. Олега, черт подери! Хотела увидеть Олега. Понять, что ему нужно, с каким настроением пришел.

Что творит? Куда катится? Скажи ей кто-то неделю назад, что готова будет нагло и грязно подслушивать, ни за что не поверила.

— Чернышевский, признаться, я не настроен с тобой сегодня разговаривать, — нарушая тишину, выпалил Рошин. — Давай к делу, без предисловий. Зачем приехал?

— Я вчера тоже был не настроен и ничего, поговорили. Но к делу, так к делу. Смею предположить ты, конечно, в курсе, что остался месяц до оглашения результатов тендера и победителя, который почетно вольется в ряды Internal Group?

— Пока не страдаю склерозом. Еще один месяц, последний для жизни твоей компании,

Чернышевский. Потому что после того как вольюсь в Internal Group, сделаю все, чтобы от Жемчужины не осталось и следа.

Кирилл в своем репертуаре. Неужели нельзя нормально выслушать и поговорить, а не огрызаться на каждую фразу.

— Относительно этого у меня есть к тебе деловое предложение, — игнорируя замечания, лениво отозвался Олег.

— Понял, что затевать войну против меня гиблое дело?

Послышался звон стекла. Скорее всего, Кирилл решил выпить. Успокаивает нервишки. Очень похоже на него.

— Понял, что и без войны мы обойдемся. Я отлично осведомлен, насколько тебе важно выиграть тендер. Не ради признания винной продукции за рубежом, чтобы открыть чистый канал и наладить поставки товара. Я прав?

— Допустим, — Роцин не стал отрицать.

Марго недоуменно нахмурилась, соображая, что имеется в виду. Ранее казалось, что тендер важен для Кира именно потому, что это отличный способ расширить горизонты бизнеса. Оказывается, ключевым являются поставки некоего товара. Хотелось верить, что имеется в виду вино. Но почему не называть вещи своими именами?

— Я готов отозвать заявку у комиссии, — дерзко выдал Чернышевский, удивляя.

У Жемчужины есть шансы посоревноваться с Золотой Рощей за победу. Олег хоть и недавно на рынке, но заявил о компании безупречной репутацией. Выходит, он либо что-то затевает, либо полный глупец, раз готов отказаться.

— Можешь не утруждаться, мы и так тебя сделаем. С твоим участием победа будет фееричнее, — из уст Кирилла прозвучало диаметрально противоположное мнение, но Одинцова готова поспорить, что мысленно считает, как и она.

— Роцин, не глупи. Ты ничего не можешь гарантировать. Беспрепятственный доступ за границу тебе нужен сейчас. Если потеряешь возможность наладить поставки товара, потеряешь своих глубокоуважаемых афганских партнеров.

Закусив губу, Маргарита пыталась понять есть ли у Роци связи с афганскими партнерами. Хоть убей, не припоминала. Были французы, грузины... Чтобы афганцы! Девушка сомневалась, что эти, вообще, могут заниматься винами.

— В лучшем случае товар зависнет на тебе, — продолжал играть в загадки Олег. — С партнерами, может, считаешься со своей казны, но выручки долго не видать. Но это полбеды. Вдруг кто пронюхает? Сам понимаешь, дело серьезное. Стуканет и пиши пропало.

Затаив дыхание, Одинцова с ужасом дожидалась ответа Кирилла. Слова Чернышевского наталкивали на жуткие предположения. Создавалось впечатление, что речь о далеких от законности вещах. Если афганцы — те самые о ком думает, ситуация выглядит не обнадеживающе.

— Уж не ты ли стуканешь? — предположил Роцин.

Девушке удалось разглядеть Кира через щелку в двери. В руках сжимал бокал с коньяком и упрямо сверлил взглядом кресло. Там, очевидно, располагался Олег.

— Боже упаси!

— Хорошо, что тебе нужно? — скрипя зубами, уточнил Кирилл.

— Мою цену ты знаешь, — невозмутимый голос. Ни нотки дрожи и торжественное: — Маргарита.

— Можешь забыть о ней, — не колеблясь ни секунды, возразил Роцин. — Если это всё,

убирайся из моего дома. Обсуждать подобное я не намерен.

— Не выслушаешь, на каких условиях предлагаю эту... сделку?

— НЕТ! — сказал, как отрезал.

За прямолинейный отказ без раздумий Маргарита была благодарна Кириллу. Ей не нравились эти торги. Не нравилось предложение Олега. Вот тебе и друг! Бывший друг, не стоит забывать. Решил купить её за победу в тендере. Цена высокая, не поспоришь. Пожалуй, со всеми привилегиями, которые принесет Internal Group победителю, наивысшая из всех, которые когда-либо за неё давали. Наверное, это должно радовать. Но означало, что так и осталась красивой, дорогой игрушкой. Куклой, не имеющей права голоса.

Слезы навернулись на глаза. Прокладывая соленые дорожки, скатились по щеке. Раньше Одинцовой казалось, что её ничем не удивить. Но услышав продолжение диалога, осознала, насколько ошибалась.

— Три дня, — гнул свое Чернышевский. — Всего на три дня ты предоставляешь Маргариту в полное мое распоряжение. Взамен беспрекословная победа в тендере и никаких препятствий для бизнеса.

— Я сказал, нет, — тише отозвался Кирилл.

По голосу Марго поняла, Олегу удалось посеять сомнения в голове Рощина. Это мало радовало. Если Чернышевский надавит, он добьется согласия и тогда... Что дальше? Девушка разочаруется в Кирилле. Уже разочаровывается. И после, кто знает, сможет ли простить.

— Не горячись. Подумай. Всего три дня и какая выгода. Не так много, правда?

Ответа не последовало. Кирилл молчал. Он окончательно погряз в просчетах и размышлениях. Если скажет «да», мир Маргариты рухнет бесповоротно. Потеряет всё, что имела или думала, имела. К подобному не готова.

Мало соображая, что творит, Одинцова, нервно растерев по щекам слезы, потянулась к дверной ручке. Действия словно в замедленной киносъемке. Еще секунда и, крепко ухватившись за прохладный металл, потянула на себя.

Молчи, Кирилл! Не соглашайся прежде, чем...

— Я согласна, — открыв дверь, глухо выдохнула Марго, привлекая внимание.

Мгновение и поймала на себе два взгляда. Серый, удивленно-раздраженный. И небесно-голубой. Удовлетворенно-поощряющий. Кажется, совершила очередную, возможно, самую нелепую ошибку в жизни. Но пасовать нельзя. Отступать поздно.

— Что ты здесь делаешь, Маргарита? — первым опомнился Кирилл. В несколько шагов пересек расстояние между ними. Ухватив Одинцову за руку, прикрикнул: — Тебе не место на мужских переговорах!

— Я считаю, наоборот! — с вызовом уставилась на Рощина, дернулась. — Смотрю, вы затеяли крупную игру, где я не последняя масть. Раз так, имею право знать, что нарешаете, и кто выйдет победителем.

— Да ничего ты не имеешь! — пытаюсь вытолкать из гостиной, занервничал Кир. — Иди к себе, после поговорим.

— Значит, решили обыграть, не спросив меня?! — переводя озадаченный взгляд на Олега, восседающего напротив.

Видимо, это стало призывом к действию. Поднимаясь, Чернышевский вмешался:

— Кирилл, по-моему, она права. Смысл договариваться, если не знаем, как ко всему отнесется Марго. Может, для начала спросим саму виновницу?

— Что её спрашивать, — шикнул Роцин. — Всё ясно. Маргарита ни за что ни пойдет на это. Правда? — встряхнув, посмотрел на Одинцову.

В нём промелькнула тень надежды. Опять хочет, чтобы его решение было единственно верным, а все вокруг подчинялись. Убедить, что прав может быть лишь он и никто другой. Снова и снова пытаюсь подавить авторитетом.

— Нет, Кирилл. Ты чего-то не понял, видимо? — вырываясь, воскликнула девушка. — Ты же этого хотел? Выиграть тендер! Обойти всех. Вот он, реальный шанс, который предложил Олег. И я согласна.

Умом понимала, что после выйдет боком это заявление. Если Чернышевский поведет себя достойно, Роцин будет в бешенстве. Да что там? Он уже в бешенстве! Вон как руки сжались, наверняка, на запястьях Марго останутся синяки. А глаза-то как сверкнули! Желваки на скулах заиграли. После её вольности, предстоит серьезный разговор. Но это потом. Сейчас не должна позволять, чтобы ею распоряжались как вздумается.

С каждым новым днем становится непонятнее кто друг, кто враг. Возможно, Маргарита по-прежнему для всех игрушка. Она сама за себя. А значит не позволит собой играть. Отныне станет самой своевольной и неконтролируемой игрушкой. Даже для Кирилла. Особенно для Кирилла.

— Повтори, что ты сказала? — вновь хватая Одинцову, закричал Роцин.

— То и сказала! Я пойду на три дня в рабство к Чернышевскому на его условиях! Главное, выиграть тендер! Я всё сказала!

На глазах выступили слезы. Опасаясь, что кто-то из мужчин увидит слабость, Маргарита, дерзко вырвавшись, бросилась прочь из гостиной. Последнее, что удалось услышать, это насмешливое Олега:

— Поздравляю, Роцин. С тобой не всё потеряно. По крайней мере, окружают тебя умные и дальновидные люди...

Дальше хотела бы, участвовать в данном разговоре не собиралась. Грохнув дверью, побежала прочь из дома, в сторону конюшни. Необходимо уйти. Остаться одной. Выбросить чертов адреналин, бушующий в крови.

Марго собственными руками подписала себе приговор. Относительно Кира, который устроит такой нагоняй, что мало не покажется. Относительно Олега, который возводит неизвестно какие планы на её счет.

Три дня! Подумать только, три дня будет целиком во власти Чернышевского. Потом что? Безысходность? Возвращение обратно? И этот человек говорил, что хочет помочь. Оказывается, хочет развлечься.

С другой стороны, три дня — немаленький срок, чтобы попытаться что-то разузнать про Олега. Понять и отыскать ответы на множество волнующих вопросов. Найти зацепку и, если повезет, оправдать мужчину для себя. Не верила в его нечестность и грязные намерения. Не хотела верить. Почему волнует сложившаяся ситуация и Чернышевский, Маргарита предпочитала не думать...

Машинально растирая запястье, Одинцова чертыхнулась, когда холодные капли дождя слетели на лицо. Как ей надоели собственнические повадки окружающих мужчин. Женщина в их глазах выглядела как нечто грязное и оскорбительное. Как будто собачонка, которой можно распоряжаться. Когда захочется поиграть, погладить и приласкать. Когда надоест — отпинать в угол и бросить, несчастную и одинокую. Так было всегда. Один за другим мужчины с Инанны. Теперь вот Кирилл и... Олег тоже. Все пытаются доказать свое

преимущество. Каждый своим способом, но от этого не легче.

Мужики все одинаковые. Жестокие и беспринципные. Жажущие власти и исполнения прихотей. Для них женщина всегда оставалась оружием, способом добиться желаемого или развлечением после тяжелого трудового дня. Женщина, как цель или объект порабощения.

Когда-то давно Марго и представить не могла какво это находится в мужских руках ради забавы. Не желала примириться. Пыталась сопротивляться, в одиночку противостоять давно устоявшейся системе. Потом пришлось свыкнуться. Именно свыкнуться. Не привыкнуть. Не смириться. Просто затаиться, выжидая подходящий момент для отмщения за страдания, которые испытала по вине противоположного пола.

Когда девушка научилась терпению и, скрипя зубами, позволила себе подчиниться, сделала еще один шаг на пути к той Маргарите, которой была сейчас. Она научилась контролировать эмоции. Сдерживаться и не возмущаться, холодно отражая выпады и требования в свой адрес.

Уже давно не та наивная и юная Ритка. Даже не отрешенная и оскорбленная на окружающий мир Грета. Тогда превратилась в самую настоящую холодную и сдержанную, преступающую через себя и боль с гордо поднятой головой, Королеву...

2001 год

Умело подкрасив веки подводкой, Рита отложила дорогую косметику на столик, и потянулась за пудреницей. Резкие движения, доведенные до автоматизма. Безжизненный взгляд в зеркале.

Оценивающе осмотрела отражение, пытаясь найти какой-то изъян. Неправильную черту лица, дефект на коже или, быть может, маленькие морщинки, заложенные в уголках глаза или на лбу. Что угодно, позволяющее сказать — она неидеальная. Маргарита Одинцова обыкновенная девушка, каких по миру сотни тысяч. Которая хочет такой же простой жизни. Без проклятых обязательств, клиентов и золотой клетки, удерживающей в четырех стенах. Нечто, дарящее надежду на нормальное будущее.

Но это «нечто» разбивалось о жестокую правду жизни. Рита больше никогда не станет обыкновенной девушкой, как ни пытайся. Не после того, что пришлось познать и что переживала изо дня в день до сих пор.

Да, Маргарита далека от идеала. Более того, теперь её запросто можно назвать вторым сортом. Грязной и недостойной девкой. Испорченной по всем параметрам множеством похотливых и жалких существ, гордо именуемых себя мужчинами.

Одинцова никогда не была идеальной. С самого детства. Идеальных не бросают отцы. На идеальных не плюют матери. В конце концов, идеальные не попадают в бордели, без права на спасение. Наверное, в этом её расплата. За красоту, за яркую внешность, которую, не раздумывая, обменяла на простое человеческое счастье. Жаль, что совершить подобный бартер не в силах. Никто не в силах. В этом её крест, возмездие. Его придется нести до конца.

Манящая привлекательность не могла не оставить отпечатка в памяти очередного клиента. Рита быстро вступила в ряды особенных. Избранных в нужных кругах. Ведь, как известно, встречают по одежке, создающей и подчеркивающей внешний облик, но никак не по внутреннему содержанию. В Инанне данное правило действовало с особой тщательностью. Только наружная оболочка позволяла судить о человеке. Из-за неё одних возводили на пьедестал, а других втоптывали в грязь и выбрасывали на улицу.

Порой сожалела, что при всем желании не попадала под вторую категорию. Увы, и ах... Возможно, тогда давно стала свободной. Или мертвой. Что в некотором роде взаимосвязано.

Одно время Рита с легкостью согласилась на смерть. Главное, не испытывать всего того кошмара, наступающего ежедневно. Ныне это желание вытеснила бездонная пустота и равнодушие, окончательно захлестнувшее с головой.

Сколько времени с тех пор прошло? Год? Два? Три. Ни много и ни мало. Маргарита как-то незаметно для себя перестала вести отчет. Кажется, целая вечность. Именно столько времени понадобилось, чтобы свыкнуться с незавидной участью. Перестать желать смерти и сожалеть о несбывшемся. Просто жить, забыв о недавних мечтах умереть, оставляя где-то глубоко теплившийся огонек надежды на мести. Механически исполнять возложенную миссию идти вперед, в неизвестность. Которая манила и пугала одновременно.

Что её ждет после Инанны? Когда перестанет быть интересной в качестве игрушки. Когда изживет себя и «износится», как зачастую выражалась Белла. Уход в мир иной? Изгнание? Разве это важно?.. Главное, однажды обязательно наступит день, когда станет

свободной. Одинцова заставляла себя верить. Вера позволяла следовать дальше, не сломившись...

Обреченно вздохнув, Рита провела пушистой кисточкой по щеке. Еще один вечер безумия, который предстоит пережить «вопреки». Наступать на горло себе, обидчикам и терпеливо ждать завтрашнего дня, который если повезет удастся провести в гордом одиночестве. Главное, выдержать сегодня до конца. Может, кто-то свыше смилостивится и оградит от предстоящего позора и мук...

— Тук-тук! Можно? — В комнату словно вихрь ворвалась Белла.

— Заходи. — Пожав плечами, равнодушно отозвалась Маргарита.

Что толку, скажи «нельзя»? Вряд ли Беллку это остановит. Никогда не останавливало. Тем более сегодня. Когда именно на «мамку» возложена миссия, чтобы все прошло без сучка и задоринки, а девушки выглядели не хуже моделей с обложек глянцевого журналов. Судя по огромному вороху одежды в руках, блондинка именно этим собиралась заняться.

— Так-с, Грета, мы должны подобрать тебе наряд, достойный королевы. — Бросив на кровать вещи, женщина что-то упорно выискивала. — Это ведь не обычная ночь с клиентом. Здесь нужно выглядеть на все сто. От этого будет зависеть твоя цена и благосклонность Бати. Он сделал на тебя ставку, как на главный лот Аукциона. Мы не имеем права его подвести.

Обкрутившись на стуле, Рита со свистом втянула воздух и уставилась на увлеченную занятием блондинку. Да, наивно со стороны Одинцовой полагать, что Аукцион пройдет без её непосредственного участия. Именно в качестве лота.

Вообще, предстоящее мероприятие целиком и полностью глупая и идиотская затея. Лишь хитрый, не упускающий возможности получить очередной прибыльный куш и жаждущий выгоды Сизый, способен додуматься до подобного. Среди бела дня устроить продажу живого товара. Хотя, безусловно, далеко не среди дня. Среди ночи и в закрытом от посторонних глаз и ушей помещении. Как успела выучить официальное название — элитном загородном клубе для состоятельных людей. Проще говоря, в дорогом борделе, именуемым вычурно — Инанна. И продажа здесь оригинальная — на одну ночь и во временное пользование.

Маргарита, хоть убей, не понимала смысла происходящего. В бордель и так регулярно являлись богатые клиенты, жаждущие развлечений. Тихо-мирно расплачивались и окунались в фонтаны разврата и похоти. Девушки работали, деньги Сизому капали. Казалось, что еще нужно? Но, видать, Бате стало скучно и он, позаимствовав идею у зарубежных коллег, как рассказала однажды Беллка, решил устроить из происходящего грандиозное шоу под названием Аукцион.

Вечер, где соберутся сливки общества, что наверняка в реальной жизни прячутся и стыдятся своих увлечений, а здесь, посреди единомышленников, станут в открытую кичиться возможностями и материальными средствами на покупку одноразовой любви.

Алкоголь, изысканные закуски, живая музыка, танцы, веселье и на десерт — сцена-подиум, где вместо модной одежды, модели будут демонстрировать... самих себя, продавая тело и изощренные развлечения. Ладно показ... Рита заставит себя пройти пару раз под голодными хищными взорами, только бы не участвовать во второй части шоу. Где любой желающий сможет выбрать для себя девочку по вкусу и посоревноваться за неё с не менее жаждущими, приобретая на ночь.

Надеяться, что выберут кого-то другого бессмысленно. Гостей предварительно заявлено

раз в пять больше, нежели лотов. Раззадорившись после выпитого и увиденного, они один за другим попрут на амбразуру. Учитывая, что Маргариту выбрано главным товаром, ей никак не отвертеться.

Одинцова многое отдала, чтобы не было особого положения. Раз вырваться из ада нереально, лучше оставаться неприметной девочкой, как все. Клиенты — похотливые безумцы. Почему все время доставались именно такие? Рита неоднократно за последние годы задавалась вопросом. Наверное, виной её первая ночь, принесящая многочисленную горечь и боль. Не зря говорят, как себя преподнесешь, каким окажется самый первый раз в новом деле, такой рок и последует в дальнейшем.

Маргарита еще хранила в сознании каждое мгновение, проведенное в этом кошмаре. Все — от начала и до конца. Хотя, до конца еще далеко.

Пускай предпочитала забыться, в памяти, как назло, отпечатывалось наиболее неприятные эпизоды существования здесь. Помнила, как едва открыла глаза следующим утром после жестокого «посвящения» с неизвестным. Ощущала физически, как болела каждая мышца, каждая косточка. Как не могла приподнять руки, чтобы взять стакан с водой. Есть довольно точное описание тогдашнего состояния Риты — словно проехались катком. После того случая наверняка представляла, каково это.

Она отходила, кажется, недели две, прежде чем смогла встать с постели. Первые дни Белла регулярно навевалась, пичкая обезболивающими и натирая всевозможными мазями. Маргарита с трудом оценивала свой внешний вид, но по выражению лица «мамки», предполагала, что далека от нормальности. Уже потом блондинка рассказывала, что преднамеренно не позволяла подниматься и прятала зеркала, ибо зрелище было воистину не для слабонервных. Сплошные синяки да ссадины.

Белла призналась, что того клиента за распускание рук и так называемую порчу товара хорошо штрафнули. Элитный клуб, проститутки за деньги это одно, а развлечения, сродни садо-мазо шли по иному тарифу и обслуживали подобных любителей другие, более опытные, девочки.

Рите от этого мало проку. Единственное, чему бесконечно рада, что тот зверь больше не появлялся в Инанне. Из-за того конфликта с Сизым на фоне несдержанности и недопустимой вольности. Как ни крути, а при всей циничности и жесткости, Батя терпеть не мог, когда не подчинялись созданным им же законам. Данная ситуация в его понимании была чрезвычайным происшествием. Он дорожил своим цветником из девочек, как истинный ценитель, и старался держать на расстоянии гнусных вредителей.

Первый раз, ставший для Одинцовой истинным разочарованием, навсегда сделал её другой. Поняла — сопротивляться бессмысленно. Хотя, нет... Тогда, набираясь сил, пользуясь ослабленным контролем над своей персоной, решила на побег. Побег — громко сказано. Добежала не дальше садовых ворот.

Частенько удивлялась, как удалось проскользнуть мимо пульта охраны. Жаль, недалеко. Но в тогдашнем состоянии вряд ли довела начатое до конца. Максимум — добралась до выхода из территории клуба. Тогда-то и перехватил вовремя подоспевший Сергей.

Пожалуй, именно его благосклонность и терпимость помогла избежать наказания. Стоит благодарить парня, что вернул её в комнату. На расспросы появившейся Беллы, отмахнулся, убеждая, что просто помог Одинцовой подышать свежим воздухом. Вряд ли «мамка» поверила, но удовлетворилась ответом, допрашивать и докладывать выше не стала.

На том сопротивлении иссякли, Рита терпеливо сносила все, что выпадало на её долю. Иногда, за глаза девушку называли козырной любимицей Бати. Правда, не понимала, в чем причина. С Сизым виделась с глазу на глаз всего-то раза три. Когда попала в Инанну, когда навестил её на следующий день после избиения и очухавшись, когда Николай Степанович пообещал, что подобного не повторится.

Что ж стоит отдать должное, он сдержал слово. Больше схожих ЧП не случилось. После к Рите отправляли исключительно адекватных клиентов, со вполне стандартным набором желаний. С ними научилась отрезаться, следуя совету «мамки». Не пыталась сопротивляться. Отключала эмоции и мысли, позволяя делать с телом все, что вздумается.

Оглядываясь назад, в свои двадцать лет, Маргарита внутренне чувствовала себя на все пятьдесят. Каждый прожитый год за десятилетие. Неужели, заслужила подобную жизнь и этот ужас никогда не закончится?..

— Грет, держи это. — Вырывая из размышлений, Белла бросила в девушку светло-бежевое стрейчевое платье.

Поймав вещь на лету, Рита, встала со стула, без лишних слов и стеснения сбросила халат с плеч на пол и натянула платье. О каком стеснении может идти речь? Белла в Инанне повидала такого, что многим не снилось. А Одинцова за эти годы слишком привыкла к подобным ритуалам и относилась как к должному.

— Да, самое оно. — Прежде чем Маргарита успела оценить наряд, одобрительно воскликнула «мамка».

— Красивое. — Отрешенно согласилась Одинцова.

Платье действительно было красивым. Светло-бежевый лиф без бретелей плавно перетекал к шоколадного цвета, приталенной юбке. Ничего лишнего, простенько, со вкусом и на удивление не столь вызывающе, как стоило ожидать. Оно очень подходило Рите под цвет глаз и волос, подчеркивая каждый изгиб молодого тела. Но если раньше и удивляли всевозможные изыски модной промышленности, сейчас, перемерив множество платьев, стало плевать.

Какая разница, что на ней будет в тот или иной вечер? Иногда Маргарите казалось, надень жестяной мешок, никто не заметит разницы. Голодным мужикам плевать, сколько стоит вещь и насколько она брендовая. Одинаково сдирали, как ненужную обложку со сладкой конфеты.

От сравнения Одинцова передернулась.

— Ты чего? — Удивленно вздернув бровь, уточнила Белла. — Не нравится, что ли?

— Нет, нравится. С чего взяла?

— Уж больно вид удрученный. — Недоверчиво хмыкнув, «мамка» обошла Риту, придирчиво оценивая образ.

— Вид как вид. — Пожав плечами, Маргарита краем глаза проследила за действиями блондинки.

— Не бойсь, подруга. Выкупит тебя сегодня какой-то красавчик-миллионер на время этак... без срока давности. — Ухватив Одинцову за плечи, весело предположила Белла. — Представь какие перспективы! Я не помню, рассказывала, как однажды меня сразу на год к одному клиенту приставили и все — никаких тебе проблем и заморочек. Согласись, под одного подстроится проще и чувствуешь себя не шлюхой, которую сегодня одному, завтра другому и пофиг на твои чувства, а уже как-то по-человечески. Словно если не мужа, то постоянного мужика, любовника завела.

— Белл, мне все равно. — Тяжело вздохнув, честно призналась Одинцова.

Она не видела разницы. Хотелось поскорее покончить с неприятным вечером и все. Вероятно, сей факт столь откровенно читался на лице, что, мигом посерьезнев, Белла предложила:

— Кстати, я бы причесочку подчеркнула. — Бросившись к столику, в поисках необходимой вещи, задумчиво протянула. Вытащив из полки диадему, запихнула в волосы Риты, поправляя высокий шиньон. — Так-то лучше. Необходимая изюминка. Чтоб не просто красиво, а по-королевски и с шиком.

Позволив проделать с собой нехитрые манипуляции, Маргарита придирчиво осмотрела зеркальное отражение. В целом «мамка» права. Не знай девушка к чему её готовят, возможно, улыбнулась увиденному. В таком обличье не грех на официальный банкет, а не на нелепый бордельный торг.

— Ладно, Ритусь, я побегу проверю как остальные. — Сгребая вещи в охапку. — А ты не глупи, готовься. Нужно предстать в лучшем свете. Времени совсем ничего.

Белла оказалась права — немного. Но для Одинцовой несколько часов ожидания показались целой вечностью. Для начала все дожидались, пока соберутся гости. Затем, пока настанет час «Х» и мужчины достаточно разогреются, чтобы встретить главный сюрприз вечера. После показ. Каждой девочке приходилось выходить к разгоряченной толпе, вилять попой, озаряя счастьем и радостью.

Риту участь показа не миновала. По очередности последняя. Несколько минут всеобщего позора, вот так нарекла мгновения, когда с трудом сдерживаясь под контролем, не пытаясь сотворить на лице подобие улыбки, шла по кругу, ловя на себе множество сальных взглядов. Она не всматривалась в лица. Зачем? Отыскать сегодняшнего потенциального клиента? Порой лучше его вовсе не знать. Увидеть, насколько нравится мужчинам? Маргарита об этом прекрасно осведомлена. И откровенно сыта этим знанием по горло...

— Грета! — Едва девушка успела спрятаться за импровизированные кулисы, позвал Сизый собственной персоной.

Увидеть Батю в такой ответственный момент, по ту сторону экрана, для Риты стало одним из первых потрясений предстоящего вечера.

Нахмурившись, прошла следом за довольно ухмыляющимся мужчиной.

— Ты сегодня шикарна. — Остановившись поодаль, чтобы никому не мешать, Сизый сделал короткий глоток шампанского из бокала, который держал в руках.

— Спасибо. — Неловко поджавшись, выдохнула Маргарита, оглядываясь к сцене.

Туда уже вышел неизвестный мужчина, приветствуя гостей. Очевидно, именно он по горячим следам проведет аукцион.

— Знаешь, Рит. — Наклоняясь к Одинцовой, шепотом признался Батя. — Я счастлив, что в моем саду благоухающих роз растет такая прекрасная, дикая, необузданная маргаритка. Более того, по моему мнению, ты здесь лучшая.

— Белла сказала, я буду главным лотом. — Пока Сизов мешкался, подбирая слова, холодно выдала девушка.

— Хорошо. — Одобрительно кивнув, Николай Степанович сделал еще один короткий глоток алкоголя. — Признаюсь, некоторые гости интересовались именно тобой, пойдешь ли с молотка. Чувствую, борьба планируется нешуточная. Я собираюсь оценить тебя очень высоко. Не обессудь, но сегодня не посмотрю, кто окажется тем клиентом, готовым

заплатить кругленькую сумму.

— Ваше право.

Нахмутив брови, Маргарита тогда еще не понимала, о чем речь. Не успела понять. Потому как, не дожидаясь ответа, Сизый, резко меняя тему, выдал:

— Ты выглядишь как сама королева, достойная высочайших правителей. Я тут подумал, сегодня будет лучше представить тебя, именно так. Грета — слишком нежно и невинно. Ты давно переросла маленькую глупую девочку. Ведь так? Не станешь творить глупостей?

— Не стану. — Настороженно посматривая, как одна из девочек выходит на сцену.

— Вот и умница. — По-отечески похлопав по плечу, пробормотал Батя и поспешно проскользнул в зал, к гостям.

Умница. Маргарита согласилась отнюдь не из-за этого. Даже не из-за боязни противостоять Сизову. Потому как давно поняла — бунтовать бессмысленно. Её мнения никто не спрашивает. Попросту ставят перед фактом. Здесь личное дело каждого — соглашаться и следовать по намеченному курсу, или включить сопротивление, которые вряд ли обернутся чем-то достойным.

Одинцова успела изучить одно простое правило Инанны — чем больше идешь против хозяина, тем быстрее тебя сломают. А ломаться не хотела. Иногда приходилось прогибаться. За это себя особенно ненавидела. Хоть и пыталась держать эмоции под контролем.

Обхватив себя за плечи, Маргарита подошла к сцене, наблюдая из-за кулис за торгами. Девочки сменялись одна за другой. Аукционист хорошо поставленным голосом то и дело повышал ставки. С каждым новым лотом расценки росли, а возгласы из зала слышались чаще и чаще. Гости раззадорились, атмосфера накалилась до предела. Однозначно мало кто хотел уходить ни с чем.

И вот молоточек ведущего стукнул еще раз, оповещая, что продана предпоследняя девушка. На кону оставалась одна Маргарита. Главный лот. Живой товар. Одинцова привыкла к подобной роли. Но сегодня все переходило допустимые рамки. Привыкла дело быть продажной в тиши ночи для одного. Совсем другое видеть, как за тебя соревнуются десятки сумасшедших.

— Господа, наш аукцион подходит к концу! — Официозно выдал мужчина со сцены, а среди толпы разнесся приглушенный гул возмущения. Выдержав театральную паузу, он продолжил: — Но не стоит отчаиваться. Напоследок мы приготовили для вас еще один сюрприз. Лот — достойный лучших. Уверен, каждый втайне желает оказаться обладателем прекрасной обольстительницы, которая выйдет на сцену. Давайте посмотрим на неё и убедимся в истинности моих слов. Итак, встречайте! — Поворачиваясь к Рите, аукционист, подбадривая всплесками в ладони, представил: — Единственная и неповторимая в цветнике нашего уважаемого Николая Степановича, благоухающая маргаритка. Роскошная и великолепная. Дикая и необузданная Нежная и трепетная. Королева.

В зале почувствовалась атмосфера нетерпимости, подогреваемое взбудораженными возгласами и свистом.

Глубоко втянув воздух, Маргарита заставила себя сделать шаг на подиум. Кажется, с её появлением восторг гостей достиг наивысшей отметки. Мгновение, поймала одобрение Сизого. Похоже, он действительно не прогадал. Уверенный в себе, наслаждался происходящим.

— Вижу-вижу, ваш восторг! — Раззадоривая, выкрикнул ведущий. — Но к превеликому сожалению такая Королева у нас в едином экземпляре и достанется единственному из вас.

Давайте не будем томить друг друга в ожидании и решим, кто окажется этим счастливымчиком.

Всего один. Рита готова поспорить, будь такая возможность, Сизов продал её всем и одновременно. Только бы наварится и не упустить прибыль. Но судя по взглядам развратных мужиков, Батя в любом случае наварится неплохо.

— Итак, наша холодная и невозмутимая внешне. Горячая и страстная для избранного Королева, и её начальная цена... — Осматривая толпу, прикидывая способность раскошелиться, аукционист предложил: — Сто тысяч гривен.

Зажмурившись, Маргарита хмыкнула. Сто тысяч. Серьезно. Учитывая, что у предыдущих цена едва достигала отметки в пятьдесят. Деньги, которые девушке и не снились. Батя и правда сделал высокую ставку. Интересно, она взаправду столько стоит? Действительно, оправдывает начальный эстимейт [141](#)? Неужели внешняя оболочка до такой степени яркая и красивая, что не жалко так опустошить карманы?..

— Сто двадцать тысяч! — Почти сразу послышался уверенный возглас из толпы.

Маргарита даже не попыталась разглядеть, кто этот умник.

— Сто пятьдесят! — Без излишних раздумий.

— Сто шестьдесят!

— Сто семьдесят!

— Двести! — Самоуверенный возглас заставил Риту невольно вздрогнуть. Голос показался смутно знакомым.

Нахмурившись, осмотрела зал, пытаясь разобрать, кто является его обладателем.

— Двести тысяч, господа! — Решил вмешаться аукционист и показать, что пока главный, а базарный торг здесь неуместен. — Невероятно! Кто даст больше?

Среди присутствующих пронесся озадаченный гул, не успевший кануть в тишине, когда послышалось нагловатое:

— Двести пятьдесят!

Интересно, они, вообще, отдают себе отчет, что на подобные деньги можно жить не один год?..

— Двести восемьдесят! — Уже знакомый голос.

Рита попыталась вспомнить, где его слышала, надеясь разглядеть обладателя. Но уже сейчас подсознание упорно твердило, что ничего хорошего в случае приобретения им не предвидится.

— Триста!

Маргарите удалось поймать глазами фигуру отчаянного. Вся самоуверенность и наглость отражалась в одной позе. Сложив руки на груди, мужчина насмешливо взирал на сцену. Холодный ледяной взгляд хмурых глаз, который навсегда отпечатается в сознании. Позже, Рита неоднократно будет вспоминать именно эту, первую встречу, в попытках понять, почему именно она?..

Одинцова прикинула, что раньше никогда не видела этого человека. И уж точно он никогда не входил в число её постоянных или случайных клиентов. Такого она точно запомнила бы.

— Триста двадцать! — Со скрипом на зубах выкрикнул знакомый голос, и Маргарита увидела ЕГО.

По позвоночнику мгновенно пронесся неприятный холодок, оставляя дрожь, что мелкими мурашками распространялась по телу. Ощущала себя не живым товаром — вещью.

Дорогой и никчемной, с которой можно творить что угодно. В этот момент в полной мере осознала, что значили слова Сизого перед аукционом.

Там стоял самый страшный и неприятный её кошмар. Ужасный зверь в человеческом облики, до определенного времени неизвестный. Первый клиент, после которого она осталась чуть жива.

Перед глазами жуткие картинки прошлого... Черные щелочки глаз... Огромная рука... Лапица, наотмашь бившая по лицу. Жалкие попытки сопротивления. Мерзкая неловкая возня ублюдка. И удары один за другим. Господи, неужели снова придется это пережить? Неужели вновь попадет в руки ничтожного подобия мужчины? Казалось, готова к чему угодно. Но не к этому...

— Триста двадцать тысяч, господа! — Отозвался ведущий. — Неужели никто не хочет дать больше? Неужели наша Королева недостойна большего?..

— Триста пятьдесят! — Обрывая мужчину на полуслове, вмешался соперник зверя. Тот самый, с колючими глазами.

— Триста пятьдесят тысяч! Может, кто-то готов дать еще больше? — С намеком глядя на развратного человечиска.

Маргарита молилась об одном — чтобы у него не хватило ни средств, ни желания приобрести её. Кто угодно — не это человеческое подобие. Она согласна на жалкого старикашку. Согласна на леденящего душу и кровь незнакомца.

— Четыреста! — Выставляя напоказ превосходство, выкрикнул ублюдок.

Зал заполонила тишина. Стихли шорохи и тихие вздохи. Все выжидающе и недоуменно рассматривали Одинцову, с подозрением поглядывая на смельчаков, готовых выбросить такие деньги за одну ночь.

— Четыреста тысяч от господина Латунина! — Довольно заметил аукционист. — Неужели никто не даст больше?

Ответом послужила тишина. Нервно сглотнув, Рита с силой сжала ладони в кулачки, впиваясь ногтями в кожу, и исследовала помещение. С мольбой невольно задержалась на незнакомце, который, очевидно, решил, что вываливать сумму свыше триста пятьдесят тысяч за неё нецелесообразно. Не могла его обвинить в этом, но... Как не хотела на сегодняшнюю ночь снова оказаться в узах безнравственного человечиска. С кем угодно, лишь бы не с ним.

Значит, Латунин. Отныне знает имя одного из главных обидчиков. Имя, которое запомнит на оставшуюся жизнь. Запомнит, чтобы однажды встретившись, отомстить за все.

— Четыреста тысяч раз! — Стукнув молоточком, продолжал аукционист. Пробежался взором по толпе. — Четыреста тысяч два!..

Новый стук молотка, казалось, попадал по самому сердцу Маргариты, заставляя затравленно затаив дыхание, ждать приговора.

— Четыреста тысяч три!.. — Занося руку для нового удара.

— Пятьсот тысяч! — Голос эхом пронесся над толпой, заставляя Риту с удивлением распахнуть глаза и уставиться на мужчину, решившегося на безрассудный шаг.

Все тот же, ухмыляющийся и неустрашимый. Он, не сводя глаз с Маргариты, всем видом показывал превосходство над другими.

— Пятьсот тысяч, господа! — Воодушевился ведущий. — Неимоверно! Полмиллиона за нашу красавицу! Может, кто-то хочет дать еще больше? — Вопросительно глядя на поникшего мигом Латунина.

Минуты, что для Риты показались целой вечностью.

— Пятьсот тысяч раз! — Новый стук молоточком. — Пятьсот тысяч два!

Закусив губу, Одинцова с ужасом смотрела на Латунина. Словно что-то подсчитывая в уме, он хмурился, посылая недовольство на соперника.

— Пятьсот тысяч три!

Удар молотка, вместе с которым ненавистный мужчина, резко отвернувшись, бросился к выходу, теряясь в толпе. Одинцова не могла поверить в удачу. Что посчастливилось избежать новой встречи с негодяем.

— Продано! — Торжественно провозгласил аукционист, позволяя девушке, послав неизвестному спасителю робкую благодарную улыбку, вздохнуть с облегчением. — И сегодняшним обладателем нашей великолепной Королевы становится господин Роцин! Поздравляем победителя!

Шквал аплодисментов обрушился на главную звезду вечера. Маргарита, пользуясь случаем, поспешила скрыться со сцены. В этот момент она была если ни счастлива (в полной мере быть счастливой, зная, что тебя купили сложно), по крайней мере, удовлетворена. Практически уверена, некий Роцин не причинит этой ночью больше боли, чем однажды причинил ублюдоку Латунин. Хуже однозначно не станет.

— Ритка, вот это да! — Хлопая в ладоши, к Одинцовой подскочила взбудораженная Белла. — Ты превзошла все ожидания! Я думала, ну триста — это максимум! Но чтобы пол лимона! Батя реально не прогадал! Он чуть не до потолка прыгает! Ему пофиг, что купил тебя Роцин. Вот кого-кого, его здесь меньше всего ожидали увидеть.

— Не поняла? — Остановившись посреди коридора, Маргарита удивленно уставилась на «мамку». — Что такого особенного в этом Роцине?

Раз предстоит провести с этим человеком ночь, должна знать о нем хоть что-то. Правда, ранее Одинцову мало интересовали её клиенты. Но ранее и не было клиентов, готовых ради её персоны расстаться с такими деньжищами.

— Не в курсе, что ли? — Блондинка удивленно повела бровью. — Ты, мать, даешь! Это всем известный факт, что у Сизого определенные терки с Роциным. Расхождения в ведении бизнеса, так сказать.

— Тогда почему меня ему продали?

— Дорогуша, там, где крутятся большие бабки, выбирать не приходится. И что ни говори, Роцин мужик видный. Я и сама не прочь с таким... Ну ты понимаешь. — Игриво ухмыльнулась Белла.

— Может, того? Вместо меня пойдешь? — Шутливо поддела Рита.

— Гретка, не умничай! — Нахмурившись, блондинка поставила руки в бока. — За тебя платили, тебе и отдуваться. Скажи, спасибо, что не к Латунину попала.

Тут «мамка» права. Маргарита это прекрасно осознавала. Наверное, потому заставила себя собраться и принять предстоящую ночь как данность. Для этого нужно поскорее остаться наедине с собой. Настроится и унять бешеный стук сердца.

Но отпускать её так сразу не торопились. Прежде чем добралась до комнаты, в которой предстояло встречать клиента, Риту перехватил ведущий, восхищено выписывая дифирамбы, за то, что уверенностью на сцене сделала аукцион.

После опять Сизый, с неприкрытой радостью убеждающий, что все оказалось куда лучше, чем стоило предположить. Пообещал, если ночь пройдет без эксцессов, вероятно, Маргариту ждет некое поощрение за послушание и хорошее поведение. Что за поощрение, не стала спрашивать, так как прекрасно знала, в чем они заключались — либо чуть больше

вольности, благодаря которой можно беспрепятственно ходить по всей территории клуба, либо новая эксклюзивная вещь для неё, либо двухнедельный «отпуск», на время которого позволят не принимать ни одного клиента. Последнее было небывалой роскошью, так как порой грозило вылиться в потерю приличной суммы. Но Одинцова решила для себя, что в случае чего будет просить лишь это. Ей ничего не нужно помимо свободы. Пускай и временной.

Вырвавшись от назойливых разговоров, Рита смогла вздохнуть с облегчением, когда закрылась дверь спальни. Устала от происходящего. От постоянных клиентов, нравочений Беллы, неприкрытой лести Сизого. Монотонность, единообразие, серость. Жизнь, больше похожая на существование. Но и за него приходилось расплачиваться. Собственным телом и послушанием. Обычно отплачивала равнодушием и терпением. Молча и выжидаяще позволяла делать с собой, что душе угодно. А сегодня... Интересно, что должна сделать сегодня за полмиллиона?..

На вопрос девушка не ответила. Прийти в себя и посидеть в относительной тишине покое не успела. Потому как послышался стук в дверь, следом за которым в комнату едва слышно проскользнул уже небезызвестный Рошин.

— Ну, привет, Королева. — Пройдя вглубь помещения, мужчина остановился напротив сидящей на кровати Маргариты.

— Здравствуйте. — Медленно поднявшись, отозвалась Одинцова.

Несколько секунд всматривалась в холодные глаза Рошина, пытаюсь угадать, что последует дальше. Надеялась понять, как вести себя самой. Что говорить? Что делать? Наверное, стоит поблагодарить, что спас от Латунина. Слова благодарности застряли где-то в горле и не могла произнести ни звука.

О каких благодарностях речь? Мужчина это сделал явно не от доброты душевной. Из своих определенных побуждений, желая получить взамен если не все — многое. Отменный секс, исполнение сокровенных желаний. Все, как всегда. То, что Рошин заплатил кругленькую сумму, еще ничего не значит и не делает ему чести. Напротив, расплата должна последовать незамедлительная и полноценная.

Нервно сглотнув, Рита сделала шаг к мужчине. Стараясь не выдать безумного волнения, накрывшего с ног до головы, потянулась к пиджаку. Пальчики предательски задрожали, когда попыталась расстегнуть пуговицы. Боясь, что нервозность будет застигнута врасплох, поспешила отвести взгляд.

— Как тебя хоть зовут? — Перехватив руку Маргариты, Рошин отстранил её, не позволяя продолжить начатое.

— Грета. — Памятуя давно заученное правило Беллы, выдохнула Одинцова.

— А если по-человечески? — С насмешкой фыркнул мужчина, продолжая сжимать запястье.

— Не нравится Грета, можно просто Королева. — С вызовом уставившись в лукавые серые глаза.

Почему дерзила? Не понимала. Подсознательно ощущала, что этот мужчина не причинит боли, которую испытала по вине Латунина: на такое способны не многие. За последние годы научилась разбираться в мужчинах. Понимать, кого стоит опасаться, а кого нет. Рошин из первой категории, точно знала. Иной не посмел стать в сопротивление Сизову и играючи обскакать такого хищника, как Латунин. Но при всем этом отчего-то не боялась Рошина. По крайней мере, сейчас. Что-то в нем определенно было такое... Подчиняющее,

манящее. Пропасть меж ними в более десятка лет не являлась преградой.

— И как в народе величают Королеву? — Уверенно настаивал мужчина.

— Маргарита. — Зачарованно следя за малейшим движением ресниц, призналась Одинцова.

— Королева Марго, значит. — Улыбнувшись краешками губ, Рошин вдруг потянул ладошку Риты на себя. Прижался губами, не отводя глаз с лица. — Я Кирилл.

— Очень приятно. — Не зная, что в таких случаях отвечать, промямлила.

Обычно клиенты не старались поставить в известность о своей персоне. Им достаточно знать, кто она. А Рите достаточно знать, что на следующий день не увидит того или иного человека.

— Давно знаешь Латунина? — Вопрос прозвучал неожиданно и жестко.

Маргарита вздрогнула, пытаясь вырвать руку.

— Ты же знакома с ним? — Крепче сжав ладонь в своей, повторил Кирилл.

Ответом был робкий неуверенный кивок. Вслух признать знакомство по-прежнему не желала. Что она скажет? Что тот ублюдок так яростно и жестоко над ней поиздевался? Вряд ли Рошина это хоть каплю волнует. Где гарантия, что он не прибегнет к подобным методам?..

— Ты его боишься. — Не спрашивая, констатируя факт, фыркнул мужчина.

— С чего Вы взяли? — Нашла силы уточнить Маргарита.

— Возможно, остальные и не заметили твоего ужаса при виде Латунина, но я не совсем дурак, умею разбираться в людях. К тому же неплохо знаю Гришку и представляю на что способен этот человек.

На языке Маргариты вертелись десятки вопросов. Кто он, этот Рошин? Кто Латунин? Откуда знакомы? Почему Кирилл уверен в жестокости соперника? То, что они были соперниками сомневаться не приходится. Неужели Рошин купил её из праздного любопытства и желания утереть нос конкуренту? Хотя какая к черту разница зачем. Главное, она не с ненавистным животным, а с очередным мужчиной-клиентом. Привлекательным мужчиной.

— Вы правы. — Согласно кивнула. — Меньше всего этой ночью я предпочла снова оказаться в его руках.

— Что ж, ты подтвердила догадки, возникшие при виде тебя там, на сцене.

— Именно поэтому меня купили? — Не удержалась Одинцова, закусив губку. — Вам стало меня жаль?

— Считай, как знаешь. — Равнодушно пожал плечами. — Можно сказать и так.

— А таких денег не жалко? Всего-то за одну ночь.

— За тебя? — Вопросительно вздернув бровь, Рошин резко притянул Риту ближе: — Нет.

— Почему? — С придыханием уточнила, упираясь ладошкой в мужскую грудь. — Нужно быть либо миллиардером, либо полным безумцем, чтобы вывалить такие деньжища за очередную шлюху на ночь.

— Может, ты мне нравишься. — Склонившись к уху девушки, хрипло пробормотал мужчина.

В другой ситуации Одинцова могла запросто поспорить по этому поводу. Но подтверждение его словам здорово упиралось в бедро. Рошин её хочет. Как и многие другие. В этом ничем не отличался от остальных мужчин. А она-то, наивная, успела возомнить себе

черти что...

— Высокая цена, для понравившейся игрушки. — Выдохнув почти в губы Кириллу, не могла заставить себя замолчать Рита. — Вам не кажется?

— Ты задаешь много вопросов. — Обняв девушку за талию, крепче прижимая, Роцин прошелся губами по щеке. — Ты боишься... Нет, не так. Ты ненавидишь Латунина. Будем откровенны: я его тоже ненавижу. Поэтому помог тебе сегодня спастись от него. Может... — Запустив пятерню в девичьи волосы, оттянул немного назад, заставляя посмотреть в глаза. — Перестанешь «выкать» и покажешь, насколько умеешь быть благодарной?

С этим резко оттолкнул Одинцову и, сунув руки в карманы, исподлобья уставился на неё, ожидая дальнейших действий.

Около минуты Рита стояла с недоумением глядя на Кирилла, пытаясь понять, чего он хочет. Она предполагала, что мужчина набросится, начнет подчинять, настаивать, пока, в конце концов, не возьмет желаемое. Но Роцин оставался на месте, невозмутимо глядя в упор. Не предпринимая никаких действий. Ровным счетом ничего.

Не привыкла к такому. Обычно с клиентами все происходило иначе. А тут... Ждет благодарности, давая право выбора самой Маргарите. Она бы с радостью развернулась и сбежала отсюда. Или закрылась в ванной. Одна. Но вряд ли Кирилл оценит.

Вздыхнув, ступила к мужчине, собираясь сделать то, что планировала сразу после его появления. Ведь, по всей видимости, он иного не ждет. Хотел бы завладеть ею и просто заняться сексом, давно это сделал.

Борясь с волнением, Маргарита расстегнула злополучный пиджак. Перебираясь к рубашке, потерлась носом о мужскую шею. Надо отдать Роцину должное, от него пахло настоящим мужчиной. Невозмутимость и напряженность лишнее тому подтверждение.

Он не станет как неумелый юнец набрасываться, пытаясь утолить сексуальный голод. Он научен выдержке. Способен держать потребности и похоть под контролем. Странно, но в какой-то момент девушке польстило это самообладание. И в то же время захотелось доказать, что перед ней никто не способен устоять. Даже столь опытный и умный игрок. Собственно, по реакции его тела и так это чувствовала. Осталось доказать самому Кириллу.

Расстегнув рубашку, Маргарита с восхищением провела ладонью по мускулистой груди. Скользнула губами по шее Кирилла, остановившись у мочки уха и слегка прикусив. Продолжая незамысловато исследовать тело мужчины, опустилась легкими порхающими поцелуями к груди.

Она впервые в жизни пыталась откровенно соблазнить внешне невозмутимого и безучастного мужчину. Обычно стоило ей коснуться, клиенты сами все делали. А сейчас, играть в партию Роцина для Риты оказалось трудновато.

Подбадриваемая тяжелым дыханием и быстрым гулким стуком сердца, отдающим эхом в ушах, продолжала бесхитростные ласки. Целуя и покусывая кожу на груди, неторопливо перебралась пальчиками к ремню. Пока расстегивала, позволила себе отстранившись, поднять глаза на Кирилла. С виду непоколебим. Но помутившийся взор выдавал едва контролируемое желание.

Слабо улыбнувшись, опустилась перед мужчиной на колени, когда удалось, слегка опустив брюки, выпустить на волю внушительную восставшую плоть. Колебясь секунды, едва касаясь провела ладонью, ощущая под пальцами сумасшедшую пульсацию и трепет. Снова подняла глаза на Роцина. Поймав одобрителный кивок, обвела язычком головку.

После втянула в рот, лаская и подразнивая.

Послышался легкий полустон-полурык. После которого Кирилл запустил ладонь в девичьи волосы. Массирующими движениями попытался направить её, заставляя поглубже вбирать в себя плоть.

Несколько мгновений за которые Рита ощутимо завела Рощина. Редко позволяла себе доставлять мужчине удовольствие таким образом. Обычно подобный секс вызывал отвращение. Исключением становились клиенты, что, не интересуясь мнением, попросту заставляли это делать.

Сегодня особый случай. Сегодня впервые решила сама. Не сказать, что получала удовольствие, по крайней мере, не испытывала омерзения и стыда, как зачастую. В какой-то степени нравилось чувствовать власть над таким серьезным мужчиной, как Рощин. И это наименьшая цена расплаты и наибольшее, что способна дать мужчине.

Еще секунды, показавшиеся вечностью. А потом Кирилл, намотав растрепавшиеся из прически волосы на кулак, резко дернул вверх, заставляя подняться.

— Хватит. — Жестко обронил Рощин, прежде чем впитаться в приоткрытые уста подчиняющим поцелуем.

Ворвавшись языком в рот, одной рукой прижимая Риту за талию, другой пытался стянуть платье. Сопротивляться не было сил. Да и желания тоже. Умом не хотела секса. Совсем. Кем этот человек ни был. Но тело требовало обратного, предательски дрожа от чужих прикосновений.

Она раздражила Рощина. Рощин раздражил её. С пол-оборота. Все по-честному и взаимно. Конечно, не та животная и необходимая страсть, не трепетная и непозволительная нежность, о которой втайне мечтала, но нечто довольно близкое. Оставаться традиционно безучастной или холодной, не возникало мысли.

С не меньшим пылом отвечая на поцелуи Кирилла, скользила ладонями по его телу, пытаясь окончательно освободить от ненужных вещей. Что это? Простая благодарность? Впервые осязаемое чувство собственной власти над мужчиной? Или обыденное стремление быть необходимой и желанной?.. Маргарита не осознавала.

Отдаваясь воле мимолетно вспыхнувших чувств, позволила себе испытать наслаждения от давно ставшего будничным, занятия. Позволила Кириллу, запрокинув себя на кровать, ласкать до умопомрачения, позволяя забыть, кто она и где находится. Но навсегда запоминая слова, сказанные Кириллом в порыве страсти:

— Ты теперь моя. — Нежно очерчивая контур лица и убирая влажные пряди. — Королева. Марго. Я убью всякого, кто посмеет к тебе прикоснуться...

Тогда Рита мало придавала значения услышанному. В моменты страсти клиенты чего не говорили. В любви пару раз признавались. Но в этот раз все иначе. Кирилл практически сдержал слово.

Пожалуй, именно после той ночи её жизнь в который раз круто изменилась. Рощин на самом деле мстил всякому, кто смел к ней прикоснуться. К счастью, мстить пришлось немногим. одному-единственному человеку, которому Рита и сама с превеликим удовольствием отомстила бы. И отомстит.

Но все будет потом, когда еще одно событие перевернет её мировоззрение. Когда Кирилл осознает, что хочет целиком обладать Маргаритой, не размениваясь по мелочам и не делаясь ни с кем больше.

Что тому основная причина? Желание? Зависимость? Соперничество? Жажда мести?..

Все неважно. Главное, Рита перешагнула еще один барьер. Смогла стать персональной Королевой для одного-единственного мужчины... Хотя бы на одну ночь.

Возможно, однажды настанет день, когда станет для одного мужчины не Королевой, а единственной и любимой женщиной?..

2010 год

— Что творишь, дура?! — Выхватив у Маргариты платье, которое, аккуратно сложив, пыталась запихать в дорожную сумку, взорвался Кирилл.

— Готовлюсь к поездке. — Равнодушно пожав плечами, Одинцова потянулась к лежащей на кровати футболке.

— Ты никуда не поедешь. — Вещь постигла участь платья. Отбросив футболку на пол, Роцин ухватил девушку за запястья. Встряхнув, развернул к себе. — Слышишь меня?!

— Кто запретит? — С вызовом уставившись на разъяренного мужчину, притворно спокойно уточнила: — Ты, что ли? Я не твоя собственность, чтобы указывать. Пора понять. И потом, сам хотел подложить меня под Чернышевского во имя бизнеса. Считаю, подвернулся удобный случай.

— Ты смотри, спишь и видишь, как поскорее оказаться в его постели! — Фыркнул Кирилл, тяжело дыша. — Еще выламывалась, как малолетняя девственница. Да я ни за что с Чернышевским! — Передразнив, отпустил Марго, толкая на кровать — Тьфу ты! Как и все бабы. Продажная неблагодарная с*чка.

— Ты хоть иногда думаешь, прежде чем говорить? — Возмутилась Одинцова, растирая запястье.

Последнее время сдавливать руки до синяков входило у Роцина в привычку. Не самую хорошую, надо сказать. Вообще, нынешний разговор с каждой новой фразой больше заводил в тупик.

После спонтанного решения согласиться на предложение Олега, девушка долго думала, блуждая со Страстью по лесу, несмотря на отвратительную погоду. Прикидывала все за и против. И хоть временами против перевешивало, окончательно убедила себя — отступить поздно. Что думал Кирилл по этому поводу, Маргариту мало беспокоило пока вечером не вернулась домой.

Желание найти Роцина и поговорить мигом улетучилось, едва ступила на порог. Оцепенение и опасения оказаться непонятой, сковали каждую клеточку тела. Стараясь не попасться никому из домашних, поспешила скрыть в собственной комнате. Очутившись на месте мало соображая, что творит, первым делом принялась складывать вещи для поездки к Олегу. Наверное, подсознательно не терпелось поскорее сбежать из этого дома. Именно к Чернышевскому.

В тот момент в комнату ворвался Кирилл, застав за неоднозначным занятием. С ходу посыпались требования объяснений и уверения, что поездка ни к чему — не намерен отпускать Марго куда-либо.

Вроде хотела именно этого — услышать от Роцина, что важнее ему черного бизнеса, но почему так отчаянно сопротивляется и стоит на обратном? Может, Кирилл прав? Она, как и остальные. Неблагодарная, которая спит и видит, как согреть постель другому мужчине.

Хотя нет. Маргарита ведь не ради постели, не ради вероятности секса с бывшим другом согласилась на авантюру. Вовсе нет! Она условилась ради... Ради чего собственно? Ради бизнеса? Ради Роцина? Чтобы выяснить правду об Олеге? Или попросту ради себя? Собственных желаний и стремлений?

Как же сложно! В себе разобраться сложно. И, похоже, если кто-то не попытается помочь, Одинцова окончательно погрязнет в бездонной пучине прошлого, настоящего и не столь отдаленного будущего.

— Марго. — Растерянно растирая лицо руками, Кирилл пнул ботинком платье, опустился рядом на постель. — Неужели не понимаешь, поездка чистой воды авантюра. Безумие. Ты сама днем клялась-божилась, что не готова выплатить цену, заломленную Чернышевским. Ну, скажи, зачем тебе это нужно?

— Мне казалось, это скорее нужно именно тебе. — Вздохнув, Одинцова буравящим взглядом уставилась на сидящего спиной мужчину.

Наверное, обманывает саму себя. Исключительно ради сомнительных дел Рощина, не согласилась. Никогда. Боязнь окончательно разочароваться ни при чем.

Не важен вероятный ответ Кирилла днем, не ворвись она в зал. Важно, что сейчас не хочет отпускать. Если действительно настроен решительно, так и сделает. Плевать на возражения Маргариты. Ей всего-то стоит чуточку поумерить пыл и подчинится. Но отчего-то этого казалось мало. Столь желанная реакция со стороны Рощина не могла остановить от воплощения в жизнь задуманного ранее. Не новую встречу с Чернышевским.

— Ритулечка. — С отчаянием протянул мужчина, оборачиваясь к девушке. — Что же ты творишь, глупенькая моя?

Отчаяние действительно было наивысшей степени. Ритулечкой Кирилл называл её в исключительных случаях. Всем видом отражал уровень негодования и недоумения от происходящего.

— Я не спрашиваю, зачем тебе важно выиграть тендер и попасть в Internal Group. — Безучастно отозвалась. — Хотя теперь отлично понимаю — основная цель далека от того, чтобы сделать Golden Grove всемирно известной торговой маркой. Тем не менее соглашаюсь на предложение Чернышевского, чтобы помочь тебе. Не знаю, правда, в чем.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал истинную причину? — Тихо спросил Рощин, не отводя взора.

— Нет. — Качнув головой, честно возразила.

Маргарита чувствовала — Кирилл может рассказать. Даже если его история окажется далека от неписанных правил морали и правового законодательства. Стоит попросить. Но вдруг поняла, что не готова узнать о новой стороне Рощина. Ни к чему это. Лишние разочарования.

Говорят, лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Одинцова не очень согласна с утверждением. Иногда не стоит знать правды вовсе. Чтобы не испытывать новой боли.

— Почему влезаешь? — Протянув руку, мужчина сжал ладошку Марго в своей. — Или увидела человека из прошлого и решила переметнуться на его сторону?

— Как ты не поймешь, Кирилл? — Нахмурившись, недоуменно выдохнула девушка. — Я не в той ситуации, чтобы метаться от устоявшейся реальности в неизвестность.

— А что? Может, он был тебе не просто соседом? — Сканируя, Рощин словно пытался прочесть в жестах Маргариты долю неискренности. Найти подвох, зацепку, убеждающую во вранье. — Может, вас еще тогда связывало нечто большее?

— Почему тебя это волнует? — Вырвав ладонь, дерзко уточнила: — Неужели ревнуешь?

— Если скажу да, поверишь?

— Если что и было, поверь, давно в прошлом. — Нервно сглотнув, Одинцова подхватила с кровати, стараясь не смотреть на Кирилла.

Боялась? Пожалуй, так. Опасалась его пронизательности. Которая не заставила себя долго ждать.

— Возможно, для тебя в прошлом. Судя по предложению Чернышевского, для него как раз наоборот.

— Это его проблемы. — Огрызнувшись, обхватив себя за плечи, прошла к окну.

— Марго, три дня немаленький срок. — Скрипнул зубами Рошин. — Вы будете только вдвоем. За это время может произойти что угодно. Сомневаюсь, что сбором цветов да ягод в лесу ограничится.

— Кирилл, ты преувеличиваешь. — Всматриваясь в сумрак, подумала, что не может знать наверняка насколько Олег не настроен на близость. Не представляла, к чему этот фарс с уик-эндом. — Если я не захочу, ничего не будет.

— А если захочешь? — Неслышно подкравшись сзади, Кирилл сжал девичьи плечи, разворачивая к себе.

Закусив губу, Марго настороженно заглянула в серьезные глаза мужчины. Наверное, стоит ответить, возразить, опровергнуть странные предположения. Но не могла обещать того, в чем сама сомневается.

Нет, девушка не собиралась спать с Олегом. Ни в коем случае. Он всего лишь бывший друг. Но при этом что с ней твориться? Почему смотрит на Чернышевского совсем не подружески и не способна однозначно ответить, хочет близости или нет? Не зря говорят, от суммы и от тюрьмы не зарекайся.

— Маргарита. — Не дождавшись ответа, вздохнул Рошин. — Я не дурак. Знаю, как на тебя смотрит Чернышевский. Он видит в тебе отнюдь не бывшую соседку. И не подругу детства. Видит в тебе женщину. Красивую и желанную. — Сдавливая плечи. — Если тебе смогу поверить, как поручиться за совершенно чужого, неизвестного мне человека?

— Ты ведь сам этого хотел. — Снова и снова задевая, бормотала девушка. Зачем напоминала Кириллу? Искала оправдания своему поведению? — Невинный флирт с конкурентом. Во имя бизнеса. Что в этом противозаконного?

— Черт подери, Маргарита! — Зажмурившись, взвыл мужчина. После чего, театрально разжимая руку, палец за пальцем, отступил. — Одно дело действительно невинный флирт при мне. Совсем другое пребывание на его территории, одним. Что должен думать? Чем вы занимаетесь этим временем? Как потом смотреть тебе в глаза? Я не буду уверен ни в чем. — Переходя на крик. — Понимаешь?! Как представляешь наши дальнейшие отношения? Думаешь, приедешь и будет как прежде? Хочешь сделать меня оленем-рогоносцем? Чтобы, ложась с тобой в постель, я представлял, как ты трахалась с этой с*кой?

— Кажется, совсем недавно тебе не смущало с кем и когда я трахалась еще. — Ухмыльнувшись, спокойно возразила Марго. — Забирая меня, прекрасно знал о моем прошлом. Но тогда не задумывался, кто был до тебя.

— Думал, не думал! — Запустив пятерню в волосы, взревел Кирилл. — Бл*, да я как представлю, готов разорвать всякого! Живьем шкуру спустить, понимаешь это, Ритка, или не понимаешь?!

Нервно сглотнув, девушка не знала, что ответить на столь откровенное признание. Никогда не слышала от Рошина подобного. Всегда считала, что мужчина вполне адекватно относится к иной стороне её жизни, иначе не смог забрать к себе, забывая былое. Выходит, все несколько по-другому: Кирилл ревнует к настоящему, к будущему и прошлому. Это должно польстить, но отчего-то вызывает неприятный холодок.

— Кирилл, как себе представляешь, я должна сделать ход назад? Ты сам однажды сказал — отступают слабаки. Я не такая. Я не хочу подводить тебя. Ставить под угрозу бизнес и...

— Да мало ли что говорил! — Раздраженно взмахнув руками, мужчина заметался по комнате. — Если боишься отказываться, я сделал все за тебя.

— То есть?

— Когда ты сбежала, сказал Чернышевскому, чтобы он не радовался. Все равно тебя не отпущу.

Вот и все. Роцин отказался. Сделал то, чего Одинцова отчаянно желала изначально. Почему тогда радости от данной новости не испытывала? Скорее наоборот.

— И что он ответил? — Нахмутив брови, Марго озадачено уставилась на Кирилла.

— Позвонит вечером и скажет, во сколько будет ждать завтра. — Глухо признался мужчина.

— Вот видишь, я должна поехать.

— Маргарита! — Резко обернувшись к девушке, взревел Роцин. — Никому и ни черта ты не должна!

При этом неожиданно поднял руку, словно замахнувшись. Девушка зажмурилась, когда мужская ладонь, расчертив воздух, бессильно повисла в десятке сантиметров от её лица.

Кирилл был невероятно зол. Хоть и пытался держать себя в рамках и сохранять внешнюю невозмутимость. Обычно это давалось с трудом. В итоге мужчина либо взрывался, вымещая злость на тех, кто оказывался рядом. Либо...

— Знаешь, Марго? — Спокойнее уточнил, сжав ладонь в кулак и опустив руку. — Делаешь, что хочешь! Учти, последствия могут тебе не понравиться. Не ручаюсь, что встречу от Чернышевского с распростертыми объятиями.

Вместе с этим послышались отдаляющиеся шаги. Дверь с грохотом захлопнулась, заставляя вздрогнуть. Ушел. Другого не ожидала.

Медленно распахнув веки, Маргарита прошла к кровати и, устало опустившись на покрывало, уронила голову на ладони. Какое-то безумие. Неужели это происходит с ней? Вероятно, кто-то свыше решил подшутить. Бесконечный выбор. Сомнения. Двое мужчин, яркими огнями манящие с противоположных берегов. Кому верить? К кому стремиться? Как себя вести?

До недавнего времени Одинцова искренне веровала, что её берег с той стороны, где Кирилл. До недавнего времени считала его главным тылом и маяком, которого стоило держаться. А после обрывков правды, подслушанных украдкой, не могла довериться Роцину до конца.

Наверное, стоило согласиться на его предложение и выслушать объяснения? Но что предпримет, узнай наверняка о грязных делишках Кирилла? Окончательно с чистой совестью переметнется на сторону Олега? Он чем лучше? Не знает о нем ровным счетом ничего. Судимость. Тайнственная связь с Сизым. Непонятные дела вокруг бизнеса. Чернышевский пока предстал ни капли ни лучше Кирилла.

Она поступает правильно. По крайней мере, попытается узнать что-то о давнем друге. Главное, чтобы последствия вправду не оказались ужасающими...

Трель телефона вернула Одинцову в реальность. Потянувшись к мобильному, лежавшему на прикроватной тумбочке, без удивления отметила неизвестный номер звонящего. Принимая вызов, знала кто и зачем звонит.

— Привет, Рита. — Послышалось приглушенное подтверждение догадкам. — Не ожидала?

— Почему? Напротив, очень даже ожидала. — Передразнила девушка.

— Не передумала? — Судя по тону, Чернышевский откровенно забавлялся происходящим.

— А должна?

— Не знаю. На всякий случай уточняю.

— Слушай, Олег. — На выдохе затараторила Марго. — Скажи, пожалуйста, зачем тебе это нужно? Чего добиваешься? Хочешь меня окончательно рассорить с Кириллом? Или решил поиграть? Отомстить за прошлое, где тебе ничего не досталось и...

— Рит, почему ты хочешь знать все и сразу? — Перебил мужчина, в одночасье выколачивая своим спокойствием из Одинцовой спесь и уверенность. — Давай для начала приедешь ко мне, тогда и будем выяснять отношения.

— Олег, ты, наверное, что-то пугаешь! — Возмущенно заметавшись по спальне, вспыхнула девушка. — Нет никаких отношений и не было! Остальное — бред твоей воспаленной фантазии.

— Ритуська, ты не меняешься.

— Чернышевский, еще одно слово, и я точно передумаю!

— Не передумаешь. — Лениво передразнил Олег. — Не в твоих привычках отступать.

И здесь знает ответы на все вопросы лучше Маргариты! Неужели до сих пор остались рычажки влияния на неё?..

— Как Роцин? — Не дождавшись ответа, серьезно поинтересовался Чернышевский. — Надеюсь, не сильно буянит? Ты там убеди, что все ради его блага.

— С Кириллом разберусь без твоих придурковатых подсказок! Вообще, не понимаю, что ты затеял? Судя по недавним убеждениям, три дня слабо подходят под план спасения от великого и ужасного рабства.

— Рит, это не телефонный разговор.

— Отчего же? — Одинцову до чертиков злила самоуверенность и выдержка Олега. Казалось, его ничто не способно вывести из равновесия. Вечно невозмутимый, как удав. — По-моему, тянуть дальше бессмысленно, пора раскрывать карты.

— Жду тебя завтра у себя дома, к двенадцати. — Игнорируя замечания Маргариты. — Не опаздывай.

— Олег, ты откровенно наглеешь! — Расширив изумленно веки, воскликнула девушка. Но, Чернышевский вряд ли это услышал. — Олег? Олег, алло! Издеваешься... — Последние слова были сказаны коротким гудком.

«Черт бы тебя побрал, Чернышевский!»

Мысленно выругавшись, Марго запустила телефон на кровать.

Что за день-то такой? Кирилл... Олег... Эти мужчины медленно, но уверенно сводят её с ума. Один жаждет добиться успеха в бизнесе, но не хочет отпускать, противореча сам себе. Второй желает оказать мнимую помощь, при этом откровенно покупая, давая понять, что помощь сомнительна. Тянут в разные стороны и непонятно, чего ожидают взамен. Кому в итоге доверять?

Кирилл. Сколько времени вместе. Столько всего пережили, бок о бок. Возможно, звучит пафосно, но именно он помог Одинцовой выжить. Роцин сделал все, чтобы начать жить заново. Ныне с трудом его узнавала.

Олег. Что-либо думать об этом мужчине уже не в состоянии. Слишком много тайн и загадок вокруг. В Чернышевском будет разбираться завтра и еще парочку последующих дней. После поищет объяснения его действиям. Пока необходимо хорошенько отдохнуть. Завтра ожидается непростой день. С этой мыслью направилась в ванную комнату.

Пенная ароматизированная водичка сделала свое дело. Понежившись около получаса в ванной, Марго смогла расслабиться и успокоиться. Теперь предстоящая поездка не казалась страшной и ужасной. Кирилл злится. Но когда получит выгодную сделку, порадует, что все так просто получилось. А Олег не враг Маргарите. Не чужой человек, поймет её. Все будет хорошо, обязательно.

Обнадежив себя утешениями, Одинцова наспех собрала необходимые на уик-энд вещи и легла спать. К счастью, усталость, сказавшаяся после нервного и напряженного дня, дала о себе знать довольно быстро. Нелепые размышления и липкие кошмары, не мучили. Еще одной ночи наедине с терзающими червячками сомнений она не выдержала.

Во многом благодаря хорошему сну на утро Маргарита поднялась в довольно неплохом настроении. Что это — солнечная и, кажется, теплая погода, не в пример вчерашней? Или предвкушение нового приключения? Не разобрала. Что дальше, думать не хотела. Реакция Кирилла и поведение Олега не столь сильно волновали. Главное, показать мужчинам, что она не трофей для победителя, а женщина с мнением которой стоит считаться.

Оптимизма и уверенности в собственных силах хватило ровно до того момента, пока не спустилась в гостиную. Так и застыла посреди комнаты, заметив вальяжно развалившегося с газетой в кресле Руслана Буртенко собственной персоной.

— Руслан? Что ты здесь делаешь? — Не скрывая искреннего недоумения, выпалила Марго.

Вот кого не ожидала сегодня увидеть, так это начальника охраны Кирилла.

— Маргарита Андреевна? — Вздрогнул, словно от удара хлыстом. Неловко сминая газету, сбросил ноги со столика. — Доброе утро, Маргарита Андреевна.

Подхватившись, отложил утреннюю прессу на диван. Пригладил торчащие в разные стороны волосы, хоть это и не добавило порядка на голове.

Машинально кивнув в знак приветствия, девушка с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться от представшей картины. Забавный этот Руслан. В отличие от Калача, всегда вызывал невольную симпатию, хотя общаться доводилось исключительно в рамках — здравствуйте-до свидания.

Не старше самой Маргариты. С виду серьезный, хмурый и словно сканирующий насквозь зрачками арктического океана. Но вечно потертые джинсы, простая футболка и легкая щетина здорово разбавляли грозный образ. А некая неуклюжесть в действиях и движениях, напоминали в Руслане безобидного медведя. Внешне устрашающий, а на самом деле наибольший вред, который может принести, скорее всего, будет произведен по чистой случайности.

Порой Одинцова поражалась, каким образом Буртенко, или проще говоря, Бурому, как кликали его парни из охраны, удалось войти в доверие к Кириллу и занять столь высокий и ответственный пост. Обычно Рощин старался окружить себе людьми несколько иного типа. Явно не за красивые глаза Руслана взяли на работу. Скорее всего, оправдывает себя как профессионал.

— Что здесь делаешь? — Поинтересовалась, заметив, как растерялся Бурый. Будто не зная, куда себя деть — сидеть, в ожидании указаний, или уходить, продолжал рассматривать

Марго. — Думала, ты в городе.

— Вызвал Кирилл Сергеевич. — Пожав плечами, равнодушно признался Руслан.

— Странно. Кирилл говорил, твое присутствие там нужнее.

— Ну да, я тоже так думал. Потому и прислал с вами Макса. — Утвердительно кивнув мужчина начинал понемногу расслабляться.

— Причину, по которой Кирилл Сергеевич вызвал, знаешь? — Допрашивалась, прекрасно понимая, что Роцин ничего просто так не делает. Тем более не срывает человека от дел в угоду мелочам.

— Он разве не сказал? — Искренне удивился Буртенко.

Так, становится все интереснее.

— Должен был? — Сунув руки в карманы брюк, Одинцова прошлась вглубь комнаты, мысленно перебирая возможные варианты.

— Не знаю. — Провожая Маргариту озадаченным взглядом. — Просто я как бы это...

— Руслан поедет с тобой к Чернышевскому! — Разрывая неловкость момента стальным металлом голоса, откуда-то из-за спины послышался ответ Кирилла.

— Что? — Брови Одинцовой ошарашено взметнулись вверх и она, круто обернувшись, с недоумением уставилась на появившегося в дверях Роцина.

Ожидала всякого. Запретов. Возмущений. Криков. Что, откровенно игнорируя, позволит поступать как вздумается, чтобы после устроить выговор. Но в наглую додуматься устроить слежку? Не скрываясь! Здесь вспыльчивый и импульсивный Роцин переплюнул сам себя.

— Что слышала. — Грубо обронил мужчина.

Не глядя на Одинцову, прошел мимо. Плюхнувшись в кресло, в котором недавно сидел Руслан, схватил скомканную газету и с деланным интересом попытался вникнуть в текст.

— Кирилл, можешь объяснить? — Переводя внимание с Роцина на Бурого.

Последнего не особо прельщала участь присутствовать при надвигающейся ссоре хозяев, и он то и дело поглядывал на выход.

— Руслан будет сопровождать тебя все три дня на территории Чернышевского. Что непонятного? — Выглянув из-за газеты, уточнил Кирилл.

— Все непонятно. Как ты себе это представляешь?

— Кирилл Сергеевич, я это... — Понимая, что пора уходить, неуверенно вмешался Буртенко, махнув головой в сторону двери.

— Выйди, Рус. — Одобрительно кивнул Роцин.

Дважды повторять не стоило. Бурый в считанные мгновения исчез из гостиной. Кирилл, отложив прессу, в упор глядя на Марго, выдал:

— Чего возмущаешься? Помешал твоим планам покувыркаться с Волкодавом на досуге?

— Роцин, что ты за человек? — Закатила веки Одинцова. — Ты не пытаешься меня услышать.

— Скажешь, не прав? — Медленно поднимаясь.

— Нет, не прав.

— В общем, Маргарита, хочешь или нет, Бурый поедет с тобой. — Проходя мимо девушки. — Не потому, что ревную или это новая прихоть. Я не собираюсь отпускать свою женщину в логово зверя одну, без поддержки. По*рен, кем тебе раньше был Чернышевский. Я не могу ручаться за его адекватность. Вдруг, он решил тебя переманить на свою сторону. Или хуже того, взять в заложницы, чтобы после меня шантажировать.

— Кирилл. — С ужасом уставившись вслед мужчине, взвыла девушка. — Ты в своем

уме?

— Я не могу тобой рисковать, Марго. Или едешь с Русланом или не едешь вообще. — Не вникая в суть возражения, Роцин вышел из гостиной, давая понять, что разговор окончен и менять свое решение не намерен.

Совсем скоро Маргарита сама убедилась. Изначальное недоумение и желание возмутиться с успехом улетучилось после завтрака, на котором Кирилл всячески игнорировал её. Каждый раз обрывал на полуслове, едва успевала сказать пару фраз. Сначала включал дурака, с просьбами именно в этот момент передать соль, хлеб, салфетку и далее по списку. К окончанию трапезы и подавно открыто заявил: если попытается сказать слово поперек, запрет в комнате и не выпустит до момента возвращения в столицу.

Мужчину не волновало, как отреагирует Чернышевский на запланированный фарс. Олег ведь подписывался исключительно на Маргариту, без лишних дополнений в виде надсмотрщика Кирилла и кто знает, как воспримет подобную идею. Главное, чтобы не стало хуже.

Сначала Одинцова подумывала отказаться от поездки. Но поразмыслив, пришла к выводу, что, приставив к ней Руслана, Роцин этого и добивалась. В очередной раз подчинить и вынудить исполнить его волю. Подобного не могла допустить. Решила, что поедет к Олегу, значит, так и сделает. И ничто и никто не сможет остановить.

Если Чернышевскому не понравится данный расклад, что помешает Марго развернуться и отправится домой? Опять же, если рядом будет человек Кирилла вряд ли у старого приятеля появится возможность перевести их отношения в иную плоскость. Ведь этого хотела? Вот реальный шанс удержать Олега от импульсивных действий и самой унять непонятные желания, возникающие при виде мужчины.

Маргарита так тщательно убеждала себя в правильности происходящего и к обеду реально поверила, что поездка с Русланом к лучшему. Когда настал черед прощаться с Роциным, сумела выдавить из себя подобие благодарной улыбки.

— Кирилл, не переживай, пожалуйста. — Подойдя к мужчине, что нервно затягивался сигаретой у порога дома, Одинцова осторожно положила ему ладошку на плечо. — Всего три дня. Они пролетят незаметно, совсем скоро я буду дома. Вот увидишь.

— Я не сомневаюсь. — Раздраженно тряхнув плечом, пытаюсь избавиться от руки девушки, как от назойливой мухи.

— Кирилл, я буду с Русланом, поэтому тебе незачем беспокоиться. — Продолжая настойчиво поглаживать мужчину, с нажимом напомнила Марго.

— Конечно, Бурый будет следить за малейшим твоим перемещением рядом с Чернышевским. — Язвительно выплюнул.

Проводил взглядом Буртенко, который в этот момент вышел из дома, и, направившись к автомобилю, погрузил в багажник небольшую сумку Маргариты. Но, похоже, сумка небольшой казалась только девушке. Кирилл на этот счет имел несколько иное мнение и не мог удержаться от очередного замечания:

— На хе*а много вещей? Под шумок жить к нему перебираешься, что ли?

— Там самое необходимое. — Одернув ладошку, с отчаянием выдохнула Одинцова. Обернувшись к автомобилю, у которого нетерпеливо перетаптывался охранник. — Я не могу ехать в чужой дом совершенно без ничего.

— Кирилл Сергеевич. — Решил вмешаться Руслан, кивнув на часы. — Если Маргарита Андреевна не хочет опоздать, пора выезжать.

— Я пойду? — Вздохнув, вопросительно зыркнула на раздраженного Рощина.

Зажав между зубами сигарету, он несколько секунд упрямо сверлил автомобиль. После повернувшись к девушке, серьезно выдал:

— Марго, ты умная баба. Узнай, зачем Волкодав затеял эту игру.

— Думаешь, он сознается?

— В честь старой памяти можно и не на такое пойти. На крайний случай, если постараться, в чужом доме можно отыскать много занятого.

— Предлагаешь за ним шпионить? — Не зная, как реагировать, вспыхнула Одинцова. Почему-то подобное относительно Олега казалось нечестным и несправедливым. Вопреки давно намеченным планам узнать гораздо больше.

Фыркнув, Рощин смял окурок, выбросил на землю.

— Иди уже. А то и вправду опоздаешь. Лишние проблемы с Его Высочеством господином Чернышевским, нам ни к чему.

Колеблясь доли секунды, Маргарита бросилась к Кириллу и на цыпочках поддалась вперед, собираясь запечатлеть на его губах поцелуй. Но мужчина увернулся и удалось вскользь задеть щеку.

Смерив Одинцову до боли презрительным взглядом, Рощин исчез в доме, с грохотом захлопывая дверь. Так, словно выставлял прочь, без права на возвращение.

Что в этот момент чувствовала девушка? Досаду? Боль? Сожаление? Нет, ощущала себя униженной. Как никогда ранее. Мужчины частенько ей пытались указать на место. Но для них была никем, очередной продажной шлюхой на ночь. Для Кирилла вроде как любимая женщина, не чужой человек. А он поступает. Да еще при посторонних.

— Маргарита Андреевна? — Позвал Руслан. — Едем?

— Да, конечно. — Встрепенувшись, Одинцова быстро прошла к внедорожнику и позволила мужчине помочь забраться внутрь.

Выехав из территории особняка, они около десятка минут провели в молчании. Буртенко, как и положено охраннику, без лишних слов выполнял работу — внимательно всматривался вперед и ловко маневрировал, объезжал малейшие выбоины, коих в старой дороге было предостаточно. Маргарита, отвернувшись к боковому окну, следила за проплывающими мимо пейзажами виноградных полей, раздумывая, чем для неё все закончится. Что бесповоротно изменит жизнь, уже догадалась. Дальнейшие последствия пока оставались загадкой.

— Маргарита Андреевна? — Осторожно позвал мужчина.

— Что? — Повернувшись к Бурому, вопросительно вздернула бровь.

— Это, конечно, не мое дело. Но я не понимаю, зачем Вы согласились на эту авантюру. Кирилл Сергеевич в состоянии сам, без Вашего непосредственного участия, решить проблемы.

— Ты прав, это не твое дело.

Нервно выпалила, понимая, что Руслан прав не только в этом. Значит, не во имя бизнеса она отправляется к Чернышевскому. Осознания сего факта, злило еще больше.

— Кто бы сомневался, что Вы так ответите. — Хмыкнув, Буртенко притих, сообразив, что вмешиваться не стоило.

— Понимаешь. — Тихо заговорила Маргарита, отчего-то не желая выглядеть для Бурого предательницей. — Я не хочу, чтобы Кирилл в итоге решил ситуацию своими излюбленными методами, далекими от гуманности и...

— Я понял, можете не объяснять. — Пользуясь мимолетным замешательством, уверенно оборвал.

— Это для Кирилла Чернышевский просто конкурент. Для меня он в первую очередь давний знакомый. В какой-то степени не чужой...

— Приехали! — Ударив по тормозам, выдал мужчина, не позволяя Марго договорить и понять самой, кем для неё является Олег.

— Уже? — Осмотревшись по сторонам, Одинцова обнаружила, что они остановились у деревянного дома Чернышевского.

Странно. Не сообразила, когда въехали во двор.

— Уже. Вас, кажется, заждались. — Кивнув в сторону появившегося из дома мужчины, заметил Руслан.

Олег. Ухмыляющийся, довольный, уверенный в себе. Интересно, как он отнесется к еще одному гостю? Маргарите предстоит выяснить.

Вздохнув, девушка, вылезла из автомобиля. Гордо вздернув подбородок, поднялась по ступенькам. Остановившись в десятке сантиметров от Чернышевского, с вызовом уставилась в, излучающие озорство и веселье, голубые глаза.

— Опаздываешь, Ритка. — Ухмыльнувшись краем губ, Олег торопливо постучал пальцами по циферблату часов на руке. — На целых семь минут, как опаздываешь.

— И что мне за это будет? Задержишь ровно на семь минут в день отъезда? Выставишь счетчик? Или накажешь? Придумал уже, небось.

— Хорошая идея. Я подумаю насчет наказания. — Хмыкнув, Чернышевский посмотрел на автомобиль, откуда как раз появился Руслан.

Вытащив из багажника сумку, охранник направился к ним.

Девушке на секунды показалось, что на лице Олега мелькнул оттенок сомнения, наравне с недоумением, когда тот следил за передвижениями Буртенко. Но быстро совладав с собой, мужчина выхватил сумку из рук Руся и равнодушно бросил:

— Спасибо, дальше сам справлюсь.

— Извините, это вряд ли. — Очаровательно улыбнувшись, отмахнулся Бурый, всем видом показывая, что не намерен уходить.

— Ты не понял, что ли? — Прикрикнул Олег. — Привез Ритку, теперь свободен. Назад её сам доставлю. Можешь так и передать своему хозяину.

— Нет, это Вы не поняли. Мне приказано сопровождать Маргариту Андреевну во время поездки.

— Я оценил шутку. — Чернышевский ухватил девушку за руку и потянул к дому.

— Олег, это не шутка. — Упираясь, возмутилась Одинцова. Когда мужчина удивленно уставился на неё, пояснила: — Руслан останется в твоём доме ровно до тех пор, пока здесь задержусь я.

— Это ты так решила? — Сощурившись, уточнил.

— Считаю это условием Кирилла. Или так, или я сейчас разворачиваюсь и уезжаю вместе с Русланом. — С надеждой и мольбой, тихо пробормотала Марго.

— Хорошо. — Смерив оценивающим взглядом Буртенко, Олег сунул тому обратно в руки вещи Одинцовой.

Девушка подумала, что Чернышевский выставит её вместе с охранником. Но вопреки ожиданиям, пригласительным жестом распахнул дверь дома и торжественным, но от этого не менее раздраженным тоном, поприветствовал:

— Гости дорогие, добро пожаловать в дом. Наталья Ивановна как раз накрыла на стол. Обедать будем.

— Ого, нехило живет новая бизнес-элита страны! — Присвистнул Буртенко, проходя в дом и попутно осматриваясь.

— Руслан, так говорите, словно Ваш начальник бедствует. — Не удержался от едкого замечания Чернышевский, бросая заинтересованные взгляды на хмурую и несколько затравленную Ритку.

— Бедствует или нет, но, к примеру, на танский фарфор... — На ходу заглянув в высокую антикварную вазу, расположенную в холле, Буртенко отметил: — Наш Кирилл Сергеич не растрачивается. Правда, Маргарита Андреевна?

Одинцова пожала плечами, угрюмо следуя за мужчинами. Похоже, она не слишком разделяла восторг своего надзирателя. Правильно делала.

Ну, Буртенко! Ну, жучара! Олег меньше всего ожидал увидеть у себя в доме кого-то помимо Маргариты. В его планы, вообще, не входило присутствие лишних ушей со стороны Рощина. Но если выбирать из возможных претендентов на роль охранника Ритки лучше Руслана никого не придумаешь. Хотелось посмотреть на выражение лица Кирилла, когда поймет, что прогадал.

— Или вон... — Остановившись посреди гостиной, Бурый кивнул на стену, где висело старинное ружье. — Не простое оружие.

— Зато, что-то мне подсказывает, у Вашего Кирилла Сергеича есть свои слабости, на которые способен потратить не меньшие деньги. — Двусмысленно предположил Чернышевский. — Да, Рит?

— Олег, может, хватит мериться материальными возможностями с отсутствующим здесь человеком? — С укором взглянув на мужчину, Маргарита передразнила: — Что-то мне подсказывает, мы собрались для другого.

— Прости, не хотел принижать достоинства твоего Кирилла. — Примирительно поднимая руки перед собой, хохотнул мужчина, вызывая вздох неодобрения у Одинцовой.

Олег ступал на запретную территорию. Заметил после незадавшихся разговоров у реки — обсуждение Рощина не доставляет девушке удовольствия. Либо отмахивалась, либо закрывалась, отказываясь идти на контакт. Все пыталась выгородить Кирилла. Тогда Чернышевский оставил усилия аргументировать и переубеждать Маргариту. Слишком рано. Представить реальные факты не готов. Объяснить на пальцах призрачные истины сложно. И ни к чему раньше времени.

Мужчина преднамеренно выводил Риту из себя. Для чего? Простое любопытство является причиной? Нет, ему необходимо понять, насколько девушка слепа и привязана к Рощину. Раз решилаась приехать, гораздо меньше, нежели хочет показать. Чтобы узнать наверняка, Олегу необходимо мыслимыми и немыслимыми способами вернуть Ритку, которую когда-то знал. Ту, что ни в жизнь не впала в немое подчинение человеку, коему является чем-то средним между любовницей и прикрытием темного бизнеса.

— Кажется, ты опять говоришь не о том. — Вздернув плечиками, бросила Одинцова. — Я на твоём месте если и состязалась, исключительно в человеческих качествах. Именно они выдают настоящего мужчину. Они либо есть, либо их нет. Хвастовство мнимыми достоинствами удел тщеславных.

— Сама поняла, что сказала? — Улыбнулся на опальную речь Олег. — О мнимых

достоинствах и тщеславию судишь по Рошину?

В глазах Риты загорелся огонек любопытства. Она озадачена. Даже Руслан, притихнув, с выжиданием переводил взгляды с Одинцовой на Чернышевского.

Ответа не последовало. Хмыкнув, девушка крутанулась на каблучках. Отворачиваясь от Олега, равнодушно поинтересовалась?

— Так и будешь держать гостей с дороги на ногах? Не покажешь, где можно привести себя в порядок к обеду?

— Тебя сопровождают в комнату. — Уступил мужчина и громче окликнул — Наталья Ивановна?!

Пользуясь моментом, пока не видит Рита, послал ухмыляющемуся Руслану предупреждающий взгляд. Буртенко последнее время наглеет. Мало того, устроил цирк, смотрит с таким видом, мол, умыла тебя, Маргаритка. Ничего, Чернышевский с ним разберется после. Для начала Одинцова.

На ходу поздоровавшись с гостями, в гостиную забежала экономка:

— Олег Вячеславович, вызвали? Обед подавать?

— Для начала продемонстрируйте Маргарите Андреевне её личную комнату. — Распорядился мужчина, не отводя взора от девушки, заинтересованно рассматривающей зал.

Нервничала. Впрочем, последнее время она только и делала, что нервничала рядом с Олегом. Пыталась строить никому не нужную стену безразличия, при этом прекрасно понимала — долго так продолжаться не может. Это очень хороший знак.

— Я провожу. — Когда Наталья Ивановна, согласившись, позвала Маргариту за собой, Буртенко, в лучших традициях верного рыцаря (в данном случае носителя сумки), вызвался помочь.

Усевшись в кресло у камина, Чернышевский вытащил из кармана пачку сигарет. Мелькнула мысль, что надо потолковать с Русланом. Больно подозрительно его поведение относительно Ритки. Не хватало из-за этого шута горохового обзавестись лишними проблемами.

— Олег? — Когда мужчина, посчитав, что остался один и затянулся сигаретой, осторожно позвала Маргарита.

Повернув голову вполоборота, Чернышевский вопросительно вздернул брови. Экономка с Буртенко поднимались вверх, а Рита, схватившись за поручни, застыла на первой ступеньке. Будто решалась на что-то. Немного помявшись, торопливо выпалила:

— Ты ведь ничем не лучше Рощина, правда? Раз затеял этот обмен.

— Я не собирался разубеждать, что лучше Рощина. — Тяжело вздохнув, мужчина откровенно признался: — Хочу одного: чтобы ты, наконец, поняла — я другой.

— Докажи!

С вызовом глянула на Олега. Около минуты гипнотически изучала его. После отвернулась. Срываясь на бег, поспешила на второй этаж, догоняя сопровождающих.

Чернышевский откинулся к спинке, уставился невидяще в потолок.

Черт подери, эта женщина когда-то сведет с ума. Хотя, о чем это он? Уже свела. Давным-давно. Эх, Ритка-Ритка... Понимает ли, на какой путь ступила? Если Олег что-то для себя решил, назад дороги не будет. В этот раз постарается, чтобы ошибки молодости не повторились.

Однажды позволил другому увести, как оказалось, любимую, прямо из-под носа. Теперь сделает все, чтобы вернуть принадлежащее ему по праву. Не зря в прошлом судьба свела их с

Маргаритой вместе. Чернышевский уверен — все predetermined свыше. Ничто не случайно.

Когда-то подвернувшийся господин Случай смог спутать почти сложившиеся карты. В этот раз Олег не позволит истории повториться. Ритка хочет доказательств — она их получит. Мужчина уверен и без них ощущает разницу между ним и Рощиным. Боится признать, раскрыться, желает почувствовать уверенность, что доверие способно оправдать себя. Тут её винить не стоит. После пережитого имеет полное право сомневаться. Главное, что появилась здесь. Отныне все в руках Олега. Он своего не упустит.

Зажав между зубами новую сигарету, Чернышевский щелкнул зажигалкой, прикуривая, когда за спиной раздалось ворчливое:

— Да уж, Чернышевский, все же о**ренно ты устроился. Это не на побегушках у Рощина разрываться. Не знай ситуацию изнутри, принял твое барское поведение за чистую монету.

Похлопав Олега по плечу, Буртенко уселся в кресло напротив, выжидаяще уставившись на мужчину.

— Ты тоже здорово вжился в роль? — Не глядя на Руслана, Чернышевский выпустил клубы сизого дыма вверх.

— Годы тренировок, сам понимаешь. Хочешь, не хочешь, приходится выкручиваться.

— Что за цирк устроил, клоун? — Резче, чем следовало, прикрикнул Олег.

— Что конкретно имеешь в виду, дружище? — Нетерпеливо постучав пальцами по подлокотникам, равнодушно уточнил Буртенко.

Бл, да он издевается, что ли?*

— Не хило живешь, наш Сергеич на такое не тратится. — Передразнив, Чернышевский бросил зажигалку на стол, круто поворачиваясь к Руслану. — С каких пор тебе есть дело до этого придурка Кирилла?

— С тех самых как работаю на него. — Развел руками Бурый.

В глазах мужчины играли смешинки, хоть и старался сохранить внешнюю невозмутимость. Похоже, ему доставляло удовольствие подкалывать. Но Олегу от этого не легче. Напротив, пара подобных выпадов — сорвется и не посмотрит, кем является этот паразит.

— Буртенко, хватит паясничать! — Прикрикнул Чернышевский поднимаясь. — Отлично понимаешь, что я имею в виду. Вообще, какого хрена ты здесь делаешь, когда должен находиться совершенно в другом месте?!

— Волкодав, вообще-то, подобный вопрос я собирался задать тебе. — Мигом посерьезнев, возмутился Руслан и подхватился следом. — Какого х*ена здесь делаю, и ты устроил этот произвол? Почему об одной из твоих очередных «гениальных» идей, узнаю от Рощина?

— Наверное, потому что тебя здесь быть не должно. — Огрызнувшись, Олег смял окурок, отбросил в пепельницу. — Буря, представляешь последствия, если пока будешь тут прохлаждаться, Плантатор провернет очередное дельце, а мы потеряем над ним контроль?

— Олег, а ты представляешь последствия этой хе*ни, которую затеял сам? Можно подумать, нам Рощина мало. Еще ты идешь наперекор своим!

— Давай не будешь учить, что я должен делать!

— Бля*a, Чернышевский, ты совсем того? — Покрутив у виска, громким шепотом выдал Руслан, оглядываясь по сторонам, опасаясь быть подслушанным. — Отдаешь отчет, что могло быть, отправь сюда Рощин не меня, а кого-то из калачевских стукачей?

— Не отправил же. — Сунув руки в карманы, Олег прошел к камину. Остановившись,

оперся о выступ плечом. — Я не понимаю, какого Плантатор приставил надсмотрщика. Мы договаривались по-другому.

Чернышевский прикрыл веки, озадачено сжал пальцами переносицу. Он реально рассчитывал, что удастся повернуть авантюру, не ставя в известность никого, в том числе Буртенко. Более того, предположить не мог, что Рошин додумается до столь идиотского выхода из положения приставив к Ритке охранника.

Окажись конвоиром вместо Руслана кто-то другой в лучшем случае сидел запертый где-то в подсобке. В худшем — отправлен обратно, с отказом выполнять условия сделки в силу не удержания уговора самим Рошиным.

— А я, кажется, начинаю понимать, почему. — Рассуждая, Руслан потянулся к сигаретам Олега, лежащим на столике.

— Интересно? — Удивленно повел бровью мужчина.

— Какого ты к Маргарите привязался? — Прикурив, взбунтовал Буртенко. — Решил совместить полезное с приятным и разом с делом охмурить бабенку?

— Тебе какая разница?

— Мне? Абсолютно никакой. Но будь добр, не ставь операцию под угрозу срыва. — Руслан, измерял широкими шагами гостиную.

— Буря, не утрируй. Ничего я не ставлю. Сам понимаешь, у нас и так все шито белыми нитками. — Провожая мужчину взглядом. — И без моего, как ты выразился, произвола.

— Умник, если станешь и дальше вмешивать личные интересы в работу и белых ниток не останется. — Остановившись напротив Чернышевского, раздраженно фыркнул Руслан. — Каким местом думал, когда «приглашал» сюда Одинцову?

— Буртенко. — Ткнув пальцем в грудь мужчины, спокойно отозвался Олег. — Одно слово, и ты отправишься напрямиком к Рошину.

— Напугал, так напугал. — Сыронизировав, Рус перевел взгляд с лица на руку Чернышевского. — Кто твою задницу тогда перед Михалычем прикроет?

— При чем здесь Вóтан [\[5\]](#)? — Хватая друга за грудки, прошипел Олег.

— Притом, что он не в курсе твоих развлечений. — Выдохнул Буря. — И боюсь вряд ли погладит по головке, если узнает. Одно дело не согласовать решение, когда не затрагивались личные интересы самого Вóтана — не впервой, выкручивались. Нынче откровенно прешь против. Сдалась тебе эта Ритка.

— Бл**ь, Руслан, ты не хе*а не знаешь, чего влезаешь? — Встряхивая Буртенко, прикрикнул Олег.

— Потому что не хочу, чтобы шесть лет работы на два фронта и двойной жизни одним огромным пшиком улетели в никуда из-за очередной бабы. Именно из-за бабы, которую в силу известных причин, нам с тобой лучше обходить стороной.

— Значит, не хочешь помогать. Боишься Вóтана? — Выходя из себя, Чернышевский сильнее и сильнее дергал Бурого за футболку. — Вали! Тебя никто не держит! Сам справлюсь. Можешь не сомневаться, найду способ убедить Михалыча, что поступаю верно!

Заглянув в невозмутимые глаза друга, Олег грубо отпустил, заставляя пошатнуться. Развернувшись, устало растирая лицо ладонями, прошагал вдоль дивана.

Как ему осточертело, что каждый второй пытается указывать, как жить. По сути, давно освободившись от тюремных стен и надзирателей, до сих пор не властен до конца распоряжаться собственной судьбой. Должен отчитываться перед всеми подряд за каждый сделанный шаг. И ладно Вóтан. Руслан, какого лезет?!

— Значит, я прав, считая, что в деле ты преследуешь исключительно личные интересы. — Обронил Буртенко.

— Не только. — Огрызнулся Олег. — Но ради повышения по карьерной лестнице, не поставлю под угрозу жизнь и судьбу небезразличных мне людей. Я не Игорь, сам знаешь.

— Знаю. Потому до последнего не понимал, откуда столько рвения и желания стать ближе к Рошину.

— Теперь понимаешь? — Рыкнул Чернышевский.

— Понимаю. — Утвердительно кивнул, вновь потянувшись к сигарете. — Для тебя тоже в первую очередь важна судьба именно Маргариты. Михалычу известно?

— Рус, пожалуйста, не спрашивай ни о чем. — Зажмурившись, закивал головой Олег. — Я не прошу помогать. Дай немного времени и возможность самому разобраться в ситуации.

Повисло молчание. Чернышевский неуверенно зыркнул на друга. Последний озадаченно крутил между пальцами сигарету, но с ответом не спешил.

Если откровенно, Олегу пох*ен, согласится Буртенко или нет. Ему пох*ен, как отреагирует Вóтан. Его боялся в последнюю очередь. В конце концов, Михалыч нормальный мужик, поймет. Главная цель у них одна. Вóтан не дурак, сам соображает ради чего Чернышевский влез в это де*ьмо. И что пойдет до конца знает. Даже если для этого придется восстать против своих, вышвырнув Буртенко на улицу.

— Что происходит? — Привлекая внимание, позвала появившаяся Маргарита.

Обернувшись, Олег озадаченно уставился на неё. В легком коктейльном платье цвета бирюзы, с распущенными струящимися по плечам каштановыми волосами Одинцова выглядела особенно эффектно. Если судить по отсутствию малейшего макияжа, не стремилась сражать наповал, но непроизвольно производила противоположное впечатление. Оставалось надеяться, безразличный с виду Руслан, внутренне также равнодушен к Ритке. А еще, что последняя спустилась не так давно и не слышала того, что знать пока не положено.

— Мы с Русланом пытались прийти к компромиссу. — Отшутился Чернышевский.

— Как успехи? — Пытливо переводя взгляд с одного мужчины на другого.

— Маргарита Андреевна, с Вашего позволения откланяюсь. — Торжественно объявил Буртенко, взглянув на друга. — Олег Вячеславович любезно согласился предоставить комнату отдыха и для меня.

— Как же обед? — Провожая удаляющегося Руслана, удивилась Рита.

— Как-нибудь без меня. — Отмахнулся, чем вызвал у Чернышевского невольный кивок одобрения. — Негоже нам, простому народу, сидеть за одним столом с боярами.

— Что это было? — Когда Буртенко скрылся из гостиной, ошарашено вздохнула Маргарита. — Олег, где твоя совесть?

— *Твой охранник* оказался на удивление чутким и понимающим человеком. — Не без издевки отметил Олег. — И что-то подсказывает, не станет путаться у нас под ногами все три дня, как изначально планировал Рошин.

— Что ты наговорил Руслану?

— Ничего такого, что могло оскорбить его.

— Но как же?.. — Хмурясь, Одинцова прошла по залу. — Кирилл специально приставил Буртенко, чтобы следил за нами, а он так запросто уходит. Здесь что-то не так.

— Предпочитаешь все время находиться под мушкой у своего Рошина?

— Олег, ничего я не предпочитаю! Не в том дело. — Заламывая руки, девушка машинально опустилась на диван. — Я не хочу, чтобы сложившаяся ситуация обернулась

проблемами для тебя... — Чернышевский многозначительно улыбнулся, а Рита поторопилась поправить: — Для нас. Для меня.

— Рита, обещаю. — Усаживаясь рядом с Одинцовой. — Не будет никаких проблем. Ни у тебя. Ни тем более у меня.

— Если Руслан не настучит Кириллу. — Маргарита попыталась отодвинуться от Олега.

— Происходит что-то, способное... хм... огорчить Кирилла?

Мужчина категорически отказывался понимать страхи Ритки. Точнее, они стали очередным подтверждением догадок — равносильно настолько Рошин не доверяет Одинцовой, насколько она не доверяет ему.

— Ты не понимаешь? Кирилл знает, что мы жили по соседству, что знакомы давно. Но он не знает, что это всегда было нечто большее, чем просто соседство.

— А что это для тебя? — Затаив дыхание, осторожно прошептал Олег. Проведя рукой по дивану, попытался приблизиться к девушке.

— Мне казалось, ты сам прекрасно осведомлен. — Закусив губку, Рита отвела взгляд. Обхватила себя за плечи, пытаясь оградиться. И когда мужчина не надеялся услышать что-либо, буравя взором носочки собственных туфелек, разоткровенничалась: — Я всегда считала тебя ближе родного брата, которого у меня никогда не было. Ты...

— Я уж понадеялся. — Пока девушка подбирала нужные слова, огорчился Чернышевский. — Сейчас ты тоже считаешь меня кем-то вроде брата?

— Нет! — Торопливо одернула, уставившись на Олега. — Нет, не знаю. Не могу считать тебя братом. Не теперь. Я так запуталась. И не хочу, чтобы мои сомнения и чувства Кирилл использовал против меня же.

— Боишься, что он узнает? Его реакции?

— Боюсь последствий, которые коснутся отнюдь не одну меня. — Рита еще отодвинулась, вжавшись в подлокотник дивана. — Если Руслан что-то заподозрит, а Кирилл узнает об этих подозрениях, то...

— Тебе не стоит беспокоиться по этому поводу. — Намекая на настороженное поведение Одинцовой, перебил мужчина. — Руслан не настучит.

— Слушай, Олег, я в отличие от тебя знаю Буртенко лет шесть. Ну как знаю... Знаю, что он предан Кириллу. Рошин ему доверяет, как никому другому. Ты видишь Бурого первый раз в жизни и уже уверен, что он переметнется на твою сторону?

— В людях свойственно ошибаться. Равносильно, как и они способны вводить в заблуждения. — Криво оскалившись, подметил Чернышевский.

— Я говорила, что ты самоуверен?

— Говорила. Но уверяю, у меня есть веские причины. — Расплываясь в широкой улыбке, мужчина не без интереса наблюдал за сменой эмоций на лице Маргариты.

Несколько секунд она, накуксившись, озадаченно рассматривала Олега. Потом сощурившись, резко подскочила. Взмахнула руками и вопросительно шикнула, оглядываясь назад:

— Ты знаком с Русланом?

— Можно сказать.

Подтвердил Чернышевский, понимая — смысла притворяться или подбирать лживые объяснения нет. Рано или поздно Рита узнает. Лучше сейчас, когда в запасе пара дней. Одинцовой не придется следить за каждым шагом, опасаться сделать лишнее движение, уличив в котором Буртенко пойдет и доложит Рошину. Появится возможность не

сдерживаться и не идти на поводу чужих указаний. Не нужно заранее подбирать оправдания для Кирилла. Произошедшее дальше стен этого дома не выйдет.

— Господи, это безумие какое-то. — Пряча лицо в ладонях, едва слышно пробормотала Маргарита. — Кому доверять, если все вокруг что-то скрывают?..

Черт побери, что происходит? Неужели Олег прогадал с нелепой идеей вернуть ту Риту, которой девушка была ранее? Неужели ошибся, подстроив в экстренном порядке странный уик-энд? Глядя на Одинцову, вмиг вернувшуюся к той беззащитной и потерянной девочке, не понимал, как быть. Второй день подряд пытается вывести её из равновесия, а получилось с точностью да наоборот. Пошатнув уверенность Риты в настоящем, крепко подорвал свое спокойствие.

Теряясь лишь мгновение, Чернышевский подскочил следом за Маргаритой. Осторожно отвел руки от лица и, приподнимая за подбородок, заставил посмотреть на себя. Вопреки ожиданиям, девушка не плакала. Не оказалось и намека на слезы. Вместо них — сухие стеклянные зрачки. Немного растерянные и удивленные.

— Ты в порядке? — Недоверчиво побеспокоился Олег.

— Да, в полном. — Утвердительно качнула головой. Хотя, кажется, сама до конца не уверена в справедливости сказанного. — Если не брать в расчет, что в моем окружении нет ни единого человека, кому могу полностью довериться.

— Рит, ты не права. Рано делать выводы.

— Разве? — Неуверенно отозвалась, ловко отворачивая лицо от мужчины. — Хорошо, раз так считаешь, пускай рано. Идем, ты, кажется, приглашал на обед?

— Да, конечно. — Хватая Риту за руку, потянул в столовую.

Обед прошел под лозунгом обреченности и полностью окутанный понурой атмосферой. Руслан сдержал слово и не появился. С одной стороны, Олег был рад, что друг оказался хоть и не с первого раза, но соображающим, предоставил возможность остаться с Маргаритой наедине. Но с другой — угнетало и коробило уже то, что поговорить не удалось.

Собственно, о чем говорить? Чернышевский не готов к признаниям. Не все от него зависит. При большом желании, не вправе открывать чужие тайны. Свои — быть может. Но не сразу и не все.

Рите явно хватит на первое время новости о его знакомстве с Русланом. Наверняка переваривает полученную информацию и пытается найти зацепку, сформировать интересующие вопросы.

Забавная она. Олег всегда по-хорошему поражался одной немаловажной, удивительной черте её характера — в сложных ситуациях и случаях, подобных сегодняшнему, вместо того чтобы засыпать сотнями вопросов, сидит, копит внутри себя, занимается самобичеванием.

Видимо, мужчина немного недооценил Одинцову. Она гораздо сильнее и сдержаннее, чем казалось на первый взгляд. Несомненно, двенадцать лет, половину из которых провела в месте, ничем не лучше тюремного заточения, отложили серьезный отпечаток.

— Может все-таки выпьешь? — Потянувшись к бутылке красного вина, стоящей на импровизированном баре, предложил Чернышевский.

Маргарита за столом категорически отказалась от алкоголя, мотивируя, что пьет лишь при особых случаях. Нынешний таковым не показался. Тогда Олег, отшутившись, принял вызов. Когда трапеза позади, а девушка не без любопытства, прохаживалась по столовой, плавно перетекающей в гостиную, хотелось разрядить накалившуюся обстановку.

— Смотрю, ты не оставляешь надежд меня спить? — Обернувшись, вопросительно

вскинула бровь. — Чернышевский, ты выбрал неверную тактику, чтобы доказать превосходство.

— Ну и ладно. — Игнорируя замечание, мужчина хлестнул в бокал алкоголя. — Я, пожалуй, выпью.

— Для храбрости? — Указав на бутылку, любопытствовала Одинцова.

— Что имеешь в виду?

В моменты, подобные теперешним, Олег ловил себя на мысли, что эта девчонка любит ставить в неловкое положение. Кажется, ранее она была поосторожнее в выражениях. Маргарита оказалась способной ученицей и быстро перехватила эстафету у Чернышевского, стараясь понеожиданнее подколоть.

— Так, к слову. — Едва касаясь, провела пальчиками по отполированной до блеска дубовой столешнице. — Ты вправду неплохо устроился.

— Тоже судишь по старинному фарфору и дорогому оружию? — Приподнимая бокал, мужчина обвел взглядом помещение.

— Я не об этом. У тебя уютно.

— Спасибо, старался. — Пригубив вина, негромко поделился: — Хотел, чтобы тебе понравилось.

— Мне нравится. Всегда мечтала о большом доме. Деревянном, из настоящего сруба. Знаешь, чтобы, однажды войдя, сюда хотелось возвращаться. — Присаживаясь на диван, с грустью вздохнула Маргарита, поднимая веки к хрустальной люстре. — А вернувшись, не хотелось уходить.

Улыбнувшись, Чернышевский прошелся по гостиной, мысленно подмечая: подбирая дом, не надеялся на сотую долю столь явно угодить Рите. Предполагал, что ей приглянется подобный дизайн, но желание остаться, стало для мужчины откровением. Неожиданно приятным и жизненно важным.

— Дом Рощина не вызывает подобного ощущения? — Мысленно ругая себя за несдержанность, выдал Олег.

— Это другое. — Закусив губку, Одинцова зажмурилась. — Дом Кирилла за последние годы стал для меня родным, близким. Но не потому, что влюбилась в него с первого взгляда. Потому что не оставалось выбора. Мне пришлось его полюбить, как любят то, что спасает от плохого, ограждает от бед и дарит долгожданный покой. Привыкла. Понимаешь, Олег?

Сжав ладошки в кулачки, Рита закивала головой. Она хотела сказать что-то еще, но не могла. Но Чернышевский понял без слов. Маргарита так и не смогла стать там хозяйкой. Показалось, будто сама до конца не поняла, что конкретно имеет в виду: дом, или хозяина — Кирилла?

Привычка и благодарность — основная причина подчинения и преданности Рощину. Никак не любовь. Это означает одно — связь, где нет истинных чувств, разорвать проще. Главное, чтобы Маргарита сама попыталась помочь Чернышевскому.

— Рит, а ведь дом я подбирал специально для тебя.

Олег не врал. Неважно, как в итоге обернутся их отношения, удастся ли стать для девушки тем самым, единственным. Маргарита полноправная владелица уже сейчас. Хоть вряд ли предполагает такой исход.

— Чернышевский, определись для начала, зачем я тебе. — Распахнув веки, криво усмехнулась Одинцова. — Утереть нос Кириллу и уложить меня в постель, помочь в чем-то непонятном, или... поиздеваться?

— Ни один из ответов неверный. Хочу, чтобы ты стала полноправной хозяйкой дома. Чтобы больше не зависела ни от кого. Чтобы, наконец, стала счастливой.

— И снова слова-слова. Убеждения. — Поднявшись, Маргарита окинула Олега оценивающим взглядом. — Не нужны мне такие жертвы. И обещания твои сомнительные тоже не нужны. Не могу я поверить на слово, какие бы благородные цели ты ни преследовал. Просить о доказательствах не буду. Устала. В конце концов, я здесь не для этого.

— Для чего же? — Делая шаг навстречу девушке, хмыкнул Олег.

— В первую очередь, помочь Кириллу с бизнесом.

— Ты хоть в курсе, в чем состоит его бизнес? — Остановившись в десятке сантиметров, Чернышевский поставил бокал с вином на стол.

— Не знаю и знать не хочу. — С вызовом открестилась Рита. — Мое дело маленькое. С остальным — увольте, разбирайтесь сами.

— Ты врешь себе. — Зачарованно рассматривая сердитое лицо девушки, Чернышевский, подчиняясь эмоциям, тронул пальцами щеки. Едва касаясь, провел к виску и обратно. — Ты здесь в первую очередь для того, чтобы разобраться во всем. И в тайнах Кирилла и во мне. И даже в себе. Ведь так? — Слегка надавливая подушками пальцев. — Признайся, Рит.

— Так. — Подала голос с придыханием. — Но мне надоело, что ты постоянно говоришь загадками. Твое знакомство с Русланом, непонятные игры с Кириллом. Что последует дальше?

— Я не могу всего рассказать. — Нервно сглотнув, Олег обхватил ладонями лицо девушки. — Попробуй довериться. Один-единственный раз. Разве часто тебя о чем-то просил?

— Не просил. Почти никогда. — Глядя в глаза.

Слабо улыбнувшись, мужчина продолжал пальцами исследовать девичье лицо.

Господи, как она сводит его с ума. Одним по-детски наивным и озадаченным взглядом. Угрюмые складочки на лбу хотелось разгладить, побудить рассмеяться. Прижаться к приоткрытым устам в поцелуе. Заставить понять, что дружба или братские связи это последнее, что нужно Чернышевскому.

— Знаешь, Олег. — Накрывая мужскую ладонь своей, сипло заговорила Рита. — Не хочешь рассказывать — не нужно. Но в таком случае доверие. — Медленно убирая руку мужчины со щеки: — Последнее, о чем ты можешь меня попросить.

Ускользнув от Чернышевского, Маргарита направилась к лестнице, подмечая на ходу:

— Извини, что-то у меня разболелась голова. С твоего позволения, хочу выпить аспирина и немного отдохнуть.

Последнюю фразу сказала скорее в дань уважению. Дождаться разрешения не стала. Не оборачиваясь поднялась наверх, скрываясь за поворотом.

Следом за приглушенным стуком хлопнувшей на втором этаже двери, за спиной Олега прозвучали монотонные хлопки аплодисментов.

— Браво Волкодав! — Когда Чернышевский обернулся на звук, официальным тоном провозгласил появившийся из веранды Руслан. — Одинцова не так проста, как кажется. Здорово она тебя сделала. Я начинаю понимать твое рвение.

— Ты подслушивал? — Ожесточенно выплюнул Олег, недовольный, что Буртенко стал свидетелем слишком личного для него разговора.

— Боже упаси! — Поморщившись, Руслан изумленно округлил глаза. — Совершенно случайно услышал обрывки последних слов.

— Чего тебе? — Спокойнее уточнил Чернышевский

— Мне — ничего. А вот Вóтан настоятельно рекомендовал с ним связаться. —

Прокрутив в руках мобильный, пожал плечами Буря. — Срочно.

— Ты ему рассказал о Маргарите? — Олег подозрительно насупился.

— Делать больше нечего. Сами разбирайтесь в своих личных делах. Я работаю ради другого.

— Зачем тогда звонил?

— Он часто звонит, интересуется, что нового в тылу.

— А ты? — Подняв бокал, мужчина сделал пару коротких глотков.

— У нас все нормально и по плану. — Важно отчитался Руслан. — Но не советую затягивать с разговором. Боюсь, максимум, через пару дней Михалыч узнает. Тем более тебе выкручиваться не только с Маргаритой, но и что-то решать с тендером. Насколько мне известно, отказываться — не входило в планы Вóтана.

— Как-нибудь разберусь. — Со звоном поставив на стол пустой сосуд, Олег, крутанувшись на пятках, двинулся прочь из комнаты.

— Когда решишься затащить Одинцову в постель, вспомни Вóтана. — Вслед крикнул Буртенко. — Как бы потом ни оказался за бортом.

С трудом сдерживая себя, чтобы не вернуться и не начистить рожу этому умнику, что лезет куда не нужно, Чернышевский, бросившись прочь из дома, на ходу выкрикнул:

— Буря, иди нах*ен!

Солнце стояло высоко над горизонтом, лаская яркими лучиками и балуя земных жителей предпоследними теплыми деньками. Не будь озолотившейся местами листвы и сухой травы, легко можно предположить, что сейчас середина лета, но никак не конец сентября. Погода, бесспорно, решила напоследок отыграться и оставить на память о себе впечатления знойного пекла.

Изнывая от жары, Маргарита не спеша прохаживалась под сенью деревьев возле чистейшего пруда у парадного подъезда. Сейчас, по сравнению с предыдущим визитом в поместье Чернышевского, озерце не выглядело громадным, а дом столь пафосным. Даже определение «синдром величия» казалось неуместным ни к поместью, ни к его хозяину.

Вчера Одинцова не врала и не лукавила, говоря, что особняк ей понравился. Понравился не то слово. После сегодняшней утренней экскурсии, проведенной Олегом по каждому закоулочку, окончательно влюбилась в дом — настоящее произведение архитектурно-дизайнерского искусства.

Олег сказал, что поместье проектировалось по индивидуальному заказу. Еще сообщил, что хочет видеть Риту здесь хозяйкой. Повторил в очередной раз — вчерашние слова не пустой звук, он все делал и делает исключительно ради неё. Пожалуй, эти слова должны польстить, но как реагировать на данные признания, девушка пока не знала.

Игнорировать? Воображать, словно ничего не происходит? Вряд ли. Поскольку, как ни странно, ей хотелось чувствовать себя тут хозяйкой. Чтобы все было ради неё. Потому что дом-мечта? Или причиной тяга к Олегу? Возможно, накручивает себя, выдавая воображаемое за действительное?

Нет, все-таки тянет. Сомневаться не нужно. В обратном случае не наплевала на мнение Кирилла, не пошла так откровенно против, невзирая на угрозы. Одинцова в этих угрозах больше боялась не за себя, за Олега. Хотя, по сути, что за него трястись? Как раз стоит задуматься о собственной судьбе. Не только относительно Кирилла, с ним как-то справится. Касаемо самого Чернышевского.

В том, что этот мужчина оказался совсем непрост, Рита очередной раз убедилась минувшим днем. Известие, будто Руслан работает на Олега, по резонансу затмило прошлые новости о Сизом и тюрьме. Впрочем, пора привыкать. Чернышевский умеет удивлять. Что-то подсказывало — это малая доля из ожидающего впереди.

Удивительно, Одинцову ничего не пугало. Вроде должна опасаться вероятности новой встречи с Батей, которая запросто может последовать, если Олег на самом деле в одной связке с ним. Вроде должна обвинять Чернышевского в нелепых торгах с Кириллом. В тайнах, странных и непонятных убеждениях... Много в чем. (Плевать, что сама в жизни видала немало). Но опасаться или обвинять не получалось.

Безусловно, целиком довериться Олегу не могла. Дружба дружбой, но эфемерным намерениям поверить сложно — мужчина ничего конкретного не обещал, кроме сомнительной помощи. Но оставаться равнодушной тоже не выходило. С появлением Чернышевского, кажется, вернулась лет на двенадцать назад. Туда где все еще было хорошо.

Олег... он несмотря ни на что вселял уверенность. Всегда понимающий, проницательный. Не мог измениться настолько, стать совсем плохим. Ведь он... Всегда добрый друг. Верный, преданный. Олег просто был лучшим. Верный рыцарь. В свое время

Рита считала, что таких как он не бывает. Слишком правильный, настоящий, идеальный.

Уж ни поэтому ли в прошлом девушка отчаянно убеждала себя — Чернышевский не более чем друг, почти брат. Быть для неё кем-то большим не должен. Мнила себя недостойной этого мужчины. Слишком простая, проблемная, маленькая и наивная. Уж ни поэтому ли тогда выбрала Павла? Он казался ближе, приземлённее.

Это ныне, с высоты прожитых лет, Маргарита учится разбираться в жизни. Тогда ей не составило труда убедить себя — как мужчину обязана любить Павла, Олегу лучше оставаться братом. Опасалась потерять последнего. Хотя бы в лице близкого и родного человека. Чересчур много знала примеров, где парень с девушкой, повстречавшись, рассоривались вдрызг, впредь не здороваясь. Постигать подобную участь с Олегом не хотела. Одинцова искренне не желала терять и вычеркивать из жизни этого человека. Получилось с точностью да наоборот. Все равно упустила.

Господи, почему на осознание Маргарите понадобилось пережить шесть лет ада и шесть лет золотой клетки? В итоге оказалась почти купленной на определенное время именно Олегом. Ирония судьбы? Насмешка доли? Сумасшествие.

Почему эти значительные и определяющие мысли приходят сейчас? Когда у девушки есть Кирилл. С которым удобно. Который ценит, доверяет, дорожит ею. Который, в конце концов, был рядом в те жизненные моменты, когда так нуждалась в поддержке и участии небезразличного, потенциально любимого человека.

Оторвав сухую веточку с дерева, Рита закусилась её между зубами и машинально присела на витиеватую лавочку, всматриваясь в прозрачную воду.

Как она запуталась! В первую очередь в себе. Олег... Кирилл. Хочется кому-то довериться, почувствовать себя слабой женщиной, отворить сердце и душу.

Куда больше хотелось раскрыться Чернышевскому. Наверное, из-за связи с той жизнью, где не знала кошмара в виде Инанны. А Роцин всегда вольно или невольно напомнит о жизни в борделе. Большинство воспоминаний с ним сводилось именно к тому времени. Невзирая на шесть лет сравнительно нормального существования вне стен своего места заключения.

Олег, напротив, вселял уверенность и спокойствие. Он ни разу не попытался напрямую и открыто уколоть по поводу прошлого. Возможно, не подвернулось удобного случая, а может... С другой стороны, как назвать сами торги с Кириллом?

Основная причина в степени доверия. Точнее, недоверия. Очень мало прошло времени. Толком не узнала нового Олега, чтобы позволить невообразимую роскошь подчинится ему, поддаться на весомые уговоры. В конце концов, пока Кирилл более понятен. Своими целями и ревностью, извечной вспыльчивостью и нервозностью. Маргарита имеет представление, чего стоит ожидать от Роцина. Чего ждать от Чернышевского, кроме того, что хочет видеть её владелицей своего жилища и помочь, пока загадка. Скоротечные три дня вряд ли поспособствуют получению ответов.

— О чем задумалась, красавица?

Тихий голос за спиной заставил Маргариту невольно вздрогнуть. То ли от неожиданности, то ли трепетного волнения, прошедшего по позвоночнику, вызванного обжигающим шею, дыханием.

— Решил дела? — Боясь пошевелиться, с притворным безразличием поинтересовалась Одинцова.

Главное, чтобы Чернышевский не посчитал, что её хоть малость волновало его

недолговременное отсутствие, пробужденное срочным визитом управляющего виноградниками.

— Решил. Плевое дело, принимал отчет о проделанной работе. — Наклоняясь к ушку. С долей ехидства, уточнил: — Ты уже соскучилась?

— Вот еще. — Вздернув плечами, внутренне негодуя от возмущения. — Не видела тебя два часа и еще б столько не видела.

— Зря так, Ритка. — Фыркнул Олег. — Я ведь теперь от тебя не отстану.

— Звучит как угроза. — Поморщившись, хмыкнула девушка.

— Предупреждение. — Выпрямляясь во весь рост. — Чтобы заранее готовилась.

— Учту. — Расплылась в напускной улыбке Одинцова.

— Так о чем задумалась? — Продолжая стоять за спиной, серьезно осведомился мужчина. — Ты так и не ответила.

— О жизни. — Нехотя призналась Рита, боясь обернуться и взглянуть ему в глаза. Скорее всего, смеющиеся и издевающиеся.

— Что надумала? — Обогнув лавочку, Чернышевский присел рядом.

— Знаешь, я пытаюсь понять. — Оборачивая лицо к мужчине: — Как тебе поверить? Что будет через несколько дней? Я вернусь к Кириллу. А дальше? Продолжать жить, как ни в чем не бывало, будто и не встречались снова? Сомневаюсь, что удастся. Но и ходить друг к другу в гости по старой памяти тоже вряд ли выйдет.

— Почему нет? — Хохотнул Олег.

— Смешно, слов нет насколько. — Вопреки сказанному, девушке было не до смеха. — Ты еще не понял, что за человек Кирилл? Играть с ним не лучший вариант.

Маргариту в некотором роде раздражало очевидное безразличие к сложившейся ситуации со стороны Чернышевского. Создавалось впечатление о его абсолютно наплевательском отношении к допустимым последствиям.

Нахмурившись, мужчина потянулся рукой к лицу Одинцовой, осторожно вытащил изо рта веточку и прикусив, авторитетно заявил:

— Ритуль, если я прошу довериться, наверное, неспроста. Значит, имею представление, как быть дальше. Немножко терпения, и совместными усилиями у нас все получится.

— Совместными усилиями получится кинуть Кирилла? — Отшатнувшись, девушка уставилась на подлетевших к воде лебедей. — Круто. Долго думал? — Снова глядя на Олега.

— Лет шесть примерно. — Пожевав веточку, Чернышевский бесстрастно пожал плечами.

Если бы не серьезное выражение лица и суровый прищур глаз, смотрящих против солнца, Рита рассмеялась. Подумать только! Помешательство какое-то!

Шесть лет — это не шутки. Шесть лет — ровно столько, сколько Одинцова жила у Кирилла. Неужели Олег все это время мечтал об одном? Тогда почему выжидал так долго? Вряд ли даст ответ. Но почему бы не попробовать.

— То есть тебя больше устраивало, когда я жила в борделе? — Выдала с вызовом.

— Меня устраивало, когда ты была маленькой наивной Риткой, которую приходилось защищать от окружающих, в том числе родной матери. — Выплюнув ветку, Олег нетерпеливо побарабанил пальцами по коленке. — Жаль, то время давно в прошлом.

— Жаль, что надо мной больше не издевается мать? — Девушка передернулась от неприятных воспоминаний из детства.

— Жаль, это не единственное, что тебе пришлось пережить по моей вине. Ведь я не

имел возможности быть рядом. — Поправил Чернышевский.

— Все это красивые слова. — Поднявшись с лавочки, огрызнулась Одинцова. — На деле, когда шесть лет назад мне была необходима помощь, освободившись из тюрьмы, ты в первую очередь побежал сколачивать состояние. В отличие от Кирилла, который оказался рядом. Сожаления нынче выглядят беспочвенно и абсурдно. Не находишь?

— Рит, во-первых, не в состоянии дело. — Подскочив следом, прошипел мужчина, гневно сжимая ладони в кулаки. — Войти в тот круг не так просто, как кажется. А во-вторых...

— А во-вторых, господин Чернышевский. — Не позволяя закончить. — Я не намерена с тобой обсуждать несбывшееся. Не смог помочь — окей, пожалуйста, пускай так. Но пойми, поздно клеймить Рощина за то, что он оказался чуточку сильнее.

Олег сощурился. На скулах заходили желваки, показывая — начинает злиться. Шагнул к Маргарите, которая, зажмурившись, непроизвольно поджалась.

Напрасно это сказала. Не хватало вывести Чернышевского из себя. Иметь определенное представление об этом человеке — одно, а знать наверняка что, как и прежде, не тронет и спустит на тормоза все слова Риты — совсем другое.

Как диковинно, вместо ожидаемой бури, которая могла разразиться над головой, Одинцова услышала неподалеку негромкое, но от этого не менее веское замечание:

— Я не собирался клеймить. Это сделали задолго до меня.

— Не хочу препираться с тобой. — Широко распахнув глаза, девушка уставилась на Олега, находящегося непозволительно близко. — Все равно каждый останется при своем мнении.

Господи, почему он смотрит такими глазами? Почему вместо ожидаемой ярости, на лице так отчетливо просматривается нежность и что-то еще, названия чему Маргарита пока не придумала? Не привыкла к подобному. Лучше раздражение, сродни всегда сквозящему в малейшем взмахе ресниц Кирилла, когда тот чем-то недоволен.

— Еще бы. — Ухмыльнулся Чернышевский так, вроде догадался о размышлениях, терзающих девушку от одного его взора. — Все выходные разговаривать о Рощине — последнее, о чем мечтал.

Одинцова заворожено кивнула.

Олег, протянув руку, по-дружески предложил:

— Как насчет обещанной утром конной прогулки? Конечно, не породистая до седьмого колена Страсть, но лошадь ничем не хуже.

— Пойдем. — Робко протянув руку, утвердительно махнула головой Рита улыбаясь.

Сопrotивляться мужчине дальше становилось свыше её сил. Чернышевский более чем прав — глупо растрчивать время на бессмысленные споры. К компромиссу вряд ли придут, а очередной раз мучить себя сомнениями совершенно ни к чему.

Остаться в одиночестве и искать подвохи, в очередной раз разбираться в окружающих — не лучший выход. Пробовала, не вышло. Наверное, это тот случай, когда время само расставит по местам. Конная прогулка не такой плохой способ отвлечься. Попав на задний двор Олега, Одинцова убедилась в том воочию.

Конюшня оказалась небольшой, особенно соотносимо самому поместью. Даже у Рощина количество лошадей преобладало. Здесь, как успела подметить, скакунов всего двое. Уже известный ей вороной жеребец Чернышевского по кличке Ветер. И молоденькая белоснежная кобылка, именуемая крайне парадоксально и противоречиво, как-то Нежность.

Олег явно решил потешиться. Иначе как объяснить ответ на вопрос, почему именно Нежность?

— Ритуль. — Надевая на норовистую лошадь узды, спокойно отозвался мужчина. — Давай начистоту. В твоей жизни страстей было чересчур много. Мне кажется, нежность — именно то, чего тебе не хватало последние годы. — Подняв лицо на девушку, вопросительно вздернул брови. — Скажешь, неправ?

— Твоя уверенность, что до сих пор знаешь обо мне все, зашкаливает. — Похлопав кобылку по икре, Маргарита с помощью Олега забралась в седло.

Мужчина лишь пожал плечами и запрыгнул на Ветра, посчитав благоразумным оставить последнее слово в перепалке за Одинцовой.

Девушка сильно сомневалась, что разговор канет в небытие. Чернышевский не из тех, кто запросто отступает. Припомнит при случае, когда ситуация окажется под его контролем, чтобы убедить Маргариту в своей правоте. Но это после. Сейчас обоим хотелось насладиться приятным времяпровождением. Что оно будет не просто приятным, а скорее занимательным, стало понятно, когда мужчина, желая разрядить обстановку, предложил проехаться наперегонки. От дома к озеру и, сделав круг, вернуться.

— Шутишь? — Поначалу возмущалась Рита, нагоняя вырвавшегося вперед Олега. — Я не настолько привыкла к Нежности, чтобы устраивать скачки. Вдруг она меня сбросит по пути?

— Не сбросит. — Обернувшись, окликнул Чернышевский. — Она смирная и послушная девочка. А ты, мне показалось, весьма неплохая наездница.

— Не подлизывайся! — Одернула Маргарита, идя на обгон. — Сам знаешь, я никогда не любила лесть. И не верила ей.

— Знаю. — Ответил Олег, сворачивая к тропинке, ведущей обратно к поместью. — Поэтому всегда стараюсь говорить тебе исключительно правду.

— Тогда сознайся. — Направляя лошадь следом за мужчиной. — Ты добиваешься, чтобы Нежность вовсе не нежно приземлила меня в лесу, подальше от людского глаза?

— Разве что тебе самой захочется. — Погарцевав неподалеку от конюшни, плутовато подмигнул мужчина.

Только после Маргарита осознала, насколько двусмысленно прозвучал вопрос.

— Вообще-то, имела в виду, что ты хочешь таким образом от меня избавиться и...

Замолчав на полуслове, спрыгнула с кобылки. Почему, собственно, должна оправдываться перед Чернышевским? Его проблемы, что надумал. Каждый помышляет в меру своей распушенности. Кто виноват, что Олег оказался настолько... хм... непонятливым.

— В общем, я не хочу и не буду состязаться ради сомнительного интереса. — Съязвила, раздражаясь от нахальной улыбки Чернышевского. — Если тебе больше нечем себя занять — пожалуйста, можешь покататься. С радостью понаблюдаю.

— Так и знал, что на интерес не согласишься. — Засмеялся мужчина. — Как насчет состязания на желание?

— В смысле?

— В прямом. — Поймав заинтересованность во взгляде Одинцовой, доходчиво пояснил: — Выиграешь ты — можешь загадывать любое желание, и я его исполню.

— А если выиграешь ты? — Прищурившись от ослепляющих солнечных лучиков, недоверчиво уточнила.

— Если выиграю я, в таком случае, тебе придется предстать доброй феей и исполнить мое желание. Любое. Все по-честному.

— Вдруг я откажусь? — Взвешивая все «за» и «против» намечающейся авантюры.

— Никаких отказов. Уговор дороже денег.

Колеблясь доли секунды, Маргарита мысленно прикидывала, чем это может грозить. С одной стороны, если победит, неплохо потребовать от Олега ответов на множество волнующих вопросов. Он всегда был из тех мужчин, которые отвечают за слова и поступки. И здесь, видать, не станет юлить и отказывать, сам подтвердил. Но с другой — кто знает, что потребует взамен.

Хотя... Разве потеряет что-то? Хуже вряд ли станет.

— Хорошо, я согласна! — Воодушевившись, девушка снова запрыгнула на Нежность. — Но учти, мухлеза не потерплю. Если проиграешь — тебе придется отвечать в полной мере. Понял, Чернышевский?

— Более чем, Ритулечка. — Поддакнул мужчина. — Надеюсь, ты понимаешь, я тоже за честную борьбу.

— Еще бы, Олеженька. — Передразнила Одинцова. — Хватит болтать, давай решим раз и навсегда, кто кого сегодня сделает.

— Ишь, какая нетерпеливая!..

Чернышевский, очевидно, был настроен поболтать еще. Но девушка, стремящаяся поскорее узнать исход гонок, дернув лошадь за узды и стукнув пятами, заставила Нежность, едва не став на дыбы, стремглав сорваться с места.

Разгоняясь до галопа, Маргарита проскакала метров сто, когда услышала возмущенные оклики Олега, что смухлевала, сорвавшись без предупреждения. Затем раздался гулкой топот копыт нагоняющей лошади мужчины.

— Решила в прямом смысле обскакать меня? — Крикнул Чернышевский.

— Почему нет?

Ускоряясь, Одинцова свернула к тропе, ведущей сквозь лес к озеру. Она была слишком узкой и ехать представлялось возможным только колонной, друг за другом. Обогнать сквозь густую чащу практически нереально. Главное, первой сюда выехать и гарантировано обойдет Олега. Во всяком случае, в одном направлении.

Мчась на запредельной скорости, девушка не ощущала ни ветра, хлестко бившего по лицу и свистящего в ушах, ни дискомфорта от непривычного пути и новой лошади.

Чернышевский оказался прав — эта девочка довольно смышленная и, чувствуя малейшее пожелание наездницы, ловко исполняет требования. В поведении действительно Нежность. Воздушная и летящая. Но не безропотная и неторопливая, а сильная и рвущаяся вперед, к победе.

Рита почти рассмеялась от чувства ликования, добравшись до озера. Поняла — она пришла первая. Показалось, что попала в беззаботное детство и юность, которого у неё толком не было. Такой легкости на душе давно не испытывала.

Появилась потребность прыгать и звонко хохотать, когда Олег нагнал с таким выражением лица, будто украла любимую игрушку и не собирается делиться. Забавный, похожий на маленького растерянного мальчика.

— Еще немного и ты останешься под конем! — Воскликнула Маргарита разворачиваясь. — Готовься отвечать за свои слова, Чернышевский!

— Это мы еще посмотрим. — С откровенной насмешкой огрызнулся мужчина. —

Проиграть часть битвы, не значит проиграть сражение!

Последние слова донеслись девушке в спину, несущейся на всех парах к дому. Она практически поверила в удачу. Уже предвкушала, какой облом ждет Олега, когда поймет в чем состоит её желание. Теперь точно не отвертеться, придется рассказать если не все, то многое. Маргарита устала изводиться бесконечными размышлениями, попытками разобраться в ситуации, в которую попала. Подошло время расставить точки над «i» и получить вразумительные ответы.

Дом уже виднелся сквозь густую чащу деревьев. До достижения финиша оставались считанные минуты. Несколько последних рывков и... И Одинцова краем глаз заметила — Олег её догоняет. Обходить не торопился, но наступал на пятки.

Натянув поводья, девушка силилась побудить Нежность нестись быстрее. Но Чернышевский, наплевав на непроторенные пути, свернул в густую чащу.

Мгновения и мужчина поравнялся с Ритой. На удивленный упрекающий взгляд, присвистнул, крикнув нечто вроде: *«Я же говорил, рано радоваться на половине пути!»*, вырвался вперед, подняв пыль и вскружив сухую листву над землей.

Все произошло немыслимо быстро и неожиданно. Уверенность в победе рухнула с треском лопнувшего воздушного шара и скоростью, промчавшегося мимо Олега.

Черт бы побрал этого Чернышевского! Он оторвался настолько далеко, что вероятности догнать и тем более опередить, никакой. С каждым мигмом мужской силуэт больше отдалялся, приближая к главной цели. Убеждая Маргариту — сегодня именно ей предстоит платить по счетам.

Сбавив темп, Одинцова достигла двора через несколько минут. Как и предполагала, там нетерпеливо мялся Олег. Солнце близилось к горизонту и в заходящих оранжевых лучах мужчина казался каким-то особенно привлекательным. Рита даже невольно залюбовалась горделивым силуэтом.

Он стоял, уперев руки в бока и расставив ноги на ширине плеч. Белоснежная рубашка, немного расстегнутая на груди, здорово оттеняла равномерный загар, однозначно, полученный тут, а не на заморских курортах. Ухмыляющийся, самоуверенный, нагловатый. Один многообещающий взгляд втолковывал — ожидать от этого мужчины сегодня можно чего угодно.

— С прибытием! — Торжественно поприветствовал, приподнимая шляпу, когда Маргарита остановилась напротив.

— Поздравляю. — Скрипнув зубами, неохотно фыркнула девушка.

Отворачиваясь, собиралась спрыгнуть с седла, но кобылка неожиданно вздрогнула, чуть не сбросив Одинцову на землю. Хотя, почему чуть? Рита, зажмурившись, приготовилась к большому падению и, скорее всего, упала, если бы сильные руки вовремя не схватили на лету за талию.

Охнула, оказавшись крепко прижатой спиной к мощной мужской груди. Вздрогнув, нервно слотнула, когда Олег аккуратно повернул к себе. Заглядывая в испуганные глаза, словно проверяя стойкость и неравнодушие, хрипло прошептал:

— Нежность не любит спешки.

— Я поняла. — Нерешительно закивала, не сводя взора с Чернышевского.

— А еще ты проиграла соревнование и обязана исполнить мое маленькое желание. — Мужчина не удержался от искушения и, едва касаясь, погладил спину Маргариты, принуждая слегка выгнуться.

— Я в курсе. — Очередной замороженный кивок.

Кажется, ведет себя не совсем подобающе со старым приятелем. Флирт и кокетство с Олегом её ни к чему. Необходимо брать себя в руки.

— Спасибо за помощь. — Опуская голову, норовила извернуться из трепетных объятий.

Вопреки ожиданиям, Чернышевский не стал удерживать. Отвернувшись к лошадям, ухватив обоих за поводья, потянул в конюшню.

Одинцова терпеливо дождалась, пока мужчина отвел лошадей в стойла, мысленно прокручивая возможные варианты развития дальнейших событий. Однозначно Олег потребует честно выигранный приз. Главное, чтобы он оказалось посильным. Заранее согласна на что угодно, лишь бы не пришлось переступить через себя в угоду этому мужчине. Небезразличному, забывать не стоит.

— Ритуль, идем. — Указав в сторону дома, предложил появившийся из хлева Чернышевский.

— Придумал желание? — Игнорируя протянутую руку, направилась вперед.

— Давно. — Как разумеющееся выдал Олег, следуя по пятам за Маргаритой.

Будто задолго до сегодня ожидал её поражения. В справедливости этого довелось убедиться, оказавшись в саду со стороны запасного входа в особняк.

— Смотрю, ты заблаговременно подготовился к победе. — Уперев руки в бока, недоуменно выдохнула Одинцова.

Часто заморгав, еще раз осмотрела представшую картину. Нет, это определенно не сон.

В сени раскидистых деревьев расположился маленький столик на две персоны, накрытый белоснежной скатертью. На нем ваза с фруктами, пара бокалов и ведерко с бутылкой вина. Но это ладно... Поверить, что Олегу попросту захотелось посидеть на свежем воздухе — реально. Если бы не огромное количество зажженных свечей, расставленных вокруг. На столике, рядом с ним, на лавочке, на лужайке под деревьями... Вплоть до тротуарной дорожки. Множество мерцающих огоньков задорно разбавляли сумерки, опускающиеся на землю.

Чернышевский недурно подготовился. Сомнений, в чем конкретно заключится его прихоть практически не оставалось. Хитрец! Обстоятельства играют на него в любом случае, но решил сделать все, чтобы у девушки не осталось ни малейшей возможности отступить. Вот, значит, для чего понадобились бега.

В общем-то, подобную атмосферу запросто стоит назвать романтической. Наверняка большинство наивных и не очень барышень, мечтают, чтобы кто-то устроил им столь запоминающийся эстетический праздник души. Большинство, только не Маргарита.

Подобие легкого ужина и танцы огоньков в полумраке, вызвали неприятные воспоминания из прошлого. Первая ночь-посвящение в Инанне, небызвестный ныне господин Латунин и тягостный исход вечера.

Да, это не Инанна, рядом не Гришка и даже не подобный ему, но... Подсознательный барьер, дозволенная грань переступлена. Выключатель сработал и теперь совершенно неважно кто и зачем это устроил.

— Тебе доставляет удовольствие надо мной издеваться? — Осевшим голосом пробормотала Одинцова, уставившись на Олега. — Это не смешно, право слово.

Передернувшись, бросилась к дому с намерением сбежать от разыгрывающегося фарса.

— Ритка, почему ты воспринимаешь каждое мое действие в штыки? — Преграждая путь, искренне удивился Чернышевский.

Он не из тех, кто позволит уйти не объяснившись. Маргарите давно стоило запомнить.

— Потому что в большинстве своем они походят на бессловесный укор относительно моего прошлого. — Призналась девушка. — Так хочешь помочь, да? Снова довести до черты, балансирующей с безумием?

— Ритусь, я не понимаю, о чем ты... — Бережно сжимая хрупкие предплечья, нерешительно отозвался Олег, пытаясь заглянуть в её глаза. — Я ведь ничего такого не имел в виду. Просто хотел сделать приятно. Создать особую атмосферу.

— Поздравляю, тебе удалось. — Презрительно уколола, пытаясь вырваться.

— Ритуль, умоляю, доверься мне. — Легонько сжав руки девушки, протянул Чернышевский. — Давай не будем еще один день завершать бесполезным спором. Не уходи, пожалуйста.

— Ах да, конечно, мне ведь еще предстоит выполнить твой каприз. Или как назвать сомнительные пожелания? — Пробурчала Маргарита застыв. — Видимо, у меня нет выбора.

— Пожелания ни при чем. — Возразил Олег. Взглянув куда-то за спину Одинцовой, хлопнул в ладоши.

Вместе с этим послышались нарастающие звуки аккордов электрогитары, разбавленные стуком барабанов и превращающиеся в приятную мелодию до боли знакомой, старой песни.

Насупившись, Одинцова недоверчиво вперила глазами на мужчину.

— Потанцуем? — Протягивая раскрытую ладонь, Чернышевский, не дожидаясь ответа, захватил руку девушки в свою, другой привлекая ближе за талию.

— Сумасшедший. — На выдохе пропела Рита осматриваясь.

— Что не так? — Лукаво подмигнув, Олег стал перетаптываться на месте, вынуждая девушку подчиниться и задвигаться в такт мелодии. — Песня нашей юности. Мне казалось, ты очень любила её тогда.

— Это было так давно. — Позволяя мужчине вести, неуверенно пролепетала.

— Помнишь, как танцевали под неё у тебя на выпускном?

— Помню. Ты один пришел из всех моих приглашенных.

— Потом явился Пашка. Устроил показательную сцену ревности и...

— И вы чуть не подрались. — Ухмыльнувшись собственным воспоминаниям, напомнила Одинцова. — Не вмешайся я, разгромили бы полкафе.

— Между прочим, он сам был виноват. Нечего прерывать наши дружеские танцы.

— Ага, а что могли испортить смехотворными разборками праздник, совсем не подумали. — Поморщившись, девушка ловко прокрутилась под рукой Олега, снова прижимаясь к его груди.

— Почему сразу испортить? — Хохотнул Чернышевский. — Всего лишь разнообразить и обогатить увлекательными событиями. Какой выпускной без драки, а? Даже неинтересно, честное слово.

— Конечно, вам, мужикам, только кулаки почесать.

— Есть немного. Зато после того случая у меня песня невольно ассоциировалась с тобой и Павлом.

— Серьезно? — Подняв глаза на мужчину. — Я всегда, слыша её, вспоминала о тебе.

— Почему? — Искренне удивился. — Из-за того злополучного выпускного?

— Не знаю. — Машинально пожала плечами, изучающе рассматривая лицо Чернышевского: — *У него таких сколько хочешь. Отчего же ты твердишь девчоночка: «Он хороший, он хороший!..»*

— Если на то пошло, мне куда больше подходят иные строки.

— Какие?

— *Девчонка-девчоночка, темные ночи.* — Тихонько подпевая исполнителю. — *Я люблю тебя девочка очень. Ты прости разговоры мне эти, я за ночь с тобой отдам все на свете...*

— Вот, значит, к чему это? — Застыв, хмуро бросила Маргарита. — За ночь со мной все на свете?

— Вернее сказать: *за жизнь с тобой отдам все на свете.* — Невозмутимо исправил. — Тебя что-то смущает?

— Выходит, я права. — Вырываясь из объятий прикрикнула Одинцова, не слыша признаний Олега. — Весь фарс для одного? Отказ от тендера; трехдневный уик-энд; скачки наперегонки, на спор... Ты изначально знал, что победишь, иначе не подстроил якобы романтический ужин. Не было бы соревнований на желание. Всё, чтобы затащить меня в постель?..

— Ритка, чего ты все буквально воспринимаешь? — Отчаянно взвыл Олег, когда она отвернулась, намереваясь сбежать в дом. — Мое желание быть с тобой не имеет ничего общего с желанием, которое планировал загадать тебе сегодня.

— Не прыгать же на одной ноге и лаять меня заставишь. — Замялась девушка.

— Действительно, мелкогато. А вот прибраться в доме, просеять крупу и... — Оглянувшись. — Собрать огарки со свечей — самое оно.

— Смешно. — Не выдавив даже легкой улыбки, отмахнулась Одинцова. — Если серьезно, Олег? Скажешь, ни разу не подумывал за эти дни переспать со мной?

— Честно? — За спиной послышались приближающиеся мужские шаги. — Думал.

— В чем проблема? — Круто развернувшись к Олегу, с вызовом переспросила. — Вот она — я. Приставленная охрана на твоей стороне. Беспокоится, что Кирилл узнает не стоит. После скачек вправе выдумать что заблагорассудится — я просто обязана выполнить. Договоренность прежде всего.

— Глупая ты, Ритка. — Окинув её сожалеющим взглядом, мужчина сунул руки в карманы в поисках сигарет. Отворачиваясь, изрёк. — Такой ценой мне ничего не нужно.

Повисла пауза. Прикурив, Чернышевский что-то задумчиво рассматривал впереди. Маргарита обескуражено сверлила взором его спину, стремясь понять, почему опять теряет контроль над ситуацией. *Цена ему не нравится...* Окружающая обстановка говорит об обратном.

В воздухе витала необъяснимая обреченность и необратимость момента. С трудом понимая, что творит, шагнула к Олегу. Песня, навевающая ностальгию, давно закончилась. Вместо неё играла романтическая композиция сладкоголосого иностранного исполнителя. Чернышевский, кажется, был напрочь отключен от реального мира, погрузившись в раздумья.

Рита, мысленно проецирую происходящее на былое, ощущала при этом удивительную, до боли необходимую потребность стать ближе к мужчине. Подкралась настолько тесно, что можно услышать гулкий стук сердца.

Ёлки-палки, Олег её друг. Олег человек из прошлого. Ниточка, ведущая к беспечной юности. Олег, он ведь... Оказывается, совсем ничем не отличается от остальных мужчин. Ему нужно то же, что и прочим. Самое прискорбное — добьется своего. Не сегодня, так завтра. Когда угодно. Есть ли смысл тянуть?

Она хотела расставить точки над «і»? Вот подходящая возможность. По крайней мере,

окончательно убедиться для чего сдалась Чернышевскому. Разгадать, что сама чувствует к нему и...

Глубоко втянув воздух, девушка осторожно прикоснулась к мужской спине. Олег даже встрепенулся от неожиданности, прибавив тем самым смелости Одинцовой.

Лихорадочно сглотнула, крепче прижалась, обнимая руками за шею. В голове замаячила шальная мысль, что сейчас поступает как последняя дрянь. Но ходу назад нет. Отступить не станет независимо от конечного итога.

— Что ты делаешь? — Сдавленно спросил Чернышевский, когда ладошка Маргариты скользнула под воротник рубашки.

— Пытаюсь исполнить твое желание. — Выдохнула у уха, торопливо расстегивая верхние пуговички.

— Плохая идея, не считаешь? — Поморщившись, хрипло отозвался Олег, затягиваясь сигаретой.

— Почему?

Входя во вкус, Рита, наконец, пробралась к груди. Порхающими движениями погладила торс, пальчиками исследуя каждый миллиметр натренированного тела. Подумать не могла, что ей настолько придется по душе прикоснуться к Олегу столь... не по-дружески.

— Не отрицай, ты этого хочешь. — Прикусив мочку уха, прошлась пальцами обратно к шее. Еле касаясь, невесомо провела губами. — Какая к черту разница, какой ценой?.. Давай сразу покончим с тем, ради чего собрались.

— Ритка, уймись. — Увиливая от поцелуев.

— Зачем «уймись»? — Пробуя развернуть Чернышевского к себе, томно прошептала. — Еще скажи, не нравится?

— Ритка, что ты как маленькая. — Скрипнул зубами мужчина. — Я ведь не железный.

— Я тоже не железная, Олеженька. — Вторила Одинцова. Потершись о его щеку, стала пробраться к ремню, вытаскивая рубашку из брюк. — Мне надоело жить в постоянном напряжении, ожидая со всех сторон подвоха и...

— И ты сейчас же успокоишься. — Перехватив запястье девушки, когда та, проведя по выпуклости на ширинке, намеревалась залезть в штаны.

Вот такая у Чернышевского на неё реакция. Ничем не разнящаяся от других. Но как необыкновенно лестно и занятно испытывать превосходство и власть именно над ним. Это заводило, разжигало пламя,

— А если нет? — Недовольно надув губы, Маргарита попробовала вырвать руку из неподвиженного плена.

— Если нет, то...

Судорожно сглотнув, Олег смял в ладони обуглившийся окурок, выбросил под ноги. Мгновенно крутанулся на сто восемьдесят градусов. Ухватив голову Одинцовой на затылке, несколько секунд, обжигая горячим и сбитым дыханием, рассматривал девичье лицо помутившимся взглядом.

Рита соображать перестала, когда четко спланированное ею же представление превратилось в реальность. Когда разум устал властвовать над сердцем, а эмоции взяли верх над остальным. Как только Олег, наплевав на принципы и предрассудки, жадно завладел её ртом, со всем пылом и неистовством ответила на поцелуй. Свой первый в жизни настоящий, совершенно неприятельский поцелуй с этим мужчиной.

После пожалет, что ради мимолетного вожделения раскрошила осколки оставшейся

дружбы. Но это после... Сейчас оказалось до умопомешательства приятно и мучительно сладостно ощущать вкус его настойчивых губ на своих. Чувствовать торопливые скользящие поглаживания крепких рук по спине. Просто прижиматься к его телу.

Кажется, поцелуй длился вечность. Прежде чем оба, задыхаясь от недостатка кислорода, смогли оторваться друг от друга. Но лишь для того, чтобы снова слиться в очередном пылком танце губ. Вместе с которым Рита оказалась приподнятой Олегом над землей. Обхватив ногой его за талию, на уровне осязания уяснила — мужчина понес её куда-то. Не размыкая объятий, спустя секунды оказалась прижата спиной к чему-то жесткому и твердому.

Когда Олег, ненасытно сминая губы, стал ловко расстегивать её блузку, распахнула глаза увидев, что этим «*что-то*» является обыкновенное дерево у столика.

Господи, до чего докатилась? Стоит, зажимается по углам с бывшим другом за спиной у Кирилла и не испытывает ни капли сожалений или укоров совести. Более того, продолжает с неистовым пылом отвечать на поцелуи Чернышевского. С, кажется, ранее не испытываемым трепетом, отзываться на ласки и уверенно стаскивать с мужчины рубашку...

— Риточка. — Выдохнул ей в уста, прикусив нижнюю губу и тут же зализнув. — Ты хоть представляешь, что делаешь со мной?..

А она, не отдавая отчета в происходящем, с восхищением и наслаждением изучала пальцами и губами мышцы на рельефном торсе, легонько закусывала кожу на шее, возвращаясь к лицу, снова жажда завладеть жарким ртом.

Перед глазами все окончательно помутилось, а по телу прошелся электрический заряд, когда, прижимая её за бедра к себе, Олег коснулся низа живота, пробираясь до запретного далеко. Проворные пальцы, скользнув вниз, расстегнули джинсы. Отодвинув в сторону кружевную ткань, ворвались в податливое тело сразу находя нужный ритм, подчиняя Риту и заставляя изгибаться навстречу настойчивым ласкам. Сумасшедшее желание, скрутившись тугим узлом, сконцентрировалось в его умелых движениях внутри неё.

Вцепившись в плечи руками и откинув голову к дереву, девушка готова была взвыть от нетерпения. Того, что давал Олег до безумия мало.

Со всей силы сжимая мышцами его внутри себя, она ерзала, пытаясь насадиться сильнее, но и этого казалось недостаточно. Хотелось чувствовать мужчину внутри себя. Полностью, без остатка отдаваться и подчиняться его требованиям и прихоти. Плевать, что будет после. Плевать, что она хочет заняться бешеным неконтролируемым сексом именно с Олегом. Только бы добраться до самой вершины блаженства. Чем скорее, тем лучше. Иначе умрет прямо здесь.

— Чернышевский... Ты решил испытать мою выдержку? — Рвано дыша, Маргарита притянула мужчину к себе за шею.

— Я решил испытать *свою* выдержку. — Сквозь зубы процедил Чернышевский.

Пробираясь ладонью к вершине восставшего соска через бюстгальтер, еще методичное задвигал пальцами внутри её плоти. Глаза затуманены страстью, а необходимость обладать ею вызывала крупную дрожь.

Девушка сквозь плотную ткань брюк ощущала, как в бедро упиралось внушительное подтверждение его нетерпения. Она и сама чувствовала внизу влажное и горячее тепло. И понимая, что еще немного и взорвется, нащупала ширинку Олега, желая поскорее получить самое незаменимое и до конца удовлетворить потребность в этом мужчине. Но действия возымели обратный эффект.

Словно облитый ушатом ледяной воды, Чернышевский застыл, прекращая ласки. Мгновение и обе руки переместились к девичьему лицу, заключая его в плен. Вместе с этим, мужчина припал губами к её, врываясь в сумасшедшем темпе языком в рот. Двигаясь хаотично и нетерпеливо, словно пытаюсь насытиться, а потом... Поцелуй закончился так неожиданно, как и начался. С приоткрытых уст Риты сорвался возмущенный полустон.

Чернышевский невидяще уставился ей в глаза. Прошло несколько мгновений, прежде чем, немного утихомилив тяжелое дыхание, выдохнул в губы:

— Больше никогда не смей со мной так играть, поняла?

— Почему? — Нахмурившись, прошептала девушка. — Это все, на что ты способен?

— Нет. Просто в следующий раз я могу не сдержаться. — Стараясь сохранить внешнее спокойствие и невозмутимость, заметил Олег.

После отпустил Одинцову и спешно отстранившись, отошел на безопасное расстояние. Окинул оценивающим взглядом растрепанную и удивленную Маргариту. Испутив громкий вздох, отвернулся, чтобы уйти.

— Олег!.. — Слабо контролируя себя, окликнула. Когда мужчина остановился в нескольких шагах поодаль, несвязно уточнила: — В чем дело? Я не просила тебя сдерживаться. Учти, после ты не вправе упрекать меня, что не сдержала уговор нашего состязания и...

— Я не собирался тебя в чем-то упрекать. — Равнодушно перебил Чернышевский, слегка повернувшись к девушке.

— А как же желание? Мечта о ночи со мной? — Мысленно ругая себя, что стоит и унижается перед Олегом.

— Я, кажется, говорил — не такой ценой. — Качнул головой невозмутимо. — А мечта... — Улыбнулся краем губ. — Не в ночи единой заключается. Одна ночь наименьшее, что хочу получить от тебя.

— Так почему не?.. — Рита замолчала, поймав хмурый взгляд, которым одарил Олег.

— Кому как не тебе знать, что я живу по принципу — либо все, либо ничего. — Отворачиваясь, отмахнулся мужчина. — Все — это ты и твоя любовь.

Передернув плечами, Чернышевский направился к дому на ходу застегивая рубашку.

Маргарита так и осталась стоять, прислонившись к дереву, с недоумением глядя вслед удаляющемуся мужчине. Сердце в груди колотилось, как бешеное. Мелкая дрожь сотрясала тело то ли от прохладного вечернего ветерка, то ли лишившись горячей защиты в виде Олега, то ли от неудовлетворенного возбуждения.

Разве думала, что сегодняшняя игра закончиться таким образом?.. Предполагала, что Чернышевский окажется столь благородным и правильным?

Приставая к мужчине с намерением удовлетворить его требования, у неё в мыслях было два варианта развития событий — либо Олег, послав к чертям собачьим, убеждает, что для него она просто друг (наивный и детский вариант, на самом деле), либо... Олег таки с ней переспит, и окончательно убедится, что все мужики одинаковые и благородство лишь красивая маска, помогающая втереться в доверие.

Маргарита хотела убедиться в истинности второго варианта. Особенно увидев пафосно романтическую обстановку, свечи... Ей необходимо было удостовериться — иначе, чем происходило в Инанне, быть не может. Лучше сразу сдаться, подчиниться, чем после получить за непослушание.

Черт, как прогадала, и все пошло не по плану? Почему Чернышевский оказался столь

непредсказуем? Хотя где здесь непредсказуемость? Всегда знала, что Олег к ней неровно дышит. Знала, но не думала, что настолько серьезно. Что откажется от возможности переспать ради... Ради чего собственно?

Олег все время твердил о любви... Какая любовь? О чём он? Это самообман. Её нельзя любить. А слова... можно говорить что угодно. Это не означает, что каждый бред стоит принимать за чистую монету.

Но почему-то Чернышевский не воспользовался ситуацией, когда пришла сама, отступил в сторону. И теперь именно Рита осталась в одиночестве у дерева. Взъерошенная, ошарашенная и неудовлетворенная. Подумать только — она, Маргарита Одинцова, впервые в жизни чувствует сожаление и растерянность, что мужчина, с которым должна была переспать, ушел, не завершив начатое.

Горько усмехнувшись, девушка дрожащими руками поправила блузку и застегнула джинсы. Оттолкнувшись от широкого ствола старого бука, без эмоционально осмотрелась с надеждой, что поблизости не оказалось свидетелей их безобразия. На подкашивающихся ногах поплелась к дому.

Вот как бывает. Жизнь приобретает неожиданные повороты, сверкая поразительными гранями. Сегодняшний вечер принес новые открытия. Теперь Маргарита убедилась, что что-то значит для Олега. Поняла, что и Олег для неё гораздо больше, чем приятель.

До сих пор ощущала прикосновения его горячих пальцев к коже. Осязаемо помнила, насколько приятно прикасаться к нему. Еще горела от мысли, чем могло все завершиться, не оказись Олег столь принципиальным.

Наверное, Рите должно быть стыдно. Она должна сожалеть о безрассудном поступке. Считать Чернышевского за похотливый полнейшим козлом, но ругала только за сдержанность. А еще отчаянно желала повторить случившееся. Но в следующий раз довести до логического завершения и понять, какова она, любовь Олега Чернышевского?..

Ноги подкашивались, словно хмельные. Глаза затуманены страстью и желанием. Сердце как бешеное выпрыгивало из груди. По жилам скоро бежала кровь, отдавая гулками набатами в висках. Сбитое дыхание. Тяжесть в каждой клеточке тела. Звон в ушах и гул в голове...

Подобной игры гормонов и выброса тестостерона мужчина не испытывал давненько. Если испытывал когда-либо. Это круче адреналина, полученного от скорой езды на лошади, или прыжка с парашюта. Это было...

Черт подери, да ведь ни х*ена не было! Совершенно! Позажимал Ритку у дерева. Поцеловал разок-другой, исследовал определенные изгибы тела. Что с того? Где он и где Одинцова?

Ёлки-палки... Ничего. Ровным счетом ничего не случилось. Хотя очень хотелось. И Ритке хотелось. Знал наверняка. Не только из-за требовательного тона возвратиться и закончить начатое. Чувствовал. Ощущал, как откликалось тело на нехитрые ласки. Хотел её так, как ни хотел не единую женщину ранее. И мог заполучить. Стоило проявить чуточку настойчивости. Не оттолкнула бы. Но отложил подвернувшуюся возможность спугнуть девушку раньше времени.

Олег убеждал себя, что поступил правильно. Сколько лет ждал Маргариту? Следовал по пятам, уповая на воплощение мечты? Вечность размером в десятилетие. Разве изменит что-то пара недель или месяцев? Для него ничего — ждал, обождёт еще. Для Ритки время станет спасительным. Позволит в полной мере оценить, кто есть кто. Чернышевский не имеет права рисковать осколками доверия, собранного по крупицам. Ему необходимо вернуть ту Маргариту, в которую однажды влюбился.

Ничего, потерпит. Справится. Главное, чтобы несносная строптивица поняла — ей никак не отвертеться. Скоро станет его. А еще, чтобы уяснила — нужна Олегу не для приятного времяпровождения. Она нужна ему целиком и полностью. Со всеми тараканами и странностями. Со всеми страхами и ошибками. Нужна как воздух. Как целительный источник. Как единственная возможность существовать. Весь смысл жизни Олега исключительно в Ритке. Все, что когда-либо делал — во имя неё. Сейчас ничто неизменно.

Бл*, но почему так хреново? Почему перед глазами стоит её образ? Пальцы до сих пор чувствуют шелковистость тела, податливого как воск. Почему каждая клеточка требует разрядки? Той, что может прийти с одной-единственной женщиной?..

Быстро, насколько позволяло взвинченное состояние, взбежал по лестнице. Достигнув кабинета, залетел в комнату. Не глядя по сторонам, бросился к буфету, где привычно стоял алкоголь. Виски, коньяк и, если Наталья Ивановна не успела убрать, водка. Неважно, что пить. Главное, поскорее накачаться чем-то, способным вытеснить эту обольстительницу из головы. Для начала на сегодняшнюю ночь, чтобы не послать хваленую выдержку куда подальше и не бросится к Ритке за воплощением в жизнь самых откровенных сексуальных фантазий.

Схватив первую попавшуюся бутылку, Олег плеснул спиртное в широкий бокал. Не глядя, осушил. Горящая жидкость опалила изнутри. Водка. Дешево и сердито. Так даже лучше. Пох*ен, чем напиваться. Беленькой это произойдет гораздо быстрее и качественнее.

Зажмурившись, утёр рот тыльной стороной ладони. То ли желая стереть капли горького

алкоголя, то ли избавиться от ошутимого привкуса сладких губ Маргариты.

Перед глазами опять возникла картинка с попытками девушки соблазнить его. Подумать только — искустельница нашлась. Чернышевский более чем уверен — многие мужики падали на колени под её чарами. Многим кружила головы. Возможно, совращала. Наверное, в поведении нынешней Маргариты нет ничего удивительного. Но проблема в том, что для Олега она по-прежнему его маленькая Ритка-Маргаритка. Наивная и несмышлёная девочка. Оттого ли её действия казались столь умопомрачающими, головокружительными и чертовски заводили?..

— Ничего себе! — Насмешливый голос за спиной быстро вернул мужчину в действительность. — Надо такому случиться. Неужто самому Олегу Чернышевскому баба не дала?

С грохотом опустив стакан на столик, мужчина, стараясь сохранить самообладание и выдержку, со свистом втянул воздух. Медленно, мысленно уговаривая себя не прибить человека, ставшего невольным свидетелем его маленького поражения, развернулся на сто восемьдесят градусов. Вперился раздраженным взглядом на восседавшего в кресле.

Стоило ожидать кого-то еще? Ну, Руслан! Еще так вальяжно развалился, закинул ноги на стол, в руках бокал с каким-то спиртным. Судя по янтарным отблескам света — виски. Ну, засранец, не сиделось у себя в комнате?

— Чего тебе? — Вслух буркнул Чернышевский.

— Да ничего. — Пожав плечами, Буртенко резко сбросил ноги на пол. Ухмыльнувшись, пригубил со стакана. — Пришел посочувствовать другу. Что плохого?

— Себе посочувствуй, придурок! — Крутанувшись назад, Олег подхватил бутылку и сделал короткий глоток из горла.

Внутри, обжигая, вновь стало горько. Это должно успокоить, померить пыл, но с новыми глотками становилось де*ьмовей.

— Мне зачем? — Послышалось за спиной удивленное. — Дружище, у меня нет таких проблем с бабами. К счастью.

— Начнем с того, что у тебя и бабы-то постоянной нет. — Скрипнул зубами Чернышевский. — К счастью. Для неё.

— Считаешь, я настолько плох? — С театральным изумлением, граничащим с огорчением, возмутился Буртенко. — Чтобы покорить сердце одной-единственной красавицы?

— Покорить — покоришь, а вот удержать — вряд ли. Ты не создан для семейной жизни. — Опираясь ладонями о стол, вздохнул Олег, прикрывая глаза.

И здесь Маргарита. Ёлки зеленые, кажется, сегодня ему гарантирована бессонная ночь.

— Типа ты создан? — Резонно подметил друг. — Всю сознательную жизнь один, как истинный предводитель рода Серых псов. Тюремные нары, работа, при которой опасно иметь семью. Вся жизнь как на пороховой бочке. Оно тебе надо?

Вместо ответа Чернышевский снисходительно фыркнул. Буря, как всегда, утрирует. Или не хочет видеть очевидного. Не сдалась Олегу эта никчемная работа, не будь на кону жизнь и счастье Маргариты. Но об этом до поры до времени лучше никому не знать. В частности, друзья.

— Все-таки, Волкодав. — Спустя пару минут, когда мужчина думать забыл, что находится в кабинете не один, протянул Руслан. — Давай откровенно. У тебя реально серьезные намерения относительно Одинцовой?

— Тебя что-то удивляет? — Распахнув глаза, Чернышевский обернулся к другу.

Тот стоял посреди кабинета, отстраненно рассматривая жидкость в бокале. С таким видом, будто плевать на все. Хотя Олег прекрасно знал — за показным равнодушием привычно кроется основательное любопытство. Не прогадал, услышав задумчивое:

— Дружище, если начистоту, при всем моем уважении к Вотану и толерантности к Маргарите и её прошлому, она... как бы помягче выразиться... — Буртенко прокашлявшись, дерзко уставился на Чернышевского. — Предположим, с Вотаном удастся уладить, и он поймет и примет тебя. Но даже со столь высокопоставленной крышей, Одинцова была и все равно останется шлюхой. Понимаешь или нет?

Последнее слово подействовало на Олега как красная тряпка на быка. Взгляд помутился. В этот раз не от страсти. От раздражения. Злости. Неконтролируемой и неуправляемой. На скулах заиграли желваки. Ладони моментально сжались в кулаки, до белеющих костяшек. Мужчина, ничего не слыша и не видя, кроме «дорогого» друга, двинулся вперед.

Руслан, или не соображая, что несет и какова реакция Чернышевского, или специально провоцируя с видом полнейшего уверенности в собственной правоте, продолжал излагаться:

— И не надо напоминать, что попала она туда случайно. Все они случайно. Х*ен с этим. Проблема что, невзирая на причины, она варилась в том котелке. Причем долгие и долгие годы. Можно сказать, успела овладеть всей кухней процесса. Это у неё как неизлечимый вирус в крови. Поверь. За шесть лет работы я хорошо изучил психологию подобных вольных или невольных куртизанок. Маргарита не исключение. Найди себе нормальную бабу. На*ер тебе ша...?

Чернышевский отреагировал мгновенно. Остаток фразы канул в лету. За доли секунды кулак приземлился в нос Буртенко. От неожиданности тот пошатнулся, машинально выпуская из рук стакан, что тут же со звоном разбился о пол.

— Волкодав, ты охе*л?.. — Стирая заалевшие капельки крови. — Давай избежь еще меня из-за очередной с*чки!

— Вот еще. — Смерив Руслана сочувственным взглядом. — Делать больше нечего. Тебе сейчас хоть кол на голове теши, все равно не поймешь. А когда в один прекрасный день словно обухом по твоей дырявой башке стукнет любовью, разберешься. Если любишь человека по-настоящему, плевать на прошлое, плевать на препятствия. Ради любви, взаимной или нет, но неподдельной, можно пойти на все. И через других переступить. И через себя. Попомни мои слова, Рус.

Поморщившись, Буртенко собрался что-то возразить. На что Олег, махнув рукой, вышел из кабинета, с грохотом захлопнув дверь.

Не хотел доводить конфликт с Русланом до рукоприкладства. Буря один из двоих его лучших друзей. Он всегда оказывался рядом в трудные жизненные эпизоды, помогал делом и поддерживал морально. Но сегодня Чернышевский не сдержался. Как сдержаться, раз в ход идут оскорбления любимой женщины? В таких случаях дружеские отношения отходят на второй план.

Буртенко нарывался. Олег мог предположить, что друг хочет помочь, считая, что так лучше. Не тот случай — Чернышевский сам прекрасно знает, как лучше. Как ни странно, разговор поумерил пыл. Видно, после Ритки стоило выпустить пар. Чесание кулаков, конечно, далеко от наслаждения что способна подарить любимая женщина, но на крайний случай сгодится. Лучше, чем совсем ничего...

Этой ночью Олег не уснул, неприкаянно пробродив по дому. Остаться в своей комнате не было сил. Особенно зная, что рядом за тоненькой стенкой мирно посапывает главный объект его желаний. Боялся не сдержаться. Маргарита постоянно мерещилась поблизости. То яростная, пылающая от возмущения на него. То страстная и взерошенная от его же действий. Но неизменно одно — везде вожденная и необходимая.

Пару раз пожалел, что остановился. Но вместе с этим моментально пресекал надуманное развитие дальнейших событий. Решись довести Ритку до экстаза вряд ли остановился вовремя. И она не остановилась. Не стала довольствоваться малым, требуя большего. Тогда это могло обернуться катастрофой. Ночь, способная ненадолго сблизить, после беспощадно грозила разрушить, разлучая и забирая у Олега любимую навсегда. Подобного допускать не мог.

Не зря сказал: *«Либо все, либо ничего»*. Жизненное кредо, по которому Чернышевский жил последние годы. Оно его в полной мере устраивало и не раз выручало. Порой мирился с определением *«ничего»*. В чем угодно и когда угодно. Если дело не касалось сердечных переживаний и Маргариты. Здесь согласен лишь на *«все»*. *«Ничего»* уже было. Повторение истории ни к чему.

Большую часть ночи Чернышевский размышлял, что ожидает с приходом рассвета? Во что трансформируется отношение Ритки? Зайди чуточку дальше поцелуев, уверен — Одинцова встретила смущением и неловкостью. Сейчас более вероятно положение холодной войны и равнодушия. Или полная отстраненность и игнорирование.

Ни один из предложенных вариантов не устраивал. Необходимо срочно придумывать максимально безболезненный выход из положения, иначе вместо запланированного на трехдневный уик-энд сближения и получения кредита доверия, Олег сильнее отдалит Риту.

Размышления едва не свели мужчину с ума. Но несколько часов на свежем воздухе и воспоминания былого сделали свое дело — с приближением рассвета Чернышевский наверняка знал, как поступит. Даже составил мысленный список что планировал получить за предстоящие сутки. И не все пункты несли миссию возрождения только доверия Маргариты...

Этой ночью Олег был не единственным, кто не сомкнул глаз. Этой ночью дом? словно с ног до головы окутанный тьмой и почти осязаемой тишиной, стал свидетелем душевных терзаний Маргариты.

Закрывшись в комнате, боялась носа высунуть, чтобы не дай Бог не столкнуться с Чернышевским. После личного поражения перед мужчиной, еще ощущала неловкость и страх, касаясь его реакции впоследствии. В полной мере отдавала себе отчет, что Олег был возбужден, что хотел её не меньше, чем она его. Остановился. Потому ли, что считал её недостойной себя, или?..

«Или». Ответ Рита знала точно. Чернышевскому не секс единый нужен. Скорее нечто большее. О чем весь вчерашний день твердил. Это Одинцова подобно слепцу вцепилась в утверждение, что все мужики сво... и Олег не исключение и не могла отступить. Снова вставал вопрос о доверии, которое оказалось непосильной ношей касаясь их отношений.

Доверие, как чужеродное пространство, в которое Маргарита давно разучилась заходить, равносильно как не пробовала затянуть в него кого-то из окружающих. Как-то незаметно оно ушло в ряд запретных и недопустимых ценностей, к которым дверь сознания оставалась закрытой. Во всяком случае, девушке так казалось. До сегодняшнего вечера.

А теперь? Способна ли поверить Олегу? Сдается, внутри что-то шелкнуло и.

перевернувшись, изменилось. Всего-то потребовалось завестись с полуоборота от парочки случайных неоднозначных действий старого друга, его поцелуев и...

Подумать только! Она целовалась с лучшим другом!..

Приложив руку тыльной стороной ладони ко рту, Одинцова зажмурилась и откинулась на подушки. Совсем с ума сошла! Но ей ни капли не стыдно. Скорее всего, утром пожалеет, начнет смущаться и робеть рядом с Олегом. Но не потому, что о чем-то сожалеет. Ни капли не сожалеет. Скорее потому что думает о Чернышевском не в том направлении, в котором стоит.

В каком собственно стоит?

Отныне Олег для неё не друг. Даже ни приятель. И ни товарищ. Вот где особенно четко отслеживается народная мудрость, гласящая что дружбы между мужчиной и женщиной не существует. Между ней с Чернышевским тоже. Никогда не было. Его особое отношение оттого, что с давних времен относился к ней гораздо серьезнее. Как к девушке, которая нравится. Похоже, нынешнее положение вещей практически не изменилось.

Олег и для Риты всегда был чем-то большим, смысл обманываться. Не после случившегося.

Удивительно, но девушке совершенно не хотелось злиться на Чернышевского. Вернее, поначалу хотелось, а уж потом... Приняв холодный душ, успокоившись, Маргарита осознала — так даже лучше. Спать с ним слишком опасно. Еще не время.

Какое к черту «еще»? Вообще, нельзя с ним спать! Возомнила тут...

Усмехнувшись, Одинцова несколько раз торопливо покрутилась в постели. Сон не приходил. Размышления, неукротимым хоромом жужжали в голове не давая покоя.

Рита ругала себя за опрометчивую смелость и возмущалась, почему Олег так запросто ушел. Тушевалась и поражалась реакции собственного тела на его касания, и с упоением желала повторить.

Злость и раздражение. Опасения и страхи. Восхищение и желание. Непоколебимый трепет в сердце и неразумная боязнь поверить... Главное, везде он, Олег Чернышевский.

Определенно, если мужчина ставил цель заставить думать о себе круглыми сутками, своего добился. Маргарита проворочалась в кровати до рассвета. Лишь с первыми солнечными лучиками, рассеивающими тьму, позволила усталости и напряжению взять верх.

Засыпала с блаженной улыбкой на губах. Всему виной неконтролируемые инстинкты и собственные выводы относительно её ощущений и Олега в целом. Но сон на удивление был крепким и спокойным. Правда, коротким.

Вроде не прошло и десяти минут после умиротворения, как неподалеку что-то загрохотало и, эхом прозвенев в ушах, пошатнуло относительную безмятежность. Еще пара приятных мгновений поверхностного сна и...

— Ритка-Маргаритка! Хватит дрыхнуть, соня!

С требовательным кличем Одинцова поняла, что её схватили за литки ног и безжалостно потащили вперед с кровати, заставляя невольно съехать с подушки. Реакция была молниеносной. Широко распахнув глаза, с ужасом уставилась в потолок воскликнув:

— Что происходит?

— Пора вставать. — Продолжая нехитрые манипуляции, устремленные на окончательное пробуждение Маргариты, довольно выдал мужчина. — Нас ждут великие дела!

— Чернышевский, ты псих? — Рита резко, насколько позволяло неудобное положение, подхватила и, опираясь локтями о матрас, округлила глаза. С недоумением посмотрела на ухмыляющегося напротив Олега. — На время смотрел?

— А что время? — Изобразив растерянность, оглянулся к настенным часам. — Еще немного поваляешься, до обеда недалеко будет.

— Какая разница? — Натягивая одеяло повыше, к подбородку, задергала ногами, надеясь избавиться от непоколебимого захвата. — Какое имеешь право врывать ко мне и что-то требовать?

— Ритуль, я пока ничего не собирался требовать. — Чернышевский отпустил девушку и, уперев руки в бока, известил: — Но в мои планы на последний полноценный день с тобой не входило сутками проваляться в постели.

Предположение прозвучало двусмысленно. Рита, хмыкнув, спрятала лицо за одеялом, оставляя открытыми глаза, чтобы иметь возможность наблюдать за этим несносным мужчиной. Показалось, он опять намекает на большее. Но ночная храбрость девушки и изначальное побуждение не просто повторить, но и довести ситуацию до логического завершения, куда-то улетучилось, оставляя сплошное замешательство.

Главное, не покраснеть, иначе стыда не обернуться. Хоть бы у Олега не хватило наглости вспомнить вчерашнее. Вся надежда, что разделяет мнение Одинцовой.

Следующие действия Чернышевского сказали об обратном. Спешно обогнув постель, оказался совсем рядом.

У Маргариты вырвался изумленный возглас, когда он, протянув руки, резким движением сдёрнул покрывало, отбрасывая в сторону. Прежде чем шок успел преобразоваться в возмущение, подхватил за талию вскидывая в воздухе. Со стороны могло показаться, что поднял невесомую пушинку, но никак не взрослому, пускай и стройную женщину.

— Олег что ты?.. — Вопрос канул в лету, стоило очутиться безжалостно закинутой на плечо Чернышевского вниз головой. Волосы, спутавшись, пышной копной упали на лицо, закрывая обзор.

— Ритусь, без обид. — Невинно погладив шершавой ладонью по оголившейся коленке, Чернышевский направился к ванной. — Если буду ждать, пока ты соизволишь проснуться, мы никуда не успеем.

— Олег, отпусти сейчас же! — Задохнувшись от негодования, Одинцова засемила ногами, стараясь освободиться.

Куда там! Мужчина крепче прижал её за бедро к плечу. Горячность большой руки прожигала кожу сквозь трикотажную ткань коротеньких пижамных шорт. Хорошо, что додумалась одеть относительно целомудренный наряд по сравнению с привычными ночными пеньюарами. Светить перед Олегом голыми конечностями последнее дело. Но он тоже хорош! Додумался!..

— Уже отпускаю. — Примирительно выдохнул Чернышевский, распахнув дверь в ванную комнату.

Прежде чем Маргарита успела поцелить кулаком в его спину, действительно поставил на пол.

Сощурившись, девушка обескуражено посмотрела на стоящего рядом мужчину. Невозмутимо-серьезный. Так и хотелось сбить спесь с лица. Если бы не смешинки, пляшущие в голубых бездонных глазах. В какую-то секунду показалось, будто он продолжит

начатое вчера и...

— Собирайся. — Одним острым словом перечеркивая малейшие упования, затаившиеся в потаенных уголках души. — У тебя на все про все двадцать минут.

Смерив Маргариту на удивление безразличным взглядом, отвернулся и прошагал к выходу. Замявшись у двери, остановился.

Девушка, пользуясь удобным случаем, осторожно позвала:

— Олег?.. — Мужчина повернул голову в профиль. — Это все, что ты хотел? Будешь продолжать вести себя как ни в чем не бывало после вчерашнего?

Слова слетели с уст прежде, чем подумала. Кто за язык-то тянул? Видно, возвращение Чернышевского в её жизнь дает плоды. Хорошие или плохие покажет время.

— Одень чего-нибудь попрacticalнее. — Вместо ответа, приказным тоном отметил мужчина.

Дернул плечом, ровно избавляясь от тяжкого груза, и поспешил выскользнуть из комнаты, оставив очередную порцию вопросов. Но времени на поиски объяснений у Маргариты сейчас не было. Почему-то мысли не прислушаться к просьбе и взбунтовать не пришло в голову. Олег что-то задумал. Единственный способ выяснить — выполнить указания.

На том и решив, Рита принялась за создание сегодняшнего образа. Времени для полноценных сборов оставалось катастрофически мало. Но неприятное прошлое подарило одну из немногих навыков — собираться в условиях, равных полевым, и делать это качественно. Через назначенные двадцать минут, умывшись, причесавшись, подкрасив веки водостойкой тушью, и одевшись в потертые джинсы и футболку, с кожаным пиджачком поверх, девушка спускалась по широкой лестнице на первый этаж.

Мысленно не раз поблагодарила Чернышевского что, разбудив, не стал открыто напоминать о вчерашнем или манипулировать ею, поддаваясь на провокации. Но судя по собственническому поведению, забывать тоже не намерен. И пускай! Теперь лишь глухому и слепому непонятно, что их отношения испытали значительные метаморфозы — как раньше не будет. Ни к чему это «как раньше». Другой вопрос, как отразится на будущем. Одинцова в любом случае встретит перемены с высоко поднятой головой.

— Маргарита Андреевна. — Когда девушка спустилась, поприветствовал выжидающий в гостиной Руслан. — Доброе утро. Чудесно выглядите. — Подмигнул.

В ответ девушка одарила его незначительным кивком. Относительно лестного комплимента имела многочисленные сомнения — после почти бессонной ночи под глазами как минимум виднелись синеватые круги. Укоренившаяся усталость не могла не повлиять на внешний облик в целом. Тут не до красоты.

Пройдясь вглубь комнаты, Рита заинтересованно глянула в сторону пустующего обеденного стола. Вместо ожидаемого сервированного завтрака, стояла аккуратная вазочка с белоснежными розами. Отсутствие Олега настораживало.

Обернувшись к Буртенко, что с видом здорового пофигима подпирал угол стены у лестницы, вопросительно вздернула бровь. На что мужчина, опуская голову, сунул руку в карман и, вытащив какую-то безделушку типа брелока, покрутил отмечая:

— Олег Вячеславович ждет Вас на улице.

— Зачем? — Одинцова нахмурилась.

Подозрения разрастались. Вряд ли вразумительные ответы возникнут прежде чем найдет Чернышевского. Но что-то останавливало сломя голову помчаться к ожидающему

мужчине. Что-то, или *кто-то*. К примеру, стоящий в паре шагов Руслан. Может, он и играет на стороне Олега, но уже завтра во второй половине дня вернуться на территорию Кирилла. И одному Богу известно, настолько хорошо Буртенко вживется в роль засланного казачка.

— Вам лучше самой об этом спросить. — Безучастно отмахнувшись, мужчина продолжал внимательно рассматривать камушек. Лишь после того, как Маргарита около минуты сверлила его любопытным взглядом, обратился к ней лицом, пояснив: — Судя по подготовленному автомобилю запланирована поездка.

— А ты? — Сложив руки на груди.

— Что я? — Впервые с любопытством, обращенным к Одинцовой.

— Тоже едешь?

— Зачем? — Удивление вспыхнуло на лице Руслана в одночасье.

— Ну как же... — Нервно сглотнув, Рита осмотрелась по сторонам. — Ты был приставлен Кириллом, чтобы следить за мной. Неужели допустишь оплошность и позволишь нам с Олегом остаться наедине?

К чему вспоминает это? Чтобы окончательно убедиться в позиции Руслана на намечающейся войне? Пожалуй.

— Маргарита Андреевна. — Серьезно взглянув в глаза девушки, Буртенко без эмоционально признался: — Вы не хуже меня понимаете — я не следил и не собираюсь этого делать. Творите там с Чернышевским, что угодно. Главное, не поубивайте друг друга, чтобы потом за обоих не пришлось нести ответственность. И вовсе не перед Рождеством.

— Боишься? — Озадаченно изогнула бровь. — Но кого?

— Скорее *за кого*. — С нажимом поправил Руслан, пряча брелок обратно в карман. — В деле, где замешано полно народу, маленькая оплошность может стоить слишком дорого. Не мне, или вам с Олегом. Это способно задеть невинных и непосвященных людей.

— В чем состоит это дело?

— С подобными вопросами тем более к Олегу. — Хмыкнув, Буря глянул на циферблат наручных часов. Постучав пальцами, поторопил: — Прошло больше намеченных двадцати минут. Чернышевский не особо приветствует непунктуальность.

— Где тебя взяли такого занудного? — Фыркнув, Одинцова смерила мужчину оценивающим взглядом, и крутанувшись на каблучках, прошагала к парадному выходу.

Олега нашла неподалеку от крыльца. Вальяжно опершись о бампер автомобиля, он пристально смотрел вдаль и курил. На вид сейчас задумчивый и серьезный. Но разве только сейчас? Чернышевский всегда был таким, а с возрастом любые черты характера усиливаются. Интересно, его утрированное и преувеличенное чувство справедливости тоже раздулось до необъятных размеров? Или преобразовалось в прямо противоположное?

Остановившись в паре шагов от мужчины, Рита, слегка склонив голову набок, невольно залюбовалась горделивым профилем. Глупо твердить, что Олег не нравится ей. Нравится. Гораздо больше чем нужно симпатизировать давнишнему знакомому. Её тянет к Чернышевскому как к мужчине. Интересному, привлекательному, жизненно необходимому.

— Опаздываешь? — Закинул голову назад, выпуская густую клубу дыма вверх, подметил.

— Каждая уважающая себя женщина должна немного опаздывать на встречу к своему мужчине.

— Своему? — Олег тотчас обернулся, ошеломленно уставившись на Маргариту.

Сразу поняла, как оговорилась. Присутствие рядом Чернышевского выбивает почву из-

под ног. Скоро перестанет думать, прежде чем что-то сказать.

— Имела в виду к дожидающемуся мужчине. — Сохраняя внешнее самообладание, поправила.

— А, ну да. — Протянул Олег, возвращая внимание сигарете. Отряхнул пепел. — Золотое правило опозданий на свидания.

— У нас разве свидание?

— Как ты хочешь? — Оттолкнувшись от капота.

Нешадно сминая окурок, сделал шаг, приближающий к Рите.

Нервно сглотнув, подумала, что неплохо узнать, догадывается ли Чернышевский, насколько неоднозначно действует на неё своим присутствием? Судя по прожигающему взгляду и хитрой ухмылке, не просто догадывается, а знает наверняка. Необходимо брать себя в руки.

— Я хотела выпить с утра кофе и немного перекусить. — Выдала с вызовом.

— Прости, малыш, если завтра планируешь вовремя вернуться к Рошину, перекусы придется отложить. — Обронил Олег и обошел Маргариту.

Отворив пассажирскую дверцу, подозвал пригласительным жестом. Подчинившись, девушка забралась в удобный салон. Но захлопнуть авто не позволила, оставив одну ножку на тротуаре:

— Куда мы поедем?

— Сюрприз. — Глядя сверху вниз на Одинцову, расплылся в пленительной улыбке.

Большого рассказывать явно не собирался. Это Рита поняла по серьезному взгляду и затянувшемуся молчанию. Сдаваться — не намерен. Равноценно ей самой. Но продолжать припираться дальше — нету смысла. Кто-то обязан уступить. Какая из неё женщина, если не готова пойти на компромисс?..

Глубоко вздохнув, Маргарита закинула ножку в салон и закрыла дверцу.

Олег, удовлетворенный удачно складывающимся исходом, последовав примеру девушки, забрался внутрь. Не говоря ни слова, завел внедорожник. Выжимая газ, сорвался с места ни разу не взглянув на Одинцову.

Сколько прошло прежде чем поняла, что молчание, затягиваясь, начинает угнетать, затруднялась сказать. Авто успело выехать за близлежащие к особняку территории. Даже виноградники, принадлежащие Жемчужине или Роце, давно позади. Неслись на огромной скорости по широкой асфальтированной трассе, имеющей междугороднее значение. Подобное положение вещей озадачивало.

— Чернышевский, не расскажешь, наконец, чего удумал? — Выглянув в окно, раздраженно уточнила. — Если решил устроить похищение вряд ли это хорошая идея. Рошин тебя из-под земли достанет.

— Ритуль. — Поглядывая на девушку. — Планируй подстроить похищение, нас давно не было не только в городе, но и в стране. — Когда Маргарита, не подобрав веского довода для возражения, отвернулась, переспросил: — Почему молчишь?

— Круто. — Упрямо поджав губы, без особого энтузиазма воскликнула. — Это хотел услышать?

— Зачем ты так, Рит?

— А как? Подробности нужны? — Нетерпеливо постучала пальчиками по бардачку. — Я восхищена твоими возможностями. Польщена отношением ко мне. В восторге от твоего умения водить людей за нос, подминать под себя и ставить на место. Не каждому дано столь

искусно играть роль, преследуя сомнительные цели. Bravo Чернышевский, тебе удастся на славу! Интересно, какими средствами переманил к себе Руслана?

— Ты действительно считаешь, что у меня была необходимость переманивать его? — Фыркнув, мужчина уставился на трассу. — Ритуль, иногда все гораздо сложнее, нежели кажется.

— У тебя нет желания поделиться?

— Давай для начала доберемся до места назначения и будешь задавать вопросы.

— Хочу знать сейчас. Вдруг твои старания напрасны и поездка в никуда совершенно ни к чему.

— Даже если скажу, что планирую исполнить твое вчерашнее желание, о котором пришлось забыть из-за моей победы? — Ловко выходя на обгон приостановившегося авто, предположил Олег.

— Ты уверен, что знаешь о моем вчерашнем желании?

Едва не задыхаясь от негодования и всячески пряча смущение, возникающее от одного упоминания вчерашнего вечера, Одинцова заставила себя максимально настроиться на бесстрастность. Сама-то с трудом понимала в чем заключается истинное желание. Что говорить о Чернышевском.

— Ты собиралась получить ответы на волнующие вопросы? — Быстрый взгляд на девушку. — Или ошибаюсь?

— Допустим. — Согласно кивнула, закусив губку. — Но с чего вдруг такая щедрость? Раз на то пошло, исполнять желания после проигрыша обязана я. Тем более вчера по ряду причин к главной части мы так и не дошли, подозреваю.

— Не переживай, в моем положении мне хватило. — Утешил насмешливо Олег.

Не зная, что думать Маргарита невольно охнула, всматриваясь в профиль мужчины. Он не просто что-то задумал, он получал удовольствие, снова и снова загоняя в тупик. Или желая выбить из неё признание что и сама не прочь продолжить?..

— Если учесть, что я мухлевал и выиграл нечестно. — Равнодушно признался Чернышевский после очередного затянувшегося молчания.

— Олег ты... ты... — Хватая воздух словно выброшенная на берег рыба. — Еще надеешься, что я тебе доверюсь? Когда умудряешься даже в мелочи обмануть!

— Я бы не считал обманом маленькое недоразумение. — Иронизировал мужчина. — Я только после скачек узнал, что Нежность не перекована. Значит, физически не могла на равных соревноваться с Ветром, когда он вырвался вперед.

— Твое незнание не делает тебе чести.

— Согласен. Оно дает оправдание и объяснение, почему Нежность настолько пуглива и не способна поддаваться контролю.

— Удивительно, что тебе хватило духу признать, что победа нечестная.

— Люблю удивлять. Поездка не исключение.

Показывая, что переливать с пустого порожнее и бесконечно обсуждать одно и то же не намерен, Чернышевский включил приемник, обращая внимание на дорогу. Найдя нужную волну, где играла задорная песня известной музыкальной группы, добавил громкости и, подставив лицо под врывающийся в приоткрытое окно прохладный ветерок, выжал педаль газа до упора.

Хмыкнув, Маргарита последовала примеру мужчины и, направив внимание на мелькающие мимо пейзажи, прикрыла глаза, наслаждаясь теплыми обеденными лучиками

солнца. Продолжить расспрос — показать насколько ей важно происходящее.

Одинцовой не терпелось разобраться в затее Олега, но стоически ожидала, когда тот соизволит открыться. Тем более пообещал ответить на парочку вопросов. Правда, искренне не понимала к чему из этого устраивать цирк и куда-то ехать. Но хозяин барин. Раз Чернышевскому так удобнее, пускай.

Недоумение по этому поводу мучило Риту недолго. Ровно до тех пор, пока автомобиль не заехал в небольшой провинциальный городок, находящийся в часе езды от поместья.

Нет, она что-то неправильно понимает! Неужели Олег настолько жестоко с ней поступит? Как додумался избрать для поры откровенностей именно то место, возвращения куда боялась больше всего на свете? Которое, хоть и располагалось совсем неподалеку от Роши, избегала возможными способами.

Здесь много чего поменялось. Яркие неоновые вывески на магазинах, билборды с пестрой рекламой на обочинах, разнообразные киоски, стеклянная застройка... Все в новинку. Но все не более чем мишура, бьющая по глазам. Улочки те же. Уж что, но память об этом городе у Одинцовой нельзя стереть ни временем, ни новыми, даже самыми экзотическими местами. Ничем. Этот городишко такой один. Здесь Маргарита родилась и выросла. Город научил её жизни. Он дал многое. Вместе с тем забрал гораздо большее. Забрал практически все. Всю её жизнь.

— Узнала? — Заметив, как девушка жадно всматривалась в проплывающие мимо панорамы, уточнил Чернышевский, выключив музыку.

— Зачем привез меня сюда? — Встрепенулась Рита с ужасом.

— Вижу, узнала. — Удовлетворенно кивнул, сворачивая к узкой улочке с односторонним движением. Той самой, что через пару кварталов выходила к старому дворику их панельного дома.

— Олег, пожалуйста, давай вернемся. — Цепляясь за его руку, умоляюще выдохнула Одинцова.

— Ритуль, ты прекрасно понимаешь, мы ехали сюда час не для того, чтобы развернуться у цели. — Тяжело вздохнув, с пониманием отметил мужчина.

Не будь Маргарита ошарашена случившимся, может, узрела, что Чернышевскому тоже мало удовольствия доставляла поездка. Но он, в отличие от неё, осознавая необходимость данного возвращения сюда спустя годы, отступить не собирался.

Свою решительность Олег окончательно подтвердил, свернув к до боли знакомому двору. Проехав к нужному подъезду, припарковался у бордюра. Заглушил мотор с ностальгией осмотрел открывшуюся местность и, обернувшись к Одинцовой, попросил:

— Идем, Рит.

— Я не пойду никуда. — Вжавшись в кожаное кресло, зажмурилась и отрицательно закивала головой.

Умом понимала — назад ходу нет, должна послушаться. Но внутри все бунтовало. Не ради этого связывается с Чернышевским, чтобы снова возвращаться в прошлое, от которого столько лет пыталась сбежать.

Плевать, что с этим домом связана немалая часть жизни. Плевать, что однажды была счастлива уже потому, что именно здесь, на ветхих скрипучих качелях, в её судьбу как спасение вошел Олег.

Помимо относительно приятных воспоминаний с этим местом связано слишком много ужаса. Здесь Маргарита впервые осознала, что совершенно не нужна родной матери. Отсюда

началась история с запиской, ведущая сквозь все круги ада к настоящей жизни. Равносильно как благословенно для неё, место было настолько и проклято.

Девушка боялась не только своей реакции на увиденное. Боялась того, что предстанет её глазам после стольких лет запустения.

— Нет, Рита. — Одинцова ощутила, как большая ладонь накрыла её руки, а успокаивающий тембр голоса возвращал спокойствие и внутреннее равновесие. — Ты прекрасно понимаешь, что это одинаково необходимо нам обоим. Чтобы жить дальше, обязаны возвратиться спустя столько лет и отпустить былое.

Теплота мужской руки так же быстро исчезла, как и появилась. Маргарита услышала легкий шорох и щелчок. Затем звук хлопнувшей дверцы со стороны Олега. Он вылез из авто. Еще минута и отворилась её дверь. Горячая ладонь снова на дрожащей коже.

— Ритуль, не бойся. Я буду рядом и никому не дам тебя в обиду. — Заклинал Чернышевский.

— Нет. — Вырвав руку, девушка спрятала лицо в ладонях. — Хочешь — иди. Я подожду здесь.

— Рит, я не хочу. Но это нужно. В первую очередь тебе.

— Я сказала — нет!

— Даже если это поможет окончательно разобраться в происходящем? Получить ответы на волнующие вопросы и сделать правильный выбор?

Медленно вникая в смысл услышанного, Маргарита опустила руки и, приоткрыв веки, повернулась к Олегу.

Присев на корточки у автомобиля, он обеспокоенно всматривался в девичье лицо глазами, полными сожаления. Ему ни капли не легче. Но он, переступая через себя, делал все ради неё.

Глубоко втянув воздух, Рита боязливо подала руку Чернышевскому. Получив одобрителный кивок, выбралась из машины со словами:

— Хорошо, пойдём. Только покончим с этим быстро.

2010 год

— Я думала, ты привез меня сюда для другого.

Не моргая, уставившись на серую гранитную плиту, Маргарита непроизвольно поправила прядку волос, назойливо ниспадающую на лицо из-за пронзающего насквозь сухого ветра.

— Для другого. — Раздался негромкий голос мужчины. — Наверное.

За спиной послышалось шуршание сухой травы и приближающиеся шаги. Мгновение и мужские руки несильно сжались на её плечах.

Невольно вздрогнув, девушка снисходительно хмыкнула.

— Но прежде тебе стоило прийти именно сюда. — Уткнувшись подбородком в девичью макушку, добавил Олег.

— Зачем? — Вздохнула Рита, вздернув плечиками, в попытке избавиться от близости мужчины.

Глаза продолжали невидяще изучать портрет довольно интересной женщины, выгравированный на надгробье. Судя по всему, новенькому.

Станным образом, но не было ни сожаления, ни слез. Одна пустота, изощренно расплзающаяся изнутри и пускающая наиболее крепкие корни в глубины сердца.

Вот, оказывается, как бывает. Вместо ожидаемого страха — полное опустошение. Вместо заброшенной комнаты в коммунальной квартире — старое почти неэксплуатируемое кладбище, неподалеку от дома, за сквером.

Поначалу Одинцова крайне удивилась, когда Олег, обойдя стороной необходимый подъезд, потянул в сторону арок. Не задавая лишних вопросов, молчаливо шла следом. Девушка, вообще куда больше желала поскорее вернуться в дом Чернышевского, а не искать новые и новые зацепки минувших дней. Каково было удивление стоило очутиться у ветхих, поскрипывающих без смазки кованых ворот, надпись на табличке которых гласила — «*Міський цвинтар*».

Сколько в свое время по переезду в коммуналку, Рита боялась и обходила стороной это место. Сколько избегала после того, как стало к кому ходить, помимо покойной бабушки по материнской линии. Теперь по иронии судьбы, возвращаясь к истокам, Чернышевский первым делом потянул именно сюда. Хотела или нет не спрашивал. Снова поставил перед фактом, заявив, что так надо. Маргарита сомневалась в верности утверждения, но что поделать — раз дала слово, нужно сдерживать обещания.

Рассматривая изображение женщины вроде знакомой, известной ей, одновременно такой чужой и далекой, не понимала, как реагировать. Плакать? Но она не плакала даже на похоронах. О каких слезах может идти речь, спустя столько лет?

Наверное, Одинцова чрезмерно черствая, раз не смогла в подходящий момент ощутить горечь потери. Да и теряла ли? Отдаление этой женщины пережила в раннем детстве с уходом отца. Когда она, взамен того, чтобы воспитывать и заниматься родной дочерью, выбрала более близкую и понятную бутылку водки и сомнительную компанию. Формально родная мать, а в реальности совершенно чужой человек.

Рита, помнящая её в регулярном пьяном угаре, растрепанную, в грязной, засаленной одежде и с большими синими кругами под глазами, по-доброму завидовала детям, которым

составляло огромных трудностей заставить матерей дома, без фартука и чего-нибудь вкусненького перекусить. И глядя на лик, с трудом узнавала ту самую женщину, которую помнила с детства.

Молодая, красивая, с правильными чертами лица и слегка вьющимися, ниспадающими на плечи, темными волосами. Такая живая, искрящаяся, словно вот-вот сойдет с гранита. Добрые чистые глаза, легкая улыбка... Знакомая незнакомка. Лишь подпись внизу принуждала поверить — это один и тот же человек.

Одинцова Мария Семеновна.

После ухода отца, она так и не сменила фамилию на девичью. Порой, во время просветлений от алкогольной зависимости, Рите казалось, что, спустя многие годы, продолжала искренне любить и ждать возвращения мужа.

17.08.1964-21.08.1997.

Надо же — такая молодая. Ушедшая из жизни чуть старше теперешней Маргариты и ровесницей нынешнего Олега. Ранее девушка никогда об этом не задумывалась. Ранее, как бы кощунственно ни звучало, преждевременный уход матери казался наиболее верным и правильным выходом из сложившейся ситуации.

Одинцова хорошо помнила тот год. Ситуация становилась несноснее. Если Мария и прежде категорически отказывалась воспринимать родную дочь, в то время осознанно или нет, делала все, чтобы сжить Риту со свету. Последний день рождения матери сохранила в памяти навсегда.

Середина августа. Стояла изнывающая, плавящая мозг, жара. Маргарита, памятуя о празднике родительницы и надеясь, что та останется трезвой, спешила домой с поздравлениями. Специально пошла пораньше в магазин, чтобы на припрятанные деньги купить праздничный торт и цветы. Изящные и нежные маргаритки. Девушка отчего-то была уверена, что они являются любимыми цветами матери. Да и самой нравились крохотными пестрыми бутонами.

Одинцова намеревалась не просто сделать приятное непутевой матери, в очередной раз попытаться достучаться до разума. Надеялась. До последнего. До того самого момента, как переступила порог комнатухи и не увидела мать... нет, ни пьяной. Хотя наверняка женщина планировала напиться после. И, скорее всего, позже осуществила задуманное. Но когда Рита с идиотской улыбкой, тортом и цветами в руках вошла в квартиру, Мария, уместившаяся на диване с ногами, торопливо перебирала какие-то безделушки в маленькой деревянной шкатулке...

1997 год

— Мамуль, с Днем Рождения. — Неловко замаявшись на пороге, пролепетала девушка, едва успев разглядеть чем занята мать.

— Ты? — Трусливо обернувшись, женщина, до этого сидящая к двери спиной, стала быстро складывать предметы в шкатулку.

— Ой, а что это у тебя? — Любопытство взяло верх и Маргарита, не замечая сомнительного настроения матери, бросилась к дивану, на ходу ставя торт на стол.

— Не твое дело! — Сказала, как отрезала. Запихав последнее фото, спешно закрыла

шкатулку.

Наверное, Рите уже тогда стоило отступить и не лезть не в свое дело, но планировала превратить этот день в день откровений. Очень надеялась, что мать откликнется на пожелание и поможет в этом. Потому, углядев небольшой снимок, очевидно, выпавший в спешке из ларчика, с любопытством бросилась к нему, хватая фотографию.

Там был изображен молодой, весьма симпатичный и интересный мужчина. Но подробнее рассмотреть девочка не успела. Реакция Марии не заставила себя долго ждать — резко выхватив фото и пряча за спину, со злостью шикнула:

— Чего ты постоянно суешь нос не в свои дела? Я сказала — не лезь, значит — не лезь!

— Это ведь папа, да? — Маргарита норовила заглянуть за спину женщины.

Стоило подчиниться неприятному предчувствию. Стоило замолчать. Но ей безумно хотелось узнать о своем отце хоть что-то. Обычно из матери и слова не вытянуть. Все отмахивалась и вторила, какой Андрей плохой. А о том, чтобы увидеть фото, не шло и речи. Ежели что и сохранилось после переезда со старой квартиры, то тщательно пряталось.

— Папа-папа. — Скривившись, передразнила Мария, прижимая шкатулку к груди. — Тебе какая разница? Где он сейчас, этот твой папа? Когда мы с голоду умираем, ютимся в этом клоповнике. — Взметнув руками и заметавшись по комнатке, прикрикнула: — Сбежал твой папа! Потому что ему начхать на нас! У него новая жизнь, семья, чего там еще?! А мы прозябаем в нищете! Даже квартиры нормальной нет!..

— Мам, но квартиру ты ведь сама... — Выпала прежде, чем подумала.

— Что? — Застыв напротив Риты, женщина пренебрежительно поморщилась. — Значит, я? Ах ты неблагодарная!.. — Ухватив дочь за предплечье, с силой встряхнула. Отобрав букетик, швырнула прямо в лицо: — Грязное отродье!

— Мама прекрати! — Вырываясь, сопротивлялась девочка.

Но женщина сотрясала её, пытаясь вытащить из комнаты.

— Зачем ты так?.. — Отчаянно цепляясь за столешницу, — Я ведь просто думала...

— Думала она! — Дернула за шиворот Мария.

Не в состоянии воспротивиться, Маргарита отцепилась от стола. Отчаяние и слезы готовились в любую минуту вырваться наружу, обнажив слабость и страх перед матерью. Но не собиралась этого допускать, продолжая безнадежно сжимать кулачками потертую скатерть.

Какие-то мгновения и вместе со сползающей скатеркой со стола рухнул на пол, купленный на последние деньги, торт. Мать, чертыхнувшись, сильнее потянула дочь к двери, на ходу приговаривая:

— Посмотрите на неё! Совсем мать не уважает! Если такая умная — вали к своему папашке! То-то он обрадуется привалившему «счастью»!

Зажмурившись, Рита брыкалась, но силы изначально были не равны. Мария, хоть с виду стройная женщина, имела тяжелую руку. И при всем осознании, что мать не самая лучшая на свете, Маргарита никогда не могла отбиться, всякий раз позволяя делать с собой, что вздумается. Хотя раньше женщина не усугубляла ситуацию до такой крайности.

— Так и знала — не выйдет с тебя толку! — Трепанув за волосы, женщина выволокла дочь в подъезд. — Когда папаня твой от тебя отказался, стоило сразу отдавать в детдом и поделом!

Рита слабо понимала, как мать вытянула её из подъезда на улицу, за что так яростно дергала и пинала. Зато, оказавшись во дворе, вся в слезах, дрожащая от ужаса перед

собственной матерью и позора перед людьми, ставшими свидетелями неприятной картины, не смогла удержаться, чтобы не высказаться:

— Папа ушел от тебя и правильно сделал! Я тоже уй...

Остаток слова утонул в писке, когда Мария, замахнувшись, залепила девочке пощечину, оставляющую жгучий след на щеке. Но и на этом, кажется, останавливаться не собиралась. Снова хватая за волосы, потянула на себя и резко отпустила, позволяя безвольно упасть на тротуар, больно сдирая колени и локти. Затем, кажется, мать хотела ударить еще, но...

— Рита! — Обеспокоенный возглас друга вернул силы сопротивляться. — Мария Семеновна, что творите, мать Вашу?!

С трудом подведя взгляд сквозь спутавшиеся волосы, запрокинутые на лицо, Маргарита за пеленой слез разглядела как Олег, бросившись на помощь, оттащивал от неё родную, кишащую злобой, мать.

Полностью игнорируя возмущения и упреки, Чернышевский, затолкав Марию обратно в подъезд, бросился к Ритке. Подав руку, помог подняться из земли.

Наверное, вид у девушки был еще тот. Потому как Олег, расширив от ужаса глаза, несколько мановений, не моргая, смотрел в упор. После чего неожиданно прижав к груди, поглаживая успокаивающе по спине, прошептал у виска:

— Не плачь, малыш, все будет хорошо. — Глотая ставший в горле комок. — Идем, поживешь пока у нас...

Тот день стал началом конца. Для матери Маргариты.

В тот день Мария впервые едва не избилась родную дочь будучи в трезвом состоянии.

Девушка, напуганная до смерти, не могла не согласиться с предложением Олега и на несколько дней просто ушла из дома к бабушке и дедушке друга. Ровно через три дня, чувствуя себя неудобно от злоупотребления добротой людей, относящихся к ней, как к родной, Одинцова решила вернуться домой. Для начала посмотреть, как мать.

...Она обнаружила Марию бездыханной на диване. В обнимку с той самой старой фотографией мужчины. Рядом на полу валялся пустой пузырек из-под снотворного и едва начатая бутылка водки.

Рита не плакала, нет. Не сожалела и не убивалась от горя. Наверное, подсознательно давно ожидала чего-то подобного, прекрасно понимая — иного конца матери не видать. Более того, даже на похоронах продолжала копить в себе обиду, считая, что во всем случившемся с их семьей, в частности самой собой, виновата только Мария. Вероятно, так бывает, когда приходишь к выводу, что для определенного человека был и остался до конца никем.

Вот и все. Этим закончилась книга жизни для Марии и оборвалась очередная глава жизненного пути Маргариты...

2010 год

Прикрыв глаза, Одинцова осторожно высвободилась из цепкого захвата Олега. Нервно сглотнув, шагнула к могиле. Остановилась. Сделала глубокий вдох. Выдох. Опустилась на корточки рядом с надгробьем. Едва касаясь, провела кистью руки, сметая с плиты сухие пожелтевшие листики. Все еще не в силах отвести глаз от портрета.

Виновата?.. Только ли одна Мария?..

— Тебе нужно отпустить обиду на неё. — Прозвучал тихий ответ на давно заданный вопрос, когда Рита не надеялась услышать. — Так будет легче смириться со многим, позволить себе жить дальше.

— Знаешь, Олег. — На секунды задумалась. — Сейчас смотрю на неё и понимаю, что все. Давно отпустила. Будучи в Инанне. Может, она и виновата в чем-то, но ответственность за её смерть несу я сама.

— Нет, Рит. — Присев рядом, отрицательно закивал Чернышевский. — Ты совершенно ни при чём. Просто такая судьба.

— Нет, Олег, я... — Закусив губу, повернулась к мужчине. — Обязана была предотвратить это. Помочь избавиться от губительной зависимости. Но я ровным счетом ничего не делала.

— Рит, ты была ребенком. Что ты могла сделать? Это ей стоило в первую очередь сконцентрироваться на собственной дочери, а не убиваться из-за ухода мужа, заглушая боль спиртным.

— Не знаю. Хоть что-нибудь. — Поймав немой вопрос Чернышевского, неуверенно уточнила: — Последний раз, когда тут была... До того, как все случилось, здесь стоял простой крест. Это ты поставил памятник?

— Можно сказать. — Выдерживая пронизательный девичий взгляд, уклончиво вздохнул Олег.

— Хорошо. — На секунды опустила веки. — Красивый.

Не глядя на надгробье, спешно поднялась. Оборачиваясь по сторонам, беззаботно поинтересовалась:

— Я отпустила обиду. Здесь все?

— Я еще хотел зайти на могилы к бабушке и дедушке. — Поднявшись следом, виновато пробормотал мужчина.

— А они?.. — Обернувшись к Чернышевскому, резче чем следовало, воскликнула Маргарита. Утопив слова в хмуром и настороженном взоре: — Давно?

— Давно. — Прикрыв на миг глаза вместо кивка, признался Чернышевский.

Ответом последовало растерянное молчание.

Одинцова в очередной раз, находясь с этим мужчиной, не знала, что сказать. Выразить сочувствие, соболезнования?

Нет, сожаления последнее, в чем нуждается Олег. Он смирился, давно. Маргарита чувствовала. Любые попытки о чем-либо напомнить станут равносильны ударам ножей в спину. Эта частичка прошлого слишком сокровенна, чтобы вторгаться в неё нелепыми заезженными фразами. Они оба и так переживали и говорить вслух совсем необязательно.

— Если устала и против, можем сделать это как-нибудь в другой раз и... — Начал было ретироваться Чернышевский.

— Нет, сегодня! — Торопливо оборвала и, мягко улыбнувшись, предусмотрительно пояснила: — Я сама очень их хочу навестить. А тебе это особенно необходимо.

Олег, не говоря ни слова, кивком головы указал куда стоит идти.

...Антонина Романовна и Иван Степанович, в отличие от матери Маргариты, оказались похоронены неподалеку от входа на кладбище, ближе к используемой части. Но, как и у Марии, заметно, что памятники поставлены недавно. С одной лишь разницей: вместо серого гранита черный мрамор и взамен выгравированных портретов строгие цветы и подписи с

именами и датами.

Глядя на надгробия Рита с трудом верила, что тут покоятся бабушка и дед Олега. Они всегда были так добры к ней. Всегда принимали, как родную. Находиться здесь становилось больно. Пустота, переполняющая десяток минут назад, словно взорвавшись, выпорхнула наружу. Нынче девушка, действительно, сожалела. Боль потери глубоко въедалась под кожу. Вряд ли менее сильной, чем у Олега. Глупо было надеяться, что старички смогут дожить до этого времени, но никогда ранее за последние годы не предполагала, что их давным-давно нет в живых.

Вздыхнув, Одинцова украдкой перевела взгляд с могильной плиты на мужчину, стоящего в десятке сантиметров от неё.

Чернышевский, упрямо поджав губы, хмуро созерцал место упокоения своих близких. С виду могло показаться, что он полностью отрешен и витая в облаках, совершенно не взволнован увиденным. Но Маргарита подсознательно ощущала его внимательность и сосредоточенность. Будто глазами пытался воскресить дорогих сердцу людей. А еще прошлое, в котором были живы не только они, но и спокойная, относительно беззаботная жизнь.

Что испытывала в этот момент Рита? Окунаясь в неподвластные контролю чувства, позволила себе поймать в воздухе ладонь Олега. Первое прикосновение и мужчина, словно ударенный разрядом тока, попробовал отстраниться. Но сразу сообразив в чем дело, сам с силой сжал девичью ладошку, переплетая пальцы.

— Спасибо. — Повернув лицо к девушке, Чернышевский слабо улыбнулся, пытаясь крепче стиснуть её руку. Словно боялся отпустить. Будто отпустив сейчас, упустит навсегда.

— Они были мне не чужие.

Кусая губы, не давая одинокой слезинке выскользнув из века, скатиться по щеке, Маргарита отвернулась к холодному мрамору. Глаза непроизвольно вцепились в дату смерти Антонины Романовны. Затем Ивана Степановича, возвращаясь обратно. Так несколько раз, прежде чем осмыслила увиденное.

— Они умерли, когда?.. — Опасаясь озвучить вопрос до конца, девушка пытливо взглянула на Олега.

Больше ничего не стоило говорить. Так все понял.

— Когда меня посадили в тюрьму. — Глухо отозвался.

Одинцова опять обратила внимание на могилы, сравнивая даты. Антонина Романовна — декабрь 1998-го, а Иван Степанович — январь 1999-го. Чуть меньше месяца разницы между уходами из мира живых.

— Бабушка — едва меня забрали в СИЗО слегла. — Не дожидаясь дальнейших расспросов, поведал Чернышевский. — Сама знаешь, она часто болела. Несколько недель дед пытался её выхаживать, но бесполезно. Он и так мотался от неё ко мне, надеясь помочь. Бабушка умерла накануне Нового года, после суда, так и не смирившись, что её внука признали убийцей.

— Но ты не убийца! — С отчаянием перебила Маргарита, дернув мужчину за руку.

— Тогда все считали иначе. — Пожав плечами, отмахнулся Олег. — Я на месте, пистолет с уликами. Я единственный подозреваемый. Им необходимо было кого-то упечь в тюрьму. Вернее, им необходимо было упечь в тюрьму *меня*.

— Какой кошмар. — Прикрыв рот ладошкой, ощущая неприятный привкус горечи на языке, выдохнула девушка. — А Иван Степанович?

— Деду удалось пережить баб Тоню совсем немного. Он дал обещание перед её смертью, что будет держаться, сделает все возможное, чтобы вытащить меня, но не выдержал. Просто заснул и не проснулся. — Повернувшись к Рите, зажмурился; сжимая переносицу пальцами: — Я даже не смог с ним попрощаться. Их хоронили чужие люди из-за родного внука. А он в это время мотал срок в колонии.

— Ты себя винишь за это?

— А сама как думаешь?.. — Ожесточившись, вопросом на вопрос отмахнулся мужчина.

— Олег. — Заглядывая в лицо мужчины, тихо позвала Одинцова, мысленно подводя итог своему вопросу. — Как там было?..

— Где? — Открыв глаза, уточнил Чернышевский. — В тюрьме? — Ответом последовал утвердительный кивок. Олег, снисходительно хмыкнув, заметил: — Там совершенно иная жизнь, Рит. Другие законы и нравы. Но знаешь, убеждения и принципы, как всюду — бороться до последнего, чтобы выжить. Это тяжело. Но пока тяжело, значит, есть к чему рваться. Значит, впереди еще есть пути к окончательной цели...

— ...Значит, впереди целая жизнь. — Закончила за мужчину Маргарита, вспоминая некогда услышанные от него слова. — Впереди свобода и истинное счастье. Помнишь, как учил меня? — Сжимая руку мужчины, робко улыбнулась. — Ты был хорошим учителем.

— И к чему ты стремилась? — Серьезно поинтересовался Олег.

— Ответ в твоих словах. В этом мы с тобой похожи. Все годы, находясь в Инанне, я желала одного — свободы.

— А как же истинное счастье? — Всматриваясь в лицо девушки, не унимал расспросов Чернышевский.

— После всего что было слишком большая роскошь вдобавок к свободе требовать счастья.

— Хочешь сказать, свободу получила?

— Не знаю. — Нахмурившись, чистосердечно выдала Рита.

Несколько мгновений так и стояли, пытливо рассматривая друг друга, словно пытаются получить полноценные ответы на множество обоюдных вопросов.

Не нужно быть прорицателями, чтобы понять — стремление обоих так и осталось стремлением. Маргарита, освободившись из Инанны и став свободной физически, морально так и не вырвалась из заточающей клетки. А Олег... Выход из тюрьмы — первоначальный шаг к свободе. Было еще что-то, сдерживающее и связывающее мужчину обязательствами. Знать наверняка девушка не могла, но чувствовала. Видела в его взгляде.

— Пойдем. — Первым опомнился Чернышевский.

— Да, конечно. — Торопливо опуская голову, закивала Одинцова.

Готовилась последовать за Олегом, но что-то остановило после пары шагов, вынуждая вырывать ладонь. Быть может, она скажет очередную глупость, но могила матери и старичков Олега не единственное место, которое желала навестить. Есть еще кое-кто, о ком по неведомой самой себе причине, кажется, давно позабыла за прошедшие годы.

— Что-то еще? — Удивленно обернувшись, поинтересовался мужчина.

— Олег, а... — Боясь увидеть осуждение, зажмурившись, выпалила: — Пашка похоронен здесь? Хочу зайти и к нему тоже.

— Нет, Рит, извини. — На удивление спокойно отреагировал Чернышевский. — Не получится. Его нет в этом месте.

— Как нет? — Распахнув веки, возмутилась Одинцова. — Его похоронили на другом

кладбище?

— Можно сказать. — Отмахнулся Олег, отворачиваясь.

Он явно не собирался обсуждать эту тему. Еще, более чем вероятно знал гораздо больше, чем планировал рассказывать. Что ж, пока Маргарита позволит уйти от разговора. Но только сейчас. До тех пор, пока не окажутся в более благосклонном и подходящем для откровенностей месте. Для начала необходимо посетить еще несколько судьбоносных мест...

Первоначальная готовность отправится в старую коммунальную комнатку, была сразу отмечена Олегом. Еще задолго до поездки мужчине удалось выяснить, что коммуналки как таковой давно нет. Уже лет десять как комнатку Риты отобрало государство в связи с задолженностями по квартплате и исчезновением прямого владельца. Еще через несколько лет помещение вместе с остальными комнатами было выкуплено физическим лицом и успешно переделано под элитную квартиру. Естественно, от того, что было ранее, не осталось и следа.

Проситься смотреть у хозяина, настолько все изменилось, Одинцова категорически отказалась. Не горела желанием и не могла сказать, что сильно разочаровалась этой весте. С кладбища впечатлений хватило.

Потому следующим пунктом по плану стал поход в квартиру стариков Олега. Туда, как ни странно, Ритке не терпелось поскорее попасть. Чего исходя из хмурого выражения лица Чернышевского, когда поднимались на нужный этаж, нельзя сказать о нём. И чем ближе подбирались к цели, тем больше мрачнело выражение лица мужчины. Когда торопливо попытлся попасть ключом в замочную скважину, Одинцова вовсе пожалела, что настояла на возвращении сюда. Но отступить слишком поздно.

— Здесь совсем ничего не изменилось. — Едва переступив порог, с ностальгией пробормотала Маргарита осматриваясь.

— Да. — Положив ключи на трюмо, согласился Олег. Проходя вглубь зала, признался: — За прошедшие годы я так и не решился возвратиться... — Замявшись, обернулся на Риту. — Один.

Становилось понятно, откуда его смятение.

— Знаешь, — Проходя следом, девушка провела пальчиками по столику, оставляя после себя разводы на толстом слое пыли. — Я тоже никогда не решилась прийти сюда, если бы ни ты. Ни на кладбище, ни домой. Хотя, домой, я так и не рискнула...

— Жаль, что в твою комнатку не смогли попасть.

Остановившись у старого буфета, где стояло несколько запыленных в рамках снимков, Олег бережно вытащил один. Встряхнув пыль, всмотрелся в фото, изображающее молодого мужчину и женщину с маленьким мальчиком на руках. Слабо улыбнувшись, развернулся к стоящей на пороге гостиней Маргарите и стыдливо проронил:

— Я планировал, что этот день поможет тебе справиться с прошлым и понять настоящее. Лучше разобраться во мне. Находясь тут осознал, что сам оказался не так готов к увиденному в месте, где вырос.

— Наверное, это нормально, когда возвращаешься назад. — Нервно сглотнув, девушка подошла ближе к Чернышевскому. — У меня примерно такое ощущение. Потому хорошо, что у коммуналки другой владелец. Я не знаю, как среагировала, увидь все, как ранее.

— Еще скажи — что ни делается к лучшему?

Фыркнув, Олег собрался поставить снимок обратно в буфет. Но Маргарита, осторожно

забирая из рук мужчины, утвердительно кивнула:

— В данной ситуации, пожалуй. Прошлое имеет свойство действовать разрушительно. — Улыбнувшись при виде озорного мальчика на фото, Одинцова легонько провела по нему большим пальцем. — Ты был забавным в детстве. — Поднимая глаза на мужчину.

Похоже, Олег не разделял энтузиазма по поводу своих фотокарточек. Хмуро взирая на Маргариту, серьезно отметил:

— Если в прошлое не вернуться и не отпустить, оно всегда будет воздействовать разрушительно, убивая изнутри.

— Поэтому ты решил помочь мне приездом сюда? — Ставя рамку к остальным. — Не самая гениальная твоя идея.

— Может быть. — Сунув руки в карманы, Чернышевский прошелся по комнате, оценивая масштабность малейших перемен.

— Кажется, по пути сюда ты обещал, что ностальгия по былому не главная твоя цель. — Присев на уголок дивана, Маргарита проводила взглядом Олега.

— Хочешь получить ответы? — Остановившись напротив, догадался мужчина. — Спрашивай. Я готов почти ко всему.

— Хорошо. — Утвердительно кивнув, девушка сделала вид, что ни капли не удивилась прямолинейности и готовности к откровению со стороны Чернышевского. На языке вертелись десятки вопросов, но вместо того, чтобы озвучить хоть один из них, подхватила с вызовом потребовав: — Но прежде чем я кое-что спрошу, давай до конца испытаем твой способ борьбы с прошлым.

— Что имеешь в виду? — Насторожился Олег. — Не хочешь ли ты сказать, что намерена?..

— Почему нет? — Торопливо перебив, Рита иронично ухмыльнулась. — Разве мы приехали не для этого?

— Мне кажется, тебе на сегодня предостаточно потрясений. — Выдержав короткую паузу, вздохнул мужчина.

— Олег, если остались хотя бы руины, пойдем на заброшенный завод. — Настаивала Маргарита. — Туда, где все случилось.

— Скажи, к чему это?

Чернышевский явно не ожидал столь смелого предложения. Одинцова сама от себя не ожидала. *К чему?* Хороший вопрос. *Это* казалось важным и необходимым.

Мало вернуться, прийти на кладбище и попытаться отпустить обиды на мать. Отсюда только половина её проблем. Большая часть сосредоточена именно на заводе, где все случилось. Где впервые узнала об истинной натуре Павла. Хотя нет, так ведь до конца и не узнала, но избавилась от иллюзий. Где впервые заглянула в глаза опасности. Где её жизнь разделилась на «до» и «после». Быть может, взглянув на ситуацию нынешними глазами, сможет что-то понять для себя...

— И чаю не выпьем? — Не получив ответа, слабо улыбнувшись, уточнил Олег. — Давай посидим здесь, пообщаемся. Обо всем на свете. На кухне, как раньше, а?

— Как раньше говоришь? — Предложение звучало очень заманчиво, Риту так и подмывало согласиться, но одновременно осознавала, что со стороны мужчины — это лишь попытка отвлечь от дурных мыслей. К тому же... — Олег, без твоих стариков и коронных пирожков баб Тони, как раньше точно не будет.

— Но ты хотела перекусить. — Не унимался Чернышевский. — Давай сбегая е булочную. Конечно, не бабушкины фирменные, но на крайний случай утолить голод поможет.

— Олег. — Хватая мужчину за руку, когда тот двинул в прихожую, позвала: — Не стоит беспокоиться.

— Рит, мне несложно. — Возразил, обернувшись к девушке вполоборота.

— Олег. — Умоляюще заглянув в небесные глаза, протянула Маргарита. — Я тебя прошу, давай съездим на завод.

— Хорошо. — Несильно сжав ладонь Одинцовой, утвердительно кивнул и без лишних слов потянул к выходу.

Пожалела ли Рита о спонтанном решении, пока добирались до места назначения? Вряд ли. Она не испытывала столь яркого недоумения, какое ощущала еще не зная, что на сегодня задумал мужчина. Даже не возникало отчаянного страха перед неизвестностью, мучившего в прошлом во время попытки отыскать Пашку и помочь. Напротив, девушке было на удивление спокойно и легко.

Может, действительно, теория Чернышевского об отпущении прошлого действенна? Или гораздо проще и спокойнее как раз потому, что возвращается на завод не одна? Теперь рядом Олег, который ни за что не допустит беды. И в прошлый раз не допустил, успеи найти её чуточку раньше...

Разобраться и постичь в чем причина Маргарита смогла лишь после короткого молчаливого пути, занявшего не более десяти минут. Или казалось, что разобралась? Ступая по разбитым кирпичам к месту, где совсем недавно и в то же время словно в иной жизни стояло старое заброшенное здание танкового завода, Одинцова, жмурясь и закусывая губы, стискивала большую ладонь Олега. Навязчивая мысль что, если отпустит, снова останется одна, потеряет близкого человека, в этот раз навсегда, пронзала сознание.

— Рит, ты в порядке? — Оглянувшись, забеспокоился Чернышевский, когда девушка, споткнувшись, чуть не упала, но была остановлена мертвецким захватом мужской руки. — Может, хватит на сегодня?

Не удержавшись, Олег приблизился к Маргарите и осторожно тронул пальцами щеки, заставляя взглянуть на себя. От неожиданно-нежного прикосновения, девушка затаила дыхание, с восхищением заглядывая в бездонные омуты понимающих глаз.

Нет, определенно, рядом с этим мужчиной ничего не страшно. Совсем неважно, какие конечные цели преследует. Чернышевский не предаст. Никогда не предавал. От него всегда веяло и продолжает веять безопасностью. Давно не ощущала себя с кем-то настолько защищенной. И это ощущение оно... Пугало.

— Нет, Олег, я не отступлю. — Отрицательно закивав, Одинцова спешно отстранилась. Вырывая руку, бросилась вперед, окликнув на ходу: — Подожди пока тут.

Сквозь подошву тоненьких балеток в ступни неприятно врезались мелкие камушки. Перед глазами вместо запущенного, но относительно целого здания, ныне находилась практически сплошная груда камней. Лишь кое-где высотными маяками проглядывались железобетонные колонны и остатки полностью не упавших стен. Крыша давно прогнила и завалилась. Сейчас трудно и сообразить, где конкретно находилась та самая мастерская. Ну и черт с ней. С необратимыми изменениями упадничество атмосферы пробирало до мозга костей.

Удивительно, как чиновники или кто там отвечает за все, могли довести постройку до

столь страшного запустения. Это, конечно, далеко не центр города, ближе к окраине, но довольно неплохое местечко для строительства если не нового завода, то какого-то популярно нынче мегамаркета или развлекательного центра.

Осмотревшись, цепляя взглядом оставшегося стоять позади Чернышевского, Маргарита сделала пару шагов к одной из уцелевших колонн.

Кажется, где-то тут. Может, не совсем то место, но очень похожее. Здесь и пахло, как прежде. Веяло сыростью, мрачностью и прозябшим холодом. Всеми предвестниками и спутниками кровавой, страшной и неизбежной смерти. Осознание этого заставило сердце быстрее забиться в груди, учащая дыхание. Паника волной накрывала с ног до головы. А еще отчаянное желание вернуться. Чем скорее, тем лучше. Но нельзя. Не должна отступать. Необходимо вновь пережить все это, чтобы освободиться. Она обязана.

Глубоко втянув воздух, Рита с силой сжала кулачки и зажмурилась. Перед глазами мгновенно замелькали картинки прошлого.

Связанный, посреди разбавленного тьмой помещения, Пашка. Огромные верзилы, стремящиеся всеми правдами и неправдами выбить из того сомнительное признание.

Нелепые попытки освободиться. Рывок. Еще один. Удар...

Девушка затаила дыхание, с отчаянием качнув головой. Хотела поскорее избавиться от нахлынувшего наваждения, но не могла. Слишком рано. Впереди главное и ужасающее.

Там Пашка. Желание протянуть руку помощи ценой собственной жизни. Во что бы то ни стало.

Вместе с этим звон упавшей арматуры, отразившийся в ушах...

Прижав один кулачек к груди, чтобы хоть как-то унять беспокойный стук сердца, Одинцова прошла дальше.

Оставалось совсем немного. Еще маленький шажочек и она угадывает позади себя чье-то присутствие.

Легкие почти невесомые шаги...

Остановившись, Маргарита едва слышно вздыхает. Шорох камушков, приближаясь, вот-вот возвратит в реальность. Но еще рано. Слишком рано.

Она почти осязаемо чувствует, как мужская рука, прикрыв рот, оберегает от роковой ошибки. Останавливает в сантиметрах от главной цели.

Один миг и приглушенный выстрел, заставляющий вздрогнуть...

— Рита, прекрати.

Шаги позади совсем близко. Девушка, хватаясь руками за голову, продолжает отступать. Перед глазами одна за другой сменяются фразы, непонятные слова, смешиваясь в неразличимый хоровод мыслей.

Олег что-то недоговаривает. Но настоятельно убеждает бежать.

Попытка уйти незамеченными...

Девушка ускоряет шаг, едва не спотыкаясь.

— Ритуль, это не выход...

Позади шорох. Спустя секунды истошный возглас...

— Нет! — Замотав головой, Одинцова спешит вперед еще быстрее. — Олег, пожалуйста, не оставляй меня снова...

Она должна помочь Олегу. Она должна спасти. Остается совсем немного. Но...

Понимает, что опять не успевает. Даже в своем воспаленном воображении. Как тогда, все происходит стремительно. Из-за не способной уберечь единственного человека,

которому всегда оставалось до неё дело.

Она должна. Еще каких-то пару шагов и... Выстрел? Нет, она не допустит, чтобы история повторилась! Только не выстрел!..

— Олег! — Широко распахнув глаза, с ужасом воскликнула девушка оборачиваясь.

Одновременно, будто спасаясь, оказывается крепко прижатой к твердой мужской груди. Сердце вот-вот выпрыгнет. Дыхание учащаясь, попросту не позволяет ухватить живительные глотки воздуха.

— Тише, девочка, тише. — Успокаивающе поглаживая спину и волосы, умиротворенно прошептал у виска Маргариты Чернышевский. — Все будет хорошо.

— Олег? — Уточнила, как-то неверующе поднимая глаза на мужчину.

Олег. Такой хмурый и встревоженный. Обеспокоенный. Из-за неё.

— Я рядом, Ритуль. — Закрывая лицо в кольцо рук, убедительно отметил: — Я теперь всегда рядом.

Да, в этот раз именно так и будет. Маргарита верила — Олег не отпустит. Олег всегда будет с ней. Возле него ничего не страшно.

— Знаю. — Согласно кивнув, Одинцова, словно жажда подтверждения, обхватила мужчину за талию и прижалась сильнее.

Сколько времени так простояли, не могла точно сказать. Но эти мгновения были самыми невероятными. Такими важными и сближающими. Напрочь забыла обо всем на свете. Прошлом, настоящем. Была она, Рита, и этот верный и преданный мужчина. Лишь ей одной.

Столько времени Одинцова боялась довериться Олегу, но стоило тому оказаться близко в тот момент, когда страхи готовились поглотить до конца, поняла — с Чернышевским ничего не страшно. У него есть удивительная способность подавлять любые опасения Маргариты одним присутствием. Плевать, что между ними еще множество тайн. Олег расскажет обо всем. Теперь точно знает.

Она сейчас же попросит мужчину рассказать хоть о чем-то. Неважно, о чем. Главное, стать к нему ближе, понятнее.

— Олег, тогда на кладбище ты сказал, что тебя посадили в тюрьму потому что им было необходимо. — Слегка отстранившись, предусмотрительно поинтересовалась Рита. — Кому *им*? И зачем? Ведь дураку понятно — ты не убивал Пашку. Это все эти... — Запнувшись, передернулась.

— Рит, не знаешь, как делается в нашей стране? — Выдавлив подобие улыбки, Чернышевский поправил торчащие пряди волос девушки. — Абы посадить. Чтоб не путались под ногами, а дело не висело в воздухе.

— Да, конечно. Пистолет с отпечатками. Ты готовенький на месте преступления. Труп Пашки...

— А был ли труп, Рит? — Не давая закончить серьезно спросил мужчина.

— Что имеешь в виду? — Настороженно выдохнула Одинцова. — Как это «*был ли*»? Если ты сидел за убийство Пашки, значит, должен быть труп. Все элементарно. Нет трупа — нет состава преступления. В таком случае они не имели права на тебя ничего повесить.

— Ты где набралась заумных слов? — Усмехнулся Чернышевский. — Сериалов о ментах посмотрелась? Или увлеклась Уголовным кодексом?

— Все гораздо проще. Я когда-то дружила с парнем, который учился в МВД. — Передразнила девушка.

— Тогда, наверное, слышала о таком понятии, как инсценированное убийство? — Разомкнув объятия, Чернышевский отступил, растирая пальцами виски.

— Что за бред? — Около минуты наблюдая за действиями мужчины, который вытаскивал из кармана пачку сигарет, собрался затаиться. — Олег, если решил пошутить, это ни капли не смешно.

— И не собирался. — Прикрывая рукой зажатую в зубах сигарету от ветра, щелкнул зажигалкой. — Не было трупа. Понимаешь, Рит? — Мимолетно взглянул на девушку. — Никогда.

— Именно поэтому ты отказался идти на его могилу? Потому что её, вообще, нет?

Одинцовой привиделось, будто земля уходит из-под ног. Она привыкла ко многому. Ожидала всякого, особенно после загадочного воскрешения Чернышевского. Но то что было ранее, оказалось ничем по сравнению с услышанным.

— Кто знает. — Выдохнув облачко дыма, отмахнулся Олег. — Все может быть.

— Он жив? — Поджавшись, с придыханием предположила.

— Это имеет для тебя значение? — Помрачнев, мужчина раздраженно зыркнул на Риту.

Действительно, имеет ли? Девушка не могла однозначно решить для себя эту простую логическую задачу. Безусловно, если Пашка жив, то это... Господи, да что это меняет? Ровным счетом ничего. За последние годы она не просто привыкла считать его мертвым, а смирилась. С появлением Олега остальное казалось таким неважным, незначительным и мелочным. Все. Или почти все.

Не в силах выдержать на себе пыливый взор Чернышевского, Маргарита торопливо отвернулась. Сложив руки на груди, растерянно пнула носком балеток камушек. Ощущая спиной недовольство стоящего позади мужчины, горько пробормотала:

— Получается, тебя посади ни за что. Как такое может быть?

— Ритуль, все сложнее, чем представляется. — Отрешенно заметил Олег.

— Да уж, действительно сложно. — Пройдя к остатку огромной бетонной плиты, хмыкнула девушка. Машинально стряхнув оттуда ладонью пыль, присела, поворачиваясь к Олегу: — Посадить невинного человека за убийство, которого на самом деле не было — высший пилотаж. Что может быть сложнее?

— Рит, знала бы ты, сколько людей здесь замешано. — Покрутив меж пальцами огарок, безучастно отбросил на землю. Подойдя к девушке, пояснил: — Это кабала, в которую затягивает без спроса или желания практически безвозвратно. Выбраться из неё не так просто. Нужно иметь огромную силу воли и выдержку.

Уперев взгляд куда-то в пол, Одинцова пыталась хоть немного понять слова Олега. Порой она ненавидела его дурацкую привычку говорить загадками. Пашка, который, возможно, жив. Неизвестная кабала, в которую, стало быть, затянут сам Чернышевский. Черт подери, еще немного и окончательно растеряет способность мыслить и соображать.

— Олег, признайся, куда ты вляпался на сей раз? — Тихонько поинтересовалась, всматриваясь вниз спустя несколько минут бессмысленного молчания.

Со свистом втянув воздух, мужчина некоторое время словно решался, стоит ли идти на откровенность. Оба прекрасно понимали — в их ситуации либо сейчас, либо никогда. Иного не дано. Затягивать нет смысла. Маргарита приготовилась к чему угодно. Наверное, её не удивить. И Олег задумчиво вздохнул:

— Рит, ты слышала об Управлении по борьбе с коррупцией и оргпреступностью?

— Имеешь в виду УБОП? — С интересом взглянула на мужчину: — При МВД, что ли?

— Нет. — Сверля пронизательным взглядом девушку, Чернышевский признался: — СБУ.

— Ой. — Только и смогла ойкнуть Одинцова нахмурившись.

Несколько мгновений глядела в серьезное лицо Олега. Пыталась узреть подвох? Издевку? Или шутку? О, нет! Она прекрасно отдавала себе отчет, что такие люди, как Чернышевский с подобными вещами не шутят.

Что испытала теперь? Стало легче или спокойнее? Частично. Всегда верила, что Олег не из тех, что, предав убеждения, пойдет наперекор себе. Бесконечный и принципиальный борец со справедливостью. Практически любой ценой. Вся жизнь в опасности, в извечном преследовании, ради единой цели — справедливости. Что может быть лучше, чем целая Служба безопасности страны? Идеальное место для достижения главной цели. Когда-то о подобном он не смел и мечтать. А теперь...

— Давно? — Маргарита пыталась унять волну накатившего беспокойства.

— Шесть лет. — Поморщившись, мужчина на автомате сжал пальцами переносицу. — Сознательно. — После чего снова взглянув на Одинцову, нехотя добавил: — Если быть предельно честным — все двенадцать. Правда, непредумышленно и не отдавая себе отчета в происходящем.

— Как такое возможно? — Не моргая, забормотала Рита. — Ты ведь в тюрьме сидел. Или это тоже неправда?

Она дышать перестала, прежде чем прозвучал лаконичный и сдержанный ответ Чернышевского:

— Нет, Рит, я действительно сидел. Действительно, за убийство Павла. Просто все оказалось запутаннее, чем сам предполагал.

— Расскажешь?

— Ты продрогла. — Вместо ответа Олег невольно нахмурился.

Спешно стянув с себя куртку, накинул на девушку. Сжав руками за плечи, привлёк к груди. Обнимая, уткнулся носом в макушку, не давая возможности запротестовать.

— Спасибо. — Легко кивнула, меньше всего желая выбираться из теплых объятий и огромной мужской куртки, что резанула по обонянию горьковато-терпким, но невероятно приятным и близким запахом парфюма Чернышевского.

Сама не сразу заметила, как начала дрожать то ли от прохлады вечерних сумерек, то ли от неожиданности и невероятности новостей.

Уткнувшись носом в теплый воротник, задумалась. Возможно, Олег пытается избежать полноценных откровений. Что ж, не станет настаивать. Наверное, услышанного достаточно, чтобы сделать определенные выводы. Маргарита давно заучила один полезный и важный урок утверждающий, что порой чрезмерное любопытство и сование носа не в свои дела способно обернуться любознательному плачевно. В данном случае и рассказчику.

Связь с СБУ не шутки. Особенно со столь непростым и серьезным отделом. Может быть, чего-то недопонимала, но верила, что Олег влез в соперничество с Кириллом неспроста.

Наверное, стоило побеспокоиться о Рощине или задуматься, чем заслужил такой неоднозначный интерес со стороны служб. В идеале, взмутиться, накричать на Чернышевского и бежать, бить в колокола, спасать своего покровителя и человека, однажды вытацившего из иной кабалы, именуемой Инанна.

Наверное, стоило делать что угодно, но не прижиматься к груди служителя закона (а уж

в том, что так и есть, Рита не сомневалась). Но отчего-то беспокоило совершенно другое — чем в итоге все обернется именно для Олега.

Господи, она переживала о его безопасности гораздо больше, чем о собственной!

— Рит, на самом деле, ты не должна знать и про СБ. — После непродолжительного молчания обронил Чернышевский.

— Я почему-то не сомневалась. — Закусив губу Одинцова, подчиняясь эмоциям, обхватила руку мужчины, сильнее прижимая к себе.

Чтобы ощутить теплоту его тела? Или осознаннее почувствовать его близость?..

— Если об этом станет известно еще кому-то. — Начал было оправдываться мужчина. — Последствия скажутся на всех, кто в этом участвует...

— Олег. — Перебила Рита, поднимая голову к мужчине. — Не стоит. Я понимаю.

— Может, пойдём отсюда? — Оглянувшись, неуверенно предложил Чернышевский.

Пожалуй, оставаться дальше в этом месте, тем более с наступлением ночи не представлялось безопасным. Но отчего-то Рите совсем не хотелось. В первую очередь, потому как боялась, что иллюзия сближающего момента разрушится едва подведутся с камня. А что будет по возвращении домой и того трудно представить.

— Давай ещё посидим. — Еле слышно предложила, чувствуя, что это поможет стать им ещё чуточку ближе.

— Если ты не замерзла. — Похоже, Олег воодушевился перспективой остаться ненадолго в объятиях друг друга.

— Если замерзла, отчего-то не слышу холода. — Поудобнее устраиваясь, призналась Одинцова, пристально взглянув на мужчину: — Может, виной твоё присутствие?

— Ритулечка. — Приглаживая непослушные волосы девушки, блаженно вдохнул Чернышевский. — Все эти годы я держался исключительно благодаря тебе. Веришь?

— Наверное, если бы не верила, меня не было здесь. — Слова мимо воли слетели с губ, и поняла, что выразила Олегу доверительное отношение, зародившееся на подсознательном уровне.

Жалела? Нет. Скорее совершала очередной опрометчивый поступок, который в дальнейшем аукнется. Возможно, её посчитают глупой и наивной, раз так запросто смогла поверить человеку, над которым висит широкий ореол таинственности и неизвестности.

Возможно, когда-то сама пожалеет о случившемся. Но одно знала наверняка — будь на месте Олега кто-то другой, давно послала его куда подальше. На сей раз у её доверчивости и наивности есть имя. И это имя Олег Чернышевский. Всему виной именно он.

— Спасибо. — Мужчина прижался губами к её виску, опалая горячим дыханием.

— Олег. — Нервно сглотнув, позвала Рита.

— Что?

— Если не можешь рассказать всего что было после и как ты связался с СБ, расскажешь, что произошло здесь? После выстрела и как меня увезли те отморозки. Двенадцать лет назад.

— Двенадцать лет, говоришь? — Олег на секунды задумался. — Хорошо. Тогда слушай...

1998 год

— О-о-о. — Простонал мужчина, приходя в себя от режущей боли в левом предплечье и неприятного шума, словно раскалывающего голову на части. — Бли-ин!

Приоткрыть веки, чтобы понять где находится, составляло огромного труда. Но собравшись с силами, резко распахнул глаза, уставившись перед собой. Первым, что увидел — белоснежный, въедающийся в зрачки, потолок.

Ёлки-палки, что происходит?..

— Наконец-то Вы очнулись! — Привлекая внимание, послышался довольный женский возглас, который, едва Олег попытался встать, сменился возмущенным: — Эй, молодой человек, чего творите? Ну-ка лягте обратно!

Вместе с этим над Чернышевским склонилась симпатичная брюнетка в белом халате, пытаюсь прижать обратно к старой скрипучей кровати.

Выходит, перед ним медсестра и он в больничной палате. Вот откуда эти ужасающе белые потолки. Какого черта?..

Нахмурившись, Олег машинально зацепился взглядом за бинтованную повязку на собственном плече, проглядывающуюся сквозь слегка расстегнутую на груди рубашку. Ранение. Вот отчего так больно.

«Чернышевский, соображай, что случилось?..» — Прежде чем до конца высказал мысленный вопрос, в память врезались обрывки фраз и пережитых эпизодов. Записка. Завод. Пашка...

— Где Рита?! — Оттолкнув от себя медсестру, прикрикнул мужчина.

Сбросив ноги на пол, резко сел на кровати. В первый момент в глазах помутилось. Но его состояние неважно по сравнению с тем, что могло случиться или уже случилось с его девочкой. Её нужно спасти. Чем скорее, тем лучше.

— Какая еще Рита? — Щебетала барышня, засуетившись у Олега со шприцем. — Вам с себе нужно побеспокоиться. У Вас огнестрельное ранение, которое чуть не задело кость. Серьезное сотрясение, очевидно, от падения и удара о бетонный пол. Нужно лежать, иначе я сейчас позову доктора и...

— Да зовите кого хотите! — Пытаясь встать с постели, возмутился Чернышевский. — Главное, скажите, что с Ритой.

— Молодой человек, что Вы творите? — Завизжала медсестра, пытаюсь усадить его обратно.

— Лучше помогите. — Огрызнулся решительно настроенный мужчина.

Отмахнувшись от брюнетки, на нетвердых ногах поплелся к заветной двери.

— Да что Вы себе позволяете?!

Помощи ждать неоткуда. Что ж, справится как-нибудь сам. Надо найти телефон и позвонить. В милицию? Нет, не вариант. Лучше сразу Штормину. Он поможет со всем разобраться.

Только Чернышевский успел добрести до выхода, дверь перед носом широко распахнулась, представив напротив мужчину лет сорока коренастого телосложения с немного плотоядным выражением лица. В накинутом халате поверх осенней куртки, он мало походил на доктора.

— О, смотрю, наш свидетель пришел в себя. — Оценивающе оглядев Олега, прокомментировал незнакомец.

— Мужчина, я прошу Вас, выйдите. — Сзади протарахтела медсестра. — Пациенту еще не разрешили посещения.

— Милочка, Вы чего-то не понимаете, стало быть? — Проходя вглубь палаты, фыркнул наглец. Хватая девушку под локоток, попытался спровадить в коридор.

— Что происходит? — Вмешался до этого с недоумением наблюдавший Чернышевский.

— А вот что. — Отпустив брюнетку, незнакомец вытащил из внутреннего кармана куртки ксиву в кожаном переплете.

Одним рывком раскрыл и сунул сначала медсестре. Она, поджавшись и послав сочувствующий взгляд Олегу, поспешила ретироваться. Лишь после чести взглянуть на удостоверение удостоился Чернышевский.

— Коробов Максим Викторович. — Представился мужчина, пряча ксиву обратно. — Майор СБУ, Управление по борьбе с коррупцией и оргпреступностью.

Нахмурившись, Олег без стеснения окинул взглядом служителя закона. Об этом человеке Чернышевский наслышан. Откровенно говоря, сам до конца не понял, что смутило больше: заинтересованность его личность спецслужбами, или внимание конкретно в лице Коробова.

— Нам необходимо переговорить. — Усаживаясь на стульчик у кровати, заметил майор. — Вчера ночью, во время серьезной спецоперации, Вы были обнаружены моими людьми на старом танковом заводе без сознания с огнестрелом. Что там делали?

— Я не готов отвечать на Ваши вопросы. — Отрезал Олег.

— Молодой человек, — Ухмыльнувшись, протянул Коробов. — Олег Вячеславович, Вы неглупый человек. Сотрудник милиции, а ломаетесь как барышня перед первым сексом. Вы должны соображать — сотрудничество со следствием в Ваших интересах.

— Я буду сотрудничать со следствием, когда мне предъявят официальное приглашение на допрос. Пока не вижу на то основания.

— Нужно основание? Хорошо. А если это не допрос, это... — Зажмурившись, прикинул подходящее определение: — Просто беседа. Беседа, учитывающая обоюдные интересы. Вы хотите узнать, что произошло с Вашей прелестной спутницей?

— С Ритой? — Моментально вспыхнул Чернышевский.

Ради её безопасности и спасения готов пожертвовать чем угодно. Даже ввязаться в сомнительное предприятие.

— Для начала ответьте на парочку вопросов. — Хитро прищурившись, поторговался майор. — Что Вы делали вчера вечером на заброшенном складе?

— У меня было свидание. — Ни капли не краснея, соврал Олег.

— Свидание, говорите? — Расширив глаза, театрально изумился Максим Викторович. — Как интересно. — Постучал пальцами по пластиковой папке, на которую Олег сразу и не обратил внимания: — Странное место для свиданий, не находите?

— Нормальное. — Буркнул мужчина. — Мы любим гулять в необычных и экстремальных местах.

В голове одна мысль: кажется, они попали. Но он-то ладно, справится. А вот Ритка... Есть ли вероятность, что доверять этому Коробову безопасно? Олег сильно сомневался, хоть и получил днем ранее от Шторма практически стопроцентное подтверждение, что майор чист. Но если не лично, однозначно кто-то из Коробовского окружения работает на два

фронта. Этот кто-то подсунул Ритке чертову записку. Если чего пронюхает, плохо будет всем.

— Вы не нервничайте, лучше присядьте. — Махнув рукой на кровать, учтиво попросил Максим Викторович. Когда Чернышевский машинально подчинился, усаживаясь и морщась из-за ноющего плеча, продолжил: — Скажите, пожалуйста, что Вам удалось увидеть во время своей... кхм... прогулки?

— Ничего.

— Ничего? — Удивленно переспросил. — Откуда у Вас в таком случае ранение? От ничего в людей не стреляют.

— На нас напали неизвестные. — Признался Олег. — Пока я отбивался, Ритка пыталась сбежать, но, кажется, её кто-то захватил. Затем меня ранили.

— Вот прямо ни с того ни сего напали? Ранили? Захватили?

— Слушайте, понятия не имею, что у них на уме! — Резво подскочил и снова сгибаясь от боли, взбунтовался Чернышевский. — Может, они находились под кайфом и получали удовольствие. Вам лучше знать! Это Вы организовывали спецоперацию. Скажите, где Рита?!

— Погоди-погоди. — Помедлил с ответом майор. — По Вашему повествованию все так сказочно получается. Вот — бах, ни с того ни с сего появились неизвестные, постреляли, забрали эту Вашу Ритку. Потом — раз, и нет никого и следов их пребывания тоже нет. Что-то не договариваешь, парень. — Шепотом осадив, перешел на «ты»: — Давай колись, что слышал о вчерашней операции?

— Ни-че-го. — Как заведенный вторил Чернышевский.

Хватит с него самодеятельности. Играть в рискованные игры со спецслужбами Олег не намерен. В поисках Ритки вряд ли помогут — зачем им морочить себе голову из-за мелкой пешки. Зато если узнают, что он немного покопался в деле, в котором не уполномочен, проблем не оберешься.

— Ах, ничего. — Передразнил Коробов. — В курсе о партии афганки, из-за которой местные авторитеты объявили холодную войну?

— Понятия не имею.

— Стало быть, о Сизом тоже ничего не знаешь? — Внимательно всматриваясь в лицо Чернышевского, майор явно надеялся, надавив, вытянуть интересующую информацию.

— Ничегошеньки. — Нагло глядя в глаза, отбрил Олег.

— И такое имя, как Сизов Николай Степанович слышишь впервые?

— Именно.

— Вот ты и прокололся, лейтенант. — Расплылся в довольной ухмылке Максим Викторович. — Работая в следственной опергруппе, начальник которой, так сказать, содействовал с нами предоставляя необходимую информацию о Сизом и его группировке, ты фактически не мог не знать, что это за человек.

— Я не привык влезать в дела, которые не входят в мои прямые обязанности. — Дерзко бросил Чернышевский. — Как я понял, Штормин оказывал помощь СБ в конфиденциальном режиме?

— Ой, лейтенант, заигрываешься. — Припугнул Коробов, сокрушенно качнув головой. — Нежелание сотрудничать со следствием грозит серьезными проблемами. Увольнение из органов — это половина беды. А оказаться на скамье подсудимых по факту должностного преступления и разглашения служебной тайны — запросто.

— Вы не имеете права. — Сжав пальцами виски, огрызнулся Олег. — Факт

должностного преступления доказать нужно.

— Ты забыл, с кем разговариваешь? — Поднявшись со стула, хмыкнул майор.

— Что Вы, Максим Викторович? — Театрально изумился Чернышевский, проследив за прошедшимся по палате мужчиной: — О таком разве забудешь?

— Хорошо. — Удовлетворенно кивнул. — Допустим, с должностным слегка перегнул. Действительно, зачем что-то копать, выискивать, если есть готовое преступление — убийство, срок за которое тебе и так нехилый грозит.

— Что? Какое на хрен убийство? — Взорвался Олег, раздраженно стукнув ладонью по подоконнику. Поморщившись от новой боли в раненой руке, спокойнее уточнил: — Вы к чему клоните? Не убивал я никого.

— У меня на этот счет иная информация. Но раз не хотите решить полюбовно, посодействовав вышестоящим инстанциям, придется отвечать за преступление. — Прошагав к двери, равнодушно выдал Коробов. — Теперь решать Ваши проблемы будут специально обученные люди и в совершенно другом месте. В прокуратуре.

— Не понял. На каком основании?

— Вы хотели официального приглашения на допрос? — Усмехнулся майор, оборачиваясь: — Считайте, уже получили. Чернышевский Олег Вячеславович, Вы задержаны по подозрению в убийстве Павла Городкова. — Взмахнув папкой: — Тут постановление на задержание.

— Максим Викторович, Вы шутите?..

Чернышевский все пытался вникнуть в предъявленное обвинение, всматриваясь вслед майору, когда тот, выглянув в коридор, скомандовал:

— Все, уводите, ребята!

Прежде чем Олег успел возразить, в палату зашли двое мужчин спортивного телосложения, по возрасту на десяток лет моложе самого Коробова, формы, но однозначно при исполнении. Порода СБшников чувствовалась.

— Куда Вы? — Следом забежала знакомая черноволосая медсестричка, ошарашено взирая то на Олега, то на неизвестных. — К нему нельзя сразу стольким посетителям!

— Максим Викторович, какого черта? — Следом вспыхнул Чернышевский, когда один из неизвестных, приближаясь, вытащил из кармана наручники. — Я не убивал Пашку! Вы можете толком объяснить, что происходит? Откуда уверенность в моей вине? Где Ритка? Она видела, что произошло на самом деле!

— Убивал или нет решит следствие. Как раз сейчас мои люди доставят Вас в прокуратуру для допроса. Все вопросы о Вашей Ритке, которая может что-то знать, тоже к следователю. Мои полномочия исчерпаны.

Вместе с тем на руках Олега защелкнулся замок наручников, давая понять, что ситуация гораздо серьезнее, чем предполагалось изначально.

— Как же так? — Не унималась медсестра, пытаясь преградить пути. — Его нельзя забирать! Мне не верите, доктор придет.

— Милочка, что Вы такая пристающая! — Раздражаясь, прикрикнул Коробов, — По мне хоть сам начмед. Вы, видно, не уяснили серьезность ситуации, и кто перед Вами.

Майор нагло оттолкнул девушку от двери, показывая превосходство собственной персоны. Спорить бесполезно. Олег знал. Если в СБ появились хоть малейшие подозрения, что он убил Павла, предстоит серьезное расследование. Мужчина очень надеялся, что в его невиновности разберутся и быстро отпустят. Потому как сам куда больше волновался за

судьбу Ритки. Но, кажется, ни Коробов, ни кто-либо из его подчиненных не собирался внимать переживаниям и заботам о девушке.

Олег чувствовал себя препаршиво! Виной тому не только неприятная боль из-за раны, и даже не раскалывающаяся на части голова. Его вели через всю больницу, словно преступника. В наручниках, под пристальным конвоем. Хорошо хоть позволили обеспокоенной медсестре набросить на плечи куртку. Правда, в простреленной и наспех застиранной от крови вещице вид тот еще.

Олег с ума сходил. От недоумения, непонимания. Неужели что-то упустил вчера? Что случилось после того, как его подстрелили и потерял сознание? Где Ритка? Неужели шестерка Крот забрал? Если так, остается молиться, чтобы с ней ничего не сделали, прежде чем сможет добиться свободы и кинуть все силы на спасение.

Оказавшись на улице, пока вели к неприметной синей Ниве, у Чернышевского даже мелькнула мысль попытаться сбежать. Быстро понял безуспешность предприятия. В наручниках и ноющим плечом ему не справиться с двумя конвоирами. Коробов-то ладно. Хотя тоже спорный вопрос — связываясь пускай и с мелким, но начальником СБ, наступав того по голове, можно получить обстоятельные последствия после.

Потому Олег решил дожидаться приезда в отделение, чтобы прояснить степень серьезности ситуации непосредственно со следователем. До последнего надеялся, что с местными служителями закона, гораздо более осведомленными о криминальной ситуации горда, будет проще решать недоразумения, нежели со столичными СБшниками.

Все надежды рассыпались прахом, едва оказался в кабинете некоего Леонидова Анатолия Савельевича.

— Присаживайтесь. — С ходу скомандовал капитан.

Этот помоложе и статнее Коробова, но с виду невозмутимый и не расположенный к конструктивному диалогу.

Машинально поздоровавшись, Олег присел на стул. Растирая запястья, освобожденные от металлических уз наручников, невольно поморщился. Предплечье ныло от острой боли, которая после не самой удобной поездки, с заключенными руками, усилилась. И мигрень от сотрясения не исчезла. Но, кажется, даже не совсем здоровый внешний вид Чернышевского не шибко волновал капитана.

Удостоверившись в личности Олега, разъяснив права, обязанности, в связи с чем столь срочно оказался выдернут из больницы и доставлен на допрос, Анатолий Савельевич предупредил об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Уладив формальности, приступил непосредственно к допросу, нагло заявив в лоб:

— Олег Вячеславович, Вы признаете себя виновным в убийстве Городкова Павла Эдуардовича?

— Нет. — Глядя в глаза следователю, уверенно отрезал Олег.

— Хорошо. — Утвердительно кивнув, что-то зафиксировал в протоколе, одновременно отмечая: — Тогда расскажите свою версию случившегося на заводе?

— Нечего рассказывать.

— Давайте по порядку. — Отложив ручку, капитан уставился на Чернышевского, поинтересовавшись: — Где были вчерашним вечером?

— Гулял.

— Где конкретно?

— Много где.

— В том числе на заброшенном танковом заводе?

— Почему нет.

— Странное место для прогулок. — Постучав пальцами по столешнице, на мгновение задумавшись, Леонидов заговорщицки предположил: — С Вами был еще кто-то?

— Моя девушка. — Решив придерживаться ранее озвученной Коробову версии, наврал Олег.

Может, в прокуратуре как-то зашевелятся и начнут искать и выяснять, что произошло с Ритой. На спецслужбу, готовую к любым подставам ради сомнительных целей, надеяться бессмысленно.

— Оказавшись на заводе, Вы видели что-то странное или необычное?

— Смотря что имеете в виду под странным или необычным. — Огрызнулся Чернышевский осматриваясь.

— Подозреваемый, не уходите от ответа! — Прикрикнул следователь. — Откуда у Вас огнестрел? Стреляли на заводе?

— Да.

— Кто?

— Понятия не имею.

— Зачем?

— Если я не знаю, кто стрелял, откуда знать причину? — С притворным спокойствием отметил Олег.

— В Вас не могли стрелять ни за что. — Заводился Анатолий Савельевич. — Если сами не стали тому причиной и не спровоцировали несчастного.

— Ни хе*а себе несчастного! — Мужчина встрепенулся на стуле. — Это тот уголовник несчастный?

— А как назвать человека, которого Вы убили? — Откинувшись к спинке стула, съехидничал капитан. — Я знаю, господин Городков был не самым честным человеком, но преступником его назвать нельзя. Приводов в милицию нет. Если не ошибаюсь, планировал стать служителем закона. И Вы, Олег Вячеславович, — Потянувшись к каким-то бумагам, торопливо пролистал: — Уважаемый человек, лейтенант милиции, сами наверняка не раз допрашивали подозреваемых. Безусловно, находиться на месте тех горемык не доставляет удовольствия. Но давайте будем взрослыми людьми, способными отвечать за собственные поступки. Подпишите чистосердечное и не только облегчите мне работу, но и скостите строк.

— Что простите? — Вопросительно вздернув брови, удивленно выдохнул Чернышевский, до этого с любопытством и недоумением наблюдавший за разглагольствованиями Леонидова. — В каком убийстве я должен признаваться, если не убивал никого!

— Свидетели-то, утверждающие обратное, имеются.

— Какие свидетели? Не могли они видеть, чего не было.

— Значит, признаваться не будете. — Разочарованно протянул Анатолий Савельевич, пытливо сверля взглядом мужчину.

— Выходит, нет. — Отрешенно отмахнулся.

Олег категорически отказывался внимать беспочвенным обвинениям за убийство Городкова. Он прекрасно видел, кто это сделал. И откровенно не представлял, почему и этому следователю прокуратуры, и Коробову, так не терпелось списать на него все грехи.

Почему должен в чем-то признаваться? Чтобы в прокуратуре не образовалось очередного бесперспективного «висяка»? Или причина в нечто более серьезном?..

— Рассказывать мне свою версию случившегося?..

— Тоже не буду. — Перебил Чернышевский.

— Что ж, придется отправить Вас в камеру. — С притворным сочувствием вздохнул капитан. — Возможно, посидев наедине с собственными мыслями, Вы чего-то надумаете.

— Я могу позвонить? — Игнорируя замечание, Олег кивнул на телефон.

— Кому? — Настороженно уточнил следователь.

— Другу, который поможет с адвокатом.

— Пожалуйста. — Подсунув аппарат к Чернышевскому, капитан пожал плечами. — Кому, как не Вам знать о правах подозреваемого.

Благодарно кивнув, Олег набрал старого приятеля, с которым познакомился во время учебы — Игоря Штормина. Именно с ним не так давно устроился на стажировку в районный УБОП к уважаемому следователю и по совместительству родному дядьке Шторма. Именно Игорь накануне помог с разобраться в нечистых делах Пашки. И он оставался единственным человеком, к кому можно обратиться за реальной помощью.

Сказать, что друг пребывал в шоке — ничего не сказать. Спешно распрощавшись, Шторм заверил, что разузнает по поводу обвинения, приписанного Олегу, и приедет. Надо отдать ему должное — обещание сдержал. Прошло не более пары часов, прежде чем Чернышевского привели в комнату для свиданий, где нетерпеливо дожидался Игорь.

— Бл**ь, Олег, куда опять влез? — Запричитал товарищ, хватаясь за голову. — Сколько раз тебе говорил — не доведет эта баба до добра. Ты как побитая собака из-за неё. Еще и на привязи.

— Спасибо, что пришел, Игорёк. — Присаживаясь напротив, Чернышевский послал предупреждающий взгляд молодому сержанту, что с видом полного отстранения дожидался окончания свидания у двери. — Мне нужна твоя помощь.

— Естественно, тебе теперь особенно нужна моя помощь. — Сокрушался светловолосый мужчина. — А все могло быть гораздо проще, откажи тебе в сомнительной просьбе изначально...

— Шторм, хватит трюндеть. — Оборвал Олег и, наклоняясь ближе, заговорщицки выдал: — Узнай, где Ритка.

— Чего? — Расширив недоуменно глаза, изумился Игорь. — Тебе срок светит, а ты опять о своей Ритке. Для начала нужно ходатайствовать, чтобы отпусти под подписку до суда. Они не имеют права держать тебя в камере в таком состоянии.

— Игорь, мне по*ер, что будет со мной. — Чуть не подскочив на стуле. — Зато есть огромная вероятность, что Ритку забрали люди Сизого. Думаю, не тебе рассказывать, что с ней там могут сделать.

— Хорошо-хорошо, не кипятись. — Примирительно одернул друг. Вытаскивая что-то в папке, обозначил: — Давай для начала разберемся, что произошло и что имеем.

— Да что произошло? Я вчера опоздал к ней буквально на пять минут, чтобы предупредить и оградить от всего.

— Что сделано, то сделано. — Вчитываясь в бумаги, Игорь отметил: — Смотри, я кое-что по-быстрому пробил через дядьку. С трудом, правда. Навели эти СБшники во главе с Коробовым шороху в городе. Короче, как мы и предполагали, вчера на заводе планировалась серьезная операция СБ по захвату сразу двух преступных наркогруппировок. По наводке

некого неизвестного информатора там же, накануне вечером, планировалась серьезная разборка, которая могла вывести на ключевых лиц. Но, то ли наши сотрудники припозднились, то ли реально облажались. Никакого намека на стрелку за исключением пристреленного Городкова и подбитого тебя не оказалось.

— Конечно, не оказалось! — Поддакнул Чернышевский. — Они б еще позже приехали, там бы и труп и меня куда-то утащили.

— Олег, ты в том положении, чтобы шутить. — Seriously взглянул на друга Штормин. — У тебя реальные проблемы. Коробов взял в оборот.

— Думаешь, он и есть предатель? — Наклоняясь к Игорю поближе, предположил Олег.

— Понятия не имею. — Честно признал Шторм. — Если и так, работает очень чисто — зацепок ноль, представляется едва ли не самым честным из всей их конторы. Может, ты оказался не в том месте и не в то время, но, кажется, тебя хотят засадить всерьез и надолго.

— Я понятия не имею, чего там мутит Коробов, но дело передали некому Леонидову. И скажу тебе, Игорёк, он не меньше Коробова желает поскорее закрыть дело.

— Естественно, СБшник не станет лично тобой заниматься. Другой уровень. Не учитывая, что преступление совершено на объекте, который в тот момент находился под контролем Службы Безопасности, вполне естественно, что Коробов лично проконтролирует следствие до финального аккорда. Я более чем уверен, что на следователя уже оказано определенное влияние.

— Понял. — Согласился Чернышевский. — Но какого лешего взялись конкретно за меня? Такое впечатление, что они категорически отказываются рассматривать ситуацию под другим углом. С чего взяли, что я убийца? Из-за того, что нашли неподалеку? Так без сознания, и раненого. — Кивнул на перевязанное плечо. — На*ер меня так вдернули из больнички, будто я серийник или маньяк какой-то?

— Пистолет из которого совершено убийство, чудным образом имеет твои пальчики. — Холодно заметил Игорь, уткнувшись в бумаги.

— Что за бред? — Удивился Чернышевский.

— Это не бред, это улика. Орудие, из которого совершено преступление.

— Но я никого не убивал! — Сообразив, к чему клонит Шторм, прошипел Олег.

— Это нам предстоит доказать. — Хмыкнул Игорь, уставившись на друга. — У них есть состав преступления, если улики и даже мотив.

— Что? Какой мотив?

— Обыкновенный такой. Банальный и избитый. Ревность из-за этой твоей Ритки к давнему товарищу Павлу Городкову. С которым, насколько известно, она крутила шуры-муры. Ты не потерпел такого предательства, обманом заманил Павла на старый завод, где несколько дней продержал связанным, пытаюсь заставить отказаться от Ритки. Вчерашним вечером Павел хотел сбежать и ты, не совсем предумышленно, его грохнул. Банальное бытовое убийство.

— Игорь, ты в своем уме? — Расширив от ужаса глаза, воскликнул Чернышевский. — Долго думал?

— Это не я. — Спокойно возразив, сунул Олегу одну из бумаг. — Это версия следствия из-за которой здесь кукуешь.

— Шторм, это абсурдно. — Пробежавшись взглядом по обвинению. — Тут куча нестыковок. Если я убил Павла, откуда у меня ранение? Почему оказался без сознания? Я ничего не рассказывал следователю. Кто мог свидетельствовать против, придумав

совершенно фантастическое объяснение?

— Ты читай-читай. — Поторопил приятель. — По их версии ранение получил от Пашки. Когда он пытался сбежать, между вами завязалась драка. Ты вытащил пистолет, но он успел его перенаправить. Таким образом, ты сам себя ранил. После чего, разозлившись, выстрелил в него на поражение. Без сознания, потому что...

— ...Ритка проследила за мной, когда я шел на завод и став свидетельницей убийства, стукнула чем-то по голове. — Прокомментировал Чернышевский прочитанное. — Хрень какая-то.

— Хрень или нет, но я видел постановление. Факт убийства имеется — раз. Факт исчезновения Городкова за несколько дней до случившегося подтвердили его родители — два. Есть парочка свидетелей, якобы случайно оказавшихся в это время на заводе — три. И, наконец, пистолет из которого совершено убийство, проходит по делу, которым занималась наша с тобой опергруппа — четыре. В общем-то, все факты указывают на правдоподобность версии.

— Ёлки, Игорь! — Подскочив, прикрикнул Олег. Поймав предупреждающий взгляд конвоира, тише добавил: — И ты туда же? Не убивал я никого! Найдя у Ритки на квартире записку, бросился за ней. Обнаружил на заводе, когда неизвестные пристрелили Пашку. Мы пытались уйти незаметно, но не получилось.

— Олег — ты не дурак, должен понимать: сунувшись в это дело с намерением оградить свою Ритку от опасности, ты перешел дорогу большим шишкам. — Постучав пальцами по старой столешнице, осадил готового снова возмутиться Чернышевского: — Да верю я тебе, успокойся. Но этого мало. Нужен, по крайней мере, один свидетель в твою пользу. С появлением Ритки было бы гораздо проще...

— Так найди!

— Чернышевский, время. — Скомандовал нетерпеливо сержант. — Закругляемся.

— Иду! — Окликнул Олег поднимаясь.

Еще раз умоляюще взглянул на Игоря. Кажется, тот не особо радовался предстоящей перспективе. Но Чернышевскому больше некого просить о помощи. Штурмин это знал.

— Я постараюсь. — Выдохнул друг, когда Олег отворачивался, чтобы позволить увести себя в камеру.

— Спасибо. — Отозвался мужчина. — И зайди к моим. Скажи им что-то... Как умеешь. Чтоб не волновались сильно.

— Обязательно. — Согласился Игорь.

После дверь комнаты открылась и Олег, сложив руки за спиной, вышел в плохо освещенный узкий коридор. Он словно не только физически попал во тьму, совершенно не представляя, что ждет за поворотом, но и морально. На уровне подсознания...

Мог ли представить, что однажды заметив Павла на остановке с неизвестным, который передавал маленький кулечек с белым порошком, все обернется столь критически не для Городкова, а для остальных так или иначе связанных с ним людей?

Это случилось несколько дней назад. После Чернышевский решил вызвать Пашку на откровенный разговор, чтобы понять куда тот вляпался.

Наверное, изначально стоило предполагать такой исход, учитывая не самую благополучную семью у Городковых. Его родители хоть и простые люди, но отец, вкалывающий на литейном заводе, частенько прикладывался к рюмке; а мать, целыми днями работая, вечерами больше занималась попытками уговорить или хуже того отыскать где-то в

городе своего благоверного, нежели родным сыном. Возможно как раз это стало ключевой причиной, почему Павел тянулся к старшему товарищу — Олегу, который заменял брата.

Чернышевский до последнего считал, что имеет определенное влияние на Городкова. Уверенный что несмотря на беспокойное время и разворачивающуюся в городе преступность, сможет удержаться от дурного влияния улицы. Рано обрадовался.

В тот день понял насколько ошибался в человеке. Павел отказался идти на контакт, утверждая, что Олег неправильно понял и никаких порошков быть в помине не может. А то, что передали накануне, всего лишь новое не особо распространенное лекарство для сердечников, коей являлась мать.

Чернышевский вышел с того возраста, чтобы верить в подобную чепуху, потому решил сам наглядно выяснить, проследив за Павлом. Не напрасно — сомнительная компания выявилась гораздо более страшной, чем казалось на первый взгляд. Употребление наркотиков представлялось невинным развлечением по сравнению со схемой и махинациями, которые проворачивал Городков! Это будучи курсантом военной академии, будущим милиционером и стражем правопорядка.

Черт побери, разве дело в этом? Павел встречался с Ритой, а значит своими выходками явственно или нет, подвергал опасности. Этого Олег допустить не мог. Хотя и без Одинцовой попытался помочь выбраться из ямы не чужому человеку. Но в первую очередь за Ритку Олег готов спустить три шкуры.

Услышав во время слежки парочку имен, решил узнать детально с кем связался Городков и насколько сложно его оттуда вытащить. Пошел к единственному человеку, который способен помочь. К Игорю. Не потому, что учились вместе или были напарниками во время стажировки, а благодаря связям, которые открывались перед приятелем из-за родного дядьки — следователя Штормина. Через него товарищ разузнал о нынешнем положении дел, о связях Павла, которые довели до тюрьмы, а Риту... даже думать не хотелось до чего.

Чернышевский не понял каким образом Пашка связался с опасными людьми — официальные источники умалчивали. Но подозревал, что без иглы не обошлось. Следствием стала участь пешки там, где главную роль играли не просто деньги, а грязные, заработанные на крови, сломанных судьбах и искалеченных жизнях, подсевших на наркоту людей.

Зато подслушанное имя Сизого немного помогло распутать противоречивый клубок. Выяснилось Сизый, он же Сизов Николай Степанович, влиятельная личность в криминальных кругах. Являлся главарем преступной группировки, курирующей центральные каналы поставки конопли и афганки из Афганистана и контролирующей весь рынок сексуальных услуг города. Содержал дорогой бордель для состоятельных особ, официально значащийся как элитный клуб отдыха с замысловатым названием Инанна. Догадаться чем развлекали гостей не так трудно.

Важно другое. Невзирая на нежелание дядьки Игоря распространяться, по понятным причинам конфиденциальности следствия, Шторму удалось прояснить парочку занятных моментов как-то приезд в их захолустный городок целой группы СБшников из столицы. Тех самых, во главе которых стоял Коробов. С целью не только поджечь и разрушить группировку Сизого, но и предотвратить развитие еще одной, сильно наступающей на пятки. Если факт взятия представителей этих группировок планировали организовать на заводе во время намечающейся стрелки, выйти на бордель и соответственно главных зачинщиков решили с помощью ловки на живца.

Бл*, Чернышевский только потом понял, насколько жестокий метод они избрали! Записка от неизвестного дома у Ритки, очевидно, в спешке брошенная на пол и утверждающая что Павлу нужна помощь явно подброшена неспроста. Сопоставив два и два, Олег сообразил, что раз службы пронюхали о работе Павла на Сизого, вполне могли разведать об Одинцовой. Но каким образом решили приплести убийство Павла именно ему, так и не сообразил. Тем более откуда взялись отпечатки пальцев. На живца ведь никого, в частности, Сизого не поймали.

Позже Игорь расскажет, что и Сизов, и его бордель, как и прежде прекрасно себя чувствуя, работают по старой схеме. Группировки никто не накрыл. А Ритка попросту пропала. Как сквозь землю провалилась. Ни у себя дома, ни у Олега... Никто её не видел после рокового дня. Любые поиски Штормина заканчивались неудачей. Ниточка обрывалась на злополучном заводе. Это означало одно...

Боже, все дни, каждый час, каждую минуту, каждую секундочку, Олег молился, чтобы Рита выжила. С остальным справятся. Мечтал поскорее освободиться и помочь своей девочке. Спасти её от самого страшного.

Чернышевский надеялся. До последнего. По возможности сотрудничал со следствием, рассказав о причинах появления на заводе тем вечером. Готовился согласиться на всякие условия, лишь бы скорее выйти. Почти любые, исключая признание в убийстве, которого не совершал.

Как все время твердил следователь: «Чистосердечное признание — смягчает наказание». Ни фига подобного! Олег не дурак, учеба в ментовке научила некоторым хитростям и преподала парочку уроков.

Мужчина быстро понял, что Шторм оказался прав — передача дела местному следователю не исключала контроль вышестоящих инстанций. Как бы капитан ни возмущался, как ни противился, и какая холодная ни велась война между двумя структурами как МВД и СБУ, в местной прокуратуре не имели права не подчиниться Коробову и не принять к сведению его личные постановления. Там явно первым пунктом стояло требование посадить Чернышевского.

Само следствие прошло как-то... незаметно. Впопыхах. Всего два месяца от начала до заключительного суда, оглашающего приговор — слишком быстро для дела, имеющего столько загадочных и непонятных фактов.

Все попытки Игоря докопаться до истины походили на битье головой о глухую стену. Молчание, скрытие фактов, что угодно... Здесь связи влиятельного дядюшки из УБОПа не помогли. Хороший адвокат, найденный Штормом и нанятый за бешеные деньги дедом; поиски новых улик; поиски Ритки... Все напрасно и безрезультатно. Ходатайства выйти под подписку до суда, или вернуть Олега в больницу регулярно отклонялись. Кому-то очень не хотелось, чтобы Чернышевский оказался на свободе хоть ненадолго.

Олег сходил с ума, потеряв счет дням в сырой одиночной камере предварительного заключения. За это время убедится, что нет ничего хуже бездействия в четырех стенах. Ждал суда, независимо от приговора, словно манны небесной.

Тот день навсегда запечатлелся в памяти Чернышевского как один из самых судьбоносных. День, в который раз расколовший жизнь на тысячи мелких осколков, склеивать которые предстоит потом долгие и долгие годы. А некоторые кусочки так и не сможет найти или возродить обратно...

Канун Нового года. 27 декабря. Пушистые хлопья снега валили еще с ночи, кутая и

пряча под собой город. Прекрасный зимний день. Идеально подходящий для того, чтобы приступить к началу новой жизни. Вряд ли в суде, получая беспелляционный приговор и клеймо убийцы.

Олега даже передернуло, когда ввели в зал и встретился взглядом с дедом. Уставший такой, замученный. Кажется, за эти месяцы состарился раза в два и походил на совершенно немощного и побитого жизнью старика.

Чернышевский хорошо помнил, как смерть родного сына и невестки едва не погубили и деда, и бабушку. Благодаря внуку смогли пережить горе потери и пойти дальше. Ныне история если не повторялась, то сильно искажалась, становясь для стариков последней каплей. По крайней мере, баб Тоня не смогла прийти.

В зале суда присутствовал и Штормин. Последнее время он хорошо поддерживал Олега. Без его помощи с адвокатом и в поисках Ритки, окончательно свихнулся от неизвестности.

Из знакомых Чернышевскому на суде присутствовали родители Павла. Убитые горем, потерянные и однозначно озлобленные на него. Но откровенно говоря их мнение волновало Олега меньше всего. Он-то прекрасно знал, что ни в чем перед ними невиновен.

Суд казался бесконечным. Сидя в небольшой камере и наблюдая за зачитывающим обвинение прокурором, за показаниями известных и неизвестных ему лиц, ловя на себе ободрительные взгляды адвоката: мол, все будет хорошо, Олег на самом деле слабо в это верил. Обвинение решительно настроено против и настрой автоматически передавался ему.

Когда давать показания вышли некие Кротенко Дмитрий Сергеевич и Зинькевич Валентин Антонович, Олег окончательно понял — это конец. Зинькевич, он же Зюня — тот самый, кто обнаружил их с Риткой на заводе, не позволив уйти незаметными. И Кротенко, или проще говоря Крот — убийца Павла собственно персоной.

Олег считал, что ранее сходит с ума? О, нет! Это цветочки. Теперь настала пора собирать ягодки и пожинать плоды. Где видано, чтобы убийца ходил на свободе, преспокойно глядя в глаза обвиняемому? Врал, что случайно с другом оказался на месте преступления, став невольным свидетелем убийства, которое совершил сам? Почему верили сомнительным личностям, работающим на главаря преступной группировки, а не менту, стремящемуся ко всеобщей справедливости? Где она в х*ена эта справедливость?

Правоохранительная система катится на самое дно, а все преспокойно наблюдают, не упуская случая дать лишний пинок, приближая полное изнеможение. Самое ужасное, что это финал для Олега. Его очередное персональное поражение.

Никто из защиты не ожидал подобного. Попытки адвоката развалить показания сомнительных свидетелей потерпели фиаско с подачи возражающего прокурора.

Получив последнее слово перед заседанием для вынесения приговора, Олег отдавал себе отчет, что ничегошеньки не изменится. Его признают виновным. Оставалось надеяться, что дадут не самый жесткий и требуемый приговор в виде лишения свободы на пятнадцать лет.

Но уже и не надеялся. Сказал, как чувствовал:

— Я знаю, что сегодня мне вынесут приговор и сделают виновным в убийстве если не друга, то товарища. — По залу прошелся гул удивленных голосов, но Олег лишь ухмыльнулся. — Вы тоже прекрасно знаете. Я не убивал Пашку. Все понимают. Не представляю кому это нужно, но, видно, очень нужно — посадить невиновного человека за решетку. Недоработка следствия или налаженная система, но факт остается фактом — безвинных сажают, а убийцы ходят на свободе. — Стараясь смотреть в зале ни на кого и на всех одновременно, мужчина признался: — Ранее я лелеял в душе мечту, став на путь борьбы

с преступностью, освободить этот город, добиться правосудия. Добился ли? Нет. Зато мне известно, чем грозит самодеятельность. Еще понял, что каждый сам за себя. Все, кто сегодня стоит на стороне обвинения не против меня, скорее исключительно за себя. Причины могут быть разные. Принимаю ваше стремление защитить себя и своих близких. И если кто-то считает, избавившись от меня, освободиться от проблем, очень сильно ошибается. Независимо от исхода суда: оставят меня за решеткой, или выпустят в зале, я буду бороться за справедливость. Личную справедливость. Вы еще попомните меня...

— Протестую! — Опамятовавшись, оборвал прокурор, подскочив на стуле.

— Протест отклонен. — Отмахнулась судья и, обернувшись к Олегу, поторопила: — Продолжайте подсудимый.

— А я уже. — Пожал плечами Чернышевский.

— Что ж... — Поворачиваясь к залу, судья скомандовала: — Встать! — Когда находящиеся подчинились, поднялась сама. Собирая папку с документами, провозгласила, стукнув молоточком: — Суд удаляется на совещание!

Вот и все! Осталось подождать оглашения приговора.

Чернышевский чувствовал себя ужасно. Знать, что в данный момент решается твоя судьба и сидеть сложа руки, ждать — наихудшее из ожиданий. Но уже ничего не поделать.

Пообщаться с родными и близкими во время перерыва Олегу не позволили, а снова обсуждать с адвокатом поведение на суде и перспективы не оставалось ни малейшего желания. Потому несколько часов ожидания, когда его вернули обратно в камеру, предпочел скоротать в одиночестве. Впрочем, как и многие дни до этого...

Оглашение приговора произошло ровно через два часа.

Чернышевского едва успели ввести в зал, как появилась судья — ухоженная женщина лет сорока. Судя по хмурому выражению лица, ей доставляло мало удовольствия зачитывать данные строки. Но выбора не имела.

— Слушается дело №Х по факту умышленного убийства Городкова Павла Эдуардовича. Обвиняемый Чернышевский Олег Вячеславович. Суд принял решение признать... — Переведя дыхание, судья выглянула из-под очков на подсудимого и снова уткнувшись в папку, продолжила: — Виновным по ч.2 ст.15, и ч. 2, п.3, ст. 115, УК Украины за покушение на преступление и умышленное убийство заложника или похищенного человека.

По мере оглашения приговора, Олег сильнее сжимал ладонями холодный металл решетки. Упираясь лбом в казенные пути и жмурясь, словно желая избавиться от страшного кошмара и наваждения. Винил в происходящем исключительно себя...

— ...И обязать понести наказание в виде лишения свободы. — Продолжала зачитывать женщина. — Сроком на 11 лет пребывания в колонии строгого режима. Привести в исполнение сразу после заседания суда. Приговор обжалованию не подлежит! — Подняв глаза, с силой стукнула молотком.

Стук, который эхом будет долго звучать в ушах Олега и снится по ночам. Финал. Десятилетие жизни в тартарары. Плевать все хотели, что справедливо, а что нет. Засадили, сведя на нет любые аргументы в его пользу. Вот, оказывается, как легко решается судьба человека. Это не небесные канцелярии. На земле порой творятся дела посерьезнее.

Сегодня жизнь Олега кардинально перевернулась, бросая в омут грязи и навсегда заклеив абсурдным «убийца». Но постичь абсурдность обвинения ему еще предстоит.

Сейчас Чернышевский совершенно не задумывался о своем будущем. Сильнее волновало, что будет с Ритой. Неужели вердикт вынесли не только ему? Да, этим

приговорили совершенно невинного и чистого человечка к страшным испытаниям и мукам. Кто, кроме него, позаботится о её судьбе и займется поисками? Больше никому. За ошибки других снова расплачиваются невинные. И это не он, Олег. Это кто-то более важный и светлый. Его Маргарита.

Сегодня борьба Чернышевского (нет, не закончилась), приостановилась. Из-за жестокого и нелепого приговора даже не судьи, а кого-то более влиятельного. Не из-за беспринципности. Потому что кому-то так надо.

Жизнь мужчины в очередной раз исказилась, переворачиваясь с ног на голову. Его борьба за правда обернулась против него. Олегу предстоит новая битва. Не за справедливость — за выживание. Чтобы однажды расплатиться со всеми. Чтобы отомстить.

Рано или поздно, правосудие восторжествует. Олег не только возвратит себе свободу — спасет Ритку. Он поможет стать свободной и ей...

2010 год

— Рит, кажется, пора. — Осторожно сжав девичьи плечи, с сожалением выдохнул мужчина.

— Да, пора. — Глубоко втягивая воздух и заставляя себя не расплакаться, Одинцова невидяще сверлила глазами пригнанный Русланом к парадному входу внедорожник.

Она ненавидела нынешний день. Ненавидела автомобиль, который в считанные минуты отвезет к дому Кирилла. Дому, что после прошедших дней казался далеким и чуждым.

Ненавидела себя за слабость, ставшую гораздо более отчетливой после порции откровений Чернышевского. За то, что чрезмерно быстро расставила приоритеты к будущему. Так запросто нашла первопричину поведения со своей стороны. Помимо этого, ненавидела... Олега. Господи, если бы кто мог представить разнообразие спектра её чувств! всю мощь ненависти к мужчине, прижимающемуся сзади к спине. До неприличного тесно. Так, что ощущался жар сильного тела и приглушенное биение сердца.

Чернышевский... Как Маргарита его ненавидела! До одури и искусанных в кровь губ. До острых ноготков, глубокими следами впившихся в нежную кожу ладоней. Ненавидела за то, что сейчас пытается поторопить. Что так спокойно и, на первый взгляд, равнодушно отпускает обратно к Рошину.

Боже, почему он ничего не пытается предпринять, чтобы предотвратить неизбежное? словно добившись своего, позабавившись новенькой игрушкой за оговоренные деньки, по природной честности возвращает истинному владельцу. Неужели, Олегу действительно все равно?

Нет, не все равно. Иначе откуда столько грусти и боли в небесных глазах, печали и обреченности в тихих вздохах? Почему сжимает за плечи так трепетно, осознавая необходимость отпустить, но... не в состоянии решится.

Оба прекрасно понимали, в первую очередь сама Маргарита — возвращение к Кириллу неминуемо. Разумела, без её сдержанности Олег плюнул на обязательства и вместо того, чтобы ослабить стягивающие узы, забрал куда-то, навсегда пряча ото всех. Но подобная авантюра способна вылезти боком. Излишне рискованно и опасно, как бы ни хотела аналогичного развития событий.

К такому выводу девушка пришла прошедшей ночью, которую они с Олегом почти до рассвета провели на заброшенном заводе в объятиях друг друга. Никаких намеков на тесную интимную связь. Просто рядом обнявшись. Уже не друзья. Но еще не любовники.

Они разговаривали обо всем на свете. Или почти обо всем. Олег поведал каким образом попал в тюрьму. О том, что пришлось пережить в ожидании вердикта. Рассказ, состоящий из малой части того, что предстояло узнать. Чернышевский не произносил вслух, но Рита догадывалась — приговор судьи начало надлома линии судьбы.

Верила, чуть позже, когда все образуется, когда настанет подходящий момент, Олег расскажет. Пока Одинцовой с лихвой хватило услышанного. Истоков, ведущих к развитию истории всей их жизни. Очень важных и необходимых. Позволяющих сделать один из множества предстоящих выборов...

Домой вернулись на рассвете. Уставшие, измученные, встревоженные. О сне не могло быть и речи. Оставшиеся до отъезда часы тоже провели вместе. Не уподобляясь до

очередных опасных тем в разговорах. Серьезности хватало в атмосфере. Хоть ножом режь.

Возможно, Рита чересчур наивна, но отчего-то не могла не верить Олегу. Возможно, причина в том, что ныне хоть немного заглянула в прошлое, где их пути разошлись. Поняла для себя — ему было ни капли не легче. Обвинения беспочвенны. Без чертова приговора Чернышевский сделал все, чтобы вытащить её из борделя. Но сокрушаться поздно. Прошлого не вернуть. Зато есть возможность творить будущее, которое до сих пор представлялось в смутных очертаниях. Даже теперешнее.

Что их ждет ныне? Зачем Маргарита возвращается к Кириллу, раз не особенно стремится к этому? Сказать, что уходит? Бросает после всего, что для неё сделал? Поступает как неблагодарная сука, нашедшая нового покровителя? Быть может, чтобы собрать вещи и по-тихому сбежать, оставив вместо себя записку? Нет, Роцин не поймет. Не один из предложенных вариантов. Равносильно, как и не примет.

Почему Одинцова возвращается, если куда больше её тянет к Олегу, подмывает остаться? Потому что сильно чувство долга внутри? Возможно ли сейчас поступить иначе? Уйдет — предаст Кирилла. Останется — тоже. Как ни крути, выбор сделан, но ехать обратно все равно необходимо. От этого сердце сжималось в груди.

— Олег. — Зажмурившись, обкрутилась в руках мужчины. Распахнув веки, доверчиво уставилась на Чернышевского: — Это надолго?

Объяснений, что имелось в виду добавлять не стоит. Смысл постижим обоим. А для Маргариты очередное подтверждение, что предательство неотвратимо. Предательство Кирилла.

— Надеюсь, нет. — Честно признался Олег.

— Мы, наверное, пробудем в Роце всего несколько дней. — передернувшись, заговорила Одинцова. — По возможности я ежедневно, к полудню, буду приезжать к реке. А по возвращении в столицу, не знаю как... — Опуская лицо.

— Я найду способ с тобой встретиться. — Пообещал Чернышевский, перебирая прядки волос девушки.

— Хорошо. — Осторожно освободившись, Рита отошла на пару шагов назад. — Олег, умоляю тебя... — Нервно сглотнув, сжала кулаки. — Еще одного предательства я не выдержу.

Прежде чем с губ мужчины сорвался протест, развернулась на каблучках и засемила мелкими шажками к выходу. На крыльце нетерпеливо мялся Руслан. Несмело кивнув, Маргарита прошла к автомобилю. Забравшись на сиденье, обняла себя за плечи, надеялась справиться с холодом, окутывающим душу вместе с уходом из этого дома. От этого мужчины.

Прошло несколько минут прежде, чем Одинцова, бессмысленно рассматривающая приборную панель, услышала, что её дверца открылась. Медленно повернув лицо на звук, закусила губу, увидев присевшего рядом Олега.

— Рит. — Бережно потянувшись к ладони девушки, позвал Чернышевский. — Что бы ни происходило, ты должна мне верить. — Несильно сжал, переплетая пальцы со своими: — Я сделаю все возможное, чтобы не причинить тебе боли. Но не в силах гарантировать за остальных. Но ты должна продержаться. Немножечко. Слышишь, малыш? — Бегло коснувшись щеки. — Когда все закончится, я обещаю, ты обретешь нечто ценнее свободы — счастье. Выстраданное и заслуженное.

Маргарита поморщилась, желая отвести взор от Олега. Главное, не заплакать. Не выдать

очередную слабость. Но не могла. Продолжала с благоговением изучать дорогое лицо. Просидеть бы так вечность. Но Чернышевский, спешно наклонившись, прикоснулся к приоткрытым устам невесомым поцелуем и, отстраняясь, отпустил руку, захлопнул дверь.

Затаив дыхание, девушка наблюдала как мужчина, обойдя капот авто, вернулся к порогу, где дожидался Буртенко. Перебросился с тем парой фраз и исчез в доме. Неужели испугался что, оставшись, не сможет отпустить? Или веровал в примету? Как там говорится: «Долгие проводы — лишние слёзы»? Какая теперь разница? Гораздо важнее, что ждет дальше, за поворотом.

Руслан, с видом полного отстранения, забрался в авто. Повернул ключ в зажигании, выжал педаль сцепления и, переключив скорость, добавил газу, стремительно сорвавшись с места. Бросая позади не густое облако пыли — нечто существенное и родное. Дом, понятный и близкий Рите. Олега — непостижимого и таинственного, но оставлять которого с каждым разом становилось все невыносимее.

— Руслан. — Не глядя на Буртенко едва слышно позвала Одинцова, когда автомобиль выехал на открытую местность, разгоняясь до предельной скорости. — Не торопись, пожалуйста.

— Бойтесь быстрой езды? — Безучастно хмыкнул мужчина, но газ сбросил. Внимательно уставившись на Риту, предположил: — Или не хотите возвращаться?

— Любопытство? — Выдерживая пытливый тон. — Или тебя реально волнует происходящее?

— Меня волнует, чем может обернуться самоуправство. — Недовольно отметил. — Мне не нравится, что Олег ставит общее дело под угрозу из-за... — Поморщившись, Буря, послав девушке мимолетный взгляд, легонько ударил по рулю. — Черт, у Чернышевского в край крышу сорвало!

— Ты его осуждаешь. — Не спрашивая, констатировала факт Одинцова, переключая внимание на проплывающие мимо пейзажи. Несколько минут бессмысленного молчания в ожидании ответа, после чего снова обращаясь к Русу, допустила: — Или осуждаешь меня?

— Маргарита. Андреевна. — Скрипнул зубами. — Кто я такой, чтобы Вас судить.

— Осуждаешь, Руслан, вижу. — Настаивала на своем.

Зачем старалась вызвать этого человека на откровенный разговор? Почему что-то доказывала, проясняла? Потому что Буря, однозначно не чужой человек Олегу? Или, скорее всего, потому что Чернышевский считается с его мнение, а выглядеть в глазах друга близкого человека последней дрянью или шлюхой, не хотелось? Или потому что Буртенко отныне единственная связью с Олегом в доме Рощина?

— Маргарита Андреевна, неужели Вам впрямь есть дело до моего мнения по поводу происходящего?

— Не знаю. — Вздернув плечами, созналась Одинцова. — Но ты ведь тоже, как и Олег?.. — На миг запнулась, подбирая слова: — В повязке с СБУ?

— Бл*! — Громко выругавшись, Буртенко ударил по тормозам, остановив авто посреди пустынной дороги, окруженной одними виноградными полями. — Так и знал — от баб одни проблемы! Получается, он все-таки рассказал тебе обо всем. — Резко переходя на «ты».

— Только о связи со спецслужбой. Руслан, если боишься, что Рощин о чем-то узнает... — С придыханием пробормотала. — Можешь не беспокоиться, однозначно не от меня.

— При чем здесь Рощин. — Огрызнулся, вперившись на дорогу. — Ты понимаешь, чем

дальше, тем больше сомневаюсь, на*ер во все ввязался? Шесть лет жизни коту под хвост. Ради общественного дела и спокойствия ни в чем не повинных людей? Или ради тебя, бывшей?..

Мужчина замолчал, сообразив, что ступил на запретную зону. Но пятиться поздно. Рита отлично поняла, о чем речь.

— Ради меня, бывшей кого? — С вызовом воскликнула. — Ну же, продолжай! Проститутки? Шлюхи? Бл**и?! Я не отрицаю! И не испытываю огромной радости от случившегося. Но и виновной себя не признаю. Не по своей воле оказалась в борделе. И если хочешь знать, ни о чем типа освобождения или спасения Олега не просила!

Срываясь на крик, девушка зажала руками уши, раскачиваясь из стороны в сторону. Лучше провалиться сквозь землю. Исчезнуть. Умереть. Но за что боролась, на то и напоролась. Хотела откровенности от Руслана — вот, получай.

— Еще б просила. — Хладнокровно отозвался Буртенко. — Любит он тебя, Ритка. Вот и весь секрет. — Когда Одинцова, немного успокоившись, замерла в ожидании, продолжил: — Знаешь, как понял? Не когда Чернышевский последние дни пытался меня переспорить, доказывая, что ради любви можно пойти на все. Не когда вмазал за пару ласковых в твою сторону. А когда на прощанье, сегодня, попросил меня об одном одолжении: «Друг, береги её. Ты единственный, на кого могу рассчитывать. А она единственная во имя кого держусь». Теперь, уяснила? Для него это не просто прихоть.

Сощурившись, Рита недоверчиво уставилась на мужчину. Любит? Но разве можно любить её? Такую... недостойную.

— Ты сама-то хоть что-то к нему чувствуешь? — Допрашивался Буртенко, проницательно рассматривая девушку.

— Я не знаю. — Поджавшись, неуверенно промямлила Маргарита. — Просто... Олег он... он дорог мне. Боюсь потерять его вновь. Очень боюсь.

— Понятно. — Фыркнув, Рус снова включил зажигание. — Херня это все, ваша любовь. Неизлечимая болезнь. Правильно делаешь, что не впутываешься в её сети. Но можнс попросить тебя об одной услуге? — Трогаясь с места, вопросительно уставился на Риту. Получив робкий утвердительный кивок, растолковал: — Если уже сейчас понимаешь, что ничего у вас не получится, лучше оставь эту глупую затею и не морочь Олегу голову. Он хороший мужик, настоящий. Не заслуживает пожизненных страданий из-за неразделенной любви.

— Скажи, Руслан, а ты любил когда-то? — Не считая нужным отвечать на откровенные нравоучения, почему-то поинтересовалась Маргарита. — Откуда предвзятое суждение?

— О, нет. — Театрально закатив глаза, Буртенко натягивая маску официального сопровождающего, благоговейно ухмыльнулся. — Бог избавил от данного несчастья. Предвзятость оттуда же. Насмотрелся в реальной жизни на таких влюбленных, хватило по горло. Любовь она, знаете, Маргарита Андреевна, хороша в книгах. Вот там и пострадать с героем за дело не грех, и порадоваться тоже.

— А как же семья?

Спросила и лишь после поняла, что впервые за долгие годы сама задумалась. Нужна ли семья в принципе? Если да, по каким критериям её создавать? Ведь у самой с детства воспоминания касаясь семьи не особо радужные.

— Не знаю. — Тем временем рассуждал мужчина. — Возможно, когда-нибудь мне попадется хорошая, скромная девушка, которую не грех будет и окольцевать. в итоге

жениться придется в любом случае. Когда-то захочется тепла и уюта, чистых носков, свежих горячих завтраков. Продолжение рода никто не отменял.

— Можно подумать с вашим образом жизни это имеет место быть?

— Вы правы, не особенно. Поэтому, знаете, что для себя решил? — Задумавшись, как-то добродушно улыбнулся. — Когда все закончится, брошу работу к чертям собачьим и вернусь домой. Там у меня родители, семьи, друзья. Открою маленький бизнес и заживу припеваючи. Для себя. Никем не притворяясь. Прекращу играть в супергероев, спасающих мир, который не спасти. А Вы?

Вопрос вряд ли подразумевающий подвох. Но ввел Одинцову в ступор. А что она? Она слабо представляла, каким будет завтрашний день, не говоря о дальнейшем будущем.

Застыла меж двух огней. Кирилл. Олег... О какой семьи речь? Никогда не видела себя в роли жены. Не говоря о матери. И чьей жены? Матери, чьих детей? Олега? Если допустить, что Руслан прав и Чернышевский на самом деле любит её, нужна ли ему такая спутница жизни с тяжелым багажом прошлого? Сомнительно.

Если сейчас думает иначе, время многое расставит по местам. Олег придет к выводу, что для женитьбы нужно выбирать других женщин. Правильно сказал Руслан — семейных, скромных, правильных. Тех, что с благоговением и готовностью будут дожидаться дома с горячими борщами, в фартуке, с бигуди на голове. К сожалению, или счастью, Маргарита ни по каким критериям не подходила для примерной жены. Во всяком случае для Олега.

Куда лучше годится Кириллу. Но в подобном раскладе с трудом воспринимала семейным мужчиной Рощина. Слишком своенравный человек, чтобы оставаться верным одной-единственной. Даже представив, что попытается измениться, все равно не вариант. Удивительная ирония и незадача — быть окольцованной Кириллом, Рита не желала сама.

— Не знаю. — Подала голос, с ужасом подмечая, что внедорожник свернул к воротам поместья Рощина.

— Не бойся, Сергеич не узнает, что происходило в доме Олега. — Предотвращая вероятные просьбы Маргариты, тяжело вздохнул Буртенко. — В результате это нужно не одной тебе.

— Спасибо. — Переплетая собственные пальцы, с приближением конечной цели замирала в предвкушении предстоящей встречи.

Как поступит Кирилл? С каким настроением и вопросами встретит? Как строить манеру держаться рядом с этим мужчиной? Вроде и не чужим, но после прошедших дней далеким.

Рита боялась. Не Рощина. Действий, способных с головой выдать открывшиеся тайны Олега. Взгляда, готового раскрыть особое теперь отношение к тому же Олегу. Что не найдет сил натянуть привычную маску холодности и отстраненности. Боялась подставить Чернышевского. Вдруг Кирилл почувствует предательство? Что же тогда будет... Господи, как страшно!

— Так и просидите, пока Рощин чего-то не заподозрит? — Остановив автомобиль у порога, проворчал Руслан, когда понял, что Рита не особо торопится бежать к Кириллу.

— Может, его нет дома? — С мольбой и надеждой посмотрев на Бурю, девушка снова уставилась в лобовое стекло, невидяще изучая входной портал.

Судя по недрогнувшей оконной занавеске, Рощин тоже не спешил встречать. Чего ожидала? Что выйдет сторожить у порога? Едва завидев авто, бросится с объятиями? А сама бросилась зная, что приехал от другой женщины? Ответ очевиден.

— Сомневаюсь. — Отмахнулся Рус. — Он мне звонил утром, интересуясь во сколько примерно будем дома.

Все-таки ждет. Но кому от этого легче?..

Глубоко втянув воздух, Одинцова решительно выбралась из машины. Очередной раз осмотрелась подмечая, что впервые за многие годы возвращение в Рощу совершенно не радует. То, что ранее казалось родственным и домашним, ныне представлялось блеклым и бесцветным. Однообразным и чужим. Или она опять преувеличивает? Никак не способна избавиться от впечатления, произведенного Олегом и его обителью? Нужно успокоиться и взять себя в руки.

Стараясь стряхнуть наваждение, Маргарита неторопливо поднялась по ступенькам. Оглянувшись, встретилась глазами с Русланом, который прислонившись к капоту, закурил, очевидно, не намеренный идти в дом и попадаться Рощину под горячую руку. Или вовсе предоставлял девушке возможность поговорить с Кириллом без свидетелей. Что-то подсказывало — беседа намечается не из легких.

Тянуть дальше бесполезно. Отворив входную дверь, бесшумно прошла в холл. В доме было тихо. Чересчур тихо. Может, первоначальное предположение об отсутствии Рощина верно?.. Но какой смысл? Встречи не избежать.

В гостиной Маргариту встретила удручающая пустота. Стало не по себе. Ни тебе брошенного наспех журнала или книги на диване, ни оставленного на столике недопитого бокала виски. Неприятное предостережение неизбежности сковало душу. Её либо не ждут, либо... Оставался последний вариант, где в это время можно застать Рощина — кабинет. Когда мужчине хотелось побыть в одиночестве, обычно пропадал именно там.

В считанные минуты, пересекая длинный коридор, Одинцова застала нужную комнату приоткрытой. В паре метров от цели замедлила шаги, прислушиваясь к тишине, периодически разбавленной неразличимыми шорохами. Не ошиблась — Кирилл там.

Замерев у двери, девушка, решаясь войти, продумывала варианты предстоящего поведения. Как назло, ничего толкового на ум не приходило. В подтверждение, что поздно искать оправдания, из кабинета донесся хриловатый мужской голос:

— Чего застыла в коридоре? Не соскучилась, что ли?

Вздрагнув от резкости тона, Одинцова подчинилась и, опасливо приоткрыв дверь, ступила в комнату. В полумраке наглухо зашторенной портьерами кабинета, мгновенно отыскала Рощина. Он сидел, вальяжно откинувшись в кресле, и прокручивал в руках полупустой бокал с виски. Рядом, на столе, стояла начатая бутылка с алкоголем. Сам мужчина какой-то помятый и растрепанный. Рукава рубашки наспех закатаны до локтей, пуговицы на груди расстегнуты. Через спинку кресла переброшен измятый пиджак.

Не нравилось это Маргарите. Очень не нравилось. Неприятные выводы, невольные врезаясь в сознание, заставляли стыдливо поджиматься от собственных поступков. Предательства?.. Рощин даже не посмотрел на неё, продолжая заинтересованно рассматривать жидкость в стакане. Неужели все равно? Или безразличие напускное?..

Наверное, стоит что-то сказать? Да, однозначно, необходимо избавиться от навязчивых мыслей и дать понять мужчине, что ничего не изменилось. Что все по-прежнему. Что... Черт, ничего не по-прежнему! Совершенно! Только напиваться тоже не выход.

— Кирилл, ты опять за старое? — Подступая ближе и забирая бутылку, недовольно отметила Одинцова.

Рощин частенько баловался спиртным, когда что-то не получалось. Обычно это «что-

то» касалось бизнеса. Но сейчас-то, после исполнения своей части сделки в договоре с Олегом, по подсчетам Кирилла все должно быть хорошо. Разве что учуял подвох.

— Как дела у Волкодава? — Игнорируя вопрос, ехидно бросил мужчина. Наконец, обратив внимание на Маргариту, впился хищным прищуром: — Хорошо его удовлетворила? Не передумает отказаться от тендера?

— Кирилл, зачем ты так? — Остолбнев посреди комнаты, девушка передернулась.

Откровенно-дерзкое предположение Рощина прозвучало сродни хлесткому удару по лицу. Он снова подозревает. Недоверие сквозит в малейшем взмахе ресниц. Ни капли не верит.

Имеет ли она право на доверие? Теперь, после случившегося у Олега? Имеет ли право оскорбляться из-за нагловатой прямоты Кирилла? Первым порывом было возмутиться. Вспылить, показав обиду и досаду. Она ни в чем не провинилась перед Рощиным. По крайней мере, не изменила.

Не изменила... Как гадко звучит. Не изменила ли? Если бы не благоразумие Олега и его воистину стальная выдержка, Маргарита отдалась ему на второй день уик-энда. И вряд ли пожалела о случившемся.

Физически осталась верной Рощину. Но что делать с сердцем? С эмоциями? Чувствами? Внутренним миром она полностью предала сидящего перед ней мужчину. Отныне её мало волновала реакция Кира. Более того, в желании переспать с Олегом тендер значился последним пунктом. И тут обманывала Рощина. Но где гарантия, что он не соврал гораздо раньше?

Грязная липкая мысль скользнула на задворках сознания, исчезая в небытие. Но всего лишь на время. В голове который раз отчетливо прокручивались слова Олега. Он работает в СБУ. Управление по борьбе с оргпреступностью. Получается, внедрение в среду? Кто цель? Неужели Рощин?..

Прошлась изучающе по мужчине. В памяти вспыхнули слова о наркогруппировках, проворачивающих махинации в прошлом. Затем сомнительные партнеры Рощина по бизнесу. Что это? Совпадение? Случайность? Разве бывают такие совпадения?

Кирилл никогда не гнушался никаких методов для достижения намеченных целей в бизнесе. Казалось, Маргарита давно привыкла ко всему. Смирилась, старалась закрывать глаза. Не думать каким Рощин бывает за пределами видимости, чем занимается. Но сейчас, глядя на него, начинала сопоставлять факты, задумываясь о связи непостижимого.

— Правда в глаза режет? — Расценив молчаливое изучение собственного профиля на иной манер, Рощин медлительно, с грациозностью хищника, поднялся с места. Повернулся к Одинцовой и жадно «ощупав» хрупкую фигурку, пояснил: — Ты не беспокойся. Я тут подумал, если твое мимолетное... м-мм... увлечение принесет нам необходимые дивиденды, забуду о недоразумении. Если, конечно, Волкодав никогда не появится на моем пути. Сама понимаешь, увижу его, память разбередит старые раны, могу и передумать.

Усмехнувшись какой-то очередной безумной идее, мужчина осушил бокал. Взглянул на Маргариту. Ждал реакции. Чего угодно, но не упрямого молчания, которым девушка наградила в ответ. Так и оставшись посреди кабинета, прижимая к груди бутылку.

Не считала нужным оправдываться, разубеждать Кирилла. В одночасье ей ровным счетом стало наплевать. Рощин сделал свои выводы. Ползание на коленях с заверениями, что ничего не было, не помогут. Непомерно вспыльчивый. Привыкший доверять исключительно себе. Проверенным или надуманным, но личным фактам.

— Ну чего стоишь, как неживая? — С грохотом опустив стакан на деревянную столешницу, мужчина обогнул рабочее место, наступая на Маргариту. — Глазками луп-луп! Может, расскажешь, как все прошло? — Остановившись в десятке сантиметров, ухмыльнулся.

Изображал беспечность. Равнодушие. Но если губы искажало подобие улыбки, глаза не смеялись. Ничуть. Оставаясь холодными и невозмутимыми, как прежде. Серые льдинки, прожигающие насквозь, любопытно и нетерпеливо впивающиеся в девичье лицо.

— Нечего рассказывать. — Не выдержав молчаливой пытки, отозвалась Одинцова.

Воздух накалился до предела. Чуть-чуть и можно зачерпнуть рукой. Воспламенить спичкой. Чуть-чуть и выдержка Кирилла, которой хватался, как утопающий, полетит в тартарары.

— Не ври.

Сделав последний приближающий шаг, мужчина обжег шею горячим сбитым дыханием. Дыханием, в котором ощутимо смешался приторный запах спиртного.

— Если намерен услышать подтверждение, что я спала с Олегом, должна разочаровать. — Провозгласила с вызовом. — Между нами ничего не было.

— Так и ничего?

Любопытно всмотрелся в лицо девушки, желая отыскать подтверждение надуманной лжи. Но Маргарита держалась стойко и выдержано, уверенно встречая удары потемневших очей.

Играла не с огнем — с пламенем. Самым настоящим, жестоким и беспощадным. Не могла устоять от искушения съехидничать и подразнить:

— Если сбор цветов да ягод в лесу не считается, то ничего.

Реакция последовала мгновенно. Резкая, но вполне в стиле Рощина. Иного не стоило ожидать

— Маргарита. — Цепко хватая за запястье и прижимая к груди. Другой рукой сжал подбородок, принуждая смотреть на себя. Наклоняясь ближе, раздраженно прошипел в приоткрытые уста: — Поклянись, что не спала с Чернышевским!

— Кирилл, ты пьян. — Поморщившись от дурманящего запаха смеси дорогих сигар и элитного алкоголя, Одинцова попыталась вырваться и отвернуться. — Я все сказала и не намерена оправдываться.

— Поклянись! — Прикрикнул мужчина. Вместо того чтобы отпустить, сильнее встряхнул, пытаясь обернуть на себя.

Пожалуй, проще подчиниться, произнести желаемую клятву. Тем более врать не нужно. Ни малейшего богохульства, скажи слова, так необходимые Кириллу. Но не вовремя вспыхнувшее упрямство и гордость не позволили в этот раз низойти до унижительных объяснений. Она не привыкла оправдываться. Этот раз не исключение.

— Отпусти, мне больно. — Упираясь и морщась от боли, причиненной острыми пальцами, сжимающими скулы.

— Противен, да? — Рощину удалось обратить лицо девушки к себе. — С каких пор, Марго? После Чернышевского-то? А он не был противен, а?

— Кирилл, отпусти... — Едва слышно взмолилась Одинцова, упирая в мужскую грудь бутылку с виски.

— Чем он лучше меня, скажи? — Не обращая внимания на мольбу заорал Рощин. — Трахается лучше или что?! Говори давай!

Вопреки приказаниям, когда с уст Маргариты готовилось слететь признание, что Олег, по крайней мере, никогда так не обращался, Кирилл прижал её к себе. Торопливо приник губами к девичьим устам, подчиняя и жадно вбирая в себя.

Девушке показалось, что задохнется от требовательности и настойчивости Рощина. Она сопротивлялась. Смыкала губы, не желая отвечать на поцелуй. Но было поздно. Мужчина, воспользовавшись мимолетным замешательством, давно проник в рот, ненасытно терзая и раздражая обоняние, вмиг показавшимся неприятным, вкусом выпитого виски.

Маргарита норовила оттолкнуться, яростнее колотя кулачком по груди и опираясь с помощью бутылки. Все напрасно. Кирилл, кажется, лишь распался. Привыкший брат, когда на то возникала потребность или жажда, в этот раз переходил дозволенные рамки.

На секунды отстранившись, чтобы перевести сбившееся дыхание, выхватил у девушки бутылку, беспощадно кидая на пол.

— Так я быстро докажу обратное!

Мгновение, звон разбитого стекла и холод разлетающихся капель, попадающих на брюки Одинцовой, встряхнул, возвращая в реальность прошлого, состоящего из сплошной борьбы. За выживание. За следующий день и мимолетную, призрачную свободу.

— Кирилл, достаточно! — Взвела Маргарита, извиваясь в опытных руках, когда Рощин толкнул к столу, прытко ощупывая каждый миллиметр тела.

— Что не нравится, девочка? — Терзая влажными губами нежную кожу на шее, мужчина, пробравшись в вырез кофты, больно смял грудь. — Забываешься, с кем удумала пререкаться.

Секунда, и девушка оказалась прижата к столу. Убеждения и просьбы остановятся, словно не доходили до затуманенного алкоголем и страстью разума Кирилла. Подобная сторона мужчины для Одинцовой открывалась впервые. Он мог быть настойчивым, нетерпеливым, брат хитростью, гипнотически убеждая в собственном желании. Равнодушием, убедительной уверенностью, что так надо. Чем угодно. Но не силой.

Обезумевший зверь, дорвавшийся к добыче. Разве такой встречи ожидала?

Изгибаясь, Маргарита всячески пыталась освободиться, побуждая Кирилла вернуть трезвость мысли. Понимала — напрасно. В одиночку не справиться. В который раз не совладеет с некогда близким, а теперь очередным, обезумевшим мужчиной. И она молилась. Все отчаяннее и неистовее молилась, чтобы хоть в этот раз кто-то пришел на помощь.

То ли небеса решили смилостивиться, то ли отчаянное нежелание снова становиться марионеткой в мужских руках вспыхнуло ярче, но девушке удалось высвободить ладонь.

В момент, когда Кирилл снова потянулся к её губам, вlepила звонкую пощечину, заставляя отшатнуться.

— С*ка! — Взревел Рощин, прижав ладонь к щеке.

В глазах вспыхнул очередной огонек. Вожделения? Нет, скорее злости. Неконтролируемой и неистовой. Однажды она видела схожую. Нахлынувшее видение ужаса, испытываемого ранее, на сей раз представшее в облике Кирилла, испугало не на шутку.

Маргарита сощурилась, готовясь к самой страшной реакции.

Кто знает, какой она могла быть, не раздайся легкий стук в дверь, вместе со слегка озадаченным:

— Кирилл Сергеевич?..

Распахнув веки, Одинцова одновременно с Рощиным, обратила внимание на знакомый голос.

Застыв на пороге кабинета, Руслан неловко уставился на представшую картину.

— Ой! — Окинул полумрак комнаты, цепляясь глазами за разбитую бутылку. — Услышал шум, и подумал... — Перевел взор на растрепанную девушку: — Не нужна ли помощь?..

— Не нужна! — Отступая от Риты, раздраженно буркнул Кирилл, запустив пятерню в волосы на затылке.

— Значит, зайду позже. — Собираясь ретироваться, Буртенко сочувственно глянул на девушку: — Извините, что помешал.

— Ты не помешал! — Поспешила возразить Одинцова. Оттолкнувшись от стола, одернула кофту, прошла мимо озадаченного Кирилла к выходу. Обернулась к нему снова, брезгливо поморщившись: — Мы закончили.

Когда Руслан потеснился, освобождая дверной проем, благодарно кивнула. Не желая испытывать судьбу на справедливость, на заплетающихся ногах побрела к спальне.

— Бурый, вот что за манера врываться без стука! — Донесся гневный окрик Рощина.

— Простите, Кирилл Сергеич. — Извинялся Буртенко. — Откуда я знал.

Очень правдоподобно и искренне. Не ведая Маргарита, что тот под прикрытием, ни за что не догадалась о преднамеренности действий.

— Да ну тебя. Заходи, расскажешь в подробностях, как съездили.

Кирилл в своем репертуаре. Но о чем пошел дальнейший разговор, Одинцова не слышала. Дверь с легким стуком захлопнулась, а она быстрее прошагала по коридору.

В этот раз пронесло. Благодарить стоит никого иного, как Руслана. Вопреки своим возмущениям по дороге до дома, он сходу бросился выполнять просьбу Олега. Отныне в его преданности Чернышевскому сомневаться не стоит. И с Рощиным не проколется. Девушка верила. Но Буртенко не всегда сможет вовремя оказаться рядом. И одному Богу известно, как далеко способен зайти Кирилл в следующий раз.

Оказавшись в спальне, Рита нервно повернула замок, закрываясь изнутри. Прислонившись к двери спиной, облегченно вздохнула. Зажмурившись, обхватила руками голову и безвольно сползла на пол.

Нет, не плакала. Слез не было. Ни грамма. Но дрожь волной прокатилась по телу. Сердце с каждой секундой отчаяннее трепыхалось в груди, как загнанная в клетку птичка. Такая одинокая и несчастная, как она. Безвольная, живущая мечтами о свободе.

Думала ли, что возвращение к Кириллу окажется настолько сложным? Догадывалась. Ожидала бурной реакции. Ожидала всего. Но не того, что едва не произошло. Она уверена, не появившись случайного свидетеля, Рощин взял её силой и вряд ли после испытал раскаяние. Впрочем, как многие другие до него.

Это только начало. Первые часы возвращения и в омут с головой. Что дальше? Найдут ли силы Одинцова выдержать? Или в этот раз, ощутив себя слабой и кому-то нужной, не сможет самостоятельно противостоять и сломается?

Возникло непреодолимое желание вновь оказаться в крепких и надежных объятиях Олега. Почувствовать успокаивающие поглаживания на спине, волосам. Услышать размеренное дыхание и спокойную бархатистость голоса. Как жаль, что это невозможно. Не сейчас. Если повезет незаметно улизнуть от Рощина, возможно, завтра.

Пока она не имела права даже на звонок. Предполагала реакцию Чернышевского, услышь он её в таком состоянии. Потому ставить под угрозу судьбу ни одного человека из-за личной прихоти не имела права.

Олег и Кирилл. Двое мужчин, далеко не посторонних ей. Выбор, совсем недавно казавшийся сложнее любого логарифмического уравнения. Как мало, выходит, должно произойти, чтобы одна чаша весов неоспоримым грузом перетянула другую.

Возможно, в чем-то заблуждается или лукавит. Сама виновата в сегодняшнем поведении Кирилла. Но одно знала точно — для Рощина навсегда останется заклеянной прошлым. Он никогда не забудет ту девушку, которую узнал в стенах Инанны. Равносильно, как и Маргарита, несмотря на любые убеждения в обратном, никогда не станет для этого мужчины равной...

2010 год

— То есть хочешь сказать, что все прошло без каких-либо излишних... эксцессов? — Нахмурившись, недоверчиво уточнил Роцин. Прокрутив в руках пустой бокал, вопросительно уставился на сидящего напротив начальника собственной СБ, который в ответ невозмутимо кивнул. — Ты уверен?

— Более чем, Кирилл Сергеич. — С достоинством выдерживая угрожающий взор Роцина, Руслан пояснил: — Или сомневаетесь в моем профессионализме?

— Ничуть. — Равнодушно пожал плечами Кирилл, осознавая, что не доверять Бурому нет ни малейшей причины.

Но что-то изнутри жгло и терзало, не давая возможности до конца принять услышанную версию. Нечто, вероятно, не в словах Буртенко. Во взгляде Маргариты, обращенном к нему по возвращении. Что-то дерзкое и непокорное. Впервые за долгие, тянущиеся вязкой паутиной, годы совместного проживания. Кто или что тому причина, если не Чернышевский?..

— Ты ведь не мог стеречь круглые сутки. — Спустя пару минут затянувшегося молчания, предположил Кир. — Ночь, когда весь дом спал, могла быть в их полнейшем распоряжении.

— Кирилл Сергеич, обижаете. — Вальяжно откинувшись к спинке кресла, усмехнулся Руслан. — Помимо личного присутствия, есть масса способов для скрытой слежки: жучки и прочие шпионские приспособления. Уверю Вас, что ночью Маргарита Андреевна, равно как и Чернышевский, мирно спали. — Роцин нетерпеливо постучал пальцами по столешнице, и Буря добавил: — Каждый в своей постели.

— А днем? — Не унимался мужчина. — Ты не мог весь день держать их под контролем.

— Кирилл Сергеич, ночью мог, а днем нет? — Поморщившись, с насмешкой вторил Бурый. — Они все время были у меня на глазах. Благо и сам дом, и прилегающая территория, отличаются отличной обзорностью. Максимум, чего случилось запретного, так это вместе покатались на лошадях, на лужайке за домом.

— Бл**ь! — Взревел Роцин.

Стукнув кулаком по столу, обхватил руками голову, раскачиваясь из стороны в сторону. Ёлки зеленые, какой придурок! Едва не натворил очередных глупостей, если бы не Руслан. Как же вовремя он пришел. Как вовремя! Если, конечно, сказанное правда.

Спешно подскочив, Кирилл обогнул стол, мигом оказавшись возле охранника. Упираясь одной рукой о столешницу, склонился рядом. Ухватив за ворот футболки, потянул недоуменного парня на себя.

— Бурый, учти, доверяю тебе, как себе. — Прошипел в лицо. — Заподозрю, что врешь, пришью на*ер собственноручно. — Встряхнув, прикрикнул: — Понял меня?!

— Да, понял-понял. — Хмыкнул Руслан, стоило Кириллу его отпустить. — Но можнс совет?

Не успев отвернуться, чтобы возвратиться на место, Роцин фыркнул. Порой его поражала способность своего начальника СБ открыто и нагло дерзить. С другой стороны, сам виноват, распустил. И не взял бы к себе в команду труса, который поджимался от одного его слова.

— Ну, валяй. — Равнодушно отозвался, пнув носком туфли отлетевший к столу осколок бутылки.

— Не доведет Ваша подозрительность до добра. — Поднимаясь, искренне выдал Руслан. — Сегодня Вы, надумав чего-то эфемерного, бросаетесь на меня, на Маргариту Андреевну. Что будет дальше?..

Последний вопрос явно не предполагал ответа. Только слова задели Рощина. Очень сильно задели. С каких пор щенок будет указывать, как жить? Пофиг, что этот щенок ходит в доверенных лицах. Важно, что Бурый воспринимает его как человека, которому можно указывать на ошибки. Черта с два!

— Борзый сильно, что ли? — Взревел Кирилл. — Какая тебе разница, что будет дальше?! Лучше обязанности свои тщательнее выполнял. Пошел вон!

Не отразив выпад, Руслан ухмыльнулся. С видом полной невозмутимости, покинул кабинет.

— Бл*, распоясались все! — Прорычал Рощин вслед.

Резко повернувшись к рабочему столу, одним движением руки смел содержимое на пол, позволяя бумагам беспорядочно разлететься по комнате.

Что такое? С ума сходит последнее время! Места не отыщет из-за этой маленькой дряни! У подчиненных хватает ума приехав, указывать на промахи! Учить, как себя вести с *ней*. С его, Кирилла, девчонкой!

Откуда кому знать, что мужчина чувствовал прошедшие дни? Каких усилий и труда составляло изображать внешнюю невозмутимость? Отпустить Марго к козлу Чернышевскому и спокойно сидеть, ожидая возвращения. Представляя, как, возможно, в это время его Маргарита, *ЕГО* и ничья больше, кувыркается в постели с другим! Еще с кем? С заклятым врагом! Соперником! Главным соперником. Судя по всему, даже не в бизнесе.

По*ер, что наверняка все творила ради него, Кирилла. Ради дела. Серьезного такого, важного. Почему-то стоило зайти речи об этой бабе, Рощину становилось плевать на бизнес с высокой колокольни. На проблемы. Здоровые мысли вытесняла она и неконтролируемая безумная ревность, пускающая мерзкие крепкие корни в дальние глубины души.

Черт подери, как Рощин ревновал! Сколько ни пытался отвлечься! Ездил в город, на базу. Там девочки с хваткими умениями должны были помочь его проблеме, сняв напряжение и стрессы. Анэт, Мари — лучшие в своем деле. Но куда там! От раскрепощенных действий делалось хуже. Покорной услужливостью раздражали.

Нет, Кирилл, безусловно, из тех, кто любит, чтобы везде подчинялись, интимная жизнь не исключение. В свое время удалось вроде обуздать и Маргариту. Но это другое. Мнимое таившееся смирение, по сравнению с до тошноты безропотным подчинением, выигрывало в сто крат. Эти Мари, Анэты, Жоржеты, Горгеты — все сливались в единую безликую и мрачную тень. Сопоставлялись Маргарите. *Его Королеве*.

Когда стал столь помешанным на этой девчонке? Когда чуть менее десятилетия тому впервые увидел на дурацком аукционе живого товара у Сизого? Вряд ли.

Худенькая, как тростиночка. В бежево-шоколадном платье, четко очерчивающем изгибы фигуры, с высоким шиньоном, открывающим изящную тонкую шею. Хрупкая, маленькая, незащищенная. Ничего особенного. Но достоинство и дерзость, с какой держалась на сцене, уверенность в собственной привлекательности под сотней похотливых глаз поражала. Монархическая выдержка и стойка. Маленькая диадема в волосах лишней раз подтверждала статус королевы вечера. После, как оказалось, полноправной Королевы его

жизни.

Осознание пришло не сразу. На аукционе выложить кругленькую сумму за девчонку подтолкнула здоровая конкуренция с дражайшим братцем. Ненавистным соперником везде — начиная от бизнеса, заканчивая элементарным вниманием и благосклонностью отца.

Ритка-Маргаритка. Догадывалась ли, что примитивно стала пешкой в чужой игре? Скорее всего, нет.

Зато Кирилл знал, что на тот момент их с Маргаритой объединяло одно очень сильное и важное чувство — ненависть к Гришке Латунину. Об истинной причине подобных эмоций со стороны Одинцовой мужчине оставалось предполагать. Бордель, элитная проститутка, гадкий и низкий человечиска, Гришка, способный ради удовлетворения собственных амбиций на что угодно.

Что больше двигало тогда Роциным? Жалость к Маргарите? Или желание утереть нос ненавистному родственничку? Однозначно сказать нельзя. Но сочувствовать Ритке не намеревался. Невзирая на испуг и мольбу, читавшуюся во время чуть ли не оглашения победы Гришки почетным обладателем ценного лота. Таких королев, как она, не жалеют. Их покоряют и подчиняют. Такими обладают.

Эту простую истину Роцин усвоил, едва остался с девчонкой наедине. Снежная Королева выдалась не холодной и непробиваемой, как воображалось изначально. Импульсивная, несдержанная. Истинная тигрица в постели. Под стать ему.

Тогда Роцин не представлял, какое ощущение свободы и спокойствия принесет. Какие привилегии и горизонты откроются благодаря её присутствию рядом по жизни. Ничего не соображал, лишившись здравого разума. Зато отлично понимал, что больше никуда не отпустит свою Маргариту.

Тот день, когда принял одно из, пожалуй, самых судьбоносных решений, мужчина запомнил навсегда. Тогда многие из его окружения и люди со стороны чуть не крутили пальцами у виска, считая сумасшедшим идиотом, что повелся на проститутку. Но ему было откровенно на**ать.

Тогда, как и последние три дня, Роцину крышу сносило от одной мысли, что Марго может принадлежать кому-то еще...

2001 год

— Кир, ты совсем debil? — Выжимая педаль газа до упора, возмутился Калачев, поглядывая на сидящего рядом мужчину. — Пол лимона за бабу! Даже не за бабу. За шалаву. За одну-единственную ночь. Охе*еть! Она брильянтовая, что ли?

— Калач, заткнись, а? — Равнодушно отмахнувшись, Кирилл постукивал пальцами в такт некогда популярной мелодии. — Ты ведь её не видел, не знаешь, что это за девочка. Насколько хороша.

— *Девушка мечты, в этот вечер не со мной осталась ты. Я тебя нарисовал, я тебя нарисовал, только так и не познал твоей любви...* — Вторил Роцину голос солиста из магнитолы.

— Что-то подсказывает, скоро узнаю. — Буркнул Тимур, обращая внимание на широкую почти пустынную трассу, ведущую загород. — Скажи, нахе*а мы опять премяся к

Сизому?

— Что непонятного? — Удивленно вскинув бровь, Кирилл уставился на друга. — Хочу, чтобы Марго принадлежала мне.

— Ты представляешь сколько придется вывалить за это удовольствие? — Снисходительно рассудил Калач. — Одна ночь обошлась тебе дороже, чем полноценно реализованная партия товара. Ну, ладно, понимаю, Гришане давно стоило утереть в чем-то нос. Но бляха, утёр, теперь на *уй столько бабла вываливать? Тебе баб мало? За такие деньги обеспечишь себе целый гарем! Причем ежедневно-сменяющийся и до конца жизни.

— Калачев, задолбал мои деньги считать! — Вспыхнул Кирилл. — Хоть все состояние вывалю, тебе-то что?! Твое дело маленькое — исполнять мои указания.

— Да понял, не кипятись. — Сворачивая к дороге, ведущей к элитному поселку за чертой города, фыркнул Тимур. — Только я на твоём месте деньги пустил на...

— Ты не на моем месте! — Оборвал Рошин.

— Понял, не дурак.

— Так-то. — Откинувшись к спинке сиденья, Кирилл прикрыл глаза, вникая в смысл песни, орущей из динамиков.

— ... *А на самом деле, ты сейчас с другим. И душой, и телом, веселишься с ним. Но в судьбу я верю, как прежде лю...*

— Выключи эту хрень! — Гаркнул Рошин, не раскрывая век.

Мгновение, и тишину в автомобиле нарушал лишь привычный гул мотора и свист ветра, залетающего сквозь приоткрытое окно.

Девушка мечты, твою мать! Надо же! Другого объяснения, почему мужчину тянет к этой шлюхе нет.

Сколько прошло с ночи после аукциона? Если не изменяет память, чуть больше месяца. За это время чего ни случилось. Очередные стычки с братцем, нравоучения отца, попытки доказать, что в состоянии держать семейный бизнес под контролем не хуже Рощина-старшего. Что, в конце концов, именно он достойный преемник и способен противостоять даже такому авторитету, как Сизый.

Это малая часть из произошедшего. Сколько баб побывало в его постели за последний месяц — со счета сбился. Все как на подбор умелицы. Умницы-красавицы, идущие за ним не по долгу службы, и не из-за денег или возможностей. Потому что хотелось. Знали — не получают взамен ничего больше качественного секса, а все равно следовали за Кириллом. Когда-то он радовался подобному факту собственной притягательности. Стоило появиться этой ведьме Марго и все — как подменили.

Образ элитной шлюхи преследовал не одну ночь. До тех пор, пока не решил, что надо что-то менять. Ёлки-палки, впервые в жизни опускается до того, чтобы покупать себе любовниц. День аукциона ни в счет. Тогда Рошин пришел в Инанну, чтобы в неформальной обстановке понаблюдать за Сизым, найти любую зацепку, чтобы сдвинуть с трона. А тут появление завсегда Гришки, соревнование на спортивный интерес, переросший позже в нечто большее. Как итог — сегодня Кирилл сделает все, чтобы получить полноценный и единый контроль над телом, а если повезет, душой, девчонки.

— Мне с тобой пойти? — Остановив авто у высоких кованых ворот, безучастным тоном поинтересовался Тимур.

— Сам справлюсь. — Огрызнулся Кирилл, выбираясь из машины. Потянувшись к заднему сиденью, вытащил новенький черный кейс. Захлопнув дверь, заглянул к Калачу,

добавив: — Понадобится помощь, наберу.

Не дожидаясь ответа, прошел во двор.

Несмотря на внушительное количество охраны, мужчину впустили в клуб без ненужных расспросов и удостоверений личности. Что ж, знают, кто он. Чувствуют силу. Видят прямого соперника для их выдохшегося хозяина. Тем лучше. Если все получится, как планирует Рошин, недолго осталось Сизову ходить в царях местного разлива.

— Добрый день. — Едва мужчина вошел в особняк, навстречу выбежала симпатичная блондинка лет тридцати, учтиво приветствуя и зазывно улыбаясь. — Вы заранее договаривались? Или спонтанное решение? Желаете выбрать кого-то для хорошего времяпровождения на сегодняшний вечер?

— Сизый здесь? — Игнорируя навязчивые вопросы, в лоб бросил Кирилл осматриваясь.

Да, неплохо устроено. В прошлый раз из-за огромного скопления народу не удалось прикинуть все масштабы и роскошь данного заведения. Все-таки не ошибся, примеряя Инанну на себя. Шикарное месторасположение с не менее шикарной обстановкой.

— Да-а. — Опешив от наглости мужчины, заикнулась блондинка. — Но у него посетители.

— По*ер. Скажи, что пришел Плантадор и не намерен дожидаться, пока какая-то мелкая сошка подберет себе бабенку на ночь.

— Николай Степанович просил не беспокоить! — Став в позу, осмелела девушка. — Вам придется подождать. Могу предложить, как скрасить свободное время. — Захлопав густыми ресницами, томно заявила: — У нас отличный выбор девочек. Для особых клиентов я делаю исключение и тоже оказываю определенного вида услуги.

— Ты не поняла, что ли? — Прикрикнул Кирилл. — Я не собираюсь ждать. Не хочешь сообщать, показывай дорогу, сам к Сизову пойду.

— Вы тут не командуйте! — Поставив руки в бока, взбунтовалась блондинка. — Сейчас охрану позову и не посмотрю, кто Вы такой. У нас все клиенты равны. Хоть Плантадоры, хоть Авиаторы!

— Что? У Сизого Гришка, что ли?! — Вопрос вряд ли подразумевал ответ.

Игнорируя очередную порцию причитаний наглой девицы, бросился к коридору. Блондинка бежала следом, на ходу окрикивая то его, то охранника, который куда-то отошел с поста. Кирилл был непоколебим. В считанные минуты, по памяти, отыскал нужную комнату.

Врываясь в кабинет, точно знал кого увидит. Словно полагал эффектом неожиданности застать брата за каким-то темным дельцем, скрытым от отца.

— Кирилл Сергеевич, и Вы тут как тут! — Когда мужчина влетел в комнату, сидящий за рабочим столом Сизов, поднялся, язвительно приветствуя незваного гостя.

— Николай Степанович. — Послышались возмущенные возгласы девицы позади. — Я его не планировала пускать. Но он совершенно не понимает слова «Нет».

— Белла, свободна! — Пресек дальнейшие объяснения Сизый.

Секунды и за спиной Кирилла с легким стуком прикрылась дверь.

Усмехнувшись про себя, Рошин перевел взор с, кажется, ни капли не удивленного Николая Степановича, на Латунина. Последний сидел на диване и нервно теребил стопку бумаг.

— С чем пожаловал? — Усаживаясь на место, лениво уточнил Сизый. — Проконтролировать брата? Или нечто личное привело?

— Какого хрена он тут делает? — Шикнул Кирилл, демонстративно игнорируя присутствие Григория в кабинете. — Опять крысит?

— Дела мы решаем, парень. — Известил Сизов, потянувшись к раскрытому золотому портсигару, где хранились дорогие кубинские сигары. — Серьезные такие дела. Причем мирным путем, а не как ты любишь. Чтобы всем чего-то выгорело и все остались в шоколаде.

— Батя хоть знает, что ты конкурентам сливаешь информацию на блюдечке с голубой каемочкой? — Пройдя вглубь кабинета, Роцин по-хозяйски плюхнулся рядом с Латуниным. Бросил кейс на кофейный столик, расположенный впереди. Под ошарашенными взглядами вырвал у братца из рук документы, отмечая: — Если нет, ты понимаешь, чем это грозит?

— Это не касается отца. — Вырывая бумаги у Кирилла, пророкотал Григорий.

Но Роцин успел зацепиться за пару строк, выделенных жирным шрифтом. И то, что лицезрел, понравилось не больше, чем если бы предположения о работе Гришки на Сизого, подтвердилось.

— Это что за хрень? — Поворачиваясь к Николаю Степановичу, который насмешливо наблюдал за братскими разборками. — Какой еще договор о вступлении в право владения?..

— Не кипятись, Кирилл. — Прикуривая, осадил Сизов. — Мы говорили о деле, которое вашего отца касалось в последнюю очередь. Григорий всего-то решил приобрести право единого владения одной из наших лучших девочек на годок-другой.

— Какой девочки? — Повернувшись к улыбавшемуся на все тридцать два братцу. — Проститутку себе покупаешь? Докатился ты, Гришаня, однако.

— Но-но, зачем так грубо? — Лениво отозвался Николай Степанович. — Это, между прочим, королева моего цветника. Строптивная, правда. Но она того стоит. Хотя кому я рассказываю? Ты ведь сам имел честь испытать на себе силу её очаровательного магнетизма.

— Когда это?

Кирилл был не на шутку поражен. Врываясь в кабинет, обвиняя этих двоих в тайных махинациях, оставался на сто процентов уверен в собственной победе сегодняшним днем, нынче озадачивался пока не до конца понятными вопросами.

— На аукционе. Покупка нашей Маргариты за небывалую сумму в полмиллиона гривен! — Восторгу в голосе Сизого не оставалось предела.

— Думал, сделал меня? — Расслабляясь, поддакнул Латунин. — Нет, братишка, просто попытался. Что толку, что вывалил пол лимона? Ночи как не было. А я подождал, зато теперь Грета будет моей надолго.

— Облезешь! — Огрызнулся Роцин.

Подхватившись, в пару шагов преодолел расстояние к Николаю Степановичу. Упираясь ладонями в столешницу, поддаваясь вперед, прошипел:

— Сколько он отвалил?

— Коммерческая тайна. — Откинувшись к спинке, Сизов выпустил вверх несколько колечек густого дыма.

— Дам в два раза больше!

— Ого! — Присвистнул Николай Степанович, озадаченно приглядываясь к Роцину. — Ты не знаешь, сколько мне согласен дать Григорий Сергеевич.

От упоминания отчества Кирилл невольно поморщился. Но решил оставить семейные разборки на потом. Сейчас больше волновала судьба вероятной сделки. Надо же какая ирония. Так и знал, что стоило приезжать раньше. Но Калач все тянул время, отговаривал... Нет, кому-кому, а Гришке девчонку не отдаст.

— По*ер! — Обернувшись к Латунину, самоуверенно сложил руки на груди. — Маргарита должна быть моей.

— Погодите-ка, Николай Степанович. — Выглядывая из-за Рощина, встрял Григорий. — Мы так не договаривались. Вы сказали, я помогу с делом, девка моя.

— Даже так? — Вопросительно вздернув бровь, Кирилл из последних сил старался сохранить выдержку под контролем, чтобы не наброситься на нахального самозванца. — Смею разочаровать, ничего у вас не получится.

Снисходительно осмотрев Латунина, обошел того, возвращаясь к дивану. Плюхнувшись обратно, потянулся к кейсу. Выждав театральную паузу, расстегнул змейку. Ухмыльнулся, переводя взгляд с Сизого на Гришку, что мигом переменялись в лицах, увидев содержимое чемоданчика.

— В общем, так. — Деловито выдал мужчина, вытаскивая увесистые пачки долларовых купюр, одну за одной складывая на столик. — Будем считать, что услышанное сейчас, досадное недоразумение.

— Ни много на себя берешь? — Возмутился Григорий, жадно «ощупывая» деньги. — Какого хрена ворвался сюда? У нас с Николай Степанычем серьезный разговор.

— Гришаня, будем откровенны. — Нагло вато перебив, Кирилл взмахнул пачкой купюр. — Если о твоих махинациях узнает отец, вылетишь из семейного бизнеса как пробка из бутылки, и ничего тебе не поможет. Николай Степанович. — Обращаясь к Сизому, с недоумением застывшему у стола: — Вы неглупый мужик, как могли связаться с этим? Ничего, помимо проблем, делишки с ним не принесут.

— С тобой, значит, принесут? — Снисходительно хмыкнув, Сизов прокрутил между пальцами тлеющую сигару. — Мальчик, не заигрываешь?

— Николай Степанович, заигрываетесь Вы, раз свято верите, что удастся обойти отца с помощью этого. — Машинальный кивок на Латунина. — Прекрасно понимаете, недоразумение, значащееся как прямой наследник Рощина-старшего, так и останется недоразумением. В итоге вести совместные дела или войну придется со мной. Что конкретно, выбор за Вами.

— Какой ты самоуверенный парень, Кирилл. — Бросив сигару в пепельницу, не утруждаясь в том, чтобы затушить, Сизый со знанием дела вглядывался на деньги, лежащие на столе.

— Я оцениваю положение вещей трезво. — Постучав пальцами по подлокотнику, отозвался Рощин. — Уверен, предложение Григория, — Взглянул на братца, который не пытался возразить, понимая, что крыть нечем. Начнет выпендриваться и убеждать в обратном, Рощин-старший не погладит по головке. — Выеденного яйца не стоит. Я предлагаю реальные деньги уже сейчас.

— Сколько? — Хладнокровно сощурился Сизов.

— Здесь сотка баксов. — Довольный собой, Кирилл подскочил, подхватывая на ходу пустой кейс. — Думаю, на первое время хватит, чтобы забронировать за мной место у этой девчонки, Маргариты.

— На первое да. — Утвердительно кивнул Николай Степанович. — Составим договор?

— Нет. Зачем? — Поморщившись, будто предложили нечто грязное. — Верю на слово, в отличие от некоторых.

Остановившись возле Латунина, смерил того презрительным взглядом.

— Маргарита должна числиться за мной. Узнаю о других клиентах, побывавших отныне

в её постели, худо будет всем. — Хоть обращался к мужчине, стоящему за спиной, глазами сканировал навязанного брата.

— Николай Степанович. — Выдерживая столкновение с Кириллом, позвал Гришка. — Мы так не договаривались. Я готов доплатить, чтобы Грета была моей.

— Хрен тебе, а не Грета. — Прошипел Рошин подобравшись. Одновременно с тем ударил кулаком Латунина под дых.

Тот, явно не ожидая бесстыдного подвоха, не успел отразить удар, сгибаясь пополам.

— Остальное занесу потом. — Обернувшись к забавляющемуся ситуацией Сизову, довольно бросил Кирилл. — Сейчас хочу сообщить своей девочке приятнейшую новость, что с этого часа она моя.

— Попроси Беллу, она проведет. — Окликнул Николай Степанович, когда Кир направился к выходу из кабинета.

— Эй, Сизый, правда, решил меня кинуть? — Дерзко переходя на «ты», вознегодовал Григорий. — Я первый пришел договариваться! Значит, имею полное право торговаться до победного конца! А ты, — Обращаясь к Кириллу. — Сам-то не лучше, раз из-за бл**и готов пустить серьезные дела на самотек. Проститутка, выходит, тебе дороже.

Застыв у двери, Рошин спешно развернулся. Преодолевая образовавшееся между ними расстояние, остановился напротив.

— Чего вскипел, Гришаня? — Хватая со стола стакан с водой. — Судя по твоему поведению, проститутка здесь одна. Это — ты. — Хлюпнул родственничку в лицо, прокомментировав: — Остынь и найди другую бабу. Попроще.

Не дожидаясь реакции, отсалютовав Николаю Степановичу, поспешил скрыться из кабинета.

Злость и раздражение переполняли мужчину. Виной тому тайные махинации Латунина с Сизым за спиной у отца? Или факт, что каких-то десятков минут мог опоздать и сделку на Маргариту заключили с его главным врагом? Кирилл не хотел разбираться в этом вопросе.

В любом случае он добился своего. Мирным способом или нет, неважно. К счастью, Сизов оказался дальновидным мужиком и уяснил — сотрудничество с Гришкой ни к чему не приведет. Не понял бы, Кирилл не остановился.

В какой-то миг осознал, не достанься Маргарита бескровным путем, не стал дожидаться подходящего момента, когда Степаныч окажется уязвимым — взял бы Инанну штурмом хоть завтра. Да, рискнул, но зато мог сразу убить двоих зайцев.

Хотя толку размышлять о том, что решилось само собой? Главное, цель, ради которой приехал, достигнута. С остальными недоразумениями, как-то Григорий, разберется позже. Нужно еще бате рассказать о занятом эпизоде, которому стал свидетелем, с участием дражайшего сыночка. Но и это подождет. Сейчас нужно увидеть кареглазую колдунью. Его Королеву. Теперь точно лишь его...

2010 год

Кирилл не сразу понял, к в его руках очутилась очередная бутылка с виски. Развалившись на крохотном диване в углу кабинета и предаваясь воспоминаниям, не заметил, как над помещением сгустились сумерки, оповещая о скором приходе ночи. А он все

еще не объяснился с Маргаритой.

Нет, извиняться за странный, не произошедший инцидент, не собирался. Более того, не считал себя повинным. Роцин имеет полное право на обладание Королевой, когда и как вздумается. В свое время неоднократно выплачивал за девчонку кругленькие суммы. А столько сил, терпения ушло упоминать страшно. В итоге обязана хоть чем-то отплатить. Открывшиеся горизонты и привилегии не в счет. Мужчина ни в чем перед ней неповинен...

Ёлки, но оставлять как есть, позволяя Одинцовой раздувать из недоразумения проблемы огромных масштабов, сердиться, игнорируя его, казалось не лучшим выходом из ситуации. Пора показать, кто в доме хозяин.

Сделав очередной глоток из горла, Роцин поставил бутылку на пол, а сам неповоротливо поднялся с дивана. На подгибающихся ногах двинулся к выходу, стараясь ничего не зацепить в полумраке.

Несмотря на гулкий шум в ушах, отдающий резкими болями в затылок, до комнаты Маргариты добрался достаточно быстро. Не такой пьяный, каким себе виделся изначально. Наверное, за последние дни совсем допился, что ни хе*а не берет.

Переведя дыхание у нужной комнаты, потянул за ручку, но дверь не поддавалась. Хмыкнув, мужчина подергал еще. *Чертовка!* Решила поиграть в кошки-мышки. Закрылась. Думает, Роцин не доберется. Ага, как же. Наивная.

— Марго. — Жалобно протянул, передернувшись от собственного тона. — Открой, пожалуйста. Нам надо поговорить.

Вместо ответа, тишина. Неужели спит? Маловероятно. Хотя и темно, еще не настолько глубокая ночь. Прячется? Рассчитывает молчанием заставить Кирилла уйти? Пускай понадеется.

— Маргарита, — Легонько постучав, снова позвал. — Давай будешь послушной девочкой и откроешь дверь. Я пришел извиниться.

Раздраженно поморщившись, Роцин еле держался, чтобы не выругаться. Чертова баба. И так, и этак, а она ломается как последняя девственница. Высадить бы дверь к чертям собачьим и не играть роли раскаявшегося идиота. Но легкий шорох за стеной сдерживал, давая надежду, что Одинцова откроет добровольно. Так лучше. Не будет лишнего повода обвинить в нетерпимости.

— Ритуленька, открой, пожалуйста. — С каких пор стал с ней церемониться?.. — Мне Руслан обо всем рассказал.

— Чего ты хочешь? — Отозвалась девушка.

— Я же сказал, поговорить. — Скрипнув зубами, зажмурился. — Извиниться.

— Считай, извинился. — Дерзко отбрила. — Что-то еще?

— Марго, как можно разговаривать через стену? Детский сад, её, Богу. Или считаешь, я на тебя наброшусь? — Не сдержав смешок от абсурдности мысли, мужчина сам не понял, насколько его истина правдива и насколько хватит выдержки.

— Протрезвеешь, поговорим. — Резонно предложила Одинцова.

С*ка! Порой Кирилл сожалел, что девочка гораздо умнее, чем предполагал. Хотя с такими генами грех глупить. Маргарита всегда была особенной. Иначе не бегал к ней, как пацан недозревший, регулярно в бордель. Но в моменты, подобные нынешним, заумностью выводила из себя.

— Ритуленька, что как маленькая? Я уже трезв, как стеклышко.

— Кирилл, прошу тебя, иди проспись.

— Я буду стоять здесь, пока не откроешь.

Вместе с тем послышался щелчок замка. Умная девочка на слово не верит, предпочитая удостовериться лично. Как сразу не сообразил, что это единственно надёжный способ. Заботливая маленькая дурочка.

— И что намерен выстоять? — Высунув голову в небольшую щель, обреченно вздохнула Маргарита.

— Тебя. — Поворачиваясь к девушке, Рошин дар речи чуть не потерял, пройдясь взглядом по растерянному личику.

Влажные волосы на затылке собраны в растрепанный пучок. Не покрашенная, такая естественная, домашняя, родная. Глаза, придирчиво осматривающие его, заплаканы? Бл*, неужели опять довел девочку? Свою Королеву. Плевать, что сейчас вид далеко не королевский. Она такая одна. Его.

Из-за своего безумия не сразу сообразил насколько, оказывается, соскучился по ней.

— Кирилл, иди к себе. — Отрицательно качнув головой, разрушая миг очарования, Маргарита собралась захлопнуть дверь изнутри.

Реакция от Рошина последовала мгновенно. Сунув ногу в щелку, предупреждая возможность закрыться, ухватил руками дверной косяк.

— Марго, мы не поговорили. — Сощурившись, резко заметил мужчина.

— Я не собираюсь с тобой говорить. — Толкая дверь вперед, помышляя выпихнуть Кирилла с порога, начала злиться девушка.

— Я тоже не собираюсь. — Противодействуя Марго, Рошину удалось оттолкнуть её в сторону, получив полноправный доступ в спальню. — Знаешь, как мне тебе не хватало?

Нахмурившись, Одинцова отрицательно покачала головой, отступая. Правда, отступить некуда. Путь к выходу преграждал Кирилл. За спиной широкая кровать. Шаг вправо — стена. Шаг влево — туалетный столик, далеко не сбежит. В ванной комнате не скроется. Отходя назад, непременно во что-то врежется. Поворачиваться спиной мужчина ей не советовал. Судя по затравленному выражению лица, девушка отлично это понимала. Равносильно, как и ругала себя за опрометчивость, что запросто попалась на крючок.

— Кирилл, тебе мало случившегося в кабинете? — Поджавшись, Одинцова обхватила себя за плечи.

Неужели боится? И кого? Его боится. Какой придурок! Совсем довел нелепыми подозрениями!

— Ритулечка. — В одночасье оказавшись рядом, Рошин, прежде чем успела отскочить, хватая за талию, мертвецки прижав к груди. — Девочка моя. — Свободной рукой лихорадочно исследуя лицо, не позволяя отвернуться. — Ну дурак я, дурак. Признаю. Что ж теперь, а? Ты всегда знала, что такой и ничего, терпела.

— В том-то и дело. — Уклоняясь от навязанной ласки, дерзко возразила. — Раньше ты не был таким.

— Чего упрямишься? — Поворачивая на себя за подбородок. — Раньше и ты была только моей. Даже тогда, в Инанне, помнишь? — Блуждающе исследовал девичье лицо. — Я всегда был уверен в тебе, слышишь? Всегда. В аккурат до того момента, пока на горизонте не замаячил этот ублюдок, Чернышевский. Понимаешь?

Кого пытался убедить в сказанном, сам не уразумел. Кажется, по равнодушному отстранению Маргариты, ей абсолютно безразлично. А ему нет. Надеялся отыскать первопричину. Убедиться, что ранее не был таким. Что всему есть предел. Что срывается не

по собственной воле. Срывается, потому что противна одна мысль, в которой Марго может принадлежать кому-то еще. Принадлежать именно Волкодаву.

Отчего-то Рошин отчаянно не мог избавиться от призрака соперничества. Позволить себе проиграть в этой битве. Ни за победный куш в бизнесе. Ни, особенно, за женщину, которую жаждет больше всего на свете.

— Ты первый предложил мне лечь под него, помнишь? — Не моргая, Маргарита в упор смотрела на мужчину.

— Ты не имеешь права этим попрекать, слышишь? — Скрипнув зубами, Кирилл крепче стиснул объятия, словно вожделем, чтобы девушка ощутила весь спектр силы его негодования. — Ты моя женщина. Которая в первую очередь должна слушаться меня.

— Выполняя любые твои пожелания, да?

— Да. — Проведя губами вдоль щеки, не скрывая, признал.

Она околдовала его. Непокорная, своенравная. Такая одна на целую вселенную. Сводила с ума колкостями и дерзостями, склочным характером и стойкостью, которая не всегда доступна мужчинам.

Этот свежий цитрусовый запах еще влажных после мытья волос, шелковистость кожи... Он действительно соскучился. Гораздо сильнее, чем представлял. Пох*ен, что обещал Ритке просто разговор. Он слишком её жаждет, чтобы довольствоваться малым.

— Как рабыня?

Вопрос, прозвучавший у уха, словно гром среди ясного неба и разрушивший всю прелесть долгожданной нежности. Маргарита умела ставить в неловкое положение. Но сегодня Кирилл этого не позволит. Пускай считает его пьяным, сумасшедшим, тираном, хозяином и властителем. Сегодня выбьет из неё всю прыть, которая разрослась до необъятных размеров после возвращения.

— Заткнись. — Гневно глянув на Марго. — Еще раз услышу что-то подобное и...

— И что? Ударить, да? Бей! — С притворной смелостью, воскликнула девушка. — Покажи, что ты настоящий мужчи...

Остаток фразы канул в лету. Находясь на пределе и не намереваясь слушать бредовые рассуждения, Рошин с жадностью впился в её рот. Поначалу, опешив от столь откровенной наглости, Маргарита брыкалась, пыталась сопротивляться. Силы изначально были не равны.

Ненасытно поглощая, мужчина продолжал целовать, заставляя раскрыться навстречу, покрепче прижимая, показывая степень возбуждения. В паху ныло от неудовлетворенного желания и на сей раз Кирилл не рассчитывал отступить.

Нетерпеливо ощупывая тело Марго, оттолкнул к кровати. Мгновение и с глухим рыком, свалил на постель, наседая сверху. Еще секунда и, схватив за запястья, завел сопротивляющиеся ладони за голову Одинцовой, жестко вдавливая в матрас. Свободной рукой задрал футболку, обнажая тяжело вздымающуюся грудь. Удовлетворенно осмотрев, вернулся к лицу.

Маргарита больше не сопротивлялась. Не пыталась возмутиться, показывала равнодушие, отрешенным стеклянным взглядом наблюдая за дальнейшими действиями мужчины. Решила поиграть в неприступность? Что ж, так даже интереснее.

Лукаво ухмыльнувшись, Рошин торопливо расстегнул свою рубашку и снова склонившись к девушке, попытался завладеть непоколебимо сцепленными губами. Не поддалась, сильнее сжимая уста. Черт с ней.

Тяжело дыша, быстро провел губами вниз по тонкой шее пробираясь к груди. При этом

несдержанно стаскивая домашние хлопковые штаны. Пробрался рукой в трусики. Девушка в который раз вздрогнула от постыдных прикосновений, пытаясь отодвинуться.

Кирилл, едва сдержал стон разочарования, сообразив, что она ни капельки не возбуждена. Послав гневный взгляд Маргарите, которая словно в насмешку, удивленно вскинув бровь, сверлила его глазами, расстегнул ширинку, выпуская наружу налившуюся плоть, и грубо вошел в девушку.

Одинцова, в который раз вздрогнула. С силой сжав ладошками ткань покрывала, зажмурилась. Когда Роцин яростно задвигался внутри, сильнее вдавливая в постель, отвернулась.

Она не плакала, нет. Не сопротивлялась и не пыталась выбраться, чувствуя безысходность. Признавая власть мужчины над собой. Сдаваясь и подчиняясь в который раз. Но вместе с этим указывала на безразличие к происходящему. Впервые за долгие годы совместной жизни Марго было по-настоящему плевать. Полностью отрешенная от внешнего мира. Отстраненная в первую очередь от него.

Теперь, получая желаемое, убажывая животные инстинкты, Кирилл так и не разгадал, что хуже. Уйти, оставшись ни с чем? Или сейчас — показав собственную мощь и силу, вместо должного удовольствия, получить бесконечное опустошение?..

Одно Роцин в этот вечер осознал наверняка — как раньше с Маргаритой больше никогда не будет. Она ускользала от него. На сей раз безвозвратно и навсегда. Что является тому истинной причиной, еще предстоит выяснить...

2010 год

— Ш-ш, стой девочка. — Натянув поводья, Рита заставила лошадь, погарцевав на месте, остановится посреди поляны. Потрепав кобылу за гриву, удовлетворенно отметила: — Умница золотая. — Спрыгнув на землю, прижалась к морде. — Моя Страсть...

Одинцовой сейчас очень хотелось показаться нужной и важной. Пускай животному, хоть кому-то. В противном случае свихнется. Приехала сюда потому, что оказалась слишком слабой и бесхарактерной.

Собиралась справиться со всем сама — не смогла. Чересчур велик соблазн увидеть Олега. Еще раз. Последний. Чтобы объясниться. Убедить забросить неблагодарную иллюзорную идею вытащить её из зыбучего дна. Оттуда, откуда не выбирают.

Руслан был прав, когда просил не морочить Олегу голову. Чернышевский слишком хороший, чтобы мучиться из-за такой дряни, как она. К черту чувства. К черту любовь. Нет любви и быть не может. Не к шлюхе.

Отойдя от лошади, позволяя той двинуть к травянистой лужайке, девушка осмотрелась. Тихо и спокойно. Чрезмерно умиротворенно. Словно попала в иную вселенную, где нет безумной спешки, что начинается едва ступаешь на территорию, полностью освоенную людьми. Здесь все по-другому. Здесь хотелось остаться навсегда. Но ныне это чуть ли не единое место, куда удалось сбежать с огромным трудом.

После случившегося вчерашним вечером, Кирилл будто с цепи сорвался. Первая половина сегодняшнего дня с самого утра приправлена доброй долей контроля, граничащего с тоталитарным режимом. Куда пошла? Что сделала? Спасибо опять-таки Буре, вовремя отвлек Рощина, позволив тайком сбежать из дома.

Как Маргарита себя ненавидела!

Присев на обрывистый склон, обхватила голову руками, раскачиваясь из стороны в сторону.

Какой нужно быть душой, чтобы добровольно попасться в ловушку, заготовленную Кириллом. Научена горьким опытом. Относительно свежим. Понимала — при случае, если никого не окажется рядом, Рощин не уймется. Даже изнутри замкнулась. Дернула нечистая отворить дверь. На что надеялась? На извинения? На нормальный цивилизный разговор? На объяснения?

Глупая! Стоило отдавать себе отчет, чем в итоге обернется мимолетная вероломность. Повелась на праведный тон грешника. Поверила, что с Кириллом, с которым объединял не один год совместной жизни, сможет договориться. Убедить, что отношения заходят в тупик и стоит что-то менять.

Наивная курица! За что боролась, на то напоролось. Поздно сокрушаться и сожалеть. Оттого что в который раз позволила Кириллу овладеть собой, мир не рухнет.

Сколько до этого у неё было мужчин? Гораздо более нетерпеливых, несносных противных... Не счесть. Один Латунин чего стоил. А Кирилл до последнего оставался довольно неплохим вариантом. Девушка даже умудрялась получать удовольствие от секса с ним. Почти всегда. До последнего. До тех пор, пока в жизни снова не замаячил Олег с перспективами более светлого и радужного будущего, свободы и какого-то эфемерно-неведомого ранее счастья.

С появлением Чернышевского, после убедительных слов, поцелуев... настоящих, сладких, томительных, главное, необходимых, в душе что-то перевернулось. Если ранее верила, что не имеет выбора и должна всегда угождать Кириллу, выполняя его желания, то ощутив легкий, дурманящий вкус свободы, не хотела возвращаться обратно. Больше не хотела подчиняться.

Она попробовала вчера воспротивиться, раскрыться, но на деле выявилась еще неимоверно мягкотелой, чтобы ступить на путь самостоятельности. В который раз осталась сломлена в попытке задеть мужское самолюбие. Раздавлена напором силы и власти.

Наивная. Возомнила себя непонятно кем. В итоге получила разочарования серьезней, чем продолжи плыть по течению. Но и плыть ни хотела, не могла. Олег невообразимо отчетливо вдохнул в неё вкус новой жизни, и терять его не намеревалась. Но и держаться в одиночку, ступая в схватку со столь сильным соперником, которым предстал Кирилл тоже не смогла. Опять предпочла отступить в сторону, позволить использовать себя по единственно-возможному назначению.

Черт возьми, разве достойна после этого держать и дальше возле себя такого мужчину, как Олег? Он всегда боролся, до последнего. Разбиваясь в кровь и дребезги, поднимался и шел вперед к намеченной цели, не прогибаясь ни под кого. А что она? Попросту сдалась. Немощная и невольная, чтобы идти рука об руку с Чернышевским. Умеющая лишь тянуть обратно. От неё одни неприятности.

Стоило задуматься сразу, узнав, что из-за её несоизмеримой глупости, Олега посадили в тюрьму. Она обязана сегодня убедить, чтобы тот выбросил нелепые надежды и шел дальше. Без неё. Вместо неё...

— Эй, красавица, почему грустим? — До боли долгожданный голос, раздавшийся за спиной, вырвал из мира иллюзий.

Перехватив дыхание, Маргарита неспешно, как в замедленной киносъемке, обернулась на шорох, натываясь взглядом на черные блестящие ездовые сапоги. Прежде чем успела поднять взор выше, чтобы осмотреть возвышающегося над ней мужчину, тот торопливо присел на корточки.

— Я боялась ты не придешь. — Когда лицо Чернышевского очутилось на одном уровне, еле слышно выдохнула.

— Ритуль, разве я мог. — С блаженной улыбкой разглядывая Одинцову, Олег осекся на полуслове, мгновенно мрачней и меняясь в лице. Протянув руку, коснулся щеки, проводя сверху вниз. — Что-то случилось?

— С чего ты взял? — Одернувшись, как от токового удара, круто отшатнулась, всматриваясь в широкую водную гладь реки. — Как обычно.

— Вот это «как обычно» меня истораживает. — Проницательно отметил, усаживаясь рядом.

— Олег. — Собираясь с духом, Маргарита замолчала.

Повисла неловкая пауза, во время которой мужчина терпеливо дожидался продолжения. Сорвав сухую травинку, зажал между зубами, поглядывая на Одинцову.

— Олег. — Поморщилась как от боли и, повернувшись к Чернышевскому, решительно выдала: — Нам не стоит встречаться.

Рита готовилась к любой реакции. Только не к продолжению молчания.

Нервно сглотнув, исследовала мужское лицо. Задержалась дольше положенного на небесного цвета глазах, которые моментально стали похожи на снежную зимнюю тучу,

заставляющую поежиться от собственного холода. Зацепилась за упрямо поджатые губы. Подметила, как естественно заходили желваки. Как вздымались крылья носа. Как презренно выплюнув несчастную соломинку, недовольно процедил:

— Что вынудило тебя прийти к таким умозаключениям?

— Так будет лучше, Олег.

— Кому лучше?

— Всем. — Вздернула плечами, надеясь избавиться от нахлынувшего наваждения, окутывающего тело трепетной волной единым присутствием мужчины неподалеку.

— Кажется, вчера у меня дома ты считала иначе.

— Будто у меня был выбор? — Фыркнув, опустила взор, умоляя себя выдержать. Довести задуманное до конца и убедить Олега в бессмысленности предприятия. Убедить жить дальше. Без неё.

— Рит, ты можешь пытаться обмануть себя, но меня не обманешь. — Игнорируя вопрос, резонно предположил Чернышевский. Вместе с чем девушка ощутила невесомое прикосновение к своей руке. — Ты не хотела вчера возвращаться. Что изменилось сейчас?

— Моего желания мало. — Зажмурившись, сжала ладошку в кулак, когда мужчина попробовал переплести с ней пальцы.

— Ритуль, я обещал тебе, что у нас получится, и сдержу слово. — Настаивал Олег. Не отпуская девичью руку, рассчитывая прочесть на лице какие-то эмоции. Ответ на самый важный и волнующий вопрос: — Или не веришь?

— Если бы причина была в тебе! — Не удержавшись, взвыла Маргарита. Распахнув веки, повернулась к растерянному мужчине: — Олег, понимаешь, что я не смогу уйти от Кирилла.

— Значит, дело в Рошине. — Скорее для себя заметил Чернышевский, опуская голову. Задумчиво хмыкнув, снова уставился на девушку: — Что на сей раз? Он что-то сказал? Или ты в который раз вбила себе мысль о предательстве?

— Господи, Чернышевский, что ты несешь?! — Вырвав руку, вспыхнула Одинцова, подхватившись: — Если кто и предан, так это я! Он меня не отпустит! ОН! Понимаешь?!

Сердце отбивало в груди приглушенные ритмы. Нервы на пределе. Сумасбродное желание признаться сводило с ума. Разумом соображала — лучше, согласиться с Олегом и убедить, что сама не способна уйти от Кирилла из-за благодарности, ответственности и каких-либо чувств, черт подери! Стоило заставить поверить в чепуху! Поверить самой! А не срываться в который раз, давая еще один шанс на борьбу. Стоило, но... не смогла.

Вероятно, если бы не надежда в пронизательном взоре, справиться было проще.

Нервно сглотнув, Маргарита отвернулась, сложив руки на груди.

— Рита. — Спустя минуты осмотрительно позвал Олег. Коснувшись плеча, отчеканил: — Что. ОН. Сделал?

Не нужно прояснять, о чем речь. Бывают жизненные моменты, когда слова излишни. Когда достаточно прикосновения, тяжелого вздоха, беспечно брошенного взгляда, чтобы осознать. Происходящее не стало исключением. Чернышевский, скорее всего, понял. Просто не мог поверить. Или не хотел.

— Он тебя... обидел? — Тихо, словно боясь спугнуть.

Ответ знал заранее. Стоило Маргарите вздрогнув, напрячься от упоминания Кирилла, почувствовал все.

Ей бы промолчать. Возразить. Но...

— Олег, тебе не нужна такая, как я. — Сгоряча выпалила и зажмурилась.

Главное, не расплакаться. Выполнить миссию до конца. Освободить раз и навсегда небезразличного человека. Единственного, кому есть до неё дело.

— Чертов. Сукин. Сын. — Сквозь зубы разгневано процедил Чернышевский, жестко сжимая плечи девушки. — Я. Его. Убью!

Возражения, готовящиеся прорваться диким потоком, так и застыли на устах, когда поняла, что крепкие ладони разжались, а теплота, исходящая от мужчины, исчезла. Обернулась. Увидела, как он, отдаляясь, направился к лошади.

Что наделала? Этого не хватало!

— Олег! — Бросившись следом, окликнула Одинцова. — Олег, куда же ты?!

Но мужчина не собирался возвращаться. Обычно сдержанный и терпеливый, нынче непомерно взвинчен, чтобы прислушиваться к мольбам. До Ветра оставалось пара метров. Несколько шагов и Чернышевский запрыгнет на коня и тогда его не остановить. Куда собирался — и так ясно. Какими последствиями обернется — тоже.

— Олег! — Срываясь на бег, закричала Рита.

В этот раз её зов пускай и не возымел должного действия, позволил потянуть время. Остановившись, Чернышевский оглянулся. Этого хватило, чтобы догнать и, ухватив за запястье, взмолится:

— Олег, я тебя прошу, не нужно никуда ехать. Уже ничего не изменишь. Сделаешь только хуже

— Хуже я сделаю, если спущу этой твари все с рук! — Прошипел мужчина, как-то на удивление холодно рассматривая Маргариту. Грубо вырвал ладонь, откачнувшись, с намерением залезть на вороного.

Медлить дальше нельзя. Если опять подвергнет Чернышевского опасности и в этот раз с ним что-то случится, никогда себя не простит.

— Олег! — Взвыла, с трудом узнавая собственный голос. Цепляясь за плечи мужчины, попробовала обратить на себя внимание: — Олеженька, пожалуйста! — Ощущая, как тот напрягся, ловко пробежалась ладошками по спине. Цепляясь, как за спасательный круг, привлекла за шею: — Я не стою того, чтобы ставить все на кон, рисковать служебными делами и жизнями. Совсем не стою.

— Ритка. — Перехватив ладошки, обернулся. Пригвоздил глазами к земле, твердо процедил: — Не тебе решать, чего стоишь, а чего нет.

— Ну как же, Олеж. — Закусив губу, вызывающе подняла подбородок предчувствуя приближение слез. — Я шлюха. Как была шлюхой, так и осталась. Никакие годы, проведенные в золотой клетке, в статусе единой содержанки не вернут время вспять и ничего не изменят. Не такая женщина тебе нужна. Бежать от меня надо. Чем скорее, тем лучше. Никак не рисковать жизнью.

— Дурочка ты. — Крепче сжав руку девушки в своей. — Как была дурочкой, так и осталась.

— Вот и уходи. Уходи, пока не поздно. От меня одни неприятности.

— Неужели, правда, считаешь, если бы планировал уйти, влез сюда?

— Не знаю. — Отмахнулась передернувшись. — Это твоя работа. Я, как никто другой понимаю: находясь под властью сильных людей, приходится выполнять любые, даже самые противоречивые, установки.

— Есть вещи, которые не подчиняются никаким директивам. — В одночасье с

Чернышевского слетела личина отчуждения. Хитро сощурившись, пояснил: — Разлюбить, равносильно, как и полюбить по указке начальства невозможно.

— Олег, замолчи! — Завертев головой, возмутилась девушка. — Не смей даже думать об этом! Какая любовь? Ты хороший. Настоящий. Я шлюха. Таких любить нельзя. Любят нормальных, приличных. Подобных мне банально трахают. Понимаешь? — С вызовом заглянула в помутневшие зрачки Олега, выдернула запястья из крепкого захвата, отступая: — В другой ситуации предложила переспать, если тебе от этого станет легче. Но знаешь, в чем проблема? Не стоит даже мारаться о такую дрянь, как я. Не в свете происходящего теперь.

— Откуда подобные мысли? — Горько сокрушался мужчина. — Здорово зомбировал Плантадор. Стоило сразу идти вытаскивать тебя от него, не слушаясь никого и не дожидаясь официальных санкций.

Кажется, Чернышевский бормотал что-то еще, совершенно бессмысленное и непонятное для Маргариты. Периодически возмущаясь и сдабривая каждое слово приличной порцией ругательств. Только она не слышала, отрешенно наблюдая будто из зрительного зала за показанным на экране неммым кино. За тем, как Олег, будучи впервые столь оторопелым, обратил внимание к Ветру, поправляя седло.

Неужели уедет? Да, черт подери, уедет! После того, что наговорила, любой на его месте поступил так же. Но к себе, или все-таки?..

— Олег, ты... домой? — Неуверенно уточнила, когда мужчина поставил ногу в стремя.

— Да. — Машинально кивнул. — Домой. К Рошину.

— Не надо. — Замотала головой, зрительно не отпуская Олега. Делая шаг обратно, повторила: — Не надо.

Не контролируя свои действия, преодолела разделяющее расстояние. Спешно опустила растерянный взгляд с глаз на губы мужчины и, притянув за шею, прижалась к устам неловким, не искушенным поцелуем.

Ошарашенный неожиданными действиями девушки, Чернышевский не спешил отвечать. Маргарита ощущала напряжение в каждой клеточке мужского тела. Мысленно готовилась убить себя за показную смелость и наглость. За то, что в очередной раз опускалась до банальной чуши.

Пускай поцелуй единственный способ уберечь Олега от опасности, отдавала отчет, что этим привязывает к себе. Вместо того чтобы отпустить, подвергая угрозам, сделала выбор в пользу безопасности. Хотя какая к черту безопасность? Сам факт запретной связи предполагал обратное.

Но, кажется, ныне не волновало ничего, кроме терпкого вкуса мужских губ на своих.

— Зачем ты меня прогоняешь, девочка? — Сомкнув руки на талии, пробормотал Олег, отстраняя лицо и изворачиваясь от её губ. — Ты не хочешь, чтобы я уходил.

— Боже, что творю? — Выдохнула, пряча лицо в ладони, осознавая, что попытка удержать поцелуем получилась не самой удачной. — Да, конечно. Прости, Олег. Я нет... Не хотела. — Вырываясь из объятий: — Тебе действительно лучше уйти. К себе домой. А обо мне забыть и...

— Рит, хватит. — Дерзко отводя руку девушки от лица, приподнял за подбородок, заставляя посмотреть на себя. — Ты сходишь с ума. Дальше так продолжаться не может. Я не хочу подвергать тебя опасности из-за чертовой операции.

— Ты не подвергаешь, нет. — Встряхнула головой, пытаясь освободиться. — Там есть Руслан и...

— И где, скажи на милость, вчера был этот Руслан, когда Роцин тебя?.. — Договорить Чернышевский не смог, покоробился от отвращения.

— Он пытался помочь, правда. — Вторила без эмоционально Одинцова. — Руслан неплохой парень. Ему можно доверять. Во вчерашнем виновата сама.

— В чем? В чем, ты виновата? — Яростнее прикрикнул мужчина.

— Господи, Олег! — Взвыла зажмурившись. Главное, не смотреть в налившиеся свинцом, глаза! — Не спрашивай меня ни о чем! Умоляю! Отпусти.

И хоть совсем близко слышался голос Чернышевского, в воображении одна за одной возникали картинки вчерашнего вечера с Кириллом. Маргарита ненавидела себя за это. Больше всего на свете. Потому что никогда не избавится от призрака прошлого. Если не вчерашнего, то более раннего. Даже с мужчиной, стоящим ныне рядом.

Глядя на Олега, всегда будет проводить черту, разделяющую хорошее и плохое. Разграничивающую их двоих. Стоит ли говорить, на какой стороне задержится сама? Маргарита останется одна, как происходило всегда.

— Нет, Рит. — Холодно отозвался Чернышевский, разжимая железный захват на подбородке. — И не проси об этом.

— Олег, я так устала! — Взмахнула руками, срываясь на крик. — Это тщетно! Лучше оставить как есть! Оставить меня там, где нахожусь. На самом дне!

Слезы давно застелили всё непроглядной пеленой. Меньше всего хотела, чтобы Олег видел её такой. Но поделаться с собой ничего не могла. Остановить очередную истерику тоже. Наверное, постоянная маска индифферентности и отстраненности предполагает подобные срывы. Быть сильной чрезвычайно серьезная ноша, которую вынести на себе каторжный труд.

Отвернувшись от мужчины, кинулась обратно к реке, остановившись неподалеку обрыва. Будь откос чуть выше, воды глубже, это могло стать верным выходом — исчезнуть навсегда, растворившись в небытие. Единственно, скорее всего, представься подобный случай — тоже струсила.

Оттого так и стояла на берегу, обняв себя за плечи, продолжая содрогаться от рыданий. Вплоть до того момента как властные мужские руки сомкнулись за спиной.

— Олег, я так себя ненавижу. — Между всхлипами, изрекла девушка. — Из-за своей бестолковости, совсем одна... — Ощувив невесомое поглаживание по волосам, утверждающее обратное, содрогнулась крупной дрожью. — Меня почти всю жизнь окружало множество людей. Мужчин. Но никому и никогда не была нужна. Сколько раз ловила себя на мысли об абсурдности собственного существования. Зачем жить, если никому не нужна? Когда всем вокруг плевать, что твориться на душе потому, что ты... проститутка. Всегда будешь такой, ведь бывших не существует. Даже долгие годы целомудрия не способны смыть клеймо. Не говоря о том, когда в образе жизни меняется лишь отсутствие многочисленных проходящих клиентов. — Сжимая в кулаках рубашку Чернышевского, подняла на него заплаканные глаза: — Какая разница, живу я или нет?

— Риточка. — Со свистом втянув воздух, хрипло вмешался мужчина. — Пообещай, что не натворишь глупостей.

— Смотря что, ты называешь глупостями. Хотя я, наверное, слишком труслива, чтобы решиться даже на это. — Снова утыкаясь носом в промокшую от слез рубашку: — Так и буду существовать, дожидаясь милости небес.

— Ты мненужна. — Упираясь носом в затылок Маргариты, честно признался Олег. —

Неужели не понимаешь? Без тебя мне не жить.

— Но я ведь...

— Ты мне нужна всякая. — Пресекая потенциальные возражения, Чернышевский заставил девушку взглянуть на себя. — Больная, здоровая. Слабая, сильная. Нервная, спокойная. Плевать на, как утверждаешь, клеймо. Потому что для меня ты все еще та самая чистая и невинная девочка Ритка, которую знал ранее.

— Ты многого не понимаешь. — Опасаясь доверившись, снова испытать разочарование, не унималась девушка.

— Ошибаешься — Стирая со щеки, размытые слезами, дорожки туши. — Я все знаю. Не это прошлое. Часть тебя, от которой не избавиться. Но перешагнув, можно и нужно двигаться дальше. У всех нас есть прошлое. Ни ты, ни я, не исключение. Я тоже далеко не святой, как тебе кажется. Просто это иная сторона жизни. Совсем близкая к твоей. Но они параллельны и никогда не пересекутся уже потому, что ты женщина, а я мужчина.

— Все равно, сравниваешь несравнимое. — Нерешительно подала голос Одинцова, до этого с благоговением вслушивающаяся в каждое слово. — Мужчина никогда не попадет в бордель, зато женщина в тюрьму запросто.

— Рит, когда-нибудь я обо всем расскажу и многое поймешь.

— Тогда пообещай, что ты... — Всклипнув, опустила голову. — Не станешь рисковать вновь и не побежишь к Рошину разбираться.

— Это вряд ли.

— Ладно. — Отдавая отчет, что рано или поздно нечто подобное должно случиться, повторила: — Только не сегодня. Справлюсь сама, правда. Мне будет легче, зная, что ты не совершаешь оплошностей. Не переживая за твою безопасность.

— Ничего со мной не случится, а вот ты... — Лихорадочно пригладил волосы. — Давай сбежим, Ритка. Пока не поздно.

Прежде чем Маргарита осмыслила услышанное, момент откровений нарушил оглушающий звонок мобильного телефона где-то в кармане брюк Олега.

— Вот видишь, Олеч, уже поздно. — Отметила вслух то, что оба прекрасно осознавали. Назад ходу нет. Остается либо, вытерпев все, идти до конца, либо... да собственно иначе никак. — Не ответишь? — Сообразив, что Чернышевский не особенно торопится: — Вечно прятаться мы не сможем. От самих себя не скроешься.

Нахмурившись, мужчина отстранился от Маргариты. Вытянув телефон, негромко выругался, едва заметил засветившийся на дисплее номер. Виновато вздохнув, ответил:

— Слушаю. — С трубки донеслись невнятные крики, заставившие Чернышевского невольно поморщиться. — Какая разница?.. А Вы где?.. Понял. — Утвердительно кивнув, сжал пальцами переносицу. — Да, понял... Несомненно. Скоро буду... Скоро буду, говорю!

С этим отключившись, взъерошил и без того растрепанные волосы.

— Что-то случилось?

— Твою мать! — Взревел, раздраженно пнув носком камушек. — Случилось. *Кое-кто* решил устроить промыв мозгов.

— Тебе нужно ехать?

— Поехали со мной. — В тоне Чернышевского воспламенился огонек сумасбродности.

— Не думаю, что это удачная идея. Ты сам вчера говорил — нужно потерпеть.

— Да. — Понимая, насколько абсурдно прозвучало предложение. — Немножко. — В пару шагов возвратившись к девушке, заключил лицо в ладони. Возвращая торопливый

поцелуй, шепотом пообещал: — Я сегодня обязательно что-нибудь придумаю.

— Иди, Олег. — Чувствуя, что еще чуть-чуть и уже не позволит уйти.

— Будь осторожна. — Прикрыв веки, мужчина нехотя дал свободу, медленно отступая. — Не оставайся по возможности с ним наедине. И если что... звони мне, зови Руслана. Что угодно, только...

Вместе с этим устремился прочь. Взметнулся на лошадь. Хлестко ударив Ветер поводьями, сорвался с места. Еще пара секунд и образ всадника растворился за густым облаком пыли, скрываясь в лесной чаще.

Вот и все. Олег уехал. Снова. Маргарита вместо того, чтобы отпустить навсегда, кажется, привязала еще крепче. Чернышевский никогда не отступится. И хочет ли сама, чтобы этот мужчина, появившись, снова исчез из жизни? Вряд ли.

Сегодня почувствовала себя действительно кому-то нужной.

Любит... Олег её любит. А сама? Она за него боится, переживает. Не хочет потерять. Невзирая на прошлое. На Кирилла. А любовь... Кто знает, какая она, настоящая любовь?..

Вела себя, как дурочка. Эти поцелуи... Попытки прогнать.

Позволив одинокой слезинке скатиться по щеке, медленно сползла на землю. Совсем скоро придется вернуться к Рошину. Надевая ледяной облик терпеть выпад и требования мужчины. Только сегодня возвращаться сложнее, чем вчера.

Интересно, теперь всегда так будет? Неужели всякий раз, сбегая от Кирилла, придется испытывать себя на выносливость? Закончатся ли когда-то мучения? Избавится ли от душевной боли?..

Все это узнает позже. Пока, перед возвращением, позволила себе очередную маленькую слабость — слезы. Слезы, упивающиеся в бесконечном одиночестве...

Домой Маргарита вернулась ближе к вечеру. Солнце клонилось к закату. Опасения и страхи, одолевавшие обратный путь, разом улетучились, лишь ступила на порог особняка.

Уже отчетливо слыша раздраженный голос Кирилла в гостиной, поняла, что ей безразлично. Безразлична реакция Рошина. Вероятное возмущение и гнев, которым одарит, стоит предстать перед ним.

Пускай возмущается, орет. Одинцовой плевать. Устала от сопротивления, которое не принесет ничего, кроме очередной порции опустошения.

— Марго, ты где была? — Сердитый голос долетел из-за спины, прежде чем взявшись за перила, ступила на первую ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж.

— Гуляла. — Обернувшись, окатила стоящего впереди мужчину отсутствующим взглядом.

— Где? — Сложив руки на груди, Рошин не спешил отпускать без очередного допроса.

— Проехалась к реке. Это запрещено?

— Опять на этой своей, кобыле? — Скрипнув зубами, мужчина заводился. Держался из последних сил, чтобы не разразиться громом и молниями: — Могла, по крайней мере, предупредить.

— Ты прекрасно знаешь, что подобные прогулки я совершаю ежедневно. Зачем предупреждать о том, что и так понятно?

— Доиграешься, продам твою Страсть к чертям собачьим! — Процедил бездушно сквозь зубы.

— Продай. — С вызовом, делая шаг к мужчине: — Что потом? Когда надоем и меня кому-то продашь? А что? — Вопросительно вздернув бровь, остановилась совсем близко. —

Я почти как породистая лошадь. Захотел — вывел в свет, выгулял. Надоела — закрыл в стойле, чтоб не путалась под ногами. Нет настроения — на мне можно согнать злость. Есть настроение — можно и приласкать. Так, ведь?

С каждой новой фразой Маргариты, Роцин менялся в лице — мрачней и искажаясь злостью. Она испытывала на прочность терпение мужчины. Понимала, что оно далеко не железное — Кирилл всегда вспыльчив, возгорался от малейшего дуновения ветерка, точно спичка. Но и сдержаться, покориться в очередной раз не желала.

Новая встреча с Олегом сделала свое дело — хотелось соответствовать Чернышевскому во всем. Мимолетная вспышка отчаяния и безнадежности погасла — желание бороться возродилось с новой силой.

— Маргарита. — Выслушав длинную тираду, прошипел Роцин. — Лучше молчи.

Даже не шелохнувшись, продолжал изображать невозмутимое спокойствие. Давалась с трудом. Видно, если не чувство вины, то хотя бы сожаления о вчерашнем неразумном поступке напоминало о себе, не позволяя опуститься до излюбленных методов.

— Кто бы сомневался. — Подводя итог, хмыкнула, с намерением все-таки уйти к себе. — Как всегда.

Но опять остановлена сдержанным:

— Марго, чтобы твою головушку меньше посещали дурные мысли и не возникало искушения вляпаться в очередную историю, с сегодняшнего дня, пока мы находимся в Роще, тебя везде будет сопровождать Руслан.

— В качестве надзирателя или цепного пса? — Обернувшись, ухмыльнулась девушка.

— В качестве телохранителя. — Выдержано поправил. — У меня достаточно врагов, которые готовы пойти на многое, чтобы прищемить. Неважно, каким способом.

— Судишь по себе?

— Мы оба прекрасно понимаем к чему веду. Не хочу переживать еще и за твою безопасность.

От услышанного Маргарита чуть не рассмеялась во весь голос. В этом Кирилл. Делает вид, что печется о безопасности, а на самом деле переживает исключительно за себя. В данном случае страшится конкуренции в лице Чернышевского.

В иной ситуации, или окажись в роли надсмотрщика кто-то другой, она бы взбунтовалась. А так... Уж с кем, а находясь в обществе Руслана, вероятность «вляпаться в очередную историю», среди которой наверняка первым пунктом стоит новая встреча с Олегом, наиболее реальна. Но Роцину об этом совсем не обязательно знать. Скорее наоборот.

— Ясно. Боишься, что породистую кобылку уведут. — Фыркнув, не видя, как Кирилл взбешено сжал кулаки, а на скулах заходили желваки, поднялась по лестнице. Остановившись на верхней ступеньке, уточнила: — Надеюсь, в «везде сопровождать» не входит ванная комната и туалет?

Огорошенный заявлением, Роцин пытался подобрать достойный и относительно спокойный ответ. Но прежде чем это произошло, пользуясь мимолетным замешательством, Одинцова иронизировала:

— И на том спасибо. Пойду наслаждаться отныне редкими моментами одиночества.

Нагло крутанувшись, скрылась в плохо освещенном коридоре, ведущем в спальню.

Что ж, кажется, жизнь с каждым днем становится веселее. Вчера силой показанная власть. Сегодня приставленный телохранитель. Что будет завтра? Каким станет следующий

предел мужчины, которого считала самым близким для себя человеком? На что еще решится Кирилл Рощин в очередном порыве хваткой зависимости?..

2010 год

— Олег Вячеславович? — Выбегая навстречу мужчине, который едва вошел в холл, громким шепотом позвала экономка, оглядываясь назад.

— Что случилось, Наталья Ивановна? — Хмуро буркнул Чернышевский, не особенно настроенный играть в загадки.

Сегодня нервы ни к черту. Если бы ни остатки здравого смысла, уговори Ритки и так «вовремя» подвернувшийся звонок Вотана, Олег давно был в поместье Рощина. Бил тому морду и разрушал долго выстраиваемые планы руководства на захват этого высокопоставленного авторитета.

Если бы... Слишком много если бы.

Возможно, даже к лучшему, что кто-то свыше одернул мужчину от необдуманного поступка. Но осознанно осмыслит это не сейчас. Быть может, позже.

Ныне перед глазами стояла Маргарита. Вся в слезах и полна отчаяния. Та, перед которой он, взрослый мужик, переживший множество испытаний и жизненных потрясений, попросту терялся. Девушка снова и снова вводила словами и действиями в ступор. А слезы... перед ними Олег становился полностью обезоружен. К этому, как оказалось, совершенно не готов.

В этот раз отчетливо, как никогда, осознавал — во всем виноват он и никто больше. Не стоило вчера отпускать её к Рощину. Должен был удержать, защитить. Ведь предполагал — Плантадор пойдет на многое. Только о самом страшном, что случится с любимой женщиной, не подумал. К данному открытию оказался не готов.

Чертов Рощин в край заигрался! Теперь Чернышевский отдавал себе отчет, что тот мужчина способен на все! Но разве можно после случившегося называть его мужчиной?

Опять Олег совершил очередную ошибку. Ушел, оставил Ритку одну.

Не дай Бог, причина, по которой так поступил, окажется незначительной и с Одинцовой что-то произойдет.

— Там это... — Заметив не самое благодушное состояние хозяина, пробормотала домработница, махнув головой назад: — К Вам гости приехали.

Игнорируя озадаченную Наталью Ивановну, Чернышевский бросился к гостиней. Не прогадал.

Стоило ожидать чего-то эдакого. В частности, после звонка начальника с приказами срочно вернуться в поместье. Стоило ожидать появления самого Вотана.

— Волкодав, что ты творишь, мать твою?! — Раздраженный вскрик, вместо приветствия, встретил Олега на пороге собственного дома.

Стойко выдерживая злой взгляд стоящего напротив мужчины, Чернышевский сложил руки на груди и прошел вглубь комнаты, с нескрываемым недовольством рассматривая оппонента.

— Здравия желаю, товарищ генерал. — Фыркнул, остановившись в метре от седовласого мужчины.

Вотан. Собственной персоной. Сегодня, впрочем, как всегда, одет с иголочки. Серый деловой костюм. Гладко выбрит, причесан. В свои пятьдесят три подтянут и хорошей физической форме. Он мало походил на привычных тучных генералов из фильмов и в

отличие от последних, занимал должность вполне заслуженно. Служба в Афгане и разведка в горячих точках сыграли на репутацию и оставили на память полностью посеребренные сединой волосы. В очках, для солидности. Привычно чем-то недоволен. Только большой вопрос кто из присутствующих имеет право на недовольство.

— Почему честь не отдаешь? — Удивленно осматривая Олега. — Смотрю совсем здесь зажрался?

— Руку к непокрытой голове не прикладывают. — Насмешливо отмахнулся.

— А мне сдается, зажрался-таки ты, парень. — Озадаченно усмехнувшись, мужчина протянул руку для приветствия.

Когда Чернышевский ответил пожатием, неожиданно выкрутил запястье. Заламывая и резко разворачивая спиной к себе, зажал голову Олега под мышкой и, потянув за волосы на затылке назад, прохрипел:

— Ну и когда планировал мне докладывать о происходящем, сученок?

— Вы умеете появляться неожиданно. — Поморщившись, Чернышевский сделал ногой подсечку сзади и ловко освободился из захвата Вотана.

— Молодец. — Холодно улыбнувшись, похвалил начальник, похлопав подчиненного по плечу: — Боевой хватки не теряешь.

— В нашем деле это смерти подобно. Вам ли не знать? — Вздернув бровь, Чернышевский прошел к креслу. Не дожидаясь разрешения высшего по званию, плюхнулся на него.

— Знаю. — Утвердительно кивнув, Вотан уселся напротив. — Но еще знаю, что малейшие отступления от заранее заготовленного плана действий способны привести к схожему исходу. Ты почему не связался со мной? Или Руслан не сказал?

— Сказал. — Равнодушно отмахнулся, нетерпеливо постучав пальцами по подлокотнику.

— В чем причина? Или настолько охе*ели, что приказы начальства этот так, пшик? Пустой звук?

— Замотался. — Как разумеющееся, выкрутился Олег.

— Бл*ха муха, распустил-таки вас! — Выругался Вотан, потянувшись в карман за сигаретами — Так понимаю, касаето Маргариты и вашего... — Вытащив одну, зажал в зубах, отбрасывая пачку на столик. — Кхм... уик-энда тоже не собирался меня просвещать?

— Откуда Вы знаете? — Заинтересованно стрельнув глазами в сторону начальника.

— Птичка нашептала.

— По имени Буря?

— Значит, не ошибся. — Ухмыльнувшись, Вотан выпустил сизое колечко дыма. — Этот стервец с тобой заодно. Решили поиграть в Чип и Дейла? Или партизан? Только подзабыли с кем имеете дело. Здесь, — Взмахнул рукой. — Полно камер наблюдения.

— Ёлки-палки! — Откинув голову к спинке кресла, Олег сухо рассмеялся.

Попался, как пацан зеленый. От Вотана нельзя иного ожидать. С него не убудет. Поверил в свое время на слово, что уговоры оставить дом чистым приняты беспрекословно. Потом эта спешка, желание поскорее увидеть Ритку, освободить от Рощина. Совсем растерял здравый смысл. Более того, еще и Буртенко сдал. Теперь начнется.

— Ёлки-палки? — Изумленно прикрикнул Вотан, когда Чернышевский прекратил смеяться. — Ёлки-палки — то, что ты устроил!

— А устанавливать камеры в моем доме, без моего ведома, это нормально?

— Значит, в *твоем* доме? — Хмыкнув, генерал пододвинул к себе пепельницу, нещадно вмял туда окурок.

— *Моем*. Он построен на *мои* деньги.

— Тебе напомнить, благодаря кому их имеешь? — Спокойно, но с неприкрытым укором, продолжал гнуть свое: — Благодаря кому имеешь в принципе все?

— А Вам напомнить, по каким причинам ввязался во? — Парировал Олег. — Или считаете, мне доставляет удовольствие так жить?

— Насчет последнего терзают смутные сомнения. — Поднявшись, Вотан не спеша обошел кресло, остановившись позади Чернышевского: — Давай начистоту. Олег, я ничего не имею против *тебя* лично. Более того, знаешь — лучшей кандидатуры в качестве спасителя для Маргариты не вижу. Но черт подери! — Сзади наклонившись к уху мужчины, прошипел: — Ты каким местом думал, когда променял три дня с Риткой на победу в тендере?!

— Я еще ничего не променял. — Вздернул плечами. — Хотя представься выбор, ни на секунду не задумался, что приоритетнее. И логически рассуждая, только уступив Рощину в последний момент, мы сможем поймать его на поличном.

— Да мне похе* на тендер! — Стукнув кулаком по задней стороне кресла, где сидел Олег. — Ты соображаешь, что этим уик-эндом поставил под угрозу *её*?!

— Я поставил под угрозу? — Не контролируя гнев, взорвался Олег. Подскочив, обкрутился к Вотану: — А Вы не ставите *её* под угрозу? Каждый божий день! Шесть лет подряд! Ради чего? Чтобы беспрепятственно засадить Рощина за решетку? Неужели обязательно было тянуть столько времени?!

— Не тебе меня учить, щенок! — Сощурившись, прохрипел генерал. — Кто такой! Кем был без меня?!

— Я? — Спокойно уточнил. Исказившись бездушной усмешкой, выдохнул: — Зэк. Самый обыкновенный зэк. Убийца. Так окрестила система? Еще до суда и следствия. Так что Вы, как всегда, правы — я никто.

Повисла пауза.

Вотан, сжав руки в кулаки, буравил Чернышевского яростным взором, понимая — тот прав. Соображая, что не должен судить парня, стоящего напротив и испытавшего на себе всю жестокость и безжалостность системы. Может судить кто угодно, только не он.

А Олег, впервые за долгие годы, всерьез задумался о случившемся. Пытаясь разобраться, каким образом позволил себе подчиниться чудовищной системе, созданной охранять права граждан страны, а вместо того бросающей в адскую бездну. Которая однажды и его толкнула в воронку, неистово и беспощадно перемальвающую все на своем пути. Вплоть до человеческих судеб. Терзая и раздавливая. Ломая и калеча. Навсегда оставляя след не только в памяти, но и в душе...

1999 год

Двор, огражденный колючей проволокой.

Широкие ворота отворились. Шлагбаум поднялся.

Заехала грузовая машина с мигалками. Остановилась неподалеку от выхода. Двери

кузова изнутри открылись и оттуда выбрались два конвоира в полевой форме, цвета хаки. В бронежилетах. На поясе кобура с оружием. В руках по дубинке. С одним из служивых овчарка.

Следом, с дорожными сумками, прижимая свободную руку к спине, стали выпрыгивать разновозрастные мужчины в гражданском. Следуя намеченному маршруту, выстраиваясь в ряд.

Мокрый снег беспощадно был в лицо, с ходу показывая — за колочей проволокой ждать чего-то хорошего не стоит. Да и ждал ли кто? Вряд ли.

— Внимание, осужденные! Стали! — Распорядился встречающий подполковник. — Повернулись! Руки за спину!

Мимолетно оглядел выстроившихся. Разношерстная команда.

Кто-то осужденный по делу, кто по неосторожности, или вовсе случайно. Кто за кражу или мошенничество, а кто за убийство. Кто-то шел на очередную ходку, кто-то попал за решетку впервые. Разные, незнакомые. Всех объединяло одно — обреченные на искалеченную жизнь. Случайно, или по доброй воле, лишившиеся очередных страниц будущего.

Подполковник, всматриваясь в бумаги, вызывал по списку осужденных.

Один за другим мужчины сменялись, представляя пред стражем закона, представлялись по фамилии, называя статью, по которой попали и время отсидки.

Прошло, наверное, не менее пятнадцати человек, прежде чем очередь достигла и его.

— Чернышевский Олег Вячеславович, 1975 года рождения. Статья 115, часть вторая, срок — 11 лет строгого режима.

Вернулся в строй, с отрешенным спокойствием дожидаясь, пока отрекомендуются оставшиеся товарищи по несчастью.

Затем образовавшейся колонной, по два человека, были направлены в корпус.

Далее — сверка документов с личностью. Полный обыск заключенных и вещей. Медицинский осмотр и освидетельствование на предмет наличия травм. После санитарная обработка с полным раздеванием. Выдача робы. Информирование о правах и обязанностях, режиме содержания под стражей, дисциплинарных требованиях.

Все смешалось в один сплошной круговорот грусти, печали и потерь. Проходящее воспринимаемое мужчиной в режиме полнейшего безразличия. Будто случилось не с ним. Физически находился в стенах казенного дома, а морально где угодно, только не тут.

Как там дед? Держится? Справился ли одновременно с двумя потерями? Внука, осужденного без права на помилование? И жены, которую в отличие от Олега, больше никогда не вернуть. По его вине.

Как Игорь? Копает дальше, как обещал? Нашел ли зацепку? Или все так и осталось на уровне убеждений, погребенных под грудой хитросплетений и интриг правоохранительной системы?

Как Маргарита? Как живет? Чем дышит? Удалось ли ей освободиться от страшных уз обратной, грязной стороны бытия? Выбралась из вязкой безысходности? Или жизнь обернулась для неё не менее несправедливо?

Третий день Нового года. Новая жизнь? О, да. Жизнь, которую не пожелаешь самому злему врагу. Без права на свободу. Существование. Низкое. Грязное. Безнадежное. Лишь надежда на будущую месть заставляла двигаться дальше, не сломавшись под обстоятельствами. За себя. За родных. За близких. За Маргариту.

Мысль об отмщении — единственное, что грело Чернышевского и когда одетых в форму, вели к жилому корпусу. И когда распределяли по камерам. И когда дверь одной из них со скрипом открылась перед мужчиной.

Застыв на пороге, Олег невидяще оглядел образовавшуюся перед ним толпу, настроенную не самым благоприятным образом. Впереди стояло человек пятьдесят, не меньше. Каждый считал нужным смерить его изучающим и насмешливым взглядом.

Шум и негромкие вскрики вроде тех: «Новенького доставили» и «Еще один фраерок нарисовался», ощущения радости не прибавили. Когда страж закона толкнул ошарашенного Чернышевского вперед, впечатывая в передние ряды, дверь позади захлопнулась, захотелось и вовсе провалиться сквозь землю. Только бы исчезнуть из этого гнилого места.

Несколько мгновений Олег не двигался, свыкаясь с новым жильем. Толпа постепенно рассасывалась, каждый пошел заниматься своим делом. Вот только неприятный запах, ударивший с ходу в нос, духота и жара, как в парилке, рассасываться не собиралась, убеждая, что это обычное дело.

Озираясь в темноте, мужчина заметил неподалеку пустые верхние нары и собрался направиться туда, но три бывалых седока, не торопящихся следовать примеру сокамерников, преградили путь, нагло хмыкая.

Вопросительно вздернув бровь, Чернышевский собрался обойти мужчин стороной, но не тут-то было. Вновь выдвигаясь вперед Олега, один из них пренебрежительно выплюнул:

— Как зовут-то тебя?

— Олег, Чернышевский. — Обведя спросившего равнодушным взглядом, прикинул, что тот, вероятно, главный.

Лет сорок-сорок пять от роду. Обычный такой мужик на вид. Но оскал, похожий на звериный, искажающий лицо, выдавал маститого преступника, которых Олегу в свое время доводилось видеть за недолгой службы в УБОПе. Или изображающего из себя такового.

— За что попал? — Не желая отступать, продолжал допрос заключенный.

— Да ты чё, Волк, не видишь? — Толкая главного в бок, подал голос стоящий рядом. — Типичный петушок. [\[6\]](#)

Не торопясь отвечать, Чернышевский осмотрел второго. Этот на десяток лет моложе, но далек от тюремной элиты. Скорее очередной прихлебатель и шестерка.

— погоди, Трюфель. — Оборвал тот, кого называли Волком. Не сводя глаз с мужчины и повторяя вопрос: — Так за что попал Олег? Чернышевский.

— 115, часть вторая. — Коротко бросил мужчина, вспоминая уроки, преподанные еще в академии о типичном поведении за решеткой. Кто мог подумать, что аналогичные знания доведется применять на практике.

Считая разговор законченным, Чернышевский, обойдя стороной Волка, прошагал к кровати, как вслед донеслось:

— Эй, новенький, чего-то не врубаешь? Тебя никто не отпускал. Мы не договорили.

— Я сказал, что хотел. — Через плечо огрызнулся Олег, бросая сумку на скрипучую шконку.

— Не поня-ял! — Протянул Волк, а сокамерники, находящиеся поблизости, замолчали, вслушиваясь в разговор. — У тебя по жизни как, все ровно? [\[7\]](#) А то чего-то берут сомнения.

— Ровнее некуда. — Фыркнул мужчина, открывая змейку на сумке и вытаскивая полотенце.

— Да какое ж ровно! — Встрял шестерка Трюфель. — Ровно — это когда настоящий

мужик.

— И то, правда! — Поддакнул третий. — А новенький-то у нас мусорок.

— Да что ты говоришь? — Театрально изумился Волк. — То-то смотрю, как-то грязно стало. Здесь, оказывается, мусор-мусор мусорок.

Пренебрегая слова, брошенные в его сторону, чтобы зацепить, Чернышевский продолжал рыться в сумке, в поисках мыльных принадлежностей. Отвечать на выпады не было ни малейшего желания. Кому-то что-то доказывать — тоже.

Но, похоже, остальные на этот счет имели иное представление. Посмеиваясь и вторя Волку: «Грязно, ой, грязно! Мусор кругом, чё удивляться!».

Будь это единственным, чем донимали Олега, возможно, постарался сдержаться.

— Не желаешь убираться? — Вместе с толчком в плечо, дерзко пригрозил Волк. — Мусор нам в хате не нужен.

— Тебе надо, ты и убирайся. — Огрызнулся Чернышевский, оборачиваясь лицом к заключенному.

— Новенький, да ты борзеешь. — В очередной раз толкнув в плечо, оглянувшись, прикрикнул: — Мужики, слышали? Борзый мусор. Чего делать с ним, а мужики?

— Убирать!

— Выбрасывать!

— Выносить! — Перекрикивая друг друга, отзывались заключенные.

— Видишь. — Цокнув языком, Волк взглянул на Олега. — Мужики говорят убираться надо. — Потянувшись рукой за спину Чернышевского, стащил с нар сумку: — Так что бери мусорок метелку и шурши отсюда. Всосал?

Прежде чем Олег успел возразить, Волк кинул сумку на пол, пнув ногой к выходу.

Такого Чернышевский стерпеть не смог. Видит Бог, хотел существовать мирно. Но раз мирно не хотят, выносить нечеловеческое отношение не намерен.

— Да пошел ты! — Выплюнув в лицо Волку, со всей дури ударил того кулаком в живот.

От неожиданности заводела согнулся пополам, вызывая в камере возмущенный гул.

— Ты чё дичь, душкой качнулась?! [181](#) — Выпрямляясь во весь рост, взревел главный и замахнулся на Олега.

Ударить не получилось. Перехватив кулак, Чернышевский вывернул Волку руку, отбрасывая зэка в сторону. Вместе с этим почувствовал, как сзади кто-то повис на спине, намереваясь повалить на пол. Увернувшись, прижал нападавшего, которым оказался Трюфель, к железным перилам кровати и не сдерживая накопившейся злости и раздражения за последние месяцы, стал наносить ловкие удары снова и снова.

Трюфель особо не отбивался, только руками закрывался. Сзади кто-то пытался вызволить товарища от разъяренного мужчины. Но без особой прыти и энтузиазма, боясь нарваться.

Олег совершенно не понимал, что творит. Он попросту сходил с ума. От случившегося ранее. От места, в котором оказался ныне. От происходящего в настоящем.

Опомнился, когда в камеру вбежали трое надзирателей. С криками:

— По местам всем! Связать! — Оттащили от Трюфеля.

В первый день пребывания на зоне, Чернышевского закрыли в карцере, коим оказалась одинокая комнатка метр на два. Голая, без окон, с деревянной полкой, предназначенной в качестве кровати.

Страшное место, которое не только больным клаустрофобией могло отозваться

приступом панического и неконтролируемого страха, но и довести до безумия абсолютно здорового человека. Но по сравнению с крысятником, которым оказалась камера, той ночью Олегу было спокойнее в карцере...

2010 год

— Олег. — Осознавая, что молчание затянулось, наконец, заговорил Вотан: — Будь моя воля, Маргарита, минимум, шесть лет назад освободилась от Рощина. Но ты отлично знаешь, что тогда случилось. Нам не оставили выбора.

Тяжело вздохнув, мужчина позволил увесистому грузу сомнений и переживаний на миг отразиться на лице. Вернувшись к креслу, устало опустил обратно. Зажмурившись, сжал пальцами переносицу. Когда Чернышевский, успокоившись тоже присел, продолжил:

— Роцин все шесть лет был относительно чист. И когда появилась зацепка, мы не имеем права так глупо прос*ать возможность из-за твоего желания сунуться Ритке под юбку.

— Мне нужно было вернуть её доверие. — Глухо отозвался Олег.

— Вернул? — Внимательно взглянув на мужчину, передразнил генерал.

— Вернул.

— Дальше что? Маргарита опять под прицелом. По твоей милости нам придется отказаться от тендера, иначе очередных подозрений от Рощина не избежать. Он и так глубоко копает. Информации, предоставленной Бурей, кажется мало.

— Когда мы начинали операцию, Вы сами сказали, что будем действовать по обстоятельствам. Потом, — Потянувшись за пачкой сигарет Вотана, лежавших на столе. — Раз здесь камеры, почему не предотвратили все? Должны были видеть на записях, что накануне Роцин приезжал ко мне сам.

— Видел. Но не предполагал, что на следующий день тебя черти понесут в Рощу с ответным визитом и гениальнейшей сделкой. Приехал сюда, как только узнал. А вообще, — Нахмурившись, наблюдая как Олег, бесцеремонно развалившись в кресле, затянулся сигаретой, прикрикнул: — Какого хе*а перед тобой должен отчитываться?! Это вы должны докладывать о каждом шаге! А вместо этого накрутили хр*ен знает чего с Буртенко! Кстати, с жуком этим хитрожопым предстоит отдельный разговор. Обещал ночью подъехать, устраю ему.

Фыркнув, Чернышевский проигнорировал словоизлияния начальника. Его заботила совсем другая проблема — Ритка. Злость на себя, что не уберег, не покидала. Еще Вотан приездом усугублял ситуацию. Отчитывал, как мальчишку, а сам тоже хорош.

Олег не боялся генерала. Никогда. Начальник всегда позволял общаться с собой на равных. Причин тому множество. Но когда дело касалось Маргариты — каждый сам за себя. Представление, как ей лучше — общие имелись. Только пути достижения целей судя по сегодняшнему разговору, несколько различаются. Но не удивительно. На месте Вотана Чернышевский устроил себе и не такую промывку мозгов.

— Ладно, Олег. — Вставая, устало вздохнул генерал. — Вымотался я с дороги. Пойду переоденусь до приезда Бури. Надеюсь, приютишь старика в *своем* доме?

— У меня есть выбор? — Смело отрезал мужчина. — Как всегда — второй этаж, вторая дверь налево.

Сделав вид, что не заметил тона Чернышевского, Вотан прошел к лестнице. Застыл на первой ступеньке. Несколько секунд собираясь с мыслями, осторожно поинтересовался:

— Как она?

— А как может чувствовать себя человек, пережив двенадцать лет рабства? — Не оборачиваясь, предположил Олег. — И освободившись из него на несколько дней, вернувшийся в самый пик?

— Этого я больше всего и боялся. — Только и отметил Вотан.

Оба отлично разумели — вот главная причина, почему генерал злился. Ни на произвольные действия подчиненных. Ни на непослушание и отступление от плана. Ни опасаясь упустить Рощина. А потому что боялся за Маргариту. За её реакцию на происходящее. За выдержку. За нервную систему, однажды пошатнувшуюся от роковых событий шестилетней давности.

— Я не ожидал, что так получится. — Приглушенно выдохнул Чернышевский, не уверенный, слышит его начальник, или давно скрылся на втором этаже. — А Рощин окажется настолько сволочью, чтобы в очередной раз растоптать Ритку.

— Ты многого о нем не знаешь.

Вместе с тем сзади послышались, удаляющиеся по лестнице шаги. Легкий стук наверху оповестил, что Вотан оказался у себя.

Руслан приехал в поместье почти в полночь.

Олег с Вотаном, как и часами ранее, сидели в креслах гостиной. В этот раз молчали оба, не затрагивая волнующие темы. Они не разговаривали, так как знали — любой, наиболее безобидный разговор сводится к единой проблеме. А верное решение пока виделось в весьма смутных тонах. Оттого находились в задумчивом расположении духа, когда в дом, словно вихрь, влетел Буря.

— Михалыч? — Застыл на пороге, не веря собственным глазам.

— С утра был им. — Криво усмехнулся мужчина при виде растрепанного и озадаченного парня.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — Отдавая честь, поприветствовал Буртенко, быстро выходя из недоумения.

— К непокрытой голове руку не прикладывают. — Сухо повторил Вотан недавние слова Чернышевского.

Последний ухмыльнулся, а Руслан, торопко убрав руку от виска, виновато потупил взор. Он, в отличие от Олега, схожей вольности относительно начальства не мог позволить и, скорее всего, сейчас прозвучат очередные оправдательные речи.

— Ну и? — Выждав паузу, за которую Буртенко должен был что-то вымолвить, но так и промолчал, с нажимом спросил Вотан. — Ничего не хочешь сказать?

— С приездом. — Оживившись, мужчина прошел вглубь гостиной. — Не ждали Вашего появления так скоро.

— Чего не ждали? — Подскочив, прикрикнул генерал. — Устроили произвол и считали с рук сойдет?!

— Михалыч, спокойно. — Примирительно поднимая ладони перед собой, пробормотал Руслан. — Ничего страшного не произошло.

При этом посмотрел на Олега с укором. Словно возмущаясь: «Я тебя предупреждал о последствиях!». Захотелось тут же выбить из друга спесь. Но Чернышевский знал, что не в том положении, чтобы командовать. В нем говорит гнев на Рощина. Винить Буртенко в

случившемся с Риткой — последнее дело.

— Может, и не произошло! — Генерал был на взводе. — На хе*а тебя держу?! Как только происходит что-то непредвиденное, должен сообщать мне! Но ты, мало того, что умолчал, еще всячески покрывал и поощрял выходки Чернышевского!

— Вотан. — Посчитал нужным вмешаться Олег. — Рус не виноват. Я попросил его не говорить Вам.

— Естественно! — Передразнил начальник, обходя Буртенко по кругу. — А Рус у нас несмышлёныш, совсем не видит, что правильно, а что нет? Тебе напомнить об инструкциях? — Заглядывая в лицо: — О данной присяге перед отечеством?

— Михалыч, дело не в присяге и не в инструкциях.

— В чем?

И Вотан, и Олег изумленно уставились на Руслана. Если первый хотел выяснить причину непослушания, для Чернышевского это могло стать новым открытием друга. Понять — до сих пор ли остался таким беспрекословным и категоричным либо же...

— В человеческих отношениях. — Бегло обращая внимание на Олега, увереннее повторил: — Дело в человеческих отношениях. Я был изначально против. — Откровенно признался. — Но позже понял — эти три дня нужны не только им. Можете счесть меня эгоистом, но мне тоже необходима передышка.

— Мы не в том положении, чтобы делать передышки для всех, кто пасует перед трудностями. — Огрызнулся генерал.

— А Рощину нужен толчок к более активным действиям. — Словно не слыша замечания, осмелел Буря. — Без авантюры Олега, долго ходил бы вокруг да около. Но сейчас говорю, как человек, тесно приближенный к Плантатору, — он задергался. Крепко задергался. И в таком состоянии может сделать непростительную, но необходимую для нас ошибку.

— Допустим. — Сложив руки за спиной, Вотан задумчиво смерил шагами комнату, остановившись у окна: — И что предлагаешь делать? Ждать оглашения результатов тендера, не вариант.

— Действовать. — рассудил Руслан. — Что, если, как и обещал Рощину Олег, снять с тендера нашу кандидатуру. — Присев на угол подлокотника дивана. — Победа откроет Плантатору зеленый свет на каналы поставок наркотиков и позволит нам взять его на живца.

— И ждать почти месяц, если не больше? — Сложив руки на груди, Чернышевский вопросительно уставился на друга. Мысленно противясь нежелательному раскладу.

— Мы ждали шесть лет, можно подождать еще пару месяцев. Они погоды не сделают.

— Буря, ты сам сказал — Рощин задергался. — Раздражался Олег. — Это реальный шанс взять его раньше. Мы и так долго тянули время.

Внешне старался сохранить невозмутимость и даже равнодушие. Но истинная причина несогласия с другом заключалась в Маргарите. Как заведенная кружилась мысль — она не выдержит. Целый месяц рядом с Рощиным станет сродни пытке. Резанью ран по живому. Она не сможет.

Еще куда ни шло, будь Рощин чуть более сдержан. Но Буртенко сам говорит, что до сдержанности далеко. Если на второй день после возвращения Ритка доходит до грани, что дальше? Сегодняшняя истерика — тревожный колокольчик, оповещающий, что нужно срочно принимать меры.

— Олег, договариваясь с Рощиным, ты рассчитывал повернуть дело именно таким

образом. — Не унимался Буря. — Давай хоть в этот раз не будем отклоняться от плана.

— Руслан, ты не понимаешь? — Переходя на громкий шепот, Чернышевский кивнул на стоящего спиной к ним Вотана.

— Олег, это ты не понимаешь! — Шикнул друг. — Может, хватит с нас самодеятельности? Пока ни к чему хорошему это не привело!

— Я вам не мешаю? — Повернувшись к заведенным подчиненным, пугающе спокойно уточнил генерал.

— Нет. — Как сговорившись, одновременно выпалили мужчины, беспечно пожимая плечами.

— Олег прав. — Зорко взглянув сначала на одного, затем на другого, признал Вотан. — Ждать еще месяц нельзя. Придется брать так.

Затаив дыхание, Чернышевский с Буртенко переглянулись, ожидая пояснения, которое не заставило долго ждать:

— Утром возвращаюсь в Киев. В течение суток мы с ребятами организуем поверхностную облаву на столичный офис Рощина. Ничего особенного — просто припугнуть. Этого должно хватить, чтобы заставить его вернуться в город и ринуться заметать с этим своим Калачевым следы. Дальше выход Бури. С твоей помощью мы и возьмем Рощина за этим грязным делом.

— Предположим. — Сжав пальцами переносицу, согласился Руслан. — Только не уверен, что Рощин возьмет с собой. Сегодня он приставил меня личным охранником Маргариты.

Олег ошарашенно уставился на Буртенко. На что тот лишь вздернул плечами. Мол, я причем?

— Буртенко, тебе опять учить, что ли? — Не зло прикрикнул Вотан. — Ты неглупый парень — найдешь способ. Маргарита обойдется без твоей помощи.

Показывая, что на этом разговор закончен, направился к лестнице, на ходу набирая нужный номер на мобильном.

— Вотан? — Встрепенувшись, окликнул Чернышевский. Когда тот проницательно взглянул на него, переспросил: — А мне что делать? Какая у *меня* роль в Вашем новом плане?

— А ты... — Упрямо поджимая губы, нехотя распорядился: — Увезешь на это время Маргариту подальше. — Уверенный, что не услышит возражений, поднялся наверх, прижимая телефон к уху. Спустя миг ответили, он приказным тоном скомандовал: — Штурм?.. Планы меняются. Ищи зацепку и готовь ребят. Завтра пойдем на штурм Golden Grove. Да... Отлично.

— Кажется, веселье начинается. — Когда начальник скрылся на втором этаже, Руслан уставился на Чернышевского.

— Буря, спасибо, что прикрыл перед Вотаном. — Протягивая руку в знак примирения, поблагодарил Олег.

— Ну что ты. — Взглянув на протянутую ладонь, мужчина неуверенно ответил рукопожатием: — Оба хороши, обоим и выкручиваться.

— Все равно спасибо.

— Да ладно. Иди лучше пакуй чемоданы для романтического путешествия со своей Риткой. — Поднявшись с дивана, похлопал Олега по плечу. Когда брови того удивленно поползли вверх: — Шучу-шучу.

Обойдя Чернышевского, Буря направился к выходу из гостиной.

— Рус?.. — Не оглядываясь, Олег не удержался от искушения узнать: — Тебя, правда,

Рошин приставил к Маргарите?

— Да. Это так удивляет?

— Скорее наоборот.

— Раз все выяснил. — По-прежнему стоя спинами друг к другу, Руслан поторопил: —

Поехал, пока меня никто не кинулся иска...

— Буря? — Спешно перебил.

— Не переживай, я присмотрю за ней. — Прежде чем Олег открыл рот, чтобы озвучить просьбу, добавил: — И скажу, что скоро все закончится.

С этим за Буртенко захлопнулась дверь. Чернышевский, обреченно опустившись на место, где только сидел друг и, сжимая ладонями виски, мысленно взмолился, чтобы так и произошло...

2010 год

Сжимая ладонями бортики раковины, Маргарита невидяще изучала отражение в зеркале. Смотрела и не верила, что девушка с безжизненными пустыми глазами есть она сама. Каменное выражение лица, мешки под веками, которые не замаскировать даже дорогими тональными кремами. Знакомая незнакомка.

Неужели превратилась в таковую всего за несколько дней? Или стала давно? Лет двенадцать назад? Лишь умело скрывала истинное лицо за чужой маской. Сначала безразличия и отстранения, а после благополучия и сытой жизни. Неужели теперь навсегда останется такой? Никчемной тенью самой себя.

— Стоп! — Глубоко втянув воздух, оттолкнулась от умывальника отступая.

Хватит себя жалеть. Достаточно изводиться бессмысленными размышлениями о несчастной судьбе. Легче не станет, а старые раны лучше не беречь. Подобный урок давно заучила на память. Нужно жить настоящим, не оглядываясь назад и не забегая наперед. Просто жить.

Хотя, как однажды слышала — человек живет преимущественно либо прошлым, либо будущим, упуская миг настоящего. Данное утверждение подходило самой девушке. Особенно теперь, когда настоящее столь зыбко и то, чем обернется через несколько часов трудно предугадать.

Выйдя из ванной, Одинцова взглянула на время, сообразив, что до полудня осталось чуть менее часа, а она так и не решила, стоит ехать на встречу к Олегу или нет. После вчерашних неудавшихся откровений и попыток расстаться раз и навсегда не представляла, чем обернется новая встреча. Если она, вообще, произойдет. Кто знает, возможно, Чернышевский так поспешно уехал, чтобы больше никогда не вернуться.

Нет, нет и еще раз нет! Олег не может так поступить!

Схватив со стула кожаную куртку, выскочила из комнаты. Не глядя под ноги, сбежала вниз по лестнице. Услышав голоса со стороны гостиной, поубавила темп, стараясь не выдать присутствия. Встретаться с Кириллом не хотелось. Но удержаться от искушения глянуть, что происходит не могла.

Бесшумно ступая по деревянному паркету прошла к приоткрытой двери, пытаясь разглядеть происходящее. Сообразив, что ничего интересного нет, не удержала то ли облегченного, то ли разочарованного вздоха. В комнате находился Руслан и звуками было не что иное, как работающий телевизор.

Не желая терять драгоценного времени и боясь передумать ехать к Олегу, вместе с тем подчиняясь неизведанному желанию поговорить с Буртенко, на секунды застыла на месте. Этого хватило, чтобы мужчина заметил присутствие постороннего. Обратив к ней внимание, негромко позвал:

— Маргарита Андреевна? Куда-то собрались?

— Да. — Вздернув плечами, отмахнулась. Надеюсь, что не вызовет очередных подозрений со стороны Руслана. — То есть нет.

— Так да или нет? — Щелкая пультом, уточнил Буря внимательно взглянув на девушку.

— Кирилл дома? — Игнорируя вопрос, Одинцова прошла в комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

— С самого утра наверху в кабинете сидит.

— Руслан. — Замявшись, машинально опустилась рядом. Скользнув умоляющим взглядом, едва слышно пробормотала: — Я хотела покататься на лошади. Ты можешь?..

— Не могу. — Равнодушно перебил, заинтересованно уставившись в экран. — Если хотите покататься, поедem вместе.

— Почему? — Повернув голову к телевизору, столь увлекшему Буртенко.

— Потому что Кирилл Сергеевич велел Вас везде сопровождать. — Громко прокашлявшись, незаметно кивнул в сторону второго этажа.

— Если я хочу побыть одна? — Фыркнув, Маргарита выхватила из рук мужчины пульт, добавила громкости и вопросительно уставилась на него.

Нынче неважно, на чьей стороне играет Буря. Важно, что до сих пор не сообразила, как относится к этому человеку. Находясь на хорошем счету у Кирилла, дружит с Олегом. Упрекает за прошлое и убеждает не мучить Чернышевского, но при этом спасает от Рощина. Не понимала отношение Руслана к себе ровно настолько, как не смыслила, чего ожидать в следующий раз. Что если сейчас наиболее удачная возможность разобраться?

— Сегодня вряд ли получится. — С нажимом отметил мужчина, внимательно изучая девичье лицо: — Одиночество оно, знаете ли, не всегда приносит удовольствие. К тому же, — Отстраненный кивок на голубой экран, где подходил к концу старый шпионский фильм: — Скоро все закончится.

— Ты так считаешь? — Раздумывая, что подразумевает Буртенко — фильм или их безумную жизнь?

— Уверен.

Что-то добавить или спросить не успела. Дверь гостиной широко распахнулась и в комнату ворвался Кирилл. Взор отчаянно метнулся с работающей плазмы на Руслана. Затем на Маргариту.

— Штаны просиживаете? — В несколько широких шагов пресекая разделяющее расстояние, остановился напротив девушки.

— Есть выбор после того, как приставил ко мне Руслана? — Ухмыльнувшись, дерзко проворчала Одинцова. Выглядывая из-за Рощина на экран, недовольно попросила: — Отойди, пожалуйста. Ты мешаешь нам смотреть кино.

— Твою мать. — Презрительно качнув головой, Кирилл выхватил у Марго пульт и прежде чем успела возмутиться, выключил телевизор, приказывая: — Иди вещи собирай. Мы возвращаемся в Киев!

— Что? — Нахмурившись, Одинцова глянула на Руслана, что с откровенным безразличием наблюдал за развернувшейся картиной. — Я никуда не поеду.

— Марго, ты издеваешься? Я не спрашиваю, поедешь или нет. Сказал — встала с дивана и пошла собирать шмотки!

— Кирилл, не ори! — Подскочив, девушка поставила руки в бока, бесстрашно выступая против.

Что стало причиной протеста? Может, действительно, перестала бояться? Или сидящий позади Руслан добавлял смелости? Во всяком случае, искренне верила: прояви Рощин раздражение в более грубой форме — Буря заступится.

— Маргарита. — Со свистом втянув воздух, Кирилл недовольно закатил глаза, но спокойнее втолковал: — Будь умной девочкой, иди собираться. Это очень важно.

— Что-то случилось? — Нетвердо уточнила. — К чему срочность?

— Случилось. — Сквозь зубы выплюнул отворачиваясь.

— Кирилл Сергеевич? — Вставая с дивана и переглядываясь с Ритой, вмешался Буртенко. — Что-то серьезное?

— Звонил Тимур. — Пройдясь по гостиной взад-вперед, через плечо выплюнул Рошин. — На офис Golden Grove нагрянула проверка.

— Тебе есть что бояться? — Хмыкнув, Одинцова попыталась сопоставить сказанное Русланом ранее и неприятную весть Кирилла.

Новые подозрения крепче заседали в сознании. Раньше Рошин никогда не страшился проверок. Хотя на своем веку работы в компании не припоминала, чтобы они случались. Во всяком случае, заранее согласовывались.

Документы в порядке. Никакая налоговая или иные инстанции не могли подкопаться и найти чего-то из ряда вон выходящего. Но сегодня Кирилл нервничает. Причем сильно. Судя по всему, проверка нагрянула как минимум неожиданно. Неужели Олег поучаствовал?

— Я не люблю, когда суют нос не в свои дела без предупреждения! — Яростно отбрил Кирилл. — Поэтому сегодня мы должны оказаться в столице. Собирайся, в час дня самолет.

— Я никуда не поеду. Мне нужно время. — Отрицательно закивала головой.

— Время на что? — Резко обернувшись.

— Собраться, настроиться. Попрошаться со Страстью. Я рассчитывала еще несколько дней пробыть в Роше.

— Руслан? — Уставившись на начальника СБ, протянул Рошин.

— Как скажете, Кирилл Сергеевич.

— Я никуда не поеду! — Противясь возвращению всеми фибрами души, вторила девушка.

Чувствовала, что не должна уезжать? Или опасалась оставаться наедине с Кириллом в одной, сравнительно с огромным особняком и раздольем поселка, маленькой пятикомнатной квартире?

— В принципе, — Показывая снисхождение, Буртенко будничным тоном предположил: — Если Маргарите Андреевне хочется остаться — пускай остается. Я за ней пригляжу. Вы потом назад планировали приехать? Или все, оседаете в столице?

— Планировал. — Скрипнул зубами Рошин, прожигая поджавшуюся Маргариту недовольным взглядом.

Естественно. Если изначально полагал, что приезд в Золотую Рошу ограничится парой коротких дней, на фоне разворачивающейся борьбы с Чернышевским, прекрасно осознавал, что здесь больше способов контролировать каждый шаг девушки. Куда она денется из охраняемой территории особняка? Максимум прокатится на лошади по окружающей местности. В Киеве, даже приставь охранника, нельзя быть уверенным ни в чем. В мегаполисе, где люди постоянно куда-то торопятся, словно муравьи, легко затеряться.

Рита молила, чтобы Кирилл быстро уяснил это, а Руслан оказался довольно убедительным. Эти дни без Рошина станут хорошей передышкой. И, что важно, возможностью беспрепятственных встреч с Олегом.

— Кирилл. — Стараясь выдавить подобие улыбки, включая тяжелую артиллерию, Одинцова жалобно протянула: — Руслан прав. Зачем кататься туда-сюда? Если в столице ты способен решить проблемы без меня, может, подожду твоего возвращения здесь? Понимаю, мне не доверяешь, но Руслан в чем провинился? Или он тоже под подозрением?

Соображала, что бесстыдно нарывается. Рискует не только собой, но и стоящим рядом

человеком, но на кону нечто важное. Точно знала. Чувствовала.

— Ты не отступишь? — Сощурившись, Кирилл изучающее осмотрел Маргариту. Когда ответа не последовало — вместо него девушка, вздернув подбородок, дерзко сложила руки на груди, дал отмашку: — Делайте что хотите. Некогда играть и уговаривать. Бурый, — Обращая внимание на охранника: — Я на тебя надеюсь.

После напутственных слов вылетел из гостиной, оставляя Риту настороженно смаковать первую маленькую победу. В груди разливался теплом предвкушающий трепет и спокойствие от осознания, что впереди дни свободы. Свободы от мужчины, появление которого однажды вызывало не меньший переворот сознания.

Когда-то каждый приход Кирилла и присутствие рядом было сродни блаженству. Так давно, будто в другой жизни, или не с ней. Где, будучи Королевой, медленно, но уверенно трансформировалась в Марго...

2002 год

— Марго? — Вместе с открывшейся настежь дверью, послышался приглушенный оклик.

Бросив пушистую щетку в пудреницу, девушка автоматически развернулась на крутящемся кресле к вошедшему. Пристально оглядев застывшего на пороге мужчину, прислонившегося к дверному косяку и сложившему руки на груди, слабо улыбнулась.

— Можно? — Оттолкнувшись от угла, уточнил.

Не дожидаясь ответа, захлопнул дверь по-хозяйски проходя вглубь комнаты. Впрочем, иначе не умел. Каждый жест пропитан уверенностью, наглой и бесцеремонной.

Этот мужчина единственный, не считая самого Сизого, кто запросто мог заявиться к девушке в личную комнату, не дожидаясь приглашения или разрешения войти. И если Сизый обычно приходил, чтобы поинтересоваться, как любил говорить, здоровьем и настроением либо поставить перед фактом нововведений в Инанне, этот приходил за удовлетворением собственных желаний.

Клиент. Его нельзя назвать обычным или очередным из. Это её единственный клиент на протяжении целого года. Человек, который, по сути, изменил нынешнюю жизнь к лучшему. Если это самое «лучше» может быть в закрытом и оторванном от реального мира борделе.

Он позволил впервые за последние несколько лет почувствовать себя практически нормальной женщиной. Относительно нормальной. Белка права — становясь персональной шлюхой для одного клиента, ощущаешь себя иначе. Нет, не менее грязной. От грязи, которую испытала, переходя из рук в руки, от очередного богатого толстосума к другому, никогда не отмыться. Но чувство гадливости к себе притупляется.

Особый клиент принес Маргарите особое положение. Давно перестала быть одной из девочек, которые по несколько человек жили в комнате. Которые принимали ежедневного нового клиента, дабы, как выражался Батя, отбить затраченные деньги на преображение.

Девушка находилась на особом счету, но это отнюдь не улучшило жизнь в остальных аспектах. В Инанне подобных ей не любили, потому что мало кто достаивался такой чести. Мало кто получал подобную роскошь, как личная комната. Хотя комнатой Сизый наделил гораздо раньше, чем выгодно продал на долговременное пользование, но все же...

Интересно, неужели никто из девушек, с которыми у Одинцовой натянутые отношения,

не разумел, что не в положении счастье, не в шмотках и не в комнате. Но Маргарите плевать на их мысли, на шушуканье за спиной и на зависть.

Наверняка цинично, но никогда не стремилась найти тут подруг, пусть отдавала отчет, что многие имеют судьбу не лучше, чем она. Не по своей воле здесь. Но большинство давно смирились с незавидной участью ублажать денежные мешки.

Вряд ли кто-то так рьяно и отчаянно жаждал свободы, как желала Маргарита. Несмотря на схожесть судеб, у них нет общих интересов. Единственной с кем могла пооткровенничать была незабвенная мамка Белла. В чем-то схожи, в чем-то их взгляды отличались. Но одно девушка знала точно — Белла живой пример, как жить не нужно, посвящая всю себя утехам других.

В душе по-прежнему теплился огонек надежды на спасение из страшного места. А теперь, когда появился этот мужчина, огонек вспыхивал все яснее, позволяя впервые за долгое время предаться мечтам.

Кирилл Роцин. Странное дело, но невзирая на то, что умел подчинять; являлся в её комнату, куда обычно ход клиентам воспрещен, в любую пору дня и ночи; бывал нервным, подчас грубым, Маргарита всегда ждала его. Испытывала некую радость от встречи с ним.

— Тебя давно не было. — Закусив губу, склонила голову набок, рассматривая несколько недовольные ныне черты лица.

— Соскучилась? — Вздернув бровь, Роцин в считанные секунды оказался рядом.

— Не знаю. — Искренне призналась, пожимая плечами. — Привыкла к более частым визитам.

Поднявшись со стула, сделала шаг к мужчине, сокращая и без того маленькое расстояние. Положив одну ладонь ему на грудь, другой провела по щетинистому лицу. Такой небритый и взъерошенный. Под веками огромные синие круги. Замученный, словно не спал ни одни сутки.

— Прости, было не до развлечений. — Односложно отмахнулся, обхватив девушку за талию, прижал к себе.

— Что-то случилось? — Вопросительно всматриваясь в лицо, не удержалась от мимолетного порыва любопытства.

— Да так. — Поморщился Кирилл. — Небольшие семейные разногласия на почве бизнеса.

— Не хочешь рассказать?

— Зачем тебе это? — Подозрительно сощурился мужчина, убирая руку Риты от своего лица.

Она так и стояла, не моргая глядя на Роцина. Не представляла, что ответить. Действительно, зачем? Зачем забивать голову чужими проблемами? От скуки? От любопытства?

Маргарита никогда не пыталась завести подобный разговор. За исключением, пожалуй, первой встречи после аукциона. Тогда интерес был подогрет исключительно упоминанием Латунина. Когда Кирилл, спустя месяц, без спроса заявился в комнату и огорошил новостью, что отныне будет единым клиентом, приняла происходящее как данность. Все воспринимала, как данность — свое положение, неожиданные визиты Роцина, интерес к себе... До сегодняшнего дня.

Что изменилось теперь? Кирилл никогда и ничего не обещал. Ей бы знать свое место: шлюха навсегда останется шлюхой. Посвящение в дела, тем более семейные, удел

избранных. Чистых от уличной безнравственности и распутства.

— Прости. — Спешно отстранившись, Одинцова отвернулась, мысленно напоминая, что место надо знать. — Мне не нужно влезать в твои дела.

— Какие там дела. — Фыркнув, Роцин положил руки на девичьи плечи, несильно сжимая: — Есть один ушлепок, желающий взять бразды правления отцовским бизнесом на себя. Я, вопреки согласию отца, пытаюсь доказать обратное. Банальная дележка имущества.

— Ясно. — Зажмурившись, кивнула.

Упоминание семьи вызвало неприятные ощущения. Кто-то не пытается ценить кровные связи, устраивая разборки, а кто-то родных не имеет вообще. У Маргариты не осталось ни единого близкого человека, которому могла быть небезразлична её судьба.

Возможно, оттого в голове назойливой жужжащей мушкой закружился вопрос. Вопрос, ответ на который стоило узнать давно.

— Кирилл? — Спустя пару мгновений молчания, позвала: — Зачем тебе я?

— Марго. — Прокашлявшись, хмыкнул. — Вроде не маленькая девочка, должна понимать...

При этом Одинцова готова поспорить, Роцин поморщился. Он всегда морщился, когда недоволен, или когда что-то вводит в недоумение.

— Я не об этом. — Осторожно вывернувшись в мужских руках, становясь лицом к лицу: — Допустим, тогда на аукционе купил меня, чтобы насолить Латунину. Зачем — второстепенный вопрос. Такому козлу нельзя не хотеть насолить. — От упоминания Григория Кирилл усмехнулся, а девушка продолжала, словно не замечая: — Но потом-то для чего? Почему тратишь свободное время и деньги на меня? Вместо того чтобы найти девушку для приятного времяпровождения бесплатно? Не говори, что не получается. Все равно не поверю.

— Марго, зачем забиваешь себе голову чепухой? — Пригладив растрепавшиеся локоны, устало выдохнул Роцин. — Я здесь, с тобой. Или не рада?

— Рада. — Не до конца понимая так ли это, согласилась. — Но ответ на вопрос — почему я?

— Ты мне нравишься. — Склоняясь к приоткрытым устам. — Этого достаточно?

— Что дальше? — Чувствуя горячее дыхание, зачарованно уточнила Рита.

— Дальше видно будет. Остальное сейчас неважно. — Почти прикасаясь губами. — Важно, что ты со мной, моя Королева. Моя Марго...

2010 год

— Маргарита Андреевна? — Без стука в комнату заглянул Руслан, вырывая из воспоминаний без того дерганную девушку.

— Чего тебе? — Стрельнув глазами в сторону Буртенко, снова заметалась по спальне. Нервно заламывая руки, отдернула занавеску, выглянула в окно: — Кирилл, он?..

— Уехал. — Не дожидаясь приглашения, мужчина бесцеремонно зашел в комнату, заинтересованно осматриваясь.

— Хорошо. — Игнорируя вольность Бури, Рита схватила с постели куртку.

Подумалось, что сегодня Роцин даже не попрощался перед отъездом. Хотя привычно,

отлучаясь на менее далекие расстояния, всегда предупреждал. Может, чувствовал, что Маргарита не сильно горела желанием прощаться. Натянутость отношений последних дней набирала странные обороты. Но какая разница? Главное, настало необходимое, пускай недолговременное, освобождение.

Сегодня девушка пропустила назначенную встречу с Олегом, но зато теперь можно поехать прямо к нему домой. И никто, в том числе Руслан, не помешает сделать этого.

Натягивая куртку, поспешила к выходу, едва не сбив Буртенко с ног.

— Эй и куда мы торопимся? — Выставив руки, мужчина перехватил Риту.

— Мне нужно идти. — Умоляюще протянула Одинцова. — Пожалуйста, пусти. Я должна поехать к...

— погоди! — Авторитетно оборвал, жестом приказывая молчать.

Когда девушка кивнула, разжал захват и прошел вглубь комнаты. Осмотрелся. Заметив картину на стене, заглянул под неё. Подобной участи удостоились и часы. Затем исследовал туалетный столик и его принадлежности. После обернулся к удивленной Маргарите и безапелляционно видал:

— Собирайся. Только самые необходимые вещи.

— Что? Зачем? — Брови девушки изумленно поползли вверх. — Я сказала, что никуда не поеду.

— С Рощиным не поедешь, но не значит, что не поедешь вовсе. — Невозмутимо фыркнул Буртенко, сложив руки на груди.

— Руслан, ты в своем уме? Я не хочу в Киев. К тому же меня ждут сейчас. — Не соображая, чего добивается этот человек, не поддавалась Рита.

— Тебя и так ждут. Правда, не совсем там, где думаешь.

— Но как же?..

— Ритка, хватит трюндеть. — Спокойно прервал Буря, разрывая последние грани субординации. Вспыхнувшие в зрачках огоньки выдали разрастающееся недовольство. — Собирайся. Все вопросы в машине. Поверь, так нужно.

И Одинцова поверила. Сама не поняла зачем. Но вместо того, чтобы бежать к Чернышевскому, кинулась к кровати, вытаскивая из-под неё новенький дорожный чемодан, который не так давно брала к Олегу. Бросив на постель, замоталась по спальне, вытаскивая из шкафа первые попавшиеся вещи и швыряя внутрь. Все под пристальным взглядом Буртенко, который опершись о туалетный столик, следил за каждым движением Маргариты, холодно комментируя действия.

— Хороший выбор. — Когда в сумку полетело несколько платьев. Следом готовился приземлиться свитер, что нынешними осенними вечерами здорово согревал, создавая настрой уюта, но был нещадно забракован: — Это ни к чему. Лучше прихвати парочку футболок.

Опять Одинцова послушалась. Свитер был отброшен на кровать, а чемодан пополнился несколькими футболками. Старалась собраться как можно быстрее то ли чувствуя, что тянуть нельзя, то ли присутствие Руслана, подглядывающего на часы, так действовало. Вопреки бытующему мнению, что женщины терпеть не могут, когда мужчины их подгоняют, Рита и не помыслила, чтобы выставить его из комнаты.

— Паспорта не забудь. — Напомнил на пороге Буря.

На сей раз вняла совету. И через каких-то десять минут, сопровождаемая личным телохранителем, несущем вещи, выходила из особняка. Несколько удивилась, сообразив, что

по пути не встретился никто из домашних: ни оставшиеся в Роще охранники, ни экономка. Потому, оказавшись в салоне отъезжающего от особняка автомобиля, этот вопрос задала первым.

— Людмила Михайловна взяла на сегодня выходной. — Выруливая со двора, отмахнулся Руслан. — Оставшихся ребят отправил по делам в город. Хотя им необязательно докладывать о наших перемещениях, меньше знают — крепче спят.

— Я могу задавать остальные вопросы? — Недоверчиво уточнила, наблюдая в боковом стекле, куда сворачивает мужчина. Поняв, что вопреки ожиданиям не в сторону дома Чернышевского, разочарованно возмутилась: — Ты сказал, что поедем к Олегу. Что он меня ждет.

— Я не отрицаю. — Выжимая педаль газа, Руслан, полностью поглощенный дорогой, выехал на широкую трассу.

— Но как же? — Оглядываясь назад. — К Олегу в обратную сторону.

— Я сказал, что Олег ждет тебя. Но не говорил, что дома.

— Тогда где?

— В аэропорту. — Включив приемник, Буря пытался поймать нужную радиоволну, показывая, что разъяснить подробно не намерен.

— В аэропорту? — Вцепившись руками в сиденье, вздрогнула Одинцова. — Но там Кирилл. Или ты обманываешь? Может, работаешь на Кирилла и притворяешься, что на стороне Олега?

— Долго думала? Если мне не веришь, можешь позвонить Чернышевскому и уточнить. Рощин, кстати, ко времени нашего прибытия, давно будет на борту самолета.

Как не додумалась раньше! Можно позвонить и не строить из себя шпиона.

Дрожащими руками раскрыв сумочку, вытащила телефон и стала искать нужный номер. Вот он... Господи, почему такая глупая? Стоило давно позвонить Олегу, когда не удалось приехать к реке.

Пальцы потянулись к кнопке вызова, но Буря нагло вырвал мобильный из рук.

— Ты в своем уме? — Гневно сверкнул глазами. — Не со своего же! Он может быть на прослушке. Поэтому лучше, если на период твоего отъезда телефон останется со мной, чтоб не засекали сигнал. А лучше... — Раскрыв окошко, выбросил на трассу.

— Ты охренел? — Шокировано наблюдая за Русланом, вспыхнула Рита.

— Давай без этого. — Предупреждающе махнув рукой, вытащил из куртки свой мобильный. Найдя нужный номер, протянул девушке: — Чернышевский новый купит.

Оставив замечание без комментария, приняла протянутый телефон, подмечая на дисплее высвеченное имя, куда шли гудки. Волкодав. Мгновение, в трубке раздался знакомый и родной голос:

— Да, Буря. Все по плану?

— Олег? — Нервно сглотнув, осторожно позвала. — Это я.

— Рита? Ты в порядке?

— Да. Но не совсем понимаю, куда меня везет Руслан. — Ощущая недовольство в каждом жесте мужчины, сидящего за рулем, продолжила: — Он говорит, что ты ждешь в аэропорту. Но что это значит?

— Ритуль, не бойся, все хорошо. Руслану можешь доверять. — Не давая шанса уточнить что-то еще, подогнал: — Остальное расскажу сам. Все. Пока.

— Пока. — Выдохнула гудкам.

Взглянув напоследок на телефон, протянула обратно Буртенко, машинально поблагодарив. Вопросов не уменьшилось, но стало немного спокойнее. Олег сказал доверять — будет доверять. Раз едут в аэропорт, значит, так нужно.

Глянув на Руслана, увлеченно и ловко мчащегося вперед, по хмурому виду поняла, что бесполезно что-либо спрашивать. Все равно не скажет. Спасибо на том, что помогает добраться до Олега.

За период оставшейся поездки перебросились парой фраз на тему, не против ли слушать то, или иное радио. В город приехали, когда солнце клонилось к горизонту. Осень брала свое, темнело рано. Но ни это, ни мысль, как скоро на её поиски ринется Кирилл, не волновала. Чем ближе цель, тем сильнее сердце замирало, мечтая о скорой встрече с Чернышевским. Факт неизвестности не пугал. Плевать, что он задумал, куда собрался везти. Главное, чтобы находился рядом. Она доверяла Олегу. Уже доверяла.

— Ну что? — Вытянув чемодан из багажника и захлопнув дверцу, Руслан мимолетно глянул на часы: — Как раз вовремя. Через пятнадцать минут самолет, этого с лихвой хватит на регистрацию.

Согласившись, Одинцова засемила мелкими шажками рядом с мужчиной в направлении терминала. Людей вокруг было немного. Несколько встречающих на улице, с парочкой столкнулись у входа, впереди молодые люди торопились на самолет...

Не заостряя на случайных прохожих внимания, Рита пыталась отыскать среди незнакомцев того, ради которого сюда явилась. Но Олега нигде не наблюдалось. С разочарованием решив, что он ждет у стойки регистрации, собралась уточнить у Руслана как вдруг, метрах двадцати, в противоположном направлении мелькнуло знакомое лицо.

Сердце, пропустив сумасшедший удар, казалось, застыло в груди. Маргарита, позабыв о спешке буквально приросла к месту, ошарашенно провожая глазами спешащего. Мгновение, и он, словно ощутив чей-то интерес к своей персоне, оглянулся. Секунда и взоры пересеклись.

Одинцова хотела окликнуть, позвать. Но крик застрял в груди. Удалось только открыть и закрыть рот, хватая воздух, как рыба, выброшенная на берег. Этого мужчине хватило, чтобы отвернуться и затеряться в, ниоткуда возникшей, толпе.

Кто знает, сколько девушка простояла, не заметь её отставания Руслан.

— Ритка, ты чего? — Возвратившись, прикрикнул Буря. Но едва повернула к нему бледное, словно мел лицо, забеспокоился: — Что-то случилось? Ты кого-то увидела? Знакомый?

— Да. Нет. — Встряхнув головой, возвращая трезвость разума, невнятно забормотала: — Не знаю.

Она действительно не знала, случилось ли. Какова вероятность, что видела именно того? Сейчас не самое светлое время суток, разделяющее расстояние, прошедшие годы, в конце концов... Все играло против неё, но не шальное, безумное воображение.

Какова вероятность, что увиденное не плод фантазии? Сколько на свете похожих людей? Не счесть. За столько лет память могла притупиться, а образ, гладко вытесанный в воспоминаниях, оказаться не настоящим. Надуманным. Наигранным. Подгоняемым под встречающихся...

— Рита?! — Встряхнув за плечо, позвал Буртенко. — Если хочешь успеть, надо поторопиться. Олег ждет.

— Да, конечно.

Вытряхивая из головы вымышленные глупости, сконцентрировала внимание на происходящем и, срываясь на бег, побежала к Чернышевскому. Увиденное минутами ранее окончательно вылетело из памяти, стоило узреть Олега, нетерпеливо поглядывающего на часы у стойки. Очереди не было, и они оставались последними.

— Заканчивается регистрация на рейс Херсон-Варшава. — В подтверждение подметил механический голос.

— Олег! — Улыбнувшись, окликнула Маргарита, когда тот обыскивал глазами зал. Не контролируя эмоции, бросилась к мужчине, повиснув на шее: — Так боялась, что не увижу тебя.

— Я боялся, что ты опоздаешь. — Крепче стиснув девушку в объятиях, выдохнул Чернышевский у ушка.

— Молодые люди, вы проходите? — Напомнила о себе регистраторша.

— Да. — Протягивая билеты, Олег отстранил от себя Риту.

— Паспорт?

— Сейчас. — Трясущимися руками Одинцова вытащила из сумочки документы.

— Вещи мне решили оставить? — Напомнил Руслан, протянув Чернышевскому чемодан.

— Спасибо. — Счастливо улыбнувшись, Олег поцеловал Маргариту в висок.

— Хорошей поездки. — Пожелал Буря, когда молодые люди, пройдя арку металлоискателя, готовились скрыться за дверью: — Не шалите там сильно.

— Это вы тут сделайте все, как надо. — Махнув на прощанье другу, отчеканил Чернышевский.

— Что ты имел в виду? — Опомнившись уже в кресле борта самолета, удивилась Рита. — Зачем мы летим в Варшаву? Ты решил воплотить план моего похищения в жизнь?

— Не слишком много вопросов? — Сунув багаж на полку, Олег уселся рядом. — Всего лишь вынужденная временная поездка, как бы ни хотелось обратного.

— Это связано с проблемами Кирилла? Можешь нормально объяснить?

— Да, это связано с Кириллом. — Нехотя скрипнул зубами мужчина. — Но давай хоть несколько дней не будем вспоминать о Рощине.

— Почему именно Варшава? — Обреченно сдалась Рита.

— Можно я тебя немного помучаю в неведении? — Сжав девичью ладонь в своей.

Улыбнувшись, Маргарита расслабленно откинулась к спинке кресла.

Самолет медленно поднимался в воздух, а она мечтала об одном — чтобы после данной поездки все проблемы и неурядицы исчезли, как исчезала ныне земля из-под ног.

За сегодняшний день испытала чересчур много волнений и переживаний, но рядом с Олегом забывала обо всем на свете. Важным был лишь он и теплота сильной руки, так отчетливо ощутимая на своей.

Как так получилось, что Олег стал настолько дорог? Когда наступил переломный момент в его пользу? Почему упустила из виду, когда чаша весов доверия склонилась в сторону Чернышевского?

Закусив губку, Маргарита блаженно прикрыла веки. Думать о чем-либо не хотелось. Но рассудок, видно, решил в очередной раз подшутить над ней. Впереди восстал образ совсем другого мужчины. Нет, такого не бывает. Чудо — явление редкое и неповторимое. Дважды подряд оно не случается. Но один-единственный вопрос по-прежнему не давал покоя воспаленному сознанию. Какова вероятность в реальности восстания из мертвых?..

2010 год

— Так, что дальше по плану? — Спускаясь с трапа самолета на польскую землю, поинтересовался Чернышевский, поглядывая на Риту, что увлеченно осматривалась.

— Вообще-то, у тебя должна спросить. Ты меня привез в Варшаву, тебе и культурные мероприятия организовывать. — Отмахнулась девушка.

Что пыталась отыскать в хаотичной толпе спешащего народа? Или кого? Сожалела, что согласилась на авантюру с поездкой? Олег искренне надеялся, что нет. Наверняка накручивает себя и это простое любопытство с её стороны? Чужая страна, другие люди, европейский менталитет, ощутимый с первых шагов по иной земле — все дается в знаки. В любом случае выбора нет — защитить и спрятать Маргариту, пока в столице спецгруппа разбирается с Роциным, долг Чернышевского. Его обязанность, необходимость. И ничто и никто не заставит отступить от главной цели.

— Вообще-то, — Остановившись у поручней терминала, оперся о них руками. Вглядываясь вдаль, напомнил то ли Ритке, то ли самому себе: — Мы не на экскурсию приехали.

— Я заметила. — Повторив жесты Олега, согласилась девушка. — По пути к аэропорту Руслан популярно объяснил, какую цель преследуем.

— И какую? — Внимательно уставившись на Одинцова, вопросительно вздернул бровь.

— Конспирация и все такое. Он даже мой телефон выбросил, мотивировав, что по нему могут выследить месторасположение.

— Что? — Мужчина подозрительно нахмурился. — Буря выбросил твой телефон?

Оказалось неожиданно услышать подобное заявление из уст Ритки. И о ком? О Буртенко! Тот обычно держал субординацию не только с начальством, но и с объектами на работе.

— Прямо из окна автомобиля, со скоростью на спидометре за сотню. — Невозмутимо призналась Маргарита.

— Лихо. — Выдержки хватило ненадолго и Чернышевский во весь голос рассмеялся, представляя ситуацию в ярких красках. — С такими темпами у Буртенко начнется мания преследования.

— Ни у одного Буртенко. — Двусмысленно намекнула Одинцова.

— Что имеешь в виду? — Волна подозрительного беспокойства лишила мужчину благодушного настроения, заставив прекратить смеяться.

— Олег. — Наклонившись к Чернышевскому, пробормотала: — Мне, кажется, дома в аэропорту видела... — Нервно сглотнув, собираясь с мыслями. — Пашку.

Твою мать! Этого не хватало! Все так хорошо начиналось.

Поймав девушку за плечи, Олег несколько мгновений хмурился, размышляя, что ответить. Объясняться на ходу представлялось не лучшей перспективой. Ни к чему сейчас Ритке знать *такие* подробности. Потому, глубоко втянув воздух, прикрыл на мгновение веки и торопливо отмахнулся:

— Рит. Ты не могла его там видеть. Пашка умер *для тебя*. Запомни.

— Значит, где-то в другом месте могла? — Цепляясь за хрупкую надежду узнать правду. — И почему *для меня*? Сам говорил — трупа не было. Выходит, он выжил. Но не

знаю как...

— Вот именно Рит. — Легко встряхнув Одинцову. — Не мог он там выжить. Не мог. Ты сама видела, как стреляли.

Как не вовремя расспросы! Почему когда все начинает налаживаться, когда отношение Маргариты к нему понемногу меняется в лучшую сторону, появляться кто-то третий и все портит. Почему судьба этого предателя не дает покоя? Неужели ничего и не поняла за прошедшие годы?

— Олег, в том-то и дело, что не видела! — Прикрикнув, возмутилась. — Кому как не тебе знать, что произошло на самом деле. Не стоит меня обманывать. — Взмолилась. — Пожалуйста.

— Рит, я не собираюсь обманывать. — Чеканя каждое слово в попытке обуздать раздражение и злость на Городкова. — Давай поговорим потом. В более удобном месте.

— Хорошо. — Медленно переводя взгляд на сковывающие движения руки Чернышевского на своих плечах. — Где?

Тяжело вздохнув, мужчина отпустил девушку. Спешно вытащил из кармана джинс несколько ключей на брелоке, подбросил в воздухе подмечая:

— Эта связка от одной симпатичной варшавской квартиры. Именно туда по плану мы должны отправиться.

— Но не отправимся?

Олег согласно кивнул.

Рита, не сдержав очередного порыва заинтересованности, переспросила:

— Почему? Опять конспирация? Думаешь, в отеле будет лучше?

— Рит, не задавай лишних вопросов. — Лукаво подмигнув, мужчина шагнул вперед, потянув за собой Одинцову. — Идем скорее. Это сюрприз.

— Олег, ты меня пугаешь! — Пытаясь не отставать, возмутилась Маргарита.

Похоже, её не прельщали игры в шпионов и тайных агентов, являющиеся для самого Чернышевского неотъемлемой частью не только профессии, но и жизни. Вероятно, слегка переборщил с конспирацией, но в данном положении хотелось не просто спрятать любимую женщину от опасности, как задумывалась, но исполнить её давнишнюю мечту.

Изначально предполагалось что несколько дней, пока ситуация с Роциным не стабилизируется, они с Маргаритой пересидят в Польше. Выбор пал на Варшаву благодаря тесным связям Вотана с местной службой безопасности и наличия у последнего собственной квартиры, о которой вряд ли кто мог пронюхать. Это было идеальным вариантом, и Олег согласился. Вместе с тем тайком готовясь сделать Варшаву исключительно переправочным пунктом к конечной цели, куда с Украины прямых рейсов нет. А лететь для пересадки в Киев, вероятнее всего, на одном самолете с Роциным крайне неразумно. Но если Одинцова решит остаться в Польше, согласится с её пожеланием. Что-то подсказывало: узнав, куда отправятся дальше, не откажет.

Потому, отмахиваясь от очередных расспросов, мужчина продолжал путь к стойке регистрации на нужный рейс. Когда подошла очередь оформляться на самолет, предвкушая вероятную реакцию Риты, невозмутимо вытащил из внутреннего кармана пиджака билеты, паспорта и визы, оформленные на скорую руку сегодняшним утром.

— Приятного полета. — Заполнив необходимые бланки, регистраторша вежливо улыбнулась, протянув документы обратно.

— Ничего не хочешь рассказать? — Состроив одну из наиболее очаровательных гримас,

Рита не торопилась проходить таможенный контроль.

— Например? — Вздернув бровь, мужчина с интересом ожидал, как скоро иссякнет её терпение. Это не заставило себя долго ждать.

— Например, куда именно нам только что пожелали приятного полета? — Топнув ногой, прикрикнула.

Олегу чертовски нравилось, когда она злилась. Словно с претензией. Казалось, подобные моменты сближали больше. А со стороны судя по взорам прохожих, выдавали в них настоящую пару.

— Рит, ты мне доверяешь? — Обхватив девушку за талию, Чернышевский властно притянул к себе, отчего та охнула.

Ответить Олег не успел. На помощь второй раз за день пришел механический голос из динамиков прямо над головами:

— Продолжается посадка на рейс Варшава-Катания. [191](#)

— Катания? — Неверующе переспросила Маргарита, невольно расплываясь в улыбке и больше не вырываясь из бесстыдных объятий.

— Именно. — Гордый собой, подтвердил. — Если поторопимся, через пару часов будем в Сицилийском аэропорту Фонтанаросса. [1101](#)

— Чернышевский! — Игриво возмущившись, пнула кулаком мужчину в плечо. — Ты помнишь?

— Помню. — Согласился, выжидаяще наблюдая за дальнейшей реакцией.

Но реальность обошла всякие ожидания. Быстро чмокнув в щеку, Маргарита со словами:

— Знаешь, что я тебя уже обожаю? — Потянула на посадку.

Сколько Олег помнил Риту, та всю сознательную жизнь мечтала побывать на Сицилии [111](#). Её до безумия манил загадочный и интригующий автономный итальянский остров, находящийся на стыке европейской и африканской цивилизации. Что было главной причиной стремления побывать именно там, до сих пор не узнал. То ли покорила уроками географии и истории, то ли перечитала любовных романов на соответствующую тематику. Но однажды привычно после школы заглянув к Чернышевским, бросила рюкзак на диван и, плюхнувшись следом, заявила, что по достижении совершеннолетия заработает денег и отправится изучать Сицилию.

Тогда это представлялось очередной юношеской мечтой, в некотором роде, блажью. По истечении стольких лет мужчина боялся, что безумная идея воплотить грезы в явь окажется отвергнутой. Но судя по блаженному выражению лица, по легким касаниям руки, она счастлива. Большого Олегу не нужно. Ему нравилось то, что и Ритке. А Ритке, если не изменяет память, на Сицилии нравилось абсолютно все.

Теплое и чистое Средиземное море, спокойное и с отличными пляжами. Разнообразие культурного наследия, оставленное множествами цивилизаций. Удивительная кухня. Богатая история, отраженная в древнейших неолитических некрополях и стоянках. Маленькие средневековые города. Роскошные готические соборы. Изумительная архитектура эпохи барокко. Древнегреческие храмы, римские амфитеатры, арабские мечети — все на одном острове.

Столица, полный искусств — Палермо. Оживленный и самобытный, расположенный в густых садах Золотой долины. Уютный Чефалу, практически не искаженный современными постройками. Колыбель музыки и театра, знаменитая ночной жизнью — Катания. Монреале

со средневековыми улочками. Сиракузы со вторым по величине в мире Греческим театром и изобилием исторических архитектурных шедевров. Вдохновитель знаменитых писателей и философов, утопающая в зелени, чрезвычайно живописная Таормина. Наконец, наивысший действующий вулкан Европы — Этна... Список можно продолжать бесконечно. Времени перелета не хватит, чтобы очертить великолепии райского уголка на земле.

Олег предположить не мог, бывала Маргарита здесь или мечты так и остались мечтами. Оказавшись под крылышком Рощина, имела шансы посетить самые дорогие и фешенебельные курорты мира. И скорее всего, посещала. Но черт подери, так хотелось хоть тут стать для любимой первооткрывателем.

— Рит, а ты бывала на Сицилии? — Уже на борту самолета не удержался от тревожащего вопроса Чернышевский.

— Нет. — Отвернувшись от окна иллюминатора, вздернула плечами. — Почему спрашиваешь?

— Ты всегда хотела там побывать. — Осторожно коснувшись девичьей руки. — Мне казалось, последние годы имела для того возможности.

— Ты о Рощине? — Отводя взгляд, словно опасаясь, что коснувшись запретной нынче темы, невольно оттолкнет Олега. — Возил ли меня куда-то?

— Да. — Сжав руку девушки в своей, скрипнул зубами.

— Возил. — Вздернув подбородок, уставилась на мужчину. — Лондон, Милан, Хельсинки. Обычно по делам компании.

— Почему не?.. — Запнулся на полуслове, ожидая какого угодно ответа.

— Почему не Сицилия? — Закончила вместо него. Отвернувшись к окну, фыркнула: — Для меня это всегда было чем-то личным. Наивная детская мечта. Не могла о ней рассказать Кириллу. Или не хотела. — Закусив губу, снова взглянула на Чернышевского.

Что ответить на неожиданное откровение? Безусловно, он гордился. Гордился тем, что Рощин за шесть лет не стал столь близким, чтобы поделиться такой простой и одновременно личной тайной. Приоткрыть завесу собственной души. А ему, Олегу, приоткрыла. Пускай давно, но сейчас, раз говорит откровенно, ничего не изменилось.

Но будучи близкими душевно, оставалась невидимая грань, переступать которую рано. Разговор свели на нет. Когда самолет приземлился в знаменитом аэропорту Катании и оба впервые ступили на землю Италии, вовсе потеряли счет времени. Все проблемы представились мизерными и никчемными. Невзирая на сотни туристов, подобных им, создавалось впечатление, что на целом свете одни. Он и Ритка. Судя по счастливому выражению лица, она считал так же.

Девушку не смутило, что спустившись с трапа самолета, Олег властно прижал к себе за талию и не освободил до момента, пока не сели в такси. Где, к слову, водитель принял их за супружескую пару, а Маргарита сделала вид, что не поняла не став разубеждать.

До отеля добрались в течение получаса. Тот находился на восточном побережье острова, в заливе с романтичным названием Русалочья бухта [\[12\]](#), близ одного из самых красивых городков Сицилии — Таормина [\[13\]](#). Пятизвездочный Grand Hotel Atlantis Bay построен в стиле итальянской деревеньки, террасами спускающийся к Ионическому морю. Чернышевский преднамеренно выбрал именно эту гостиницу — фантастические виды и собственный частный пляж позволяли насладиться уединенной атмосферой отдыха.

Рита заворожено ловила каждое слово мужчины, что по мере приближения к месту назначения, описывал красоты, ожидающие вскоре. При этом вертела головой по сторонам,

будто опасалась упустить из вида нечто важное. Здорово напоминала ту беззаботную юную девочку, которой была ранее. В то время она с подобным упоением воспринимала новые открытия, будь то поездка в неизведанный район города, или очередной рассказ об учебных сборах.

— Нравится? — Осторожно тронув руку Маргариты, уточнил Олег, закончив описывать красоты отеля.

— Ты еще спрашиваешь.

— Не переживай, успеем вернуться и осмотреть, если не весь остров, особо выдающиеся места точно. — Успокоил мужчину наблюдая, как Одинцова восторженно рассматривала проплывающие мимо пейзажи. — Я наметил нам маршрут для экскурсий.

— Ты был здесь? — Резко обернувшись к нему, вопросительно повела бровкой.

— Нет. — Равнодушно пожал плечами усмехнувшись. — Прочитал в интернете путеводитель.

— Я смотрю, ты подготовился. — Хмыкнула в ответ, вновь выглядывая в окошко.

Автомобиль как раз подъехал к гостинице. Расплатившись и забрав багаж, молодые люди направились вовнутрь, попутно оглядывая местные достопримечательности.

Atlantis Bay не разочаровал, и был точно как в описании и на картинках из интернета. Комплекс зданий, утопающих в пышной средиземноморской растительности — образец традиционного островного стиля. Сейчас, окутанный вечерней дымкой, светился сотнями больших и маленьких огней. Всем видом показывая — это сказочный рай, не иначе.

Внутри их встретил администратор и, проведя стандартную процедуру вселения, сопроводил к номеру.

Не сводя глаз с довольной Маргариты, увлеченно изучающей каждый уголок гостиницы, Чернышевский едва успел заметить в интерьере доминирующую цветовую гамму голубых и песочных тонов. Когда изнутри захлопнулась массивная дверь вовсе позабыл о проблемах и препятствиях на пути к любимой. Сегодня она в его власти и сделает все, чтобы не упустить эту женщину.

— Боже мой, Олег! — Проходя вглубь комнаты, восхищенно окликнула Рита, вырывая из размышлений. — Это не номер, это целый дворец!

Заметалась по комнате, проводя ладошкой по всему, что попадалось на пути, жадно рассматривая каждую деталь интерьера. Огромный светлый диван с атласными синими подушками. Массивный обеденный стол, со стеклянной столешницей и причудливыми ножками в виде античных воинов. Стулья, с обивкой в тон диванным подушкам. Деревянные тумбы больших и маленьких размеров: для вещей и в качестве подставок для ламп и декоративных безделушек. Пушистый ковер, в котором ноги буквально утопали. Множество зеркал во весь рост. Приятные на ощупь фактуры тканей, натуральный камень. Серые, песочные и белые цвета с яркими деталями оттенков морской волны и позолотой. Все смешалось, образуя единый неповторимый ансамбль дизайнерского искусства. Великолепие, доселе неизведанное, от которого голова шла кругом. Главное, Маргарите нравилось. Она оценила его выбор. Она счастлива.

— Глянь, какая здесь спальня! — Отворив одну из дверей, выкрикнула Рита. И тут же захлопнула, кинувшись к другой, ведущей в ванную. — Здесь невероятно!

Ухмыльнувшись, Олег прошелся по гостиной комнате, прикидывая сколько продлится восторг Одинцовой от увиденного.

Она, словно почуяв настроение мужчины, обернулась, склонив голову набок,

невозмутимо прокомментировала:

— Ты сумасшедший, Чернышевский. Это стоит бешеных денег. К чему такие траты?

— Забыла? За мной должок за смухлеванную победу в скачках. — Остановившись в паре шагов, хмыкнул.

— Олег, хватит об этой глупости! — Жмурясь, захныкала Маргарита. — Ты на следующий день расплатился по счетам в полной мере.

— Предположим. Но неужели не имею право исполнить мечту дорогой женщины?

— Имеешь, но... — Открыв глаза, поджалась Одинцова. — Стоит ли оно того?

Опять ищет в себе изъяны? Чтобы в который раз назвать недостойной и...

— Ритка, прекрати искать подвох или решать вместо меня, как стоит поступать, а как нет. — Нервно сглотнув, Олег, протянул девушке раскрытую ладонь. — Ты еще не видела моря.

Колеблясь доли секунды, Маргарита вложила ладошку в широкую руку.

— Вот и славно. — Крепче сжимая, улыбнулся Чернышевский. — Идем?

Утвердительно кивнув, доверилась мужчине, последовав к большой приоткрытой стеклянной двери, ведущей на террасу. Там стояло пару кресел и столик с букетом нежных роз и зажженными свечами. Все — созданное для уединенной атмосферы двоих.

Бегло осмотревшись и не позволяя сделать этого Маргарите, потянул к кованым поручням, ограждающим от падения с высоты пары метров на мелкую гальку. Отсюда шикарные виды на море, освещенное огнями побережья. Море, подарившее сегодня свободу.

— Если рай на земле существует, я теперь знаю где. — Ухватившись за ограждение, созналась девушка, запрокинув голову к чистому звездному небу.

— Ритка. — Со свистом втягивая воздух, Чернышевский подчинившись мимолетному порыву, подошел сзади впритык и, положив руки на плечи, уткнулся носом между шеей и ключицей. — До сих пор боюсь поверить, что это реальность. Что ты рядом. Что совсем скоро все закончится.

— А закончится ли, Олег? — Крутанувшись, Маргарита повернулась к мужчине, доверчиво изучая его лицо.

— Непременно. — Обхватив ладонями щеки любимой, прижался лбом к её лбу, на выдохе повторяя когда-то заученную фразу: — В жизни все всегда заканчивается хорошо. Если плохо, это еще не конец.

— Уверен? — Еле слышно пробормотала, накрывая мужские ладони своими.

Уверен ли? Черт подери, давно ни в чем в этой жизни не уверен. Лишь слабые искры надежды во имя Маргариты согревал душу, заставляя верить в невероятное. Что у Вотана с парнями получится и Роцин получит по заслугам. Что по возвращении не придется беспокоиться за безопасность Ритки — самое страшное будет позади. Что Рита навсегда останется рядом — ничто и никто не вынудит её отпустить.

— Да. — Спустя мгновения молчания, прошептал Чернышевский.

Заглянув в девичьи глаза, прижался губами к виску. Почувствовал, как цепко ухватила за полы его пиджака, притягивая к себе. Доверчиво уставившись на Олега снизу вверх, попросила:

— Поцелуй меня.

— Рит. — Хмурясь, попытался возразить. Намереваясь понять, чем вызвана данная просьба? Потребностью забыться от страхов? Или реальной жаждой ощутить вкус его настоящего поцелуя? — Ты под впечатлением от происходящего и...

Поморщившись, она недовольно выплюнула:

— Чернышевский, почему, когда не надо, ты все время тупишь?

Прежде чем успел сообщить, что происходит, подтянулась на цыпочках, прижалась к его рту. Эта девушка умела удивлять, раз за разом заставляя врасплох. Пора привыкнуть.

Первые секунды Олег, ошарашенный смелостью Риты, стоял, не зная как реагировать. Выдержки и благоразумия под напором чувственных касаний хватило ненадолго. Крепко прижав Риту к себе одной рукой за талию, а другой зарываясь в волосы, порывисто ответил на поцелуй. Поглощая и сминая уста девушки своими, надавил на затылок, желая быть еще ближе, насколько возможно.

С этой женщиной терял счет времени и всякий контроль. Готов целовать и целовать её, не в состоянии насытится нежными и сладкими устами. Хотелось испытать всю прелесть близости с ней. Распробовать и исследовать каждый миллиметр атласной кожи. Олег не мог её отпустить, не сейчас. Будь что будет.

Когда Рита пробралась под пиджак, намереваясь избавиться от лишней одежды, сердце готовилось выскочить из груди, а дыхание стало настолько сбитым, что становилось трудно дышать, вместе с неконтролируемым желанием где-то, словно за стеной, послышался настойчивый стук.

Поначалу мужчина старался пропустить непонятные звуки мимо ушей, продолжая танец страсти с губами Маргариты. Но когда стук стал требовательнее, а девушка, тоже расслышав посторонний шум, напряглась в его руках, сообразил, что происходит. Мысленно выругавшись, нехотя прервал поцелуй, прижавшись к девичьему лбу, ощущая на лице обжигающее дыхание.

— Кто-то стучит. — Первой прошептала Рита в уста мужчины.

— Это, наверное, метрдотель. — Зажмурившись, предположил Олег.

— О, нет. Что ему нужно? — С разочарованием протянула девушка, не отпуская Чернышевского.

— Ужин. — Негодую от абсурдности ситуации и собственной глупости. — При вселении я заказал ужин в номер. Подумал, ты проголодалась за целый день.

— Олег, ты большой дурак, чем я предполагала. — Игриво ударив кулаком мужчину в грудь, сокрушалась Рита.

— Может, он увидит, что мы не хотим открывать и уйдет? — Поддерживая слабый огонек надежды продолжить начатое, прикусил верхнюю губу Маргариты, тут же зализнув языком.

— Вряд ли. — Прodelав то же с его губами, заметила девушка, прислушиваясь к очередному, более упорному стуку в дверь. — Этот парень так просто не отступит.

— Хорошо, я быстро. — Коротко поцеловав, разомкнул объятия и возвратился в комнату.

Быстро не вышло. Как и предсказывал, официант привез на тележке ужин. Хотя ужином это сложно назвать — таким количеством еды можно накормить роту солдат. Здесь все время так кормят? Или решили в полной мере удовлетворить желание гостей, по словам самого Олега, жутко голодных с дороги?

Пока служащий отеля выставлял на стол в гостиной блюда, Чернышевский не находил себе места, измеряя комнату широкими шагами, то и дело взъерошивая волосы от нетерпения и поглядывая на Маргариту. Она стояла, опершись спиной о деревянную балку, разделяющую комнату с террасой, сложив руки на груди и закусив губу.

Ёлки, надо так облажаться! Ритка практически была в его власти, еще немного и плавилась от касаний, как податливый воск. Еще чуть-чуть и его ничего не остановило. Чем думал, заказывая идиотский ужин? Кому нужна эта еда?

— Приятного аппетита. — Закончив, официант застыл у стола по стойке смирно, оскалившись во все тридцать два.

Судя по ехидному, блуждающему взгляду с Олега к Маргарите и обратно, наглец сообразил на каком месте прервал гостей и ни капли не смутился от происходящего. Более того, не особенно торопился ретироваться.

— Свободен! — Не выдержав, прорычал грубо Олег.

— Вам вино открыть? — Махнув на бутылку в ведерке со льдом, паренек вопросительно уставился на Олега, не скрывая усмешки.

— Послушай, как тебя там. — Поморщившись, Чернышевский отыскал в карман брюк мелкую купюру, торопливо пересек разделяющее расстояние. Мимолетно взглянул на бейдж. — Чезаре, — Похлопал паренька по плечу. Сунув в нагрудный карман чаевые, переходя с английского на безупречный итальянский: — С вином сами разберемся.

— Приятного вечера. — Пожелал официант, продолжая стоять как вкопанный.

— Свободен. — С нажимом повторил Олег.

Только вспыхнувший ярость в зрачках вынудила парня ретироваться.

— Кажется, он все понял. — Вместе со звуком захлопнувшейся двери, подметила Одинцова, привлекая внимание. — На каком месте прервал нас.

— Кажется, у них в отеле держат чрезвычайно любопытных и наглых сотрудников. — Огрызнулся, поспешив закрыться на замок изнутри.

— Да ладно тебе. — Добродушно отмахнулась, проходя к столу. Подцепив вилкой оливку из закуски, сунула в рот. — Этот... как его? — Жуя, задумалась.

— Чезаре. — Вернувшись к столу, изнеможенно опустился на стул, потянувшись к бутылке вина.

— Угу, Чезаре. — Присев напротив, закивала. — Забавный парень. Кстати, я жутко проголодалась.

— Он идиот, а не забавный парень. — Откупоривая бутылку, прокомментировал.

Вместо ответа девушка усмехнулась, озадаченно махнув головой.

Повисла короткая пауза, которую оба не знали как заполнить. Момент упущен, но легче не стало. Возбуждение и потребность обладать Риткой разрывало изнутри. А она сидит и ковыряет салатик как ни в чем не бывало. Словно и не бросалась минутами ранее с поцелуями, распалая страсть.

— Кстати, что ему сказал? — Первой заговорила Одинцова, — Не думала, что ты знаешь итальянский.

— Всего лишь поторопил. — Смягчаясь, пояснил Олег, наполняя бокалы белым вином. — Касаемо языка — за годы работы на спецслужбу не такому вымуштруют.

— А чему еще? — Проверя содержимое накрытых блюд, Маргарита явно намеревалась устроить если не допрос, то экскурс в трудовые будни мужчины.

— Рит, считаешь, выбрала удачное время для подобных разговоров? — Скрипнул зубами, чуть не завыв в голос, наблюдая, как девушка утащила из блюда кусочек пиццы и с аппетитом поглощала.

— Я не настаиваю. — Передернувшись, немного обиженно протянула. — Не хочешь, не говори. Просто спросила. Ты обещал рассказать, вот и подумала...

— Рит, дело не в том хочу или нет. — Сжимая пальцами переносицу, прошипел Олег.

— Я что-то не то сказала? — Невинно хлопая ресницами, будто ничего не понимая.

Да, черт подери, что-то не то! Неужели не понимает? Или не хочет? Ему крышу рвет от желания. И это явно не желание поговорить.

Но еще не время. Лучше подождать. В который раз ради Ритки. Она нужна ему, но не такой ценой. Не подчиненная, не из благодарности или радости открытий. Олегу необходимо, чтобы все случилось, когда сама захочет и придет к нему. Никак не из-за отсутствия выбора. Слишком долго шли к малейшему сдвигу в отношениях, к зарождающемуся доверию, чтобы так запросто разрушить.

— Нет, все хорошо. — Чернышевский глубоко втянул воздух, пытаясь успокоиться/ — Извини. Но давай немного отложим разговор.

— Как скажешь. — Облизнув пальцы, равнодушно согласилась.

Она специально это делает? Провоцирует, испытывая выдержку. Хорошо хоть забыла о дневном намерении обсуждать Павла со всеми вытекающими.

— Между прочим, очень вкусно. — Вытерев руки салфеткой, Маргарита потянулась к традиционной для Сицилии запеченной рыбе. — Тебе положить?

— Нет, спасибо. — Отпив вина, отмахнулся.

— Зря. — Вдохнув аромат блюда. — Пахнет очень вкусно.

— Кушай, раз нравится.

— А ты? Почему не ешь?

— Не голоден. — Процедил сквозь зубы. С характерным звоном стекла, опустил бокал на стол. Подхватившись, не глядя на Одинцову, что всюю уплетала рыбу, бросился к одной из дверей, на ходу окликнув: — Прости, устал с дороги. Хочу принять душ и отдохнуть. Завтра нас ждет насыщенная программа.

— Да, конечно. — Удивленный провожающий взгляд и невнятное бормотание было последним, что услышал Чернышевский, прежде скрыться в ванной.

Идиот! Оказывается куда труднее быть рядом и не иметь права прикоснуться. По-видимому, если бы не дразнящие поцелуи Ритки на террасе, держаться было проще.

Какой идиот! Сбежал в ванную, как последний трус. Но сидеть и наблюдать за невинными с виду движениями, слушать безобидные, ничего не значащие слова, практически несносно. Будь на месте Маргариты любая другая, давно опрокинул на стол и...

— Бл*! — Медленно втягивая воздух, мужчина сжал и разжал руки в кулаки. — Спокойно, Чернышевский. Вдох-выдох.

Оглянулся, машинально отмечая, что вся ванная, вплоть до раковины, отделана черным мрамором со светлыми жилками и вкраплениями и производит впечатление мощи и мрачного торжественного великолепия. Какая ирония. Олег себя ощущал достаточно пессимистично и угрюмо.

Наспех освободившись от одежды, залез в душевую. Холодная вода именно то, что необходимо. Точнее, не вода, но за неимением иного.

Мужчина потерял счет времени, прежде чем ледяные струи, стекающие по разгоряченному телу, остудили пыл и привели в относительно бодрое состояние. После минут десять бессмысленно прохаживался по комнате, собираясь с духом, чтобы возвратиться к Рите.

Этим вечером Чернышевский поражался себе. С каких пор стал кого-то или чего-то бояться? Никогда ни перед кем и чем не пасовал, а тут... Испугался самого себя, как

мальчишка. Что не выдержит, сорвется, вновь оттолкнет Ритку.

Так, хватит. Со страхами надо завязывать, иначе окончательно свихнется. А им, между прочим, с Маргаритой в одном номере жить дня три, не меньше. За эти дни, безусловно, многое может измениться, но прятаться в ванной, пока этого не случилось тоже не удачный вариант.

Одевшись в белый махровый халат (не в полотенце же выходить, в самом деле), от греха подальше, опасливо приоткрыл дверь, выглядывая в гостиную. Было на удивление тихо. За столом Маргариты не оказалось. Обнаружил девушку на диване. Видно, хотела дожидаться, но уснула, свернувшись калачиком в обнимку с подушкой.

Вид спящей Ритки вызвал в теле трепет нежности, в который раз напоминая, как много она значит. Давая понять, что эта девушка особенная. С ней нельзя как с другими. О ней необходимо заботиться.

Мгновенно оказавшись у дивана, Олег присел рядом на корточки. Видя блаженство, читаемое на девичьем лице, не удержался от усмешки. Провел тыльной стороной ладони по щеке. Устала его девочка. Этот день и его, бывавшего не в таких условиях, вымотал. Что говорить о Рите, на плечи которой свалилось чрезвычайно много бед.

— Олег. — Сипло позвала. Опущенные ресницы затрепетали, попыталась раскрыть веки и сконцентрировать на мужчине взгляд. — Я уснула, да?

— Тш-щ, малыш. — Успокаивающе поглаживая по плечу, прошептал Чернышевский. — Тебе нужно отдохнуть.

— Угу. — Согласно закивала и, сунув ладошки под щеку, попыталась устроиться сподручнее. — Я немножко посплю и буду как огурчик.

— Погоди. — Олег ловко подхватил Риту, прижав к груди. — Отнесу тебя в спальню, там удобнее.

— Олеч. — Расплываясь окрыленной улыбкой, обняла мужчину. Жмурясь, потерлась носом о его шею. — Ты у меня такой заботливый.

— Ох, Ритка. — Простонал Чернышевский, с ноги отворив дверь спальни. — Подведешь меня когда-то под монастырь.

Быстро осмотревшись, сообразил, что Маргарита права — комната шикарна. Отделанная подобно гостиной, в тех же тонах и фактурах. Много натурального камня, перегородка, имитирующая сплетенные кроны деревьев и стеклянная стена с выходом на террасу, где располагался небольшой бассейн. Кровать круглой формы напоминала огромное царское ложе. Даже переживать не стоит, что вдвоем не поместятся. Но лучше не рисковать.

Бережно уложив сонную девушку на постель, прикрыл одеялом. Чмокнув в висок, собрался ретироваться, но был остановлен неожиданно цепкой хваткой Риты, не позволяющей отстраниться.

— Ты куда? — Уставившись помутневшими глазами на Олега.

— Спи, Ритуль.

— А ты?

— А я буду спать на диване.

— Не уходи, пожалуйста. — Притянула руку мужчины к своей щеке, показывая, насколько не хочет отпустить.

И Чернышевский не ушел. Сидел рядом, любясь родной женщиной ровно до тех пор, пока не уснула и не отпустила ладонь. После, как и обещал, ушел в гостиную на диван, перед этим немного перекусив давно остывшим ужином.

В свете случившегося за день уснуть удалось не сразу. Соблазнительная Маргарита за дверью и беспокойство, чем на сей раз завершится операция Вотана, долго не отпускали в царство Морфея. Но, кажется, только окунулся в блаженное забытие, как где-то совсем рядом над ухом, пронесся настойчивый голос на грани реальности:

— Олег. Олег! Проснись, Олег! Чернышевский, твою мать!..

1999 год

— Олег, просыпайся! — Вместе с назойливыми криками, ощутил, что кто-то упорно тербит за плечо, пытаюсь достучаться до сознания. — Чернышевский, твою мать! Алес дрыхнуть!

Командный крик в ухо и удар под ребра окончательно вывели мужчину из царствования сна. Шустро подскочив на шконке, в полумраке ночи растерянно уставился на сокамерника, который, сложив руки на груди, с ухмылкой рассматривал его.

— Чего тебе? — Недовольно нахмурившись, фыркнул Олег.

— Дрыхнуть говорю, харэ. — Ядовито оскалился наглец. — Не заставляй Волка себя ждать.

— Что? — Не до конца проснувшись, Чернышевский пытался сообразить, что происходит.

— Говорю, Волк тебя у проходняка [114](#) ждет. — Нетерпеливо барабаня пальцами по металлическому ограждению койки, шикнул сокамерник. — Спросить чего-то желает, так что резво метнулся. От твоей скорости зависит, как спрашивать будет. Как с брата, или как с гада. [115](#)

— Слушай, Шнырь [116](#), иди ты... Сам со своим Волком разговаривай.

Не намеренный подчиниться очередной блажи смотрящего камеры, Олег устроился обратно на койке.

— Ты чё, ментяра, не гони беса! — Возмутился сокамерник. — Хочешь, чтобы Волк по стенке размазал?

— Пускай попробует. — Подложив руки под лицо, закрыл веки, показывая всем видом, что на этом разговор закончен.

Несколько секунд прошло прежде, чем Шнырь, бессмысленно помявшись у шконки, отправился докладывать главному обстановку. Интересно, сколько пройдет времени до реакции Волка?

За пару недель пребывания на зоне, в частности, этой камере, Олег успел многое уяснить. Главное, пожалуй, что подобных не любили. Дело не в прошлом на воле, где боролся с такими, что окружали ныне. Здесь особая политика — либо ты, либо тебя. Волк считался не последним человеком в камере и за её территорией, и предпочитал, чтобы новоприбывшие беспрекословно принимали его авторитет. Олег не принимал, поэтому автоматически становился противником большинства, заняв позицию борца за выживание.

Едва переступив порог хаты, Чернышевский излишне дал понять, что подчиниться не намерен. Возможно, слишком грубо и открыто. Возможно, стоило проявить терпимость, попав на чужую территорию. Ведь по-хорошему целых 11 лет куковать. Но какое к черту терпимее? Олегу глубоко плевать на так называемые понятия и устои, если дело касается чести и гордости.

В свое время наслушался рассказней, что таких здесь рано или поздно ломают; что порой лучше не выпендриваться и занять приготовленное тебе место в необъятной криминальной системе. Но когда доходило до личных моральных принципов, жизненных взглядов, Олег шел до конца.

Прекрасно осознавал, что даже не устрой той злополучной перепалки в первый день,

все равно записали если не в петухи, козлы [117](#) так точно, относя к красной масти [118](#) бывших сотрудников правоохранительных органов. И сейчас, в очередной раз игнорируя приказы Волка, ничего не теряет. Если повезет, поймет, что не на того напал и отстанет? Правда, очень сомнительно.

После суток, проведенных наедине с самим собой в ШИЗО [119](#), возвращение в камеру далось не так легко, как хотелось. Все зэки, вплоть до тихих и неприметных, помнили как Чернышевский накануне замахнулся на самого Волка и начистил рожу его шестерке — Трюфелю. Кто-то косился с явным недоумением, с укором мотая головой: мол, после такого долго не проживешь. Кто-то старался обходить стороной, считая Олега не самым адекватным из сокамерников. Кто-то, напротив, тайком бросал уважающие взгляды.

Олегу плевать, кто и что думал о нём. Как и подчиняться, обзаводиться близкими друзьями-товарищами не торопился. Предпочитал жить, пускай не как хочется, как установлено по расписанию. Сам никого не трогая и чтобы его не цепляли. Жить с мыслью о таком желанном, но столь далеком дне освобождения.

Но зона не то место, где считаются с желаниями других. Особенно единолично выступающих против остальных. Так случилось и с Чернышевским. Если обычные мужики встретили практически полным равнодушием, не считая вышеупомянутых моментов, то группа людей во главе с Волком так запросто не планировала отставать.

Несколько дней подряд Волк пытался зацепить словами, задевая вроде случайно, но с явным намеком. Выводил из себя, испытывая терпение. Выпады в свою сторону Олег старался игнорировать, пропуская замечания мимо ушей, а большего вопреки ожиданиям никак не следовало.

Происходящее смахивало на затишье перед бурей и Чернышевский дожидался, когда последуют суровые разборки. Что наглость первого дня не спустят с рук, не сомневался. И вот, похоже, время настало. Может, и в этот раз пронесет? Волк поймет, что с Олегом ловить нечего и займется более важными, будничными проблемами, какими жил до его появления?..

На этой мысли Чернышевский ощутил как изнеможение, после целого дня расчистки территории от снега, накатывало с новой силой. Он не жаловался, нет. Напротив, хватался за любую работенку, чтобы отвлечься. Чтобы ночью усталым валиться с ног и с ходу засыпать, не думая о том, что сводило с ума.

О доме. О деде. О Маргарите и что могло с ней произойти по его вине. Надеясь приблизить момент освобождения. Скрасить дни и спрятаться от навязчивых мыслей, которые особенно изводили во тьме ночи.

Проваливаясь в бездну сна, мужчина позабыл о Волке, Трюфеле и других прихлебателях. Перед глазами была Ритка. Такая хрупкая и маленькая. Беззащитная и одинокая. Хотелось, чтобы сон никогда не заканчивался, не просто приблизив к его любимой девочке, а чтобы немислимо, но так необходимо превратился в явь.

Этому не судилось сбыться. Олег не только переоценил свои возможности, он позабыл о главном — здесь нельзя поддаваться воле эмоций. Всегда нужно быть готовым ко всему. Даже ночью оставаться начеку.

Яркая вспышка света и гулкий топот ног в первое мгновение вызвали удивление. Еще секунды и Чернышевский почувствовал, как его ухватили несколько пар рук, бесцеремонно стаскивая с верхней шконки.

— Вы чего, охренели?! — Распахнув широко глаза, возмутился Олег, пытаясь

вырваться. — Мужики, хорош. Эй!

Поставив на пол, стали толкать сквозь любопытную толпу зевак куда-то вперед, продолжая цепко удерживать за руки с обеих сторон.

— Пошел давай, ментяра! Совсем оборзел! — Выкрикивали один за другим. — Ты глянь на него.

Не предоставляя шанса освободиться, вытолкали к проходняку, где в окружение свиты стоял Волк.

— Здорова. — Довольно ухмыляясь, поприветствовал.

— Привет. — Сощурившись, Чернышевский озадаченно осмотрелся, убеждаясь что по всему периметру окружен сокамерниками, явно предвкушающими интересные разборки.

— Догадываешься, зачем тебя сдернули с койки?

— И зачем?

— Да непонятка вышла. — Окинув оценивающим взглядом, Волк продолжил: — Въехал к нам на хату один мусорок и давай свои порядки устраивать. Хотя должен понимать, тут борзых не шибко уважают.

— А кого уважают? Этих, что ли? — Поморщившись, Олег кивнул на Трюфеля и Шныря, стоящих за спиной Волка.

— Эй, он чё сейчас сказал? — Вырываясь вперед, возмутился Трюфель.

— Спокойно. — Осадил Волк подчиненного, рукой показывая стоять на месте. И уже обращаясь к Чернышевскому, уточнил: — Мусорок, хватит фуфло толкать [1201](#). Я хотел с тобой по нормальному, по-братски перетереть. Думал, попривыкнешь, вольешься в коллектив, поймешь свою неправоту.

— И в чем я неправ? — Раздражаясь от бессмысленности происходящего, равнодушно бросил Олег.

— Не въезжаешь? — Не получив удовлетворяющего ответа, сокрушительно поцокал языком, подмечая: — Совсем плохо. О тебе все всё знают. И про твою красную масть, и про плохие поступки на воле...

— Если беспокоишься, что стучать пойду, не на того напал. — Уверенно оборвал Чернышевский. — Можешь спать спокойно — всё, что было со мной на воле, там и осталось. Связи с местным начальством или администрацией не заводил и заводить не собираюсь.

— Хм, да ты смельчак, как я вижу. Но дело не в стукачестве. Обижаешься на старших сокамерников, не прислушиваешься, не подчиняешься.

— И не собираюсь! — Снова дерзко возразил. — Вы сами по себе, я сам по себе. В ваши игры не играю.

— Вот и выясним в честном бою, кто прав. — Внимательно рассматривая Олега, спокойной продолжал Волк: — Проиграешь — быть тебе опущенным и шестёркой. Выиграешь — решим, что делать. Согласен?

— С этим? — Махнув головой на Трюфеля, поморщился мужчина.

— Много чести. — Оскалился тот.

Еще бы, стоило ли сомневаться, что после прошлой стычки Трюфель не рискнет связываться с Чернышевским в новую.

— Я же сказал. — Оглянувшись на своих шестёрок, фыркнул Волк. — Честный бой. Начинайте.

С этим прошел мимо Олега, намеренно задевая плечом. Толпа впереди разом

рассосалась, выпуская к Чернышевскому здорового бугая, что на воле да и здесь явно проводил бóльшую часть свободного времени за тренировками. Скинув кофту робы, победно ухмыльнулся, уверенный в превосходстве. Под ободряющие возгласы сокамерников вытянул руку для пожатия.

Чернышевский несколько мгновений обескуражено смотрел на протянутую ладонь, прикидывая шансы выйти из так называемого честного боя победителем. Но отдавая отчет, что выбора в который раз нет, протянул ладонь в ответ.

Это стало первой сегодняшней ошибкой. Противник резким движением заломил его руку, другой направляя удар в щеку.

Пошатнувшись от неожиданности, Олег отскочил назад на пару шагов. Соперник, испуская животные рычащие звуки, под выкрики других: «Давай, бей его!», снова бросился к Чернышевскому, ударом ноги лишая равновесия.

Мужчина сам не понял, как оказался впечатан в холодные путы решетки. Поднимаясь, ощутил как кто-то сзади попытался помочь, опять подталкивая к бугаю.

— Давай, давай! — Голосили мужики, вцепившись в решетку, с энтузиазмом дожидаясь зрелищности боя.

— Крон мочи эту падлу!

— Мусорок, сделай его!..

Похоже, кто-то ставил и на его, Олега, победу.

Машинально стерев с разбитой губы кровь, Чернышевский сумел сориентироваться. Мигом становясь в стойку, выставил кулаки, готовясь отразить удары. В этот раз удалось. Углядев летящий на него кулак, отразил выпад, уворачиваясь и нанося ответный.

Мгновение и соперник бросился к Олегу с новой атакой, которая хоть не достигла цели, позволила зажать между кистью и плечом голову Чернышевского, совершая удушьющий прием.

Замерев, Олег собрался с силами и, стукнув локтем некоего Крона в живот, сумел освободиться. Ненадолго.

Чернышевский ощущал, как удар за ударом его буквально опустошает, обессиливая и низвергая в пропасть. Раз за разом пытался противостоять, но казалось, бессилён против этой машины для убийств. Но он обязан выстоять. Сколько уже пережито и столько нужно пережить. Мужчина не позволит себе сдаться из-за не стоящего внимания недоразумения.

Оказавшись загнанным в угол, смотрел на противника и видел в глазах победу. Звериный рык становился тому подтверждением.

Крон не торопился добивать Чернышевского, желая насладиться страхом пред собой. Именно это мимолетное промедление позволило Олегу сконцентрироваться и, бросившись на соперника, нанести сильный удар сначала по лицу, после куда-то в область грудной клетки.

Бой становился ровнее. Чернышевский осознавал, что нужно выиграть, иначе ему не жить. А жить обязан. Не ради себя, ради Риты.

Обрушив кулаки на Крона, мужчина заставил отступить, разъяренно чертыхаясь и дергаясь. Олег был почти уверен в своей победе и готовился её доказать. Но уверенность стала второй ошибкой во время схватки.

Доля секунды. Глаза в глаза. Гул голосов, достигающий наивысшего пика и... Олег так и не сообразил, почему противник с исступленной уверенностью понесся на него. Секунды и ощутил колющий удар в грудь, чуть выше сердца. Что-то вонзилось в него, тут же исчезая.

Соперник отступил, а Чернышевский, приложив руку к месту, пронзенному резкой болью, увидел сочащуюся кровь. Липкая и вязкая жидкость застывала на пальцах, выпуская наружу скрытую ярость, жившую в мужчине.

Очередная попытка Крона поцелить в него и Олег, уклонившись, колотит в ответ. Вцепившись мертвой хваткой в запястье, где зажат острый предмет, ударяется лбом по лбу, выламывая руку.

Соперник разжимает кулак. Что-то со звоном падает на пол. Чернышевский, уже не контролируя себя, снова и снова лупит бугая, пока тот обессилело не падает на пол.

Толпа наблюдавших ликует. Кажется, абсолютно все, помимо Волка и его свиты, взбудоражены исходом стычки.

Олег, пошатываясь от тупой пульсации в висках, оценивает картину произошедшего. Превозмогая боль в груди, машинально подхватывает предмет, которым ранен. Отвертка. Самая обычная отвертка. Черт подери, его едва не закололи как животное.

Тяжело дыша, подходит к Волку. Взмахивая перед лицом импровизированным оружием, сбито подмечает:

— Честный бой, да?

Не получив ответа, бросает окровавленное орудие убийства на пол. Расталкивая других, на пошатывающихся ногах плетется обратно на свою койку.

Боль в груди не отпускает. Кровь сочится. Лицо разбито и полностью измазано алым месивом. Дышать тяжело. Почти невыносимо. В другой ситуации стоило обратиться за первой медицинской помощью. Но не сейчас. Сейчас ему ничего не нужно.

Сегодня Чернышевский одержал первую маленькую победу на зоне. Вот что важно. Плевать, что так тяжело, что хочется банально сдохнуть. Он даже на это не имеет права. Олег должен жить до тех пор, пока в его судьбе присутствует еще кто-то, за кого в ответе...

2010 год

— Олег! — Бросив телефонную трубку, позвала Маргарита, обернувшись к спящему на диване мужчине.

Кажется, тот и не собирался вставать. Напротив, недовольно поморщившись, отвернулся к спинке, устраиваясь подобное.

— Олег! — Громче прикрикнула, заматавшись по комнате.

Как можно спать, когда орут над ухом? Вообще, как можно спать, в такой неудобной позе, на диване? К тому же когда чертовски опаздывают! У этого мужчины напрочь отсутствует всякого рода инстинкт самосохранения?

— Проснись, Олег! — Потормошив за плечо, прорычала: — Чернышевский, твою мать!.. Ругательства возымели должный эффект. Пошевелившись, перевернулся на спину. Ресницы затрепетали, и мужчина сипло пробубнил:

— Что-то случилось? Почему кричишь?

— Мы проспали, вот что случилось! — Уперев руки в бока, сверху рассматривала сонного Олега, надеясь, что тот осознает происходящее быстрее, чем экскурсионная группа, куда, оказывается, записаны, уедет из отеля.

— Всего-то? — Жмурясь, Чернышевский лукаво ухмыльнулся.

— Всего-то?! — Сокрушенно возведя взор к потолку, передразнила Маргарита. — Это для тебя всего-то! Если считаешь, что экскурсионный маршрут достаточно наметить для того, чтобы он просто был — сильно ошибаешься! Я намерена исследовать остров мечты вдоль и поперек!

С укором зыркнув на Олега, отвернулась, планируя пойти переодеться. Но ощутила как мужские руки, неожиданно сомкнувшись на талии, потянули назад.

— Эй, Чернышевский! — Оглянувшись через плечо, возмутилась Одинцова. — Что ты твори?..

Возглас канул в небытие, когда приземлилась на колени Олега, впечатываясь в грудь.

Встретившись с глазами цвета ясного неба, вовсе позабыла, что намеревалась донести.

— Ты уверена, что хочешь сегодня попасть на экскурсию? — Магнетически сверля очами, хрипло протянул, поправляя непослушные светлые прядки Риты.

— Я всегда мечтала побывать в знаменитых уголках Сицилии. — Затаив дыхание, пробормотала.

— Даже если для этого придется толкаться целый день по жаре в переполненном десятками сумасшедших туристов автобусе? — Предположил серьезно.

— Мы не будем всё время сидеть в автобусе. — Веско аргументировала девушка. — Переправимся с одного пункта в другой, остальное время на прогулки.

— Ты права. — Согласился, наклоняясь ближе. — Будем по уши в пыли, лазить по избитым маршрутам и стоять в очереди, чтобы сфотографироваться у очередной достопримечательности. В конце концов, ничего толком не рассмотрев, вернемся в гостиницу, отбив охоту к прогулкам до конца отпуска. Как тебе перспектива? Всё еще хочешь этой экскурсии? — Выдохнул почти в губы.

— Да. — После описанных Олегом прелестей поездки, ни в чем не уверенная. — Наверное.

В голове странная мысль, формирующая единое желание — повторить вчерашний, несправедливо прерванный поцелуй. К черту любые экскурсии!

— Что ж... — Выждав короткую паузу, Чернышевский вопреки ожиданиям, резко отодвинулся. Разомкнув объятия, поставил Маргариту пред собой и равнодушно подметил: — Тогда одевайся. Иначе, правда, опоздаем.

— В смысле? — Ошарашенная сменой настроения мужчины, не сразу сообразила, о чем речь. — Куда одевайся?

— На экскурсию. — Втолковал как неразумному ребенку. — Ты же хотела.

— А-а. — Хватая воздух словно рыба, выброшенная на берег. — Да, конечно. — Отвернувшись, сделала несколько шагов уводящих прочь, напоследок убеждая: — Я сейчас. Быстро.

— Иди-иди. — Глянул на часы. — У нас на всё про всё минут десять, не больше.

Кивнув, Рита скрылась в ванной. Открыв кран, с ходу брызнула в лицо холодной водой.

Что это было? Чернышевский её дразнит? Ровно, как вчера дразнила его? Мстит? Играет? Смеется? Без разницы что! Ему любая ипостась определенно доставляет удовольствие!

Вчерашний день принес девушке массу открытий. До определенного момента уверенная, что готова к любому незапланированному событию, получила от Олега порцию сюрпризов. Очень приятных, надо отметить. Мужчине все-таки удалось обскакать её.

Плевать на истинную причину отъезда из страны. Но когда взяла в толк, что вскоре

окажутся на давно и бережно лелеемом в мечтах острове, позабыла обо всем на свете. Готовая прыгать от счастья, обнимать целый мир. Не контролируя эмоций, позволила себе расцеловать Чернышевского. Отбросив ограничения, некогда настоятельные убеждения, что Олег не более чем друг. Маргарита была счастлива и вознамерилась передать частичку счастья и ему.

В какой-то миг перестала различать грань между обычной благодарностью и влечением. Поцелуй — наименьшее, что могла дать; единственное, на что способна. Но поцелуй, который вдруг стал такой необходимостью, как вдыхаемый воздух. Рита начала дышать им. Наполняясь жизнью его присутствием. Олег разом окунул в рай, из которого не хотелось выбираться.

Потом приход забавного метрдотеля. Поначалу планировала хорошенько настучать Чернышевскому за идею с ужином. Но когда этот Чезаре расставлял блюда на стол, уяснила, насколько Олег заботлив. Она оказалась так голодна, что запросто проглотила бы слона. К сожалению, или счастью, слона поблизости не оказалось и пришлось довольствоваться довольно сытной и вкусной итальянской кухней.

Но Маргарита так и не поняла, что сделала не так. Олег попросту сбежал в ванную, отказавшись от ужина. Возможно, выявилась чрезмерно настырной в стремлении копнуть прошлое? Кто знал, что этим настолько заденет Чернышевского. Решила подождать его возвращения на диване, а далее черная бездна. Ни что произошло дальше, ни как угодила на кровать, не помнит.

Проснулась в спальне от настырного телефонного звонка администратора отеля. Выяснилось, Олег вчера благоразумно записал их на экскурсию и попросил утром напомнить о сборе группы. Напомнила, называется! Ритка мало того, еле добудилась Чернышевского, а если не поторопятся, вероятнее всего, опоздают.

Похоже, в любом случае опоздают. Принимая душ, девушка сообразила, что вряд ли из всего багажа найдется что-то относительно подходящее к длительной поездке в пыльном автобусе, как поведал Олег.

Натянув халат, Маргарита выскочила из ванной, едва не налетев на нетерпеливо измеряющего шагами комнату, Чернышевского.

— Собрала?.. — Мужчина осекся, пораженно осматривая её с ног до головы.

М-да, наспех накинутый халатик и гулька мокрых волос на затылке не особо выдавали человека, готового к приключениям.

Может, он прав, не стоит и рыпаться?

— Олег, я тут подумала... Ну её, эту экскурсию?

— С чего вдруг? — Подозрительно нахмурился.

— Я это... — Виновато пожав плечами, указала на стоящий в углу чемодан. — Не знаю, найдутся ли подходящие вещи. Может, сегодня к морю махнем? Поваляемся ленивыми тушками на шезлонгах, позагораем, искупаемся. Я моря так и не видела.

Около минуты Олег недоуменно смотрел на неё в упор.

Конечно, можно хмуриться, вон вырядился в лёгонькую белоснежную рубашечку, светлые брючки. Сам, поди, приготовился, заранее зная, что их ждет. А Рите пришлось напихать в чемодан, что под руку попало. Спасибо, надоумили свитера не тащить.

— Хочешь сказать, купальник все-таки взяла?

Черт, Чернышевский умел вводить в ступор.

— Ну как же... На море можно и... — Подбирая рациональное решение, взмахнула

руками, понимая, что несет полную чушь. Скорее всего, Олег и после приставаний о ней не лучшего мнения, а с этим подавно.

— Что? — Усмехнулся так многообещающе, что мурашки вихрем пронеслись по телу. А смешинки, играющие в зрачках, сильнее вогнали в краску смущения.

— Не знаю. — Потупив взор, чуть слышно выдохнула: — У меня с собой есть красивое дорогое белье. Может, никто не заметит разницы?

— Так, Рит. — Мужские ладони несильно сжались на плечах. Ну всё, начинается. — Ты пока найди что-нибудь полегче, оденься, а я скоро вернусь. Сейчас чего-то придумаем.

Прежде чем успела хоть возразить, отпустил, скрываясь за дверью номера.

Разве поспоришь? Пришлось в очередной раз подчиниться. Доверяет Олегу, верно? Он никогда не подводил, ныне вряд ли что-то изменилось. Раз пообещал — придумает. И ведь придумал!

Спустя пятнадцать минут, когда Маргарита нарядилась в потертые джинсы и футболку и причесавшись, была при полном параде, Чернышевский возвратился, огорошив заявлением, что взял напрокат джип и отправляются в Таормину. Для начала совершать забег по магазинам, а после на прогулки-экскурсии, маршрут для которых выберут сами, не подчиняясь воле никаких сопровождающих.

До сегодняшнего дня Рита уверяла себя, что всё безумнейшее совершила в жизни. Но через пару часов сообразила, как ошиблась.

Сначала недолгая поездка в город, за время которой Чернышевский проявил себя довольно рискованным водителем. Получилось и здесь они похожи — оба до умопомрачения любят адреналин, приносимый лишь скорой ездой. Неважно, будь то лошадь, или автомобиль.

Следом многочисленные бутики модной одежды. Кто мог подумать, что в старом экзотическом городке на главной улице Корсо Умберто есть столько изысканных брендовых магазинчиков. Это после Ритка поняла, что Таормина из всей Сицилии является наиболее богемным местечком. Здесь посреди узких уютных улочек в любой момент возможно встретить мировую знаменитость.

А пока, примеряя один за другим великолепие разнообразных нарядов, представляла себя героиней всеми известной «Красотки». Недоставало лишь чудесной «Pretty woman» для фона, когда, предстывая в очередном образе, вращалась вокруг своей оси, а Олег жестами и мимикой показывал, что подходит, а что лучше забросить подальше и никогда не брать в руки.

Не сказать, что была неискушенной и редко видала дорогие вещи. Напротив, последние годы не носила ничего без бирки известной марки. Но в данном случае дело вовсе не в марке. Ранее выглядеть на уровне являлось необходимой обязанностью, а рядом с Олегом держаться на высоте хотелось самой. Быть достойной спутницей настоящего мужчины. Но одновременно с тем не боялась предстать Чернышевскому нелепой и смешной. Без зазрения совести натягивала забавные шляпки, несурзные платья, чтобы искренне, без издёвок, повеселиться.

С ним было легко, как никогда и ни с кем ранее. С ним ощущался вкус свободы: полноправной и дарящей выбор. С ним открывались многие горизонты, позволяющие быть собой. Оказывается, в этом заключалась немалая доля человеческого счастья.

Несколько часов прошло прежде, чем переодетая в коротенькое платье кораллового цвета, нагруженная парой десятков пакетов, полных всевозможных сарафанов, летних

костюмов, купальников, завершила самый удивительный в жизни шопинг. Оставив вещи в машине, заскочили в небольшой ресторанчик, перекусили и отправились пешей прогулкой изучать старинные улочки.

Вряд ли лучший экскурсовод или гид мог показать всё то, что увидели, лично вливаясь в бесконечный поток туристов и коренных жителей города. Особая атмосфера умиротворенности и душевного спокойствия с первых шагов влюбляла в себя раз и навсегда.

В Национальном парке передохнули в тени величественных деревьев, на входе попутно сфотографировавшись рядом с оригинальной скульптурой двух ангелочков, сидящих на скамье. Идиллии и спокойствия хватило ненадолго: огромная итальянская семья, случайно встреченная в парке, выявилась чрезвычайно шумной и неугомонной, подталкивая и молодых людей продолжить собственный маршрут.

Исследовали лабиринты уютных улочек, едва не затерявшись в наиболее узкой из них. Охладились у фонтана на площади Duomo, прямо из которого можно пить воду. Осмотрели собор Святого Николая и церковь Святого Джузеппе. Возле последнего насладились игрой уличных музыкантов и поразились прелести нарисованных художниками картин. Наконец, добравшись к площади Девятого апреля, увидели воочию море. Из смотровой площадки открывались великолепные пейзажи.

К центральной улице, где оставили автомобиль, вернулись ближе к вечеру. По пути заглянули в парочку антикварных магазинов, заметили главный собор города — церковь Святой Кaterины Александрийской. Возле последней Маргарита услышала от Олега довольно неожиданный комментарий:

— Здесь сочетались браком добрая половина именитых и не очень сицилийцев. — Остановившись у входа, мужчина заинтересованно рассматривал статую Святой Кaterины, расположенную над ним. — Говорят, сам Ален Делон венчался.

Ритка, прижавшись к плечу Чернышевского, переплетая свои пальцы с его, проследила что привлекло мужское внимание, не зная, стоит ли искать ответы.

Ей нравился город. Ей нравилась прогулка. Ей нравился Олег. Но думать о чем-то серьезном, ранее непонятном, опасалась. Предпочитала провести отведенные в Таормине дни в комфортной беззаботности, с которой начали.

Только Чернышевский не торопился уходить отсюда. После минут напряженного молчания, окончательно огорошил вопросом:

— Ты хотела бы обвенчаться? — Игривая улыбка и лукавый взгляд, как признак попытки скрыть серьезность сказанного.

— Я... Я не знаю. — Сердце пропустило гулкий удар, затем еще один. — Не задумывалась об этом.

— А я хочу. — Не кривя душой признался. — Не для того, чтобы отдать дань моде — последнее время молодежь частенько идет на столь решительный шаг, не представляя до конца степени ответственности, отсюда бесчисленные расставания и разводы. Я же уверен в себе и без раздумий готов подтвердить серьезность намерений перед Господом Богом.

— Олег, я... — От внезапности заявления Маргарита напряглась, передавая состояние мужчине. — Вряд ли готова ответить тем же. Ты прав, это очень серьезный шаг.

— Рит, не подумай, я ничего не требую. — Поспешил оправдаться Чернышевский. — Ни в коем случае не тороплю. К слову, чтобы знала. И вообще, готов ждать сколько угодно, даже если для принятия решения тебе понадобится целая вечность.

— Олег, боюсь, как бы на это и правда ни ушла вечность. — Сокрушенно вздохнула,

утыкаясь лицом в грудь мужчины.

— Неважно, Ритуль. — Целуя в висок, отозвался: — Все неважно. Главное, ты рядом. Мне хватит и этого.

— Олег... — Выбирая нужные слова.

— Ритка, идем, а? — Перебил, освобождая от обязательства что-либо говорить.

Чернышевский чувствовал её как никто другой. Даже неловкость ощущал и как истинный мужчина, вводя в это состояние, также искусно избавлял.

— Перед возвращением в гостиницу необходимо заглянуть в тот ресторанчик, где мы видели трубочки канноли. Раз есть такая возможность, почему бы не вообразить себя главными персонажами «Крестного отца»?

— Ты прав, подобный случай упускать нельзя. Хотя... — Хохотнув, снизу-вверх уставилась на Олега. — Я больше хочу тирамису.

— Точно тирамису? Или все-таки канноли?

— Не-а. — Поморщившись, закапризничала. — Все-таки тирамису.

— Что ж, тирамису, так тирамису. — Чернышевский торжественно провозгласил: — Желание дамы закон.

Коротко чмокнув Маргариту в губы, потянул к примеченному ранее ресторану.

По мере того как темнело, а город зажигался многочисленными огнями, наплыв туристов увеличивался. Отведав знаменитых десертов, возвращаясь к отелю, едва выехали из Таормины, настолько были переполнены улицы.

Экскурсия по городу завершилась, но Рита не желала, чтобы день на этом кончался. Персональная сказка должна длиться далее, чего бы по этому поводу ни решил Олег.

В непринужденной беседе о достопримечательностях Сицилии, вдруг осмыслила, что сегодняшним вечером что-то произойдет. Что-то слишком важное для обоих. Пускай Чернышевский всячески пытался шутить, атмосфера накалялась, чтобы проигнорировать знаки, данные свыше.

Маргарита прекрасно отдавала отчет, что в столь романтичном месте проживая вдвоем с мужчиной, которого влечет и к которому влечет, в одном номере долго сохранять дистанцию невозможно. И нужно ли? Чаша весов сильнее склонялась к некогда непредсказуемой стороне.

Олег что-то говорил и говорил. Предлагал, куда можно поехать завтра, отмечая что неплохо выбрать время для похода на пляж. Рита слушала вполуха, изучая хорошо отточенный профиль, надеясь поймать серьезный взгляд, устремленный на крутую дорогу, растелившуюся серпантином у подножья горы.

— Что-то не так? — Затормозив у гостиницы, Чернышевский, наконец, увидел повышенное внимание Маргариты к собственной персоне.

Олег, он порой такой... нерадивый. Не вникающим в самую суть. Но в то же время всегда внимательный и заинтересованный. Обеспокоенный и настойчивый. Терпеливый и ожидающий. Настоящий и естественный. По отношению к ней трепетный и нежный, заставляющий позабыть обо всём на свете. О прошлой жизни, проблемах, заботах... Научивший чувствовать себя по-настоящему живой.

Неужели всегда был таким? Вероятнее всего. Почему раньше не замечала? Или не хотела замечать? Если бы опомнилась вовремя, призадумалась, уразумела самое важное, многого из пережитых кошмаров удалось избежать. Практически всего. Они потеряли столько времени. Из-за её непреодолимой глупости, надуманной любви к другому человеку,

которой в помине не было.

Как ужасно осознавать это лишь теперь, когда... Хотя какая разница? Былого не вернуть. Зато есть настоящее и есть будущее, которое полностью в их руках. И от них с Олегом, даже в большей степени от неё самой зависит, каким будет.

— Все так. — Кусая губы, поймала пытливым взгляд. Перевела дыхание и со словами: — Идем скорее в номер. Нужно еще перенести эту огромные пакеты. — Выскочила из джипа.

Недоуменно вздернув плечами, Чернышевский последовал её примеру и молодые люди, нагрузившись покупками, направились в гостиницу. На ресепшине встретила администратор, которая приставила уже знакомого Чезаре помочь Рите. Олег остался уладить формальности с прокатом автомобиля и вернуть ключи.

Маргарите не терпелось поскорее оказаться наедине с Чернышевским, но стойко мирилась с провожатым. Вплоть до момента, пока наглец, не оставив вещи на диване, застыл посреди номера, выжидая то ли последующих приказаний, то ли чаевых.

— Свободен, Чезаре. — Сунув парню в руки мелочь, очаровательно улыбнулась Одинцова.

— Вы будете ужинать внизу в ресторане? Или опять принести в номер? — Не двигаясь с места, учтиво предложил метрдотель.

— Спасибо, пока не стоит. — Резко оборвала девушка, наступая на служивого, вынуждая пятиться к выходу.

— Я могу быть еще чем-то полезен? — Пророкотал парень. — Вина принести холодного? Или свечи зажечь на террасе?

— Твою мать! Ты будешь полезен, если уберешься отсюда. — Закатив веки, прорычала на русском.

— Сеньорита, что Вы говорите? — Расплываясь в улыбке, вежливо уточнил на английском.

— Ритуль, что случилось?

Надежды спровадить наглеца до возвращения Олега канули в небытие, когда тот удивленно указав в сторону метрдотеля, зашел в номер.

— Все хорошо. Молодой человек предложил нам отужинать, я вежливо отказалась, и он уже уходит. — Убедительно заверила Маргарита. С этим нетерпеливо вытолкала Чезаре из комнаты, раздраженно шикнув: — Я умоляю, иди гуляй! Когда твоя помощь понадобится, мы непременно позовем.

С грохотом захлопнув дверь перед носом несчастного, сдула с лица выбившиеся локоны, торопливо закрываясь на замок.

— Рит, это что было? — Послышался за спиной голос Олега. — Я не против перекусить. Это тирамису ужасно раззадорило аппетит.

— Чернышевский, какое тирамису? Неужели ничего не понимаешь?

— Не понимаешь что?

— Знаешь, ты вчера был прав. — Обернулась, замечая изумление мужчины, облокотившегося о спинку кресла, пояснила: — Этот Чезаре просто идиот!

— Боюсь представить, что тебя заставило поменять мнение относительно его персоны. — Ухмыльнулся Чернышевский, стараясь всем видом показать насколько забавляется происходящим. Но глаза, полыхая ярким пламенем нетерпимости, с выжиданием изучали каждое движение девушки.

Слова становились излишними. Ближайшее будущее предрешено. Олег, подчиняясь одному ему понятным обещаниям, стоически ожидал. Рита, с упоением рассматривая образ находящегося напротив мужчины, выверено, шаг за шагом, приближалась к цели.

Что с ней творится? Неужели столь непоправимо повлияла атмосфера романтического приключения, пробуждая внутри бурю эмоций? Нечто большее, нежели примитивное физическое влечение, испытываемое к некогда хорошему другу, а нынче человеку, без которого вряд ли представляла дальнейшее существование. Желание быть любимой? Желание в полной мере ощутить на вкус любовь Чернышевского?

Вероятно, она воистину пропадающая женщина, если жизнь ни капли не учит и всячески подталкивает становиться снова и снова зависимой от мужчины. Хотя глупо сравнивать былое с происходящим ныне. Глупо сравнивать Олега с другими.

Олег он... иной. Настоящий. Близкий. Родной. Тот, кто никогда не причинит боли и не обидит. Он всегда был таким, и Маргарита искренне верила, что в будущем ничего не изменится.

— Олег. — Остановившись в десятке сантиметров от мужчины, пытаюсь обуздать сбитое дыхание, девушка неуверенно заговорила: — После прошедшего дня, тех твоих слов... у собора Катерины, все время размышляла, пыталась понять, что со мной происходит. Почему всё, во что верила, чем жила, вдруг стало неважным. Почему моя жизнь перевернулась? А сейчас осознала — она не перевернулась, она стала такой, как и должна быть. Какой была раньше, пока в ней присутствовал ты.

— Рит. — Оттолкнувшись от дивана, позвал Чернышевский. Подбирая правильные слова, взял её за руку: — Не нужно.

— Олег, позволь договорить. — Переплетая пальцы, перебила. Когда мужчина утвердительно кивнул, продолжила: — Я не знаю, как это называется. НЯ не знаю, что будет завтра, через день, через месяц. Смогу ли когда-то дать тебе то, чего заслуживаешь. Сильно сомневаюсь, что я именно то, что заслуживаешь... — Горько усмехнулась.

— Рит, не стоит. — Проворчал нахмурившись.

— Олег, не перебивай. — Крепче сжав его руку, на выдохе призналась: — Я отлично знаю, что вовсе не та девушка, о которой стоит мечтать. Но вместе с тем осознаю, что не хочу отпускать тебя. Да, эгоистично звучит, но... Мне так комфортно и хорошо рядом с тобой. И это ощущение уверенности в завтрашнем дне, чувство свободы... я не хочу его лишаться.

Не моргая, Маргарита смотрела на Чернышевского, ожидая реакции. Любой. А он все молчал и молчал, изводя немym иступлением.

Господи, неужели опять всё испортила? Своим глупым, никому не нужным откровением. Лучше бы промолчала, наслаждаясь тем, что имеет, не загадывая на будущее.

— Ритуль. — Когда девушка, потеряв надежду получить ответ, опустила голову, Олег, приподнял лицо за подбородок двумя пальцами и тихо заговорил: — Может, не нужно меня отпускать?

Затаив дыхание, Маргарита зачарованно взглянула на мужчину. Глаза в глаза. Мгновение, длившееся вечность. А потом, властно сгребая в объятия, Олег крепко прижал к груди, впиваясь губами в приоткрытые уста. Рита, будто этого и ждавшая, обхватила мужчину за плечи, отвечая со всем пылом и неистовством. Ощутила, как Чернышевский, рукой переместившись к шее, надавил, углубляя поцелуй.

Он целовал не жестко, но сильно. Напористо, поглощая и сминая под собой. Целовал

так, будто от этого поцелуя зависела их жизнь. Если остановиться — умрут.

Она, давно не девочка, отдавала отчет, что столь сильные чувства познавала чуть ли не впервые в жизни. Растрепав рукой мужские волосы, другой по-хозяйски исследовала мышцы на груди, спине. Она едва сдержала стон удовольствия, когда Олег, слегка прикусив её язык, потянул на себя. Волна неукротимого желания и вожделения токовым разрядом прошла по телу.

Как это банально ни звучало, но впервые в жизни познала истинное значение выражения о бабочках внизу живота. Не самое удачное сравнение, но там вправду, образуя горячий ком, разливалось тепло, подстегивая сильнее к новым и новым действиям.

Бешеная пульсация в висках закладывала уши. Поцелуй становился сродни пытке. А Олег все целовал и целовал. До изнеможения. До безумия. До нехватки кислорода. Рита давно перестала следить за ходом его рук. Казалось, эти ладони, нежно лаская горящую кожу, были одновременно везде. Вызывали крупную дрожь и тысячи мурашек.

Вот бережно зарылся в волосы, нетерпеливо перебирая прядь за прядью. Вот рука снова спустилась к шее. Вот совсем легонько, еле ощутимо, сжимает грудь. Спускается к талии, проводит ниже к бедру, осторожно приподнимая ткань короткого платья...

Помешательство, переживать которое Маргарита готова вечно. Парадокс, она задыхалась от его поцелуев, а когда мужчина, слабо отстранившись, переместился губами к шее, задыхалась без них.

— Олег... — Вцепившись дрожащими руками в рубашку, хрипло позвала, откинув голову назад, прогнулась под умелыми и настойчивыми ласками.

— Малыш, я уже не смогу остановиться... — Скользя губами по шее к ключице и обратно, пробормотал. — И не проси.

— Какой ты дурак, Чернышевский. — Зазывно потершись об Олега, фыркнула Маргарита. — Думаешь, если бы не желала, довела тебя до такого состояния?

— Однажды ты уже спровоцировала, заранее зная, что остановлюсь. — Двумя пальцами спуская бретельку платья с плеч, подметил мужчина.

— Однажды я провоцировала, заранее готовясь к любому исходу. — Пытаясь расстегнуть маленькие пуговички на его рубашке. — Быть может, только и ждала, чтобы не останавливался?

— Вряд ли ты готова была к таким открытиям. — Бормотал, спуская вторую бретельку. Другой рукой расстегивал змейку платья на спине, прикусывая мочку уха. — А я хотел, чтобы ты пришла не доказывать что-то мне, или себе. Чтобы, действительно, этого хотела.

— Считай, сегодня пришла к тебе сама. — Пробираясь ладошкой к оголенной коже, потерлась носом о его шею, проводя приоткрытыми устами по груди. — Потому что хочу этого...

— Повтори. — Застыв, ухватил за подбородок, вынуждая взглянуть на себя.

— Я не знаю, кто ты для меня. — Сжимая волосы мужчины на затылке, выдохнула со стоном. — Но, черт подери, Чернышевский, я хочу тебя! Прямо здесь и сейчас.

Вместе с легкой улыбкой, тронувшей губы Олега, ощутила, как рука на спине приподнялась. Тонкое атласное платье, плавно очерчивая каждый миллиметр кожи, соскользнуло вниз, падая к ногам, оставляя Риту в одном белье.

Секунда, и блаженный взгляд мужчины прошелся по её телу сверху вниз и обратно.

— Я мечтал снять его с самого выхода бутика.

— Почему не снял? — С придыханием плутовато съехидничала.

Хмыкнув, Чернышевский ловко подхватил её на руки. Жадно прижимаясь к губам поцелуем, торопливо прошагал вглубь комнаты.

Крепко вцепившись в мужскую шею, Маргарита прикрыла глаза, упивалась непосредственной близостью. Пока не сообразила, что спина коснулась прохладного шелкового покрывала, а Олег попытался отодвинуться. Они в спальне. На кровати. Но в этот раз не разрешит Чернышевскому уйти. Даже если сам захочет.

Резко дернув мужчину за полы рубашки, вынудила навалиться на себя. Ненасытно целуя, цепко обхватила ногами за бедра, не позволяя откатиться. Ловко исследуя пальцами пресс, заставила перевернуться Олега на спину, оказываясь сверху. Разорвав поцелуй, стала спускаться устами ниже, покусывая и следом обводя языком.

— Ох, Ритка. — Гортанно протянул мужчина.

Нащупав застежку бюстгалтера, стащил, отбрасывая в сторону. Мигом опрокидывая девушку обратно на спину, подмял под себя, изучая губами и пальцами нежную кожу.

— Так нечестно. — Охнула Маргарита, чувствуя, как пробрались к груди, захватывая в плен горошинку соска.

Торопливо добравшись ладошкой к ширинке на брюках мужчины, провела по восставшей плоти. Нащупав пряжку ремня, отважилась расстегнуть. От Олега последовала моментальная реакция. Уклонившись, перехватил руку. Заводя за голову, прошипел у ушка:

— Сегодня я сам.

С уст Риты готовился вырваться стон возмущения, но предотвращая это, мужчина занял их поцелуем, одновременно с тем пробираясь под трусики. Ай, черт! Она и так изнывала от нетерпения, а Олег явно не намеревался прекращать сладкую пытку.

Палец незамедлительно скользнул туда, где сосредоточилось желание, распространяя жар по всему телу. Дернувшись от блаженства, ощутила, как к первому присоединился второй палец, разом подбирая нужный ритм.

Губы мужчины, срывая её стоны, опускались к шее, к груди, к животу... Очерчивая непонятные контуры вокруг, останавливаясь у ямки пупка... Затем еще ниже, продлевая путь и не собираясь притормозить.

Руками вцепилась в покрывало, голова заметалась по подушке. Понимала — еще немного и дойдет до полного иступления. Она не видела и не слышала ничего. Ни окружающей обстановки, ни бессвязного бормотания Олега. Все поплыло перед ней, оставляя происходящее на волю фантазии. Накалена до предела. Осталось только осязание на уровне тактильных ощущений.

Ловкие пальцы, пробегающие вдоль спины. Горящее дыхание, вызывающие внутри пожар. Влажные губы, ставящие по всему телу показательные метки. Язык, вытворяющий фантастические вещи.

Маргарита сама не разобрала, что именно привело к окончательному взрыву. Вместе с волнами дрожи, окатывающими с ног до головы, увидела сотни тысяч темных пятен, мошками застилающих глаза.

Она не заметила, когда Олег освободился от брюк. Когда его рубашка полетела следом. Лишь почувствовала, как большие ладони сомкнулись на лице, а поцелуй заглушил очередной стон, когда мужчина ворвался в неё. Сначала двигаясь до боли медленно, словно оттягивая главное. Но с каждой секундой наращивая темп. Заставляя поддаваться ближе и ближе, пытаясь вобрать его всего.

Она кричала во весь голос. Впервые в жизни, не стесняясь получаемого удовольствия.

Впервые в жизни испытывая такую форму удовольствия. Когда не нужно беспокоиться, что о ней подумают. Прятать себя настоящую, отдаваясь не только телом, но и душой. Она предположить не могла, что такое банальное, привычное во многом ей занятие, способно вызвать столько восхищения.

Выгибаясь навстречу чувственности, пальцами цеплялась в спину Олега, царапая острыми коготками. Наверняка оставляя после себя кровавые яркие отметины. Но Рита видела, что он не воспринимает боли. Равносильно, как и она сама. Лишь упоение эйфорией от близости друг друга.

Олега казалось ничтожно мало. Наслаждалась каждым его движением. Ловила каждый помутненный взгляд, каждый стон. Рассматривала его лицо, в который раз за день понимая, насколько дорог этот мужчина. Во всех смыслах. Она не сможет отпустить Чернышевского. Не после случившегося. Это и многое другое уяснила позже, устроившись в родных объятиях.

Закинув ножку на лежащего на спине мужчину в полумраке, разбавленном тусклым светом ночника, проводила пальцами по темной татуировке звериной пасти на левом предплечье. Той самой, о которой говорилось в досье.

Там был красивый гордый зверь, но волком его назвать трудно, вопреки уверениям собранного дела. Нечто в облики отличало от обычного хищника. Неужели это тот самый волкодав, давший Чернышевскому прозвище?..

— Олег? — Хмуря брови, позвала девушка, не отрываясь от тату.

— Тебе не нравится? — Заметив озадаченное выражение лица Риты, уточнил мужчина, вызывая невесомыми прикосновениями по линии позвоночника сотни маленьких токовых разрядов.

— Дело не в этом.

Она не столь глупа, чтобы не раскусить — такие вещи просто не накалывают. Даже в тюрьме. Даже ради прозвища. Начиная с того — такие прозвища тоже не дают без основания и кому попало.

— Что она обозначает? — Пытливо заглянула в его веки.

— Это так важно? — Напрягшись, на миг замер, прекратив поглаживания.

— Не знаю. — Вновь обращая внимание к татуировке. — Мне кажется, да.

— Может, поговорим об этом позже? — Поддался вперед, перебирая спутанные прядки волос девушки.

— Почему?

— Многовато будет на один день потрясений.

— Это ведь связано с тюрьмой, с прозвищем? — Игнорируя замечание, не унималась Маргарита.

— Да. — Односложно отмахнулся, откинувшись на подушки.

— Ты не расскажешь мне. — Заранее предполагая ответ.

— Не сейчас.

— Хорошо. — Сощурившись, на пару секунд призадумалась. Усмехнувшись про себя, ловко пробежалась пальчиками по груди мужчины вниз — Только обещай, что мы вернемся к этому вопросу?

— Обещаю. — почти рыкнул.

Перехватив руку за запястье, прижался к раскрытой ладони губами. Не сводя взора с Риты, повалил на постель, подминая под себя.

— Люблю тебя... Больше жизни. — Вдохнул в уста, прижавшись томным поцелуем...

С каждым новым днем открытия, получаемые Маргаритой, становились все более важными. Сегодня случилось то, о чем никогда не пожалеет, невзирая на то, каким образом сложится дальнейшая жизнь. О таком не жалеют.

Легендарная Таормина, прогулки, признания, осознание собственной потребности в этом мужчине...

Но одно открытие нравилось особенно — Рита, наконец, познала, какова она, любовь Олега Чернышевского...

Дороже денег, дольше времени, больше жизни...

1999 год

— Заходи!

Перед Олегом широко распахнулась узкая металлическая дверь.

Сопровождающий мужчина лет тридцати не самой крупной комплекции кивнул внутрь камеры и отошел в сторону, пропуская вперед.

Тяжело вздохнув, Чернышевский, отстраненно глядя перед собой, ступил внутрь небольшой камеры, обустроенной для одного человека.

Без особых изысков. Такие же голые стены, как и в общей. Такая же шконка со скрипучей сеткой; тонкое одеяло, не особо согревающее холодными февральскими ночами; обшарпанная тумбочка; огражденное решеткой грязное окно. Но если приглядеться, можно найти множество отличий: маленький телевизор на подоконнике; полка со старыми книгами над тумбой; чайник и что особенно актуально ныне — обогреватель. Одним словом — индивидуалка. Та самая, куда сажали лишь привилегированных заключенных. Хотя тот, к кому привели Олега, в другой вряд ли сидел.

Хозяин камеры, вальяжно расположившись на кровати, с любопытством уставился на вошедшего, но своего занятия, тасовки колоды карт, не прекратил. Всем видом показывая статус и важность.

Это был представительного вида мужчина, возраст которого сложно определить из-за смольной черноты волос и бороды, почти не тронутых сединой, и кавказских черт лица. Но навскидку лет пятьдесят, не меньше.

Рассматривая оппонента, Чернышевский услышал, как сопровождающий вошел следом, дверь за спиной со скрипом закрылась. Перед ним приземлился старый деревянный табурет с облезшей зеленой краской.

Игнорируя предложение присесть, Олег вопросительно вздернул брови, не сводя глаз с кавказца. Устраивать здесь откровенные беседы было наименьшим из желаний. Чем вызван интерес к его персоне самим положенцем зоны [121](#) догадывался. После случившегося пару дней назад, только ленивый не обсуждал как Чернышевский лихо уделал главного быка Волка. Но что хотят в связи с этим мало представлял.

— Вот он ты какой. — Лениво заговорил авторитет. — Не прошло и месяца, как на зоне, а о тебе все говорят. — Рассматривая карты. — Хорошо справился с бойцом Волка. Но этим обрел очень сильного и серьезного врага в его лице.

— Я не специально. — Сквозь зубы процедил Олег.

— Верю. — Фыркнул мужчина, поддаваясь вперед. — Но это не поможет. Лучше скажи, как тебя такого занесло на зону?

— От суммы и от тюрьмы не зарекайся. — Безразлично отмахнулся Чернышевский.

— Разумно. — Усмехнулся кавказец. Резко спустив ноги на пол, в лоб спросил. — Ты знаешь кто я?

— Догадываюсь. — Бросив через плечо беглый взгляд на того, что моложе.

— Я Туз. — Коротко представился кавказец. Кивнув на другого мужчину, пояснил: — А это Тузик, мой поверенный.

Олег ухмыльнулся. Надо же додуматься до такого прозвища. Созвучно, но нелепо. Хотя, если этот Тузик на побегушках у Туза, вполне логично.

Кто такой Туз Чернышевский за время пребывания в тюрьме наслышан прекрасно. Положенец. Смотрящий зоны и общака [1221](#). Настоящий вор в законе. Авторитет, которого уважали и боялись не только осужденные, но и администрация. Именно отсюда все привилегии: личная камера и безнаказанность за любой проступок.

Тузика впервые увидел несколько дней назад. Кажется, именно он пытался подтолкнуть в драке с Кроном, не позволяя отступить. А на утро помог дойти до медпункта, когда Олег едва не потерял сознание от значительной утраты крови и не оказанной вовремя медицинской помощи после отвертки.

Тогда мало что соображая, Чернышевский лишь запомнил, как Тузик навешал врачу лапши, что раненый ночью неудачно упал со шконки и напоролся на торчащий гвоздь. Естественно, проверять правдивость версии никто не стал, а Олегу это было на руку. Не хотелось еще и по такому поводу вступать в очередные разборки, в бессмысленных попытках доказать правоту. Но тогда подумать не мог, что случайный спаситель столь тесно связан с авторитетом, а нелепое приключение завершится личной встречей. Учитывая вероятность, что данная встреча способна обернуться чем угодно.

— Тебя как кличут? — Спустя минутную паузу, уточнил Туз.

— Олег я. — Нехотя представился мужчина.

— А прозвище? — Удивился кавказец. — Неужто за эти недели тебе не дали прозвища? Тут по имени никого не зовут.

— Мусорок у него погоняло. — Вмешался Тузик, освобождая от обязанности изворачиваться.

— Как-то не очень звучит, тебе не кажется? — Прокручивая в руке колоду, хмыкнул положенец.

— Сомневаюсь, что тут кого-то интересует мое мнение. К тому же я действительно мусор. — Безразлично глядя сквозь Туза. — Что оказался по другую сторону закона, сути не меняет.

— Идеальный, да? — Предположил Туз. — Справедливость, значит, любишь? Как тогда в криминал влез? Человека убил. Куда подевалась вся праведность?

— Понятие справедливости для каждого свое. Иногда даже закон очень далек от него.

— Значит, действительно, убил человека? — Допрашивался авторитет.

— Подставили. — Односложно признался Чернышевский.

— Вот как. — Мысленно что-то для себя подметив, смотрящий предложил: — Садись, сыграем в картишки. Расскажешь, как было.

- Не играю в азартные игры. — Отмахнулся Олег. — А что было, то было. Нечего рассказывать.

— Как знаешь. — Укладываясь на кровать. — Только тебе будет очень трудно. Боюсь, я здесь надолго не задержусь. Тогда Волк всю зону подомнет под себя, он давно метит на мое место. Я все тебе сказал. Теперь сам решай, как быть.

На мгновение Чернышевский задумался. Перспектива в любом случае вырисовывалась не самая удачная. Ничего хорошего после драки и нежелания подчиниться Волку его не ждет. А Туз еще хоть как-то удерживал власть в своих руках, не давая окончательному произволу заполнить зону.

Призадумавшись, Олег опустился на табурет, готовый к откровенному разговору. Какая разница, что с авторитетным вором. В свое время правоохранительная система ему не сильно помогла.

— Расскажи мне как было. — Устраиваясь поудобнее, попросил кавказец.

Тузик так же присел на стул позади Олега, намеренный слушать. И Чернышевский начал свой рассказ.

Впервые за долгое время признаваясь во всем без утайки. Как узнал, что Павел связался с преступниками. Как с помощью Шторма начал копать. Как вышел на имя Сизого. Как обнаружил чертову записку у Ритки дома. Как их обнаружили бандиты. Как его подстрелили и вместо того, чтобы помочь, попросту упекли за решетку.

Олег не знал наверняка, но почему-то искренне полагал, что может доверять Тузу. Возможно, что-то было в его взгляде внушающее доверие. Возможно, подкупил заинтересованностью и что за время рассказа ни разу не перебил, периодически сокрушенно качая головой.

Кто знает, может, потом Чернышевский и пожалеет о своей откровенности. Одно точно — хуже в любом случае не будет.

— Да, лихо тебя взяли в оборот. — Подытожил Туз, когда мужчина замолчал. — Слыхал, Тузик?

— Слыхал. — Поддакнул тот, протягивая Олегу алюминиевую кружку с чаем.

— Ой, заигрался Сизый, совсем заигрался. — Осуждающе встряхнул головой авторитет, снова спустив ноги со шконки. — Теперь понятно, откуда столько внимания к тебе со стороны Волка. Чую неспроста это. Колюниных рук дело.

— При чём здесь Волк? — Пригубив сладкий крепкий чай, Чернышевский невольно поморщился.

Настоящий чифир. Наверное, он никогда не привыкнет к такому, традиционному для зоны, напитку.

— Волк работает под началом Сизого. — Кавказец потянулся за своей кружкой с кипятком. — Поэтому не удивлюсь, если с воли кое-кто дал указку сделать так, чтобы ты там больше не появился.

— Я почему-то не удивлен. — Нервно хохотнул Олег, тут же поморщившись от неприятной боли в груди.

Ранение отверткой еще напоминало о себе. Лишний раз подтверждая правоту слов Туза. Неспроста всё, совсем неспроста.

— Но ты не бойся. — Положенец внимательно изучал Чернышевского. — Пока я здесь помогу, не посмотрю, что ты мент. Вижу, ты парень, который в первую очередь поступит по понятиям, а не как прикажут другие. Таких людей на зоне мало. Все привыкли подчиняться. Не мне, так Волку. Я ладно, свое положение заслужил, унижать и вынуждать идти против правил никогда не стану, а Волк ничего не постыдится.

— Спасибо. — Машинально поблагодарил мужчину.

— Так что хочешь того или нет, — Подводя итог. — Мы с тобой в одной повязке. Хотя бы из-за единого, общего врага.

— В смысле? Вы с Сизым знакомы? — Уточнил Чернышевский, не удивляясь вероятности подобного расклада. Мир тесен. Криминальный мир теснее раз в пять.

— Да, в свое время вместе начинали. Можно сказать, Сизый пригрелся под моим крылышком, оперился. Со мной пошел на первую ходку, со мной загремел за решетку. А потом ему захотелось свободы, теплого насиженного местечка. У нас это не самые сопоставимые вещи — если ты вор, значит, ты вор. Но его понесла нелегкая сначала проституток покрывать, потом в наркобизнес. Наркобарон, бл**ь хренов! Тут-то наши пути-

дорожки и разошлись. Думаешь, чего Волк метит на мое место? — Презрительно фыркая. — Сизый хочет в этом городе все контролировать. Даже воровскую касту.

— В ту ночь его планировали повязать СБшники. — Поделился Олег известным фактом.

— Бл*, его повяжут, как же. — Возмутился Туз чертыхаясь. — У Сизого везде связи. Я тебе больше скажу — ты и на зону попал, потому что перешел ему дорогу. Тебе не стоило рыпаться, когда узнал, что это за люди.

— Но кто-то должен был что-то сделать. — Попытался возразить Олег.

— Парень, ты действительно считал, что в одиночку сможешь противостоять таким людям? — Уверенно перебил кавказец, махнув рукой. — Поверь, борьба за справедливость неблагоприятное дело.

— А за любовь? — Смело допустил Чернышевский.

— Любовь... — Туз на миг задумался. — А что любовь? Где ты теперь из-за своей любви?

— Какая разница, где я? — Огрызнулся Олег. — Куда важнее, где сейчас Рита. Жива ли, что с ней вообще.

— У Сизого твоя Ритка. Как пить дать, у Сизого. И если ничего сама с собой не сотворила, значит, жива. А что с ней... мне ли тебе говорить, что может быть с молоденькой девчонкой в борделе.

— Твою мать! — Выругался мужчина, жмурясь и крепче сжимая горячую кружку.

Вот и услышал правду. Ту самую, которую столько времени пытался гнать из мыслей. Легче стало? Вряд ли.

— Вот тебе и твою мать. — Цокнул языком авторитет. — Не полезь тогда геройствовать, хоть на воле был, имел возможность помочь своей Ритке. А так, что я могу сказать... — Задумавшись, взглянул на помощника.

— В дерьме вы, короче говоря, со своей Риткой. — Подсказал Тузик.

— О, слышишь! — Подняв указательный палец вверх, согласился кавказец. — Верно говорит — в дерьме вы. Но ничего, будешь держаться меня, выберешься без последствий.

— Понял. — Слабо вслушиваясь в дальнейшие слова Туза, кивнул Олег.

В мыслях одно — Рита, и как она со всем справится.

Поставив практически полную кружку с недопитым чифиром на тумбу, Чернышевский со словами:

— Я пойду. — Собрался откланяться.

— Стой! — Приказным тоном окликнул кавказец, заставляя обернуться. — Садись, сыграем. — Кивнув на колоду карт, лежащих на койке.

— В азартные игры не играю. — Как заведенный повторил Олег.

— Парень, ты не понял, я не спрашиваю. Я утверждаю. Сыграем, значит, сыграем. — С нажимом выдал Туз.

Нахмурившись, Чернышевский перевел изумленный взгляд с положенца на Тузика. Тот едва зримо кивнул, мол, слушайся, иначе хуже будет. Но Олег отлично осведомлен о всевозможных уловках с карточными играми. Встретать в сомнительную аферу, пускай и ради благосклонности авторитета, не намеревался.

— А потом что? Стать Вам на счетчик? Превратиться в раба? — Дерзко предположил. — Нет уж, увольте. Я подставляться не намерен.

— Да, ты умнее, чем предполагал. — С восхищением протянул Туз. Перетасовав пару раз карты, обратив внимание на Олега, спокойно подметил: — Не бойсь, играем без

интереса.

Чернышевский недоверчиво нахмурился. Как-то довольно странно услышать подобное заявление от самого Туза. Карточная игра в тюрьме предполагала возможность каждому урвать свой куш. Играть без интереса, ради простого времяпровождения, решались не многие. Тем более не предлагали аналогичный расклад новичкам, слабо себя зарекомендовавшим.

Напротив, новичков чаще всего разводили, заставляя играть «ни на что», «просто так». Все это по окончании легко обернуть в свою пользу. «Ни на что» может оказаться приличной суммой денег. А «просто так» и вовсе собственным очком. Искажали любые предложения. Кроме «без интереса».

Что это? Степень уважения или очередная уловка?

— Я свидетель. — На полном серьезе поддакнул Тузик. — Игра без интереса не подразумевает от тебя взамен ничего.

— Ну, так что? Уважишь одинокого старика? Или пойдешь дальше усугублять войну с Волком?

Это позже Олег узнает, что Туз тот еще карточный шулер. Ныне именитый вор, оказывается, начинал с обычного карточного мошенничества. Со временем заработав имя, владея совершенно иными источниками дохода, являясь главным зрителем воровского общака, так и не лишился старых привычек. И регулярно, раз за разом, проверял новеньких именно посредством игры, предлагая какие угодно ставки. Кто-то отказывался, кто-то по наивности и незнанию соглашался, за что в итоге расплачивался. Но мало кому удавалось получить предложение, не имеющее никакого тайного смысла. Его достаивались избранные, вызывающие у Туза уважение, и симпатию, быть может.

Тогда Чернышевский, поколебавшись около минуты, согласился лишь потому, что отдавал себе отчет — в противном случае запросто лишится поддержки Туза. Отчего-то верил, что тот сдержит слово, и игра при случае не обернется против. Опять-таки, после драки с отверткой мужчина сможет за себя постоять, даже если для этого придется идти против самого авторитета.

Когда Олег уселся, положенец безапелляционно заявил, что сыграют в буру [\[23\]](#). Но Чернышевскому, никогда не будучи фанатом подобных игр, откровенно все равно, хоть в буру, хоть в деберц, хоть в покер. В любом случае авторитету пришлось объяснить правила игры, которые оказались не такими сложными: сдавай себе, да отбивайся, набирая очки и уповая на фарт, что из колоды попадет заветная «бура» из трех козырных карт.

Разобравшись с принципом, мужчины бросили жребий, который определил за кем право первым раздать карты. Повезло Олегу. В противном случае заподозрил Туза в подтасовке. А так, хоть и не гарантировал полнейшую честность, все же надеялся, что от прямого развода уберется.

Пока играли, Туз успел поделиться некоторыми негласными правилами, введенными в тюрьме. Разъяснил, как стоит вести себя в той или иной ситуации. Немного о Сизом и их совместном воровском прошлом. Было видно, что старому кавказцу подобные разговоры доставляли удовольствие и не исключено, что ему не хватало внимательного слушателя. Тузик-то, поди, знал все истории вдоль и поперек.

Олег увлеченно слушал и запоминал, не переставая по ходу восхищаться картами. Подобных не видел никогда в жизни. Учитывая, что они официально в тюрьме считались запрещенными, любителей подобных Тузу, это не останавливало.

Карты делали вручную и тщательно прятали. Выглядели они достаточно своеобразно и необычно. Казалось, что нарисованы акварелью, но сама мысль о наличии акварели за решеткой несколько удивляла.

— Нравится? — Заметив интерес Чернышевского, спросил Туз.

— Оригинально. — Односложно подметил Олег.

— Знаешь, чем они нарисованы? — Потянув из колоды очередную карту.

— Акварель? — Не сводя глаз с рук кавказца, мужчина допустил первое, что пришло в голову.

— Кровь. — Ни капли не смутившись, объявил авторитет.

— Кровь? — Чернышевский, собиравшийся взять положенную карту, от неожиданности отдернул руку от колоды.

— Да. — Ухмыльнулся Туз, знаком показывая, чтобы Олег не робел. — Кровь проигравших мне.

— Шутите? Вот такая у Вас плата за игру без интереса?

— Не бойсь. — Фыркнул положенец. — Я сказал, что без интереса, я свое слово держу. Вот если бы играли просто так, это была твоя кровь. Для новой колоды. Скажи, Тузик? — Обернувшись к помощнику, что немного поодаль наблюдал за исходом игры.

— Агась. — Утвердительно закивал тот. — Зуб даю, все честно. Повезло тебе, мусорок, что Туз такой добрый сегодня.

— Вскрываюсь. — Дождавшись, пока Олег доберет карту, выпалил Туз, игнорируя рассказы поверенного.

Вместе с тем бросил на тумбу свои карты, рубашкой вниз, показывая — там ровно три козырных, оповещающих, что собрал буру и соответственно выиграл партию.

Сокрушительно качнув головой, Чернышевский, не глядя, что вытянул сам, открылся. Кто бы сомневался, что проиграет. Радует, что не было ставок.

— Ни хера себе! — Присвистнул Тузик. — Вот везет новичку!

Олег, не сразу сообразив, чем вызван столь явный ажиотаж, медленно перевел взгляд с противника на свои карты. Три туза. Среди них пиковый. Козырный.

— А ты говоришь Мусорок. — Лукаво усмехнулся Туз. — Я думал, тебе везет только в драках, а тебя, оказывается, и карты любят. В первую же игру вытащить самую выигрышную комбинацию, да еще и меня обскакать... Ты парень не Мусорок. Ты воистину Фартовый.

— Лучше бы не везло. — Пробормотал Чернышевский, припоминая известную поговорку.

Не везет в картах, повезет в любви. У него, кажется, все наоборот.

— Да брось ты. — Хмыкнул кавказец, догадавшись в каком направлении пошли мысли Олега. — В обратном порядке фраза не действует.

— Дай Бог. — Процедил мужчина.

— Ладно. — Сгребая карты в одну кучу, подытожил Туз: — Мы все выяснили, так что на сегодня можешь быть свободен.

Олег поднялся. Тузик тоже встал, собираясь проводить. Но у двери были остановлены авторитетом:

— Тузик, ты проследи, чтобы о происходящем за этими стенами узнали все, как надо и в нужной форме. А ты, парень, — Обращаясь уже к Чернышевскому. — Запомни, отныне и до тех пор, пока не случится чего-то более выдающегося, ты Фартовый, кто бы чего не говорил.

Машинально согласившись, Олег вышел из камеры...

С того дня Чернышевский действительно стал Фартовым. Удивительно, как одна незначительная встреча может изменить жизнь.

Тузик послушно выполнил указание главного. Через пару часов вся зона гудела, что новенький навел шороху в камере, еще и самого Туза в карты обставил. И если первое могло уложиться в умах осужденных, последнее производило колоссальный фурор.

Обыграть заслуженного положенца в его любимую буру практически нереально. Настоящий карточный шулер, умеющий надуть любого, никому не позволял выиграть у себя. А тут чуть ли не впервые уступил принципам, еще и растрезвонил весть на всю колонию.

Пускай вслух об этом не говорились, все отлично понимали — отныне Олег у Туза на особом счету. Пускай мент. Пускай своевольный и непокорный. Беспристрастно выступающий против множества правил, заведенных среди осужденных. Ранее его за это пытались задеть, подколоть, подчинить, теперь попросту обходили стороной.

Кто захочет связываться с человеком, которого крышует сам авторитет? Верно, никто. Даже Волк на удивление поутих. Правда, тоже не сразу. Этот человек не отказал себя в возможности, прежде чем залечь на дно, задеть напоследок побольнее...

Был холодный зимний день. Конец января. После встречи с Тузом прошло всего пару дней. Они с мужиками вернулись в камеру с обеда, когда заглянул кум и оповестил Олега, что пришла передача.

Не скрывая удивления, Чернышевский последовал за положенной посылкой. Предполагал, что дед при возможности подсуетится, но не думал, что это случится так скоро. К тому же буквально пару недель назад получил одну. Забрав увесистый пакет, под любопытные взоры других зэков, вернулся в камеру.

Передача за решеткой была сродни празднику. Неважно тебе или кому-то из других мужиков. Принятую обязанность делится с остальными, выделяя значительную часть для общака, никто не смел нарушать. Похоже, от Олега ожидали чего-то подобного. Но сейчас мужчину волновало несколько иное. Ему не терпелось поскорее почитать записку, которую успел углядеть среди остальных вещей во время шмона.

Кинув пакет на шконку, Чернышевский стал нетерпеливо вытаскивать уже распечатанные администрацией кулечки с вещами. Несколько футболок, носки, мыльные принадлежности — это пригодится. Пара пачек чая, также разодранных и высыпанных в полиэтиленовые пакетики. Черт подери, можно подумать в пачку чая спрятать что-то противозаконное! По килограмму печенья и пряников, сгущенка в мягком пластиковом пакете — прямо-таки сладкая жизнь намечается. Блок самых простых сигарет — кто надоумил деда на подобное? Хотя сигареты здесь вместо обменной валюты, пригодятся большего другого. На дне пакета полотенце и, кажется, еще что-то. Впрочем, неважно.

Вот она, заветная записка!

Не сдерживая лихорадочного подергивания рук, Олег торопливо развернул изрядно смятую бумажку. Первое, что бросилось в глаза — почерк. Не деда. Игоря.

— Вы гляньте, наш Фартовый мусорок, как на курорте. — Где-то сзади послышался мерзкий смешок Волка. — Чуть ли не каждую неделю передачи.

Игнорируя происходящее вокруг, Чернышевский спешно пробежался взглядом по нескольким коротким фразам, написанным размашистым почерком друга.

Нахмурившись, резко тряхнул головой. Он, наверное, что-то неправильно понимает...

— Эй, Фартовый, делиться будешь?

Голос за спиной приближался. Но Олег сейчас думал о другом — как? Как такое возможно? Сознание и здравый смысл категорически отказывался принимать прочитанное. Этого не должно было случиться. Не сейчас. Не теперь.

Пару раз моргнув, снова уставился в записку, пытаюсь более вдумчиво вникнуть в её смысл.

«Олег, крепись, Иван Степанович умер три дня назад. Проводили как надо. Похоронили рядом с Антониной Романовной. Извини, что не сообщил раньше и не приехал лично, сам понимаешь, нужно было организовать все как следует.

Собрал тебе вещей на первое время. Как только получится, сразу подъеду повидаться, поговорить.

Держись. Я найду способ вытащить тебя оттуда. Шторм».

Господи, что это такое?! Почему? Почему его жизнь с каждым днем входит в новые виражи, разрушаясь, как карточный домик. Почему уходят все, кого любил? Всё по его вине. Почему?..

— Ты чего заглох? — Недовольно окликнул Волк, толкнув Чернышевского сзади в спину.

Раздраженно скрипнув зубами, Олег машинально скомкал в кулаке записку, оборачиваясь к зэку.

— Чего тебе? — Сощурившись, невидяще оглянул Волка.

— Ничего. — Насмешливо ухмыльнулся наглец. — Говорю, негоже в одиночку хомячить. Делиться надо, батенька.

— С тобой, что ли? — Фыркнул Чернышевский.

Нервы на пределе. Кулаки так и чесались хорошенько съездить назойливому вору по роже.

— Отчего ж со мной? С мужиками. Взнос в общую казну, так сказать.

Несколько секунд Волк испытывающее смотрел на Олега. После чего неприятно хохотнув, как-то резко, не давая опомниться, выхватил смятую бумажку.

— Что тут пишут нашему мусоришке? — С этим быстро отскакивая, Волк развернул записку, собираясь прочесть. — С воли? Или решил и нашим, и вашим? В стукача заделаться?..

Данная выходка стала Чернышевскому сродни красной тряпки для быка. Плевать, что зарекался ввязываться в разборки. Похоже, здесь иначе никак. Он многое может стерпеть, но не столь беспринципное вмешательство в личную жизнь и память о родных людях. Не этот плевок в душу.

— Пошел на*ер! — Взревел Олег и, вырывая записку, другой рукой что есть мочи ударил Волка по лицу.

— Ах, ты, сученок! — Возмутился зэк, отбиваясь в ответ.

Сцепившись в беспощадной схватке, мужчины могли дойти до предела. Олег был слишком взвинчен. Волк ослеплен желанием поставить Чернышевского на место. Кто знает, к чему в тот раз привела драка, если бы не своевременное вмешательство Тузика и еще пары мужиков.

— Эй, Фартовый, остынь! — Прикрикнул старый знакомый, оттягивая Олега от Волка, которого пытались сдержать его шестерки.

— Он достал, пускай не лезет! — Фыркая, Чернышевский гневно сверкнул глазами на главного врага.

— Успокойся, я сказал! — Заламывая руки, осаждал Тузик. Когда Олег немного поутих, шикнул на ухо: — Еще не время для таких разборок, Фартовый. Еще не время...

Тогда чудаковатое заявление Чернышевский пропустил мимо ушей. Без того хватало, о чем думать и переживать, чтобы еще вникать в смысл каждой услышанной фразы.

Тогда сошла на нет не только драка, но и очередная придирка Волка. Олег точно не знал, что произошло, но поговаривали, будто у Туза с Волком случился серьезный разговор, после которого последний поумерил пыл.

Что это? Долгожданное и столь желанное спокойствие? О, нет. Чернышевский не надеялся. Не после судьбоносного разговора с Тузом. Не бывает, чтобы человек столь отчаянно желающий твоей смерти, вмиг из-за единой случайности успокоился и стал на путь к перемирию. Даже если ему как-то пригрозил сам авторитет.

Для такого как Волк Туз вряд ли серьезная преграда. Особенно если учесть, что метил на козырное место положенца. Он просто выжидал нужного момента, Олег чувствовал.

Ожидание затягивалось. Обстановка накалялась покруче, чем ранее, перед дракой. Спокойствие, которого так жаждал, с каждым днем больше превращалось в пытку, разъедающая и разрушая изнутри душу. День за днем. Неделя за неделей. Месяц за месяцем...

Время тянулось, как размякшая резина — вязко и медленно, затягивая на самое дно необратимой воронки. Олег не жил, выживал, заставляя себя каждое утро сползать со шконки и что-то делать. Каждый вечер, перед сном, словно молитву вторя однуединственную фразу: «Нужно выдержать, ради Ритки». Чертовы мысли о том, что могли сделать с его маленькой девочкой в том страшном месте, вынуждали кровь стынуть в венах.

Но мысль о Рите заставляла двигаться дальше. Если ранее было желание как-то очиститься от грязи, доказать всем ради деда, что внук чист перед законом, что никого не убивал, что не стоит теперь ставить крест на их семье и клеймить фамилию... То ныне, после его смерти, всё разом, кроме Маргариты, стало безразличным.

Любые доказательства ничего не стоят и никому не нужны. Люди давно сделали выводы и вряд ли изменят им. Отныне оставалось одно желание — отомстить. За себя, за близких, за Ритку. Спасти её. Спасти единственного живого человечка, который держал его на этом свете.

Чернышевский превратился в полноправного одиночку. Никто не желал общаться с человеком, негласно объявленным врагом. И если бы не поддержка положенца, в большей степени выражаемая появлением Тузика в нужный момент, стену неприкосновенности давно разрушили.

Последующие месяцы шли за годы. Годы за десятилетия. Бесконечные и невыносимые. За это время Олег вырос. Не физически, психологично. Морально. Каждый новый день не просто приближал к заветному, но столь далекому дню освобождения, но делал мужчину крепче, сильнее. Давно не боялся отражать нападки окружающих. Он стал черствее, в чем-то хладнокровнее.

Тюрьма меняла всех. Кого-то ломала, кого-то прогибала. Чернышевского ожесточила. Оно и понятно — когда жизнь ставит перед распутием — либо ты, либо тебя, выбор очевиден. Во всяком случае, для Олега.

Равнодушие и бесчувственность стали его извечными спутниками. Везде и во всем. Оставалось одно единственное слабое место, которое предпочитал скрывать абсолютно ото всех. Ритка. На зоне о ней не должен был знать никто. Никто и не знал. Кроме Туза. Откровенность во имя защиты и неприкосновенности, в один прекрасный день

2001 год

— Садись, Фартовый. — Пнув ногой хорошо знакомый табурет, хмуро бросил Туз, едва Олег вошел в одиночную камеру авторитета.

Не раздумывая, Чернышевский подчинился. После всех перипетий, из которых его вытащил положенец, мужчина не имел права артачиться.

Бегло осмотрелся — здесь все так же, как и в первый визит. Прошедшие три года мало что изменили. Такая скучная, но относительно жилая обстановка, и Туз, по-прежнему не расстающийся с колодой карт.

Вопреки сильно преувеличенному мнению окружающих, авторитет вызывал Олега к себе лишь несколько раз. После известия о смерти деда, чтобы разобраться, что заставило так беспощадно вновь броситься на Волка. И пару раз, чтобы скрасить одиночество и перекинуться в картишки. Какова истинная причина сегодня — предстояло выяснить.

Выражение лица кавказца не предвещало ничего хорошего. Дальнейшие слова стали тому безапелляционным подтверждением.

— Мне тут с воли малява пришла. — Внимательно уставившись на Чернышевского, Туз вздохнул: — Поговаривают, Сизый решил активизироваться.

— В смысле? — Пытаясь взять в толк, уточнил Олег.

Он устал от нелепых догадок. Устал от ожидания чего-то неизбежного и пока неизвестного. Внутреннее чутье подсказывало, что вскоре что-то окончательно лишит его покоя.

— Я тебе говорил, что долго здесь не продержусь? — Вопросом на вопрос ответил положенец. Олег машинально кивнул и тот продолжил: — Через месяцок-другой мне с зоны откидываться. Только Николашу такой расклад мало устраивает. Если в городе появится настоящий вор в законе, обычному барыге, занимавшему эту нишу не по праву, туго будет. Война начнется. Ты понимаешь, о чем я? — Пытливо вздернул бровь.

— Догадываюсь. — Односложно согласился Чернышевский, мысленно прикидывая, какова его роль в разборках бывалых авторитетов за исключением личных счетов с одним из них.

— В общем-то, не выгодно Сизому, чтобы я выходил. Равносильно, как невыгодно, чтобы продолжал властвовать за решеткой. Волк из трусов выпрыгивает, не дожидаясь, когда станет на мое место.

— Я не совсем понимаю, к чему Вы клоните. — Недоуменно махнул головой Олег.

Повисла короткая пауза. Несколько мгновений Туз угрюмо сверлил Чернышевского глазами. Когда мужчина успел перебрать сотни возможных вариантов, выдал наиболее безумный:

— Все просто — ты должен убрать Волка.

— Что? — Олег почти подскочил на стуле, если бы не придерживавшая рука Тузика, стоящего позади.

— Тебе необходимо убрать Волка. — Невозмутимо повторил авторитет.

— Вы, очевидно, чего-то путаете. — Бегло оглянувшись, уверенно отрезал: — Я не

намереваюсь ввязываться в ваши сомнительные разборки с Сизым. Уж тем более не буду никого убивать.

— Послушай, успокойся. — Жестом осадив поток возмущения, кавказец пояснил свою позицию: — Если считаешь, что до сих пор в них не ввязался, сильно ошибаешься, парень. Ты ввязался, когда перешел дорогу Сизому. И я предлагаю оптимальный вариант решения проблемы не потому, что в ближайшие дни планируют убирать меня. А потому что, если это случится, тебе здесь тоже житья не будет. Волк ждет удобного случая, чтобы убить тебя. Когда случай подвернется, сильно сомневаюсь, что замешкается. Так почему ты должен его жалеть?

— Дело не в жалости. — Неуверенно возразил Олег. — Это всего лишь Ваши домыслы.

— Будь это домыслами, я бы поделился ими с Тузиком, а не звал тебя.

— Все равно это звучит абсурдно.

— Что ж абсурдного? — Рассматривая карты. — Понимаешь, так или иначе, хуже от прихода Волка к власти будет тебе. Выйду я на волю, или умру, тебе не жить. Как ни крути.

— Почему именно я? — Нервно сглотнув, уточнил Чернышевский.

— А кто, Тузик? — Взглянув на помощника. — Ему это не надо. Он дорогу Волку не переходил.

— Спасибо, конечно, за заботу, но я как-нибудь разберусь без крайностей. — Вставая, пробормотал Олег.

Жизнь за решеткой его изменила, но не до такой степени. Пускай не раз желал хорошенько проучить или даже отомстить Волку за все его унижения. Но однозначно не такой ценой. Крышевание и приятельские отношения с авторитетами одно, а убийство совсем иной уровень. Ввязываться в криминальную среду столь глубоко Чернышевский не собирался.

— Что же. — Философски подметил Туз. — Тогда видно с твоей Риткой тоже придется кое-кому разобраться.

— Что? — Упоминание девушки мигом всё внутри перевернуло, заставляя наступить на горло любым принципам и убеждениям. — При чем здесь Рита?

— Ну как причем? Девочка в борделе работает. Ой, опасная профессия. — Поцокал языком кавказец. — Ой, опасная. В свое время слышал много рассказов о неадекватных клиентах, после которых девчонки инвалидами становились. Это в лучшем случае. Порой девочки сами друг друга убивают. Конкуренция она есть везде, сам понимаешь.

— Вот только не нужно её трогать. Не нужно! — Сжимая руки в кулаки, прошипел Олег.

— Никто её пока не трогает. — Успокоил положенец. — Это лишь предположение. Но знаешь, в борделе у Сизого работает один мой человек и весточки ему будет достаточно, чтобы запустить механизм.

— Вы не посмеете!

— Конечно, не посмею. — Лукаво ухмыльнулся Туз. — Если будешь послушным парнем, то и с твоей девчонкой ничего не случится.

— Где гарантия, что Вы сдержите слово? — Глубоко втянул воздух Чернышевский.

— Разве я давал тебе когда-нибудь повод не доверять мне?

— Хорошо. — Согласно кивнул. — Где гарантия, что... — На миг прикрыв веки, выпалил то, чего боялся больше всего на свете: — Что она действительно у Сизого? Что она жива? Что эти рассказы о Вашем человеке не блеф?

— Вот это деловой разговор. — Удовлетворенно подметил авторитет. С тем открыл ящик тумбы и вытащил какой-то лист. Протягивая Олегу, фыркнул: — Вот доказательства. Надеюсь, устроит?

Сдерживая волнение, мужчина выдернул из рук Туза бумажку.

Фото. В правом нижнем углу датированное позавчерашним числом. На фото она, Ритка. Такая маленькая и растерянная. Несчастливая. Одна против всего мира.

Она стояла вполоборота, невидяще глядя куда-то сквозь толпу. В каком-то ужасном бежевом платье, слабо прикрывающем попу. Все такая же и вместе с тем совершенно другая. Повзрослевшая.

— Твою ж мать! — Про себя выругался Олег, на автомате сжимая снимок.

Правда. Все, правда. И бордель и Сизый. Но главное, жива. Главное, чтобы и дальше выдержала, пока не найдет способ освободиться и помочь ей. Чтобы выжила...

— А знаешь, парень. — Вырывая из омота вязких размышлений, позвал Туз. — Давай так. Ты у нас Фартовый? Вот и докажи это еще раз. Сыграй в буру. Но не со мной. С Тузиком.

— Зачем? — Непонимающе взглянул на кавказца Чернышевский.

Порой не успевал следить за ходом мыслей старого вора. Сначала просит убить Волка, теперь, будто ни в чем не бывало, рассуждает об игре.

— Ты же не хочешь убивать Волка, верно? Я дам шанс. Если выиграешь, так и быть, за тебя это сделает Тузик. Правда, Тузик?

— Правда. — Довольно поддакнул помощник.

— А если нет?

— Если нет, выбор за тобой. Либо пойдешь и убьешь Волка. Либо Волк убьет тебя. А ; твою Ритку.

— Если откажусь? — Решил поторговаться Олег.

— Отказ равносителен проигрышу.

— Так понимаю, у меня нет выбора?

— Похоже на то. — Усмехнулся Туз, протягивая Чернышевскому новенькую колоду карт...

2010 год

Утренний лучик солнца, игриво заглядывая сквозь не зашторенное высокое окно, ласково дразнил и заслеплял. Поморщившись, мужчина закрылся рукой, пытаясь спрятаться от внезапного вмешательства, намереваясь поспать еще. Но желанию не судилось сбыться. Окунаясь в сонное забытие, сознание озарила шальная мысль. *Ритка!*

Быстро подскочив, Олег широко распахнул веки осматриваясь. Смятая постель позволила лелеять в душе надежду, что картинка, яркими вспышками прокручивающиеся в памяти, являются реальностью, а не плодом больного воображения. Только аккуратно сложенная стопка одежды у изножья слабо сочетается с воспоминаниями, в которых, Чернышевский готов поклясться, эти самые вещи были где угодно, но не на кровати.

Зажмурившись, растер ладонями лицо, пытаясь сосредоточиться. Медленно перевел взгляд на вторую половину постели, где по подсчетам должна находиться Рита. Пусто. Лишь вмятая подушка напоминает, что рядом кто-то спал.

Неужели испугалась и сбежала? Пожалела? Но она не могла. Не должна. Сама ведь говорила, что хочет, что...

Машинально растрепав волосы, спрятал лицо в ладонях. Не раскаивался. Ни капли. Разве можно сожалеть о том, чего так долго ждал? О чем мечтал больше всего на свете. О таком не жалеют. Вчерашний день стал лучшим воплощением мечты. Самой смелой и бережно лелеемой. Пускай до этого пришлось изрядно помучиться, пытаясь выдержать дистанцию и не наброситься на Риту еще в городе.

— Чернышевский, чего не весел, голову повесил? — Хохот, раздавшийся в утренней тишине спальни, пронесся звонким колокольчиком, раскрывая комок облегчения и оседая в душе.

Неспешно поднимая голову на голос, с удивлением обнаружил девушку, облокотившуюся о колонну раздвижных дверей, разделяющих комнату с террасой. Она была в его рубашке, едва-едва прикрывающей трусики. Спутанные волосы, густой копной переброшены через плечо. Руки сложены на груди, а на губах плутовская улыбка, сметающая любые опасения.

— Иди сюда, Рит. — Похлопав рукой рядом с собой, позвал Олег.

— Хватит спать, Чернышевский, — поморщившись, возразила Одинцова. — У меня предложение получше.

— Интересно. — Ухмыльнувшись, мужчина вопросительно вздернул бровь. — Что может быть получше? Неужели завтрак?

— Чернышевски-и-ий! — Закатив глаза, возмутилась Маргарита. — Ты думаешь в такие моменты о чем-то, кроме еды?

— Какие моменты?

Олег отлично понимал, к чему клонит и в чем пытается упрекнуть. Но возможность подразнить девушку доставляла удовольствие. И если откровенно, перекусить впрямь не помешает. Вчера и так по милости Ритки остался без ужина. Правда, практически не расстроился. Но это совсем иной вопрос.

— Олег. — Поддаваясь вперед, заговорщицки оповестила, указывая назад: — Там такой бассейн на террасе шикарный, ты не представляешь!

— Почему не представляю? — Спуская ноги на пол, потянулся к брюкам. — Догадываюсь.

— Не-ет! — Отрицательно закивала головой. — Это надо видеть!

И юркнула на террасу, не оставляя Чернышевскому иного выбора, кроме как, торопливо натянув штаны, пойти следом.

Босыми ногами прошлепав к раздвижной стеклянной двери, застыл едва сдерживая рык от моментально накрывшего вожделения. Рита была такой соблазнительно манящей. Присев на верхнюю из, уходящих под чистую прозрачную воду, ступень. Кропотливо и сосредоточенно расстегнула пуговички на рубашке. *Его рубашке.*

Похоже, сегодняшней ночи оказалось катастрофически мало. Не зря считается: воплотив заветное желание в жизнь, хочется большего. Гораздо большего.

Глядя на Маргариту, Олег отчетливо понимал — никому её не отдаст. Не отпустит. Даже если придется приковать к себе цепями. Даже если придется восстать против всех. Не впервой.

Какая разница, что дальше. Удастся ли план Вотана? Сядет ли Рощин?.. Плевать. На все плевать. Главное, чтобы *она* всегда была рядом.

Есть женщины, ради которых затевают войны, из-за которых погибают, за чью любовь сражаются в беспощадных боях... Для Чернышевского эта женщина Рита. Ради неё готов нарушить инструкции и забить на любые правила и законы. Ради неё стоило пережить весь ужас и выдержать издержки тюремного заключения. За неё глотку перегрызет. Убьет и не раскается. И это не пустые слова.

— Почему так смотришь? — Закусив губу, Маргарита невинно захлопала ресницами, обратив внимание на Олега.

— Глядя на тебя понимаю, в чем заключается моё счастье. — Облокотившись о стену, признался мужчине.

— И в чем же? — Справившись с последней пуговичкой на рубашке, под которой оказался лиф купальника, ошарашено воззрилась на Чернышевского.

Когда успела принарядиться? В этом весь парадокс женской природы — наряжаться, заранее предполагая, что вскоре придется раздеваться.

— В тебе. — Вздернув плечами, серьезно вздохнул.

— Глупый, счастье непостижимо. — Невнятно отмахнулась, бросая в Олега его рубашкой. И явно не желая продолжать заводящий в тупик разговор, прыгнула в бассейн.

Тот хоть и был немаленьким, но не настолько, чтобы иметь возможность совершать виртуозные трюки. Потому проплыв туда и обратно, Рита вернулась к стороне, где стоял Чернышевский. Положив руки на бортик, посмотрела на мужчину.

Ожидая дальнейших действий, Олег потрясенно наблюдал, как она неторопливо выбралась из воды. Провоцируя. Соблазняя. Маня. Можно назвать как угодно, суть не изменится. В который раз заводя своими целомудренными движениями и жестами. Может, он сам столь зависим от этой женщины, что иначе не способен воспринимать?..

Усевшись на мокрый мрамор, отжала воду с волос и, откинув за спину, повернулась к мужчине. Не поднимая головы, осторожно коснулась рукой его ноги.

Вроде непорочное, легкое касание, а Чернышевского как током шибануло. Он готов послать выдержку к чертям собачьим и, подхватив Ритку, снова завладеть ею прямо здесь. Но терпел из последних сил. Хотелось понять, что задумала соблазнительница.

Действия Маргариты не заставили себя долго ждать. Цепляясь за него, словно за

спасательный круг, стала опасливо подниматься, поглаживая его менее скромно и сдержанно. Пробиралась выше, к бедру, и перемещаясь к внутренней стороне. Мгновение, и хрупкая ладошка легла на изрядно возбужденную плоть. Другой рукой потянулась к ширинке, намереваясь расстегнуть.

— Рит, не надо. — Перехватив запястье, попросил Олег.

— Почему? — Непонимающе уточнила, подняв на него безобидный взгляд.

— Это сейчас лишнее. — Жмурясь, прорычал. Ощутил, как непослушные пальчики легонько сжались на ширинке.

— Ты мне вчера доставил удовольствие, сегодня я хочу доставить удовольствие тебе. Это, по-твоему, лишнее?

— Твою мать! — Процедил сквозь зубы Чернышевский.

Не мысля, что творит. Возможно, резкостью причиняет боль, но решительно дернул Риту на себя, заставляя подняться.

— Олег, что ты?.. — Охнув, замолчала на полуслове, оказавшись прижатой к мужской груди.

Секунда и, развернувшись, Чернышевский припер девушку спиной к каменной стене.

Вероятнее всего, он ведет себя неправильно и жестко. Возможно, напрасно ищет подвох там, где тот не предполагается. Но Олег устал слышать нелепые намеки и сравнения. Устал, что Ритка все время либо пытается принизить себя, либо надеется отыскать черту, благодаря которой, его можно сравнить с другими мужчинами.

Она, затаив дыхание, выжидающе смотрела, когда Олег, крепко заломив хрупкие руки и зажав над головой, шикнул:

— У нас не форматно-рыночные отношения. Запомни.

— Но я и не думала... — Еле слышно пыталась возразить. Застыла зачарованно с приоткрытыми устами.

Теперь до Олега дошло, что Рита стоит почти обнаженная в его объятиях. Купальник не в счет. Явственно ощущал, как острые соски упираются в его голую грудь сквозь мокрую ткань. Чувствовал, как маленькие капельки воды, стекая по бархатному телу, переходят на него, сближая и делая единым целым. Слышал тяжелое дыхание, жаром обдающее лицо. Стук сердца с каждой секундой ускоряющий ритм от страсти.

Маргарита возбуждена не меньше его. Она его реально хочет. Дело не в сравнениях и благодарностях. Блеск, отражающийся в затуманенных зрачках подделать нельзя.

— Для меня удовольствие просто быть с тобой рядом. — На выдохе пояснил.

Продолжая одной рукой удерживать её ладони, другой осторожно прошелся по плавному изгибу тела, ощутив, как девушка задрожала. Не от легкого морского бриза, от его прикосновений.

Мать его, Чернышевский обезумел от одной мысли, что с Риткой подобное происходит благодаря ему. Его маленькая девочка трепещет под незамысловатыми ласками как осиновый лист.

Сам не понял в какой момент крышу окончательно сорвало. Когда она зазывно облизнула губы, или, когда, закинув ножку на бедро, потерлась о пах, пытаясь придвинуться.

Обхватив Риту за талию, буквально вдавил в себя, впиваясь в приоткрытые уста жадным поцелуем. Без излишней грубости, но не нежно. Требовательно, настойчиво. Проникая языком в её рот. Исследую и дразня.

Ощутил, как закинула на него вторую ногу. Рука машинально опустилась ниже,

придерживая за попу. На грани сознания услышал томный стон Ритки, и она, слегка прогнувшись, прикусила его губу, пытаясь разорвать поцелуй.

— Что такое? — Нехотя откачнувшись, пробормотал Олег.

— Руки. — Тяжело дыша, прохрипела девушка.

— Что руки? — Не сразу понял, что от него требуется.

— Отпусти руки... — Глядя в глаза. — Хочу чувствовать тебя всего.

Рвано хохотнул, перевел взор на девичьи ладони, все еще зажатые им над головой. Разомкнув хват, переместил освободившуюся руку к тонкой шее, зарываясь в мокрые волосы.

Ладонки Маргариты тут же оказались на его груди.

— Я тебя всего намочила. — Виновато подметила, прочерчивая пальцем по капле воды, перешедшей с её тела.

— Не страшно. — Сообразив, что быть немного мокрым, менее ужасно, чем вдавленной в твердую каменную стену: — Вот идиот...

— Что-то не так? — Озадаченно нахмурилась.

— Стена... — Рукой пытаюсь отстранить голую спину от камня. — Тебе не больно?

— Мне хорошо. — Усмехнувшись, томно протянула Рита, уткнувшись носом ему в шею. — Знала бы раньше, что ты такой... — Смело провела губами вверх, закусив мочку.

— Какой? — Нервно сглотнув, Олег переместил ладонь к полушарию девичьей груди, осторожно сжимая.

— Самый лучший. — Выдохнула, проводя языком по раковине уха.

Пальчиками пробежалась по кубикам пресса, опять пробираясь к ширинке.

— А если бы знала, то что? — Покрывая короткими поцелуями плечико девушки, не сдерживая стон нетерпения, когда прикоснулась к налитой плоти.

— Возможно, соблазнила тебя еще лет двенадцать назад. — Фривольно предположила, придавая тону максимальную серьезность.

— Я бы не повелся на несовершеннолетнюю девчонку. — Перекатывая между пальцами затвердевшую горошинку соска. — В любом случае тебе нужно было подрасти.

— Ну а теперь? — Сильнее сжав плоть, непринужденно глянула на него. — Почему медлишь?

— Нас могут увидеть. — Выпалил первое, что пришло в голову, блаженно прикрыв веки.

Ёлки-палки, еще немного и реально не выдержит, взорвется. Главное, так «вовремя» вспомнил, что находятся на террасе, из которой открывается прелестный вид на пляж, а соответственно с него же сюда. И, кажется, окна соседнего номера выходят под углом в их сторону.

— Кто хотел, и так нас увидел. — Дерзко ухмыльнулась Маргарита, спуская штаны. — Пускай все знают, как мне с тобой хорошо.

— Ты безумная. — Изумился Олег, срывая с неё трусики.

На самом деле уже абсолютно плевать, увидят или нет. Терпеть до возвращения в спальню нет сил.

Немного приподняв Риту, поддался вперед, позволяя помочь себе. Грубо впечатывая в стену, резко вошел в неё, разом погружаясь до основания.

Широко распахнув глаза, девушка обхватила за спину. Закинув выше ноги, поддалась вперед, ему навстречу.

Боже, как в ней хорошо. До исступления. Словно создана специально для него. Ни с одной другой женщиной Олег не переживал столько блаженства и удовлетворения одновременно. Казалось, до Ритки даже не жил. Все крутился в какой-то бессмысленной веренице лиц и людей. Все было пустой тратой времени. Просто способом приблизить самый желанный миг в жизни.

— Не меньше тебя... Чернышевский. — Меж срывающимися с уст вздохами, бормотала девушка, кусая его за плечо. — Нее меньше тебя...

— Ритуська моя... — Пытаясь двигаться медленнее, чтобы растянуть предвкушение, Олег провел губами по ключице.

Уткнулся носом в волосы, вдохнул пряный аромат ванили и еще чего-то, присущего ей одной. Такая сладкая. Такая безумно родная. С каждым толчком внутри неё, становилась все ближе. Почти единым целым. И словно ощущая приближение пика наслаждения, еще больше насаживалась на него, вынуждая ускорить темп.

— Олеж... — Сквозь протяжные стоны вторила его имя девушка. — Ты тоже это слышишь?..

Так приятно, черт подери. Эти её стенания, бормотания... Прикосновенья рук и покусывания, раз за разом становившиеся все более нетерпеливыми.

— Что? — Вопросительно вздернул бровь мужчина.

— Сту-ук... — Подстраиваясь под него, задвигала бедрами еще неистовее. — В дверь... оу.

— Нет... — Не слыша ничего мелодичнее и отчетливее вздохов любимой женщины.

Впитывал в себя каждое мгновение, проведенное рядом с ней. Она наслаждалась каждым его движением. Знал точно, чувствовал...

— Только не говори... — Острые коготки впились в спину. — Что ты вновь заказал еду...

— Я еще не выжил из ума. — Хватая в плен приоткрытые уста.

— Но стук... — Разрывая поцелуй.

— Ну его, этот стук... — Надавив на затылок Маргариты, поцеловал, вбирая в себя всякий её звук, вздох.

Когда, дернувшись всем телом, с хриплым стоном вздрогнул, последний раз глубоко толкнувшись в неё, ощутил, как Ритку тоже окатила агония блаженства и она что есть силы вцепилась в его шею, громко закричав.

Крепче прижимая девушку к себе, Олег, тяжело дыша, уткнулся лицом между шеей и ключицей. Не хотелось отпускать её от себя ни на секунду. Ни на сантиметр. Плевать, что они так и стоят у стены террасы. Точнее, он стоит, а Ритка почти полностью повисла на нем. Но не испытывал тяжести. Одно приятное томление и порывы неконтролируемого счастья, что теперь его. Целиком и полностью.

— Олег? — Спустя пару минут позвала Рита.

— Мм? — Нехотя протянул, понимая, что долго в такой позе не пробудут. Вместе с наслаждением пришло осознание не самого удобного положения.

— Я думала, так не бывает. — Честно глядя на мужчину, созналась.

— Как так? — Проводя по пылающим щекам пальцами.

— Классно. — Кусая губы, опустила взгляд. — Как у нас с тобой...

— Маленькая моя. — Поглаживая по лицу. — Ритуська, у нас с тобой будет только так, и никак иначе.

— Ты такой хороший. — Часто затрепетав веками, словно пытаешься сморгнуть слезинку. — Я не достой...

— Замолчи! — Прошипел, прижав указательный палец к устам Маргариты. — Забудь эти глупости.

Он ненавидел, когда Ритка, мысленно возвращаясь в прошлое, искала изъяны, желая принизить себя. Здесь никто не святой. Но Олег любит её именно такой и другой ему не надо. Не желая слушать вероятных возражений, приник к девичьим устам, стирая черту зарождающегося недоразумения.

Не помнили, как оказались в бассейне. Как снова и снова любили друг друга, не в силах насытиться. Да, это было именно так. Происходящее просто сексом язык не поворачивался назвать. Для Чернышевского это что-то особенное. Самая настоящая любовь. Для Ритки смел надеяться, тоже нечто иное, нежели обычно.

Лишь к обеду смогли, наконец, утолить жажду страсти и вспомнить о пресловутом завтраке. Олег как раз вошел в ванную за полотенцем, как услышал из гостиной испуганный возглас девушки:

— Чернышевский! Я тебя убью!

— Что случилось? — Выскочив на зов, на ходу вытирая мокрые после бассейна волосы, озадаченно выкрикнул мужчина.

— Ты все-таки заказал завтрак. — Констатируя факт, Маргарита кивнула на обеденный стол.

Там красовался поднос, где стоял кофейник, пара чашек, яичница с цуккини и тимьяном, салат из свежих овощей, маринованные сардины, копченый лосось, анчоусы, сыр Фета, клубничная гранита и в довершение «скромного» пиршества хрустальная вазочка с нежно-розового цвета камелией.

— Рит, я говорил, что нет. — Отрицательно тряхнул головой Олег, подходя к столу.

— Но как тогда?.. — Девушка непонимающе сощурилась. — Если ты не заказывал, я не заказывала, номер изнутри закрыт...

Пожав плечами, Чернышевский, заметил под вазочкой небольшой листик, сложенный пополам. Развернув его под удивленным взглядом Маргариты, прочёл:

— *Piacevole am* (Приятного утра). — Переводя на русский аккуратно выведенную на итальянском подпись, взглянув на Риту, предположил: — Кажется, наш общий знакомый Цезаре решил позаботиться о бедных голодных постояльцах.

— Господи! — Прикрыв рот ладошкой, смутилась. — Выходит, мне не послышался стук. Он, мало того, что стучал, так еще и зашел! И слышал нас, или хуже того — видел! Это что он подумал... Мама дорогая!

— Рит. — Бросив полотенце на спинку стула, положил руки на плечи девушки. — Недавно тебя не смущала возможность быть увиденной всеми отдыхающими с пляжа, а тут всего лишь один метрдотель.

— Да, но... — Забавно хмуря бровки, замешкалась.

— Пускай все знают, как мне с тобой хорошо. — Подмигнув, Олег повторил недавнишние слова Маргариты.

— Чернышевский. — Пробежавшись пальчиками по мужской груди, лукаво зажмурилась. — Ты умеешь быть убедительным.

И потянулась к губам для нового поцелуя.

Циферблат показывал ровно два часа дня, когда Олег с Маргаритой, наконец, вышли в

свет. Холодный завтрак остался нетронутым на столе. Пить некогда вкусный, а ныне больше напоминающий помой, кофе, не оставалось ни малейшего желания. Есть холодный омлет тоже.

Наверное, именно чувство голода заставило задвинуть мимолетные неконтролируемые порывы остаться в отеле на весь день. И если Ритка до последнего пыталась убедить о полезности разгрузочных дней, Олег отчетливо осознавал, что еще немного и проглотит слона. Лишь напоминание, что так и не увидели моря, заставило Одинцову отказаться от затеи позвонить на ресепшен и заказать обед в номер.

И сейчас, направляясь к уютному гостиничному ресторанчику, расположенному на одной из террас, сжимая хрупкую ладошку Ритки, Чернышевский ловил себя на мысли, насколько счастлив. Эта женщина с невинными глазами ангела и улыбкой, достойной наибольшей в мире искусительницы сводила с ума.

Поразительно, как в одном человеке помещался целый спектр контрастов. Казалось, она в этой жизни видела всё и даже больше. Пережила столько, сколько людям не удастся испытать за многие годы. Но сохранила ту искренность и невинность, коими обладала чуть более десятилетие назад. Для кого-то менялась, надевая новые маски, скрывая истинное лицо. Перед кем-то притворялась, подстраиваясь под обстоятельства. От кого-то закрывалась, прячась в кокон, состоящий из сотен острых колючек. Для всех разная. Для него такая, как и раньше. Единственная. Настоящая. Нежная...

— Добрый день! — Едва вошли в ресторанчик, навстречу выбежала молодая официантка. Приветливо улыбаясь, затараторила: — Пожалуйста, выбирайте место, проходите, присаживайтесь. Я принесу меню.

Благодарно кивнув, Чернышевский, переглянувшись с Ритой, потянул её к дальнему столику у кованых перил, спрятанному от посторонних размашистыми декоративными кустарниками в горшках.

— Олег? — Позволяя мужчине помочь себе присесть, осторожно позвала Одинцова.

— Что? — Склонившись к уху, Чернышевский прошелся носом вдоль тонкой шеи, втянул неповторимый аромат пряностей и ванили.

— Тебе не кажется, на нас все смотрят? — Пытаясь увернуться от поцелуя, проворчала, опасливо оглядываясь вокруг.

Нахмурившись, Олег, отстранившись от Маргариты, проследил за её взором, не без удовлетворения отмечая, что действительно редкие посетители ресторана и обслуживающие официанты подозрительно косятся в эту сторону.

Усмехнувшись, мужчина устроился напротив Риты. Рассматривая несколько озадаченное лицо, подметил:

— Они нам завидуют.

— Ты так думаешь? — Подперев кулаком подбородок, осмотрела зал. — Но чему завидовать? Ты же не хочешь сказать, что они тоже... — Обращая внимание к мужчине.

Закончить предложение Одинцова не успела. События, происходящее далее, были слишком стремительными и непредсказуемыми, чтобы успеть сообразить хоть что-то.

Со скоростью вихря к столику подлетел светловолосый мальчуган лет шести. Переводя большие невинные очи с Риты на Олега и обратно, немного картавя, выпалил:

— Дядя, а что ты делал с тетей? — Удивленно уставился на Маргариту: — Не боялась, што он тебя съест?

Прежде чем ошарашенная Ритка, краснея с ног до головы, успела открыть рот, чтобы

ответить, к столику подбежала женщина, приблизительно их возраста. Хватая ребенка за руку, и поворачивая к себе, возмущенно прикрикнула:

— Тимоша, что ты тут делаешь?! Зачем пристаешь к чужим людям?

— Я просто хотел узнать, почему дядя пытался покусать тетю. — Обернувшись к столику, с видом полнейшего недоумения, пояснил мальчик. — Он што, людоед?

— Я говорила, чтобы ты вел себя прилично? — Одергивая футболку на ребенке, закатила веки мамаша. — Мы не дома, здесь приличные люди. Ведешь себя, будто с необитаемого острова приехал. — Послав виноватый взгляд Рите и Олегу, переходя на далеко не идеальный английский, принимая за иностранцев, спешно извинилась: — *Forgive me. Children that they take.* (Простите меня. Дети, что с них взять).

— *Not scary* (Не страшно). — Подыграл Чернышевский, махнув рукой, и улыбнулся явно озадаченному Тимоше.

— Что происходит? — За женщиной которая, прижимая к себе ребенка, не спешила уходить, возник неизвестный мужчина. Судя по всему, муж и отец неугомонного мальчика.

— Тимоша просто... Ну как всегда, ты же знаешь... — Адресовав пояснения мужу, пролепетала незнакомка, продолжая натянуто улыбаться Олегу и Рите.

— Па. — Вырываясь из объятий матери, мелкий бросился к отцу: — Это те тетя с дядей, котогих мы видели из окна. Я хотел спросить, что они делали, а мама не разрешает.

— Они все равно не понимают, чего ты хочешь. — На русском шикнула женщина, и снова на английском сконфуженно: — *I'm sorry* (Простите).

— А чего спрашивать, мы с мамой и так в курсе. — Со знанием дела подметил мужчина.

— Пгавда? — Тимоша оживился. — Гаскажешь потом?

— Ага. — Утвердительно кивнул.

— Дима!

— А что Дима? Он не маленький. Я тебе давно говорил, пацан растет, пора просвещать. — Переходя на громкий шепот, склонился к уху жены: — А еще думаю, нам надо сегодня повторить увиденное. А, Свет?

— Дарак! — Толкнув мужа в бок локтем, женщина схватила ребенка за руку. На прощание извинившись, потянула мелкого к выходу.

А Дмитрий, показав Олегу жестом «класс», с обреченным видом поплелся за женой.

— Я тебе говорю, они завидуют. — Хохотнув, повторил Чернышевский, отворачиваясь от двери, где скрылась забавная семейка, к Рите, что за последние пару минут раз десять покраснела и побледнела.

— Кошмар! — Пряча лицо, с отчаянием взвыла: — Нас вся гостиница видела!

— Может, не вся, но некоторые точно. — Равнодушно вздернул плечами Олег.

Признаться, его сей факт мало беспокоил. Видели или нет. Что могли подумать тоже. Счастье — оно делает людей чуточку безумными, заглушая остатки стыда желанием показать окружающим, как хорошо находиться рядом с любимой женщиной. К тому же видит этих людей первый и, скорее всего, последний раз в жизни. Имеет ли значение оставленное впечатление?

— Бедный мальчик... — Выглядывая в щелочку между пальцами, протянула Ритка.

— Да ладно. Ты слышала, что сказал отец? Пацану пора просвещаться.

— Убила бы за такое просвещение моего ребенка! — Убрав руки от лица, молниеносно забывая о недавней краске смущения, воинственно заявила Одинцова.

— Прям таки и убила? — Недоверчиво уточнил.

— Ну конечно! — Раздраженно взмахнув руками, Маргарита запричитала: — Представь, однажды наш сын увидит такой ужас, а дальше? Объяснения придется искать, и у ребенка травма на всю жизнь! — Поумерив пыл, заметила, как Олег невольно расплылся в радостной улыбке. Спокойнее уточнила: — Чего так на меня смотришь?

— Ты сказала наш сын.

— Ну да, наш. Чей еще? — Не до конца вникая в смысл сказанного, настаивала Ритка. Но разом опомнившись, резко тряхнула волосами и сокрушенно забормотала: — Прости, я несу такую чушь. Это нервное. Мне так неловко, что мы стали обозрением всему отелю. Еще этот мальчик...

— Рит. — Посерьезнев, Чернышевский накрыл ладонь девушки своей. — Умоляю, не извиняйся. Ты говоришь правильно.

— Нет. — Замотала головой. — Дети — это чересчур большая ответственность. Это не шутка. На всю жизнь. Это... узы.

— Рит, я знаю. — Согласился мужчина, сжимая холодные пальчики. — И очень мечтаю о подобных узах, крепче привязавших тебя ко мне. Больше всего на свете.

— А я боюсь. — Закусив губу, призналась. — Об этом рано говорить.

Освобождая Ритку от дальнейших пояснений и избавляя от очередной неловкости, к столику подошла официантка, раскрывая перед молодыми людьми меню. Нехотя разорвав зрительный контакт, мужчина ткнул в первое попавшееся блюдо, где на фото изображалось мясо, оставляя десерт и вино на выбор обслуживающего персонала.

Когда девушка, записав заказ, исчезла, Чернышевский менее навязчиво и, переводя разговор в шутку, подметил:

— Но согласишься, славный малый этот Тимоша.

— Угу, но рассуждения у него какие-то извращенные. Это его съест тетю. — Срываясь на смешки: — Неужели у всех детей такая фантазия?

— Скорее всего. Я в его возрасте всегда отворачивался, когда видел, что отец целует мать, считая это неоправданным слюновыделением. Потом сам избегал маминых поцелуев, боясь тоже быть заслюнявленным. — Вспоминая редкие отрывки из малолетства, в которых еще были родители, рассмеялся Олег.

— Вот видишь, сам получил в детстве травму, теперь отыгрываешься на других детях. — Отшутилась Одинцова.

— Я тебя умоляю. С таким отцом не удивлюсь, если малой видал чего похлеще. Заметила, нас приняли за иностранцев?

— Потому что такие же распушенные? — Игриво закусив губку.

— Не исключаю. А может, выглядим по-европейски? Зря вчера столько времени потратили на обновление твоего гардероба, что ли?

— Чернышевский, теперь будешь постоянно этим попрекать?

— Ни в коем случае. — Пригрозил пальцем, подразнив: — Ты единственная женщина, с которой готов терпеть походы по магазинам.

— Было много женщин? — Вопросительно вздернув бровь, Маргарита насупилась.

Что это? Неужто, желанная и необходимая нотка ревности, на которую практически не надеялся? Судя по помрачневшему выражению лица, именно так.

Надо же... Ревнующая Ритка. Она не перестает удивлять.

— Не было ни единой, которая могла потеснить тебя из моего сердца. — Выкрутился

Олег, в очередной раз давая понять, что прошлое — будь её, или его, отныне не имеет значения.

Рита растерянно улыбнулась. От комментария спасла официантка, принеся блюда. Это оказались некие инвольтини алла сичилиана — рулеты из телятины, начиненные лавровым листом, кедровыми орешками, ветчиной, обжаренными в панировочных сухарях. В дополнение капоната — баклажаны под острым соусом из помидоров, сельдерея, каперсов, уксуса, оливок и анчоусов. И на десерт джела'то — мягкое мороженое и торрончини — конфеты с нугой и цельными фисташками внутри.

За обедом разговор перетек к нейтральным темам, не затрагивая опасных моментов, как семья и будущее.

Отчасти Ритка права — Олег вправду форсирует события. Вчера, невзначай признавшись о желании обвенчаться, сегодня о детях. Но с другой стороны, не заставляет её сию минуту лететь в церковь или готовиться стать матерью. Всего лишь хочет, чтобы сразу вникла в степень серьезности его намерений. Чтобы понимала — это не курортный романчик, пускай между старыми добрыми друзьями. Это нечто большее. Настоящее. То, что ему нужно от жизни.

Маргарита должна принять данный факт. Привыкнуть к будущему, которое заслуживает. А пока стоит насладиться выходными, подарившими спокойствие и умиротворение. Кто знает, чем обернется завтрашний день? Чернышевский ни за что ручался. Но все позже. Завтра или через несколько дней. Сегодня в целом мире не существовало больше никого...

Солнце стояло высоко над горизонтом. Раскаленная галька слегка вдавливалась в ступки, а прозрачная морская вода приятно ласкала накатывающими волнами ноги, когда Олег с Ритой, крепко держась за руки, брели по берегу, намереваясь поскорее скрыться от любопытства редких туристов, расположившихся под зонтами на лежаках.

Они говорили обо всем на свете и одновременно ни о чем. День, в котором не существовало никаких проблем. Где не оставалось места ни прошлому, больно режущему душу, ни будущему, полному неизвестности и страхов. Одно настоящее.

Ласковый взгляд карих глаз, светящихся против солнца зеленцой в тон морской волне. Робкая улыбка, вызывающая в уголках век слабо уловимые морщинки. Тепло рук, крепко переплетенных с его пальцами. Волосы, небрежно развевающиеся на ветру...

Господи, как он её любит. Свою Ритку. Неимоверно, что возможно так дорожить человеком. Олег не мог налюбоваться. Надышаться.

Кажется, она опять говорила. Что-то серьезное. Вон как забавно хмурила бровки. Не мужчина, не мысля, что творит, в пару шагов преодолевая разделяющее расстояние, подхватил девушку на руки. От внезапности Маргарита завизжала:

— Эй, Чернышевский! Отпусти! Что ты творишь?! — Вопреки мольбам, крепко вцепилась в его шею брыкаясь.

— Ритуська, моя! — Покружив любимую, бросился к морю прямо в одежде, покрывая короткими поцелуями девичье лицо.

— Безумный. — Не прекращая дергать ногами, уткнулась носом в его грудь. — Хочешь, чтобы нас увидели и местные жители?

— Ага, от тебя безумный. — Пробираясь дальше, пока вода стала по пояс, закивал Чернышевский. — А увидят или нет, мне параллельно.

Окуная Ритку в волны, впился в уста жадным поцелуем.

Олег на самом деле становился рядом с ней настоящим безумцем. Психом. Плевать, что увидят. Плевать, что подумают. Плевать, что в море. Неожиданно экстремально, но так непревзойденно...

Потом перебрались на берег. Раздевались, выкручивая мокрые насквозь вещи, оставаясь без ничего. Снова поцелуи, объятия. Сплетенные тела, слитые воедино. Раскаленные камушки. Глаза в глаза. Кожа к коже. Стук сердец в унисон. Рука в руке. Вместе. Рядом. Раз и навсегда.

Затем прогулки по берегу. Ритка в купальнике и его рубашке, чуть просохшей на ветру. Олег в одних шортах.

Закат, ярко-розовым диском впадающий в водяную гладь. Сумерки, медленно укрывающие покрывалом тьмы землю. Чернота небес, засеянных мириадами звезд. Костер, разведенный прямо на диком пляже, скрытом от цивилизации.

Они так и просидели здесь до утра, если бы не осознание, что ночью попросту замерзнут. Стоило запастись хоть пледами. В идеале бутылочкой вина. Но раз ничего не было, а объятий казалось катастрофически мало, пришлось возвращаться.

К гостинице добрались достаточно поздно. Не желая привлекать излишнего внимания, рассчитывали проникнуть в номер незамеченными. Но не тут-то было. На первой ступеньке лестницы их застукали, словно школьников, за каким-то из ряда вон выходящим занятием.

— Синьор, Чернышевский? — За спиной послышался знакомый мужской голос.

Переглянувшись с Ритой и мысленно выругавшись, Олег повернулся на зов. Как следовало ожидать, перед ними стоял незабвенный Чезаре, лучезарно сияя белозубой улыбкой с таким видом, будто выиграл миллион, не меньше.

Чернышевскому не потребовалась ничего говорить. Приподнятая бровь, как попытка сохранить остатки самообладания и не прибить этого малого, и паренек деловито изрек:

— Наш прекрасный отель приготовил для Вас с синьориной подарок!

— Только не это! — Устало положив голову Олегу на плечо, обреченно выдала Маргарита.

Мужчина прекрасно понимал по какому поводу у любимой такая реакция. Он и сам устал от извечных вмешательств этого метрдотеля. Не знай наверняка, что никто, кроме Бури, не в курсе, куда их с Риткой занесло, посчитал, что этого парнишку приставили за ними следить враги во главе с Роциным.

Видит Бог, если служащий отеля опять предложит помощь, типа налить вина, наполнить ванную водой и разбросать лепестки роз по кровати, Олег его пристукнет собственноручно.

— Вам, как самой романтической и влюбленной паре, мы приготовили чудесный ужин на берегу моря! — Довольный собой, втолковал Чезаре.

Чернышевский так и не уразумел, радоваться данному факту или нет.

Зато Маргарита, ничего не соображая на итальянском, дернула его за запястье. Стреляя глазами, попыталась выведать, о чем речь, когда метрдотель, жестом приглашая, взметнул рукой и направился к террасам.

— Идем, посмотрим, чего там за сюрприз. — Фыркнул Олег.

Не задавая лишних вопросов, девушка пошла следом.

Оказавшись на улице, оба сконфуженно застыли. Желание Чернышевского прибить Чезаре вспыхнуло с новой силой, когда впереди возникло небольшое деревянное возвышение в форме круга, на котором располагался накрытый столик и два стульчика. Множество

прикрас из роз и лепестков. Чуть поодаль восседало несколько музыкантов с гитарой, саксофоном и скрипкой, ненавязчиво наигрывая лаундж.

Всё ничего, если бы не чертовы свечи. Мерцая сотнями ярких огоньков, они находились повсюду. Олег на миг ощутил, как Маргарита напряглась, осматриваясь.

С недавних пор ненавидел свечи. Слишком отчетливо напоминание о том, какую реакцию схожий к сегодняшнему сюрпризу, возымел на девушку. И нынче меньше всего жаждал повторения ситуации. Чтобы Ритка обвинила в схожести с остальными мужчинами. Чтобы посчитала, будто использует в личных корыстных целях. Чтобы в очередной раз испытала дискомфорт.

— Рит, идем отсюда! — Хватая Одинцову за руку, мужчина решил скорее вернуться в номер.

— Погоди! — Твёрдо одернула: — Это для нас организовали, правильно понимаю?

— Да, подарок отеля. — Нехотя скрипнул зубами Чернышевский, послав гневный взгляд метрдотелю, разливающему по бокалам белое вино многолетней выдержки. Явно не из дешевых.

— Тогда уходить по меньшей мере не очень красиво. Не считаешь? — Настаивала Рита.

— Может, попросить, чтобы убрали свечи?

— Может, хватит мысленно возвращаться в прошлое? Ты ведь сам меня недавно убеждал, что стоит забыть. Давай забудем. Хотя бы сейчас, пока находимся на Сицилии, вкусим прелести отдыха.

Умом Чернышевский постигал справедливость слов Риты. Но что-то внутри не позволяло согласиться. Страхи быть отвергнутым? О, да. После прошедших дней возвращение туда, от чего отдалялись семимильными шагами, может оказаться непосильной пыткой. Но порой стоит рискнуть...

— Ты уверена?

— Более чем.

Ликуя от собственной смелости, Маргарита торопливо уселась на стульчик, будто опасалась передумать. Олегу пришлось последовать её примеру.

Потом был вкусный ужин. Хмельное вино, красивая музыка, обволакивающая сознание приятным дурманом. Первый танец под луной и с живым аккомпанементом. Шум морского прибоя. Стрекотание цикад, сливающееся с мелодией скрипки. Свечи, которые уже менее пугали и будоражили сознание. Падающие звезды. Желания, загаданные почти одновременно. Сладость губ, терпкий аромат любви. Страсть и нежность, неустанно сменяющие друг друга...

Остаток ночи, который Олег провел рядом с Ритой, охраняя её сон. Запоминая мимолетность каждого движения. Тихий вздох и взмах ресниц. Так бывает лишь перед расставанием...

Что-то предчувствовал? Возможно. Ожидал неизбежного? Вероятнее всего. Сказка ставшая реальностью, была чрезвычайно сладкой и чудесной, чтобы навсегда поселиться в их сердцах. В этой жизни за всё необходимо платить. За фантастическое удовольствие особенно.

Порой цена слишком высока. Степень её масштабности открывается со временем. Маленькая весточка, дающая понять, что пора возвращаться в суровую реальность, воспринимается как шутка. Ты не вникаешь до конца и не веришь, что рай так же зыбок, как замок из песка. Его легко разрушить. Достаточно неосторожной волны морского прибоя и

все. Конец.

Даже когда, вслушиваясь в ровное дыхание спящей Маргариты, Олег услышал, вибрацию мобильного телефона на столике, оповещающую о входящем сообщении, ничего не понял. Не хотел понимать. Равносильно и когда открыл заветный конвертик, а на дисплее светилась пара коротких фраз:

«Нужно возвращаться. Это конец...»

Конец былых мучений? Путь к началу новой жизни? Или заведомое крушение еще хрупкого и невесомого счастья?..

Просто конец. Конец их сицилийской сказки...

2001 год

— Эй, Фартовый!

Услышав знакомый голос позади, Чернышевский устало прикрыл веки, крепче сжал лопату. До этого разгребал завалы снега, сейчас попытался взять себя в руки, чтобы хорошенько не накостылять подошедшему.

— Чего тебе? — Процедил сквозь зубы осматриваясь. Убеждаясь, что хотя бы на расстоянии ближайших пары метров нет лишних ушей.

— Мне? Ничего. — С издевкой отмахнулся мужчина. — Решил напомнить, что часики тикают, время идет. У тебя остались сутки для выполнения уговора.

— Знаю. — Нехотя согласился, проследив за прошедшим мимо мужиком тоже расчищающим территорию.

— Или передумал? Если да, ты скажи. Тузу ничего не стоит маякнуть на волю, твою девчонку быстро оприходуют.

— Хватит угрожать! — Оборачиваясь к собеседнику, выкрикнул Олег.

— Не кипятись. — Довольно ухмыляясь, осадил — Туз попросил уточнить: да или нет? Сам понимаешь, риск благородное дело, если не рискуешь собственной жизнью. Туз, давая тебе время, очень рискует.

— Я похож на того, кто не сдерживает данного слова?

— Ты похож на того, кто не шибко стремится марать руки в крови. Даже во имя справедливости.

— Хороша справедливость. — Процедил Чернышевский, осматривая стоящего напротив.

— Так что мне говорить Тузу? — Сокрушенно поцокал языком: — Он не любит разочаровываться в людях.

— У меня есть время. Дайте сутки, до завтрашнего вечера.

Оппонент неопределенно кивнул, а Чернышевский, продолжив работу, ворчливо подметил:

— Можешь так и доложить Тузу. — Загребая снег у ног заключенного. — Отойди, Тузик. У меня еще работы полно.

На что мужчина, немного помявшись, вытащил из кармана сигарету, зажал в зубах и, отвернувшись, пошел к корпусу колонии.

— Твою мать! — Выругался Олег, раздраженно пнув ногой кучу снега, отчего впереди образовалась снежная облака, и принялся еще неистовее кидать лопатой.

Он ненавидел всех вокруг. Начиная с Туза, поставившего в безвыходное положение, заканчивая самим собой, нелепо поведшемуся на стандартный тюремный развод. Как можно быть таким глупым, чтобы раскрыть тайны и душевные переживания безжалостному и хладнокровному авторитетному вору?..

Покровительства, бляха муха, захотелось! Не учел одно маленькое такое обстоятельство, зона — это место, где за любую помощь приходится расплачиваться. Порой чересчур жестко. В этот раз цена особенно высока. Принцип «ты или тебя» несколько исказился.

За себя Чернышевский мог постоять. Справился уж как-то, если бы на него свалилась очередная порция претензий окружающих. После злополучного предложения Туза и вполне

ожидаемого проигрыша, имея право выбора, уже не смел выбирать. Выбор predetermined. Когда дело касалось Ритки, Олег прекращал мыслить здраво. Ради неё готов поступиться любимыми принципами. Хотя до последнего надеялся и верил, что этого не понадобится, но...

Ни хера он не Фартовый! Ближе такого нет. Что в первый раз обставил Туза в картах ничегошеньки не значит. Возможно, маститый картежник предпочел подыграть, чтобы расположив к себе, нанести удар в самый неожиданный момент. Возможно, истинная случайность. Никто не узнает.

Игра с Тузиком в буру было изначально чистой воды авантюрой. Но разве предполагал, что эта мелкая шестерка положенца окажется настолько опытным игроком? Не предполагал, а стоило. Находясь под покровительством лучшего шулера их захолустного городка, области, или всей страны немудрено, что Тузик постиг азы и уловки карточных игр. Вероятно, в будущем метил на место авторитета. Но какое дело до всего Олегу? Ныне его должно волновать совершенно иное. А именно предстоящее убийство Волка. Убийство, совершенное им же.

Черт подери, проиграв одну-единственную игру, проиграл всё. Плевать, что выбора не было. Стоило вовремя остановиться, отказаться... Хотя, поздно сокрушаться. Нужно что-то решать. Времени осталось не так-то много.

Тем незадачливым вечером Туз дал Чернышевскому отсрочку. Как тогда выразился «целую неделю, чтобы настроиться и решиться на серьезный шаг». Так много и так мало одновременно. В тот вечер Олег благодарил и за подобную поблажку, теперь не знал, что со всем этим делать.

Мужчина до последнего верил, что как-то выкрутится, найдет способ избежать исполнения договоренности. Ожидал, что Туз одумается, позовет к себе и скажет, что это нелепая шутка. Что никого никому, а тем паче Олегу, не нужно убивать. Что угрозы Ритке блажь, нет никаких связей, и никогда не было. Но...

Время шло. Дни, обычно тянувшиеся медленнее резины, в этот раз сменяли друг друга с невероятной скоростью. У Чернышевского остались всего сутки. Сутки, чтобы сидящий в тюрьме за убийство, но никогда не совершавший подобного, наконец, оправдал приговор и стал настоящим душегубом. Пускай врага, но живого человека. Пускай того, кто на своем веку совершил гораздо больше плохого.

Какое Олег имеет право судить других? Кто он такой? Как исполнит приговор, подвластный одному Господу Богу. Но это необходимо сделать не для себя. Ради Ритки. Если не оградит от новой опасности, пускай и таким кощунственным способом, никогда себе не простит...

Сегодня Олег оттягивал возвращение в камеру как мог. Расчистил закрепленную за собой территорию, пособил еще паре арестантов. Всё думал и думал. Как избежать приговора, но не поставить под угрозу жизнь Ритки? В голову, как назло, ничего толкового не приходило. А чего хотел? За неделю не придумал, а тут бах! и решение всех проблем? Черта с два! Но и придумать, как убить живого человека не мог.

Подойти к Волку, заявив что-то вроде: «Извини, я должен тебя убить», придушить при множестве любопытных? Да его другие раздерут прежде, чем успеет лишиться противника глотка воздуха.

Или за завтраком пырнуть вилкой или ножом в сердце? Тогда сразу не убьют, но администрация, ставшая свидетелями, точно припишет лет десять к имеющемуся сроку. Половина жизни в тюрьме не самая лучшая перспектива. Еще и из-за какой-то гнусной

твари.

Подкрасться в ночи и придушить подушкой? И какой он после этого мужчина? Пойти против безоружного человека легко, но не достойно ни капли уважения. А нужно ли Олегу здесь чье-то уважение? Вряд ли. Но лишиться собственного — гибели подобно.

Что тогда? Как? Вызвать на честный бой и будь что будет? Для подобного необходим повод. Волк хоть и нервировал регулярно, но давно не цеплял столь сильно, чтобы убедить того и окружающих в необходимости боя.

С множеством туманных мыслей Чернышевский зашел в хату. На миг шум поутих. Мужики, словно застигнутые на преступлении, замолчали переглядываясь. Стоило Олегу показать удивление, озадаченно оглядев камеру, тюремная жизнь опять потекла размеренным чередом. Гул голосов возобновился, каждый занялся своим делом. Вроде бы всё, как всегда. Но что-то смущало.

Было время, когда его появление в камере вызывало схожую реакцию. Но всегда тому находился повод — поход к Тузу, выигрыш в буру, попытки прижиться среди остальных... Всё давно поменялось. Олег стал таким же полноправным жителем хаты, если так можно назвать, и хотели того или нет, мириться приходилось. И ведь мирились. Во всяком случае, мужчине казалось именно так. Даже Волк. Которого, к слову, почему-то не наблюдалось. Что довольно удивительно.

Обычно смотрящий камеры в этот час чифирил с прихлебателями за общим. Неужели именно поэтому сегодня в воздухе витала особая атмосфера предопределенности? Будто что-то затевалось. И это что-то вовсе не сомнительные планы Чернышевского. Или всему виной душевные терзания из-за предстоящего нелегкого решения... Разобраться не успел. Всё прояснилось гораздо быстрее и неожиданнее.

Олег как раз заливал горстку чая кипятком, когда в камеру влетел запыхавшийся Тузик. Торопливо поздоровавшись с парой зэков, целенаправленно кинулся к столику. Плюхнувшись на стул, невнятно пробормотал, чтобы слышал лишь Чернышевский:

— Чай гоняешь? Правильно, нельзя лишать себя перед смертью последнего удовольствия. Но я бы на твоём месте, — Оглянувшись к выходу, нервно сглотнул. — Валил с зоны и как можно быстрее.

— Чего? — Непонимающе выдал мужчина, усаживаясь напротив. Лихорадочно помешивая ложкой заваренный напиток: — Я сказал, дайте время до завтрашнего вечера.

— Бля**, теперь нахер никому не нужно твоё время и уговори! — Шикнул Тузик, поддаваясь вперед — Кирдык тебе, Фартовый, уже сегодня ночью будет. Поздравляю, доигрался. Благодаря тебе завтра для нас всех может не наступить.

— Тузик, ты чего несешь? — Прикрикнул Олег громче, чем следовало, тем самым привлекая излишнее внимание других к разговору. Заметив осуждение собеседника, спокойнее переспросил: — Что случилось? Туз передумал, что ли?

— Туз в большой заднице из-за тебя. — Провожая безразличным взглядом прошедшего мимо заключенного. — Сегодня случилось то, чего больше всего опасались — Сизый, кажется, развязал Волку руки и тот пошел разбираться с Тузом. И одному Богу известно, чего псих сделает с положенцем. А потом и к тебе доберется. Это конец, понимаешь, Фартовый. Конец.

Несколько мгновений Олег сидел неподвижно, пытаясь осмыслить информацию и вычленить наиболее важную из многочисленного потока слов Тузика.

Волк пошел разбираться с Тузом... Завтра может не наступить... Это конец...

С одной стороны, если Волк реально что-то содеет с Тузом, не понадобится выполнять условия сделки. Выбор, столько мучивший днями и ночами, автоматически отпадет. А с другой, где гарантия, что Туз не успеет дать указания на волю, или тот же Тузик не посуется, и Ритка окажется в опасности.

Разом вспомнились слова авторитета, что не будет Туза, не будет покровительства, месть Волка настигнет и Чернышевского. А еще, как бы глупо ни звучало, невзирая на угрозы вора, Олег обязан тому за относительно мирную жизнь на зоне.

— Не понял, почему сидишь тут и так спокойно говоришь об этом? — Подскочив, вспыхнул мужчина.

— Что я могу сделать? — Оскалился Тузик. — Я с Волком открыто не враждовал и не представляю серьезной опасности, чтобы от меня избавляться.

— Но как же Туз? — Недоуменно пробормотал Чернышевский. — Вы ведь в одной повязке. Ты у него на побегушках был, и так запросто оставил на растерзание Волку?

— Фартовый, харе играть в благородство. — Тузик нагло потянулся к кружке чая Олега. — Мы не в том месте. Когда дело касается собственной шкуры, каждый сам за себя. По твоей милости Туз всё равно нежилец, а мне жить охота.

— Ты, вообще, слышишь, что говоришь? — Возмутился Чернышевский и, хватая Тузика за шкуру, выдернул из-за стола: — Надо что-то делать!

— Поздно! — Выплюнул мужчина, вырываясь из стального захвата. — Раньше стоило думать! Сейчас Волк порешит Туза, а на воле порешат твою Ритку.

— Что ты сказал? — Упоминание девушки заслепило Олега лютой ненавистью, и он яростнее встряхнул Тузика. — Туз уже дал указания своим людям насчет Риты?! Ну же, говори!

Наверное, Чернышевский выглядел по-настоящему взбешенным. Никто из сокамерников не решался вмешаться, с любопытством посматривая на неожиданные разборки.

Тузик вздрогнул и, заикаясь, промямлил:

— Н-не знаю, п-правда. Туз планировал подождать до завтра. Но, скорее всего, предупредил на случай форс-мажора. Он предо мной не отчитывался.

— Ёлки. Зеленые. — Шикнул Олег.

Грубо бросив Тузика, отчего тот со всей дури плюхнулся обратно на стул, поторопился к выходу из камеры. Благо, время еще позволяло беспрепятственно передвигаться по территории.

Чернышевский не соображал, что делает и тем более не думал о последствиях. Сколько раз слышал предупреждения от сокамерников, мирящихся с негласными правилами, сколько читал во время учебы — когда идут разборки сильных мира сего, в данном случае криминального, лучше отойти в сторону и не влезать. Умом понимал, но куда девался ум, когда речь заходила о Маргарите.

Тут не до возвращения долгов авторитету за крышевание. Не до страхов перед Волком и последствиями, которые последуют, помешай осуществлению давнего плана по ликвидации положенца. Главное, не допустить самого страшного. Чтобы его мучения здесь не оказались напрасными. Чтобы та, что находится относительно на свободе, в который раз не пострадала из-за его неспособности постоять за родного человека...

Олегу казалось, что дорога до одиночной камеры бесконечная. Он бежал, расталкивая случайно встречающихся на пути осужденных, игнорируя конвоиров. Словно обезумел.

Казалось, им двигала неведомая сила ненависти и озлобленности. Когда, наконец, влетел в комнату положенца, с ужасом застыл на пороге.

Спиной к двери стоял Волк и что-то свирепо втолковывал. По бокам от него увивались Трюфель и Шнырь. На табурете напротив сидел Туз. Расставив ноги и по инерции тасуя колоду карт, не походил на человека, которому грозит смертельная опасность. Впрочем, в его положении не имел права показывать страх. Или его действительно не было. Авторитет, страшящийся примитивных самозванцев, уже не авторитет.

Появление Чернышевского не вызвало ни капли удивления, что дало понять — его ждали. Во всяком случае, приторная улыбка вызвана однозначно не неожиданностью. Мелькнула мысль, что Тузик подстроил слезливые речи специально, чтобы заманить сюда. Но Олег благополучно отогнал от себя подобную догадку.

Реакция Волка была прямо противоположной. Углядев на лице Туза ухмылку, умолк. Медленно, показывая превосходство, повернулся назад.

— Что происходит? — Взбудоражено окликнул Чернышевский.

— Опаньки, а этот чего тут делает? — опережая главного, подхватил Трюфель.

— Фартовый мусорок. — Растягивая слова, провозгласил Волк. Взглянул на кавказца. — Пришел разделить участь старшего товарища? Это ты вовремя. Правильно. Чтобы я одним махом вас уделал и не марался лишний раз.

— Не трогай парня, Волк. — Отозвался Туз, сбрасывая с Олега мимолетное оцепенение. — Не соперник он тебе в борьбе за моё тепленькое местечко.

Нахмурившись, Чернышевский удивленно уставился на авторитета. После угроз Ритке ожидал чего угодно, но не простых, вместе с тем важных слов поддержки и некой защиты. Покровительства.

— Естественно, не соперник. — Хмыкнул Волк, стоя спиной к Тузу, но лицом к Олегу. — Где видано, чтобы ментяра всю зону держал! — Надвигаясь на мужчину, толкнул руками в грудь, отмечая высокомерно: — Как думаешь, кого первого придется приструнить, заняв место положенца?

— Он-то хоть и ментяра, но человек хороший. — Многозначительно подмигнув Чернышевскому, вмешался кавказец: — Настоящий.

— Судишь по тому, что он прибежал твою задницу прикрывать? — Ядовито выплюнул Волк в лицо Олегу. — Не то что твой Тузик, да?

— Тузик трусом оказался. Слабаком. — Поднявшись, фыркнул авторитет. — Ты такой же. И до чужого жадный. Смутные времена наступают, раз ставят такого, как ты на зоне.

По мере рассуждений Туза, Олег видел как зрачки Волка сужаются, на скулах начинают играть желваки, а пальцы крепче сжимаются на кофте робы. Злился. Слышать правду не любит никто. Особенно если правда не шибко сходится собственными суждениями.

В какие-то доли секунды Чернышевский вдруг уразумел, отчетливее, чем за прошедшую неделю — Туз прав. Выйдет покровитель на волю, или что ныне более актуально, погибнет, Олегу тоже не жить. Волк его не оставит и не забудет о былых недоразумениях. В лучшем случае позволят уйти сейчас, тем самым оттянув момент «истины», а в худшем... Хотя, кто знает, что хуже — умереть сразу, или растянуть мучения на неопределенный срок.

— Туз, ты... — Цедя сквозь зубы, брезгливо оттолкнул Чернышевского от себя, обернулся к положенцу: — Так жалок с этими картами.

— Нет, Волк. — Равнодушно качнув головой, кавказец вытянул из колоды несколько карт, складывая веером, но не вскрываясь. — Жалок тот, кто, делая большие ставки,

недооценивает соперника, не принимая во внимание, что у того на руках могут оказаться весомые козыри. — Обращаясь скорее к Олегу: — Главное, верно ими воспользоваться. Вот у Фартового есть один козырь. — Оборачивая к мужчинам червового туза. — Который независимо от итогов сегодняшнего дня, будет ожидать на воле. Но если он не воспользуется вторым, — Далее последовал трефовый туз. — Третий, — Показал бубнового. — Никогда не обретет. Но что такое один козырь, — Ставя в противовес пикового туза в другой руке. — Против троих сразу? Выбор очевиден, не правда ли, Олег?

— Наверное. — Невразумительно отмахнулся Чернышевский. Мысленно прибавив: «Выбор жизни ценой в жизнь...»

Какое нелепое стечение обстоятельств! Какая безумная ирония!

Туз не обманет — Ритка останется жить в любом случае. Угрозы беспочвенны и нелепы. Но какая жизнь её ждет дальше, если Олег позволит убить себя Волку? Что тот убьет, сомнений нет. Чрезвычайно пышущий желчью и гневом. Ненавистью. Практически не имеющей никакой реальной подоплеки, кроме неподчинения. Так ничтожно мало, и так невероятно много.

— Хватит понты гнать. Вы порядком надоели своими заумностями. — Взвился Волк, надвигаясь на Туза. — Я хоть не такой философ, но кое-что понимаю. На данный момент, что светские беседы затянулись. Пора кончать с этим.

— Не мешкай. Давай делай то, зачем пришел. — Отрешенно проговорил положенец.

— Стойте! — Воскликнул Чернышевский, ринувшись вперед, понимая — дальше тянуть нельзя. Счет идет на секунды.

— Мужики. — Указав на Олега, Волк отдал приказ: — Хватайте его!

Прежде чем Чернышевский успел опомниться, с обеих сторон его схватили за руки шестерки смотрящего. Дальнейшие события происходили, словно на большом экране кинотеатра. Всё видишь, всё чувствуешь, но что-либо изменить не в силах. Всё давно предрешено и твое мнение никого не интересует.

— Посмотрим, надолго ли хватит картишек, нарисованных твоей кровью!

Оскалившись, Волк выхватил что-то из рук Трюфеля. Дерзко поворачиваясь к Тузу, ударил тому в грудь. Секунда — взгляд кавказца помутнел. Колода карт россыпью взметнулась на пол. Выглядывая из-за спины собственного убийцы, с уст сорвался хриплый стон, а губы озарила непостижимая к месту усмешка.

Внутри Олега будто что-то оборвалось. За свою жизнь повидал многое. Пережил смерть собственных родителей. Учебная практика не раз предусматривала выезды на места преступлений. В конце концов, он сам уже три года сидел в тюрьме за самое настоящее убийство. Казалось, можно ли удивить еще чем-то? Выходит, можно.

Видеть, как из живого человека уходит жизнь — это... Страшно? Больно? Тяжело?.. Видеть и понимать, что больше не в состоянии что-то переиграть или предотвратить. Тело скованно незримыми цепями. Дело не в хватке Шныря и Трюфеля. Хотелось кричать. Так громко, как умеет. Но с губ лишь взлетел тихий вздох в тон тому, что издал Туз.

Волк, удерживая кавказца за плечи, резко выдернул средство убийства из податливого тела, следом вбивая назад. Снова и снова. В грудь, живот, сердце. Раз за разом приближая неизбежность конца.

Туз, жадно хватая последние глотки воздуха, согнулся пополам. Он был скорее мертв, нежели жив, когда Волк пренебрежительно толкнул того на койку, крепко сжимая в ладони орудие убийства. Отвертку. Таковую же, какой однажды ранили самого Олега. Кусок

заржавевшего металла, по которому вязкими каплями стекала кровь.

— Волк, ты король! — Где-то у уха послышалось довольное причмокивание расслабившегося Трюфеля. — Осталось эту гниду мочконуть и все пучком.

— Трюфель, седи с него крови. — Скомандовал Волк, игнорируя восторженное замечание. — Надо увековечить великого авторитета в его любимом виде прикладного искусства.

— Почему я? — Возмутился тот, передернувшись от отвращения. — Я опять крайний? Может, Шнырь хоть раз напряжется?

— А Шнырь чего? — Поворачиваясь к Трюфелю, ополчился: — Я не падальщик, чтобы всякую гниль разгребать.

— Шнырь пойдет за Иглой. — Безапелляционно оборвал Волк. — Или раз такой умный, сам сделаешь колоду?

— Я не умею. — Не скрывая ужаса, пролепетал Трюфель. — И кровь сцеживать не умею. Лучше я за Иглой метнусь.

— Вы плохо понимаете? — Без тени эмоций осведомился Волк. — Трюфель? Нужно успеть прибраться, пока кум не застал.

Холодный, почти ледяной голос и угрожающий профиль сделали свое дело. Помощнички, не дающие спуску Чернышевскому, как-то разом поджались. Шнырь, отпустив Олега, промямлив невразумительное «Я быстро», вылетел из камеры. Трюфель, разжав было хватку, вдруг опомнился:

— А с этой нечистью чего делать? Пускай поможет увековечить своего дружка, крови нацедит, а потом приберется заодно. Раз не успел подсобить живому, хоть мертвому пригодится. — Толкая Чернышевского в спину.

— Наконец-то, дождался от тебя дельной мысли. — Рассудительно согласился Волк, продолжая любоваться проделанным с авторитетом. — Ну, давай, посмотрим по приколу на что эта гнида способна.

— Ага, а то одни понты гнать умеет. — Поддакнул Трюфель.

— Вот и принесет хоть какую пользу перед смертью. — Едко хохотнув. — Потом еще с себя кровушки накапаешь, чтоб нам не мараться.

Последние слова стали для Чернышевского красной тряпкой, вызывающей на поединок. Если поначалу казалось: сердце, упав, замерло, то нынче пустилось вскачь, подстегивая к решению, которое должен был принять давно. Что-то перевернулось. Выдержка и спокойствие сорвалось со спускового крючка, летя в тартарары.

То, о чем с таким хладнокровием рассуждал Волк — ужасно. Похоже, этот человек планировал перетянуть на себя не только положение главного, заслуженного вора зоны, но и перенять определенные привычки и фишки предыдущего. Карты, сделанные с помощью человеческой крови.

Что-то подсказывало Олегу в данном случае права отыграться не получит. Старый кавказец способом кровопролития лишь запугивал, но никогда не доводил до смертей или столь грязных унижений. Для Волка колода карт на крови означала лишь новую победу, вероятность очередной раз самоутвердится посредством убитого им человека.

Чернышевский не хотел умирать. Не сейчас, когда часть пути пройдена. Когда появилась надежда, что однажды будет лучший день. Не от рук этих животных. Тем более не собирался унижаться. Никоим образом. Даже если это станет путеводным билетом к относительно нормальному существованию. Существованию, в котором обязуется наступить

на горло собственной гордости и достоинству. Чего не сделает никогда!

Туз. Карты. Слова-намеки о Ритке. Предупреждения, что всё равно не жить...

Ритка... Такая маленькая, хрупкая, одинокая на фото. Если он умрет, так и останется одна. В чертовом борделе.

Волк, с безумной жаждой крови.

Туз с остекленевшими зрачками. Есть человек, и сразу нет...

Унижения, ожидающие Олега, если чего-то не предпримет.

Все смешалось в голове, лишая рассудка

Старая отвертка. Колода карт. И эта... липкая кровь.

Похоже, у него остался единственный шанс на спасение.

Глубоко втянув воздух, Чернышевский, крутанулся к Трюфелю и с размаху ударил коленом в пах.

— Су*а, охренел! — Разом взвыл шестерка, согнувшись пополам и схватившись за наиболее ценное место.

— Эй, ты чё? — Обернулся на шум Волк. — Держи его, придурок!

Пытаясь ухватить Олега за локоть, поцелил отверткой. Но мужчина, вовремя увернувшись, подножкой вынудил споткнуться и с размаху вlepил под дых.

— Я сейчас его поймаю! — Опомнившись от боли, пророкотал Трюфель, кидаясь к Чернышевскому с кулаками.

Переведя дыхание, Олег, игнорируя вероятную опасность и вместо того, чтобы бежать подальше отсюда, отражая выпады в свою сторону, ухватил Трюфеля за волосы на затылке. Ударил головой о собственную ногу. Услышав возню позади, что есть силы стукнул в грудь и толкнул шестерку к дверному косяку.

Моментально почувствовал, как Волк набросился сзади. Сжав горло, угрожающе приставил отвертку к телу и прошипел:

— Хватит дергаться, ментяра. Смирись, это твой конец.

Говорят, в миг близкий к смерти перед глазами прокручивается вся жизнь. Что ж, возможно, однажды Олегу доведется таким образом вернуться в прошлое. Когда-нибудь, но не сегодня. Сейчас в голове звенела единственная вразумительная мысль — выжить! Любой ценой!

— Только после тебя! — Рыкнув, Чернышевский вцепился в руку Волка с холодным оружием, пытаясь избавиться от угрозы.

Секунды неравной борьбы, спиной к врагу. Пока противник, дико шипя, пытался угодить Олегу в шею. Секунды, пока отчаянно сопротивляясь, пытался освободиться. Секунды изумления на лице Трюфеля. Прежде чем собрав волю в кулак и совладав с силами, сделал подсечку ногой и развернулся лицом к лицу Волка. Мертвецки удерживая того за запястье, заставил попятиться назад.

— Бля**, сученок! Трюфель! — Угрожающе заорал Волк, врезавшись спиной в стену.

— Надо позвать подмогу! — Послышался перепуганный голос шестерки.

— Какая на хрен подмога?! — Пытаясь оттолкнуться Олега. — Чего стоишь? Хватай ментяру! Иначе следующим трупом будешь ты!

Неловкий шорох оповестил о приближении Трюфеля. Еще пара шагов и придет на помощь покровителю и тогда Чернышевскому точно конец. Он сам себя загнал в ловушку, окружив неприятелями. Разве что...

— Стой! — выкрикнул Олег.

От разъяренного, вдавленного им в стену мужчины, метнулся взглядом к шестерке, что по мановению палочки, застыл в полуметре. Получив, наконец, контроль над злосчастной отверткой, так свирепо сжимаемой соперником, обернул острием к горлу Волка.

— Еще шаг. — Бросая через плечо, стараясь тем самым контролировать обоих. — И я его убью!

— Во-олк! — Трусливо позвал Трюфель. — Что мне делать?

— Не убьешь! — Недобро сощурившись, рявкнул Волк в лицо Чернышевскому. — Кишка тонка!

Мельком уловил, что Трюфель подходит ближе, надавил отверткой к горлу Волка с такой мощью, что из раны выступила кровь.

— Ай, су*а! — Взревел Волк, явно не ожидавший подобной прыти. — Тебе крышка!

Вместе с тем ощутил, как скованный в движениях противник, задержался в попытке вырваться, направить отвертку на Олега.

— Трюфель, мать твою!.. Давай же!

Чернышевский, слегка послабив хватку, оглянулся, опасаясь быть пойманным. Но ощутил как Волк, одной рукой упираясь в грудь, другой все-таки вырывая отвертку, оттолкнулся.

Мгновение, и уже Олег вжат в стену. Стиснув зубы, прищурился в попытке убрать нацеленное к лицу опасное оружие.

Разразилась настоящая борьба. За право быть первым не только в этом бою, в этой камере и тюрьме. В этой жизни. Длившейся так пустяково мало и одновременно так долго. Секунды за часы. Силы на исходе у обоих. Но слишком велика цена, которую придется заплатить за мимолетное послабление.

Жить хотелось обоим. Но для Олега это нечто большее, нежели право на существование в холодных стенах зоны. Не попытка помериться силой и проявить в себе авторитет. Жизнь ради жизни. Ради свободы. Любви, в конце концов. А еще, как бы грязно ни звучало, ради мести.

В серьезной схватке с наиболее лютым врагом здесь, Чернышевский понял, насколько жаждет отомстить человеку, не раз пытавшемуся втоптать в грязь, унижить. Отомстить за все три года пребывания тут и за оставшиеся восемь. Плевать, что сюда его засадил не Волк. Зато именно Волк сделал все, чтобы превратить существование в ад. За недоспанные ночи. За боль. За раны физические и душевные. Даже за Туза. За кровь, что алой вязкой жидкостью стояла перед очами.

Глаза в глаза. Злость и ненависть друг к другу, отраженная в зрачках. Тяжесть дыхания. Шальной стук сердца и боль в мышцах от бесконечного сопротивления. И снова мысль — выжить!

— Ну вот, наконец-то мусора в нашей хате станет меньше! — Вдавливая холодный металл куда-то неподалеку сонной артерии, мерзко засмеялся противник.

Рыкнув, Олег неистовее сдавил руку на запястье Волка, вынуждая того разжать ладонь и выпустить отвертку.

Глухой стук ударившегося предмета о бетонный пол и Чернышевский, не ведая, что творит, сомкнул ладонь на горле смотрящего и крепко сдавил. Зрачки соперника с ужасом расширились, щеки надулись в попытке ухватить воздух. Раскрасневшись от напряжения, вцепился в руку Олега, пробуя убрать от шеи. Все напрасно. Хватка непомерно сильна.

Воспользовавшись обезоруженным недоумением Волка, свободной рукой оттолкнул от

себя, прижав к стенке. Где-то на задворках сознания понимал — вот она, победа в бою. Стоит отпустить и уйти. И будь что будет. Больше не позволит поставить свою жизнь под угрозу. Но сорвавшееся с крючка чувство ненависти желало большего. Чтобы враг не то, чтобы попытался когда-то отомстить за случившееся, попросту не смог этого сделать. Олег словно раздвоился. Вторая, неизведанная часть, отчаянно желала подверженности противника. Окончательной и не воскресаемой.

Не слыша ничего, кроме пульсации крови в висках, Чернышевский свирепее сжал руку на шее Волка. Он видел, что тот буквально задыхается. Попытки сопротивления становились всё слабее и реже. Как ни странно, это доставляло мужчине ни с чем ни сравнимое удовольствие. Вкус отмщения оказался гораздо слаще, чем мыслил ранее.

Глаза больше не полыхали тем нескончаемым огнем ненависти. Их будто застелило пеленой. Мужчина словно со стороны наблюдал, как с заклятого врага уходят остатки жизни. Тот трепыхался в руках вовсе не как дикое и непокорное животное, каким хотел представляться. Как птичка. Несчастливая и беззащитная. И черт подери, Олег не желал останавливаться!

Когда спустя бесконечные минуты почувствовал, как обмякло податливое тело в руках, смекнул, что не ощущает пульсации крови под пальцами, не слышит стука сердца, лишь стеклянные веки, застывшие в одной точке. Пришло понимание сотворенного.

Сделал шаг назад. Пальцы автоматически разжались. Волк, безжизненным грузом рухнул на пол. Чернышевский осмотрелся. В камере не было никого, кроме него и... мертвого Туза, распластанного на шконке. А теперь еще и Волка, осевшего у стены с поникшей головой. Даже Трюфель сбежал следом за Шнырем.

А он, Олег, только что убил человека. Просто взял и убил. Примерил роль высшего судьи, к которой не имел права приближаться. Кто он такой, чтобы вершить чьи-то судьбы? Пускай и столь низких людей, как Волк...

Вытянув руки перед собой, невидяще уставился на пальцы. Дрожат. И ярко-алый цвет клейкой жидкости, как наиболее яркое подтверждение содеянного. Кровь поверженного, просочившаяся с колотой раны, оставила метку и на нём.

Мужчину вдруг окатило волной крупной дрожи. Невольно опустился рядом с жертвой. Машинально потянулся к одной из карт, разбросанных на полу. Перевернул рубашкой вниз. Туз. Кто бы сомневался. Бубновый. Если правильно понял, по словам кавказца — козырь, предвещающий свободу. Только где она, эта хренова свобода?! Оттого, что Волка не стало, срок не уменьшится. На волю быстрее не выпустят.

Надо же... Олег убил человека! Неважно, что сам находился в опасности. Важно, что ступил на путь величайших грехов. Убил. Тогда как мог оглушить, ранить, вырубить. Что угодно, не доводя до зверства.

Мужчина не думал, что нужно уходить, пока не попал в ловушку конвоя и не обвинили сразу в двух убийствах, добавляя срок. Не думал, что могут вернуться шестерки Волка и решатся отомстить. Не думал ни о чем. Перед глазами все еще оставался безжизненный взгляд пораженного противника, в ушах звенел последний изданный им, прежде чем замолчать, вздох...

Чернышевский не пытался оправдаться и когда в камеру ворвался Шнырь с неизвестным парнем. Видел его впервые, но, судя по всему, тот самый Игла.

Шок, возникший на их лицах при виде двух трупов, нужно видеть. Шнырь поначалу ринулся к Олегу, но, то ли его равнодушие, то ли слова Иглы, смысла которых толком не

понимал, вовремя остановили шестерку. Следом в дверях возник Тузик. Тоже минутное удивление. Потом, о чем-то коротко переговорив, подхватили Чернышевского под руки и повели куда-то прочь.

Отчасти мужчина им благодарен — видеть и дальше следы своего преступления становилось невыносимо, но уйти сам не мог. Казалось, будто впал в неосознанный ступор. Вокруг что-то происходило, чего-то говорили, куда-то шли, но что это, больше не соображал.

Опомнился сидя на стуле в темной комнатухе, освещенной скудным светом лампы. Рядом на скрипучей шконке нетерпеливо постукивая пальцами по коленке, мялся Шнырь. Чуть поодаль, у стола, сидел Тузик и чего-то копотливо вырезал из картона. А Игла, присев рядом с Олегом на колени, увлеченно выводил иголкой на его оголенном левом предплечье.

— Кажется, все. — Отчитался Тузик, кинул ножницы на столик и аккуратно сложил стопку вырезанных картонных пластинок.

— У меня тоже. — Довольный собой, провозгласил Игла поднявшись. — Теперь можно и за картишки взяться.

Чернышевский только сейчас увидел на столе две пластиковых бутылки, обрезанных до половины. Обе наполнены красной жидкостью. Что это? Воображение нашло ответ и на этот вопрос. Похоже, паре новых колод карт быть. С одной небольшой поправкой к первоначальным планам — рядом с бутылкой крови Туза, вместо его крови — Волка.

— Охренеть! Круто! — Подлетев к Олегу, расплылся в улыбке Тузик.

— Не то слово. — Мимолетно взглянув на Чернышевского, сплюнул Шнырь.

Олег же не особо понимал, чем вызван столь яркий ажиотаж. Медленно осматривая предплечье, с ужасом разглядел изображение оскаленной пасти... волка.

— Что это? — Хрипло пробормотал передернувшись.

Хотя в ответе не нуждался, так прекрасно понимал что. И по неприятному жжению на коже, и по предметам, как-то баночка туши и игла, в руках кольца. Еще один непоправимый след, оставленный после себя тюрьмой. Метка, которую долго обходил стороной, не желая признавать никакие законы и нравы, но которой наделили по нелепому стечению обстоятельств. Татуировка.

— Красивая, правда? — Убирая инструменты, воодушевленно уточнил мастер.

— Почему волк? — На выдохе переспросил Олег.

— Потому что задавил, наконец, Волка! — Торжественно оповестил Тузик, не обращая внимание на неприкрытое раздражение Шныря. — Проявил себя как настоящий хищник. Не это не Волк. Это истинный предводитель из рода Серых псов и управа для очередных шавок. Ты теперь не просто Фартовый, нет. Теперь ты Волкодав!

Слова, которые не раз потом вспомнит Олег. Которые навсегда останутся в памяти. Хотя на тот момент не мог понять, о чем речь.

Единственное, что вдруг озарило сознание — сложно не убить. Сложно принять факт, как данность и жить с этим. Свыкнуться, что ты действительно являешься убийцей...

2010 год

Жизнь странная штука. Порой бывает, поднося в высоту небес, что есть силы роняет на землю. Крылья, едва возродившись из пепла, ломаются, оставляя взамен кровавые раны. Рай, казавшийся полноценной реальностью, позади. Ошметки нелепой наивности, что ворота пропасти ада не откроются и не поглотят с головой, надеждой оседают на душе. Жизнь рушится? О, нет. Она становится прежней. В данном случае неизвестно, что хуже...

Всматриваясь сквозь высокое окно кафетерия вдаль взлетной полосы где, словно большие белые птицы, взлетали и садились самолеты, девушка нетерпеливо помешивала ложечкой сахар в кофе.

Все куда-то спешили, торопились. Кто-то к морю на отдых, желая поскорее понежиться под жаркими лучами сицилийского солнца. Кто-то обратно — домой. В суровую реальность, где ласковая морская волна и тихий бриз покажутся эфемерной сказкой. Где больше нет места беззаботности и покою. Нежности и страсти. Где не будет свободы. Той самой желанной свободы, которую смог подарить лишь романтический итальянский остров. Хотя...

Взор метнулся к барной стойке откуда, рассчитавшись, неспешно шагал мужчина, неся в руках поднос с какими-то блюдами. Сосредоточенный. Чуть нахмуренный. Напряженный, что заметно по слегка ссутулившимся плечам. Главное, такой родной...

Да, какой к черту итальянский остров! Это всё он и только он. Единственный мужчина из юности, ставший ближе родной матери. Ближе брата, которого никогда не имела. Мужчина, которым всегда дорожила и о возвращении которого не грезила. Друг, в одночасье перевернувший сознание и ставший кем-то большим. Гораздо большим. И неважно на Сицилии они, или в далекой Тундре. На диком пляже или посреди людной площади.

Свобода — она не имеет границ и сроков давности. Можно быть свободной, кружась в глухом поле, в одиночку. А можно в объятиях любящего и близкого человека. В нём её свобода. Только в нём...

— Вот, твое любимое тирамису. — Усаживаясь и одновременно с тем протягивая блюдце с пирожным, вздохнул мужчина. — Рейс немного задержали. Я подумал, ты захочешь перекусить.

Благодарно кивнув, Маргарита не удостоила вниманием лакомство, продолжая пристально рассматривать суетящегося за столиком мужчину.

— Что? — Нахмутив брови, удивленно уточнил.

Глупый. Такой глупый. Неужели ничего не понимает? Или все мужчины тугодумы? Во всем всегда приходится признаваться первой...

— Олег... — Тихо, с отчаянием выдохнула.

На миг прикрыла веки. По щеке скатилась невидимая слезинка.

Как же, оказывается, больно просить о чем-либо. Просьба, обращенная к мужчине, для нее всегда была сродни унижению. Падением ниже собственного достоинства. Её могли убивать, физически ломая. Но пока морально держалась, упрямо стоя на своем, не показывая боль и не моля о пощаде, оставалась собой.

Но к чему сравнения? Олег другой. Сегодняшняя просьба далека от тех, что в предназначенное время так и не были озвучены. Что такое просьба о пощаде у страшного

зверя, по сравнению с просьбой о всецелом спасении и свободе у любящего мужчины? Мужчины, которому впервые в жизни отдала не просто тело, но и душу. Которого... хотела бы полюбить. По-настоящему. Не как друга или спасителя. Как того, единственного...

Кто знает, что отразилось в это мгновения во взгляде девушки. Немая мольба или обещание полюбить. Научится быть достойной его. Непременно научиться любить. А возможно, уже любовь?.. Любовь, которую еще боится признать до конца...

Но Чернышевский, крепко сжав холодную девичью ладонь, теребящую салфетку, осторожно подметил:

— Я тоже не хочу сегодня возвращаться. Но так надо.

— Нет. — Опустив голову, замотала из стороны в сторону. — Я не поэтому. Боюсь, что по возвращению вновь придется стать холодной и циничной Марго. Притворяться. Надевать маски безразличия и улыбки, а на самом деле рваться на части, потому что это не я... Не я, настоящая. Понимаешь?

— Я помогу тебе забыть всё. — Аккуратно убрав прядку волос с лица девушки. — Ты мне веришь?

— Верю. — Не моргая, всматриваясь в грустные глаза мужчины, заморожено согласилась Рита. Выдержав паузу: — Олег... Я никогда никого ни о чем не просила, но... не оставляй меня одну.

— Не оставлю. — Повторил Чернышевский следом. — Никогда.

— И... не отдавай меня. Ему...

Просьба, прозвучавшая почти не слышно. Она не разобрала, расслышал Олег или прочел по губам, и потому столь отчаянно и уверенно закивал, до хруста сжимая хрупкую ладонь.

Говорить об этом вслух не могла. Называть имя человека, который не так давно казался идеальной партией, спасителем и благодетелем, ныне, после пережитого здесь с Чернышевским, представлялось предательством. Менее грубым и страшным. Но не менее коварным.

Она опасалась признать в себе страхи даже не притворства, а того что придется, как ручной птичке, полетав немного на свободе, вернуться в клетку. Золотую, со всеми удобствами и привилегиями, но закрытую и разрушающую изнутри.

Когда свершился переломный момент, когда Рита всё уразумела? Наверное, глубоко в душе знала всегда. Но сегодня, проснувшись от легкого прикосновения мужской руки к щеке, это понимание вырвалось наружу, поглощая с головой. Что она больше не хочет возвращаться. Не хочет прежней жизни. Не хочет к Кириллу. Что многое отдаст, чтобы, всегда просыпаясь, видеть только его — Олега...

После печальный взгляд. Телефон, крепко зажатый в другой руке. И слова... Всего пара коротких слов, что сегодня необходимо вернуться в Киев. Зачем? Почему именно сегодня? Когда они так счастливы здесь, на Сицилии. Когда еще не рассмотрели столько достопримечательностей. Когда столько всего не сказали друг другу.

Утром не посмела задать лишних вопросов. В какой-то миг вдруг вспомнила, что так и не выяснила, почему, вообще, сюда приехали. За исключением личных догадок. Да и не хотела ничего знать. Опасалась очередной порции разочарований и боли.

Затем поспешные сборы. Завтрак на скорую руку в ресторанчике, где больше не было вчерашнего любопытства и интереса. Утром с них слетел ореол счастья и легкомысленности, которым ранее привлекали остальных. Сегодня вновь превратились в обычных мужчину и женщину, торопящихся вернуться в будничную жизнь.

Суматошное выселение из номера, возвращение в международный аэропорт, попытка выяснить расписание рейсов, покупка билетов. Вылет к Киеву, назначенный на 15.00, но отложенный на неопределенное время из-за непредвиденных технических неполадок. Даже самолет отказывается взлетать и лишать последних мгновений счастья.

Конечно, была возможность отправиться сразу по прибытии в Фонтанароссу, но под предлогом нежелания лишних пересадок, а на самом деле оттягивая крушение сказки, оба сошлись во мнении подождать пару лишних часов, чтобы вскоре приземлиться прямо в Жулянах.

Время, наполненное страхами, прикрытыми внешним подобием спешки. Минимум разговоров. Минимум вопросов и пояснений. Посиделки в кафе, как способ скрасить ожидание. Но долго так продолжать не может.

Возвращение. Вот она, основная причина просьбы Маргариты. Пускай впереди бессмысленное времяпровождение здесь, среди сотни случайных путешественников, четыре часа перелета; пускай понятия не имеет к чему были дни на Сицилии, но знать, чего ждать дальше обязана...

Мгновения, растянувшиеся в вечность. Глаза в глаза, прежде чем с губ Олега сорвался обреченный вздох.

— Рит... — Отпустив её руку, отвел взор, вызывая новую волну беспокойства. — Я давно хотел сказать...

Ну конечно, первоначальное обещание не оставлять было слишком скорым и необдуманым. А уж последующее вовсе грозит вылиться необъятными проблемами. Великие поступки, беспочвенное рыцарство по отношению к подобной ей... Кому это нужно? Даже для такого как Чернышевский — это чересчур.

— Прости, Олег. Я опять вытягиваю из тебя никому не нужные обеты.

Тряхнув головой, Одинцова готовилась отказаться от собственного нелепого предложения — хватит иллюзий и наивности. Сказка закончилась. Она, как Золушка, выбравшись из пучины грязи, пережившая лучшие дни своей жизни, обязана вернуться к былому существованию. Впереди рейс к Киеву, что сыграет роль злополучных часов, оповещающих о персональной смерти её души...

Олег, торопливо покопавшись во внутреннем кармане собственного пиджака, вытащил синюю бархатную коробочку. Не скрывая улыбки, открывая, протянул ошеломленной Ритке.

Удивленный вздох невольно слетел с губ, когда перед ней предстало украшение. Вроде неприметное, в чем-то строгое, но без излишней вычурности казалось эталоном элегантности и великолепия. Тонкий ободок из белого золота, украшенный бриллиантом, играющий светом на обилие граней.

Кольцо. Где-то его видела, но не могла вспомнить, где именно. Или подобное?

— Это кольцо, в знак вечной любви, мой дед подарил бабушке перед свадьбой. — С легкой полуулыбкой пояснил мужчина.

Господи, как же Маргарита могла забыть? Единственное наследие дворянского рода Чернышевских. Еще будучи юной, девушка не раз слышала романтическую историю от Антонины Романовны о признании в любви тогда будущего мужа Ивана Степановича. Когда в далекие послевоенные годы дед Чернышевского, перебиваясь малыми крохами и скитаясь в поисках заработка на проживание, сохранил отданное матерью накануне гибели украшение, чтобы вскоре надеть на палец любимой девушке.

Антонина Романовна всю жизнь проносила кольцо на невзрачной нитке на шее. Как

утверждала — поближе к сердцу, но как однажды признался Иван Степанович — потому, что попросту мало, а подгонять под размер не хотела, искренне веря — в таком виде уберезет любовь и предотвратит преждевременную разлуку. Так и случилось — вместе семейная пара испытала тяготы и лишения собственной жизни, трагическую гибель сына и невестки, воспитали замечательного внука, а потом практически одновременно покинули бренный мир. А теперь Олег, с долей ностальгии, протягивал судьбоносную вещь ей.

— Я нашел его, когда впервые вернулся домой после тюрьмы и долгое время носил с собой, выжидая более удобного момента. Но сейчас... — Словно не замечая немого возражения Маргариты, вытянул колечко, другой рукой приподнимая ладошку девушки: — Я хочу, чтобы оно всегда было с тобой.

— Зачем? — Сведя брови на переносице, следила за действиями мужчины. Когда холод драгоценного металла коснулся безымянного пальчика правой руки, пробормотала: — Я не могу его принять.

— Оно подходит тебе идеально. Размер твой. — Не слыша ничего, с улыбкой подметил Чернышевский, когда колечко, действительно, словно влитое, скользнуло на пальчик.

— Не нужно. В нём память о родных тебе людях, и оно должно быть у тебя.

— Нужно. Для меня ты не менее родной человек. — Убирая коробку обратно в карман, прикоснулся губами к девичьей ладошке. — Расценивай это как ответ на твои просьбы, взамен любых слов. Не стоит во мне сомневаться. — Палец за пальцем сжимая руку Риты в кулак: — Ни-ког-да.

— Возобновлена посадка на рейс Катания-Киев. — Где-то из динамиков послышался автоматический голос, оповещающий, что пора собираться.

Чернышевский, отпустив руку Маргариты, бегло осмотрелся, отпил из чашки остывший кофе, намереваясь встать. Но оклик девушки заставил его замереть.

— Олег! — Мужчина на секунды обернулся. Прежде чем успел опомниться, с уст Одинцовой сорвались тихие слова: — Я научусь тебя любить. По-настоящему.

— Знаю. — Прикрыв веки в знак согласия, потянул Риту за руку, заставляя подняться: — Пойдем. Пора.

Заново бессмысленная спешка. Очереди. Толпы незнакомых людей. Обилие голосов. Мимолетные взоры, улыбки, грусть, безразличие...

Если вокзал у большинства ассоциировался со встречами и расставаниями, то аэропорт, пожалуй, был более одиноким и пустым местом при обилии людей. Здесь нет никому дела до других. Все заняты собой, личными проблемами. Совсем неважно, что в их присутствии разворачиваются настоящие жизненные драмы.

Впрочем, возможно, минорность мыслей Маргариты вызвана неконтролируемым предчувствием неизбежного. Страх перед рейсом, совсем недавно задержанным из-за некой поломки самолета, совершенно ни при чем.

Кажется, дышать перестала, едва ступили на борт самолета. Заговорить не решалась, пристально гипнотизируя переплетенные руки на подлокотнике кресла. То и дело подавляя желание заплакать, когда на глаза бросалось кольцо Олега.

Он её не оставит. Теперь точно. И сама не уйдет. Не вернется к Кириллу даже временно. Даже для того, чтобы банально объяснить и попросить прощения, что взамен его великодушного благородства и помощи, отплатила предательством и уходом к другому мужчине. Наверное, когда-нибудь потом нужно будет поговорить с Роциным. Он поймет. Обязан понять. Но пока необходимо время. Свыкнуться. Окрепнуть морально. Прийти в

себя.

Гори синим пламенем прошлое. Нужно разобраться в настоящем. Строить планы на будущее. С мужчиной, чью поддержку ощущала каждой клеточкой тела. Без которого с каждой новой секундой, проведенной вместе, всё меньше представляла дальнейшую жизнь...

Киев встретил холодным промозглым ветром и каплями противного дождя, срывающегося с тяжести повисших над землей густых туч. Неимоверный контраст по сравнению с солнечной Италией, разом окунувший в грозную реальность.

Особенно отчетливо это ощущалось в летнем, оголяющем плечи, платице, воистину по ошибке надетом в отеле. Неприятные «мурашки» бегали по телу, пока спускались с трапа. Если бы не согревающее объятие Олега и его пиджак, наброшенный сверху, давно прозябла.

Долгосрочное лето осталось позади. Киевская осень в этом году слыла особой суровостью, застав врасплох. Каких-то несколько дней назад, уезжая, страна провожала приятным теплом бабьего лета, нынче отчетливо давала понять — холода не за горами. Более того, наступят достаточно быстро, не позволяя осени перевалить за половину.

Интересно, Кирилл вернулся в Золотую Рошу? В курсе, что Маргарита попросту сбежала от него? Или находится в столице, в беззаботном неведении? Впрочем, какая разница. Думать не хотелось ни о чем. Хотелось скорее куда-то присесть. (Надеть чертовы новые туфли на высоченной шпильке в дорогу стало наибольшей глупостью на сегодняшний день). А в идеале оказаться дома. У Чернышевского дома. Что поедут именно туда, не сомневалась.

Рита предвкушала, когда окажутся наедине, и Олег одними объятиями уймет любые страхи и защитит от бед. Где больше не будет холода и боли. Где они вместе, закутавшись в теплый плед, наконец-то расскажут друг другу обо всем, что произошло в жизни, не тая ничего. Мечты, которые очень скоро станут явью.

Может, не так страшно, что сицилийская сказка закончилась? Реальность, она ведь неплоха. Главное, всё правильно построить...

— Ой. — Оступившись, Маргарита вскрикнула от резкой боли в лодыжке.

— Осторожнее, Ритуль. — Поддержав за талию, забеспокоился Олег. — Под ноги смотри. Нам еще тебя в гипс засунуть не хватает для полного счастья.

— Я нечаянно. — Опуская глаза к новеньким туфлям в тон платью, пожаловалась: — Они оказались такими неудобными. Я все ноги стерла.

— Малыш, а ты со шпилькой повыше не могла найти обувь? — Проследив за её взглядом, ворчливо подметил мужчина. — Нам еще твой багаж забирать.

— Мой? — Вспыхнула Одинцова. — Можно подумать я тебя заставляла покупать все те вещи, чтобы тащить обратно необъятные сумки.

Поморщившись, чувствуя, что далеко в этой обуви не дойдет и уж тем более не выдержит возможное стояние в очереди, громче засопела. День, что называется, не задался с самого утра.

— Родная, я ни в чем тебя не виню. — Смягчившись, Чернышевский провел тыльной стороной ладони по девичьей щеке. — Но стоило одеться в дорогу попрacticalнее. — Намекая не только на туфли, но и коротенькое платье, несколько не соответствующее осенней погоде.

— Вообще-то, я хотела тебе понравиться. — Надув губки, тихо призналась Маргарита. — Согласись, нравиться при марафете гораздо проще, чем в бесформенном свитере и кедах.

— Хочешь, скажу кое-что по секрету? — Склоняясь к уху, переходя на шепот, игриво выдал: — Ты мне нравишься без ничего, но в таком случае придется тебя запереть дома.

— Чернышевский! — Вспыхнула Рита, оттолкнув от себя мужчину.

Но пошатнулась и едва не упала. Спасибо Олегу, умение быстро ориентироваться не дало растянуться посреди зала. Прав Чернышевский — гипса у неё давно не было.

— Так, чувствую, далеко мы не дойдем. — Подметил мужчина оглядываясь. — Куда бы тебя пристроить?

Узрев неподалеку пару рядов со стульниками, подхватил Маргариту на руки и направился к ним. Девушке даже возмущаться не хотелось. Сегодняшний бессмысленный, но безумно эмоциональный день и так выбил из колеи. Подвернутая нога стала последней каплей в переполненной чаше терпения. Но забота Олега, окутав трепетной волной, сделалась бальзамом на любые раны. Пускай окружающие вновь смотрят на них с удивлением и любопытством. Пускай видят, какой у неё мужчина, и завидуют.

— Сиди здесь. — Бережно опуская Маргариту на стул, приказал Чернышевский. — Я быстренько сховаюсь за чемоданом, и поедем домой. Хотя, — Обеспокоенно осмотрев поникшую девушку. — Похоже, для начала придется заскочить в аптеку и купить что-то от растяжения.

— Олег. — Стаскивая туфли с ног, позвала Одинцова. — Это не так страшно, как кажется.

— Когда ты после своих каблучков завтра на ногу нормально не станешь, посмотрим, как запоешь. Тогда поймешь, страшно или нет.

— Олег. — Прерывая возмущения, потянулась руками к нему, поддаваясь вперед: — Иди сюда.

Когда тот слегка склонился, ухватила за ткань рубашки, притягивая еще ближе, и впиваясь в уста мучительным поцелуем.

Мгновения сладости и терпкой боли, и Олег, нехотя оторвался, с приказным:

— Никуда не уходи. Жди меня тут! — Скрылся в многочисленной толпе пассажиров.

Ухмыльнувшись, Ритка машинально растерла поврежденную ступню и получше укуталась в мужской пиджак, наброшенный на плечи. Втянула запах привычного горьковато терпкого парфюма Олега, блаженно жмурясь.

Боже, до чего дожила? Целуется при сотнях незнакомых людей и ни капли не стыдится этому. Хотя после Сицилии стыдится совершенно нечего. Весь экстрим откровенности пройден.

Уставившись на табло, где показывало десять минут девятого, приготовилась к ожиданию, надеясь, что оно будет недолгим. Бессмысленно разглядывая прохожих, прикинула, что их ждет с Олегом дальше. Невзирая на множество хаотичных предположений, сошлась на мысли, что всё обязательно получится. Колечко, в свете ламп игравшее озорным блеском, представлялось наиболее весомым тому подтверждением. Незримые узы, которые однажды скрепили его былых хозяев, в этот раз обязаны помочь и им.

Но через двадцать минут заметно занервничала. Чернышевский обещал справиться быстро, но пока что среди спешащей толпы его не наблюдалось. Господи, ну где же он?!

Теперь дошло, что взамен выброшенного телефона так и не приобрели новый. Сейчас средство связи очень понадобилось бы. Может, пошел куда-то не туда и ждет?

Нужно взять себя в руки и успокоиться. Олег никуда не денется. Не сегодня. Он сам её

сюда усадил, и сюда же вернется. Никогда не оставит. Не стоит забывать, что давно не в цивилизованной Европе. В родной стране всё иначе. Коррупционность и привычка гонять из очереди в очередь для того, чтобы забрать свое — наше всё. Удивляться не стоит.

Вскоре Олег появится. А если нет, где-то в сумочке лежит парочка сто гривневых купюр, можно набрать его из автомата или попросить позвонить у кого-то мобильный.

Блин, но она точно дура! Даже необходимый номер не знает на память. И все документы у Олега остались...

«Так, отставить панику, Ритка! Никуда твой Чернышевский не поддается. А если денется, сама из-под земли достанешь и прибьешь за такие шуточки...»

— Марго?

Суровый голос, прозвучавший где-то за спиной, вырвал из пучины неконтролируемой паники, разом бросая в другую, более глубокую и беспросветную. Сердце на секунды застыло. Следом пропустив глухие удары, пустилось вскачь.

Вздрогнув, Маргарита крепче запахнула на себе пиджак Олега, как последнюю защиту. Пытаясь закрыться и спрятаться от всего мира, в частности, от обладателя голоса. Подогревая остатки веры, что примерещилось. Кто-то обознался, перепутал. Что угодно, но пускай не будет правдой.

Дальнейшая фраза и мужчина, выходящий наперед, окончательно развеяли остатки иллюзий:

— Вот ты где прячешься. — Стальные глаза, сощуренные в грозный прищур, пронизательно «ощупали» девушку с ног до головы.

Прежде чем успела опомниться и включить хоть кукую-то самозащиту, поняла, что мужчина бесцеремонно ухватил за предплечье, вынуждая встать.

— Тимур? — Ошарашено выдохнула Одинцова, понимая, что, если её прямо здесь убьют, никому не будет дела. Хорошо, если вызовут скорую для констатации факта смерти.

— Не ожидала? — Встряхнув испуганную девушку.

— Что тебе надо от меня?! — Приходя в себя, вспыхнула Рита — Отпусти! — Нахохлившись, словно боевой петушок, попыталась вырваться. — Что ты тут делаешь?! — Ощущая, как крепкая хватка сильнее сдавливает руку. — Отпусти же, говорю!

— Это у тебя хотелось спросить, что ТЫ здесь делаешь! — Прошипел мужчина, встряхивая сильнее. — Хотя, что мне спрашивать, так всё знаю. Если баба с рождения продажная шалава, продажной шалавой и сдохнет!

— Что ты себе позволяешь?! — Пытаясь ступнями нащупать туфли, чтобы обуться и что есть силы треснуть этому наглецу между ног.

Всегда догадывалась — Калач та еще сволочь. При Рошине не осмеливался открыть истинное лицо, но всё становится на места. Вот чем вызвана извечная пренебрежительная холодность в тоне и манере держаться. Ненависть, пронзительная и испепеляющая.

— Хоть в клетку золотую, хоть на привязь сажай. — Не слыша возмущений, продолжал мужчина. — Хоть брюликами осыпай, хоть дерьмом корми.

— Калачев, жить надоело? — Не мысля, что в сложившейся ситуации не в том положении, чтобы такое говорить, необдуманно выпалила: — Я Кириллу расскажу, он тебя...

— Что он меня? — Испепеляющий взгляд, которым одарил Тимур, вынудил замолчать, так и не закончив пламенную речь. — Ну же, говори!

— Отпусти, пожалуйста. — Обмякнув в руках неприятного человека, выглянула за его

спину, надеясь увидеть Олега. Но того и близко не наблюдалось.

Черт подери, где же он, когда так нужен?!

— О пощаде будешь просить не меня, а Кирилла. Думаю, ему будет занятно узнать из первых уст, какая продажная у него подстилка. — Заметив выскивания Маргариты, прикрикнул: — Чего высматриваешь там? Своего VIP-клиента? Думаешь, спасет тебя? Да ни хера подобного! Хватит выдвигаться! Погуляла, пора домой, отвечать за проступки!

Резким движением, срывая с Одинцовой ни капли не спасающий, но хоть немного придающий уверенности пиджак Олега, отбросил куда-то на стул и потянул за собой к выходу. Рита едва успела хоть как-то нацепить туфли.

Вырваться практически бесполезно. Кто она, низенькая худенькая женщина против высокого перекачанного бугая?

С каждым шагом тот ускорялся, вынуждая почти срываться на бег, то и дело спотыкаясь и подворачивая каблук. Вывихнутая лодыжка заныла от боли с новой силой. Но если кого и волновали её неприятности и дискомфорт от туфель, то этот «кто-то» однозначно не Тимур.

— Отпусти, скотина! — Новая попытка достучаться до мужского благоразумия и оглянуться, отыскать единственного человека, способного помочь.

Но Олега по-прежнему нигде нет. А остальные... Остальные, словно не замечают, что мимо них, человек не самой приятной внешности тащит испуганную девушку, словно преступницу.

Всё случилось слишком быстро, чтобы успела опомниться и найти выход, спасение из сложившейся опасной ситуации. Вот они на улице, у аэропорта. Осенний ветер с ходу окутывает тело холодом. Срывающиеся дождевые капли врезаются в нежную кожу, как иголки. Маргарита в коротком летнем платье, не защищающем от непогоды, будто выпала из времени, ведь все в куртках, с зонтами, в теплой одежде.

Еще надеялась на что-то. Искренне верила во спасение. Как когда-то строила предположения, что это чья-то злая шутка. Розыгрыш. Вскоре появится Чернышевский и защитит от всего мира.

Но в этот раз Чернышевский не появился. Помощи ждать неоткуда. Более того, когда к ступенькам подъехал затемненный джип и Калачев бесцеремонно затолкал её на заднее сиденье, сообразила, что это конец.

Вот причина всех беспокойств. На Сицилии все было слишком хорошо, чтобы оказаться новой реальностью. В душе теплилась надежда, что Кирилл поймет, отпустит. Окажется более благосклонным, чем правая рука.

Вцепившись в дверцу авто, когда сорвались с места, Одинцова невидяще провожала удаляющиеся огни аэропорта, гипнотизируя входной портал, желая хоть на мгновение увидеть Олега.

Комок рыданий застрял в горле. Маргарита ничего не понимала. Не хотела понимать. Она больше не возмущалась и не спрашивала ничего. Лишь стекающие по стеклу капли усиливающегося дождя в одночасье возвратили в прошлое. Тогда тоже была осень. Шел дождь, скрывая в себе нежелательные слезы. Её тоже забрали мимо воли. Её от... Кирилла.

Сегодня всё словно перевернулось с ног на голову. Больше не было отчаянного желания поскорее оказаться с Рошиным, поскорее ощутить мощь и силу его покровительства. По одной простой причине — сегодня он сам выступал в роли нечаянного похитителя...

2004 год

— Собирайся!

Маргарита сидела у окна с книжкой, когда в комнату влетела взъерошенная Белла, бросая очередное платье для встречи клиента на кровать.

— Приехал Кирилл? — Отложив романчик, оживилась девушка.

Вот почти три года в её жизни был всего один мужчина — Кирилл Роцин. Да, он по-прежнему формально считался её клиентом. Единственным и бессменным. Платил Бате огромные деньги, только бы Одинцову не подкладывали под других.

Зачем? Девушка устала искать ответы не единственно волнующий вопрос. После очередного прихода Кирилла вдруг поняла — смысла нет. Мужчина сам не отдает отчет, почему впустил в личную жизнь проститутку.

Маргарита не питала иллюзий и прекрасно соображала, что за забором у него наверняка есть другие женщины. Гораздо более подходящие по статусу и положению. Ей, маленькой девочке, в одночасье превратившейся в шлюху, тягаться с ними бессмысленно.

Это здесь Королева. Марго. Стоит оказаться за пределами Инанны сразу превратится в ничто. Такова жизнь и девушка практически смирилась с собственной участью. Да, шлюха. Да обитает в борделе. Но пока в её реальности есть Кирилл Роцин — бояться нечего. Пускай в статусе клиента, но обоих удовлетворяло взаимовыгодное сотрудничество. Роцин получал хороший секс, право пользоваться своим в любое время дня и ночи, Одинцова взамен получала сильное покровительство и поддержку.

Порой, когда Кирилл пропадал на недели, а иной раз месяцы, даже скучала за ним. К примеру, как сегодня. Маргарита хорошо помнила последний визит Роцина ровно месяц назад, когда буквально ворвался в комнату посреди ночи и, не говоря ни слова, бешено сдирая одежду, завладел ею. Пожалуй, это был наиболее безумный секс в её жизни. А наутро, ничего не объяснив, исчез.

Тот раз стал последней встречей и теперь, увидев переполошенную мамку, была уверена, что Роцин, наконец-то, решил порадовать визитом.

— Не приехал. — Заметавшись по комнате, поправляя то покрывало на кровати, то переставляя с места на место косметику, огрызнулась блондинка.

— Зачем тогда это? — Встав с кресла, Маргарита прошла к постели и подняла плечики, на которых висело белоснежное струящееся платье.

— Марго, хватит задавать лишние вопросы! — Осекла Белла, злобно сверкнув глазами: — Я сказала, собирайся, значит, собирайся.

— Не буду. — Одинцова брезгливо откинула вещь назад. — Если Кирилла здесь нет, мне это ни к чему. Ты же знаешь.

— Сегодня нужно приодеться не ради твоего Роцина. — Фыркнула женщина, раздраженно махнув рукой.

Когда Белла вела себя подобным образом: снисходительно и с некой насмешкой отзываясь о сомнительных отношениях с Кириллом, Маргарита ловила себя на мысли, что та завидует, что подобный мужчина достался не ей. Пойманные жадные взгляды, украдкой брошенные на Роцина, подтверждали догадки. Обычно Маргарите было всё равно. Знала — Инанна сплошное кубло зависти и неприкрытой злости, но сегодня поведение Беллы

раздражало. «Не ради Рощина» настораживало.

— Что имеешь в виду? — Нахмурилась Одинцова.

— То, что ты подумала. — Передернула плечами блондинка. — Не надо строить из себя святую простоту. Это бордель, Ритка, и собираться куда-то можно исключительно по поводу прибытия очередного клиента.

— Я никуда не пойду. Ты представляешь, что будет, когда узнает Кирилл? Сизый. Да с тебя три шкуры спустят.

— Это приказ Сизого. — Поймав Маргариту за плечи, насильно толкнула в кресло. Распустив хвостик, ухватила расческу и стала рьяно начесывать волосы. — Всего один вечер. Рошин ни о чем не должен узнать.

— Я не пойду! — Пытаясь встать.

— Конечно, не пойдешь. — Осадила женщина, продолжая колдовать над прической. — Поедешь.

— Но Кирилл... Он выкупил меня именно для того, чтобы не было других. — Уклоняясь из стороны в сторону.

— Это бизнес, девочка. Забудь этим вечером о Кирилле и не вздумай потом ему пожаловаться.

— Белл, ты понимаешь, что так нельзя?..

— Кто сказал? — Поворачивая голову Маргариты к зеркалу: — Сиди ровно. Здесь можно всё, что приносит хорошие деньги. Так что сегодня ты должна быть умной девочкой. От тебя зависит, насколько приумножится капитал Бати. Если этого не произойдет, боюсь, будут серьезные последствия.

Белла говорила и говорила, убеждая, насколько важен предстоящий вечер, параллельно накладывая Одинцовой макияж и накручивая локоны. Впервые за долгое время Маргарита почувствовала себя той девочкой, которая предстала перед неизвестностью Инанны. Тогда мамка тоже помогала собраться, настаивая, что иного пути нет. Возможно, тогда его действительно не было, но сейчас-то принадлежала одному мужчине, к чему сложности?

Деньги, деньги, деньги. Везде деньги. Ритка давно привыкла к миру, где балом правили исключительно хрустящие зеленые купюры. Она перестала быть неискушенной недотрогой. Клиентом больше, клиентом меньше, роли не играет. Но она все еще верила, что место справедливости должно оставаться. Обман должен раскрыться. Но с чего решила, что Кириллу хоть каплю важно, где она и с кем? Раз всё еще в борделе, должен понимать — здесь искушения на каждом шагу, возможность оказаться в чужой постели выше в сто крат.

Этим вечером неизвестность витала над Одинцовой в воздухе. Нужна ли еще Рощину? Не может же вечно ходить сюда. Вдруг надоело? Вдруг нашел новое, лучшее развлечение и забыл о ней? Что если надежный тыл, который обрела в этом мужчине, рухнул? Опять нельзя ни на кого надеяться. В этом мире сама за себя.

Мучила мысль, кто загадочный клиент. Белла категорически отказывалась отвечать. Хмурая тень, лежащая на лице, от схожих вопросов давала понять, что ничего хорошего ждать не стоит. Маргарита усвоила урок, что большие деньги платят сумасшедшие, к коим относил Кирилл; либо особые клиенты, требующие нечто больше стандартных услуг. Многих девочек после таких приходилось долгое время приводить в себя. Что уж говорить: сама Рита после первого опыта думала, что умрет. Иногда ловила себя на мысли — лучше бы впрямь умерла...

Одинцова не сопротивлялась, превратившись в тряпичную куклу, позволяющую Белле

делать с собой, что вздумается. Красить, наряжать, приводить в порядок. Смысла брыкаться не осталось. Хочет или нет, если Сизому необходимо, её доставят к тому чертовому клиенту. На сей раз в прямом и переносном смысле слова: впервые за все пребывание в Инанне, не клиент приедет сюда, а Маргариту повезут к нему. В город.

Услышав об этом от Беллы, девушка задрожала, не зная радоваться или плакать. Если бы не цель поездки, однозначно порадовалась. В городе не была целых шесть лет. Ни разу с того злополучного вечера, когда впервые привели к Николаю Степановичу. Инанна стала её клеткой. Тюрьмой особого назначения. Не могла не радоваться мимолетному глотку свободы, который ощутит сегодня.

Когда в коротком платье достойным лучшей куртизанки, больше оголяющем, нежели прикрывающим, стояла перед зеркалом. Когда, прячась под зонтом от проливного осеннего дождя, садилась в автомобиль, который в скором времени доставит к клиенту. Когда внедорожник, где помимо неё был водитель и охранник Сергей, вырвав за ворота, помчался по трассе к городу. Когда впервые за долгое время увидела огни родного города.

Даже дождь, стекающий по стеклам, не мог лишить внутреннего ликования. Оно было настолько большим, что малейшие проявления зарождающейся тревоги, подавляло напрочь. Затем к сознанию донеслись отрывки разговора между водителем и охранником.

— ...Куда дальше? Что-то ни хрена не пойму, как лучше проехать к этому долбанному переулку. — Выглядывая из-за работающих дождевиков, проворчал водитель.

— Ты помнишь, где Батя живет? — Нетерпеливо постучав по циферблату часов, уточнил Сергей. — По той же дороге. Только чуть раньше на светофоре поворот налево, а дальше покажу.

— Ёдрить твою налево. — Перестраиваясь в нужный ряд, выкрикнул водитель. — Элитный райончик. Ишь какая цаца этот Латунин, не мог сам к нам приехать. Возись тут...

Мужчины обсуждали что-то еще, но Маргарита их не слышала. В голове, красным маячком пульсировала единственная мысль: «Опасность!».

Черт возьми, опять Латунин! Как сразу не догадалась? Кто еще может быть столь невменяемым, чтобы вывалить за неё огромные деньги. Вот почему Белла так настоятельно напутствовала не рассказывать Рошину.

Маргарита не знала почему, но Кирилл испытывал к Григорию невероятной силы ненависть. Она больше чем уверена, если узнает, что Латунин позарился на принадлежащее по праву ему, несладко будет всем. Но это вытекающие последствия. Если Одинцова снова окажется в руках безумного маньяка, ей на последствия будет плевать. Она не выживет. Моральное отвращение чрезвычайно велико, чтобы еще раз вынести физические посягательства на свое тело. Она не сможет. Сломается. Сойдет с ума.

Господи, что делать? Что делать?

Затаив дыхание, посмотрела вперед: мужчины, напрочь забыв о ней, были заняты нелепыми разговорами. Выглянула в запотевшее окно: впереди светофор. Зеленый. Неужели проскочат? Желтый. Еще чуть-чуть и перекресток. Красный. Визг тормозов заставил авто остановиться в полуметре от пешеходного перехода. Есть.

Это её шанс. Единственный шанс на спасение. На миг прикрыв веки, девушка легонько потянула на себя ручку авто. Дверца с приглушенным щелчком приоткрылась и Рита, не думая о последствиях, бросилась к ней, вылетая на улицу.

Дождь и холод обдал лицо. Было все равно. Главное, поскорее спастись. Сбежать. Захлопнув дверь, узрела, как водитель несколько удивленно обернулся и что-то прокричал.

За спиной засигналили автомобили. Передняя дверь джипа сопровождающих открылась, оттуда выскочил ошарашенный Сергей.

Маргарита рванула к тротуару, желая поскорее скрыться в толпе прохожих. Мимолетно заметила, что охранник устремился следом. Неизвестные косились с удивлением. А она бежала, не разбирая дороги и расталкивая всех вокруг.

— Стой дура! — Сзади разразились крики возмущенного Сергея. — Далекo не уйдёшь!

Черта с два! Так и хотелось выкрикнуть в ответ. Но не имела права тратить силы на пустые слова. Ощутив вкус свободы, не собиралась сдаваться.

Свернув к небольшому переулку, побежала о двор, прикинув, что здесь можно оторваться, скрывшись в каком-то подъезде. Но не пробежав и сотни метров, поняла, что следом едет автомобиль, фарами освещая путь. Откуда-то со стороны снова послышались оклики Сергея:

— Ритка, не глупи, всё равно поймаем!

Обернулась на секунды. Споткнулась. Снова взметнула взгляд вперед с ужасом соображая, что впереди закрытые ворота. Всё — ни назад, ни вперед. Вокруг глухие стены и тупик. Вцепившись в кованную решетку, Маргарита отчаянно задергала ту, надеясь, что замок поддастся и ворота откроются. Чем больше терзала, тем скорее силы уходили, оставляя взамен панику.

Оглянувшись к преследователям, увидела, что внедорожник остановился в десятке метров. Водитель выпрыгнул на улицу и теперь наступал не только Сергей.

— Пожалуйста. — Взмолилась. — Отпустите меня. Не надо к Латунину... — Обращаясь к охраннику, с которым неплохо знакома. — Умоляю тебя! Ты же меня давно знаешь.

— Вот именно, Ритка. — Шаг за шагом становясь ближе, хмыкнул Сергей. — Должна понимать, что ничего личного, но... — Хватая за предплечье: — Работа есть работа.

— Пожалуйста. — Пряча лицо в ладонях. — Не-ет!

2010 год

— Абонент находится вне зоны действия сети. Перезвоните, пожалуйста, попозже. — В который раз оповестил в трубке механический голос автоответчика.

— Перезвоните попозже. — Передразнил мужчина, сердито пнув ножку стула.

Можно подумать не перезванивал. Целый день как идиот только и делает, что пытается перезвонить попозже. Одному абоненту. Второму. Всё без толку. Эти двое словно испарились. Не дозвониться. Не докричаться. Главное, в Золотой Роце никто не в курсе. Ни домработница, ни охранники. Ничего не видели, ничего не слышали. Мать его! Если это новый способ довести до белого каления, стоит отдать должное — он работает!

В который раз измерил широкими шагами кабинет, торопливо набрал номер еще одного человека, который входил в узкий круг доверенных лиц, но в отличие от предыдущих, всегда был на связи. И днем и ночью. Сей раз не стал исключением.

За парой длинных гудков послышалось шуршание и чрезмерно удовлетворенное:

— Да, Кирюх, слушаю.

— Калач, выясни, где Марго. — Подняв со стола пачку сигарет, велел мужчина.

— Где-где, ты вроде как в Роце её оставил. — С насмешкой поддел Тимур.

Кирилл хоть не видел, но отчетливо представлял, как тот торжествующе оскалился. Будь Калачев в зоне достижимости, изрядно вмазал по самодовольной бесстыжей роже. Но не имея такой возможности, добивался от друга иного.

— Оставил. — Сунул в рот сигарету. — Но в том и дело, что её нет в Роце.

— Может, спросишь с того, на кого оставил красотку? — Калач однозначно издевался. — Например, у Бурого своего драгоценного.

— Когда доберусь до этой гниды непременно спрошу.

— Какая жалость. — На той стороне провода сокрушенно поцокали языком. — Так и знал, этому хитрожопому сученку нельзя доверять. Но ты умный, мои советы игнорируешь, сам всё решаешь...

— Калач, завязывай читать морали! — Ожесточаясь, оборвал Роцин. — Я тебе для другого звоню. Или напомнить, кто из нас главный?

— Хорош, не кипятись. — Тон друга мигом посерьезнел. Скупно гаркнув: — Жди меня дома. Через пару часов буду. С сюрпризом. — Отключился.

Фыркнув, Кирилл бросил мобильный на стол. Подхватив зажигалку, прикурил зажатую меж зубами сигарету. Жадно втянул ртом табачный дым, выпуская через нос. От привычного средства успокоиться легче не становилось.

Калачевскими сюрпризами сыт по горло. По*рен, что опять вообразил этот жук, даже если дело касается бизнеса. Особенно если дело касается бизнеса. Сейчас на первом месте Маргарита. Хотя не совсем так. Всегда! Всегда, черт подери, на первом месте была, есть и будет Маргарита!

Прошло всего три дня, пока не видел её, а крышу так рвало, будто Роцина, как заядлого наркомана лишили дозы. Не стоило потакать дежурным бабским капризам, а брать и тащить в Киев. Насильно, против воли. Чтобы была рядом, под боком. Тогда бы смог проконтролировать её перемещения. Тогда, будучи при нём, никуда не исчезла.

Прошло целых три дня. Глупых, безумных, бессмысленных. Новоиспеченная шишка из

СБУ решила подшутить над ним. Некий майор Штормин. Устроил облаву, су*а. Считал, Кирилл Рошин дурак, держит на себя же компромат в собственном офисе Golden Grove. Ага, как бы не так! Обломитесь, твари! Знатно обломал, когда вместо ожидаемой грязи, спецслужба получила чистенькие документы, где комар носа не подточит. Ни малейших зацепок.

Но рано праздновать победу. Мужчина ощущал — это начало. Малая доля бед, которые грядут на его империю. Догадывался, не в Штормине дело. За этим стоит более высокопоставленный человек — заклятый товарищ прошлого, спустя шесть лет, включился в новую игру. Никак не смирится с минувшим безапелляционным проигрышем. Что ж, пускай понадеется. Кирилл разберется и с ним, позже. Нынче важнее постигнуть какова связь последних событий с исчезновением Маргариты. Не дай Бог, здесь замешан кое-кто знакомый...

Вообще, какого хрена Руслан не отвечает на звонки? Почему не звонит? Выходит, и эта гнида предала? Кирилл доверил ему самое ценное — Марго. Свою Марго. А Буртенко.. бл**ь, в голове не укладывается, чего учудил сучонок!

Если Рошин узнает, что начальник СБ причастен к пропаже Маргариты, придушит собственноручно. Разорвет на клочья и скормит дворовым псам. Если непричастен, халатного отношения к приказам не спустит на тормоза. Бурый просто обязан был следить за девчонкой, держать на коротком поводке, чтобы никакая с*ка типа Чернышевского близко не могла подступить. Должен был. Что в итоге?

За прошедшие дни, кое-как разобравшись с делами в офисе и уняв кипишь, который навела спецслужба набегом, нашел свободное время, чтобы позвонить в Рошу и узнать, как Марго и предупредить, что вскоре вернется. Предупредил, мать её! Вместо Ритки или Руса, ответила Людмила Михайловна и оповестила — дома помимо пары ребят из охраны нет никого. Мол, вышла после выходного, а все разъехались.

Что получается? Кирилл за порог, и эти изменщики свинтили? Вот почему Буртенко воодушевленно вызвался посторожить Марго. Чтобы избавиться от лишнего контроля и... Что и? Увезти для себя? Или для кого-то еще?

Нешадно смяв окурок, Рошин сунул тот в пепельницу, стукнул кулаком по столу. Голова шла кругом. В правдивость какого предположения верить? Что эта сучка сбежала сама или Буртенко положил на неё глаз и воспользовался случаем?

— Черт. Черт. Черт! — Взревел мужчина, хватаясь за голову.

Его выворачивало на части. Не верил, не мог поверить. Руслан не идиот, чтобы из-за очередной бабы обмануть и поставить жизнь под угрозу. Не дурак, знает, сколько для Кирилла значит Маргарита. Она не очередная. Ради неё рискнешь чем угодно. Даже собственной жизнью.

Нет, этого быть не может! Нет. Нет. И еще раз нет!

Заклоченный собственными сомнениями, разрывающими изнутри, Рошин не сразу сообразил, что настойчивый звонок раздается не в его шальной голове. Звонят на самом деле. В дверь. Настырно так, нагло. Знают наверняка, что дома. Неужели Тимур приехал? Вроде рановато. Но кто бы там ни был, явно настроен решительно.

Чертыхнувшись, Кирилл направился к выходу. Не глядя в глазок, широко распахнул дверь. Всё помутилось, руки машинально сжались в кулаки, стоило увидеть незваного гостя.

— Здравсьте. — Стоящий напротив неуверенно кивнул в сторону прихожей. — Можно?

Ответ Рошина оказался красноречивее любых слов. Вцепившись в гостя за грудки,

дернул на себя, затягивая в квартиру. С ноги захлопнул дверь, прижал визави к стенке своим весом. Сдерживаясь из последних сил, чтобы не вспыхнуть ярче молнии, с расстановкой прошипел:

— Где. Ты. Был?

— Кирилл Сергеич, спокойно. — Прокашлявшись, предатель попробовал оттолкнуть от себя разъяренного мужчину.

— Не указывай мне, сучонок! — Люто сдавливая шею. — Бурый, какого х*ена происходит?! Где ты, бл**ь, шлялся три гребанных дня? Почему не могу дозвониться ни тебе, ни Маргарите?! Чего являешься ко мне домой как ни в чем не бывало?! Марго где?!

— Сергеич, Вы объясните толком, что случилось. Не нервничайте. — Выдавив натянутую улыбку, Руслан выставил ладони вперед, показывая, что готов сдаться.

— Не нервничайте. — Передразнил Кирилл. — Как не нервничать, когда вы с Марго неблагодарные твари голову мне морочите!

Презрительно поморщившись, Роцин разжал железный захват, позволяя Буртенко свободно вздохнуть и, отвернувшись, ушел в кабинет к столу, где стояла открытая бутылка коньяка. Плеснул в пустой бокал. Выпил залпом, ощущая, как вместе с разгоряченной жидкостью по телу разливается мгновенное спокойствие. Абсолютно мимолетное. Следом волна бесконечной злости и раздражения захлестывает с ног до головы.

С грохотом опустил стакан на стол и, смяв окурок, обернулся. В дверях застыл Буртенко. Первоначальная потребность придушить гаденыша, когда несколькими минутами ранее появился на пороге квартиры, немного поостыла. Но с такой же скоростью может вернуться, если не услышит ответ на единственный вопрос, который волновал последние, наполненные кучей сумасшедших и абсурдных загадок, часы.

Какого лешего Руслан объявился только сегодня? Почему стоит перед ним, как ни в чем не бывало, а Марго... Черт её знает, где эта Марго!

— Где Маргарита? — Холодно, без тени эмоций.

Лишь Кирилл знал, каких усилий для того потребовалось. Когда внутренне все переворачивалось, прожигая мыслью, что стерва обвела вокруг пальца. Марго. Королева. Девчонка, навязчивой занозой засевшая в голове и никак не желающая оттуда выбираться. Его Маргарита.

— Я думал, она здесь. — Выдерживая стальное пронизательное сканирование, мирно изрёк Руслан.

— Что думал? — Скрипнул зубами Кирилл. — В край обалдел? Каким местом ты думал?! Какого х*ена оставил тебя в Роще с Марго? Чтобы она свинтила из-под носа, а ты опомнился спустя три дня? Буртенко, ты понимаешь, я тебе за это три шкуры спущу?!

— Кирилл Сергеевич, давайте обсудим. Без рукоприкладства. — Отшучиваясь, Бурый прошел вглубь кабинета.

Оценивающе оглядев начальника своей службы безопасности, Роцин не без удивления подметил, что собеседник не силится оправдываться. Более того, с видом полнейшей невозмутимости плюхнулся в кресло. Нахально, бесцеремонно. Не ощущая вины. Играет с огнем, гад. И Кирилл пока не понял, радоваться такому повороту, или злиться. С одной стороны, ненавидел, когда его водили вокруг пальца. А с другой — Буртенко вел себя привычным образом и слабо походил на виновного.

Обогнув кресло, где пристроился Руслан, Роцин разместился напротив. Нетерпеливо постукав пальцами по подлокотникам, глухо проронил:

— Я слушаю.

— Я был на базе. Возникли некие загвоздки, которые требовали моего срочного вмешательства. Мне пришлось поехать туда.

— Ты офанарел, что ли? — Подскочив, заорал Кирилл. В голове не укладывалась смехотворность происходящего. — Какого хе*а туда поперся, оставив Маргариту одну?! На х** сдалась мне эта база, когда за одной бабой уследить не можешь?!

— Я не оставлял её одну. — Не шелохнувшись, парировал Буртенко.

— А где она?! Почему приехал один? Почему её нет в Роще? — Подходя ближе. — Почему не отвечает на звонки? — Наклоняясь к охраннику, сжал ворот рубашки. Подтянув к себе, шикнул: — Почему?

— Когда позвонил Серый, я отвез Маргариту в аэропорт. — Безмятежно, без дрожи в голосе признался Руслан.

— На х*ена?

— Она должна была лететь за Вами в Киев.

— Едрить твою налево! — Сильнее встряхнув. — Я просил тебя с неё глаз не спускать. Просил?

— Вы считаете, правильнее взять её с собой на базу? — Смелея, с вызовом отчеканил Буртенко. Опешив от напускной дерзости, Кирилл послабил хватку, а тот продолжил: — Мне казалось, Вы всегда тщательно ограждали её от излишней и не самой приятной информации. Глупо было в этот раз всё портить из-за маленького недоразумения.

— В таком случае где она?

— Могу спросить то же у Вас.

Поморщившись, Роцин разжал руку, отбросив Бурого к спинке кресла. Сам выпрямился, сжимая пальцами виски. Сумасшествие какое-то! Почему всё получается таким образом? Если Маргарита не с Бурым, и он не в курсе, то где она?!

— Зачем отпустил её одну? — Хрипло выдохнул мужчина. — Она ведь не хотела возвращаться в Киев?

— Откуда мне знать, что сыграет с Вами в кошки-мышки и сбежит. Когда Маргарита Андреевна узнала, что мне нужно уехать, сама вызвалась вернуться. Женщины, они, знаете, порой такие непредсказуемые. Сейчас не хочу, через полчаса хочу.

— Сбежит-сбежит... Куда она могла сбежать... Зачем? — Кирилл заметался по комнате, бормоча о побеге, как вдруг сознание осенил наиболее логичный и подходящий довод: — А если она не сбежала? — Ошалело окинул взором Руслана, интерьер кабинета: — Что если её похитили? Она сама бы не додумалась. Что если... Чернышевский!

— Полагаете, он настолько камикадзе? — Прокашлявшись, пробормотал Буртенко.

— Нет, посуди сам? Кто еще? — Подлетев к столу, снова ухватил бутылку, плотнул на сей раз с горла. — Хотя... Ты говорил о базе. Что там произошло?

— Какая-то падла стукнула наверх, и оттуда решили устроить небольшую облаву. — Бурый презрительно поморщился. — Давненько нас не трогали, а тут чуть ли не со всех сторон.

— Почему меня не предупредил?

— Я звонил, Вы были вне зоны. Потом стало не до того. И беспокоить зазря не собирался, у Вас тут своих проблем в компании доставало.

— Но ты всё порешал?

— Обижаете, Сергеич. Всё чисто — не подкопаешься. Я вовремя приехал, успели с

ребятами подчистить.

— Кто же мог стукнуть, а? — Вопросительно воззрившись на Руса, выкрикнул Рошин. — Ты понимаешь, какая фигня выходит? Как-то организовано с этими облавами получилось. Здесь спецы прошуршали бумажечки, там чуть не взяли с поличным. Тебя не кажется это странным? Кто-то преднамеренно хочет нас повязать. Похоже, я знаю кто.

— Да ну, совпадение чистой воды. — Упрямо поджав губы, отмахнулся от навязчивой идеи Бурый. — Вы за базу не переживайте, мы заплатили кому надо. Это скорее из разряда планового рекета за крышу.

— Ты говорил, без тебя не обойдется, потому и оставил Марго? — Подозрительно сощурившись, допрашивался Кирилл. — Теперь утверждаешь, что это обычный рекет. Неужто твои ребята не в курсе, как вести себя в подобных ситуациях?

— Кирилл Сергеевич, я сказал, что на начальном этапе затруднение казалась гораздо масштабнее. — Руслан держался стойко, уверенный в правоте. — Поэтому, чтобы не рисковать, моё присутствие там было необходимо. Если не верите, можете позвонить Серому, он подтвердит.

— Позвоню. Ты не переживай на этот счет. — Резко хлопнув по столешнице, отступил на пару шагов. — Позвоню, всё перепроверю. Если что не так, разберусь с тобой. Но это после. Меня интересует, куда в таком случае подевалась Марго. Почему её нет дома? Раз, по твоим словам, отправилась в Киев. А если нет? — Растирая лицо. — Уверен, что она села на самолет?

— Я лично покупал билеты, дожидался пока пройдет регистрацию.

— То есть она все-таки села на самолет? — Предположил Кирилл, с надеждой глядя на охранника.

— Думаю, да.

— Что-то ты много думаешь! — Приблизившись к Бурому, вновь склонился над мужчиной. Свирепо прохрипел: — Думаешь, или все-таки да?

— Я могу узнать, села она на тот самолет или нет. Если нет, возможно, села на другой. Это легко выяснить.

— Уж будь добр. — Треснув по спинке кресла, Рошин отошел. — Учти, ты по-прежнему отвечаешь за Марго головой. Если что не так, то... Отныне ты у меня под особым контролем.

— Кирилл Сергеевич, разве я Вам когда-то давал повод во мне сомневаться?

— Заткнись! — Рывкнул, вздрогнув от мощи собственного голоса — Ты смеешь что-то вякать?! Ты — человек, который не оправдал моего доверия и упустил важнейшее из-под носа!

— Не волнуйтесь, всё будет под контролем. — Поднявшись, затараторил Бурый, спешно ретируясь.

Бойтся? Правильно делает. Кирилл за себя не ручается. Ожидание становится сродни взрыву мины замедленного действия. Если в ближайшее время Руслан не отыщет Маргариту, или поиски получат неутешительный исход, то...

— Пошел вон! — Проорал Рошин, поднимая пустой стакан.

— Сергеич, не переживайте, я её найду.

Стремительно преодолел расстояние к двери, когда Кирилл размахнулся и запустил несчастный стакан в его сторону. Бурый успел выскользнуть из кабинета, и стекло, от столкновения с деревянной дверью, со звоном разлетелось на осколки.

— Без Марго не возвращайся, гаденыш! — Напутствовал напоследок Рошин.

Стоит что-то делать! Куда-то бежать. Кому-то звонить. Найти эту сучку. Нельзя сидеть и ждать у моря погоды. Каждая минута дорога. Неизвестно, где она была и есть всё это время. Главное, с кем.

Зажимая голову в тисках ладоней, мужчина метался по комнате, пиная носком попадающиеся на пути предметы. Прошло несколько минут (или часов?), прежде чем с прихожей послышались голоса и шорохи. Бурый. Опять забыл что-то скотина. Нельзя на него положиться. Сдаёт парень. Слишком быстро сдаёт позиции.

— Чего опять, Бурый? — Вылетая в коридор, взвился Рошин, но застыл в дверях, потрясенно рассматривая представшую картину.

Ритка. Маргарита. Марго. Его Марго. Растрепанная, заплаканная, испуганная. В коротком платье, бесспорно, не по сезону. Как когда-то. Как маленькая шлюшка. Твою мать! Стоит посреди прихожей, не зная куда себя надевать. Нашлась. Вернулась.

Изначальное животное побуждение сжать в объятиях разбилась о взгляд. Затравленный взгляд её карих глаз, которым смерила Кирилла. До мужчины дошло, что никто её не похищал. Сама сбежала. Добровольно. И вряд ли намеревалась возвращаться. Лишним подтверждением стал стоящий позади, аки конвойный, ухмыляющийся Тимур. В глубине комнаты мялся Руслан, недовольно растирая рассеченную до крови губу. Обстоятельства не лучше, чем в паршивом второсортном кино.

Нужно отдать должное Калачу — сюрприз удался.

— Бл*, где ты была? — Надвигаясь на девушку и дергая за запястье к себе, возмутился Кирилл.

Вместо ответа Маргарита опустила веки и громче всхлипнула, в попытке освободиться.

— Не хочешь говорить, что ли? — Сжав двумя пальцами подбородок Одинцовой, заставил посмотреть на себя. — Ну же! Чего молчишь?!

— Эта шалава ничего тебе не скажет. — Подал голос Тимур. — Она хоть и дура, но не самоубийца, чтобы признаваться, что пока ты дерьмо разгребал, с другим мужиком кувыркалась.

— Это правда? — Сквозь зубы процедил Рошин, всматриваясь в лживое лицо девушки.

Хоть бы изобразила, что сожалеет. Так нет, глазки заблестели, даже сквозь пелену слез. Резче затрепыхалась, как пойманная птичка, жаждущая свободы. Включила гордость его строптивая девчонка. Как всегда, в критический момент. В истинность слов Калачева поверить не мог. Пускай и отдавал себе отчет, что это наиболее реальное объяснение.

— Сергеич, да какой другой мужик? — Со стороны послышался голос Руслана. — Выгляньте на неё. Как побитая собака.

— Пасть закрой, Буртенко! — Рыкнул Кирилл, сканируя Маргариту.

— Нет, серьезно. — Наглея, не унимался Руслан. — Кто на неё в таком виде позарит?..

Договорить не успел.

Кирилл неодобрительно хмыкнул, когда Калачев, в несколько шагов оказавшись рядом, что есть силы ударил Бурого коленкой под дых, вынуждая, согнувшись пополам, закашляться от боли.

Маргарита, зажмурившись, вздрогнула от удручающего звука удара.

— Калач, бляха, ты офигел?! — Вознегодовал Руслан, жадно втягивая воздух.

— Это ты офигел! — Тимур не остался в долгу. — Узнаю, что ведешь свою игру, раздери как...

— Прекратили оба! — Рошин пресек намечающиеся разборки мужчин, которым

доверял, но которые, изначально восплаившие ненавистью, готовы перегрызть друг другу глотки. — Собираетесь драться? Брысь отсюда!

Недоставало, чтобы эти два бугая квартиру разгромили. Хотят устраивать побоище, пускай делают это где-то в другом месте. Хоть в подъезде, хоть на улице. Но не здесь. Здесь предстоит его личная разборка. С чертовски красивой, такой сладкой, возбуждающей, соблазнительной, но предательницей. Кирилл пока не ведал, чем она способна обернуться, но девчонка поплатится за всё.

— Да больно надо об эту мразь мараться. — Открестился Калачев, отступая от насупленного Руслана. — Нам бы поговорить, Кир.

— Не подождет до завтра? — Палец за пальцем разжимая лицо девушки.

— Успеешь со своей разобратся. — Пророкотал Тимур. — К тому же это как раз по поводу её.

— Где ты её нашел? — Отворачиваясь от Маргариты, безучастно уточнил Рошин.

— Не при них. — Показательно пренебрегая Бурым и Марго.

— Идем.

Кивок в сторону кабинета и Кирилл, пригвоздив к месту хмурым взглядом Одинцову, произвольно обнявшую себя за плечи, скрылся за дверью. Едва за Калачом закрылась комната, без эмоционально поинтересовался:

— В который раз хочешь убедить меня, что однажды поступил неправильно, купившись на шлюху?

Тимур молчал. Ровно до тех пор, пока Рошин не устроился по-хозяйски в кресле и не затянулся сигаретой, нетерпеливо постукивая по столешнице.

Прекрасно знал — Калачев ненавидел Маргариту. С первого дня. Сначала заочно, недоумеая, что такого Кирилл нашел в заурядной проститутке, раз готов вываливать огромные суммы. После личного знакомства — осторожно, почти тайно, не желая вызвать гнева к себе со стороны друга. Порой сдерживался, а порой ненависть и пренебрежительное отношение становилось столь явным, что читалось в каждом жесте, каждом слове, сказанным в сторону Одинцовой.

Сегодня Тимур этого не скрывал. Причина? О причине Рошин догадывался. Но знал точно — если Калачев начнет необоснованно обливать Марго грязью, за себя не ручается. Невзирая на её несколько дневное отсутствие. Невзирая ни на что.

Сам может и будет говорить о Маргарите, что взбредет в голову. Сам будет делать, что захочет. Наказывать, как вообразит. Как того заслужит. Судить и осуждать. Но никто другой сего делать не вправе. Никто и никогда! Потому что это *его женщина*. Его! Хотят того или нет, придется смириться всем. И Буртенко, не вовремя вякающему что-то о её внешнем виде. И Калачу, регулярно и целенаправленно тыкающему, что как была, так и осталась проституткой. И тем более Маргарите. Девчонке, возомнившей себя королевой. Считающей, что можно забыть, чего однажды сделал Рошин. Забыть, сбежать, или... изменить.

— Зря или не зря... — Спустя несколько минут тяготившего молчания, Тимур подошел к столу. Вытащил из внутреннего кармана куртки увесистую пачку фотографий, с характерным звуком швырнул перед Кириллом. — Судить тебе.

Окурок полетел в пепельницу. Рошин, пытливо приподнял бровь, рассматривая бесстрастного Тимура, что, сложив руки на груди, стоял перед ним. Потянулся к фотографиям. Внутренне отдавал отчет — ничего доброго не увидит. Наверное, именно поэтому не торопился взглянуть на них.

— Что это?

— Смотри сам. Там есть много любопытных кадров и ракурсов.

Взор Кирилла метнулся к фото. На первой — улыбаясь, посреди аэропорта, стоит Маргарита, вглядывается куда-то вдаль. Одна. На следующей — тоже она. Приподняв ножку, рассматривает туфли, позволяя стоящему рядом мужчине придерживать себя за талию. Его лица не рассмотреть — отвернуто куда-то в сторону, но внутренне Роцин допускал, кто это... Следом фото, где предположения обретают обтекаемую и живую форму подтверждения. В поднимающем на руки Маргариту мужчине четко опознается Чернышевский. Затем куда-то несет её. Девушка, особо не сопротивляясь, прижимается к мужской груди, обняв за шею...

— Что это? — Голос Роцина разом оседает.

Образы размываются, но продолжает уверенными рывками пересматривать фотографию за фотографией.

— Не видишь?

Чернышевский усаживает Марго на стул. Всё там же, в аэропорту. Поправляет на ней пиджак. Она поддается к нему. Он вновь склоняется. Она прижимается к мужчине всем телом. Целует. Крепко, страстно, по-настоящему. Его Маргарита целует этого осла — Чернышевского. Его Маргарита. Его!

— Бл**ь, ты мне объяснишь, что это?! — Кинув фото на стол, Кирилл, сжимая кулаки до хруста, вскакивает на месте.

— Не теряла зря времени твоя Марго. — Пробубнил Тимур усмехнувшись. — А ты твердил «верная-верная», чуть в ноги ей не целовал. Но шлюха она и есть шлюха. Подвернулся случай — в койку к другому.

— Заткнись! — Остервенело отбрил Роцин.

— Или в этот раз сам её под Волкодава подложил? — Насмехался Тимур. — Чтоб обвела вокруг пальца этого придурка, а ты вышел победителем в бизнес-противостоянии. Но как бы тебя не обвела.

— Калач, еще одно твое слово... — Подлетая к другу, шикнул Кирилл, дергая того за ворот.

— Вот скажи, она действительно так хороша в постели? — Посерьезнев, недоуменно полюбопытствовал Тимур, не предпринимая попыток вырваться.

— Иди. К. Черту! — Роцин чванливо оттолкнул от себя Калачева.

Пожав плечами, друг пошел прочь. Но, о чем-то вспомнив, остановился. Не оборачиваясь, подметил:

— И да, я бы на твоём месте беспрекословно не доверял Бурому. Не удивлюсь, если он играет на два фронта.

— Докажи!

— С огромным удовольствием. — Калач злорадно оскалился. — Не беспокойся, эта тварь будет землю жрать и кровью своей умыться.

— Ты так уверен, будто уличил его на месте преступления.

— До этого недалеко. Три дня назад его видели в херсонском аэропорту с Марго. Есть подозрения, что он знал — девчонка настроена лететь вовсе не в Киев.

— Когда будешь знать наверняка, тогда поговорим.

Потянулся к бутылке, сделал несколько глотков. Размышлять о Руслане и вероятной измене с его стороны не желал. Достаточно, что Маргарита переступила запретную черту.

Именно этот вопрос интересовал больше всяких Бурых:

— Где она была? Как ты её нашел?

— Жуляны. Прямым из рейса Катания-Киев. А как? Какая разница. Для меня дело принципа доказать, насколько «чиста» и «невинна» твоя Марго.

— Бл**ь!

Прикрыв веки, Рошин запустил бутылку в стену, забрызгивая окружающую обстановку алкоголем. Выдержка и контроль летели в тартарары вместе с чертовым куском стекла. Вся его жизнь, мировоззрение... Всё вытекало туда же.

— И, да. Надеюсь, не спустишь ей эти приключения. — Напоследок добил Тимур.

— Оставьте нас одних! — Рыкнул мужчина.

Послышался удаляющиеся шаги и стук закрывшейся двери.

Кирилл не верил. Не хотел верить. Но фото доказывали обратное. Внутренне жаждал поскорее разобраться с отступницей. Разгадать — почему? Как? После всего, что для неё сделал. После того, как вытащил из беспросветного дерьма, которое маячило в перспективе ближайшего будущего. Да если бы не он, где была эта сучка?! Забыла, гадина! Всё забыла...

Зато он помнил прекрасно. В памяти картинка за картинкой пролетали эпизоды прошлого, где готов был разорвать всех и каждого, кто так или иначе пойдет против его воли. Кто тронет его девочку...

2004 год

— Кирилл, может ну его? — Притормозив у высоких кованых ворот, проворчал Тимур, — Не лучшее время для твоих походов к своей шлюшке.

— Я тебя умоляю, Калач. По горло сыт нескончаемыми разборками с Гришкой. — Характерным жестом проводя кистью руки у шеи, отмахнулся Рошин.

— Я не о Авиаторе, а о Сергей Леонидыче.

— А что Сергей Леонидыч? — Нахмурился Кирилл. — Его не вернуть. Чего мне до конца своей жизни хранить целибат? Я обета не давал.

— Сорока дней не прошло.

— Слушай, откуда понабрался таких странных суждений? — Открывая дверцу авто, озадачился Рошин. — Идем. Тебе тоже не помешает расслабиться.

Машинально согласившись, Калачев последовал за другом.

Время шло к полуночи. Противный морозящий дождик усиливал мрачность. Наверняка, нормальные люди спят и никак не готовы к приему гостей. Зато элитный бордель Инанна открыт для посетителей сего заведения в любое время дня и ночи. И в столь крошечной тьме, способной скрыть любое преступление.

Пускай Кирилл выбрал не лучший час для посещения своей Королевы и девчонка опять спит, как в прошлый его приход, но так соскучился по малышке, что, когда выдалось свободное время, ломанулся в чертов бордель. Впрочем, приехал к ней ранее, не выйди в один прекрасный момент ситуация из-под контроля, а соперничество с братцем не получи новый, наиболее непредвиденный виток развития.

Последнее время отец всё меньше прислушивался к Кириллу, отдавая предпочтение вариантам ведения бизнеса, предложенным Латуниным. С каждым днем роли переигрывались и уже он, а не Гришка, взявшийся ниоткуда и не пойми каким образом оказавшийся сыном Рошина-старшего, отходил на задний план.

Кирилл — родной, законный по праву сын, становился бедным родственничком. Жизнь входила в крутые виражи. Убеждения на отца не воздействовали. Тот слушал Григория,

который медленно, но уверенно затягивал семейный бизнес в безграничную пропасть, из которой не будет возврата.

Мужчина ручался, что Латунин работает на две стороны, сливая информацию о поставках Сизому. Сделки раз за разом срывались, деньги вылетали в трубу, а батя по наивной глупости ничего не замечал. Пытался поймать несчастного братца с поличным и предоставить отцу, но тот опять выскальзывал. За долгие годы вращения в криминальных кругах, научился выбираться сухим из воды. Везде совался без мыла, как та падла.

Роцин ненавидел Григория, как никогда и никого больше. Отлично знал — это взаимно. Обоюдная ненависть — чувство гораздо глубже любой симпатии или любви.

Кирилл строил свою империю. Кирпичик за кирпичиком закладывая фундамент для будущего безбедного и влиятельного существования. Чтобы доказать всем, в частности отцу, что стоит гораздо больше всякой гнили, типа Латунина. Что отец в один прекрасный момент подавшись влиянию внебрачного сынка и подписав завещание, гласившее, что всё, буквально всё имущество и бизнес — официальный и подпольный, отходит к Гришке, ошибся. Круто так ошибся.

Доказывал, доказывал, искал новые лазейки, подкупал людей Латунина, уводил у того из-под носа большие партии наркотиков, кидал на деньги, а в итоге... Что в итоге? Отец не успел оценить. В один прекрасный день его тупо убрали. Впрочем, пожалуй, не случись этого тоже не оценил бы.

Мужчина практически убежден, что и к смерти отца причастен Гришаня. Иначе быть не могло. Чтобы стать убитым в собственном доме, пускай со снайперской винтовки, нужно открыть убийце доступ к охраняемой высокими заборами, камерами слежения и кучей парней, территории. Такими людьми были Кирилл и Латунин.

Роцин не до таковой степени двинулся крышей, чтобы убивать собственного отца, пускай и помутившегося рассудком на фоне предрасположения ко второму сынку. А Гришка вполне. Наследство в его руках. Выжидать чего-то, пока отец поменяет решение, не в его характере. Для Кирилла дело времени доказать это.

Время сплывало. Совсем скоро завещание вступит в силу и пиши пропало. Тогда доказательства никому не сдались. Отца нет, наследство достанется Латунину, а Кир так и останется не пришей кобыле хвост. Истинный Роцин и ни с чем. Черта с два!

Тимур сразу после похорон уговаривал Кира, что единственным выходом в данных условиях является ответный удар — убийство Григория. Но мужчина колебался. Не потому, что не хотел. Не потому, что боялся потенциального наказания. Нет. При умном подходе никто не докопался, что Роцин причастен. Рассчитывал уничтожить проходимца постепенно. День за днём лишая привилегий, к которым за последние годы привык. Начиная с бизнеса, денег, заканчивая элементарно едой и барахлом. Чтобы у гниды жопу прикрыть было нечем. Чтобы приполз на коленях, моля о помиловании. А Кирилл, упиваясь ничтожностью проходимца, вынуждал того молить о пощаде снова и снова, пока не поверит в раскаяние. Лишь после... Нет, не помилует. Убьет. Как грязное, вонючее животное.

Идеальный план мести, зревший не один год. Но который ежедневно становился менее осуществимым. Латунин не собирался уходить с дороги. Если в ближайшие недели не самоустранится, придется прибегнуть к плану Калача — убирать наскоро и незаметно. Впрочем, подробнее покумекает завтра. Сегодня насладится обществом своей девочки.

Игнорируя придремавшего у двери охранника, Кирилл по-хозяйски вошел внутрь. Мысль, что бордель, на который давно положил глаз, совсем скоро станет его, мелькнула,

тут же пропадая, когда навстречу выбежала немного сонная блондинка. Белла. За несколько лет регулярных визитов сюда, мужчина отлично знал имена обслуживающего персонала.

— Кирилл Сергеевич? Доброй но-о-чи. — Заикнувшись, ошарашенно пролепетала девушка. — Вы сегодня поздно вато для посещений.

— Еще десять минут до полуночи. — Уставившись на наручные часы, Роцин ворчливо напомнил: — Насколько известно, до 12 посещения свободны для всех. А я плачу вам за то, чтобы Марго была готова для меня в любое время суток.

— Кирилл Сергеевич, к сожалению, сегодня не получится. — Прокашлявшись, Белла нерешительно покосилась в сторону лестницы. — Маргарита немного приболела и не очень хорошо себя чувствует. С ней сейчас вряд ли сможете удовлетворить все свои... кхм... потребности. Зато я, — Неуверенная улыбка озарила лицо. — Всегда к Вашим услугам.

— Друга моего удовлетвори. — Кивнул на Калачева, застывшего позади.

— Я... Я работаю только с особыми клиентами! — Раскрасневшись от возмущения, блондинка с ужасом покосилась на Тимура. — Вышибалы у нас идут по двойному тарифу.

— Кир, и это элитный бордель? Где шавки строят из себя царевн? — Фыркнул Калач.

— Короче, разбирайтесь сами. — Перебил Роцин. Предотвращая возмущения, готовые вылиться из уст девушки: — Я к Маргарите.

Отталкивая Беллку с дороги, рванул к лестнице.

— Эй, постойте! — Опомнившись, блондинка ринулась следом. — Нельзя к ней! Она болеет!

Что-то это Кириллу напоминало. Года три назад, когда впервые приехал выкупать для себя Марго, эта блондинистая кукла также что-то вякала, не желая пускать к Сизому. Как и прошлый раз, мужчина был непоколебим. Роцину не нужно спрашивать чьего-либо разрешения, чтобы навестить ту, что по праву принадлежит ему. Сегодня не станет исключением. Здоровую. Больную. По*ер. Кирилл увидит Маргариту.

Достигнув знакомой комнаты, настезь распахнул дверь. Полумрак сменился тьмой спальни. Ступив внутрь, по памяти щелкнул выключатель. Пока глаза привыкали к свету, окликнул:

— Марго? Ты здесь?

Ответа не последовало. Зато коротко поморгав, первой привлекла внимание огромная кровать. Пустая кровать. Более того, не разобранный. Осмотрелся кругом — пусто.

— Где она? — Крутанувшись к двери, где застыла в немом изумлении Белла.

— Нету. — Пожав плечами, тихонько созналась.

— Как нет? — Прижмурившись, Кирилл негодуяще вперился в девушку.

Блондинка, точно набрав в рот воды, продолжала невразумительно хлопать ресницами, и Роцин смекнул — ответа не получит. Отталкивая девицу с пути, выскочил в коридор и побежал к лестнице, на ходу позвав:

— Сизый где?

— И его нет. — Повинилась Белла, следуя по пятам.

— Что за хреновина у вас здесь творится?!

— Кир, чего опять? — Внизу мужчину встретил Тимур.

Хладнокровно-невозмутимый вид друга доводил до бешенства. Как? Как можно быть таким сдержанным, когда всё опять идет через одно место?

— Маргариты нет! Сизого нет! — Запричитал Кирилл. — Какой-то бордель у вас тут, что ли?!

— Кирилл, должен тебя огорчить, но это и есть бордель. — Хохотнул Калачев.

— Заткнись, умник! — Поворачиваясь к Белле: — Давай звони Сизому, иначе я здесь всё на*ер перегромлю!

— Я не могу, уже позд...

Договорить девушка не успела. С грохотом распахнувшейся двери в дом ввалился запыхавшийся мужчина в костюме.

— Мать твою, Беллка, где Николай Степанович?

— Серый, и ты туда же? — Рассердилась блондинка. — Что случилось? Где Ритка?

— Случилось, Беллка. Случилось. — Тяжело дыша, охранник послабил узел галстука, переводя перепуганные глаза с девушки на Кирилла и Тимура: — Пи**ец нам всем!

— Серега, можешь нормально сказать? — Подбегая к мужчине, взмолилась Белла.

— Там это... это...

— У Латунина что-то? — Подсказала блондинка.

— Да! — Утвердительно закивал, но натываясь на непреклонный взгляд Рощина, поспешил оправдаться: — То есть, нет. Точнее, не только. Там такое... Это... Это... капец!

Кирилла словно в омут ледяной воды окунули с головой. Сердце с ужасом замерло в груди. Крылья носа вздыбились от тяжести дыхания, а на скулах заиграли желваки. Воображение нарисовало сотни тысяч всяческих картинок допустимого развития событий, хаотично сменяющихся друг другом. Но главным маяком светилась одна-единственная мысль — она у Латунина. Его Марго у этой швали. Опять. Против его воли.

— Бляха, что «это»?! — Осаждая нелепые заикания, Рощин подошел к Сергею и что есть мочи ударил в живот, заставляя скорчиться от боли: — Где. Маргарита?

— В общем, это... — Поморщившись, Сергей поднял на Кирилла затуманенный взор: — По ходу нет больше Вашей Маргариты...

2010 год

Встряхнув головой, избавляясь от мимолетного наваждения, Рощин растерянно растер ладонями лицо. Сколько воды с тех пор утекло. А нынче готов собственноручно разорвать Маргариту. За намерение сбежать. За предательство. За измену. За чертову измену, в которой больше не сомневался. Его светлая, хрупкая девочка его предала. Сказка закончилась. Королева оказалась обычной потаскухой. Ведь не верил. До последнего не верил.

Марго поплатится. Если позабыла о роли Рощина в собственной судьбе, вспомнит всё.

Брезгливо поморщившись, мужчина сгреб пачку компрометирующих фотографий и вылетел в коридор...

2010 год

— Прости, Рит, сегодня вряд ли чем-то тебе помогу. — Едва Кирилл с Тимуром скрылись в кабинете, одними губами прошептал Руслан.

— Да ладно, не привыкать. — Истерично усмехнувшись, девушка обхватила себя за плечи и присела на угол столика, раскачиваясь.

Абсурдность ситуации доводила до неистовства. Когда Калачев насильно утащил из аэропорта, не могла толком сопротивляться. Казалось, силы покинули и не собирались возвращаться. Стоило Олегу исчезнуть из её жизни, как всё перекрасилось в серый цвет. Безликий, пустой, безразличный.

Опять эта квартира, напрочь пронизанная пафосом. Чуть золотом не осыпана. Клетка, самая настоящая клетка. И Кирилл... Вечно разгневанный и недовольный Кирилл.

Чудно, но чувство вины перед мужчиной внезапно исчезло, стоило переступить порог дома. Ничегошеньки Роцин не будет понимать и принимать. Это Рита прочла в холодном взгляде, полном нетерпения. Кирилл чересчур зациклен на своей невразумительной зависимости. Впрочем, какая разница? Девушка не собиралась оправдываться и что-то доказывать. Даже если Олег сегодня предал преднамеренно, всё равно уйдет. В никуда, но уйдет. Она вымоталась разыгрывать покорность и подчиняться, проявлять систематичное послушание потому, что однажды этот мужчина вытащил из самого дна. Морально истощилась за прошедшие шесть, а то и все двенадцать лет. Плата за помощь хорошая штука, если за неё не приходится расплачиваться остаток жизни.

Сейчас можно сбежать, а смысл? Далеко не уйти. Наверняка люди Тимура стоят и за дверью квартиры, и у подъезда. Ничего этот побег не даст. Проще честно и откровенно объясниться, а потом будь что будет.

— Тебе-то сильно досталось? — Повернувшись к Буртенко, неловко мявшемуся позади, хладнокровно уточнила Одинцова.

Не хотелось, чтобы из-за неё пострадал невинный, попросту искренне желающий помочь. К тому же отлично осведомлена о жестких методах Роцина, применяемых относительно вероятных предателей.

— Мне тоже не привыкать. — Парировал Руслан, усмехнулся.

Но тут же скривился, прижав пальцы к разбитой губе, доказывая если не обратное, то подтверждая, что легко с рук случившееся не сойдет. Первая на сегодня встреча с Бурей, когда Тимур затолкал девушку в подъезд, убеждала в догадке.

Калач имел огромный зуб не только на Маргариту, но и на Буртенко, выполняющего роль пешки в чужой игре. Жертва обстоятельств, которому доводится ломать комедию перед мнимыми начальниками, дабы не разоблачиться. Похоже, сам Руслан до конца не осознавал, чем способен завершиться данный спектакль и во имя чего затеян. Здесь они с Одинцовой схожи.

Сегодня, оказавшись в почти безвыходной критической ситуации, Маргарита окончательно поняла, что в этом театре абсурда, именуемом империей Роцина, Руслан единственный адекватный человек, способный проявить сострадание. Но и тут масса подводных камней и вопросов. Почему Буря здесь? Что наговорил Кириллу? Какова вероятность, что не раскрыл карты о ней и Олеге? Но и это неважно. Что-либо скрывать не

намерена и сама девушка.

— Кстати, извини за побитую собаку. — Прокашлявшись, пробормотал Буртенко, вырывая из унылых мыслей.

Рита нахмурилась, а мужчина поспешил пояснить:

— Я тебя перед Кириллом и Калачом так назвал.

— Тут зрел в корень. — Невесело хохотнула, глянув на забрызганные туфли. — Будучи в подобном виде, искренне удивляюсь, почему из-за моей персоны поднимается такой кипишь и почему мне не дают жить, как сама хочу.

Освободившись от обуви, Одинцова поморщилась, вспомнив о подвернутой ноге. Боль не исчезла, нет. Но события, навалившиеся кучей, заставляли забыть о любых проявлениях физических ощущений. Гораздо отчетливей пронзала дрожь, нежели дискомфорт в ступне.

— Знаешь, есть женщины, которые не вольны распоряжаться собственной судьбой. — Спустя несколько минут философски изрек Буртенко. — Ими распоряжаются другие. Во имя них разгораются войны и распри.

— Войны устраиваются во имя великих женщин. Я, к счастью, далека от них. — Возразила Маргарита.

— Совсем необязательно. Достаточно быть особенной.

— Я не такая. — Отрицательно закивала девушка. — Ты не о том говоришь, Руслан.

Большого бреда в жизни не слыхала. Да еще от кого? Не от влюбленного по уши Олега. Не от безумного из-за вожделения Кирилла. От Буртенко, который ранее, готова поспорить, ощущал искреннюю антипатию к ней.

О какой особенности идет речь, если Роцин, называя Королевой, поведением втаптывает в грязь так, что, кажется, никогда оттуда не выбраться? Если Олег не пытается поставить в известность относительно дальнейшего плана действий. Если она обычная женщина с прошлым уличной девки!

— Думаешь, мне самому не странно это говорить? — Съязвил мужчина, сканируя глазами. — Для меня до сих пор загадка, почему двоим кардинально различным мужикам рвет из-за тебя крышу. Похоже, сей факт не поддается законам логики и разъяснениям. Если и я, вместо того чтобы спасти свою задницу, стою здесь и пытаюсь найти вариант спасения тебе, ты действительно особенная.

Ответить Марго не успела. Из кабинета Кирилла вальяжно выплыл Тимур. Осмотрел презрительно её и деловито обратился к Руслану:

— Чего втираешь, умник? Давай руки в ноги и бегом на выход.

Скрипнув зубами, Буря незаметно подмигнул Рите и прошагал к двери. Калач, обернувшись, напоследок подколол:

— Ну что Ритка, настало время платить по счетам. Я даже разрешаю пожаловаться Киру на моё поведение в Жулянах. Посмотрим, кто кого.

Передернувшись от отвращения, Одинцова отвернулась, ожидая пока неприятная личность уберется из квартиры. Видеть, а тем более слышать Калачева, было противно. Когда дверь захлопнулась и помещение наполнилось ощутимой, которой можно коснуться, тишиной, испытала немое оцепенение и страх.

Она наедине с Кириллом. То, чего боялась сильнее всего и чего наименьше желала. Пожалуй, рано обрадовалась уходу Калача. Вместе с ним ушла финальная надежда на помощь и поддержку в лице Руслана. Она снова один на один с удручающими ночными кошмарами. Хорошо, если Роцин проявит чудеса адекватности. А если нет? Однажды

Маргарита уже справилась с человеком, далеким от здравомыслия. Стоит ли припоминать, чем тогда всё чуть не завершилось?

Тряхнув головой, девушка норовила избавиться от не вовремя нахлынувшего наваждения в виде сокрушающих воспоминаний. Нет, сложившаяся ситуация с Кириллом не имеет ничего общего со случившимся однажды. Ведь не имеет?..

Где-то позади дверь кабинета, отворившись, с грохотом стукнулась о стену. Маргарита вздрогнула, соскочила со столика, настороженно выпрямившись во весь рост.

— Ждешь? — Послышался, на удивление, безразличный голос Рощина. — Правильно делаешь.

Не глядя, прошагал в гостиную.

Излишне спокойный. До тошноты. Что являлось очередным подтверждением затишья перед бурей. Лучше бы с ходу кричал, её Богу. А так остается гадать, чем закончится предстоящий разговор. После приятнейшей встречи Кирилл не успел сменить гнев на милость. Не после общения с Тимуром.

Собравшись с духом и веря, что это единый шанс расставить точки над «і», Одинцова прошла следом. Мужчина уже восседал за столом, где стояла ваза с белоснежными лилиями, и барабанил пальцами по стеклянной столешнице.

Маргарита не выносила лилии! Приторный запах выводил её, а Кирилл любил эти цветы. Но всякий раз подавляла неприязнь, когда домработница, наводя порядок, регулярно ставила в вазу свежий букет. Тихо ненавидела, но терпела. Терпела так же, как остальные чудаковатости и требования Рощина, считая себя обязанной. Так вот она, реальная возможность покончить со всем и, наконец, показать своё «я», открыто и без сомнений заявить об истинных потребностях. Хуже точно не станет.

— Ничего не хочешь рассказать? — Поторопил мужчину, заметив, как она задумчиво замерла на пороге.

— Прости меня, Кирилл. — Прикрыв веки, еле слышно выдохнула.

Повисла неловкая пауза. В другой ситуации засомневалась, слышал её Рощин или нет. Но нынче уверена на сто процентов — слышал. В крайнем случае — прочел по губам и всё понял. Наверняка Калачев не преминул воспользоваться ситуацией, чтобы выслужиться.

— Прости? — С хрипотцой в голосе отозвался.

— Ты ожидал чего-то другого? — Сложив руки на груди, невозмутимо вздернула бровь.

Глупо полагать, что извинениями ограничиться. Нутром чуяла, что это лишь начало. Кирилл так просто не оставит и не простит. Но и она на сей раз не сдастся и не падет под безжалостным гнетом Кирилла Рощина.

— Желательно. — Приподняв уголки губ в кривой ухмылке, гаркнул Рощин.

— А есть резон? Ты ведь и без меня неплохо проинформирован. Верно?

— Знаю. — Скрипнул зубами. — Но хочу услышать от тебя.

— Подтверждение сказанного Тимуром? Или все-таки опровержение?

— Опровержение? — Стукнув кулаком по столу, взвился Кирилл. — Разве можно найти опровержение прямым доказательствам?! Вот этим доказательствам!

Только теперь обнаружила в его руках увесистую пачку фотографий, которые тут же приземлились на стол.

— Что это? — Сделала шаг в направлении мужчины.

Медленно опустила взор с озлобленного лица на вразнобой брошенные фото. Её фото. И Олега. С аэропорта. Сметнуть откуда они у Кирилла не составило труда. Калачев. Отсюда

самоуверенность и наглость в поведении. Вот почему по дороге с аэропорта останавливались у фотосалона. Всё, чтобы предъявить улики с места так называемого преступления.

— Ты не видишь? — Вперившись взглядом в Марго, перешел на громкий шепот. — Посмотри возьми несколько на память. Очень любопытные кадры. Вы оба такие фотогеничные. Жаль, мало эффектов. Уверен, за несколько дней можно было собрать массу великолепных ракурсов.

— Кирилл. — Игнорируя едкие замечания, перевела дыхание и безапелляционно объявила: — Я ухожу от тебя.

— Далеко собралась? — Откинулся к спинке стула. Порывшись в кармане, вытащил зажигалку и постучал по столу.

Данный жест выдавал нервозность. Беснование, исходящее от мужчины, было слишком явным.

— Далеко. — Нерешительно огрызнулась. — Но это тебя уже не касается.

— Нет, моя дорогая, ошибаешься! — Поддаваясь вперед, шикнул. — Меня касается абсолютно всё, с чем ты имеешь дело и что, так или иначе, касается тебя!

— Не в этот раз. — Стойко, с гордостью, выдерживая столкновение характеров.

— Ах, не в этот раз! — Взмахнув руками, Кирилл схватился за голову. Психованно проворчал: — Подзабыла, из какого дерьма тебя вытащил?

— За что очень благодарна. Но Кирилл, я не могу жить так дальше.

Одинцовой бы поумерить пыл. Из признательности войти в его положение. Хотя понимание, что своими заявлениями делает если не больно, то неприятно, было. Но и мужчине стоило сообразить гораздо раньше — суровым контролем и приказами не удержишь возле себя. Здесь нужно нечто большее. По крайней мере, желание самого человека остаться. В идеале любовь, которой отчетливо разумела, здесь и в помине не предвиделось.

— Покувыркалась пару раз с Чернышевским, смелая сразу стала. Напомню, что ты не в том положении! — Роцин подхватился на месте. — Быстренько память освежу!

— Кирилл, я поступила не совсем честно. Тебе больно и обидно из-за моего поведения, но...

— Мне больно? — Вновь ударил кулаком по столу и, упершись ладонями в стекло: — Ты в своем уме? Часом на этой своей Сицилии не перегрелась башкой на солнышке? Неблагодарная тварь!

— Кирилл, пожалуйста, успокойся. — Лихорадочно сглотнув, отступила, понимая, что припозднилась с просьбами о спокойствии. Мужчина был на взводе. Куда и подевалась бравада уравновешенности. — Твои оскорбления и крики ничего не дадут. Давай поговорим нормально.

— Да ты повела себя как настоящая шлюха! — Обогнув стол — конечный барьер и условную защиту, отделяющую их, наступал Роцин. — Разве с тобой, вообще, можно разговаривать? Хотя, о чем я? Шлюха она и есть шлюха!

— Вот именно — шлюха! Всегда такой была! Ты с самого начала знал, на что идешь! Раз я шлюха, почему за меня держишься? — Чтобы вспыхнуть окончательно Рите хватило с лихвой злободневного напоминания о былом. — Отпусти и позволь начать новую жизнь. И сам тоже начни.

— Ты бы помалкивала и не командовала! — Оказавшись в десятке сантиметров, грубо

ухватил девушку за предплечье, потянув к себе. — Ты моя и я сам буду решать, что с тобой делать!

— Сумасшедший! — На миг остолбенела, с ужасом уставившись в пылающие праведным гневом лицо мужчины, выкрикнула Одинцова.

— Да, сумасшедший! Но мне по*ер на твои возмущения! — Пытаясь достучаться до её сознания, встряхивал сильнее и сильнее. — Тебя не получит ни Чернышевский, не кто-либо другой! Заруби себе на носу! Не для того играл в благородство шесть лет назад, чтобы показывала свой норов.

— Вот как! — Затрепыхавшись пуще прежнего, как пойманная птичка. — Тебе нужна покорная рабыня? Тогда не по адресу обратился! Я отслужила свой срок! Все! Мне надоела такая жизнь! — Кирилл на мгновение опешил от столь прямолинейных возражений и Маргарита, пользуясь случаем, вырвалась из сковывающих рук. — Я не хочу постоянно быть у тебя на привязи! Не хочу быть собачкой: захотел — приспустил поводок, захотел — притянул к ноге! Я хочу свободы! Я ненавижу, когда мне указывают! А еще... — Метнувшись к столу и вытащив из вазы букет, бросилась на Рощина, размахивая перед лицом. — Я ненавижу чертовы лилии! Всегда ненавидела! Но терпела потому, что их любишь ты! С меня довольно!

Перестав себя контролировать, раз за разом хлестко обрушилась с цветами к мужскому лицу. Где-то на задворках сознания остатки разума вопили прекратить истерику. Но внутри всё настолько пылало, что сдержать эмоции в узде оказалось невероятно сложно. Совершенно невозможно.

— Я устала притворяться!.. — Красивые, но холодные по своей натуре лилии разлетались от ударов в стороны. — Я устала делать вид, что всё хорошо! Устала играть роль послушной девки на побегушках! Я хочу нормальной жизни! НОРМАЛЬНОЙ!

Нормальной жизни и чуть-чуть счастья. Да, была неправа когда сбежала. Но, она не железная! Сидеть точно на поводке и терпеть стабильные упреки за прошлое — то прошлое, за которое сама себя не раз прокляла, не в силах.

— Поостынь, су*а! — Изворачиваясь, осадил Кирилл, отрезвляя и выбивая из рук жалкие палки, недавно бывшие благородным букетом. — Надоело ей! А в деньгах валяться тебе не надоело? Икру ложками жрать не надоело? Барахло брендовое носить не надоело? — Рванул платье на груди, переходя на угрожающий шепот. — Целое состояние на себе носить, — Потеребив золотой браслет. — Тоже не надоело? Ты хоть знаешь, что и дня без меня не протянешь?! Не пройдет и пары недель, как приползешь проситься обратно! Шикарной жизни захочется. Или думаешь, у твоего Чернышевского хватит бабла тебя одаривать за способности в постели, как одариваю я?!

— В этом вся и разница между тобой и Олегом! — Пренебрежительно фыркнув, выплюнула: — Ты всё измеряешь деньгами!

— Чего? — Исказился гримасой брезгливости.

Застыла почти гробовая тишина. Такая, что хоть ножом режь — слышен каждый шорох и стук сердца, не говоря о тяжелом дыхании. Тотчас стало неестественно молчать после экспрессивного выяснения отношений. Того и гляди, разразятся громы-молнии, свесившиеся над головами. Но уже в разы сильнее, нежели прежде.

И когда Рита несмело признала:

— Ты однажды спросил, чем он лучше тебя. Так вот сейчас отвечаю — всем. Поведением в первую очередь.

Взрыв не заставил себя ждать.

— Ах, ты шалава!

Маргарита выдохнуть не успела, как узрела, что рука Кирилла летит на неё. Секунда, и звонкий шлепок эхом разнесся по комнате. От неожиданности и всё ещё испытывая дискомфорт в подвернутой ноге, не удержала равновесие и полетела на диван, откуда скатилась на пол.

Прижав ладонь к горячей щеке, сотрясаясь от моментально нахлынувших рыданий, за пеленой слез слабо различала, что происходит. Не от падения и боли, пронзающей виски — физическая боль ничто по сравнению с душевной. А от унижения и страшных откровений. Вместо бывшего спасителя перед ней предстало чудовище. Самое настоящее чудовище, способное на всякие действия.

Девушка готовилась к любому исходу. Но когда Роцин склонился, хватая за горло, поняла — вот он, вероятный конец. Причем конец не их истории, а всей её жизни.

Она видела обличье зверя. Обезумевшего и разъяренного.

Совершенно не знает этого мужчину. А еще, этот мужчина ничем не краше тех, что были в Иннана. Ничем не краше её самого страшного и большого кошмара — Латунина.

Впрочем, сама виновата. В который раз бесцеремонно и безбоязненно поперла на амбразуру, заранее предусматривая, что ничем хорошим не закончится. Но удивительная штука — угрызений совести не было. Ни капли. Одно сожаление о несбывшемся. О том, что меньше всего желает, чтобы её никчемная жизнь, приобретя робкие, но яркие и счастливые краски, оборвалась.

Одинцова задыхалась по мере того, как сжимались на тонкой шее пальцы Роцина. Но продолжала ловить воздух сквозь нервные импульсы и рыдания. В другой ситуации запросто сдалась, предугадывая близкий конец. Но не сегодня

Девушка не прекращала жалких попыток сопротивления, извиваясь и хватая за запястье Кирилла, в одночасье превратившегося в опытного кукловода и вершителя судеб. Ради будущего, в которое почти поверила. Ради Олега...

Скверно помогало. Мужчина продолжал стискивать шею, бормоча про себя нечто невразумительное. Из чего до ушей, словно заложенных ватой, доносилось:

— Ты моя. Я буду делать с тобой, что захочу. Ты заплатишь за всё...

Пытка длилась бесконечно долго. Слезы, рыдания, желудок, выворачивающийся наизнанку от приступа помутнения. Легкие, скрутившие в тугой узел от нехватки кислорода. Ритка чувствовала себя маленькой рыбкой, выброшенной с воды на песок и лишившейся привычной и такой жизненно необходимой среды обитания. А потом, находясь на грани, когда еще чуть-чуть и нехватка воздуха окончательно лишит способности дышать, ладонь Кирилла разжалась.

Прокашлявшись, Одинцова буквально захлебывалась кислородом, мгновенно ворвавшимся в легкие, не в силах насытиться. Жадно хватала его, впуская в себя жажду жизни. Боялась открыть глаза, в полной мере постигая ценность естественной потребности дышать.

В стремлении прийти в себя не сразу дошло, что от неё хотят, когда мужчина нетерпимо дернул за руку, и взревел:

— Это что за хрень?

Вместе с тем потянул за палец, стягивая кольцо. Кольцо Олега.

— Нет! — Распахнув веки, с ужасом визгнула Маргарита, намереваясь сжать ладошку и

не дать отобрать единственную вещь, которой дорожила. — Не надо! Не трогай!

— А-а, малыш Чернышевский решил побаловать безделушками?

Поздно. Рошин с интересом крутил украшение, рассматривая под разными ракурсами.

— Должен разочаровать — ценности в нём практически никакой. Брюлик обойдется дешевле, чем одна твоя шмотка.

— Кирилл, ты ведь не такой! Пожалуйста, верни кольцо и отпусти меня...

— Пытаешься разжалобить? — Включая раздражение. — Не выйдет, Ритусенька. Никуда я тебя не отпущу. И эту хрень, — Ткнув в лицо колечком. — Заберу, чтобы не было соблазна предаваться ностальгии. И да, заруби себе на носу — можешь не заикаться ни по поводу ухода, ни по поводу Чернышевского. Иначе твой Чернышевский последует тропой Гришани Латунина. Я лично помогу отделаться от него, а через несколько лет труп окончательно догрызут червячки в сырой земельке.

Поднявшись, мужчина отшатнулся, чтобы уйти, на ходу подмечая:

— Хотя я не настаиваю. Предупреждаю. Выбор за тобой. Судьба твоего ненаглядного в твоих руках. Время на раздумья до утра. Но напоминаю — будешь и дальше нором показывать — жизни не будет никому!

Очередные угрозы. Жалкие усилия показать могущественность и власть. Всё могло быть смешным, если бы не было таким грустным. В ответ бы рассмеяться, да сил не оставалось. Может, к лучшему. Кто знает, каковой была плата еще и за эту вольность.

Голова гудела, сердце выскакивало из груди, никак не уравнивая сбившееся дыхание. Маргарита машинально потерла горло, не в состоянии подвестись, когда удаляющиеся шаги, следом за которыми донесся хлопок закрывшейся двери, оповестили, что в комнате одна.

Надолго ли? Почему-то не сомневалась, что и до утра Рошин не даст покоя. По крайней мере, если сам уйдет из дома, приставит присматривать парочку амбалов. Черт возьми, ей подняться тяжело, не говоря о побеге. Да и как сбежит? Куда?

— Вот и поговорили... — Сипло промолвила Рита.

Она опять заложница ситуации. Вновь сама подвела итог, позволяя судьбе бить себя больнее и жестче. Сколько раз еще предстоит выступить в роли жертвы? Сколько раз предстоит вкусить буйное помешательство мужской половины человечества? Сколько еще искать защиты от одних её представителей у других? Где гарантия, что со временем тот, кто слыл спасителем, не выступит в роли палача?

Сегодня в который раз убедилась, что нет гарантий. Никогда и ни в чем. Жизнь умеет бить больнее, чем прежде. Отрезвляя от счастья, показывая, что верить нельзя никому.

Ладно, Латунин в свое время. Там изначально ничего хорошего ждать не приходилось. Но Кирилл! Почему так ведет себя? Может, правда, заслужила и иного недостойна?

От таковой мысли хотелось удавиться. Липкая и гадкая реальность преследовала везде. От пережитого ранее не укрыться и не спрятаться, как ни пытайся. Неужели напрасно шесть лет назад выжила? Зря позволила себе помочь Кириллу, который ныне требует расплаты. Который, однажды помиловав, сейчас хочет казнить. Если предположить, что и дальше так пойдет, страшно представить какую плату в будущем потребует Олег.

Привстав, Маргарита невидяще осмотрела гостиную. Поддаваясь накатывающей волне умопомешательства, лихорадочно рассмеялась. Громко так, но глухо. Трудно сказать, сколько времени это длилось, прежде чем, пряча лицо в ладонях, не разрыдалась. От безысходности ситуации. От собственной никчемности. Оттого, что жизнь не переиграть и

ничего не изменить. Не быть ей счастливой никогда. Весь свой лимит исчерпала предыдущими днями на Сицилии.

Может, как в старые добрые времена, таблеток наглотаться и всего делов? Главное, набрать полную пригоршню, да сильнодействующих. Хотя, раз Рошин или охрана дома, опять откачают. Уж теперь точно знала, что этот легко не отпустит.

Или... взгляд метнулся в сторону прозрачной тюли, подрагивающей от легкого дуновения ветерка с приоткрытого балкона.

С балкона сигануть, что ли?..

2004 год

— Заходи давай! — Подпихивая в спину, Сергей затолкал девушку в дверной проем квартиры.

Яркий свет ослепил глаза, на мгновение лишая и без того потерянной из-за несостоявшегося побега, координации. Оказавшись в квартире заклятого врага, шансы на спасение окончательно меркли. Мольбы, которыми остаток пути засыпала Сергея и водителя не дали толку, что не удивительно. Своей выходкой пуще разозлила мужчин.

Черт возьми, а ведь свобода — настоящая, полноценная свобода была так близко. А теперь? Что теперь? Эта квартира хуже борделя. Здесь Латунин.

Рита еще не видела его, но ступив на порог, мерзкие мурашки покрыли тело, предвещая — ничем хорошим вечер не закончится.

— Чего стала, рот разинула? Проходи давай. — Пробурчал охранник недовольно. — Я в машине буду. Когда закончите, приду, заберу тебя.

— А как же?..

Вопрос не успел сорваться с губ, когда Сергей грубо пресёк:

— Система охраны здесь серьезная, так что не вздумай о глупостях. Далеко не убежишь.

Ритка всего-то хотела спросить, почему Сергей уходит так скоро. Бессмысленно оттягивая время до предстоящей казни. Но за мужчиной уже захлопнулась дверь, оставляя наедине с лютым зверем.

В квартире воцарилась гробовая тишина, что несколько насторожило. Боялась ли Маргарита? Сама не понимала. За последние годы казалось, что бояться больше нечего — всё ужаснейшее, что могло случиться — давно случилось. Но сейчас сомневалась в справедливости утверждения.

Не знала, сколько прошло времени, прежде чем с характерным щелчком зажигалки послышались шаги. Тяжелые, четкие, торопливые.

Машинально попятилась назад, упираясь спиной в стену, когда увидела Его. Гришку Латунина. Чье имя и лицо после будут неоднократно преследовать в кошмарных снах. Она будто вернулась назад. словно и не было тех шести лет, грязных попыток зализать раны, впервые нанесенные этим мужчиной. Показалось, что вновь возвратилась в ту, первую ночь. Не хватало атрибутов в нормальной ситуации создающих романтическую атмосферу, а в её случае атмосферу адского пекла.

Латунин изменился. Не могла не отметить. Потолстел, вырос живот, характерный этакому борову. Появились примечательные морщины. Хотя может они и раньше были,

тогда не обратила внимания. И нынче не обратила, не будь испарины, перечертившей лоб. Годы сделали Гришку еще... отвратительней.

Стало тошно от одной мысли, что снова придется лечь с ним в постель. Предчувствие, что не выдержит, усиливалось. Лучше умрет, чем с этим животным.

На ум почему-то пришел Рощин. Полная противоположность. Будучи примерно такого возраста, Григорий ни в какое сравнение не шел с Кириллом. Уж кто-кто, а Рощин умел произвести впечатление мужчины. Да, именно мужчины. Настоящего, подтянутого, красивого, мужественного, а не подобия... Слизняка какого-то.

Жаль, что Кирилла нет рядом, и вряд ли он может помочь в данной ситуации. Наигрался игрушкой и довольно, отпустил на вольные хлеба, бросил на произвол. Наверное, ему безразлично, пускай Одинцову здесь хоть прибьют.

— Греточка, а ты с годами всё краше.

От слащавого обращения, вырвавшего девушку из отвлекающих и не дающих сойти с ума размышлений передернуло. На языке вертелась язвительная колкость, что Гришку еще немного и никакая пластическая операция не спасет. Промолчала, зная, что чревато последствиями. Всё чревато последствиями. Страшно вздохнуть неправильно и...

— Что стоишь в дверях, малышка? Иди поближе.

Маргарита несмело кивнула отказываясь.

— Все такая же непокорная? — Растягивая слова с ухмылкой. И переходя на резкий тон: — А я сказал, иди сюда!

Дежавю. Вот оно какое.

Всё происходило слишком быстро, как для столь тучного человека.

Несколько шагов и Латунин рядом — хватает за запястья, тянет на себя, не позволяя даже пискнуть. Руки смыкаются на талии, пухлыми пальцами шаря по телу.

— Я слишком долго ждал тебя, поэтому сегодня без прелюдий. Выпить не предлагаю — переходя на хриплый шепот у уха.

Девушка ощутила, что он завелся. Вполоборота завелся. Как хватает сил при его-то комплекции. Нет, обязана что-то предпринять. Что-то сделать, не позволить истории повториться. Должна, но не могла. Ноги будто тисками сковало. Ни шелохнуться, ни пискнуть, на помощь позвать. Но зови, не зови — без разницы.

— Ритка-маргаритка, не упрямясь, — ухватив за подбородок, Латунин потянулся влажными губами в жалком подобии поцелуя.

Тут Одинцову озарило. Ритка-маргаритка — так называл её лишь Олег. Перед глазами якорем спасения возник его образ, возвращая силы к борьбе. Почему именно Олег? Сколько лет прошло. Он давно в прошлом, давно мертв, но, пожалуй, он единственно верный пример истинного борца. Ведь он-то до последнего вздоха боролся за место под солнцем. Чем закончилось — другой вопрос. Главное, не прогнулся, не подчинился негодным.

Почему тогда стоит и позволяет себя лапать этому ублюдку? Почему терпит неприятные прикосновения? Ждет смерти, покоровшись несправедливой судьбе? Если суждено умереть, умирать нужно достойно!

— Не трогай меня! — Уклоняясь от поцелуя, злобно прошипела.

— Ты опять за старое? — Хмыкнул Латунин, обращая девичье лицо к себе.

— Руки убрал! — визгнула.

— Ты что-то вякнула, Гретка? — Заржал.

— Я сказала, руки убрал! — Переходя на крик вострапенувшись.

— Ты проявляй норов, да не наглей! — Крепче сжимая запястья.

— Ненавижу тебя, похотливый ублюдок! — Тяжело засопев, не ведая, что творит, плюнула в лицо Гришки.

— Ах ты, с**а!

Опомниться не успела, как огромная ручища со звучным шлепком прилетала к щеке. Разом в глазах потемнело, а кожу зажгло, как от ожога. Ноги подкосились, дышать стало нечем. Не из-за боли от удара. Из-за оцепенения, которое сковало тело. Как не хотела, но повторяла историю прошлого. Былые ошибки, вызывая у Латунина своей непокорностью жестокость. Хотя, глядя на перекосившуюся от гнева гримасу, вряд ли покорность способна спасти.

— Я люблю норовистых. — Вытирая лицо тыльной стороной ладони, другой сильнее встряхнул Ритку и грубо отпустил, отчего она, потеряв равновесие, полетела на пол. — Но ненавижу, когда всякая шваль строит из себя великую цацу!

Упираясь ладонями в пол, пытаясь подняться, девушка из-под длинных локонов, закрывших лицо, окатила Латунина презрительным взглядом. Без разницы, что на полу и это он смотрел на неё сверху вниз. Маргарита не видела себя ущемленной или на уровень ниже мерзавца.

— Тогда ты должен ненавидеть в первую очередь себя!

— Тварь! — Рев мужчины зазвенел в ушах оглушая.

Зажмурилась, почувствовав, как тот, хватанув за волосы, особо не церемонясь и не утруждаясь, чтобы подождать пока Рита поднимется на ноги, потянул за собой.

Упиралась, как могла. Пыталась встать — тщетно. Вырваться — также напрасно. Гришка вцепился в волосы клешнями и тянул по полу, как тряпичную куклу. Пыхтя и подбадривая смачными ругательствами.

Как же ненавидела это подобие человека!

Мечь... Давно мечтала отомстить ублюдку. Едва ли не каждый божий день в гребанной Инанне проклинала, обещая себе: если хоть раз в жизни судьба столкнет с Латуниным, сделает всё, чтобы подонок больше не марал мир своим присутствием. Тогда какого хрена позволяет делать с собой всё, что вздумается?..

Да, из этой квартиры вряд ли сбежать. Но есть возможность предотвратить любые близкие контакты с животным и избавить на будущее таких же несчастных девчонок, как она, от страшной участи.

— Ты ведь только так и можешь, да? — Цепляясь за дверной косяк, когда Латунин попытался заволочь в комнату.

— Чего? — Остановившись, недоуменно уставился на Маргариту.

— Легко быть сильным с хрупкой девушкой, да?! — Заговаривая Гришку, медленно, но уверенно принимала устойчивое положение, поднимаясь и удерживаясь благодаря дверному проему. — Только в таких ситуациях ты король!

— С шалавой любой будет королем! — Со снисхождением наблюдая за потугами Ритки встать, продолжая дергать за волосы как за веревки марионетки.

Напрасно. Девушка, переведя дыхание и замерев, чтобы собраться с духом вскрикнув:

— Гнида ты, а не король!

Замахнулась и что есть силы, ударила коленкой в пах, вырываясь из жуткого плена, но оставляя в руке мужчины добрый клочок собственных волос. Но подобное Одинцову волновало в последнюю очередь.

— Ты нарвалась! — Корчась и хватаясь за свое причинное место, прошипел Григорий. — Собственными руками придушу!

— Попробуй придуши! — С вызовом, но пятясь назад, Маргарита торопливо оглянулась, надеясь разглядеть призрачный шанс на спасение. — А потом тебе башку снесут за меня!

— Сизый, что ли? — Казалось, позабыв о боли, гнусно хохотнул Григорий.

— Да хоть бы и Сизый! — Вновь оглянувшись.

Справа дверь, слева дверь. Обе закрыты. Впереди Латунин. Справа входная дверь — именно то, что нужно. Слева — дверь в неизвестность. Впереди — поражение.

— Не смей! — Делая шаг в направлении Ритки, фыркнул Гришка. — Ему бизнес дороже дрянной девчонки.

— Я тоже его бизнес. — Пробубнила отступая.

Прикинула, успеет ли добежать до входной двери быстрее, чем Гришка настигнет? Не факт. Дверь справа ближе метра на два. Но прятаться в квартире врага не лучшая идея.

— Такого бизнеса на окружной по десятку на квадратный метр.

Снова поганый смешок. Рука потянулась к ремню брюк.

— А как на счет... — Глаза машинально поймали хрустальную вазу, стоящую на столике у стены. Большую такую с виду вазу, тяжелую. Совсем рядом. Пару шагов назад, да рукой дотянуться. — Рощина?

— Чего? — Латунин ринулся на Ритку тот час, когда она кинулась к вазе.

Поймала, неловко сжимая в руках. Успела. Обернулась к мужчине, угрожающе выставив руки со своеобразным оружием вперед.

— Не подходи! — Вскрикнула.

— Не то что? — Гришка продолжал наступать. — Убьешь? Пиф-паф? Это я убью и тебя и твоего драгоценного Рощина!

Громко рассмеявшись, Латунин закинул голову назад. Длилось это доли секунд, после чего набросился на Маргариту, заламывая руки и отбирая вазу. Девушка не намеревалась сдаваться, крепче сжимая пальчики и сопротивляясь. Сама не сообразила, когда неравная борьба дошла до критической точки и времени на раздумья больше не осталось. Без того слишком медлила.

Изворачиваясь от липких лап, как юла, Одинцова в какой-то миг подняла руку с импровизированным орудием со всей дури ударила Гришку по виску. Не ожидала такого эффекта, но тот как-то разом приутих, опустил руки, замер на секунды и, пошатываясь, отступил.

Девушка наблюдала за всем как со стороны, как киноленту прокручивала перед глазами. Запутавшись в собственных ногах, Латунин полетел вниз. До того, как приземлиться, зацепившись, ударился затылком об угол столика.

Еще миг и огромное тело лежит распластанным на белоснежном мраморном полу прихожей. Лицо искажено яростной гримасой, глаза раскрыты, а вокруг головы растекается огромная лужа кроваво-красной жидкости, делаясь больше и больше.

Где-то со стороны раздался громкий девичий визг, следом за которым прозвучал звон разбившегося хрусталя. Ваза, выскользнувшая из дрожащих рук. После дошло, что и кричала-то сама.

Чего кричала? Ведь хотела этого. Избавить себя и мир от дьявольского отродья. В том, что избавила, почему-то сразу сомнений не осталось. Уж больно безжизненный взгляд смотрел куда-то в потолок. Радоваться бы, да отчего стало не по себе.

Мечь воплощена в жизнь, но почему не легче?

Медленно опустилась на пол, подползла к Гришке. Протянула трясущуюся руку к шее, пытаюсь нащупать пульс. Про себя усмехнулась, не обнаружив ни малейшего проявления жизни. Глупо искать то, чего нет. Убила. Ритка его убила. Латунина. Изверга. Животное. Но при всем этом человека... Она убила человека. Впервые в жизни!

— Мамочки... я еще и убийца... — Хватаясь за голову, пробормотала девушка.

Господи куда скатилась? Сначала бордель, десятки мужиков, вереницей проходящих через неё... Шесть лет, день за днем. Адских, грязных, нечеловеческих. Шесть лет стажа работы проституткой! Дальше что? Еще столько же лет за решеткой?

Не контролируя себя, Маргарита разрыдалась. Задыхаясь от слез.

Не этого хотела. Не о том мечтала в юности... Проститутка. Грязная и недостойная. Это её клеймо, которое не вывести ничем. Карма, которую нести до гробовой доски. Но черт подери, карма, с которой почти смирилась... Что дальше? Уличная девка, у которой нет ни будущего, ни настоящего. Разве что прошлое, с которым больше ничего не связывает. Из которого ничего и никого не осталось.

Как жить дальше? И есть ли смысл? Если раньше, будучи в борделе, оставалась хрупкая, но надежда на свободу, то теперь... Не тюрьма, так что-то еще. После того, что сделала с Латуниным — она тоже не жилец. Заявится какой-то охранник Гришки, Сергей или еще кто-то, отправят к Сизому и одному Богу известно, что тот может сделать за её выходку. Есть ли смысл оттягивать казнь?..

Затуманенными от слез глазами Маргарита осмотрелась. Рядом лежала разбитая ваза, маня своими острыми уголками. То, что нужно.

— Боже, прости меня за мои грехи... — втянув глубоко воздух, взмолилась девушка, пуская глаза к небесам.

Зажмурившись, провела осколком по запястью, вдавливая стекло в тонкую кожу. С первого раза получилось так себе. Едва кровь показалась. Стиснув зубы, второй раз надавила сильнее, чуя, как хрусталь тягуче-медленно погружается в подкожную ткань, как рвет вены. Больно. До чертиков больно. Но терпела, уверенная, что вскоре станет легче. Не сразу, конечно, а когда темнота раз и навсегда захватит в плен.

Поняла, что справилась, когда кровь бесконечным потоком потекла по руке. Уже увереннее проделала подобное со вторым запястьем. Разжала пальчики, выпуская окровавленную стекляшку на мрамор.

Было не страшно. Больше не страшно. Опираясь спиной о стену, Ритка невидяще устала на тело Гришки. Ни о чем больше не думала. Ждала. Просто ждала, когда глупая жизнь уйдет из её тела вместе с кровью, сочащейся из ран.

Кто знает, сколько времени так просидела. Целую вечность, или каких-то пару минут. Но единственное, о чем подумалось, так это почему до сих пор перед глазами не пронеслась её жизнь? Говорят, это верный признак смерти. Не сказать, что горела желанием вспоминать последние годы, но окунуться в детство и юность, «увидеть» Антонину Романовну и Иван Степаныча была не прочь. Можно мать с отцом, по крайней мере, когда у них всё еще было хорошо. Даже времена встреч с Пашкой. И Олега... его обязательно хотелось вспомнить...

Но ничего, ничегошеньки не было. Ни одной картинки прошлого. Голова как чумная. Словно выпила пару стаканов водки. Не рюмок, а именно стаканов. Старых, советских, граненных. И ломота в теле, точно паровозом проехался кто. А за ней... пустота.

Не услышала и когда отворилась входная дверь, и в квартиру кто-то залетел.

— Мать его!.. — Донеслось шокированное ругательство. — Хреновый выезд выдался!

Одинцова узнала, что вошедшим оказался Сергей, когда тот присел рядом, с ужасом разглядывая развернувшуюся картину.

— Ритка, дура! — Встряхивая едва живую девушку за плечи, взревел охранник. — Что ты натворила?!

— Отстань, а! Дай умереть спокойно... — Пытаясь отмахнуться, прошептала девушка.

Тело отказывалось слушать, голос срывался, а глаза закрывались. Почему-то безумно хотелось спать. Возможно, именно такая и есть подкрадывающаяся долгожданная смерть?..

Где-то как в параллельной реальности раздался треск рвущейся ткани, и вокруг немеющих и холодеющих рук что-то обмоталось, завязавшись на тугие узлы.

— Ритка, не спать! — Легкие хлопки по лицу вынудили девушку слегка приоткрыть веки.

Из-за полуопущенных ресниц наблюдала, как охранник подхватил на руки и быстро вылетел с квартиры. Холодный воздух отрезвил, но темнота подъезда насторожила, заставляя поежиться. Оказавшись на улице, под хлесткими каплями дождя, в свете уличных фонарей в разуме Маргариты что-то помутилось.

— Олег... — рассматривая несущего её мужчину, попыталась приподнять к его лицу руки. Тщетно. Те точно окаменели. — Ты пришел за мной, да?

Лицо озарило подобие улыбки. Стало так тепло и хорошо. Забылось всё лишнее, ненужное. Жаль, ненадолго...

— Угу, если вовремя не доставим в больницу, увидишь не только Олега, но и Петра Первого и Пушкина и даже Александра Македонского! — Язвительно прикрикнул Олег.

Или не Олег?..

Встрепенулась. Нет, показалось. Не Олег... охранник несчастной Инанны.

Сергей уселся с ней на заднее сиденье автомобиля. Водитель что-то расспрашивал, возмущался, но сорвался с места, унося прочь от злополучной квартиры.

Выехали куда-то на автостраду, где и ночью не прекращалось движение. Ритка невидяще ловила мелькающие огоньки. Чувствовала себя дурочкой, а поделаться ничего не могла. Как пьяная. До тех пор, пока в башке что-то не щелкнуло — за неё опять принимают решение. На сей раз обыкновенный охранник, прихвостень более высокопоставленного кукловода. Разве это жизнь? Так, существование. Была, не была. Снаряд в одну воронку два раза не попадает. Раз спасли — второй не осият.

Дернувшись к дверце, успела открыть ту прежде, чем Сергей заметил её манипуляции. Попытался удержать, закрыть, но автомобиль несся на слишком высокой скорости, чтобы успеть притормозить. На сей раз судьба оказалась благосклонней.

Всё происходило слишком быстро, чтобы Ритка успела уразуметь, что творит. В одночасье вылетела из машины, ударяясь всем телом об асфальт. Потом еще и еще раз, перекатываясь вокруг себя до той поры, пока темнота окончательно не заполонила сознание...

2010 года

Темная комната, освещенная лишь ярким пламенем из камина. Рядом с последним — полукругом расположены четыре кресла, в которых сидели мужчины. Четверо совершенно разных мужчин. Четыре различных характера и нрава. Четыре мотива находиться ныне здесь, в этом доме. Но одна история, одно общее дело, связывающее вместе. Одно общее беспокойство и тревога. Единая цель для четверых.

В комнате царила тишина, нарушаемая треском горящих поленьев. Все молчали, каждый задумчиво глядя на пламя, не решаясь разорвать узел несвоевременной неразговорчивости. Молчание было последним, что стоило предпринимать. Необходимо действовать. Верно ли, ошибочно? Кто знает. Главное, не сидеть сложа руки. Отчетливее всех это разумел Олег. Может, не отчетливее, но нетерпимость больше других не давала покоя ему.

— Я поеду за ней! — Подхватившись, взволнованно бросил мужчина.

— Сядь! — Рыкнул старший.

— Я не могу здесь сидеть, когда, возможно, именно в эту секунду Рощин убивает Ритку! — Выплюнул и сам скривился, осознавая, что предположил.

— Ты считаешь, мне легко? — Стукнув кулаком по подлокотнику, прикрикнул Вотан. — Мне самому этот Рощин — вот где стоит! — Поднес ладонь к шее, показал характерный знак.

— Тогда какого хрена Вы до сих пор ничего не предприняли? — Слетая с катушек, Чернышевский бросился к Михалычу, хватая за грудки. — Вы! Столько лет потратили на становление справедливости в нашей стране! Где она эта Ваша долбанная справедливость?

— Олег, успокойся! — Вмешался Штормин, до этого тихо наблюдавший за происходящим. — Не зарывайся!

— Бандиты по-прежнему ходят на воле, Ритка снова у Рощина, а мы сидим здесь, куруем трубку мира и размышляем! — Уже орал Олег, не в силах остановиться. — О чем можно размышлять? О чем? На кой черт Вам генеральские погоны, если никого из близких не способны защитить?

Оценивающе смерив лицо Чернышевского, Вотан перевел взгляд на руки, сжимавшие его рубашку:

— Рот закрой.

— Что? — Тряхнув головой, избавляясь от наваждения, переспросил мужчина.

— Рот закрой. — Повторил генерал. Когда Олег, разжав руку, отшатнулся назад: — А теперь послушай: можешь собраться и поехать к Рощину, устроить разнос, тем самым дав понять, что зависим от Маргариты. Соответственно поставить под угрозу себя. И не факт, что тебя оттуда выпустят. Живым.

— Ничего, не с такими справлялся. — Растирая лицо ладонями, Чернышевский измерил шагами небольшое расстояние меж креслами.

— Может быть. — Проследив за реакцией других мужчин на свои слова, Вотан продолжил: — Но дело, к которому мы шли долгое время тоже окажется под угрозой срыва. Если Плантатор надумает докопаться, докопается до всего.

— Он подозревает, что я работаю в связке с Олегом. — Рискнул вставить слово

Буртенко. — Про облаву Шторма, вообще, молчу. И там ищет связь с Михалычем.

— Вот. — Удобнее устраиваясь в кресле, генерал потянулся к столику за пачкой сигарет. — Буря дело говорит. Если Рошин свяжет в единый узел тебя с Русланом, а меня с Игорем, считай, что окончательно провалили операцию. Он заляжет на такое дно, что нам не снилось. — Обращаясь к Руслану: — Ты хоть никакой хвост за нами не привел?

— Обижаете! — Возмутился мужчина. — У меня всё под контролем!

— Хорошо. Нужно поскорее продумать дальнейшие действия для нашей операции.

— Да при чем здесь операция? — Вскрикнул Олег, взмахнув руками. — Вы слышите себя? Создается впечатление, что Вам, как и много лет назад системе, криминальному миру и всем вокруг, плевать на Ритку!

— Да пойми ты, дурья башка! — Поднявшись, Михалыч подошел к Чернышевскому и постучал тому по лбу. — Он и Ритку за собой потянет! Тогда узнаешь, что из Инанны вытащить её и того было проще!

— Почему не вытащили? — Вопросительно вздернув бровь, фыркнул мужчина.

— Ты сам прекрасно помнишь, как всё случилось. — Тяжело вздохнул Вотан.

— А до появления Рошина почему нет? Тогда Вам карьера была важнее, так?!

На несколько мгновений опять воцарилась тишина. Воинственная тишина. Никакого рукоприкладства, глаза в глаза. Дерзкий против уставшего. Смелый против потерявшегося в мире собственных комбинаций. Воздух раскалился до предела.

— Я не знал, что с ней. — На грани выдержки.

— Конечно, получать очередные погоны важнее.

На скулах генерала заходили желваки. Верный признак того, что еще чуть-чуть и сорвется. Как пить дать сорвется!

— Прекратили! — Подлетев к мужчинам, пытаясь отодвинуть тех друг от друга, вмешался Буря. — Не хватало между собой вражду устроить! Общее дело делаем.

— Иногда мне кажется, что общая у нас только структура, под которой работаем. — Поморщившись, Чернышевский отступил. — В остальном... Вам погоны новые нужны, мне Ритка.

— Шторм, скажи хоть что-то! — Буркнул Руслан.

— Что сказать? — Игорь вальяжно поднялся с кресла и прошел к барному столику, стоявшему поодаль у стены. — Олега знаю не первый год — у него по жизни свои понятия, ключевой составляющей которых всегда была Маргарита. — Наливая в пузатый стакан коньяк. — Ну а Михалыч... — Поймав предостерегающий взгляд. — Михалыч всегда прав.

— Погоди-погоди! — Поняв указательный палец вверх, затараторил Буртенко. — Хочешь сказать, что наш Волкодав и Ритка давно знакомы?

— Ты с луны свалился, что ли? — Удивился Штормин, опустошая бокал.

— Трындец, приехали! — Вновь вспыхнул Чернышевский. — Мы, как красны девицы, будем сплетничать о моей жизни?

У мужчины в голове не укладывалось, почему до сих пор здесь, выслушивает очередной бред, когда должен быть с Риткой, вытаскивать её из лап Рошина. Какого черта послушался Шторма и приехал из аэропорта сюда?!

Всё произошло чрезмерно быстро. Слишком неправильно. Глупо. Чертова задержка с затерявшимся багажом. Поначалу никак не насторожившая, потому как давно повелось, что сервис в нашей стране всегда отличался своим «великолепием». Когда пришел на место, где дожидалась Ритка, понял, что, если промедление и было случайным, то весьма

злополучным, сыгравшим роковую роль в игре под названием «жизнь».

Олега до сих пор трясло, когда в мыслях возвращаясь на несколько часов назад, прокручивал в голове события из Жулян. Вернулся, а Риты нет. Почему-то сразу ничего дурного в не подумалось. Подумалось — наверняка отошла в дамскую комнату. Несколько минут прождал, как идиот осматриваясь. После осенило, что, вероятнее всего, место перепутал — оббежал зал ожидания вдоль и поперек, а её нигде нет.

Всё пытался узнать у прохожих, не видел ли кто похожую женщину. Пожилой мужчина признал, что столкнулся на входе со странной парой — огромным лысым мордovorотом, тащившим за собой не по погоде одетую девушку, которая ко всему прочему не шибко стремилась идти с ним. Сомнений не осталось — проворонил свою Ритку. Обещал, что не отпустит, не даст в обиду, а сам по собственной глупости чуть ли не в белы ручки Рощинских шестерок вручил.

Чернышевский тогда поехал бы к Плантактору, не появившись Шторм. Оказалось, тот в последний момент решил их встретить. Опоздал на каких-то минут пятнадцать. Появился Игорь чуть раньше, ничего этого могло не случиться.

Порой, глядя на старого доброго друга Штормина, Олег не соображал, на чьей стороне тот играет. Точнее, на чьей понятно — за справедливость, за закон. Но во имя чего?

Игорь всегда старался помочь Олегу. Во времена учебы, с судом, когда в тюрьме был. В общем-то, не без помощи Шторма Чернышевскому удалось выйти из зоны условно-досрочно. Вроде должен благодарить, да глядя на этих троих мужчин, которых считал друзьями, с которыми столько лет шел бок о бок, язык не поворачивался благодарить...

2004 год

— ...Короче, прикинь, он его прямо голыми руками задушил! — Затягиваясь сигаретой, тархтел Тузик.

— Да ладно? Вот так взял и задушил самого Волка? — Переминаясь с ноги на ногу недоверчиво переспросил новый заключенный. Совсем зеленый, неопытный. Недавно и Олег таким же был.

— Всё, тсс! — Бросив окурок в урну, Тузик выпрямился. — Волкодав идет.

— Где? — Завертел новенький головой.

— Привет, Волкодав! — Пнув под ребра молодого парнишку, Тузик услужливо поздоровался с Олегом, когда тот поравнялся с ними.

Машинально кивнув на приветствие, Чернышевский передернулся. То ли от пронзительного осеннего ветра, от которого не спасала старенькая, пошарпанная фуфайка. То ли от разговоров, которые, спустя почти три года, велись на территории зоны. Пора привыкнуть и вроде привык, а всяческое напоминание о случившемся вновь и вновь возвращало в прошлое и это, надо сказать, не приносило ни малейшего удовольствия.

Отойдя на несколько метров, оглянулся, лишний раз убеждаясь, что Тузик продолжил излюбленное занятие последних лет — введение новеньких в курс дела и политику зоны. Бывалых сужденных давно оповестили, еще на утро после злосчастной ночи. Ночи, навсегда перевернувшей не просто тюремную жизнь Олега с ног на голову, а изменив его внутренне и морально.

Если раньше оставалась доля наивности, веры в справедливость, стремление изменить мир к лучшему, то ощутив на руках липкую кровь врага, вдохнув запах смерти во имя жажды жить, не строил на будущее иллюзий. Что-то внутри надломилось. Стал ничем не лучше многих, таких же осужденных, как он сам. Был уверен — если продеться убить во имя Маргариты снова, сделает это не задумываясь. Лишь мысль о ней не давала окончательно свихнуться и сдохнуть самому.

Первое время сдохнуть чертовски хотелось. Каким бы недостойным ни был тот, кого собственными руками лишил жизни, Чернышевский стал убийцей. Этого не переиграть, людскую кровь никогда не смыть с рук. Но парадоксально иное — никого из окружающих это не смущало. Убил и убил. Этим здесь не удивить. Единственное, убил бы Олег обычного зека, никто внимания не обратил, а сразив Волка, заслужил такой авторитет, который многие годами долгого и упорного труда пытаются добиться.

Чего далеко ходить? Взять Тузика. Что при Тузе бегал в шестерках, пресмыкаясь и выполняя любые его указания, что, оказавшись без хозяина, всячески пытался прогнуться перед Олегом.

Увел тогда с места преступления, легенду придумал, откуда в тюрьме появилось целых два трупа. Да не просто трупа, а людей, занимавших высокое положение среди осужденных. Чернышевскому смешно стало, когда узнал официальную версию — Волк, желая заполучить место Туза, пришел убить, но положенец оказался сильнее и задушил Волка и вместо того, чтобы дальше жить припеваючи, сам себя заколол отверткой. Если первая половина версии была, в общем-то, весьма правдоподобной, но что Туз сам себя не мог убить, знали всё. При этой несусветно глупой формальной версии, Тузик негласно не упустил возможности раструбить о реальном положении вещей.

Олег до сих пор не понимал, почему всех, вплоть до работников тюрьмы, устраивала выдуманная версия. То ли не захотели копаться в грязи, разбираясь с настоящим виновником, то ли сверху дали указку замять, но мужчину никто не трогал. Даже в качестве свидетеля не вызывали. Закрыли дело, и всё.

На зону с криминальной верхушки со стороны Туза прислали нового положенца, который по сравнению с предшественником сидел тихо и за три года его мало кто видел. Поговаривают, Тузик пытался пробиться, чтобы пригреться у кормушки, да не подпустил новый смотрящий. То ли Астроном, то ли Астронавт. Черт его знает. Чернышевского детали не волновали — его не трогал, не звал на ковер и поклон, уже хорошо. Если бы еще добрую славу на себя забрал, было идеально. Не то получалось, что простой заключенный до сих пор больше ажиотажа вызывает, нежели главный в тюрьме.

После переворота Олег не смог остаться в стороне, как не желал. Не дали остаться. Как-то вышло, что негласно и неосознанно в собственной камере занял место Волка. Не хотел, всеми силами пытался обойти эту участь, но не получилось. Вместо еще одного криминального дела и десятка годков внакидку, получил уважение абсолютно всех — и зеков, и работников зоны.

Отношение к нему изменилось. Куда и девались язвительные подколы прихвостней Волка и прозвища типа «мусорок». Отныне мужчину величали никак иначе, кроме как Волкодав. А эти самые прихвостни так и норовили приблизиться к новому, как считали, авторитету. К Олегу приходили за советами, просили помочь решить всевозможные конфликты. Его уважали нормальные мужики и побаивались личности, показавшие гнилую душонку. С ним стремились подружиться или наладить контакт, а Чернышевский как

пришел одиночкой, так одиночкой и оставался, предпочитая больше никогда и не перед кем не обнажать душу и не делиться волнующими мыслями.

Ему было плевать на всех и вся, вплоть на свое новое положение. Олег предпочел остаться никому не приметным бывшим милиционером. Оттого его всякий раз передергивало, когда Тузик, безумно гордый, что в своё время поучаствовал в его становлении как Волкодава, и спустя годы продолжал страшить молодняк новым авторитетом.

— Волкодав! — Призыв очередного прихлебателя передернул Чернышевского.

Да что ж такое, побыть наедине с собой толком не дают.

— Чего тебе, Шнырь? — Обернувшись, Олег презрительно глянул на нагнавшего сокамерника.

Бывают люди, умеющие так подстраиваться под ситуацию. Совсем недавно этот человек в первых рядах выступал против него, за что получил и не раз, а сейчас бегаёт следом, выслуживается. Лучше бы перед новым положенцем пресмыкался.

— Там тебя это... — Переводя дыхание. — В дежурку вызывают.

— Твою мать. Час от часу не легче. — Выдохнул обреченно Чернышевский. Рано радовался, что его не дергают. — Зачем, в курсе?

— На свиданку к тебе приехали.

— На свиданку говоришь?

Олег на несколько мгновений в ступор впал, пытаясь уловить, кто и зачем мог к нему явиться. За последние годы ведь как? Давно привык, что подобная роскошь не для него. Некому было ездить. Ни родных, ни близких, ни друзей. Как получил последнюю передачку от Шторма с сообщением, что дед умер, да после фото Ритки с борделя от Туза, и конец на том. Оторванный от внешнего мира, не имел никакого шанса узнать, что происходит в родных краях.

Короткие размышления и мужчина, как заведенный, помчался в дежурку. На месте его без лишних вопросов и осмотров провели в комнату для свиданий, открыв которую Олег был и удивлен, и не удивлен одновременно.

За столом, обложившись бумажками, дожидался не кто иной, как Игорь Штормин собственной персоной. Возмужавший, изменившийся, но как всегда серьезный и увлеченный своими делами. В форме, с капитанскими погонами. И что более парадоксально, в костюме капитана службы безопасности. Карьерный рост превзошел мыслимые и немыслимые ожидания. Ну, Шторм, сам себя переплюнул, засранец!

Закрывшаяся сзади дверь привлекла внимание друга и тот, подняв голову на Чернышевского, спокойно проговорил:

— Ну, привет, брат.

— Здоров, Игорёк. — Усмехнувшись, Олег замешкался, не зная, как себя вести.

Вроде друг приехал, но так давно не виделась, много воды утекло. Они теперь по разные стороны баррикад. Куда Чернышевскому, убийце, до служащего элитной службы безопасности.

— Чего застыл? — Первым нарушил молчание Игорь. Подхватившись, бросился к Чернышевскому с крепкими мужскими объятиями. — Неужто не рад?

— Рад, конечно, рад! — Засмеялся Олег. Впервые за последние годы искренне и по-настоящему. Впервые за все это время чувствуя, что не совсем один.

Как ему все-таки не хватало близкого плеча рядом. Сейчас будто груз свалился, надежда

появилась...

— Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Да я это... — Похлопав Олега по плечу, начал оправдываться Игорь. — Такое сумасшествие последние годы было. Работой завалили, разгребался с одним громким делом об угонах, потом переквалификация, на повышение пошел.

— Я вижу. — Усаживаясь за стол, хмыкнул Чернышевский. — Хотя думал, ты женился, семейная жизнь замотала.

— Я? — Садясь следом, ополчился Игорь. — Ни за что в жизни!

— Гляжу, годы идут, а ты не меняешься.

— Жизнь такая. — Грустно улыбнулся Штурм. — Олег, не обижайся.

— Чего мне обижаться? Не дурак, понимаю, что у всех нас своя жизнь и свои способы выживания. Ты вон повышения по службе и погоны зарабатываешь, а я...

— А ты авторитет на зоне. — Сортируя документы, продолжил Штурмин.

— Этого мне не хватало. — Зажмурившись, мрачно протянул мужчина. — Тоже в курсе?

— О, еще как! Слава о Волкодаве быстро распространилась как в криминальных кругах, так и в структуре. Лихо ты, Чернышевский! — Взглянув на друга, с уважением бросил Игорь. — Не ожидал.

— Штурм, давай без этого. — Отмахнулся Олег. Указав на внушительную папку на столе: — Если ты, конечно, не приехал запоздало разгребать дело об убийстве Туза.

— Шутки шутишь? Это дело давно ушло в небытие. Но ты прав, я приехал к тебе не совсем как к другу, но по не менее важному делу.

— Погоди-погоди! — Поднимая ладони вверх, прервал Чернышевский. — Я понимаю, что у тебя карьера и всё такое, но для начала скажи, что-то о Ритке за эти годы было известно?

— Вот, Чернышевский, что ты за человек такой? — Наигранно вознегодовал Штурм. — Не беги впереди паровоза. Я все по порядку расскажу.

Напрягшись, мужчина вопросительно уставился на друга. Ожидал всякого. Боялся одного — услышать, что больше не ради кого дожидаться окончания срока.

— Известно, что твоя Ритка все шесть лет провела в борделе Сизого. — Заметив, как руки Олега сжались в кулаки, а на скулах заиграли желваки, Игорь осадил: — Спокойно. Если у тебя по-прежнему есть желание помочь ей, должен выслушать не перебивая.

— Слушаю. — Кивнул Чернышевский, сосредоточив внимание на друге.

— Дело, по которому ты срок мотаешь, шито белыми нитками.

— Охренеть, Америку открыл! — Не удержался мужчина.

— Поверь, всё гораздо сложнее, чем ты думаешь.

— Например?

— Например, сидишь за убийство человека, который на самом деле жив-здоров.

— Что?

— Во всяком случае, был жив на момент суда. К этому времени, возможно, и отошел в мир иной. За ним не убудет.

— Ничего не понимаю. — Отказываясь верить, встряхнул головой.

— Олег. — Поддаваясь вперед, Штурмин заговорщицки проговорил: — Тебя тупо посадили, потому что нужно было посадить. Ты всем мешал. Городков оказался вовремя подвернувшимся поводом, не более того.

— То есть, выходит, что все шесть лет я сидел ни за что?

— Увы. — Шторм развел руками. — Скажи спасибо, что они решили поднапрячься и, провернув столь сложную схему, но оставить тебя в живых вместо того, чтобы пришить на злополучном заводе.

— Как же так? — Поднявшись, Чернышевский схватился за голову. — Жизни стольких людей пошли под откос потому, что кому-то так захотелось?

— Олег, возьми себя в руки! — Осадил Игорь. — У нас есть реальная возможность освободить тебя условно-досрочно. Здесь — Ткнув в папку, — Собрана куча информации по нашему делу. И если хочешь получить заслуженную свободу, ты должен сесть и выслушать нас.

— Нас? — Удивленно уставившись на друга.

— Да, Олег. Нас.

Игорь встал, повернулся к двери, откуда вошел сам Чернышевский. Дверь словно по команде отворилась и в комнату ступил мужчина средних лет с засеребрившимися от седины волосами. В сером деловом костюме. Хмурый, серьезный. Взглядом приковывая к месту. Мужчина, в котором чувствовалась порода, и который явно был не последним человеком среди больших людей мира сего.

— Познакомься, Олег. — Представляя вошедшего, Штормин разом подтянулся. — Мой непосредственный начальник, руководитель главного управления отдела по борьбе с коррупцией и организованной преступностью — генерал-майор Андрей Михайлович Одинцов.

Подходя поближе и протягивая Олегу руку, чиновник с ухмылкой подметил:

— Можно просто — Вотан.

2010 год

Вотан. Человек, которого в первую очередь должна волновать судьба Риты, но который уже шесть лет чего-то выжидал. Довыжидался. Еще немного и его идеально продуманные планы полетят к чертям собачьим!

— Так, всем нужно успокоиться и трезво посмотреть на ситуацию. — Стараясь сохранить самообладание, заговорил Михалыч.

— Бл**ь, а что мы делаем последний час? Сидим и спокойно думаем! — Взорвался Олег.

— Все-таки я ошибся, утверждая, что Михалыч всегда прав. — Наливая алкоголь в бокал, равнодушно вмешался Игорь. — Больше всего нужно успокоиться Олегу. Олег, — Обращаясь к взвинченному мужчине — Ты всегда бросаешься в омут с головой, когда дело касается Маргариты. Но сейчас не лучшее время. Один неверный шаг, и мы пропали. Причем все, включая её.

— Я. Поеду. За. Ней! — Уверенно отчеканив, Чернышевский подхватил куртку и направился к выходу. Потянувшись к ручке, почувствовал, как кто-то положил на плечо руку. — Не нужно меня останавливать.

— Олег, поверь, тебе лучше не светиться. — За спиной раздался обеспокоенный голос Буртенко.

Обернувшись к другу, Олег заметил, что у того разбита губа. От кого досталось, сомневаться не стоило. Руслан сюда приехал позже всех, мотавшись к Рощину на поклон, когда выяснилось, что Ритку умыкнули.

Чернышевский знал, что Буртенко удалось не только увидеть Маргариту, но и ощутить неблагоприятный настрой Рощина на себе. И воображение, вырисовавшее яркую картинку того, что Плантадор может сотворить с любимой в гневе, толкало Олега к необдуманным поступкам.

— Ритка сильная, она справится. — Продолжал Буря. — И Рощин вопреки своей больной натуре не посмеет ей что-то сделать. Поорет — да. Но она нужна ему. Сам прекрасно знаешь. Я сегодня видел, как ему крышу рвет. Нас с Калачом чуть не размазал за нелестные отзывы о ней.

Брови Чернышевского удивленно поползли вверх, а Буртенко разведя руками, пояснил:

— Извини, чтобы сыграть роль правдоподобно, пришлось выставить себя далеко не джентльменом.

Глядя на друга, Олег засомневался в правильности своего решения. Все они подставляются. Руслан едва ли не больше остальных. Страшно представить последствия для Бури, если Рощин с этим своим Калачевым узнает о его причастности к структуре.

— Что нам делать? — Смотря за спину Руслана на Вотана и Игоря, которые беззвучно ожидали его решения.

Важно не ошибиться. Если Буря прав, нужно действовать по плану. А если нет? Риск потерять Маргариту велик. А терять ту, к которой стремился почти всю жизнь, когда едва ли обрел, самое ужасное, что можно представить.

— До рассвета осталось пару часов. — Проследив за стрелкой на циферблате, проговорил Руслан. — Нам нужно наметить приблизительный план действий. Мне — очередные отмазки для Рощина, и сразу поеду к ней. Тем более при всей подозрительности, Кирилл еще не снял с меня полномочия начальника службы безопасности и её личного телохранителя.

Кивнув, Чернышевский вернулся в комнату. Бросив куртку обратно на кресло, подошел к Штормину, забрав у того бокал, одним глотком опустошил и вернув обратно хозяину, уточнил:

— В таком случае у кого какие предложения?

— Узнаю нашего Волкодава! — Подмигнул Буртенко.

— Что мы имеем?

— Облаву на рощинский офис, которая ничего не дала. — Отчитался Игорь. — Есть маленькие грешки, но вопреки надеждам, доступа к основной информации, которая поможет зарыть Плантадора и раскрыть его грязные делишки — нет. Можно сколько угодно продолжать официально копать через Golden Drive, но это пустая трата времени и повод вывести Рощина из себя. Последние шесть лет лишнее тому подтверждение.

— Как насчет базы? — Обращаясь к Руслану.

— Накрыть можно, но что это даст? У Рощина всё продумано на десять шагов вперед. Пансионат на него даже не оформлен. — Наливая и себе, доложил обстановку со своей территории Буря. — Что денежки идут именно ему в карман не так легко доказать.

— То есть нам нужно найти доступ к бумагам?

— Или поймать Плантадора с поличным, когда ему откроется свободный путь за границу для переправы наркоты. — Напомнил Штормин.

— Но свободный путь возможен в случае, если Рошин выиграет тендер.

— От которого ты благополучно отказался. — Постучав пальцами по подлокотнику, заговорил Вотан.

— Кстати, если не ошибаюсь, — Отсалютовал бокалом Игорь. — этот момент документально нигде не прописан. А учитывая, что Олег, по мнению Рошина, давно стал вести нечестную игру, уведя из-под носа Маргариту, нашу кандидатуру запросто можно не отзывать с тендера.

— Слишком много времени на все это уйдет... — Взъерошив волосы, взвыл Чернышевский.

— Несколько недель до тендера и максимум столько до момента, когда Плантатор проколется. — Рассуждал вслух Вотан. — В случае нашей победы Рошин сделает всё, чтобы либо убрать Олега и получить долгожданный доступ, или попытается втянуть в свой наркобизнес, раскрыв перед нами все карты.

— Если не попытается? Если верить словам Руслана о его отношении к Ритке, Рошин скорее меня прибьет.

— Не исключено. — Прикурив сигару, генерал продолжал хладнокровно обыгрывать допустимые варианты. — Но в случае победы Рошина, мы с помощью Руслана выйдем на прямой канал поставки и накроем его с поличным.

— Если к тому времени Кирилл не пронюхает о моей связи с вами. — Вмешался Буртенко. — В свете последних событий и тому как настроен Калачев, ощущение, что это вопрос времени. Успеем ли?

— Здесь ты прав. Можем не успеть. — Согласился Михалыч вставая. — Стоило изначально действовать по задуманному плану. Но всё кувыркком пошло. До тендера вагон времени, а нам до разоблачения считанные дни.

— Михалыч, давайте не будем нагнетать! — До этого спокойный, Штормин сорвался. — Нас еще никто не разоблачил! Подозрения, не подтвержденные доказательствами, — липа.

Повисла пауза. Каждый задумался, насколько правдивы слова Игоря. Или это очередной способ себя успокоить? Нервы на исходе, здраво мыслить не получалось.

— Значит так, — Отойдя к окну, где давно рассеивались сумерки, Вотан выдал: — наша игра зашла чересчур далеко. Здесь либо пан, либо пропал. Ты, — Указал рукой на Руслана. — сейчас же возвращаешься к Рошину и докладываешь обстановку. Что ты ему пообещал?

— Маргариту найти. Но, сами понимаете, её и без моей помощи нашли.

— Значит, сделай вид, что землю носом роешь в попытках выяснить, каким образом Маргарита оказалась с Олегом! — Прикрикнул Михалыч.

— Понял!

— И прогибайся, прогибайся побольше! Может получится выйти на нужные нам данные.

— Постараюсь. — Скрипнул зубами Буря.

Похоже, лишь Олегу удалось заметить, каких усилий потребовалось Руслану, чтобы согласиться на указания генерала. Здесь, вопреки сложности ситуации, мужчина отлично понимал друга. Сам никогда ни перед кем не прогибался. А прогибаться перед таким козлом, как Рошин, последнее дело. Паршивая у них работенка.

— Свободен! — Указал на выход Вотан. — К вечеру чтобы отчитался. И да, — Когда

Буря очутился на пороге. — Будь осторожен. Не дай Калачеву раскусить тебя.

Буртенко кивнул, открывая дверь. Но вновь был остановлен. На сей раз Чернышевским:

— Рус, ты это...

— Я прослежу за Маргаритой. — Закончил за него мужчина. — Можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо. — Пробормотал Олег.

— Попал наш Русик. — Фыркнул где-то сзади Шторм. — Может, не стоит так самозабвенно рваться в бой?

— Что? — Не сразу вник Чернышевский.

— Ребят, давайте начистоту — на данный момент Руслан из нас четверых рискует больше всего. Если Роцин пронюхает, церемониться с ним не станет. Это не Маргарита, которая в любом случае нужна ему живой.

— И что ты предлагаешь? — Удивился Михалыч.

— Ничего не предлагаю, мысли вслух. На случай если кто не понял до конца всей серьезности и чем грозит провал.

— Слушай, Штормин! — Вознегодовал Руслан, в несколько широких шагов преодолевая разделяющее их расстояние. — Поверь, за последние годы я отлично усвоил, чем рискую и как рискую! Это ты у нас, — Ткнул пальцем в грудь товарища. — больше в тылу отсиживаешься. А я не понаслышке знаю, что такое реальная облава. Это тебе не документики перешерстить в офисе! Я за шесть лет сам не рад, что ввязался во всю эту историю! Я каждый день как на пороховой бочке, потому что каждый день может стать началом моего конца! Но ничего, как-то живу! Потому что раз взялся за дело, предпочитаю доводить его до конца!

— Ты хочешь сказать, что я струсил, раз не рвусь чуть что в бой, как ты? — Переводя взор с руки Руслана на его лицо. — Извини, друг, но кому-то и бумажную работу нужно выполнять.

— Заметь, я ничего подобного пока не говорил! — Упрямо поджал губы Буртенко. — И ты извини, друг, но ради справедливости порой приходится чем-то жертвовать. Рискую? А что поделать? В случае чего отправите моим родителям официальную бумажку с присвоением капитанского звания посмертно.

С этим Руслан отвернулся и уверенно прошагал к выходу.

— Да чтобы ты знал, я свое отбежал! — Крикнул вслед закрывшейся двери Шторм. Бросив пустой бокал со всей дури в стену, шикнул: — Да пошел ты!..

— Лучше бы молчал, Игорь. — Устало отозвался генерал. — Нам всем сложно и все прекрасно понимают, чем рискуют. Ему сейчас в логово врага идти, а ты взвинтил его до предела.

— О нем, дураке, беспокоюсь.

— Стоило мне ехать вместо Руслана. — Опустившись на край кресла, заплетающимся языком пробормотал Олег.

— Да что вы ноете и ноете, как бабы! — Взревел Вотан, стукнув кулаком по столу. — Мы только всё решили, а вы по новой! Вот Буртенко молодец — дали указание, пошел исполнять, не задумываясь, а вы... тьфу! Вместе заварили кашу, вместе и расхлебывать!

— Хорошо, какие нам указания? — Шторм включил хладнокровность.

— Подождем, что разведает Руслан и будем по ходу действовать. А пока идите с глаз моих! — Прикрикнув, мужчина устроился в кресле, закрыв веки. — Оба!

Игорю дважды повторять не пришлось и через несколько минут о его присутствии в этой комнате напоминали одни осколки разбитого бокала. Олег уходить не просто не собирался, но и планировал продолжать разговор с Вотаном, чтобы прояснить определенные моменты, которые не давали покоя. И куда идти? Некуда. Наедине с собой больше накрутиться и не сможет усидеть на месте. Сорвется и побежит к Ритке. Как пить дать сорвется.

Нет, он точно сволочь, раз продолжает сидеть здесь в ожидании неизвестности, в то время, когда Руслан, которому это дело, по сути, на*ер не сдалось, помчался под прицел...

— Ехать к Рощину должны были мы с Вами, а не Буря.

— Ты еще здесь? — Не открывая век, недовольно пробурчал Вотан.

Должно быть, мужчина ожидал, что после вопроса Олег испарится. Но он продолжил:

— Скажите, почему вместо того, чтобы что-то делать, мы с Вами сидим и ждем чего-то?

— Не чего-то, а удобного момента. — Уставившись на Чернышевского, выдохнул генерал. — Касаемо Руслана, ты отлично знаешь, что он наш единственный шанс не провалиться. Нам всем стоит молиться, чтобы его не раскрыли как можно дольше.

— Вы понимаете, что удобного момента мы ждем шесть лет? — Пройдясь по комнате взад-вперед, хмыкнул Олег. Застыл на миг, а после, передернувшись, взревел: — Шесть чертовых лет! Вы вдумайтесь! Шесть лет! Какого хрена? Именно шесть лет назад был самый удобный момент, который благополучно профукали. Сколько еще предстоит ждать?

— Олег, если считаешь, что одному тебе тяжело ждать, ошибаешься. — Поднявшись, Михалыч подошел к Чернышевскому и, похлопав того по плечу, заметил: — Ты устал. Пойди отдохни. Светает.

— Андрей Михайлович, скажите, — Пристально глядя на старшего товарища. — Вы хоть чуточку жалеете о случившемся?

— Ты себе не представляешь насколько. — Крепче сжал плечо Олега. — Каждый божий день меня не покидает одна мысль — всё, что происходит — происходит по моей вине. И эту вину мне вряд ли когда-то искупить.

— Никогда не поздно всё исправить.

— Да... Да, ты прав. — Замявшись, Вотан убрал руку с плеча Чернышевского отошел. — Как думаешь, меня можно простить?

— Не знаю. — Честно признался.

Криво усмехнувшись, Вотан отвернулся, намереваясь уйти. Но на пороге застыл, и вполоборота сказал:

— Спасибо тебе, сынок.

— За что?

— За честность. И что всегда был *с ней*.

— Михалыч, не нужно...

Попытался возразить, но закончить не успел. Утреннюю тишину разорвала звонкая мелодия мобильного, лежавшего на столе. Мужчина дернулся от неожиданности. Но не мешкая, бросился к трубке. Отмечая незнакомый номер, быстро принял вызов.

— Олег? — Послышался рваный вздох после легкого шуршания. — Это ты?

— Рита? — Нахмурившись, Чернышевский удивленно уставился на Вотана, который, как и он сам, замер в недоумении.

— Я хотела тебе сказать...

Дрожащий голос оборвался на половине фразы. Тут до Олега дошло — Ритка, его Ритка Сама позвонила. И его прорвало:

— Рит, ты где? Что с тобой? Я за тобой приеду!

— Олег... — Всхлип и дальнейшие слова, острием ножа, больно врезались в сердце: —

Не нужно никуда приезжать. И ты мне не нужен. Я с Кириллом.

— Рит, плевал я на Кирилла. Я тебя не оставляю.

— Нет. Ты не понял. Ты мне не нужен.

— Рит, погоди-погоди! Он рядом, да?

Стиснув зубы, Чернышевский держался изо всех сил, чтобы окончательно не взбеситься.

Очевидно, что Ритка напугана, поэтому несет эту белиберду.

— Олег, ты мне не нужен. — Будто заведенная повторила Маргарита. — Забудь обо всем, что было между нами. Это ошибка. Не ищи со мной встреч и исчезни из моей жизни. Навсегда.

— Рита! Ритуля, он тебя запугал, да?..

Вопрос, прозвучавший коротким гудком, так и остался без ответа. Несколько секунд Олег стоял, не шевелясь, пытаясь уложить в голове полученную информацию. Несколько секунд и мужчина, разбив телефон о стену, под вопросительным взглядом генерала, бросился к бару. Не раздумывая, схватил первую попавшуюся бутылку и, сделав несколько глотков, одним взмахом руки смел содержимое стола на пол.

— Я убью эту сволочь! Клянусь — я убью Рощина!

2010 год

— ...Это было ошибкой. Не ищи со мной встреч и исчезни из моей жизни. — Кусая губы в попытке сдержать вой, бормотала Маргарита. — Навсегда...

Передернувшись от брезгливости, Кирилл выхватил телефон из рук девушки и, нажав клавишу отбоя вызова, рыкнул:

— Хватит нюни разводить! Плохо жилось тебе со мной, что ли?

Вопрос был риторическим, поскольку у Рощина в голове не укладывалось как Ритка... Его Ритка, которую вытянул из огромнейшей кучи дерьма, могла сидеть и сопли растирать от факта, что всего-то нужно остаться с ним. Как всё в жизни относительно. Недавно молиться на него готова была за добродетель, а теперь... Тьфу, противно.

Глядя на ссутулившуюся, с размазанной по лицу краской, в облезлом платье девицу, Кирилл с трудом узнавал свою Королеву. Выглядела она, мягко говоря, жалко. Это бесило до чертиков. Не понимал, кого винить в происходящем в первую очередь: Чернышевского, что так не вовремя появился из неоткуда на пути; Ритку, что как обыкновенная сучка клюнула на нового кобеля; или на самого себя, что не доглядел, позволил ситуации случиться.

Скрипнув зубами, подхватился с дивана и прошагал ко всё еще открытому балкону, откуда веяло утренней прохладой. Достал с кармана брюк пачку сигарет, прикурил. Не оборачиваясь, устало выдохнул:

— Какого хе*а на балкон поперлась? Марго? А если бы я не вошел?

Допускать подобную мысль Рощин боялся и на мгновение. Ненавидел её, злился, убить готов был собственноручно часами ранее. Не столько за измену с Волкодавом, сколько за то, что хотела променять его, Кирилла, на этого ублюдка. Не просто хотела, а буквально жаждала. А отпустить не мог. Тому сотни причин и как не прискорбно признавать, пожалуй, главная из них, что не представлял жизни без глупой девчонки. Привык к ней, что ли.

Шел сюда, желая одного — убедиться, что случившееся жуткая действительность. Что мир, выстроенный годами, рушится как карточный домик и, если не предпринять никаких действий, потеряет не только дело всей жизни, но свою Королеву. Не верил. Могло произойти что угодно, но не это. А вошел — увидел её, пытающуюся перелезть через перила балкона, и как переклинило. Мысль о потере больше не казалась столь призрачной.

Черт подери, зайди на пару минут позже, кто знает, чем дело закончилось. Прыжок с высоты их этажа не предполагал ни малейшего шанса на спасение. Это даже не с машины на ходу выскочить.

Стянул её в последний момент. Рыдала, отбивалась, что-то бубнила, пытаюсь возмущаться. Кириллу пофиг. Позволить Ритке сделать шаг вниз означало вырыть себе яму. А при всей дерьмовости расклада, помирать Рощин не собирался. Подобного удовольствия сукиному сыну Чернышевскому не предоставит. И старому доброму знакомому генералу тоже. Что за время настало? Навалилось всё и сразу.

Стоп! Как раньше не подумал?

Выругавшись про себя, Кирилл нещадно смял окурок и выбросил с балкона.

На первый взгляд, что общее между закоренелым зеком и принципиальным воякой? Учитывая, что зек работает на потенциального врага Вотана. Но помнится, Ритка говорила что жила с Чернышевским по соседству. То есть его знакомство с генералом исключать не

стоит. Но какой резон первому ввязываться во всю эту гниль правовую? Чисто теоретически каким боком генерал смог втянуть на свою сторону бандюгана? Бред. Но что-то в этом бреде не давало покоя. Что-то, что маленьким червячком сомнения вынуждало задумываться в попытке распутать нити. Не факт, что связанные друг с другом, но чем черт не шутит.

— Зачем жить, если ты планируешь до конца дней запереть меня в этой квартире? — Шмыгнув носом, запоздало отозвалась Марго.

— Самоубийц не отпевают в церкви. — Зачем-то напомнил Кирилл. — Тебе в борделе не хватило ада? Шесть лет далеко не вечность.

Сам не понял, к чему прозвучало замечание. Не хотел терять её. Но признаться напрямую, означало торжественно вручить Одинцовой козырь против себя. До такой степени его разум еще не помутился.

— Лучше в аду вечно гореть, чем здесь, с тобой. — Взвыла Маргарита покорило от услышанного. Сжал крепче перила балкона, стараясь удержаться под контролем. Сорваться проще просто, но ни х*ена это не изменит. Ритка пуце прежнего начнет артачиться.

Погано и мерзко на душе. Неужто всё из-за гадкого Волкодава? Роцин ведь как удержал от новой попытки суицида, не придумал ничего лучше кроме как шантажом вынудить отказаться от Чернышевского. Да так, чтоб наверняка. Позвонить заставил и раз и навсегда расставить точки на «і». Чтоб знал сучонок, что Ритка его. Всегда было его и до конца дней останется.

Пришлось изрядно припугнуть, что убьет этого Олега. Размажет как букашку, и никто не вспомнит о нём. И ведь убьет. Неважно, что пообещал оставить в покое, если Ритка откажется от этой прихоти. Убьет за то, что она печется о Чернышевском как о нём, Кирилле, отродясь не пеклась. Прояснит немного ситуацию, узнает, кто за кем стоит и непременно убьет. Своими руками придушит.

— Или, знаешь, что? — Ритка никак не унималась. Секунда и Роцин почувствовал, как отчаянно заколотила по его спине кулачками. — Убей, меня сам! Давай покончим с этой нелепой историей раз и навсегда. Всем будет легче!

— Прекрати истерику! — Резко обернувшись и ухватив девушку за запястья, взревел мужчина.

— Почему же? — Маргарита извивалась, точно змея. — Так разом отомстишь грязной изменщице и предательнице, и своему заклятому врагу! Этого добиваешься?!

Кирилл смотрел на неё и не мог вообразить, какого х*ена даже сейчас, грязная, облезлая, в драном шмотье и мало походившая на ту Королеву, на которую однажды позарился, привлекала его. Более того, мужчине нынче хотелось одного и это отнюдь не убийство. Хотелось трахнуть её. Да так, чтоб думать забыла о Чернышевском. Чтоб поняла, кто здесь главный и кому принадлежит, раз простые слова не доходят в дурью башку.

В конце концов, почему стоит и разглагольствует. Давно привык брать от жизни всё, что пожелает. Маргарита никогда не была исключением. И не станет. Она его женщина и живо поймет, что игра в кошки-мышки не для него. С ним шутки плохи.

Подчиняясь мимолетному порыву желания, Кирилл переместил руки ей на талию. Рваный вздох дал понять, что Марго опешила от неожиданности и он, не давая опомниться, резким движением оттеснил к стене, прижимая своим весом. Шаря по хрупкому телу, про себя отметил, что совсем истошала его Королева, скоро кожа да кости останутся.

— Кирилл, что ты делаешь? — В попытке увернуться от жадных поцелуев.

— То, на что имею полное право. — Хрипло, чувствуя, что долго не продержится.

Напряжение последних дней выливалось в возбуждение, и сексуальная разрядка казалась единственно верным и удачным способом расслабиться. Плевать хотел, что об этом думает сама Маргарита.

— Пожалуйста, не надо... — Срываясь на плач, взмолилась.

Такая беззащитная и несчастная. Глядя на нелепые попытки вырваться из ловко расставленного капкана, у мужчины не возникало ни капли жалости. Ему доставлял удовольствие факт, что ныне в полной его власти. Наконец-то его. От него зависело — казнить или помиловать. И оба прекрасно понимали, чем всё закончится.

В испуганных глазах застыл ужас и маленькая надежда, что сумеет образумить. Но не в этот раз. В этот раз будет иметь Ритку так, как пожелает. Грубо и уверенно. Во всех позах и до тех пор, пока не удовлетворит свой голод.

Ухватив одной рукой за волосы, потянул голову назад, другой спешно расстегнул ремень на брюках. Раздвинул коленкой сжавшиеся ножки. Ритка вздрогнула, а Роцин, не контролируя себя, рвано стянул с неё трусы и прикоснулся пальцами к пылающей плоти. Конечно же, не готова. Вздрагивая раз за разом, путано заклинала о пощаде. Пощаде, которой не суждено случиться.

Поддавшись вперед, Кирилл рывком вошел в неё. Марго визгнула, вцепившись ногтями в его плечи. Мужчина, быстро задвигавшись, наконец, понял, чего ему не хватало. Тяжело дыша, действовал настойчиво и жестко. И чем больше видел в лице девушки боли и немой мольбы остановиться, тем глубже вбивал в неё свою плоть.

— Ну что... — Упираясь ладонями в стену у головы Ритки, между грубыми толчками пробурчал Кирилл. — До сих пор не веришь, что ты моя?..

— Ты пьян. — Глотая слезы и стоны, взывала Маргарита. — Этого... Я тебе точно не прощу. Ненавижу.

— Пьян. Но заруби себе на носу, детка. — Дернув за волосы вниз: — Мне не нужно твоё прощение. Мне нужно, чтобы всегда была со мной. Хочешь того, или нет, ты будешь.

Мужчина собирался сказать еще что-то, но моментальная разрядка накрыла волной всё тело и, вздрогнув в последней конвульсии, устало обвис на Марго. Переведя дыхание, приподнял лицо девушки за подбородок и, поморщившись глядя на заплаканные глаза, просипел:

— И еще: если бы я хотел твоей смерти, ты так и осталась подыхать на обочине шесть лет назад.

2004 год

— Где Сизый? — Рывкнул Роцин, угрожающе замахнувшись рукой. — Сизый где, спрашиваю?!

— Я-я, не знаю. — Заикалась Беллка. — Дома, наверное. Ночь все-таки...

— Звони! Чего стоишь, уши развесила?! — Выдержка мужчины катилась к чертям. — Пускай молиться, чтобы Маргарита была жива. Иначе я его живьем закопаю за произвол! Хотя в любом случае закопаю! — Сжимая кулаки.

— Кир, ты, вообще, слышишь? — Пытаясь образумить, вмешался Тимур, хватая за плечи

и заглядывая в глаза: — Гришки нет! Чего кипишуешь?

— Я рад. — Отмахнулся мужчина, смотря куда-то сквозь друга. — Но тут бабка надвое сказала.

— Да я вам отвечаю, Латунин труп. — Боязливо залепетал охранник, ставший этой ночью гонцом с плохими новостями. — Ритка его хорошо приложила!

— Чего ты вякаешь? — Подойдя вплоты к Серому, Кирилл в который раз за последние минут пять, врезал тому в живот. — Тебя нахе* приставили к ней? Ты куда, бл**ь, смотрел?!

— Я не думал, что так получится.

— Рот закрой! Со мной поедешь. Покажешь, где вы Ритку упустили! — Хватая за шиворот, потащил к выходу.

— Кир, а мне чего?.. — Метнувшись следом, уточнил Калач.

— Возьми у этих идиотов машину и езжай к Гришке домой, осмотришь чего да как! И ребятам своим позвони пускай подтягиваются. Там небось латунинские кипишь подняли.

С тем и вылетел на улицу. Прохладный воздух немного отрезвил, но Кирилл никак не мог до конца внять творившемуся. В мыслях хаос. Прав Тимур — радоваться нужно. Гришки нет — нет проблем. Вот оно, освобождение. Путь открыт — иди куда хочешь, делай что хочешь. Главное, он, Кирилл Роцин, единственный полноправный наследник отцовского бизнеса. Напрягаться не нужно.

С другой стороны, хе*ово так было. В голове не укладывалось, что больше не увидит свою Королеву. Как услышал от этого Сереги, что его девочка вены себе вскрыла, а потом прямо из машины... на ходу! Твою ж мать! Чем думала?! Вся жизнь впереди, а она. Знал бы, что так обернется, давно пришел и брата несчастного, и Сизого, козла несправедливого...

— Чего стоишь? — Толкнув под бок бедолагу охранника, когда тот застыл у дверцы авто. — Особое приглашение нужно?

Заняв водительское место, со свистом тронулся. Мчал, как на пожар. Нет, даже на пожар бы так не спешил. Благо в столь поздний час трасса практически чиста.

Не понимал, какого черта печется о судьбе Марго. Ну, подумаешь, очередная проститутка покончила жизнь самоубийством. Подумаешь, одна из девчонок, с которой спал. Одной больше, одной меньше. Сколько у него таких было и будет. И сколько из них лучше неё?

Стоит признать, что вряд ли хоть кто из них решился на столь отчаянный поступок. Пришить гниду Латунина в доме, где куча охраны, могла только его смелая Королева. И за то, что решила главную насущную проблему, ей определенно стоит сказать спасибо.

Может, поэтому Роцин так хотел увидеть её живой? Отплатить благодарностью за услугу. На обыкновенное «спасибо» способен, в конце концов, или нет?

— Тут направо. — Осмелился подать голос охранник, сидящий рядом, когда Кирилл едва не проскочил на сумасшедшей скорости нужный поворот.

— А то я не знаю! — Стукнув по рулю, рыкнул мужчина. — Так бы за Маргаритой следил, как за мной! Где конкретно она выскочила?

— Чуть дальше, за мостом. — Нервно озираясь.

— Дебилы! — Процедил сквозь зубы Кирилл, поглядывая на обочину. — Какого хе*а не остановились и не забрали её?

— Там менты недалеко обычно стоят. — Оправдывался Сергей.

— Менты?! Вы каким местом думали? Какие на*ер менты в полночь? Еще скажи, что бабайки испугались, придурки!

— Вот! — Заерзав на сиденье, закричал охранник, тыкая пальцем в боковое стекло. — Здесь где-то!

— Здесь где-то... — Передразнил Рошин, решительно выжимая тормоза. Вылетая из машины, ринулся к обочине, требовательно крикнув вылезавшему следом Сереге: — Фонарик в бардачке возьми.

Темнота, хоть глаз выколи. Еще и мелкий противный дождь в придачу. В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит, а у них вечно разборки эти сраные да проблемы.

— Ну и чё? — Пнув ногой высохшие, непримятые сорняки, фыркнул Рошин, вглядываясь вниз крутого склона. — Ты уверен, что здесь?

— Здесь. — Подсвечивая фонариком, Серега рассматривал близлежащую территорию. — Скорее всего.

— Скорее всего, или здесь? — Дав охраннику под зад. — Ты, бл**ь у меня на коленях будешь ползти от дома Гришки до самой Инанны, пока Ритку не найдешь.

— Я все проверю! — Спускаясь ниже, перепугано затараторил парнишка. — Не волнуйтесь, мы её отыщем. Живой или мертвой.

— Мертвой, мать твою?! — Заорал Рошин вслед. — Мертвой?! Да если ты найдешь её мертвой, ты сам труп! Понял? — Вытащив из кобуры пистолет, несколько раз пальнул рядом с Сергеем. — Ты понял меня?!

— Ай! Да, понял-понял! — Подпрыгивая, как уж на горячей сковородке, вторил тот отбегая.

— Чего там? — Когда свет фонарика вместе с охранником оказался в самом низу оврага.

— Боюсь, что ничего.

Мать его! Вот куда Ритка могла деться? Если Серега правильно указал место, нашли бы. Давно нашли! Никуда не делась с порезанными венами и в полусознательном состоянии. Максимум, валялась где-то там внизу. Право слово, не сбежала же!

Звонок мобильного отсрочил новую вспышку гнева Рошина.

— Слушаю! — Не глядя на входящий номер.

— Кир, где бы ты ни был, советую разворачиваться и направлять свою задницу к дому Авиатора. — С ходу выдал Тимур. — Здесь такая кутерьма началась. Ментяр, как собак не резанных, полон двор.

— Без меня...

— Не разберемся! — Оборвал Калач. — Самое время вступать в игру. Гришки нет, хватит отсиживаться в тени. Или хочешь опять остаться с носом? Если не подсуетимся, под шумок и под тебя копать начнут.

— Хорошо, сейчас буду. — И к Сереге: — Нашел что-то?

— Пока нет.

Махнув рукой, обогнул капот автомобиля.

— Калач, ты на проводе? Позвони этому своему майору Коробову и...

— Уже подполковнику. — Поправил друг. — И уже звонил. Он держит руку на пульсе.

— По мне, хоть фельдмаршал — один хрен. Звони еще раз. Пускай пробьет по своим каналам больницы, морги, не поступала ли к ним Марго.

— Сказал. Пробивает. — Обреченно вздохнул Тимур.

— Чудесно. — Отключившись, Рошин, прежде чем забраться в машину, крикнул

напоследок: — Серега, я поехал.

— Эй, а как же я? — Из-за бугра показалась голова карабкающегося вверх охранника.

— А ты профукал Маргаритку. Ищи давай! Не найдешь, можешь не возвращаться.

— Кирилл Сергеич! Подождите! — Бросаясь следом. — Нет её здесь. Её забрал кто-то

Точно Вам говорю!

— Раз нет, значит, и тебя не будет. У тебя максимум полчаса, чтоб сбежать, пока не приедет бабайка и не подвесит за яйца на ближайшем столбе.

— Кирилл Сергеич...

Но мужчина был непреклонен к мольбам. Включив зажигание, отъехал с места прежде, чем Сергей успел добежать до заветной дверцы.

Как Кирилла достали эти никчемные людишки вокруг. Все такие смелые, умные, пока жареным не запахнет. Такой вечно деловой по Инанне ходил этот Серега. Куда и девалась его фривольность. Ничего, пускай посидит в темноте, подумает на досуге о своем поведении. А то как за девкой беззащитной проследить — мы не в состоянии. А как жопу поднять и что-то сделать... Бесит!

Не нравилась Рощину ситуация. Ой как не нравилась. Слишком всё быстро происходило. Затишье прорвало и сразу скопом пошли и радости, и горести.

Суетная ночь выдалась. Глядя на горизонт, где из-за тяжелых туч показывались легкие предрассветные сумерки, мужчина надеялся, что часть проблем уйдет с темнотой.

Чудно так. Сам себя не понимал. Когда мать при смерти лежала, так не надеялся на чудо, как в отношении Маргариты. И нах*ена оно ему сдалась? Внутренняя чуйка подсказывала, что сдалась. Живую или мертвую, позарез необходимо найти Ритку.

К Латунинскому подъезду вырулил с первыми лучами солнца. Калач оказался прав — во дворе стояло два ментовских уазика, скорая и три иномарки с мигалками в придачу. А говорят, наши правоохранительные органы хе**во живут. Все бы так жили, катаясь на новеньких немцах.

— Чего тут? — Выходя на улицу, обратился к встречающему другу.

— Да чего-чего? Приехали, в доме движуха. Гришанькины щенки бегают в панике. Нас хотели повязать. Мы их быстренько прижучили. Я смотался на хату. Правду сказал паренек с Инанны — лежит тушка Гришанькина на полу, кровящи, как с кабана. Хорошо его твоя шлюшка приложила. Качественно. По ходу, у Сизого не одной древнейшей профессии учат.

— Ближе к делу! — Оборвал раздраженно Кирилл.

— В общем, не успели толком ничего прояснить, как менты прикатили. Оказывается, лопухи Гришкины вызвали. Одного не пойму, куда смотрели, когда Ритка правосудие вершила? Весь дом камерами напичкан. О, наконец-то! — Тимур кивнул на каталку, накрытую белой простыней, что вывезли из дома. — Думал судмеды прям на месте будут Авиатора на части разбирать.

— Изъяли записи? — Отрешенно проследив, как труп погрузили в скорую, уточнил Рощин.

— Не успели. — Вытащив пачку сигарет из кармана, отмахнулся Тимур. — Да и нахе* оно? Лишние проблемы создавать. Украли видеозапись, значит, кто-то замечает следы. Замечают следы — не первый раз в деле. Кто мог приложить? Конкуренты. А кто главные конкуренты? Мы. Вывод? Шумиху раздуют, тебя приплетут, бизнес застопорится. С записями всё ясно как божий день. Решил зажать Гришка девку, а девка оказалась с норовом, вот и грохнула. Дело плевое.

— Ты, Шерлок Холмс недоделанный. — Отобрал у друга сигареты, Кирилл сунул одну в рот. — Мне твои дедуктивные методы ни в одно место не уперлись. Сказал — нужно забрать видеозаписи, значит, нужно забрать.

— Крепко она тебя зацепила, эта девка. — Изумленно хмыкнул Тимур, протягивая зажигалку. — Чего толку выгораживать? Прибрала Гришку — умничка. Но она, поди, где-то в морге охлаждается, а нам еще жить, да трудится на благо родины.

— Пасть закрыл! Я знаю, что делаю.

По факту Кирилл ни черта не знал. Ни нах*ена ему эти записи, ни почему так печется о судьбе Ритки. Прав, скорее всего, Калач. Была бы жива, знали.

— Ты меня ради этого вызвал? — Спустил пару минут, когда следственный кортеж отъехал от дома, заговорил Роцин. — Проводить братца в последний путь?

— Вообще-то, ради этого. — Достав из авто тонкую папку с документами, ухмыльнулся Калачев. — Видеозаписи мы не изъяли, но думаю, это поинтереснее будет.

— Чего там? — Затягиваясь, мужчина выдернул папку, быстро перебирая содержимое.

— Документы на бизнес Гришки. Точнее, бизнес твоего отца, который благополучно загреб себе Авиатор задолго до смерти Леонидыча и тем более до открытия завещания.

Кивнув, Кирилл безучастно уткнулся в документы и пока изучал, Тимуру позвонили. По ответам сразу заподозрил, что появилась информация по волнующему вопросу.

— Кто звонил? — Не успел Калачев отключиться, поторопил Роцин.

— Поздравляю, есть новости про твою Маргошку. — Скептически хмыкнул друг. Будто специально дразня, растягивая слова: — Два часа назад какая-то подвыпившая компания малолеток нашла на обочине окружной девушку, по всем параметрам подходящую по описанию на Ритку.

— И? Где она? Что с ней? — Наступая на Калача. — Она жива?

— Жива, что с ней станется. В нашей неотложке, в реанимации. Побитая вся говорят.

— А я говорил, что моя девочка еще поборется. — Невольно расплываясь в ухмылке, Кирилл отдал документы обратно Тимуру и выбросив окурки, полез в машину. — Я к Ритке, а ты все-таки достань видео. Хоть сам, хоть через этого своего Коробова.

— Ты больной, что ли? У тебя совсем крыша поехала из-за этой проститутки?! — Вслед возмутился Калач. — Жива и жива. Не светись в больнице.

— Работай, Калач, работай! Когда мне понадобится твой совет, куда ехать и чего делать, обязательно спрошу.

Не обращая внимания ни на друга, ни на его парней, на всех парах сорвался с места и понесся в больницу. Отчего-то было важно увидеть Марго. Убедиться воочию, что жива. Не совсем здорова, но жива. Что в порядке. Затем можно браться за дела.

Потом с Сизым разберется. И с бизнесом, что вполне естественно вернулся к нему. На второй план отошла и усталость от очередной бессонной ночи, что минутами ранее валила с ног. Всё потом. Сначала Ритка...

2010 год

Постучав зажигалкой по столу, Кирилл измученно растер лицо. Дурак он, дурак. Чего творит? Запутался. Что тогда, в прошлом, что ныне. Но ранее Ритка, по крайней мере, не

заявляла, что ненавидит. А теперь — ненавидит. По глазам видел, что ненавидит.

Стоило держать себя в руках. Да как держать, когда до чертиков хотелось прижать её к себе и не отпускать. Чтоб мысли о побеге не возникало. Чтоб вспомнила всё, что их связывает. Чтоб думать забыла о Волкодаве, об очередной попытке суицида.

Ну, пригрозил, заставил отказаться от этого козла хитрожопого. Трахнул так, как хотел. Без прелюдий и её желания. Стало легче? На миг показалось, что стало. На миг. Насытил свое либидо, поощрил амбиции, а она опять сидит, скулит в комнате.

Конечно, она типа несчастная жертва, а он, Роцин, скотина. Типичное бабское поведение. То, что несколько дней с Чернышевским кувыркалась на вонючем острове — это ничего. Ей, как бабе, можно все: и выбор сделать, и ошибку допустить. Кириллу что прикажете делать? Сидеть и спокойно радоваться факту, что рога растут?

Мужчина глотнул коньяка из бутылки и плеснул немного в бокал. На подкашивающихся ногах вернулся в гостиную. Ритка сидела на полу. Где оставил, там и сидела. Ревела. Кто бы сомневался. Хорошо хоть к балкону опять не поперлась. Иначе б сам следом...

— Пей. — Присев рядом, протянул бокал.

— Не буду. — Морщась, Маргарита попыталась отодвинуться.

Ишь какая, цаца.

— Брезгуем? — Хмыкнул, убирая прилипшие к мокрому от слез лицу волосы. — Не пристало твоей королевской персоне пить со мной, да?

— Не лезь! — Шикнула, одёрнувшись, как от чумы. — Ты получил всё, что хотел? Оставь меня в покое.

— Ритка, вот скажи, чем я не угодил? Что сделал не так, что тебя потянуло на приключения?

Рассматривая девушку, в который раз поражался, чем так зацепила. Ничего особенного в ней нет. Таких кукол, как она... Да их же... И нет ни одной. Таких вот вроде с виду кукол, но с душой. Настоящих. Твою ж налево!..

— Ну, чего ты молчишь?! — Хлопнув ладонью по полу.

— Проще промолчать. Ты всё равно не поймешь. — Поежившись, Одинцова обняла себя за плечи, машинально отодвигаясь к стене. Подальше от него, Кирилла.

Боится. Мало того, что ненавидит, так еще и боится. Дожили.

— Уходи, Кирилл, пожалуйста. — Еле слышно, сдерживая дрожь, всхлипнула.

— А ты это?.. — Указал в сторону балкона.

Не нравилось ему её состояние. В таком состоянии глупости творить самое оно. Сиганет ведь. Как пить дать, сиганет. Но рядом может никого не оказаться, чтоб удержали.

— Не бойся. — Хмыкнула с издевкой. — Не прыгну. Усвоила урок, что умереть спокойно ты не дашь.

— Поспи ляг. — Поднимаясь, между прочим отметил Роцин. — И приведи себя в порядок. Выглядишь как шалава подзаборная.

— Я и есть шалава. Забыл? — Опустошив бокал, с вызовом заявила Ритка.

— Да. — Равнодушно пожимая плечами. — Но ты моя. Потому будь добра, прими королевский облик и начни вести себя, наконец, соответственно.

— Да пошел ты! — Пузатый стакан полетел вслед закрывающейся за Роциным двери.

— Пошел. Регулярно иду. — Мрачно согласился мужчина, оказавшись в коридоре.

Выудил из кармана брюк кольцо, что стянул с Маргошкиного пальца. Покрутил на свету рассматривая. Вещичка сомнительная. Ободок тоненький, как ниточка. Брюлик не лучшего

качества. Еще и надпись какая-то внутри...

Любовь наибольшая из всех страстей.

Хоть в чем-то Кирилл согласен с Чернышевским.

Надо же, этот индюк кольцо Маргарите умудрился подарить. Может, именно в этом основная ошибка Кирилла? Презентовал регулярно кучи шмотья. Барахло, шубы, цапки всякие: серьги, цепи, браслеты, кулоны, брошки. Кольца не дарил. Ни разу за все годы. И когда в борделе еще была, и когда к себе забрал. А этим бабам вечно лишь бы окольцевать мужика.

Не думал Рошин, что для его Маргаритки подобная хрень важна. Оказывается, и проститутки замуж хотят. Но он-то не хотел. В этом главная загвоздка. Кирилла и так всё целиком устраивало. Считал, что и её должно устраивать. Неужто, просчитался?..

Черт с этим кольцом. С ним или без, у Кирилла больше прав на Одинцову, чем у любого другого. Все равно никому не отдаст. Чтобы не возникло ни малейшего сомнения на этот счет, если понадобится, кандалами к себе привяжет. На цепь посадит и охрану приставит. Охрана, кстати, хорошая идея.

Сунув кольцо обратно в карман, достал телефон и набрал необходимый номер.

— Тимур. — Когда на том конце провода подняли трубку. — Пришли ко мне пару толковых ребят.

— Что случилось? Труп нужно закопать? — Мерзко рассмеялся Калач.

— Чего? — Не сразу сообразил Кирилл. — Мне охрану к Марго нужно приставить.

— А-а, вот оно что. — Разочарованно протянул. — Грешным делом, подумал, что ты её прибил на месте. А ты еще охрану. Не много чести бабенке?

— Плохо понимаешь? — Возмутился мужчина. — Я сказал, пришли пару толковых парней, которым можно доверять.

— Приставь к ней Бурого и всего делов. Ты же ему доверяешь, как самому себе.

— Я похож на психа, второй раз на одни и те же грабли?

— А ты приставь, приставь. — Загадочно потребовал Калачев. — Есть у меня на этот счет некоторые соображения. Ты его официально к Ритке, а мои парни хвостиком за ними. Не бойсь, моим точно можно доверять. Я ручаюсь.

— Ладно, будь по-твоему. Но подведешь, и тебя закопаю.

— Готовься Буртенко закапывать.

Отключившись, Кирилл хотел набрать Руслана, когда в дверь снова позвонили.

— Кого там опять черти принесли? — Идя ко входу, ворчал Кирилл. Но открыв дверь, невольно расплылся в ехидной усмешке. — На ловца и зверь бежит.

— Можно? — Перед ним стоял уставший и изрядно потрепанный Руслан с фингалом под глазом.

— Ну, заходи. — Пропуская в квартиру. — Дело к тебе есть. Но учти — налажаешь и на сей раз, три шкуры спусти и живьем закопаю.

— Я не подведу. Что от меня требуется?

— Из огня да в полымя? Молодец, уважаю. Будешь опять Ритку стеречь.

2010 год

Тик-так, тик-так, тик-так...

Маятник часов монотонно колыхался из стороны в сторону, отмеряя изнурительный поток времени. Медленно. Чертовски медленно.

Маргарита, провожая секундную стрелку, мыслями находилась за пределами этой комнаты. Пыталась спрятаться от ужасающей действительности.

В памяти всплывали яркие и, пожалуй, самые счастливые дни никчемной жизни, проведенные на Сицилии. Не из-за красивых мест, не из-за воплощенной мечты детства, а из-за Олега. Сказка, быстро превратившаяся в суровую реальность.

Ненавидела себя. За мерзкое прошлое, которое не отпускало ни на шаг. Которое снова и снова давило, грубо и жестоко выбрасывая на землю, напоминая — простые человеческие радости не для неё. Счастье не для неё. Побывав на дне, вывалявшись в липкой грязи, не достойна парить над землей белой красивой птицей, купаясь в солнечных лучах.

Невозможно стать чистой. Грязь не отмыть. Никогда. В этом Рита убеждалась изо дня в день. А когда позволяла себе хоть на миг забыться, что-то или кто-то с разгона и резко выкидывал на землю. Последнее время выкидывал предпочтительно Кирилл.

Маргарита ненавидела себя за слабость. Лучше бы перешагнула через перила балкона. Всем стало легче и проще жить. Проблемы, причиной которых регулярно становилась, решились сами собой. Но нет. Видимо, не достойна даже смерти. Не нужна ни на земле, ни на небе, раз Бог не может над ней смилостивиться.

Кирилл её растоптал. Морально вывернул наизнанку. Вырвал душу. Она готова была многое перетерпеть — и крики, и споры, и удары. Надеялась, что Роцин поймет, сжалится, отпустит, но... Для Кирилла не существовало границ. Угрозами заставить позвонить Олегу и отказаться, чтобы потом принудительно взять силой так в его стиле.

Пусть к грубому отношению Одинцовой не привыкать, но в конкретном случае осознавала, что вождеденному будущему с Олегом, о котором осмелилась задуматься всерьез, теперь никогда не сбыться. Как после случившегося сможет смотреть в глаза? Как после Роцина приблизится к нему?

Господи, а ведь с её прошлым так глупо и нелепо думать об изменах. О каких изменах идет речь, когда в свое время к ней половина городской верхушки ходила? Но нет, в какой-то момент позволила себе отпустить прошлое. После сицилийского отдыха поклялась, что больше ни с кем и никогда, кроме Олега... Но снова Кирилл. Пускай против воли.

О чем думает? После того, что наговорила Чернышевскому, он и сам не подойдет к ней. Маргарита, во всяком случае, не подошла на месте Олега. Так будет лучше. Главное, чтобы Роцин сдержал обещание и не пытался отомстить. Девушка сомневалась, но раз Кирилл дал слово, если она останется, не трогать никого, обязан сдержать. Раньше всегда держал свое слово.

Какая все-таки чудная жизнь. Ранее искала спасение в Кирилле, ныне кто бы предоставил спасение от него...

2004 год

Удручающий писк где-то на грани сознания усиливался с новой секундой. Боль, пронзающая каждую клеточку, каждую косточку тела, становилась ощутимее и реальнее. Воспоминания о пережитом тоже возвращались не сразу. Точнее, сначала, вообще, не возвращались.

Дышать было тяжело. Почто нетерпимо. Поняла это, когда монотонные звуки со стороны стали настолько громкими, что способны взорвать мозг. Шум почти невыносим. Голова была не просто чугунной. Казалось, с каждым потусторонним звуком извне со всей дури лупили по черепной коробке.

Если ад существует, теперь девушка знала, что он несет за собой. Едва слышный вздох, а ребра будто тисками внутри сжимали каждый орган.

Попытка приоткрыть веки далась с огромным трудом, словно пролетела с грандиозной высоты, падая. Но когда очи все-таки распахнулись, несколько мгновений пыталась сфокусировать взгляд на чем-то, заставить сознание включиться и вспомнить. Хотя бы кто она, где находится и почему?..

— Ой-ой... — Нечто похожее на стон донеслось где-то рядом.

Не сразу сообразила, что звук издала сама. Хотела пошевелить пальцами, а по телу будто проехался огромный асфальто-укладчик.

Со свистом втянула воздух. Выяснилось, выдохнуть немного проще, чем вдохнуть. Еще бы, вдохнуть, значит — побороться за жизнь. А испускать последние вздохи для слабаков типа неё. Не знала наверняка, но почему-то была уверена, что слабачка.

Прошло некоторое время, прежде чем очнувшись, начала немного соображать и рассматривать входящее в поле зрения. Светлые, едва синеватые стены, белый потолок, какой-то столик напротив с множеством разнообразных баночек.

Осознание, что находится в больничной палате пришло с тем, когда входная дверь справа, которую и заметить не успела, отворилась и в комнату вошел неизвестный седовласый мужчина лет пятидесяти, в белом халате и шапочке. Следом второй, моложе на пару десятков. Тоже в халате, но накинутом на плечи как-то наспех, небрежно. Мужчина, при одном виде которого кровь быстрее побежала в венах, но и дышать стало в разы труднее.

— О, наша пациентка пришла в себя! — Не без удовлетворения отметил на ходу врач, бросившись к койке, где лежала девушка. Оглянувшись на второго: — Я говорил Вам, Кирилл Сергеевич, что верну её с того света.

— Оставьте нас наедине! — Скомандовал второй.

Хриплый, твёрдый голос и хмурый взгляд, пронзающий насквозь, что-то всколыхнули в душе. Этот Кирилл смотрел на неё так, что не по себе становилось. Вместе с тем было что-то... знакомое, близкое, родное даже.

— Кирилл Сергеевич, то что девушка пришла в себя, ничего не значит. — Огрызнулся доктор, надевая стетоскоп. — Необходимо убедиться, что она в порядке.

Привычными движениями приложил слуховой аппарат к груди, несколько секунд вслушиваясь в далеко не равномерное дыхание. Проверил пульс. После достал из нагрудного карманчика ручку-фонарик, по очереди посмотрев глаза.

Равносильно, как для доктора его действия были привычны, так воспринимались девушкой с безразличием. Позволяя делать с собой необходимые манипуляции, не без любопытства рассматривала стоящего чуть поодаль мужчину. Сложив руки на груди, тот смиренно ожидал окончания осмотра, не сводя с неё глаз.

— Вы меня слышите? — Учтиво поинтересовался врач, обращая на себя внимание.

Девушка неуверенно кивнула, чувствуя, насколько тяжело дается движение.

— Помните, кто Вы и что с Вами случилось? — Продолжал допрашивать.

Маргарита повела головой, на сей раз отрицая. Если бы помнила, всё было гораздо проще. Наверное, проще.

— Хорошо. — Тяжело вздохнул седовласый мужчина. — Вы можете что-то сказать?

Втянув со свистом воздух, девушка приоткрыла рот, собираясь проронить какой-то звук, но нелепая попытка не увенчалась успехом и с уст сорвался свист.

— Хватит! — Четко, тоном, не терпящим возражений, прервал осмотр Кирилл. — Давайте, Петрович, на выход. — Указывая доктору на дверь. — Мне нужно с ней поговорить.

— Я не уверен, что она способна говорить... — Попытался возразить.

— Если Ваша помощь понадобится, непременно позову! — Огрызнулся мужчина.

— Пожалуйста, не утомляйте сильно. У неё и так с десятков переломов, да и сотрясение... — Подчинившись, врач направился к выходу, продолжая тихо возмущаться. — И пока непонятно её психологическое состояние. Две попытки суицида подряд. Мы просто обязаны принять какие-то меры. Боюсь, лечения в специализированной клинике не избежать.

Петрович говорил что-то, но девушка уже не слушала, пытаясь внять, почему о ней говорят, как о душевнобольной. Неужели вправду намеривалась покончить с собой?

— Довольно! — Прикрикнул Кирилл. — Как-то справлюсь. Я найму лучших психотерапевтов. Если понадобится, отправлю за границу. Но ни о каких психушках речи идти не может.

— Хорошо. — Развел руками врач, оглянувшись на пациентку. — Хозяин-барин.

— Марго, королева моя! — Тот час, когда дверь закрылась, с облегчением выдохнул Кирилл, бросаясь к постели девушки.

На миг она опешила от его реакции. Не сразу поняла, что к ней обращается. Что королевой почему-то назвали её. Назвал этот, с виду властный и уверенный в себе мужчина, но который рядом с ней разом почему-то превратился в испуганного и переживающего мальчишку. Переживающего за неё.

— Хорошо, что ты жива. — Хватая за руку, затараторил. — Думал, с ума сойду, прежде чем тебя нашли. Какая ты дурочка. Тоже мне, удумала из машины прыгать.

Тут девушку будто токомшибануло. Крепко такшибануло, на все 220 вольт. Вздрогнула, что аж на кровати подпрыгнула. Отчего каждая клеточка заныла, пронзая насквозь острой болью. В памяти друг за другом закружились картинки прошлого. Злополучный завод; погоня; бордель; первая ночь с отъявленным мерзавцем Гришкой Латуниным; десятки неизвестных лиц, вереницей проходивших через неё; сам Кирилл Роцин, наконец... И та злополучная ночь, когда избавила мир от подонка.

Выдернув ладошку из захвата, скривилась.

— Больно, да? — Расценил по-своему реакцию Кирилл. — Прости меня, моя девочка. Я так рад, что увидел тебя.

— Я ведь убила его, да? — Одними губами, еле слышно прошептала.

Не узнала собственный голос. Не была уверена, что и Роцин услышал. Но по тому, как замер и выжидающе уставился на неё, поняла, что услышал.

— Ты не сделала ничего, за что стоит себя корить. — Спокойно, почти безразлично подметил Кирилл. — Одной швалью в мире стало меньше. Из-за этого не режут вены и не

бросаются под машины.

Маргарита поймала краем глаза на запястьях широкие бинты. Она резала вены и до смерти не хватило совсем чуть-чуть. Бросалась из машины, и каков результат? Лежит здесь, в больнице, как побитая драная кошка, но жива. Что это? Удача или рок судьбы?..

— Зачем вы меня спасли? — Чуя, как пересыхают губы от недостатка влаги, пробормотала Одинцова. — Почему Сизый меня до сих пор не убил? Почему меня не посадили?

— Маргошечка, не говори глупостей. — Усаживаясь рядом, на край кровати, ухмыльнулся Рошин. — Я никому не позволю тебя обидеть.

— Тогда где ты был, когда был так нужен? — Попытка приподняться, чтобы сесть, вызвала новый приступ боли.

— Прости, пожалуйста. — Погладив по волосам, норовя уложить Риту обратно. — Дурак я. Но больше не оставлю тебя. Вытащу тебя отсюда.

— Не надо! — Громко, что сама не ожидала. Превозмогая боль, закивала головой, как китайский болванчик. — Не надо меня ниоткуда вытаскивать. Просто позволь умереть. — Углядев на тумбе рядом какие-то таблетки, потянулась к ним. — Подай, пожалуйста.

— Марго, остепенись! — Придерживая руки девушки, прикрикнул Рошин.

— Дай таблетки, я выпью и всем будет лучше.

— Ничего я тебе не дам, успокойся! — Пытаясь приобнять. — Ты выздоровеешь и всё вернется на круги своя.

— Нет! — Упираясь в мужскую грудь руками (откуда силы взялись?). — Я не вернусь в Инанну!

— Конечно, не вернешься. — Сгребая девушку в охапку, в стремлении обнять. — Я тебя сам не отпущу, даже если захочешь. И перестреляю всех, кто пожелает тебя забрать.

— Я не хочу быть обузой! — Взвыла и слезы градом потекли из глаз. — Я хочу умереть! Позволь умереть!

Физическая боль, которая десятки минут назад буквально разрывала на части, нынче казалась ничем по сравнению с болью душевной. Теперь Маргарита сильнее брыкалась в крепких объятиях Рошина, надеясь вернуть боль. Надеясь, что она сможет заглушить и унять ту, что тисками сдавливала сердце и комом стояла в груди. Смерть, сон, что угодно, лишь бы не видеть перед глазами окровавленное тело Латунина и не помнить жутких лет в борделе...

— Успокойся, моя королева. — Баюкая, как маленького ребенка, шептал Кирилл. — Я никогда, слышишь, никогда не позволю никому к тебе прикоснуться. И умереть тоже не дам.

Знала бы Одинцова насколько Кирилл окажется прав в своих словах. Насколько четко умеет сдерживать подобные обещания. Возможно, сразу попыталась разорвать путы, казавшиеся спасительными...

2010 год

Едва слышный стук и Марго встрепенулась. Подскочив на кровати, осмотрелась, наспех вытирая мокрое от слез лицо. Надо же, не заметила, как расплакалась.

— Рит, я тебя разбудил? — В дверях замаячила фигура Буртенко. — Прости, пожалуйста.

— Это ты... слава богу! — Испутив облегченный вздох, безжизненно упала на подушки. На немой вопрос, пояснила: — Думала Кирилл пришел.

Прошедшие два, или три, дня (Маргарита напрочь потеряла счет времени) провела в гордом одиночестве. Если можно так назвать. Каждый день, по несколько раз, прорывалась домработница с едой. Наверняка с подачи Рощина. Пару раз приходил и собственной персоной, но оба раза девушка его игнорировала, делая вид что спит либо молчаливо выслушав, запиралась в ванной.

Знала, что раздражает. Чувствовала, что мужчина пребывал на грани срыва, но было плевать. Как никогда ранее. Больше, чем тогда больнице, когда почти подыхала. Последний поступок Кирилла перечеркнул всё: и доброе, и поганое. Лимит переживаний по его поводу исчерпан. Презирать не могла. Однажды вытащив из болота и подарив определенную волю, отныне он представлялся разрушителем. Видеть и слышать его не имела ни малейшего желания. Что-то доказывать, переубеждать — гиблое дело. Прошлая попытка, увенчавшаяся новой порцией боли, ясно дала понять. Проще корову научить летать, нежели получить помилования у Рощина.

Судя по, как всегда, бесцеремонно-наглому поведению, его это ни капли не смущало. Не раскаивался. Вел себя, будто это она, Ритка, втоптала его в грязь, лишив остатков надежды. Хотя, возможно, попытка уйти к Олегу была расценена именно так. Никогда не разбиралась в мужской логике.

— Рощин уехал в офис. — Спустя пару минут подал голос Руслан.

Смерив взглядом стоявшего в дверях мужчину, Одинцова безразлично пожала плечами, крепче притиснув к груди подушку.

Бурю опять сделали цепным псом. Об этом на следующий день после феерического возвращения сообщил сам Кирилл во время первого пришествия.

С одной стороны, обрадовалась. За прошлые недели каким-то чудным образом Руслан стал не сказать близким, но небезразличным и не чужим человеком. Привыкла к нему. И это гораздо лучше, чем очередная шестерка Калача.

Шесть лет прожила, не обращая внимания на чуть хамоватого начальника охраны, а оказалось, в доме он наиболее адекватный и единственный на чью хоть моральную, но поддержку можно рассчитывать. Причина в его связи с Олегом или еще чем-то, неважно. Главное, Руслан всегда готов прийти на помощь. Другой вопрос, сколько Буртенко планирует продолжать нелепую игру в шпионов под прикрытием. Смысла притворяться дальше, по мнению Маргариты, не было. Но выяснить наверняка до сегодняшнего дня не выдавалось случая.

— Зачем тебе всё это, Русь? — Вперившись взором на мужчину, поинтересовалась Маргарита. — Выбирался из этой грязи, пока не поздно. Неужели у тебя больше не для чего жить?

— Может, хватит тухнуть? — Вопросом на вопрос, приподняв бровь. — Скоро мхом покроешься.

Девушка хотела запротестовать. Но сообразив, к чему клонит Буря, подхватила с кровати и, натянув вязаный кардиган, пригладила растрепанные волосы. Позабыла, что здесь у стен не только глаза, но и уши. Это ей уже терять нечего, но подставлять Руслана не имела права.

— Буртенко, я собираюсь прогуляться в парке. — Как можно безразличнее скомандовала.

— Что же, — Разведя руками, театрально хмыкнул Руслан: — Хозяин — барин. Но боюсь, придется потерпеть мою настырную компанию.

— Пожалуйста. — Вздернув подбородок, Одинцова уверенно прошагала мимо мужчины на выход.

Лишь на улице вдохнула полной грудью. Тяжелые капли дождя, срывающиеся который день с пасмурного неба, не стали помехой. Оказывается, вырваться хоть на миг из золотой клетки — целое блаженство. Сразу дышалось свободнее.

— Как тебе удастся так правдоподобно притворяться? — Когда огромный зонт, услужливо раскрылся над головой Русланом, заговорила Рита, поёжишься. — Для меня пять минут и на стену лезть хочется.

— Долгие годы тренировки. — Ухмыльнулся Буртенко.

Некоторое время так и шагали, молча. Каждый размышляя о своем. Свернув к пустынному, из-за мрачной погоды, скверику, Руслан изрёк:

— Я говорил когда-то, что не рад, что ввязался в эту историю? — Маргарита кивнула. — Так вот, как бы погано ни было, притворная часть жизни многому научила. Научила выживать. Научила надеяться. Научила бороться. При желании я мог бросить всё на любом этапе. Особенно когда игра зашла слишком далеко. Когда ходишь по лезвию ножа и в любой момент способны вычислить. — Остановившись посреди аллеи, внимательно уставился на Одинцову. — Одному Богу известно, чем всё закончится. Но брось я вас, сам себя уважать перестану. Первыми с корабля бегут крысы. А я не хочу через некоторое время проснуться с мыслью, что мог что-то сделать, но не сделал, потому что струсил. Это не по-человечески.

— Ты к чему? — Запахивая полы кардигана, нахмурилась.

— К твоему вопросу, почему я здесь. Надеюсь, понимаешь?

— Более чем. Я не понимаю другого — за что вы боретесь? Какой смысл? Я не стою жертв.

— Дело не в тебе. — Упрямо поджал губы, крепче сжимая в кулаке ручку зонта.

— Тогда в чем?

Впервые так близко рассматривая Буртенко, пыталась постигнуть, каков он человек. Какие повороты судьбы занесли его к Рошину, в СБУ, вообще, во всю эту грязь. Наверняка имеет свою жизнь. Хотя какая к черту жизнь под прикрытием? Так, выживание. И холодный прищур, и каменное выражение лица говорили, что свою жизнь он положил на алтарь службы, которая никому ничего хорошего не приносила.

— У каждого свой интерес. — Пожав плечами, Руслан отвернулся и зашагал далее. — Причина не в Олеге, и тем более не во мне. Чтобы ты знала, я пешка в большой игре. Да и Олег тоже. Думаю, он предпочел быть на моем месте, рядом с тобой.

— После сказанного мной, он видеть меня не захочет. — Криво усмехнулась, выставляя ладошку из-под зонта, ловя мелкие капли.

— Глупая ты, Ритка. Мы вчера пересекались, он сильно переживает за тебя. Но как я сказал, по ряду причин не может находиться здесь.

— Меня Кирилл шантажировал. — Призналась с ходу. Так, будто это в порядке вещей: и шантаж и столь откровенные разговоры с Буртенко.

— В его стиле. — Также выдержано отреагировал.

— Он грозился убить Олега, если я не останусь.

— Олег как-то переживет эти угрозы.

— Нет, я думаю, он серьезно. — На сей раз остановилась Одинцова.

— Рит... — Пытаясь взять за руку.

— Нет. — Отдергиваясь, как от чумы. — Руслан, я его хорошо знаю.

— Не забывай, я проработал у него шесть лет.

— Даже если ты прав, я не смогу после вернуться к Олегу, будто ни в чем не бывало.

Прохладный ветер вызывал мурашки на коже и Ритка пожалела, что не надела куртку. Но какое дело до физического комфорта, когда сердце внутри заледенело. В голове всё смешалось, запуталось. Не хотела ровным счетом ничего. Лишь бы отстали. Забыться бы.

— Всё так хреново, да?.. — То ли вопрос, то ли констатация факта.

— Если Олег, как ты говоришь, хотел быть на твоём месте, почему позволил Кириллу меня забрать? — Вырвалось, прежде чем подумала. Прежде чем проконтролировала себя. И уже вопросы лились потоком, превращаясь в истерику: — Почему, до сих пор не забрал? Почему сидит и ждет чего-то? Почему ты отдуваешься за него? Это ведь не твоя война! Не твоя!

Опомнилась, когда колотила Руслана кулаками по груди, а тот, бросив зонт на землю, резко встряхивал за плечи:

— Возьми себя в руки, Маргарита! Ты переживала времена и похуже теперешних.

Сухой, безликий тон подействовал ушатом ледяной воды. Действительно, испытывала и не такое. И срывалась куда меньше. Но, как зачастую бывает, когда напряжение и нервы накапливаются, но регулярно сдерживаются в себе, в итоге хватает малейшей встряски, чтобы дойти до края. Стыдно, что именно Буря, меньше всего того заслуживающий, оказался свидетелем и попал под раздачу.

— Извини. Я... — Начала было, пряча лицо в ладонях и нервно вздрагивая.

Выдавить из себя что-то вразумительное не удалось. Запуталась. Чертовски запуталась. Жизнь походила на психоделическую драму. Как в страшном кино. Но если фильм рано или поздно подходит к концу, в их жизнях ни конца, ни выхода не предвиделось.

— Знаешь, ты права. — Заговорил Буртенко. — Мне осточертела эта игра. Пойдем! — Дернув за запястье, потянул в сторону дороги.

— Эй, куда? — Возмутилась, в попытках поспеть за мужчиной, шаги которого казались слишком широкими.

— На остановку. — Не оборачиваясь, буркнул Руслан.

Прежде чем в голове возникли предположения, что задумал, Буря уверенным движением поймал проезжающее мимо, среди десятков других авто, такси. Заглянув в салон сквозь опустившееся боковое стекло, о чем-то договорился с водителем, не отпуская руки девушки из своей. После, открыв заднюю дверцу, засадил Марго внутрь, а сам запрыгнул на переднее сиденье.

Мгновение и машина со свистом тормозных колодок сорвалась с места, несясь куда-то вперед. В голове рой мыслей. Попытки узнать у Руслана не дали ничего.

Отмахнувшись, как от назойливой мухи, мужчина набрал кого-то на мобильном. Секунды и имя Чернышевского из его уст пустило сердце Ритки вскачь. Сомнений, куда направляются не оставалось. И вроде стоит радоваться, но вместо радости тупо окутывал страх. Не за себя. За Олега. За Руслана. Если о поездке станет известно Рошину, не поздоровится никому. Мысли о том, чтобы не возвращаться почему-то даже не возникало. Хорошо усвоила урок минувших дней: сколько ни бегай, всё равно не сбежать.

К месту назначения добрались в считанные минуты. Хотя добираться далеко не

пришлось. Машина притормозила на главной столичной площади, в аккурат возле торгового центра.

Расплатившись, Руслан уверенно потянул Одинцову к стеклянным дверям.

— Вам с Чернышевским нужно поговорить. — Предугадывая заранее вопросы.

Почему Маргарита не удивлена? Не зря говорят: хочешь спрятать что-то — спрячь на самом видном месте. В данном случае прятаться будут они сами, но суть не меняется. Затеряться среди сотен случайных прохожих и посетителей ТЦ в центре столицы гораздо проще, нежели в малопосещаемой забегаловке на окраине.

Поговорить... Хорошо, не успела построить иллюзий, что появится возможность не возвращаться к Кириллу.

— Иди. — Остановившись у входа в одно из популярных кафе, Руслан указал на самый дальний столик, за которым сидел мужчина.

Олег. Даже из-за того, что тот, взявшись за голову руками, закрывал лицо, Маргарита не могла не узнать. По силуэту, по осанке, по тяжести и нервозности, сквозившим в каждом движении. Находясь в десятках метров от Чернышевского, казалось, слышала каждый его вздох.

От созерцания его чувства смешались. Хотела злиться, да не получалось. Хотела обнять, поцеловать, воротить уверенность, да нельзя. Ощущение недостойности после Рощина давало о себе знать. И потом... опасно всё. Если Олег готов рисковать жизнью не пойми ради чего, она жертвовать им не готова.

— Рит, иди. — Подтолкнув легонько в спину, поторопил Руслан.

А она с места не сдвинулась. Смотрела на такой близкий и вместе с тем далекий силуэт родного человека и постигала — отступать поздно.

В одно мгновение Чернышевский, словно учуяв внимание к своей персоне, опустил ладони и открыв веки, уставился на Маргариту.

Может, к лучшему? Глупо полагать, что телефонный звонок вынудит отойти в сторону. Но если взять себя в руки и в лицо повторить заученные фразы, Олег отстанет и поймет, насколько глупая затея спасти её как от Рощина, так и самой себя. Да, именно так Одинцова и сделает. Пойдет и убедит прекратить рисковать жизнями не причастных людей.

— Рита, ну же. — Не унимался Буртенко. — Он ждет тебя.

Да, Руслан прав — ждет. Видимо, всегда ждал. Пора разорвать замкнутый круг.

Глубоко втянув воздух, сделала уверенный шаг вперед. После еще и еще, приближаясь к заветному столику. С каждым шагом наблюдала за реакцией Олега. Как неспешно поднялся. Как, отодвинув стул, ступил навстречу. Как неуверенно приподнял руки с явным стремлением обнять, когда между ними осталось каких-то полметра. Но так и не обнял, получив от Маргариты окатывающий льдом взор.

Пройдя мимо, Одинцова опустилась на стул напротив.

— Рита. — Садясь обратно, неловко усмехнулся. — Ритуля... Прости, что не сдержал обещание. Не уберег тебя. — В попытке прикоснуться к ладони.

— Не нужно этого. — Отдернув руку, как от открытого пламени, поторопилась отвести взгляд. — Ты мне не нужен.

— Ритуля, я знаю, что он вынудил тебя так сказать. — Вновь касаясь хрупкой девичьей ладони, на сей раз накрыл своей, сжимая крепче и придавая уверенности. — Но мы вдвоем и можем поговорить откровенно.

Ах, как она этого хотела! Как, оказывается, за несколько мучительно длинных дней без

Олега, соскучилась по его прикосновениям, голосу. Но не имела права. Нужно успокоиться и раз и навсегда покончить со всем. Нужно сказать то, что должна. Глядя в глаза. Иначе не поверит.

Она ведь умеет притворяться? Раньше умела. Будучи в чертовой Инанне, неоднократно улыбалась и не подавала виду, насколько омерзительны прикосновения самых отъявленных мерзавцев мира сего. А соврать близкому во благо должна тем паче.

— Я, кажется, в телефонном разговоре ясно дала понять. — Пульс зашкаливал, выдавая волнение, но Маргарита уверенно посмотрела на Чернышевского. — Между нами больше ничего не будет. Ты мне не нужен.

Господи, хоть бы не углядел обратного! Хотя бы поверил.

— Хорошо. — Со свистом втягивая воздух, с трудом выдал Олег. — Об этом мы поговорим после. Но не замыкайся и не сопротивляйся нашей помощи.

— Нет, ты не понял! — Перебила, выдернув руку, не в состоянии вытерпеть сладкую пытку. Пора заканчивать с фарсом. Чем быстрее — тем лучше. — Мне не нужна ни твоя, ни чья-либо помощь! Вон, Буртенко лучше помощи! Хватит ему бегать, как верный пес, выполняя указания. Мне помогать не нужно. У меня всё прекрасно. Развлеклись и довольно!

— Рит, знаю, думаешь, что тебя предали, но не всё зависит от меня.

— Вот и прекрасно! На этом наши дороги расходятся. У тебя своя жизнь, у меня своя. В ней тебе места нет. В ней я с Кириллом.

— Да хватит уже про Кирилла! — Громче, чем следовало, закричал Олег, заставляя вздрогнуть от неожиданности Маргариту и привлекая внимание остальных посетителей. Оглянувшись, поддался вперед и уже громким шепотом: — Думаешь, я не знаю, что это его проделки? Что он тупо шантажирует тебя? А тебе приходится, как марионетке, подчиняться?

— А что мне делать? — Настал черед вспыхнуть Одинцовой. Чужа упрек, эмоции не сдерживались внутри. — Я снова сама за себя! Хотя нет, не так. Я и за тебя тоже! Или что прикажешь? Вильнуть хвостом и уйти от Кирилла, а позади пускай хоть танки взрываются? Да он первым делом того же Руслана прибьет! Потом тебя до кучи. А меня всё равно не отпустит! Свободы не видать! Если и видать, ценой в жизни небезразличных людей. Такая свобода мне не нужна.

— Ритуль, ты должна довериться.

— Я уже раз доверилась, когда согласилась ехать на Сицилию! — Слова вырывались прежде, чем успевала подумать, что говорит много лишнего. — Что дальше? Ты только и обещаешь, что всё наладится, вытащишь меня от Рощина и всё будет распрекрасно. Строишь из себя супергероя на словах. Что на деле? На деле ни черта не меняется! Становишься хуже! Каких-то несколько месяцев назад я жила себе припеваючи! Да, Рощин не подарок, но до твоего появления было спокойно. Моя жизнь, впервые за долгие годы, наконец, была спокойной! — Подскочив, намереваясь уйти, ударила наотмашь по самому больному: — Лучше бы я оставшуюся жизнь так и считала тебя мертвым.

— Маргаритка! — Хватая за запястье, мужчина резко развернул Одинцову к себе. На грани отчаяния, выдохнул: — Неужели ты так ничего и не поняла?

— Что я должна понять? — Свысока оглядев кафе, что как-то разом опустело. Устроив разборку на людях, не подумала, как должно быть гадко выглядит со стороны. — Про любовь и прочую сопливую хрень? Поняла. Жизнь научила, что ни к чему хорошему она не приводит.

— А что приводит к хорошему? — Скрипнул зубами Чернышевский, до боли сжав девичье запястье. — Подчинившись, как безвольная кукла, послушно исполнять указания человека, из-за которого с самого начала все мы: я, ты, Павел, а теперь Руслан и еще много людей, очутились во всем этом дерьме? Человека, которому изначально ты оказалась нужна потому, что невольно сделала за него грязные делишки? Или может продолжать жить с ним как ни в чем не бывало?!

— Погоди... — Сказанное Олегом, молниеносно пробиралось к сознанию, запутывая больше. — Что ты имеешь в виду?

— Ни разу не задумывалась, нах*ена нужна этому своему Кириллу? Думаешь, любовь-морковь неземная? Тогда почему забрал тебя с Инанны, только когда Латунин отошел в свет иной? Почему не позволил засадить тебя за убийство?

— А почему ты вспомнил обо мне лишь спустя шесть лет? — Парировала девушка.

— Придет время и о моих причинах узнаешь. — Раздраженно процедил Чернышевский. — Речь не обо мне.

В памяти Марго всплыл далекий вечер аукциона в борделе, когда Роцин купил право ночи с ней, опередив Гришку. Тогда они с Кириллом впервые стали близки, и он признался в ненависти к Латунину. Тогда причина для Одинцовой была неважна. Хватало, что эта тонкая ниточка цепко связывала их с Кириллом. Со временем, после убийства, тема невольно отошла на задний план.

— Может, достаточно тайн? — Подозрительно сощурились.

— В ту злополучную ночь ты убила не просто криминального авторитета по кличке Авиатор. — Ослабив хватку, признался мужчина. — Ты убила сводного, но от этого не менее ненавистного, брата Плантатора, лишив последнего надобности делить отцовское наследство и подарив возможность курировать огромные поставки наркоты из Афгана.

— При чем здесь Роцин? — На автомате опускаясь обратно на стул.

— Не улавливаешь связи? — Устраиваясь напротив, поддавшись вперед, заговорщицки поведал: — Роцин и Плантатор одно лицо. Винный бизнес — прикрытие. Мы за ним гоняемся несколько лет. И публично, по закону, и используя его грязные методы. Прямые облавы устраивали, подкупали его парней — всё тщетно. Тогда решились на кардинальные меры — внедряться самим, но заигрались слишком. Вон Русик внедрился, думали на пару месяцев, а в итоге во что вылилось. Я сам во всю эту хе*ь, думаешь, чего влез? Из-за тебя. Потому что хотели изнутри копнуть. Чтобы он, увидев во мне сообщника, прокололся. Фиговый из меня конспиратор, раз он похлеще стал замечать следы. А мы, не имея никаких документов, письменных доказательств, против него никто. Хитрый жучара. Не напрасно ни один десяток лет вертелся в криминальном мире, матерых СБшников затыкает за пояс.

— То есть дело в каких-то наркотиках? — Ошарашенно выдавила Маргарита на признания Чернышевского.

— Не только. Наркотики малая доля криминальной среды, которую контролирует Плантатор. Ты не представляешь масштабов.

— Какая разница, каковы масштабы? Неужели оно стоит того? Ежедневно рисковать своей жизнью и жизнью многих невинных людей год за годом, когда всё безрезультатно?

— В нашей профессии, к сожалению, иначе никак. В надежде спасти большее количество невинных, изначально ничего не подозревающих об этой грязной стороне жизни, людей, приходится рисковать. Думаю, не тебе рассказывать, как и почему большинство девчонок попадает в бордель. О наркотической зависимости и сексуальном рабстве за

границей ты наверняка наслышана.

— К счастью, хоть эта участь миновала. — Скептически хмыкнула Рита. — Но и такое, что пережила, врагу не пожелаю.

— Ну вот. — Пожал плечами Чернышевский. — Понимаешь?

— Что ты от меня хочешь, Олег?

— Знаю, что прошу о невозможном, — Прикрыв веки, осторожно прикоснулся к ладони Одинцовой. — Пожалуйста, доверься мне.

— Если бы ты не был настроен отпускать меня к Кириллу, вместо этого разговора, мы давно могли сбежать, не так ли? — Горько усмехнулась Рита.

Реакция последовала незамедлительно. Подхватившись, Чернышевский дернул девушку за руку, вынудив встать следом:

— Ты права — идем!

— Нет, Олег. — Застыв на месте, как вкопанная, возразила Маргарита. — Хватит бегать. У нас нет будущего. Я должна вернуться к Рошину.

— Ритка, ты слышала, что я что рассказал о нём? — Взвыл, хватаясь за голову.

— Слышала. — Чрезвычайно спокойно. Самой от себя стало страшно. — Не бойся, я вернусь к нему не для того, чтобы быть с ним. Кто-то должен оборвать этот фарс. Если чтобы покончить со всем кошмаром вам недостает каких-то бумажек, стоило сказать об этом с самого начала. Сама их достану.

— Рита, мне они не нужны такой ценой.

— Я достану их не ради тебя, а ради себя. — Ринувшись вперед.

— Стоять! — Перехватил Олег. Разворачивая к себе, крепко прижал к груди. — Ты к нему не вернешься.

— Вернусь, Олег. — Втягивая воздух, Одинцова вздернула подбородок, сталкиваясь с мужчиной глазами. — Заруби себе на носу — я шлюха. Ничего общего между нами, кроме секса, который уже случился, быть не может.

— Ритка, глупая моя, — Притянув её ладошку вверх, к губам, стал поспешно покрывать легкими поцелуями. — Что он опять с тобой сделал, что замыкаешься?..

— Тебе, правда, интересно? — С вызовом. — То же, что и десятки мужиков до него — трахнул. Надеюсь, осознаешь, что грязная девка тебе совершенно ни к чему? Не сейчас, так через месяц-два, в лучшем случае год — ты будешь смотреть на меня и видеть тех, кто ко мне прикасался. В первую очередь это будет Рошин. И когда это начнет повторяться регулярно, изо дня в день, ты меня возненавидишь. Но бросить не сможешь, потому что до того времени пообещаешь, что всегда будешь рядом. Не сдержать обещание нельзя, ты благородный, правильный. Тогда твоя жизнь превратится в ад. Ты пожалеешь, что связался с проституткой, да будет поздно.

— Ритуля...

— Смирись, что Ритка Одинцова, которую ты когда-то любил, умерла шесть, а лучше двенадцать лет назад, на том заброшенном заводе вместе с Пашкой. А я женщина, внешне похожая, но не имеющая ничего общего с ней.

Добивала окончательно. Больно становилось от этого, тяжело. Но так лучше будет. Сама прекрасно знала, что права. И Олег разумел. Не дурак.

Поймав взгляд на безымянном пальце, куда сам днями ранее надевал кольцо, ответила на немой вопрос:

— Кольцо верну через Бюрю. Вместе с документами.

— Но мы же...

— Нас нет. И ты. Мне. Не. Нужен. — Четко, с расстановкой, вбивая мысль в каждый уголок мужского сознания. — Той Ритки Одинцовой давно нет.

И пока Чернышевский не нашелся с ответом, вырвавшись, поспешила прочь.

У выхода из кафе караулил Руслан:

— Вы поговорили?

— Поговорили. — Обернувшись, слабо улыбнулась. — Спасибо.

— Но как же... — Растерянно разведя руками, мужчина застыл, как вкопанный, оглядываясь туда, где должен был остаться Чернышевский.

— Всё нормально. — Ободряюще похлопав Буртенко по плечу, храбрилась Ритка. — Он справится. Так к лучшему. Пойдем. Нужно вернуться домой до возвращения Кирилла. Нам с тобой предстоят ответственные дела.

Оглянувшись напоследок на кафе, одновременно и опасаясь, и желая еще раз увидеть Олега, направилась к выходу на улицу. Становясь центром внимания прохожих, была далеко отсюда. Пыталась собрать до кучи услышанное.

Кирилл и Плантатор одно лицо. Стало ли это открытием? Вряд ли. Всегда знала, что жизнь Рощина далека от праведной. Представляла ли, насколько всё серьезно? Выходит, не напрасно в голову лезли сравнения Кирилла с Латуниным. Единая кровь рано или поздно дает о себе знать. Многого становилось на свои места. Кроме одного — почему и ныне, спустя столько лет, Рощин не желает её отпускать? В неземные чувства верилось с трудом.

Черт подери, играют ею, как куклой! Олег, от близости которого чуть с ума не сошла, не исключение. Странно, что в какой-то момент удалось включить холодность. Если это можно назвать холодностью, после множества претензий, высказанных во время очередной истерики. Пора принять, что им не быть вместе. Не из-за угроз Рощина. Если Кирилла и можно как-то побороть, а вот психологические барьеры её самой вряд ли.

Довольно слез и страданий. Впереди действительно важное дело. Невзирая на отношения с Чернышевским, обязана помочь. Открывшаяся правда окончательно и бесповоротно отбила остатки былой благодарности Рощину за давнее спасение. Напрашивался логичный вопрос: кто и кого в итоге спасал? Кирилл, как обычно, свою шкуру, а она, Маргарита, стала одним из способов. Подошёл черед меняться местами: спасаться будет Одинцова, а Кирилла, выступающего препятствием, давно пора переступить.

Усаживаясь в такси, Рита не предполагала какова цена. Равносильно, как и не представляла, что последует далее. Пока существовала конкретная цель, пытаюсь достичь которой остальное отходило на задний план.

Девушка позабыла, что правда зачастую имеет свойство оборачиваться против борца за неё. Что для одного истина — для другого способ выживания. Когда в задаче сплошь неизвестные, трудно найти доподлинное значение. Правда, поданная под разными точками зрения, способна исказиться. Жизнь непредсказуема. Порой кажется, в твоих руках козырь, но он тут же превращается в мелкую, ничем не приметную масть. Готовясь к борьбе, ты становишься заложником обстоятельств и других людей. Борясь за свою истину, ты подвергаешь испытаниям и боли окружающих. И когда приходит осознание, что изменить ничего нельзя — рулетка жизни запущена. Не остается ничего, кроме уповать на Бога и молиться, чтоб справедливость восторжествовала...

— Недолго птичке летать осталось. — Хохотнул мужчина, откинувшись к спинке заднего сидения автомобиля, наблюдая через тонированное стекло, как Одинцова вместе с

Буртенко садились в такси. Обращаясь к сидящему за рулем: — Давай следом, но не светись. Он, конечно, лопух, раз не удосужился первое время посидеть, не рыпаясь, но хвост может заприметить.

— Само собой, шеф. — Отозвался водитель.

— Никуда от меня не сбежит. — Продолжал рассуждать вслух. — Но зарыть всегда успеем. Пускай для начала выведет на своих сообщников...

2004 год

— От, су*а! Чего так лохонулся, не пришел его с самого начала? — Скрипнул зубами Рошин, крепче сжимая в руке пульт управления и яростно всматриваясь в телевизор, где проигрывалась злополучная запись с Гришкиной квартиры.

— Кирюх, ты опять? — Вошедший в кабинет Тимур надменно хмыкнул, краем глаза цепляясь за происходящее на экране.

— Не опять, а снова. — Огрызнулся мужчина.

Со вчерашнего дня, когда Калачев изъясил через свои каналы запись, Рошин перемотал её не один десяток раз. Зачем? Черт знает. Но возвращался к видео, будто хотел время вернуть, изменить что-то, или найти зацепку. Всё тщетно. Лишь сильнее добивал себя. Хе*ово наблюдать, как этот убудок лапал его, Кирилла, Королеву. Противно. Глядя, как трепал словно последнюю шавку, скулы сводило. Хотелось начистить рожу придурку.

Говорят, о мертвых либо хорошо, либо никак, но Рошин физически не мог сдержать эмоций, чтобы не реагировать. Убила Ритка и поделом. Но легко отделался Гришанька. Кирилл бы его за яйца верх ногами подвесил и медленно кожу сдирал за весь беспредел, который творил.

Сильнее всего рвал на части момент, где Марго себе вены вскрывала. Тут фильмы ужасов отдыхают. Даже для него, повидавшего в жизни много крови и принимавшего участие не в одном убийстве. Но одно дело, когда своими руками убиваешь какую-то падлу, на которую начхать с высокой колокольни. Совсем другое — видеть, как баба, которая воспоминанием о себе выворачивает душу наизнанку, хочет покончить с собой. Кирилл представить боялся, что сделал с окружающими, с чертовым борделем, с Сизым, не выживи Маргарита. Камня на камне не оставил. При любом раскладе не оставит. Все заплатят. Все получают по заслугам.

— Что там? Готовы? — На моменте, когда Маргарита потянулась за осколком, Кирилл выключил запись и с презрением отбросил пульт на стол, обращая внимание на Тимура.

— Готовы. — Сложив руки на груди, друг откинулся к спинке кресла, хмуро сверля Рошина. — Может, ну его нахе*? Предоставим разборки высшим структурам? Говорят, убийство Авиатора произвело ажиотаж в органах. СБшники зашевелились. Этот их новый генерал всерьез начал копать. Вопрос пары дней, выйдут на Сизого и сами всё сделают. Зачем лишний раз светиться?

— И чего они сделают? — Подскочив, Кирилл резким движением открыл ящик стола и достал ствол. — Всполошат осиное гнездо. Думаешь, Сизому что-то будет? Да ни черта подобного! Будто не знаешь, как дела в стране делаются — бабки решают всё. — Перезарядил пистолет, сунул за пояс. — Потаскают пару раз в ментовку и элитное заведение продолжит свое существование, но под более высокопоставленной крышей.

— С каких пор ты в борцы за справедливостью подался? — Калач энтузиазма Рошина не разделял.

— С таких, что мне Сизый поперек горла! Давно пора было кончать и с ним, и с Гришкой. Так нет, сидели, ждали пока девчонка пришьет!

— Так бы и сказал, что за шлюху свою печешься. — Закурив, фыркнул Тимур. — Мол, сделала доброе дело. Но если предоставить разборки вышестоящим, её за это посадят.

Благодарность и всё такое, понимаю. Но ты не царь Спарты, а она не Елена Прекрасная [\[24\]](#), чтобы устраивать великую войну из-за бабы.

— Ты плохо понимаешь? — Кирилл в считанные секунды очутился рядом с Калачом. Ухватив за горло, приставил к виску пистолет. — Этой ночью я прикончу Сизого и отожду Инанну, с твоей помощью или без. — Тяжело дыша, на миг крепче зажал ладонь, что у друга зрачки расширились от недостатка кислорода. — Выбирай — со мной ты или нет. Если нет — катись на все четыре стороны, сам справлюсь.

На том резко отпустил, пряча ствол.

— Псих больной! — Закашлявшись, прохрипел Тимур, растирая горло.

Роцин отмахнулся и торопливым шагом покинул кабинет.

Может, конечно, и псих, но доведет дело до конца. Пар давно пора выпустить. Сизый со своим притоном единственно верный и возможный вариант. Прав Тимур, за Ритку печется. Только признаться кому-то, в том числе самому себе, что затеял всю канитель с предстоящими разборками из-за неё, означало признать слабость перед бабой. А становиться слабым перед кем-то, тем паче шлюшкой, не намеревался.

Но вспомнит, как Ритка вены резала, рвать и метать хотелось. Картина, которую увидел вчера в больнице, вовсе пеленой перед глазами маячила. От королевы осталось одно королевское имя. В остальном кожа, кости, да сплошные синяки. Что под веками чернющие до такой степени, что глаз не видно, зрачки еле-еле блестят, что по телу. Проводами перемотана, всё пищит-скрипит, капельница непрерывно. Ребра переломаны, сплошь ссадины да раны. Мало того, что крови много потеряла, когда вены вскрыла, еще кости перебила, пока в овраг вылетела на полной скорости. Как сказал врач, удивительно, что жива осталось. И то не факт, что свезло.

Психика пошатнулась. Как оказалось, пошатнулась конкретно. Кирилл понял это, как вошел и затравленный взгляд увидел. Истерика, желание снова покончить с собой стали подтверждением. Потом доктор сделал анализы, изучил бумажки и со знанием изрек, что дела в реале плохи. Физически восстановиться можно, а чтоб морально, необходимо очень и очень постараться. Обычным уходом и временем не отделаться. Положительные эмоции, близкие люди рядом, сюси-муси всякие — верхушка айсберга на пути к выздоровлению. Малейшее неправильное действие и крыша поедет так, что назад не вернуть — шизофреничка на оставшуюся жизнь. О какой тюрьме или допросе речь? Ей бы не напоминать о случившемся первое время, чтоб чуть-чуть в себя пришла. Пустит ситуацию на самотек, позволь органам выйти на неё и впутать в судебные дела, ничем хорошим не обернется.

Вроде бы не надо оно Кириллу, возиться с бабой на грани срыва. Должен обрадоваться, успокоиться. Забери менты Ритку за убийство, она там с ходу умом тронется, за него забудет. Если не забудет, кто поверит психу? Роцин выйдет чистым из воды. Но не хотелось спасти свою шкуру такой ценой. Сам тогда с катушек слетит, следом за Маргариткой. Не по-человечьи это. Она, можно сказать, на блюдечке с голубой каемочкой наследство и денежки предоставила, прикончив врага, а он её ментам, да в дурку? Нет, Кирилл поборется. Дабы не сидеть сложа руки, начнет с Сизова. Давно пора старому вонючему козлу показать, кто в городе хозяин, не то возомнил себя царем.

Выскочив на улицу, мужчина нервно огляделся. Во дворе, освещенном фонарями, стояло шесть отполированных до блеска черных внедорожника. Чуть поодаль, у скамеек, кучкуясь небольшими группками, собралось около двух десятков ребят. Балуюсь сигаретами

и трава пошлые байки, от чего во дворе стоял гогот, как от дюжины лошадей. Только и ждали приказа начать.

Рошин отдал должное Калачу — что, а быстро организовывать камикадзе тот умел. Рисковать своими парнями с охраны ради изначально опасных ходок глупо. Потому из своих обычно брали самых натасканных, для прикрытия, так сказать. На убой, как называл Тимур, подходили желающие подзаработать любыми путями, но не особо заботящиеся о собственной жизни. Но и не с улицы. Большинство из них Кириллу знакомы по предыдущим разборкам и проверены на вшивость. Брать абсолютных новичков рискованно — никогда не знаешь, можно довериться или ожидать пулю в спину.

— Ну что, мужики, готовы? — Окликнул, привлекая внимание.

На миг замолчав, парни уставились на Рошина и вместо ответа пуще загалдели, не спеша рассаживаться по машинам.

— Вам Калач объяснил, куда едем и с какой целью? — Положил руку на пистолет, торчавший из кобуры на поясе. На случай если кто позабыл, кто главный и кого стоит слушаться.

Нехотя выбросив окурки в урну, мужики шагнули в направлении Кирилла.

— Ну, допустим. — Ответил за всех самый молодой — лет двадцати пяти от роду, но самый борзый. Причем этого малого Рошин видел впервые. — Калач-то где?

Хороший вопрос. Ухмыльнувшись, Кирилл оглянулся к дому. Свет в кабинете по-прежнему горел, Тимур не торопился выходить. Что же, выбор сделан. Ну и хрен с ним. Пускай привык за последние годы, что в подобных ситуациях обычно прикрывал Калач, немаленький, на сей раз сам справится. Парочка верных ребят, да этих увальней толпень.

— Сегодня я вместо Калача. — Сунув сигарету между зубами, мужчина небрежным жестом указал на автомобили: — По коням. Время не терпит отлагательства.

Пока ребята рассаживались, торопко выкурил сигарету. Глянул напоследок на окна, сплюнул и кивнув своим Максиму и Лёхе, что пора, уселся на пассажирское место в джип. За рулем сидел новенький паренек.

М-да, наглость зашкаливает. Чтоб он в свои годы лез к хозяйскому месту... Хотя, он-то, Кирилл, как раз таким был смолоду. И любил таких же, уважал. От подобных больше толку, чем от заискивающих. Никогда не был сторонником истины, что раз боятся — уважают. Боятся — значит шакалы, трясущиеся за свою спину, которым доверять нельзя. А те, кто в лицо высказывают, что думают и ведут себя привычным образом, обычно гораздо честнее.

Королева такая же. Прямая, честная, откровенная. Не играющая в кошки-мышки, а сразу дававшая понять, что к чему и зачем. Будь другой, наверное, не рвал бы за неё так жопу. Еще на аукционе внимания не обратил.

Твою налево! Чего-то происходило не то. Нехорошее. Недалек час и куда там Ритка, сам с катушек слетит из-за неё. Нет, так не пойдет. На дело стоит ехать с чистой головой. Похе*, что в преимуществе, по любому уделают сизовских. Те вряд ли ожидают, что облава посреди ночи намечается. Но подстраховаться, переключиться на что-то, чтоб мозг отрезвить, не помешает.

— Я тебя не припоминаю. — Смерив безразличным взором водителя, что, крепко сжимая руль, вел достаточно уверенно и решительно.

— Я как бы тоже Вас не знаю. — Отмахнулся наглец, не отводя глаз от дороги.

— Как тебя хоть звать?

— Какая разница? — Не поворачивая головы. — Сделаем дело, я получу свою зелень и

на том разбежимся. Поди детей вместе не крестить. Вам похе*, если откровенно.

Смекалистый. Рощину на самом деле похе*. Но нужно что-то говорить. Чем-то занять себя. Без того образ Марго всплывал в голове. Думать о бабе в такой момент последнее дело. Черт с ним, что из-за бабы затеял заварушку.

— На подобных мероприятиях хоть бывал когда-то? — Снисходительно буркнул Кирилл.

— Не бойтесь, стрелять и рожи быть умею почти профессионально. За плечами два года в десантуре.

— Где служил?

— Днепр ¹²⁵¹, 25-я воздушно-десантная бригада.

Хмыкнув, Роцин снова, но уже с любопытством взглянул на случайного помощника. Молодой еще, зеленый. Но чем больше присматривался, тем больше узнавал в нём себя. В свои годы отмотал срок в десантуре. Служил, правда, в Ярославле, но не понаслышке знал, что бригада в Днепре сформирована на основе его родной гвардейской дивизии.

Не к месту вспомнились годы службы, что выпали на период войны в Афгане. Много тогда офицеров и прапоров из их дивизии отправили в горячие точки. Да что скрывать, сам был настроен идти. Но каким-то чудом, или с подачи отца, пронесло. Познакомился с Калачевым и тот наставил на путь истинный.

Всерьез задумался: может, Тимур уже тогда работал на отца, просто Кириллу довелось узнать про это спустя годы? Не бывает в жизни случайностей. Но смысл ворошить прошлое. Без войны многое повидал. Но кто знает, как сложилась судьба, обернись иначе. Были бы эти разборки или давно сгнил где-то на чужбине?..

— Как сюда занесло? — Кирилл сам не заметил, как размышляя, закурил.

— Бабки всем нужны. Друган подрабатывал у вас одно время, посоветовал попробовать.

Поморщившись, Роцин отвернулся к боковому стеклу, всматриваясь в темноту. Бабки. Да, ради бабок можно пойти на что угодно. Они правили, правят и будут править миром. И на дело он, Кирилл, шел с определенной целью. Причина не в одной Маргошке. Она — маленькая связующая ниточка. Новый, весьма солидный, источник дохода и как следствие власть — вот что главное.

— Приехали. — Заметив приближающиеся огни, слабо освещающие Инанну, подметил довольно про себя. Обращаясь к парню, не удержался от едкого комментария: — Надеюсь, ты в курсе, что мы не в цацки-пецки играть идем. Тут всё серьезно. Гляди, десантник, как бы раньше времени ни взлетел в небеса.

— Вы за себя бойтесь, а я как-нибудь справлюсь. — Отозвался, когда Роцин почти вылез из автомобиля.

Десантник выискался шибко умный, но ставить на место у Кирилла не было времени. Не факт, что парень, вообще, выйдет отсюда живым, пускай напоследок поумничает. У Рощина есть проблемы поважнее.

Вскинув голову, мужчина самонадеянно оглядел шикарный особняк. За исключением дежурных фонарей и света из окон на втором и третьем этажах, заведение было погружено во мрак. Прямо-таки ощущал сонную атмосферу, царившую внутри среди жителей и охраны. Вряд ли кто-то ждет столь позднего (или раннего? — стрелка часов благополучно перевалила за четвертый час) визита.

Идеальное время для нанесения удара: минимум бдительности и смекалистости у охраны, а значит максимум возможностей для захвата. Клиентов, а если точнее, лишних

ушей и глаз, на рассвете по минимуму: слишком поздно для «примерных» семьянинов, кое были завсегдатаями, но чересчур рано для извращенцев. Сизов, как доложила разведка, на месте, что немаловажно. Не придется бегать по всему городу за этой старой гнидой — пришьет тут, и дело с концом.

Пять машин из сопровождения одна за одной подъехали следом. Пока парковались, Кирилл не удержался, снова закурил. Уверенность в успешном исходе никуда не девалась, но нервы, чтоб их, шалили. Толком затануться не успел, как ребята выбрались на улицу, дожидаясь приказа.

Где-то во дворе залаяла собака, учуяв шум и чужой запах. Послышались невнятные голоса и легкий стук, следом за которым на пороге дома включился свет. Втянув едкий дым, Рошин выбросил смятую сигарету и подошел к калитке впритык прежде, чем та со скрипом отворилась.

— Вам кого? — Не поднимая глаз, пробубнил появившийся охранник, сонно протирая лицо.

— Мне бы Батю повидать. — С ехидной усмешкой протянул Кирилл.

Реакция последовала незамедлительно — охранник мигом подобрался, куда и сон девался, испуганно уставился перед собой. Узнал, как пить дать. Несколько мгновений и увидев за спиной Рошина толпу ребят, потянулся к поясу за пистолетом открывая рот, чтобы что-то сказать.

Кирилл оказался шустрее. Одно движение и стукнув головой охраннику по носу, зарядил кулаком в живот. Тот согнулся от дикой боли, а Рошин ударил со всей силы локтем по голове вырубая. Переступая через тело, пнул в сторону, освобождая проход во двор. Дал знак парням следовать дальше. Не успел ступить пары метров, как из сторожки вылетел очередной сонный гаврик, размахивая пушкой. Недолго думая, приложил и его.

Собачий лай усилился. Кажется, голос подавала не одна, раньше времени привлекая ненужное внимание.

— Заткните их, кто-нибудь! — Махнув «макаром» [\[26\]](#) за дом, заорал Рошин.

Затыкать было поздно. На пороге и одновременно откуда-то из кустов появились очередные сизовские цепные псы. Тут Киру не пришлось мараться, его ребята сделали всю работу мастерски быстро, расчищая путь. Лай превратился в вой, но Рошину стало плевать. Свет, загоревшийся в большинстве окон, оповещал, что дом всполошен.

Пропуская вперед Макса, Кирилл, удерживая пистолет перед собой, вошел внутрь, прикрываясь Лёхой. На миг подумалось, что обычно впереди всегда был Тимур. Сегодня что-то пошло не так. И хрен с ним! По возвращении сучонок получит, не то возомнил себя. Считает раз друг, всё позволено. Пора указать место, а то распоясались, недалек час на шею полезут.

— Справа! — Крикнул кто-то сзади.

Крутанувшись, Рошин, не задумываясь, выпустил пулю в целящегося в него паренька. Тот разом повалился на пол. Убил, наверное. Не лез бы на рожон, живой остался. Но Кириллу некогда печалиться. Сколько таких было и будет? Не счесть. Если из-за каждого приконченного переживать, нервов не хватит. Отпереживал своё. Куда больше волновало, что, когда всё закончится, придется устроить здесь генеральную уборку. Только начали, а кровищи море, всю плитку замарали.

Вон еще из нор своих выбежала очередная партия глупых мальцов на верную смерть. Сонные, но размахивают пушками. Было бы за кого глотку рвать — Сизый при малейшей

возможности свалит, спасая задницу.

Ребята Кирилла быстро всех приложили.

Хорошо, девки носа не высовывают из комнат. Некогда с ними возиться. Убивать баб — последнее дело. Если только сами на рожон полезут, а так пригодятся. Чем новых искать, проще этих пустить в расход. Им какая разница на кого работать, условия Роцин менять навряд ли станет. Но визг сверху дал понять, что рано обрадовался. Кому-то не сидится.

— Макс? — Окликнул, когда помощник закончил с очередным из сизовских. — Бери пару парней и наверх, разведайте обстановку и притащите мне Сизого. Если эта тварь не выбросилась из окна.

Жестом указав следовать за собой еще двоим, охранник послушно взметнулся по лестнице.

— Лёха? — Когда второй из своих появился рядом, Кирилл, свысока осматривая обстановку в холле, отдал указания: — Что там на улице, следите?

— Само собой, ребята всё проверили — чисто.

— Хорошо. Смотрите, чтобы подмога неожиданно не подоспела. И машину Сизого...

Закончить не успел, а Алексей уверенно успокоил:

— Сделано!

Удовлетворенно усмехнувшись, мужчина направился к кабинету Сизого. Вернее, уже и не Сизого. Остались небольшие формальности и в копилке Роцина появится новый и как заметил весьма доходный бизнес.

Быстро всё получилось. Рассветать не успело, как прочные с виду стены крепости пали под его напором. Хотя специально поехали в такую рань, чтоб без проблем обойтись.

По подсчетам основную массу сторожевых псов Сизова убрали. Если кто и появится, покончат с такой же легкостью с ними. Главное, с самым Сизым разобраться, а остальное Кир оставит на своих парней. Первое время работы хоть отбавляй. Наверное, придется на недельку прикрыть притон для посетителей. Трупы пока вывезут, девок приструнят...

Включив свет в кабинете, Роцин пренебрежительно огляделся: недопитый коньяк в бокале, немытая чашка из-под кофе, гора окурков в пепельнице, бумаги небрежно разбросаны на столе. И запах такой... затхлый, что ли. Аж тошно стало.

Подошел к окну, открыл настежь, вдыхая холодный осенний воздух. Лай приутих, то ли ребята приструнили, то ли собакам надоело. С улицы слышались голоса, кто-то должен был остаться на стреме.

Ветер усилился; влетел в комнату, вздымая в воздух бумаги, скатывая ручки на пол. В кабинете стало чуть посвободнее и мужчина по-хозяйски залез в стол, выворачивая из ящиков содержимое в поисках чего-то интересного. Поиски длились недолго — помешал грохот снаружи вперемешку с ругательствами.

Выбежал в холл и не без удивления обнаружил, как парни тащили вниз по лестнице упирающегося Сизова. Судя по халату, распахнутому на груди, выдернули из постели.

Брыкаясь и нервничая, авторитет до последнего не соображал, что происходит, и кто почтил визитом. Следом бежала Беллка, визжа и причитая. Дура — баба, Роцин всегда говорил. Сиди себе тихо, жди пока серьезные дядьки разберутся. Нет, лезет на рожон. По ходу, скоро получит своё.

Когда ребята бросили Сизого на колени у ног Роцина, тот медленно поднял голову и с недоумением уставился перед собой. Несколько секунд не моргая сверлил взглядом Кирилла, явно не веря. Несколько секунд, за которые Роцин отметил, что парни хорошенько

приложили теперь уже бывшего авторитета: под глазом красовался фингал на пол-лица, бровь сбита, губа рассечена. Вот так, стоя на коленях, казался еще более жалким. Куда подевалась былая аристократичность манер и устрашающий вид. Смешно стало и Кирилл, не сдерживая эмоций, рассмеялся в лицо врагу.

— Николай Степанович! — Не унималась Белла, сама чуть не упав на последних ступеньках. — Что же творится?..

— Уберите бабу! — Приказал Роцин.

Ненавидел бабские истерики. Не к месту они. Особенно от глупой шлюхи, красная цена которой — сотка.

— Ребята... Вы видели, что с ребятами? — Женщина продолжала визжать и когда Макс схватит за руки и потащит прочь из холла.

Сизый вдруг как-то подобрался и удосужился, наконец, осмотреться. Погромленная мебель — полбеда. Кровь на полу — тоже. А вот убитые люди — серьезная предьява.

— Что натвори, изверги? — С отчаянием протянул Николай Степанович.

— Изверги? — Кирилл всяко ожидал, но такое сравнение сразило наповал. — И это мне говорит человек, который торгует бабами, как мясом?

— Чего добиваешься, Плантатор? — Сизов попытался встать.

— Почти добился, остались формальности. — Осадил обратно. Обращаясь к подошедшему Лёхе: — Давайте его в кабинет, там продолжим разговор. И бумаги с машины принеси.

С этим Роцин вернулся в комнату, устроился на хозяйское место, закинув ноги на стол. Распахнутое окно за последние минут десять здорово охладило помещение. Но мужчина холода не почувствовал. Напротив — от происходящего бросало в жар. Зато Сизый, которого затащили следом, будучи полураздетым, затрясся пуще прежнего.

Когда авторитета кинули на стул напротив, Кирилл, живо сбросив ноги на пол, обогнул стол и остановившись впрыток со Степановичем. С издевкой потрепал жиденькие остатки волос, выдохнув у уха:

— Ну что, Батенька, закончилось твоё время. Пора передавать бразды правления молодым.

В кабинет вошел Алексей и молча подал папку с документами. Роцин, в свою очередь, открыл на нужной странице, положил перед Сизовым, ткнув пальцем:

— Ставишь внизу две подписи и убираешься отсюда живым на все четыре стороны.

— А если нет? — Бегло окинув содержимое, Сизый решил заартачиться напоследок.

— Смею заверить, ты всё равно всё подпишешь. — Вернувшись на место, Роцин уселся обратно. Вытащил по-хозяйски из стола сигары, приложил к носу и блаженно вдохнул горьковатый запах табака. Медленно, растягивая слова: — Вопрос в том, в каком состоянии. Будешь сопротивляться — начнем проверять, без каких конечностей можно существовать. Если пройдешь проверку и покажется мало — посмотрим, как обстоят дела с кожей. И это не подействует — вырвем язык... Ты не лупай глазками, их тоже выколем. Что мы зря звание извергов от тебя получили? Да, ребят?

— Само собой. — Лёха, стоявший позади Степановича, сверкнул складным ножом.

— Ох, не против того играешь... — Скрючившись, Сизый кутался в халат в надежде согреться.

— А ты против того играешь? — Отбросив сигару, вспыхнул Кирилл. Подскочив, в пару шагов вновь предстал перед жалким подобием врага. Схватил за грудки, выплюнул в лицо:

— Какого хе*а дела с Авиатором за моей спиной проворачивал? Решил, что после смерти Леонидыча, Роцинская империя перейдет бастарду [1271](#)? Марго на черта к нему отправил? Думал, я не узнаю?

— А-а дело в этой шалаве? — Просипел Сизов с вызовом. — Мстить пришел? Тебя лишили одной, решил сразу всех моих присвоить?

— Хоть бы и так? — Ударив кулаком Николая под грудки, шикнул Кир. Никто не смел называть его Маргариту шалавой!

— Кирилл, давай рассуждать здраво. — Прокашлявшись, с придыханием заметил Николай Степанович. — Убивал её не я. Сама дура под колеса бросилась. Но шлюх много, это не повод портить деловые отношения.

— Сизов, бл**ь, ты совсем охренел? Это я порчу отношения? — Не контролируя себя, ударил снова. — Ты сам обрубил всякие деловые отношения на корню, связавшись с Гришкой. — И еще один удар. — Но раз нет его больше, думаешь с рук сойдет? — Опять удар, но в лицо. — Ни черта подобного! Я на тебе места живого не оставляю!

— Ты за все заплатишься! — Стирая кровь с губ, прошипел Сизов. — С тебя живьем шкуру спустят за меня.

— Ха-ха-ха! — Отступив, запрокинул голову и громко рассмеялся. — Некому спускать. Твои подельники того, в мире ином. Твой черед. Или к ментам побежишь, лишь бы шкуру спасти? Учти, они денежки любят, мать родную продадут за...

Роцин договорить не успел, как что-то с грохотом влетело в открытое окно. Приземлившись у ног, громынуло, оглушая и наполняя кабинет едким белоснежным дымом, лишая координации и разъедая глаза.

Доля секунды и слышится стук упавшего стула, топот ног и шлепок.

— Парни, держите Сизого! — Заорал Кирилл, хватаясь за пистолет.

Вместо ответа — звуки ударов, щелчок и несколько выстрелов.

— Ай, с**а! Держите кто-то его! — Послышался голос Лёхи.

Всё происходило слишком быстро, чтоб сориентироваться. Мгновение и дым начал рассеиваться. Но прежде чем к глазам вернулась способность видеть, прошло еще несколько минут, за которые Роцин пытался на ощупь наткнуться на что-то или кого-то. Когда получилось чего-то разглядеть, понял, что в комнате мрак — кто-то умудрился выключить свет.

Поморгав, глаза попривыкли к темноте. Заметил, что Сизый исчез.

— Мать вашу!

— Он сбежал. — Констатировал факт откуда-то снизу Макс.

Роцин узрел, что охранник сидит на полу, прислонившись к стене, и держится за грудь. Второй лежит рядом, мертвый или нет, но без сознания.

— Бля*ь, с**а! — Во весь голос завопил Роцин, ринувшись к выходу.

— На улице парни, должны задержать его! — Крикнул вслед Максим.

Чертыхнувшись, Кирилл вылетел в холл, боковым зрением уловив кого-то на лестнице. Не сообразил, как оказался сбитым на пол налетевшим непонятно откуда десантником, а над ухом просвистела пуля, попав в фарфоровую вазу неподалеку.

Сказать ничего не успел, не то чтоб подняться, а десантник выпустил несколько пуль в грудь покушавшегося. Секунда и тот, не успев уклониться, пошатнулся от ранений, перегнувшись через перила второго этажа и полетел вниз.

— Сергей, не-е-ет! — Женский визг оглушающе разнесся по всему зданию, когда

несчастный с хрустом ломающихся костей, лишая всякой вероятности на спасение от пуль, приземлился на мраморный пол.

Убитым был тот самый Сергей, проворонивший Марго. Кириллу в какой-то степени даже стало жаль парня. Допрыгался. Неужто думал, что под началом Сизова его ждет что-то лучшее? Жизнь такая штука, рано или поздно приходит час расплаты за всё. Не на той стороне включился в игру.

Спаситель поднялся безразличный к происходящему вокруг. Подавая руку Рощину, уточнил:

— Вы в порядке?

— Да. — Принимая помощь, мужчина мимолетным жестом отряхнулся. — Спасибо.

С улицы послышалась стрельба и шум заводящегося мотора. Рощин на ходу перезарядил пистолет, помчал наружу. Подоспела подмога сизовских и те никак не уступали его парням.

Светало. Кирилл не без труда разглядел, что его команда в меньшинстве. Неужто, сволочи, положили ребят? Не сбежали ведь, право слово? Ворота не контролировались. Иначе как объяснить, что автомобиль Сизого без труда выезжал на трассу.

Злясь на себя за беспечность, что не взял больше ребят; на Тимура, что так не вовремя задумал кинуть; вообще, на всех вокруг; погнался за машиной Сизова, на ходу пристрелив одного из вражеского лагеря. Увлеченный погоней, не заметил, как с другой стороны подъехало несколько авто.

Кирилл знал, что бежать следом за автомобилем на полном ходу изначально провальная идея. Похе*, что известно — далеко Сизов не уедет. Но злился на себя, что не убрал врага голыми руками. Правосудие казалось не таким уж и завершённым.

Стреляя раз за разом вслед отъезжающему, пытался попасть в салон, потом по колесам. И то ли удалось, то ли крутой вираж помог, но Сизый не проехал и трехсот метров, как авто занесло. Переворачиваясь набок, на крышу, снова набок... Так несколько раз, прежде чем прогремел взрыв. Вспыхнуло пламя, разнося железную коробку в разные стороны. Выжить от такого невозможно.

Молодцы его, Кирилла, ребята — хоть тут поступили правильно. План «Б», считавшийся страховкой, сработал как четко отлаженный механизм. Осталось покончить с цепными псами. Но потеряв главаря, им больше не за что бороться, навряд ли продолжат сопротивляться.

Растирая лицо, мужчина схватился за голову. Ероша волосы, зарычал в голос. Как задолбало всё. Рано радовался, падение Инанны не так-то легко далось, как думалось вначале. Нервы сдавали.

— Красиво полыхнуло. — Послышался смехок позади. — Вы без меня неплохо справились.

Рощин дернулся от неожиданности. Развернувшись, увидел наглую рожу Калача. Скотина! Явился.

— Чего забыл тут? — Презрительно фыркнул Кир.

— Подумал, раз вместе начинали, вместе доводить до конца. И потом, помощь в нашем деле никогда лишней не бывает.

— Поздно. — Проходя мимо, зацепил нарочно плечом. — Без тебя справились.

— Знаю. Пока ты гнался за Сизым, мы с ребятами уложили оставшихся гавриков.

Игнорируя Тимура, Рощин вернулся во двор. Похоже, разборки на сегодня действительно подошли к логическому завершению. Было на удивление тихо и пусто. Парни

шустро взялись замечать следы и убирать напоминание о недавней кровавой бойне. Несколько человек курили за углом. Кто-то пытался перевязать ранения товарищу — без жертв, к сожалению, не обошлось.

— Там Лёха с Максом в кабинете подстреленные. — Вспомнил Кирилл.

— Уже отправили их в больницу. — Отчитался Тимур.

Оперативно. Что ж теперь точно без него разберутся. Сейчас вернется в кабинет, захватит документы и домой. Здесь пускай Калач командует, раз явился. С девками что-то делать надо. Небось сидят перепуганные.

Заходя в дом, столкнулся с десантником. Прихрамывая, тот плелся на улицу.

— Живой хоть? — Похлопав по плечу, поинтересовался мужчина.

— Как видите. — Разводя руками. — Ни царапинки.

— А это чего? — Кивнув на ногу.

— А, — Отмахнулся. — Незначительное недоразумение. — И пошел дальше.

Фыркнув, Роцин хотел продолжить путь, как увидел Беллу, спускающуюся со второго этажа. Зареванная вся, глаза стеклянные, а в трясущихся руках пушка, направленная в спину десантника.

— Эй ты! — Дрожащим голосом окликнула парня, будто не видя Кирилла.

— Беллка, ты чего, крыша поехала? — Удивился Роцин, но на всякий случай полез за пистолетом.

Десантник обернулся.

— Это тебе за Сергея! — С отчаянием выкрикнула женщина, медленно сводя курок.

Не успела. Кирилл опередил, выстрелив в неё на автопилоте. Алое пятно стремительно расплылось по белоснежной ткани ночной рубашки и Белла, напоследок жадно хватая воздух, безжизненно распласталась на полу.

Глупая баба. Не дождалась, когда власть перейдет к новому хозяину. Мстить надумала. Хоть бы раскинула умом, чем чревато. Но если судить по разбитому виду, ей пох*р было. Раз так, то и Кириллу пох*р.

— Я правильно понял, она меня хотела подстрелить? — Озадаченно нахмурил брови десантник.

— Похоже на то. — Устало вздохнул Роцин.

— Спасибо. — Протягивая руку для пожатия. — Я Ваш должник.

— Считай, что мы квиты. — Пожимая в ответ.

Кивнув, парень сделал новую попытку уйти. А Роцин, на миг задумавшись, принял поспешное, но на тот момент казавшееся верным, решение.

— Десантник?

— Да? — Оглянувшись.

— Бабки по-прежнему нужны?

Парень неопределенно вздернул плечами.

— Как насчет постоянной работы?

— Смотря какая работа.

— Завтра зайдешь ко мне, обсудим, десантник.

— Без базара. — Согласился.

И когда на сей раз Кирилл развернулся, чтобы уйти, позвал:

— И да, лучше просто — Бурый.

— Заметано. Буду ждать тебя. Бурый.

2010 год

Дрожащими руками Маргарита, открывая ящик за ящиком рабочего стола Рощина, наспех перебирала документы.

Кирилл скоро вернётся, а она ничего компрометирующего не обнаружила. Глупо надеяться, что в случае правдивости слов Олега, Рощин станет держать что-то важное там, куда любой вхожий в дом, имеет доступ. Руслан как узнал о новом плане, сразу дал Одинцовой это понять. Но она не теряла надежды что, желая спрятать нечто важное, Кирилл положит на видном месте.

— Да что это такое? — Пересмотрев последнюю папку, вздохнула, обреченно опустившись на стул. Мечты покончить сегодня со всем фарсом не оправдывались.

Машинально осмотрев стол на наличие зацепки, ухватилась взглядом за фотографию в резной рамке. Черно-белая фотокарточка изображала вполне счастливую семью: представительного мужчину лет сорока, красивую женщину с длинными, цвета воронового крыла волосами, лет на пять моложе, и мальчишку годов десять от роду. Не знай наверняка ни за что не догадалась, что ребенок с фото и Кирилл Рощин одно лицо.

Странно видеть у жестокого и властного мужчины на рабочем месте столь трепетное ностальгическое напоминание о былом. Впрочем, из мимолетных упоминаний о детстве и юности, Ритка чувствовала особую связь и любовь к матери со стороны Кирилла. Чего никогда не могла сказать о его отношении к собственному отцу.

Удивительно, но после разговора с Чернышевским, многое становилось по местам.

В голове едва укладывалось, что Рощин — криминальный авторитет по прозвищу Плантатор. Хотя открытие предсказуемо. Маргарита не дурочка, прекрасно знала, что Кирилл всегда был повязан с криминальным миром, другие в Инанну не приходили. Догадывалась, признаться боялась.

Куда в больший шок приводил факт родства Рощина с отъявленным мерзавцем, покойным Гришкой Латуниным. От понимания, зачем на самом деле стала нужна Кириллу, остальное меркло. Оказывается, была обычным исполнителем грязного дела, способом мести. Как раньше не заметила, насколько глубоко увязла в поганом мире?..

— Рит, закругляйся. — В кабинет заглянул Буртенко, караулящий в коридоре. Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу: — Кирилл подъехал. С минуты на минуту зайдет.

— Я сейчас, пара минут. — Подхватившись, Одинцова стала торопливо наводить порядок в ящиках, складывая бумаги обратно.

Нервная дрожь усиливалась. Пристраивая очередную папку, уронила на пол. Документы вихрем разлетелись по комнате.

«Черт. Этого не хватало... Не успела». — Пронеслось молниеносно в голове.

Когда вслед за мыслью стукнула входная дверь, а с коридора послышался недовольный голос Рощина, осознала насколько попала. Если Кирилл застанет за таким занятием — не поздоровится всем.

Быстро собирая документы, молила Бога, чтобы Буря сумел задержать Рощина. Сделала бы вид, что дожидается тут его возвращения. Благо кабинет не напичкан камерами, как остальная часть квартиры.

— Чего ты пристал? — Приближающийся голос Кирилла и шаги за стеной дали понять,

что не успела. — Пошел вон отсюда, я сказал!

На одной из бумаг, что сунула в папку, мелькнула знакомая фамилия, когда дверь отворилась и в проеме показалась фигура Рощина.

Рита так и застыла сидя на корточках, с ужасом уставившись на вошедшего. Вечное недовольство на лице которого скоро сменилось полноценным гневом, стоило окинуть взглядом комнату и остановился на ней, разумея, что происходит.

— Кирилл Сергеич. — За спиной Рощина мелькнул Буртенко.

— Пошел отсюда, я сказал! — Не оборачиваясь, заорал мужчина. — С тобой после поговорим. Я сыт по горло твоими выходками.

На этом захлопнул дверь перед носом Руслана. Шагнул вглубь кабинета. Остановившись возле Маргариты, присел рядом. А она, будто замороженная. Пошелохнуться боялась, не то что заговорить. Смотрела испуганной ланью и ждала взрыва.

— Что мы тут делаем, м? — Склонив голову набок, на удивление спокойно поинтересовался. Но по глазам, пылающим гневом, заметно каких усилий стоило ему спокойствие. — Ничего не хочешь рассказать, Марго?

Приподняв руку, едва касаясь, провел тыльной стороной ладони по щеке. Жест подействовал как ушат ледяной воды, возвращая в реальность и отрезвляя от немого ступора. Раз обстоятельства сложились именно так и в кошки-мышки больше не поиграть, продолжать оставаться бездейственной и всегда подчиняющейся амебой Одинцова не станет.

— А ты мне? — Одёрнувшись от прикосновения, с вызовом. — Может, наконец, расскажешь, зачем я тебе была нужна все эти годы? Не от доброты душевной от психушки и правосудия спас.

Мужчина, резко ухватив Ритку за волосы, потянул на себя. Будто не слыша вопросов, прошипел:

— Что ты искала в моих вещах?

— Доказательства, что жила все эти годы с чудовищем! — Мотнув головой в попытке избавиться от захвата, шикнула Одинцова бесстрашно.

Сама удивилась, откуда взялась смелость. Но если никто не в силах помочь, обязана постоять за себя сама. Решение пришло молниеносно и Маргарита уверена, что никто не сможет её остановить. Даже Рощин. В каком гневе ни был.

— И как? — Поднимаясь, Кирилл потянул девушку за собой, вынуждая встать. — Успешно? Чем удивлять собралась?

Упираясь и морщась от боли, Одинцова все-таки выровнялась. Презрительно осмотрев Кирилла с ног до головы, выдала:

— Я знаю, что ты и Плантатор — одно лицо. Я знаю, что твой якобы винный бизнес — прикрытие.

По мере того как неосторожные слова вырывались из уст, Рощин сильнее менялся в лице. Мрачней и скрипя зубами с каждой секундой крепче тянул девушку за волосы. Казалось, еще чуть-чуть и выдерет целый клок с корнями, или снимет со скальпом.

Но, стойко выдерживая физическую боль, высказала наиболее беспокоящее открытие:

— Я знаю, что ты и Гришка Латунин — братья!

— Эта падла мне не брат! — Неожиданно разжав ладонь и отшатнувшись, заорал Кирилл.

На миг потеряв равновесие, Рита едва не грохнулась обратно. Вовремя успела

удержаться рукой за угол стола, стоящего позади.

— Я смотрю, ты не очень-то в восторге от родственных уз. — Язвительно бросила с пренебрежением глядя на мужчину, что, схватившись за голову, почты рычал от гнева.

Умом понимала, что стоит замолчать и бежать пока есть возможность. Но что-то останавливало, и она отчаянно добивала нарываясь.

— Ты сколько угодно можешь отрицать родство с Авиатором, но кровь дает о себе знать, гены берут свое! — С вызовом вздернула подбородок. — Он прожил жизнь ублюдком, а ты хоть и носил долгие годы маску, недалеко от него ушел. Те же способы заработка и руки по локти в крови. Хотя, знаешь, ты хуже Гришки! Он не пытался выглядеть лучше, чем был на самом деле. Там сразу понятно, что ожидать. В отличие от тебя! Ты корчил из себя все время заботливого спасителя, благодетеля! А на деле тебе плевать на всех! И на меня тебе тоже плевать!..

Окончание фразы утонуло за звонкой пощечиной, прозвеневшей над ухом Маргариты.

— Закрой рот, шлюха!

Не готовая к реакции Кирилла, упала на стол и не сразу поняла, что раздалось болью сильнее: рука, ударившаяся о каменную статуэтку, или щека, пылающая огнем от удара. Воодушевленная речами, не заметила, как Рошин, пошатываясь и закрывая уши, не желая слышать правды о себе, очутился рядом. Чтобы наказать и указать место, впервые за годы знакомства, называя вещи своими именами столь уверенно.

— Да, я шлюха! — Вставая, согласилась Рита. — Шлюха. По твоей милости, между прочим.

— Естественно! — Возвращая себе подобие уравновешенности, выкрикнул Кирилл, взмахнув рукой.

Марго интуитивно поджалась, опасаясь нового удара. Но он, рассекая воздух, причитал:

— Давай обвиняй во всех смертных грехах. Я и только я тебя засунул в гребанный бордель, а потом шесть лет ждал своей очереди, наблюдая, как тебя передо мной имеют сотни мужиков! Я на тебя натравил Гришку, я тебя заставил его убить, а потом силком вытащил из того света и вынудил лечиться! Насильно держал рядом, спать с собой вынуждал, цапки все эти одевать. — Подойдя к девушке, небрежно дернул за цепочку, что висела на шее. — В люди тебя вывел! Главное, всё исключительно силком и против твоей воли! Так ведь? А потом не дал развлекаться со всегда белым и пушистым Чернышевским, что явился на готовенькое! С чего это я, правда?

Внимательно уставился на Одинцову, что моргнуть боялась. Затаив дыхание, ожидала нового взрыва. Но Рошин, схватив за подбородок, прошипел:

— Что еще тебе наплел этот сучонок?

Тут Ритка поняла, что он всё знает. Что встречалась с Олегом в городе, что помог в этом не кто иной, как Буртенко. Риск не оправдал своё. Вновь оказалась в ловушке на сей раз потянув за собой других. Но испугаться ни за себя, ни за Руслана не успела. Рошин, прижимая к столу, не давая пути к отступлению, опарашил следующим.

— Может, он уже поведал и о некоем Андрее Михайловиче Одинцове? Знаменитом в узких кругах не иначе как Вотан?

Хмурые складочки, расчертившие лоб Маргариты от упоминания небезызвестного имени, позволили Кириллу расслабиться и выдавить легкую ухмылку. Минуты назад грозясь разнести всё к чертовой бабушке, ныне был доволен собой.

— При чём здесь Одинцов? — Нервно сглотнув, задрожала как осиновый лист.

Она или сходит с ума или чего-то не сообщает. Столько лет прошло. Кажется, целая вечность. Будто тогда жила в другом измерении.

Одинцов. После пережитого с его уходом, язык не поворачивался называть его отцом. А Вотан... Ранее слышала это прозвище. От кого-то из службы охраны Кирилла. Это странно. Какова связь? Одинцов ведь должен... Где собственно должен быть? Не знала и знать не могла.

Голова шла кругом. А Роцин стоял и продолжал улыбаться шире и шире, наслаждаясь её состоянием на грани сумасшествия, не спеша отвечать.

— При чем здесь Одинцов? — Громче повторила вопрос, заранее предугадывая, что ничего хорошего не услышит.

— Притом, что Одинцов Андрей Михайлович уже лет шесть, как генерал и начальник какого-то там отдела по борьбе с преступностью в СБУ. И как думаешь, кто у него ходит в подчиненных? — Сильнее сдавливая девичье запястье и, наклоняясь ближе, Роцин довольный собой выплюнул: — Правильно — твой дражайший Чернышевский, ни с того ни с сего всплывший к тебе неземными чувствами спустя годы. Улавливаешь связь?

Маргарита озадаченно заморгала. Показалось, что спит. Не верилось в реальность ситуации. Кирилл говорил, а разум категорически отказывался сопоставляться два имени. Некогда близкого и родного по крови человека и ныне любимого. Что-то шло не так.

— Давай вместе рассудим и разберемся, кому ты больше не нужна? — Отпустив девушку, Роцин отступил и с безразличием перечислил доводы в свою пользу. — Мне, вытаскивавшему тебя из дерьма и не позволившему сесть за решетку, за гниду-Гришку, которого не вазой грохнуть, а четвертовать стоило. Или пайнке-Олежке, который выйдя из тюрьмы, явился спустя шесть лет перед тобой, когда свыше указание подоспело? Хотя нет. Наверное, больше всех нужна уважаемому Андрей Михайловичу, который сначала бросил тебя ради блестящих звездочек во-о-т сюда. — Постучал по собственному плечу. — А потом смотрел на протяжении долгих лет, как дочь трахают все, кому не лень, и она вываливается в дерьмище. Но исключительно в целях закалки духа и характера. А когда ты прошла огонь и воду, и наглядно готова продемонстрировать, что истинная дочь своего отца, ты, конечно, ему нужна. Ведь как говорила? Кровь дает о себе знать.

Присев на край стола, Кирилл вытаскивал из кармана пачку сигарет и закурил. Блаженно втягивая дым, не отрываясь, наблюдал за Риткой. Выглядел, как никогда, радостным. Кажется, позабыл за каким занятием застал её в кабинете.

А девушка оглядывалась на разбросанные на полу бумаги и не сообщала ради чего рисковала всем? С собой, Русланом?

Интересно Буря с самого начала понимал, что она наживка, но, как и Олег, натурально играл роль, убеждая что нужна Чернышевскому как женщина? Нет, Рус выглядел убедительно. Впрочем, разве Олег, боже, что Маргарита любовь всей его жизни, вел себя иначе?

Господи, что делать? Как жить? Разом планы и надежды рухнули. Минуты назад готовилась любыми способами бежать от Роцина, считая подлецом. Теперь не знала, кто в этой ситуации больший мерзавец. Нет, Кирилла по-прежнему ненавидела всем сердцем, но уходить некуда.

Олег не лучше Роцина. Получается оба использовали её, но с одной разницей: Кирилл в целях наживы и непонятных мотивов, известных лишь ему, зато с Чернышевским гораздо проще — звездочки на погонах и новые должности. Недорого оценили её существование. Но

как для простой шлюхи в самый раз.

И ладно Олег, но Одинцов... Родной отец? Как он мог? Впрочем, если Чернышевский, с которым провела половину жизни, вспомнил о ней из-за приказа начальства, что ожидать от Одинцова, которого практически не знала. Но все равно не верила.

— Ты врешь. — Сипло выдохнула, охватив себя за плечи.

— Понимаю, тебе не хочется верить, что твой дражайший любовничек оказался такой скотиной. И о собственном отце не особо приятно узнавать, но... — Потянувшись через стол к пепельнице, Кирилл кинул туда окурок и спрыгнул на пол. — Это жизнь, Марго. Каждый выживает, как может. Ты единственная, кто близко вхож в мое окружение, чтобы подсобить этому менту поганому копнуть под меня.

— Олег не мог со мной так поступить. — Как заведенная вторила Одинцова.

Какого лешего слушает безумные рассказы Кирилла? Он чтобы удержать, пойдет на что угодно. Подскочив, ринулась вперед, чтобы сбежать прочь, но Роцин перехватил. Зажал подбородок, принуждая глянуть в глаза, и выплюнул:

— Я сам сначала не поверил, что этот зэк, Чернышевский, уверяющий, что работает на Сизого, повязан с ментами. Но когда он увез тебя к черту на рога, а ко мне в офис нагрянули СБУшники, не составило большого труда сопоставить два плюс два. Начали работать красиво, но лохонулись, как пацаны зеленые. Меня так легко не провести. Хорошо знаком с методами работы Вотана.

— Отпусти меня, Кирилл. Пожалуйста. — Негромко и как-то слишком спокойно попросила Маргарита.

Оба прекрасно понимали, что имела в виду не только нынешний момент.

— Ни за что. — Вздернув плечами, фыркнул Роцин.

— Удерживая меня, ничего не выигрываешь. Я тебя не люблю. Рассказать Чернышевскому, Одинцову или кому-либо еще что-то новое про тебя не смогу хотя бы потому, что знаю не больше их. Бумаг никаких не украла, твоя служба охраны сработала отлично, как всегда. И самолюбие твое останется в норме, с Олегом тоже не буду. Зачем я тебе?

— Нужна. — Проведя большим пальцем по щеке девушки, вздохнул Кирилл. — Просто нужна. Привык к тебе, что ли.

Привычка странная штука. Маргарите казалось, что она тоже привыкла. Но глядя на этого мужчину, с которым прожила шесть лет, не видела в нем ничего, что могло удержать рядом. Даже открывшаяся правда о собственном отце.

— Иди к себе. — Нарушая молчание, Роцин отступил, открывая путь. — Подумай хорошенько и разберись, кому доверяешь больше: мне, отцу, бросившему тебя на произвол судьбы и при всей своей власти не спешащему освободить, или Чернышевскому, оказавшемуся в повязке с Вотаном. Когда надумаешь, скажешь. К тому времени я припасу для тебя еще парочку сюрпризов.

Смерив мужчину невидящим взором, Одинцова вышла из кабинета. Привыкшая, что последнее время в квартире постоянно находится кто-то третий, удивилась, обнаружив коридор пустым. Было тихо. Следов пребывания Руслана не видно. Это плохо. Разговор с Бурей был бы как нельзя кстати. По крайней мере, он единственный из участников этого фарса, кто мог прояснить ситуацию.

Жизнь в очередной раз шла наперекосяк. Как исправить и кому довериться, не представляла. Чернышевский обманывал. Кирилл обманывал. Отец... обманывал. Ритке

была уверена, что Одинцов бросил их с матерью ради другой женщины и не думала, что когда-то снова услышит о нём, еще в таком свете. Но стоит ли верить Кириллу? Однажды доверилась и что из этого вышло?..

2004 год

— Приехали. — Затормозив у высоких кованых ворот, подметил очевидное мужчина. Дождавшись, когда те автоматически открылись, легко надавил на газ, заезжая во двор.

Уставившись в лобовое стекло, девушка испуганно следила за неизбежным приближением огромного особняка. Дом был ей незнакомым и совершенно чужим. Но отчего-то вместо него видела злополучный бордель, где провела лучшие годы своей жизни в заточении. Паника, не покидающая со дня, как очнулась в больнице под писк приборов и обмотанная проводами, усилилась.

Маргарита последнее время ощущала себя параноиком. Перед ней то и дело всплывали картинки из недалекого прошлого. Начиная с убийства Павла и Олега на заводе, заканчивая убийством Лагунина. Последний мерещился особенно часто. Вспоминалось и как лишил девственности, избив до полусмерти, как рвался купить на аукционе. Но чаще всего видела похотливую ухмылку, сменяющуюся застывшим мертвым взглядом, когда ударила его. Сколько раз убеждала себя, что выхода не было, что не сделала ничего, за что стоит корить. Но это слабо помогало.

— ...Марго, идем? — Часть вопроса, пойманного краем уха и прикосновение к руке, заставило Одинцову испуганно одернуться.

Повернувшись к мужчине, несколько секунд изучала его лицо, но видела Гришку. Поежившись, потеряла место, где только была рука Рощина. Кожа горела, и она разом ощутила себя грязной от липкого прикосновения.

— Марго, ты в порядке? — Испуганно уточнил, пытаясь вновь осторожно дотянуться к ладошке.

Одинцова, приходя в себя, сообразила, что в безопасности. Гришки нет и быть здесь не может. Кирилл никогда не причинит зла. В этом успела убедиться не единожды. Но вместо благодарности продолжала платить вечным страхом и нервами. В этот миг ненавидела себя и того, кто сделал её такой. Понимала, что походит на затравленного зверька, но поделаться ничего не могла. Одного не разумела, почему Кирилл терпит и насколько его хватит.

— Марго?.. — Осторожно, но с нажимом повторил мужчина.

— Я... я... — Хватая ртом воздух, как рыбка, девушка осмотрелась, убеждаясь, что в машине одни, а двор непохож на территорию Инанны. — Не знаю.

— Не бойся, всё будет хорошо. — Чуть сдавив девичью ладошку в своей руке, ободряюще улыбнулся.

Не дожидаясь ответа или нового приступа отчаяния, вылез с авто, достал из багажника сумку с вещами и, открыв дверцу, протянул руку, чтобы помочь выбраться.

Немного колебаний, глядя в глаза мужчины — такого загадочного, таинственного, но столь близкого и родного, — и Маргарита пошла следом.

Находясь в прострации, не понимала, зачем послушалась Кирилла и согласилась уехать из больницы. Зачем поддалась на уговоры и поверила, что отныне будет иначе. Выбора у неё,

как всегда, не было. Не по своей воле, прости идти некуда. Разве что на небеса.

— Ну вот мы и дома. — Открывая дверь шикарного особняка и пропуская вовнутрь, оповестил мужчина.

Марго замерла на пороге.

Дома. Это слово давно ей чуждо. Столько времени прошло, когда последний раз ощущала себя дома, своей, что и позабыла какового это. Оглядываясь, показалось, что задыхается. Словно вновь очутилась в злополучном заточении своих последних лет. Но в ушах звенел эхом голос Кирилла: «Вот мы и дома...».

Она очень хотела быть здесь, или хоть где-то в другом месте, дома. Но свежи воспоминания из Инанны. Слишком ярко пестрила в сознании картина убийства Латунина. Прошлое отчаянно не хотело отпускать. И возможно ли это так скоро? Возможно ли когда-нибудь?..

— Зачем тебе это? — Обернувшись к Рощину, Ритка задала волнующий последние дни вопрос.

Она не понимала. Правда не понимала зачем такому как Роцин, возиться с обыкновенной проституткой из борделя, которую пускай и навещал на протяжении долгого времени. Она не из тех, кого запросто приводят в дом и тем паче называют хозяйкой.

После злополучной ночи у Латунина, что привела в больничную палату, прошло больше месяца. Но не было и дня, чтобы Кирилл не навестил. Порой приходил и сидел по полдня, иногда забегал на пару минут, чтобы осведомиться, все ли в порядке и не нужно ли чего. Порой не умолкал, рассказывая глупые сплетни из города, порой из него слова не вытащить. Иногда довольный с улыбкой мартовского кота, но чаще угрюмый и задумчивый. За месяц стал Одинцовой ближе и роднее, нежели за годы совместных ночей в Инанне. Но это не давало ответа на основной вопрос.

Чуть с ума не сошла. До сих пор балансировала на грани. Призраки прошлого следовали по пятам, куда бы ни шла. Все, что когда-либо происходило в жизни отрывочно заполняло память. Несколько раз в больнице пыталась покончить с собой. Раз, спустя неделю, наглotalась таблеток. Да так, что едва откачали. А второй раз, каких-то несколько дней назад, Кирилл стащил её с подоконника, желающую выпрыгнуть в окно.

Не ведала, что творила. Не видела себя среди живых. И будущего не видела. В свои неполных 24 не имела ничего. Ни семьи, ни друзей, ни собственного дома, ни образования. Единственное, что умела — ублажать мужиков. Но за шесть лет по горло сыта ими. Не хотела жить. Её жизнь оборвалась там, на заводе. А существовать устала. Целей и стремлений не было. Желания попытаться начать заново тоже.

Оттого удивительнее казалось рвение Кирилла вытащить её с замкнутого круга и не позволить погибнуть. После таблеток носился как с малым ребенком. Как удержал в последний момент от прыжка с высоты восьмого этажа поликлиники, так и вовсе с катушек слетел. Наорал сначала, дурой обозвал, а потом прижал к себе и пообещал, что не позволит умереть. Никогда.

В тот день договорился с доктором о выписке, хотя изначально, по прогнозам, выписка Маргарите не грозила и через месяц. Врач, как успела подслушать, предлагал в психушку её отправить. Но Кирилл не был собой, если бы не отстоял. Может психушка наиболее правильный вариант.

— Неужели думала, что позволю закрыть тебя в дурке или за решеткой? — Кинув сумку на пол, скрипнул зубами Роцин.

— Шесть лет я провела в заточении, сомневаюсь, что в дурке или за решеткой могло быть хуже. — Обхватив себя за плечи, поежилась, криво усмехнувшись. — Стоило сдать меня в милицию, хлопот было меньше.

Одинцова догадывалась, что за Гришку её могли в лучшем случае посадить, в худшем где-то закопать. Но о возможности оказаться в тюрьме от Кирилла за последний месяц слышала впервые.

— Естественно, хуже! Если о Гришке мало кто сожалеет, то смерть Сизого тебе не простили бы.

— А мне плевать! Ты еще не убедился, что сама хочу умереть? — С вызовом начала было Одинцова, но осеклась. Приподняв бровь, уставилась на мужчину, не веря своим ушам. — В смысле смерть Сизого? Я его не убивала.

— В прямом. Не хотел сразу говорить, но на следующий день после того, как нашел тебя в больничной палате в синяках, я поехал и разгромил к чертям собачьим этот притон вместе с его хозяином. — Как разумеющеся, отчитался Кирилл. — Больше тебе нечего бояться. — Подойдя на расстояние вытянутой руки, провел пальцами по щеке и с нежностью прошептал: — Я обещаю, что заведение под названием Инанна больше не появится в твоей жизни. И запомни: ни Инанна, никто-то типа Сизого не стоит того, чтобы хоронить себя как в прямом смысле слова, так и живьем среди зеков и прочей нечисти. Ты слишком хороша для этого.

Взяв за плечи, Роцин притянул неподвижную Ритку к себе. Она так и стояла не в силах приподнять руки, чтобы ответить на объятия. Лишь смотрела куда-то вдаль, сквозь незакрытую входную дверь.

Странно так. Роцин из-за неё разогнал притон и свергнул Сизого. Спас от казенного дома и от смерти. Это покруче любой серенады под окном или необъятного букета роз, о котором мечтала в юности, когда Пашка был жив. Подобного ради неё никто не совершал. Но отчего-то не знала, то ли радоваться, то ли плакать.

Латунин мерещился везде. Особняк, перешедший Кириллу в наследство от отца, и который отныне назывался ее домом едва ли спасал. Для начала Маргарите необходимо привыкнуть к мысли, что отныне она свободна. Золотая клетка для невольной птички сменилась Золотой Рощей. Но последняя явно выигрывала.

Когда Кирилл провел для девушки поверхностную экскурсию по дому, уловила разницу — атмосфера была совершенно иной. Более располагающей и воистину домашней. Всё вкупе с сытным ужином, благодушно настроенной к ней домработницы, и трепетного отношения самого Роцина, позволило расслабиться. В сон сморило рано, едва мужчина довел до её новой спальни и уложил в кровать. Впервые за долгое время снотворное не понадобилось.

Сквозь сон Маргарита чувствовала, как Кирилл, верный привычкам, перешедшим из больницы, посидел некоторое время рядом, поглаживая волосы. Кажется, бормотал что-то приятное... А потом, перевернувшись на другой бок, девушка окончательно провалилась в сон, услышав напоследок громкий шепот:

— Опять ты!.. Нет! Ты её не получишь ни сейчас, ни потом. Всё, с меня довольно. Вотан...

2010 год

Обняв себя за плечи, Маргарита шагала взад-вперед по спальне, раздумывая над словами Кирилла: нынешними и былыми. Память играла злую шутку и не могла с уверенностью сказать, что в прошлом слышала из уст Рощина именно это прозвище.

Если её отец, генерал СБУ и некий Вотан действительно одно лицо, становится всё непонятнее. Когда отец ушел, была такой маленькой, что толком не понимала, кем он работал. Хотя, вспоминая отцовское фото, которое мать постоянно носила с собой, там он был в форме...

— Что же делать?.. — Взмолилась едва слышно.

Ладно бы у Кирилла какие-то бумаги нашла, но нет. Хотя... Досье. Перед появлением Рощина, готова поклясться, что видела среди прочих бумаг дело Пашки. Что история с Городковым мутная, сообразила со слов Олега давно. Но каким боком Кирилл?

Не желая теряться в догадках, надеясь раз и навсегда расставить точки над *i*, Одинцова выбежала из спальни, столкнувшись с Кириллом посреди коридора.

— Нам нужно поговорить! — Уперла руки в бока, преграждая путь.

— Что, уже решила кому доверять? Быстро как-то. — С насмешкой поддел, отталкивая с прохода.

— Откуда ты знаешь Павла Городкова? — С места в карьер сиганула Маргарита, оборачиваясь к мужчине, что, пройдя мимо, был у выхода.

— Марго, хватит играть в следователя. — Отмахнулся Рощин, попутно доставая звонящий мобильник из кармана. И обращаясь к звонившему: — Ну чего там?.. Взяти? Отлично, давайте на базу его.

Одинцова встрепенулась. Сердце пустилось вскачь.

— Ты о ком? — Хватая Рощина за руку, не выпуская из квартиры.

— Да, еду я. Скоро буду. — Отключившись, Кирилл спрятал телефон и, отмахиваясь от девушки, как от назойливой мухи, вылетел в подъезд, на ходу бросив караулившему у двери охраннику: — Проследи, чтоб она дальше этого дома не вышла.

— Ты про Олега говорил? — Забегая в лифт, не унималась. Оглянувшись на вошедшего следом сторожевого пса, но не видя его: — Где Руслан?

— Допрыгался твой Руслан. — Ответил Рощин, нажав нужную кнопку.

— Что ты с ним сделал?

Ритка, полна отчаяния и ужаса, дергала Кирилла за рубашку на груди, пытаясь что-то выведать, но тот невозмутимо следил за цифрой этажей, сменяющейся на табло.

Охранник, потеснившийся в углу лифта, косо посматривал на разыгрывающуюся сцену.

— Кирилл, не молчи! Скажи, хоть что-то! — Взвизгнула в тот момент, когда дверь лифта бесшумно отворилась.

— Воздухом немного подышите и домой её проводишь. — Рощин, оттолкнув Ритку прямо на охранника, раздраженно прошагал прочь.

— Маргарита Андреевна, думаю, вам стоит вернуться. — Подал голос мужчина, имени которого не знала и знать не хотела.

— Тебя забыла спросить, что мне надо, а что нет! — Топнув ногой, вырвалась, не обращая на него внимания.

Выбежала на улицу, когда за Рощиным захлопнулась дверца внедорожника и тот со свистом тормозных колодок сорвался с места. Гнаться бесполезно. Её новая охрана явно менее сговорчива, а Кирилл, включив режим непробиваемости, ничего не скажет.

Схватившись за голову, устало опустилась на лавочку, жадно втягивая прохладный осенний воздух. Кавардак в мыслях становился больших масштабов. И чем яростнее пыталась его разгрести, тем хуже делалось.

Просидела минут пятнадцать, не меньше. Пришла в себя, когда услышала, что её зовут. Охранник и так долго продержался в терпеливом ожидании её мнимой прогулки.

— Маргарита... — Начал.

— Да иду я уже! — Прикрикнула, злостно сверкнув глазами на мужчину, и обомлела.

На секунды показалось, что обозналась, примерещилось. Поморгала часто и даже потерла веки, надеясь прийти в себя. Но ничего не менялось. Нет, таких совпадений не бывает. Равно, как и не может так подфартить. В который раз сходила с ума.

Слова с уст сорвались прежде чем успела поверить:

— Пашка?.. Это ты?

2010 год

— Пашка?.. Это ты?

Медленно поднявшись с лавочки, девушка шагнула к мужчине, невозмутимо стоявшему напротив. В черном костюме с ровно повязанным галстуком и в белоснежной рубашке, с микрофоном в ухе, рацией и «макаром» за поясом. На первый взгляд, обычный сторожевой пес, ничем не выделяющийся с десятка других в службе охраны Рощина, сменяющих друг друга с завидным постоянством. Не удивительно отчего сразу не обратила внимания.

С некоторых пор охранники Кирилла помимо Калача, Бури, да Макса с Лёхой, что вхожи в дом, для Маргариты на одно лицо. Она попросту не утруждалась лишними заботами, запоминать, кто есть кто. Ни имен, ни лиц, ни тем паче судеб, которые привели к столь нелегкому заработку.

Напрасно. Сколько времени Городков был под боком, а она ни сном, ни духом? Вспомнился эпизод в аэропорту, когда уезжала с Олегом из страны. Показалось, что видела Павла. Хотя могла ошибиться. Вдруг не Городков был, и сейчас тоже не он?

Открывая рот и хватая воздух, как рыбка, вылетевшая на берег, Одинцова не могла ничего сказать. Протянула руку, осторожно касаясь мужского локтя, внимательно изучая лицо.

12 лет прошло. Она почти забыла, как Павел выглядел. Глаза помнила — серьезные такие, практически черные, да лицо с торчащими скулами. Худющий был, кожа да кости. Забавный.

Мужчина, стоящий впереди, совсем не похож на того Пашку, которого знала. Широкоплечий, круглолицый, постаревший. Вместо задора и блеска в глазах, под ними огромные синяки, указывающие на усталость. Но смотрела на него и чувствовала, что это он, Павел Городков. Черты лица те же. Голос — не уверена, но похож. Отбрасывая внешние факторы, нутром чуяла.

— Кирилл Сергеевич попросил вас провести в квартиру. — Разрывая сомнения, заговорил мужчина.

— Пашка... — Маргарита истерически хохотнула. — Живой.

Сколько раз после злополучных событий представляла, как сложилась их жизнь, не случись кошмара или закончившись он благополучнее. Встречались бы, наверное, поженились, жили долго и счастливо. Хотя если тогда Павел имел свойство вляпываться в истории вряд ли их ждало счастье. Но и кошмара могло не быть.

Сколько раз, оказавшись в борделе, мечтала отомстить. Сожалела о прошлом, оплакивала его и Олега. Ни разу в голову не пришло, что увидит Городкова на этом свете. Оттого сложнее подобрать слова.

Что обычно говорят человеку, которого давно и безнадежно причислено к покойникам, а он жив-здоров? Такому стоит радоваться. Но как реагировать на человека, разрушившего жизнь и исчезнувшего на долгие 12 лет, когда был особенно нужен? Учитывая, что не походил на несчастного. По крайней мере, на помойке не валялся. Очередной призрак, восставший из мертвых. Маргарита не удивится, если окажется, что и Пашка повязан с Вотаном.

— Маргарита... Андреевна. Не заставляйте меня беспокоить Кирилла Сергеевича. —

Осторожно взяв под локоток, потянул к подъезду.

Девушке показалось или в его голосе мелькнуло недоумение? Запнулся на секунды, будто прикидывая как себя вести. В попытке вернуть её обратно в квартиру, мало походил на бесцеремонных псов Рощина.

Смеяться захотелось от абсурдности ситуации, и она засмеялась. Во весь голос. Опрокидывая голову назад. Не противясь, позволила ввести себя в подъезд. Казалось, сходит с ума. В очередной раз за последние месяцы.

Чувствовала себя марионеткой. Куклой беспомощной, которой играют все, кому не лень. Даже Пашка, глупый и ввязывающийся в истории Пашка, плел интриги. Господи, тридцатник почти, а она безмозглее и наивнее ребенка!..

— Рит, прости меня, а? — Когда лифт закрылся, заговорил мужчина.

Смех застрял где-то в горле. Перестав дышать, Одинцова с недоумением уставилась на Городкова. Недавно причисляла Павла к мертвецам, а он стоит и просит прощение, толком ничего не объяснив. Спустил столько бед, свалившихся по его вине!

— Ты хоть понимаешь, о чем просишь? — Фыркнула, окатив бывшего возлюбленного ледяным взглядом. — Считаешь это уместным?

— Я не хотел, чтобы так получилось. — Забормотал Городков, поджавшись. Походил на нашкодившего паршивого собачонка. — Я не хотел, чтобы ты это переживала. Сам не понимаю, как так получилось...

Нерушимая маска спала с его лица. Неудивительно, почему именно сейчас пользовался моментом и пытался раскаяться. Еще один, кто боится попасться под всевидящее око и вызвать гнев великого Рощина. Лифт — единственное место в доме, где нет камер наблюдения. Стоит вернуться в квартиру, ничего не добьется от Павла.

В другой ситуации Маргариту проняли его слова. Но последние месяцы раскрыли много нового; она покрылась ледяной корочкой цинизма. Рядом с воскрешенным ощутила это особенно явно.

— Я все эти годы думал о тебе. О... нас. Я переживал за тебя. — Бубнил Павел.

— Прекрати! — Презрительно сморщившись, заорала Одинцова.

Видя, что секунды и лифт остановится на нужном этаже, стукнула ладошкой по кнопке «стоп». Кабинка с шумом затормозила.

— Рассказывай, как восстал из мертвых. — Ткнув мужчину указательным пальцем в грудь, приказала прежде, чем тот удивился её решительности.

Сама поразиться не успела. Но вопрос появления Павла интересовал по одной причине: какого черта из-за человека, который цел и невредим, жизнь других пошла под откос?!

— Рит, это не лучшая идея. — Нахмурившись, Городков нажал кнопку нужного этажа, и лифт со скрипом двинулся вверх.

Ну уже нет! Если Павел считает, что она отстанет, очень сильно ошибается.

Топнув ногой, раздосадованная Ритка вновь стукнула по «стопу». Потом еще раз и еще. Пока лифт окончательно не завис между этажами и цифра не замигала. Довольная собой, обернулась к мужчине, вопросительно приподняв бровь.

— Я и забыл какая ты упертая.

Пашка ухмыльнулся и на миг Рите почудилось, будто вернулась в прошлое. Пелена скоро спала. Стоило Городкову, стянув пиджак, опуститься на пол и как ни в чем не бывало достать из кармана шприц. Позабыв о присутствии Маргариты, выпустил из иглы воздух, закатил рукав рубашки.

Потрясенная Одинцова ахнуть не успела, как Пашка проткнул иглой и без того исколотую до синяков руку и резким движением выпустил жидкость из шприца себе в вену. После, откинул голову к стене, блаженно закатил вели; пояснил:

— Извини, что сделал это при тебе, но сил терпеть совсем нет. С позавчера ничего не принимал. Для меня это срок, веришь?

О, да! Маргарита верила. Годы в Инанне показали и такую сторону жизни во всей красе. Благо, её данная участь обошла. Надо хоть в чем-то отдать должное Сизому, но силком никого не пичкал наркотой, в отличие от большинства подобных заведений. Считал, если претендуют называться лучшим борделем города, предоставлять должны «чистых» девочек. Но жизнь этих девочек так мотала, что порой сами срывались, доставая наркотики через собственных клиентов. Иногда клиенты были не прочь подсадить. Кто-то держался, у кого-то крышу в итоге рвало, что ни дня без дозы.

Хорошо помнила признаки наркомана. Это и нервозность, и несурзанность речи, бледность, красные глаза. Опешив от шока, не сразу углядела их в Городкове.

— Думаешь, я наркоман? — Словно читая мысли, заговорил Павел, заерзал на полу.

Рита ничего не ответила. Обхватив себя руками, отступила к стене, не соображая, как дожили до такого. Одно дело видеть колющихся проституток в борделе, совсем другое человека, которого ранее вроде как любила.

— Правильно думаешь. — Выдержав паузу, подтвердил Павел. Глубоко вздохнув, со скорбью признался: — Сам не понял, как вышло. Я ведь с раннего детства ментом мечтал стать. За справедливостью гоняться. Чтоб как Чернышевский. — Хмыкнув, протер лица руками и посмотрел на Маргариту. — Что я рассказываю, сама ведь знаешь.

Знает. Или думала, что знала.

В памяти всплыло далекое прошлое: она — глупая юная девчонка влюбилась в не менее зеленого и глупого мальчишку — Пашку Городкова, старшего на три года и на столько же младшего от Чернышевского. Казалось, вся жизнь впереди, покорение вершин и исполнение мечтаний. Ныне, оглядываясь назад, видела разрушающую безысходность.

— А вот как вышло... — Печально вздохнул Павел, пряча шприц в карман. — Как был в дерьме, так и остался. Не в пример Чернышевскому. Он-то молодец, поднялся. Птица высокого полета. Куда с ним тягаться.

— С твоим образом жизни удивительно, что ты жив. — Не удержалась от едкого комментария Маргарита.

Гадко на душе было, противно.

— Я не спорю. — Городков внимательно уставился на девушку снизу-вверх. — Самому от себя тошно. Да поделать ничего не могу. Веришь?

Рита безразлично вздернула плечами, обнимая себя покрепче. Стало холодно, до дрожи.

— Сам не знаю, как связался с наркотиками. Но глядя на чертову правильность Чернышевского, как ему в рот смотрела, — встречаясь со мной, уши прожужжала о нём, — хотелось в чем-то переплюнуть его. Чтоб на меня, парня своего так смотрела, а не на старшего товарища. Потому и влез в эту историю. Бабок хотел по-быстрому срубить.

— Что ты несешь? Разве в этом счастье? — Ужаснувшись услышанному, Одинцова машинально сползла вниз по стенке, не сводя глаз с Павла.

— А что? На тот момент казалось, деньги — единственный способ стать лучше Олега. Он во всем выигрывал: на курсе лучший, во дворе лучший, для тебя лучший. Родители и те его в пример ставили. Поэтому, когда предложили легкий заработок, не задумывался.

Плевать было наркота это, или что еще. Мое дело маленькое — передать нужному человечку товар и бабки забрать. Хотел пару раз подзаработать. Но как-то закрутилось, ввязался по самое не могу.

— Ты хоть раз задумался, что не себя подставляешь, а людей, что за тебя беспокоятся, подставляешь? — Визгнула Маргарита, не веря собственным ушам.

Странно слышать откровения Павла. Странно и противно.

— Задумывался. — Честно признался Городков, протягивая пиджак околевшей Ритке. Продолжил: — Поздно было. Последний раз перед происшествием на заводе большую партию наркоты толкнул. Бабки отдали, сказали явится человек от Сизого, заберет. Я что, первый раз, что ли? Пришел мужик, который сто процентов на Сизого работал. Я отдал деньги. Не тому. Оказалось, человек подставным был, на Плантатора работал. Тогда-то меня люди Крота и повязали.

— Зачем им обо мне рассказал, записку подсунул? — Девушка дрожала, но пиджак игнорировала. Отчего-то прикасаться к нему не хотелось.

— Какую записку? Я ничего не рассказывал! — Всполошился Павел, копошась на месте.

— Еще скажи, не в курсе, что из-за тебя и этой записки меня забрали в бордель? Что Олег, пока ты жил где-то, как крыса, срок мотал?

— Я не знал! Честно не знал!

Павел нервничал, бегая глазами по сторонам. Если и притворялся, очень умело.

— Хорошо, какого черта прятался?

— Если б прятался. Крот как подстрелил меня, очнулся в какой-то комнатухе без окон и с закрытыми дверями. Несколько недель просидел, как собака. Только жрать давали, очко выносили да пару раз пришли перевязать рану. Со мной никто не разговаривал, не говоря о том, чтобы выпустить. После пару месяцев пичкали наркотой, пока окончательно не подсел. Знал лишь, что с завода меня вытащили люди Плантатора и держали взаперти с его подачи.

— Как? И после всего этого ты?.. — Маргарита руками обвела вокруг и запнулась.

Чем дальше в лес, тем больше дров. Кирилл и здесь посуетился.

— Продолжаю на него работать? — Высказал немой вопрос Городков. — Продолжаю. Выбора нет. Ясно дали понять, что меня для всех давно схоронили и, если рипнусь дать кому-то знать, что жив — ни мне, ни родителям житья не будет. И куда б пошел? Наркотой заказал себе одну дорогу: не Плантатор, так Сизый убрал. Если б сvezло добраться до ментовки и попасть на честного следака, посадили вместо Чернышевского. А ты знаешь, мне далеко до Олега. На нарах не выжил бы. Посему помимо поводов ненавидеть Плантатора, у меня есть поводы быть ему благодарным.

— А как же справедливость? — Слезы самовольно покатались из глаз.

— Я на игле сидел. Хорошо так сидел. Я б за дозу мать родную продал. Ты мне про справедливость. — Пашка презрительно поморщился. — Знаешь каково это, когда тебя ломает? Когда кости сворачивает и думать не можешь ни о чем, кроме как уколоться?

— Меня ломало по-другому. — Глухо отозвалась Маргарита.

— Всем нам было нелегко. — Философски изрек. — Первый год я света белого не видел. Думал подохну там на*ер. Но ничего, втянулся. То ли к дозе поменьше привык, то ли организм стал справляться. Меня Калач взял к своим пацанам учиться, чтоб в охрану потом. Конечно, серьезное стеречь не подпускали. Так, по мелочи, склады неважнецкие. Но всегда при деле.

— Стоп! — Оборвала Одинцова. Разум озарила мысль, от которой становилось

дурно. — Если тебя охранять что-то серьезное не допускали, как здесь оказался?

— Да *ер его. Калач прислал. Говорит: хватит тебе в тени сидеть, пора за серьезную работу браться. Я до последнего не знал, что тебя сторожить буду.

— Черт! Нет-нет! Нет!

Маргарита в ужасе подскочила. Калач. Опять Калач. Он выследил её; узнал, что Олег работает в СБУ; похоже, забрал Руслана, еще и это. Павел не напрасно появился именно сейчас. Тимур что-то задумал.

— Эй, ты чего? — Подхватившись следом, удивился Пашка. — Калач нормальный мужик.

— Ага, нормальный! Как же! — Маргарита стала отчаянно лупить по кнопке вызова диспетчера. — Нам нужно отсюда выбираться.

— Нужно. Но мне показалось, ты сама не прочь здесь застрять. — Громким шепотом отозвался Городков, подкрадываясь сзади. Проведя ладонью по её шее: — Может, это знак?..

— Ты охренел?! — Обернувшись, Одинцова вlepила звонкую пощечину.

— Ну чего ты, Ритусь? — Растирая щеку, удивился Павел. Но назад отступил. — Ты не просто так на тот завод поперлась? Ты меня любила. Может, до сих пор любишь, а?

— Какой ты все-таки... — Смерив презрительным взглядом Павла.

— Мерзкий? Гадкий? Я и сам знаю. Конечно, что меня любить, когда вокруг вон какие мужики крутятся. Один другого краше. Что Плантадор, как видит тебя, в умалишенного кобеля превращается. Что Чернышевский. Оба при власти и бабках. Но, знаешь, Ритка, я ведь тебя любил. Все эти годы. Каждый божий день. Не знал, что ты в борделе была. До тех пор, пока Плантадор тебя не забрал.

— Если так любил, почему не нашел способ дать о себе знать? Рассказать куда и к кому я попала?

— Чтоб это дало? После борделя оказаться птичкой в золотой клетке Рощина не худшая перспектива. И что мог сделать? Чем помочь? Конченный наркоман, который со своей жизнью совладать не способен.

— Ты знаешь, зачем я Кириллу?

— Зачем, по-твоему, красивая баба обычно нужна мужику?

— А если серьезно?

— Если серьезно, про это каждая собака на привязи у Калача знает. Твой батя не последний человек в СБУ. Пока ты у Плантадора, ему есть чем отбиваться от органов. Ты козырь, имея который победа в кармане.

— Откуда знаешь? — Маргарита была удивлена ответом. Сомнительно, что отцу есть до неё дело.

— Я много чего знаю. — Павел, прислонившись к стенке, вытащил из кармана телефон, что-то спешно набирая.

— Почему я оказалась на том заводе?

— Вот этого, простите, не знаю. Знаю, что там были люди Сизого, которые тебя забрали. Я, но при большом желании не успел бы написать записку — меня быстро повязали. Плантадор, спасший мою шкуру. Органы, собирающиеся выйти на притон. И как выясняется твоей ненаглядный Чернышевский. Выводы делай сама.

— Это... Кирилл?

— Думаешь ему до того было? Он про меня-то узнал исключительно из-за посредничества при передаче бабок. И не оставил помирать на заводе, чтоб к нему ниточки

не привели, если очухаюсь.

— Когда меня забрали люди Сизого и везли в бордель, за нами была погоня. Упоминали Плантатора.

— Не исключаю, что он хотел разобраться с Кротом. Возможно, видел, что там девчонка. Но вряд ли знал кто ты. Хотя тогда ты и не была такой ценностью, как спустя шесть лет.

— Как я вас всех ненавижу! — Прошипела Одинцова, схватившись в отчаянии за голову. Она не знала кому и чему верить. Новая информация должна прояснить ситуацию, но сильнее запутывала. Кирилл, Олег, непонятно откуда взявшийся отец, Павел... Каждый, по своим словам, белый и пушистый, а по факту? По факту — все источники проблем.

— Рит, ну что ты? — Осторожно касаясь руки, пробурчал Павел. — Я не желаю тебе зла. Никогда не желал.

— Не трогай меня! — Встрепенувшись, как от огня, шикнула.

— Я люблю тебя. Так тебя люблю. — Причитал Городков. — Но знаю, что недостойн тебя. Никогда не был достоин. Теперь и подавно. Что сделать для тебя? Хочешь помогу сбежать? Хочешь? К Чернышевскому? На самом деле ты всегда хотела быть с ним, так ведь?

— Хватит! — Прикрикнула, пытаясь взять себя в руки. С силой нажала на кнопку нужного этажа, пытаясь вернуть лифт в строй. — Ты однажды помог. До сих пор все разгребают.

— Нет, я должен что-то сделать. Я должен как-то искупить вину. — Не унимался Пашка.

Его бросало из крайности в крайность. Конченный наркоман — так, кажется, про себя сказал. От Пашки, которого знала ранее, не осталось и следа. Но в одном прав — он должен искупить вину.

— Раз так много знаешь, помоги достать документы против Кирилла. — Вперившись внимательно взглядом в Городкова, выдала девушка.

— Я не знаю. Не уверен, что получится. — Замешкался мужчина.

В этот момент лифт, после очередной попытки Одинцовой включить, с грохотом двинулся вперед.

— Я не удивлена ответу. — Фыркнула Маргарита.

— Нет, погоди. Я просто не знаю, что из этого получится. Есть одна идея.

Когда лифт, достигнув нужного этажа, открылся, Павел нажал кнопку первого пояснив:

— Пока Калач с Плантатором разбираются со своими делами, мы поедем попытать удачу.

Оставив сказанное без ответа, Маргарита последовала за Городковым, когда вышли на улицу и направились к оставленному на стоянке автомобилю. В результате ей терять нечего. Получила по самое не могу в этой жизни. От Павла сможет защититься при необходимости. Гнев Кирилла — последнее, чего боится. Устала бояться.

Начали путь в гробовом молчании. Ритке, украдкой поглядывающей на Павла, не верилось, что это не дурной сон. Восставший из мертвых, он в какой-то степени и вправду был живым мертвецом.

Наркоман, способный на всё ради дозы...

Мысль, что не может всё так ладно сложиться, слишком поздно пришла в голову. Особенно после изначального нежелания Павлом признавать, кто он такой.

Городков вел себя подозрительно. То и дело постукивал пальцами по рулю,

оглядываясь, будто в ожидании погони. Этого Одинцова сама опасалась, но ничего подозрительного не намечалось. Чем ближе подъезжали к окраине города, тем больше внутренних страхов возникало.

Калач сказал: пора за серьезную работу браться...

Конченный наркоман...

Есть поводы быть благодарным Плантатору...

Я много чего знаю...

Сказанное Павлом прокручивалось в голове.

Я должен искупить вину...

Я много чего знаю...

Есть поводы быть благодарным Плантатору...

— Достаточно! — Заорала Маргарита, зажав уши.

Городков от неожиданности на секунды потерял управление и машину заводило по дороге. Но быстро сориентировался, выравнивая транспорт.

— Ты чего, Ритка? — С ужасом уставившись на девушку.

— Куда. Мы. Едем? — По слогам, с расстановкой спросила Одинцова.

— В место, которое раскроет для тебя многие тайны. — Павел подозрительно ухмыльнулся.

Ритке было не до смеха. Ухватившись за руль, повторила:

— Куда мы едем?!

— Элитный бордель Инанна. Слыхала о таком? — С насмешкой, пытаясь осторожно убрать ладони Маргариты с управления, выдал Пашка. — Это, скажем, столичный филиал.

— В смысле? Зачем? Я ничего не понимаю?

— Я думал для тебя не секрет, что Инанна с момента свержения Сизого, под Плантатором?

Одёрнувшись от Городкова, сжала ладонями голову. Это невозможно! Немыслимо! Нет, догадывалась о чем-то подобном. В частности, после открытия Олегом об истинном бизнесе Рощина. Но услышать напрямую оказалось неприятно. Еще более неприятна мысль о поездке в злополучное место. Она не готова и не уверена, что это нужно.

— Рит, не переживай. — Равнодушно ободрил Пашка. — Там ничего страшного нет. Обычный публичный дом, обычные бабы. Если захочешь, останешься в машине. Просто у меня есть доступ к тайнику, в котором хранится масса интересных вещей, которые могут помочь.

— Ты уверен?

— Более чем. — Подмигнул Городков, обгоняя очередную иномарку и набирая большую скорость. — Я понимаю, место для тебя неприятно, но оставить одну в городе не смог.

Вздохнув, Маргарита уставилась в боковое стекло, наблюдая за проплывающими мимо панорамами. Высотки давно сменились раздольем полей и густых чащ. Они удалялись от города.

Вспомнилась поездка к Сизому в злополучную ночь. Её тоже везли в бордель. Но всё было иначе. Она была заложницей. Сегодня Маргарита села в машину добровольно. Корить себя не за что. Боятся не стоит. Нужно поскорее закончить фарс. И если для этого необходимо вернуться в прошлое, она это сделает.

До места назначения добрались в течение часа. Павел молчал. Казалось, он находится в смятении. Маргарита тоже предпочитала сидеть тихо. Что хотела — узнала в лифте. О

большем разговаривать с этим человек не представлялось возможным.

— В машине посидишь, или как? — Припарковавшись у заднего входа огромного трехэтажного особняка, поинтересовался Городков.

— Если я найду, об этом доложат Кириллу? — С сомнением осматриваясь вокруг, уточнила Одинцова.

— Не бойсь, сегодня здесь нормальные пацаны. И потом, с той информацией, что достанем, тебе опасаться нечего. Можно валить к Чернышевскому и просить защиты.

Кивнув, девушка вылезла из машины. Ступая во двор, который был подозрительно пуст, Маргарита чувствовала, что ничего хорошего из поездки не выйдет. Напрасно идет сюда, но отступать поздно.

При ближайшем рассмотрении дом напоминал место бывшего заточения. Дух борделя витал в воздухе и становилось не по себе. Но вспоминая Инанну, где постоянно кто-то сновал туда-сюда, каждый вход и выход тщательно охранялся, здесь казалось странной сама возможность зайти беспрепятственно на территорию.

Павла это мало тревожило. Он вел себя достаточно раскованно и по-хозяйски. Не в пример часам ранее, когда столкнулись у подъезда столичной квартиры.

— Направо и вниз по лестнице. — В просторном холле Пашка указал рукой в нужную сторону. — Ты заходи, я быстро проверю нет ли кого из ребят.

Ритка опомниться не успела, не то что спросить, как Городков убежал в обратную сторону и скрылся за поворотом коридора.

В голове маячила единственная мысль — бежать! Чем дальше и быстрее, тем лучше. Догадывалась, что попала в ловушку. В который раз. Не из-за Павла, из-за собственной глупости. Доверилась человеку, которому давно нет веры. Наивная дура.

Спускаясь по длинной лестнице, чувствовала, что намеренно идет в западню. Но что-то тянуло вперед. Как на чертовом заводе. Знала, что ничего хорошего не увидит, а шла. С каждой ступенькой становилось холоднее. Темнота окутала почти полностью. Двигалась скорее на ощупь, держась рукой за стену. Ей бы убежать. Но тянуло вперед.

Сердце будто застыло в груди, когда, оказавшись у закрытой деревянной двери, толкнула. Казалось, готова к чему угодно: получить выстрел в голову, увидеть разгневанного Кирилла, вернуться в прошлое и снова стать проституткой Гретой, даже встретиться с призраком прошлого в лице убитого ею Гришки Латунина. Что угодно, но не...

— Не-ет! — Закричала Маргарита во весь голос.

Упав на колени, с ужасом смотрела перед собой и не верила, что это происходит наяву.

Большой темный подвал, освещенный тусклым светом старенькой лампочки, что висела посередине, раскачиваясь по сторонам от ветра. Комната почти пуста. Лишь в центре, подвешенный за руки на толстых цепях, висел человек. Мужчина. С голым торсом, кровоточащим от многочисленных ран и ссадин. Голова вяло болталась — со стороны Маргариты видна темная макушка. Непонятно жив или мертв. Если и жив, то на грани. Не одно ясно — не видя лица, девушка совершенно точно знала, кто перед ней и по чьей вине тут находится.

В этот миг ненавидела себя. Горькие слезы катились по щекам. Это она должна быть на его месте. Она и никто другой!

— Ну как, нравится открытие? — Послышался за спиной язвительный голос вошедшего Тимура.

Конечно, кто еще. Лишь этот человек способен на такое.

— Отпусти его, он ни в чем не виноват. — Глотая слезы, отчаянно взмолилась девушка. — Зачем ты сделал это? Зачем?..

Просьбы были встречены очередным смешком. Калачев, не глянув на Одинцову, прошел мимо. В руках у него была плеть с металлическим наконечником.

Приблизившись к заложнику, замахнулся и рассекая со свистом воздух, ударил по спине несчастного.

Мужчина со стоном дернулся от удара, зазвенев цепями.

В голове пронеслась мысль, что живой. Пока еще живой.

— Эта гнида считал, что самый умный. Вот пускай получает. — Воздух рассек новый удар, сопровождаемый очередным стоном.

— Отпусти его! Я тебя умоляю! Забери меня... — Бормотала Ритка.

— Это было бы слишком просто. — Хохотнул Калач. — Правда, Павлик? — Обращаясь куда-то за спину девушки.

Маргарита обернулась, натываясь взглядом на застывшего в дверях Городкова. Он смеялся. Одинцова готова поклясться, что смеялся над ней. С самого начала знал, чем обернется сегодняшняя встреча. Он попросту издевался!

Будто прочитав во взгляде Маргариты всю ненависть, Павел пожал плечами, безучастно бросив:

— Прости, Ритка. Ничего личного. У меня не было выбора ни в аэропорту, ни сейчас.

До девушки дошло, что, убегая с Олегом на Сицилию, ей не примерещилось. Это действительно был Павел. Именно он сдал Тимуру. Равно как и ныне действовал по его указке.

— Молодец, Павлик! Отлично поработал! — Похвалил подошедший Калач. Бросил что-то Городкову.

Тот, поймав на лету, блаженно рассмотрел полученный приз — шприц с наркотиками.

Я за дозу мать родную продам, ты мне про справедливость...

В ушах прозвучало сказанное ранее Павлом. Глупо было рассчитывать, что что-то поменялось.

— Ну чего расселась, рот разинула? — Возмутился Калачев, обращая к ней внимание.

Ухватив девушку за волосы, дернул, вынуждая встать.

— Иди сюда, ближе посмотришь на своего драгоценного друга.

Потянул к скованному мужчине. Оказавшись с ним впрыток, Тимур отпустил Маргариту. Едва не упала, на миг потеряв равновесие. Удержалась, как замороженная глядя перед собой.

Калач, схватив подбородок затравленного мужчины, поднял его голову: лицо в синяках и крови, затуманенные глаза безжизненно смотрят вперед.

Он не соображает, что происходит.

Закусив губу, чтобы не завывать в голос, Маргарита едва сдерживалась, чтобы не отвести взгляд.

— Смотри, су*а, я сказал! — Закричал Тимур, встряхнув тело заложника. — Так будет с каждым, кто посмеет пойти против Плантатора. Так будет с твоим блудным папашкой и драгоценным Волкодавом. В итоге так будет с тобой! Слышишь?!

Маргарита слышала. Всё слышала. Но отказывалась воспринимать. Помутненный взгляд полуживого друга отчаянно врезался в память.

Понимаю, что никакие слова не смогут искупить её вины, едва слышно прошептала

СКВОЗЬ СЛЕЗЫ:

— Прости меня. Прости меня, Руслан...

2004 год

— Познакомься, Олег. — Представляя вошедшего, Штормин разом подтянулся. — Мой непосредственный начальник, руководитель главного управления отдела по борьбе с коррупцией и организованной преступностью — генерал-майор Андрей Михайлович Одинцов.

Подходя ближе и протягивая Олегу руку, чиновник с ухмылкой подметил:

— Можно просто — Вотан.

— Откуда такое прозвище? — Ухмыльнулся Олег, пожав руку в ответ и с неприкрытым интересом всматриваясь в глаза собеседника. — Стало быть, как и для древних скандинавов, Ваше появление считается знаковым событием? Вы обычно предсказываете радости или беды?

— Это зависит от исхода нашей сегодняшней беседы. — Явно довольный дерзостью Олега, отмахнулся генерал. — Что касается прозвища, оно мало связано с германоскандинавской мифологией.

— Андрей Михайлович блестящий военный служащий. Уже за это удостоен громкого имени. — Вмешался Штормин, но быстро заткнулся, стоило Одинцову глянуть с укором.

— Уж больно фамилия Ваша знакома. — Не унимаясь, поддевал Чернышевский.

Строить из себя кого-то и подхалимничать не намерен, кто бы перед ним не стоял. Хоть сам господь бог. Перед человеком, носящим фамилию, как у его Ритки, тем паче. Совпадение или нет, предстояло выяснить. Именно этим собирался заняться в первую очередь.

— У меня знакомая есть. Ритка Одинцова. Может, слышали о такой?

— Не беги впереди паровоза, Олег. — Указывая без эмоций на стул, перешел на «ты» Вотан. — Садись и слушай, о чем тебе расскажут.

— Весь внимание. — Разведя руками, Чернышевский подчинился.

— Твоя знакомая для меня действительно не чужая. — Усаживаясь напротив, с ходу признался мужчина. — Маргарита Одинцова — моя дочь.

Несколько секунд Олег неверующе смотрел на Вотана, пытаясь осмыслить новость. Отчего-то происходящее казалось сном. Появление Риткиного отца, спустя столько лет, да еще и в столь громкой должности, было также ирреально, как прямо сейчас оказаться на берегу океана, вместо холодной и сырой тюремной камеры. Но это давало надежду. Не для себя, для Риты. Слова Игоря о несправедливости суда над ним, Чернышевским, отошли на задний план. Снова одно имело значение.

— Что с ней? — Сжав руки в кулаки, прошипел Чернышевский.

— Олег, это вторая часть нашего разговора. — Вновь вмешался Штормин, склонившись над папкой с бумагами. — Для начала мы должны обсудить возможность твоего освобождения.

— Что с ней?! — Игнорируя друга, заорал Олег, не сводя пытливого взора от высокопоставленного гостя. — Вы её отец, генерал СБУ, какого черта она была все это время в борделе?

— Олег, если не хочешь и дальше здесь оставаться, веди себя подобающе, не кричи на человека, желающего тебе помочь. — Одернул Игорь.

Одинцов молчал. Поджав губы, терпеливо выслушивал претензии Чернышевского. Без каких-либо эмоций и переживаний. Стальная выдержка, которой Олег очень завидовал: внутри у него бушевал ураган.

— Да плевать мне на себя! — Отмахнулся Чернышевский от Штормина, как от назойливой мухи. Подхватившись, навис над столом, склоняясь к Вотану: — Я хочу понять, почему Маргарита при живом отце плавает в таком дерьме? Вам погоны не жмут?

— Чернышевский, ты нарываешься! — Воскликнул Игорь, пытаясь усадить мужчину обратно.

Тщетно. Олег крепко стоял на ногах, возвышаясь над генералом.

— Игорь, оставь его. — Ровным тоном приказал Андрей Михайлович. Тихо, спокойно. Но сказал, как отрезал. Рассек воздух, заставив воцариться тишине в комнате. После добавил: — Выйди, Штурм. Нам с Олегом нужно поговорить наедине.

— Андрей Михайлович, Вы уверены?.. — Хотел возразить, но взгляда Одинцова хватило, чтобы Игорь, нехотя сгребая бумаги, подчинился и ушел.

— Садись. — Кивнул Вотан на стул, обращаясь к Олегу, когда дверь с глухим скрипом закрылась. — Беседа предстоит долгая.

Чернышевский сдался, медленно опускаясь на место. И генерал заговорил:

— Да, моя дочь до сих пор в борделе. И мне нужна твоя жажда к справедливости и возмездию. Мне нужен тот Олег Чернышевский — борец за правду, который носом землю рыть будет, но накажет всех, кто так, или иначе причастен к событиям на заводе и поможет Рите. Она ведь тебе все еще небезразлична?

— Пи***ц заявление. Прямо польщен. — Язвительно выплюнул Олег. — Я и без ваших подсказок давно помог, но мотая срок особо не разгуляешься. А какого хе*а Вы сидите и рассуждаете о справедливости, вместо того, чтобы реально действовать, я не понимаю.

— Мне нужен человек, которому смогу доверить жизнь своей дочери. — Сжимая кулаки, скрипнул зубами мужчина. — Судя по тому, что ты, спустя годы, все еще грезишь о ней, я не ошибся в выборе.

— У Вас, вообще, соображалка не варит? — Постучав себя по лбу указательным пальцем, поморщился Олег. — Я — зек. Вы — генерал в органах. Связь улавливаете?

— Заткнись, щенок! — Стукнув кулаками по деревянному столу, вспыхнул Одинцов. — Ты сидишь и молча слушаешь, что я говорю. И когда разрешу, начинаешь вякать.

Глубоко втянув воздух, Чернышевский с рыком растер лицо ладонями и пытливо уставился на собеседника. Хотя внутри разгоралось желание крепко стукнуть этого Вотана. Неважно, что он шишка и отец Ритки. За бездействие особенно хотелось наказать. Но ничего не оставалось, кроме как выслушать. Выбора нет — или слушаешь и пытаешься помочь, или уходишь и загибаешься от неизвестности, досиживая положенный срок.

— Вы с Риткой попали под раздачу по нелепому стечению обстоятельств. На заводе намечалась облава СБшников на группировку Сизого. Со стороны была получена информация о передаче крупной партии наркотиков. Но спецслужбы пустили по ложному следу: ожидаемые большие разборки обернулись незначительной потасовкой.

— Это так называется — незначительная потасовка? — Не выдержал Олег. — Может, и СБшниками Вы руководили?

— Нет. На тот момент и все последующие шесть лет меня не было в стране. — Излишне терпеливо, игнорируя вопрос, пояснил Вотан. — Я никоим образом не связан с лицами, руководящими спецоперацией.

— М-м, удобно. — Сложив руки на груди, Чернышевский откинулся к спинке стула, выжидая продолжения.

— Не понял? — Одинцов настороженно нахмурился.

— Удобно, говорю, сейчас отмазываться, рассказывая байки про непричастность и неосведомленность. Еще скажите, что до последнего не знали о Риткиной судьбе.

— Скажу. Хочешь верь, Олег, а хочешь не верь, но я три месяца назад вступил в должность. Про дочь узнал лишь в прошлом.

— И где были все годы, когда эта самая дочь в нищете прогибала? Когда мать родную хоронила? Когда в лапы Сизого попадала? Дайте, угадаю. Звездочки на погоны зарабатывали? А тут вдруг вспомнили, что дочь-то, оказывается, имеется. В отца решили поиграть?

— Я сюда приехал обсуждать не себя и моральную сторону своих поступков. — Холодно, безразлично отбрил Андрей Михайлович. Но желваки на скулах заходили. — Да, меня не было рядом с Маргаритой в самые ответственные и важные для неё моменты. Меня не было рядом, когда я был нужен. Почему так вышло однажды расскажу Рите. Тебе могу признаться, что об этом жалею больше всего на свете. Мне жизни не хватит, чтобы искупить вину. Очень сомневаюсь, что она простит меня когда-то. Но для меня важно другое — любой ценой вытащить её из того ада. С твоей помощью или без. Так как? Могу на тебя рассчитывать? Или мне уйти и не тратить время понапрасну?

Признание Одинцова выбило почву из-под ног Чернышевского. Как бы ни злился и недоумевал из-за поступков Вотана, последние слова заставили поверить в искренность. Чего там ни было в прошлом, каковы причины исчезновения и внезапного появления генерала спустя годы, не вправе судить. Действительно, не знает ровным счетом ничего. Но если этот человек, возникший на его дороге, как черт из табакерки, преследует цель вытащить Ритку, то им по пути.

— Ваши предложения? — Вместо ответа, уточнил Олег. Разводя руки, прокомментировал очевидное: — Заключенный союзник вряд ли способен чем-то помочь.

— Если ты удосужишься выслушать меня, наконец, не перебивая, и правильно поймешь, уже завтра будешь на воле.

— Ого! — Присвистнул Чернышевский. — Ну, валяйте.

Перспектива так скоро приступить к давно лелеемым поискам и освобождению любимой девушки, здорово грела душу.

— Вот и славненько. — Облегченно выдохнул генерал и без предисловий продолжил рассказ. — В тот вечер в город прибыла крупная партия наркоты из Афгана, поставки которой курировал некий господин Латунин. Передать должны были Сизому. Взять этих двоих означало перекрыть кислород преступности в городе. К операции готовились очень тщательно. Но информатор оказался подставным лицом из группировки Сизова. Он направил СБшников на завод, где люди Сизого разбирались с мелкой пешкой, которым оказался Павел Городков.

— В тот день я узнал, что Павел приторговывает наркотиками. — Глухо отозвался, когда прошлое картинками пронеслось перед Олегом.

— Он был простой пешкой. Передавал наркотики от поставщика к покупателю и забирал бабки. Работал на Сизого, но вляпался в историю, передав деньги не тем людям. Поэтому подчиненные Сизого и решили наказать парня.

— Можно ближе к делу? — Поторопил Чернышевский.

Пустые разговоры о несчастном Павлике начинали выводить из себя. О его похождениях и способах заработка давно знал. Да и неважно это. Важно, каким образом его, Олега, сделали козлом отпущения.

— Олег, ты в самом деле сидишь ни за что. Убийства, которое тебе приписали, не было: Городков был только ранен кем-то из людей Сизого. Более того, когда на завод явились СБшники, Павла не нашли. Но был раненый ты.

— Ох*енеть! — Подхватившись, Чернышевский зашагал по комнате взад-вперед. Ныне серые бетонные стены давили особенно. — Вот так у нас работают спецслужбы? Находят раненым человека и списывают на него несовершенные преступления?

— Это не спецслужба, сынок. — В голосе Вотана впервые за сегодняшний разговор послышались нотки сочувствия. — Это оборотни в погонах. Помнишь некого майора Коробова?

— Еще бы! — Растирая лицо руками, взвыл Олег. — Не успев очнуться после завода, этот гад меня утащил в следственный изолятор, обвинив во всех смертных грехах.

— Будучи не последним человеком в СБУ, Коробов прикармливался от Сизого.

— С*ка! — Стукнув ладонью по столу, выругался Чернышевский. — Я так и знал, что этот гад на два фронта работает, а Штормин мне: «Он чист, он чист!» Черта с два!

— Он работал очень аккуратно. До последнего, пока не затеялись кадровые перестановки в структуре, и я не начал копать, его не в чем было уличить. Но готовя ту операцию, заранее знал, что главные виновники останутся на свободе.

— Нет, я все понимаю, двойная игра, большие бабки на кону. Но как? Скажите, как меня посадили за преступление, которого не было?

— Тебя посадили из-за твоей жажды справедливости. Останься на свободе, ты продолжил копать на Сизого, искал Маргариту. Ты всем мешал. Гораздо удобнее было тебя запрятать за решетку, тем самым избавившись от нежелательного свидетеля и возможной помехи.

— Ничего не понимаю! — Со всей дури стукнув кулаком о стену, заорал Олег. — Павла даже не нашли, зачем придумали это чертово убийство? Откуда знали, что там был именно он?

— Ты полагаешь, на два фронта работал лишь Коробов? На заводе в тот вечер была и пешка помельче, что подстрелил и тебя и Городкова. Еще там был Роцин Кирилл Сергеевич — заклятый враг Сизого и известный в узких кругах как Плантатор, который и увез с собой Павла. Вы с Риткой тогда вляпались в такие разборки — радоваться надо, что остались живы. Вас запросто могли пришить и все.

— Чего ж не пришили?

— Тебя обнаружили те, кто честно исполнял свой долг, доставили в больницу. Там подключился Коробов. Убить тебя можно было и в больнице, и в изоляторе, но пропажу Городкова тоже стоило обосновать. Вот и убили одним махом двух зайцев. А Рита... — Сжав ладони в кулаки, Одинцов прошипел: — Рита молодая, красивая девушка, на которой можно было заработать денег. Ей ведь и записку потому подкинули, чтобы через неё выйти к Сизому, так сказать, на живца поймать. Но так как взаправду ловить никто никого не собирався, забрали в бордель.

— Откуда Вы это знаете? — Упираясь лбом в холодную стену, выдохнул Олег.

Голова от полученной информации шла кругом. С трудом соображал, как так вышло. Не верил. Отказывался верить. Слишком сложная комбинация. Подставные лица. Игры в

справедливость, которой нет. Деньги-деньги... Как следствие разрушенные жизни.

Позже поймет все. Переварит, сопоставит факты. Поверит, несмотря на абсурдность. А пока... Пока хотелось закрыть веки, а открыв узнать, что все случившееся за последние шесть лет — блажь, ложь, глупый страшный сон. К сожалению, этому не суждено сбыться.

— Я 20 лет проработал в разведке, способен узнать и не такое. — Подметил Андрей Михайлович.

— Почему сейчас?

Объяснять, о чем речь не стоило. Оба так прекрасно понимали. Олег не ожидал какого-то внятного ответа. Спросил по инерции. Но Вотан, уставший от недоверия, коротко резюмировал:

— Управление по борьбе с оргпреступностью заподозрили в тесных связях с этой самой оргпреступностью. Стали массово менять руководство. Меня вызвали в страну и предложили должность при условии, что я разгребу это осиное гнездо. Разгребая, параллельно хотел связаться с семьей, но узнал, что жена мертва, а дочь как в воду канула. Я начал искать. Оказалось, что мой новоиспеченный помощник Игорь Штормин в курсе некоторых событий. Вместе стали разбираться и дорылись до правды. Но впереди самое сложное: взять Сизова и вытащить Риту. Здесь и пригодится твоя честность и стремление к справедливости.

— С меня снимут обвинения? — Глянув на Одинцова, спросил Чернышевский.

— Нет. — Односложный ответ. Глаза в глаза. И повисшее следом молчание.

— Почему?

— Тебя выпустят условно-досрочно за хорошее поведение.

— Вы же сами сказали, что Павел живой! Я ни за что сажу!

— О твоей невинности известно узкому кругу людей. О том, что Павел жив даже мать родная не в курсе. Городковы шесть лет назад похоронили пустой гроб с уверенностью, что там их сын.

— Но как?

— Ты еще не понял, что с правильными связями возможно все? — Одинцов пытливо уставился на мужчину. — Но в твоем случае условно-досрочное единственный вариант.

Чернышевский понимал. Чересчур хорошо понимал среди каких людей очутился. По факту все равно как окажется на свободе. Главное, поскорее исчезнуть из этого места. Прекратить бездействие. Но внутренний голос требовал торжества справедливости. Хотя бы на сегодняшний день.

— Я не убивал Павла... — Балансируя на грани отчаяния.

— Ты убил Волка. — Натянув маску невозмутимости, напомнил генерал.

— И это знаете...

— Но за это наказания не несешь. — Будто не слыша, гнул свое. — Считаю это установлением равновесия.

— Тут либо я, либо меня! Какого нах*ен равновесия?

— Самого обыкновенного. Слушаешься и делаешь все, что скажу, и очень скоро увидишь Маргариту.

— Например? — Повернув стул спинкой, Олег уселся, уставившись на Вотана.

— Например, сыграешь роль молодого криминального авторитета, накануне освободившегося из тюрьмы и имеющего чрезмерные амбиции. Играя под прикрытием, ты сможешь взять Сизого, или не только Сизого, за жабры.

— Интересное у Вас соображение о спасении Ритки. Я себе представлял все несколько

иначе.

— Иначе здесь не прокатит. — Андрей Михайлович пробарабанил пальцами по старому деревянному столу. — Если переть напролом, Сизый сразу поймет кто ты и что ты. И поверь, на сей раз тюрьмой не обойдется.

— Можно подумать, так он не узнает, что годами ранее засадил меня ни за что.

— Не узнает. Думаешь, он в прошлом вникал, кто стал крайним? Нет, конечно. Из участников той истории, кто мог ему доложить, не осталось никого.

— Если откажусь? Раз все выяснилось, меня обязаны выпустить.

— Выяснилось? — Криво усмехнулся Вотан. — Сынок, ты, наверное, чего-то не понял. Об этой ситуации. — Неопределенно расчертив воздух руками. — Знаю я и Штормин. Я могу равно как помочь выйти отсюда, так оставить отбывать срок.

— А Игорь?..

— Шторм не пойдет против меня, прости.

— Да вы издеваетесь, что ли?! — Подхватившись, мужчина отбросил хлипкий стул в сторону и тот, от удара о бетон, разлетелся на две части. — Вы являетесь сюда, рассказываете какие козлы Ваши предшественники, что я зазря попал под раздачу, а теперь такое заявляете! Да чем Вы лучше остальных?!

— Ты прав. Наверное, ничем. — Поднявшись следом, согласился Одинцов. — Но мне нужна твоя легенда. Не потому, что так хочется или от нечего делать. Я верю, что это поможет взять опасных людей и спасти мою дочь. Когда все закончится, мы полностью очистим твое имя. Ты получишь хорошую должность в спецслужбе, восстановишься в звании и заслужишь еще звездочек. Но для этого надо потерпеть и поработать под прикрытием. Это порой сложно, но поверь, жить можно.

— Я так понимаю, у меня нет выбора?

Вздыхнув, Олег зажмурился. В который раз осознавал, насколько безумна система. Ведомства, структуры, органы — всем и вся плевать на человеческий фактор. Ради достижения целей готовы идти на что угодно, любыми способами. Неважно, оборотни или честные, исполняющие свой долг — все как один ступают по головам. Одинцов, дочь которого неизвестно что переживает в борделе, не исключение.

Чернышевскому казалось, что будь на его месте, вместо ходьбы по кругу и просчетов игры, давно поехал в адский бордель и забрал Ритку. Многие еще представлялось иначе. Верилось, что, упрямо двигаясь к цели, не заискивая и не притворяясь, можно все решить гораздо быстрее. Принципы отчетливо сидели внутри. Но ради Ритки готов был на все. Наступить им на горло и согласиться на любую аферу, отдавшись в руки опытных кукловодов.

— Почему нет? — Фыркнул Одинцов. — Выбор есть всегда. Если тебе дорога Рита и хочешь помочь — соглашаешься. Если гордость сильнее остальных эмоций — можешь оставаться здесь и ждать. Возможно, справедливость когда-то восторжествует. — Шагнув к выходу, обернулся на мгновение: — Время на раздумья у тебя до завтра.

— Пойдите! — Окликнул Чернышевский, шагнув к генералу. Когда тот вопросительно изогнул бровь, сквозь зубы выдавил: — Я согласен.

— Вот и правильно. Я догадывался, что ты умный парень. — Улыбнувшись, Вотан подал руку. — Добро пожаловать в команду.

— Давайте без громких фраз. — Скривившись, Олег пожал протянутую ладонь.

Вотан сдержал обещание. Уже на следующий день за Чернышевским закрылись ворота

колонии с колючей проволокой. Пьянящее чувство свободы разом закружило голову. Полной грудью втянул воздух. Дышать стало легче. И хоть впереди много всего предстояло, жизнь снова заиграла красками. Хотелось навсегда позабыть серые каменные стены, сырость и гадкую похлебку на обед. Оставить в прошлом людей типа Тузика и Шныря. Забыть, как страшный сон кровавое убийство Туза и взгляд задыхающегося Волка. Содрать с руки ненавистную татуировку и вычеркнуть из памяти опостылевшее прозвище.

Хотелось... Много чего хотелось. Не позволили. Свобода оказалась недолгой. Тюремное заключение сменилось заточением в структуре. О том, что ради воли своей и Риткиной продался в рабство, не давали позабыть ни на секунды. Даже когда вышел за территорию тюрьмы не разрешили ненадолго остаться самому, свыкнуться с тем, что больше не зек.

Черный мерседес с тонированными стеклами дождался через дорогу. Завидев Олега, посигналил. Обернувшись на секунды, чтобы навсегда оставить в памяти место, изменившее его, Чернышевский прошагал к машине. Как и догадывался, внутри ожидал Штормин.

— Ну че, брат, поздравляю с освобождением! — Улыбаясь во все тридцать два, поприветствовал Игорь.

— Спасибо. Хотя не уверен, что это свобода.

— Да брось ты! — Искренне удивился друг. — Михалыч мужик неплохой. Строгий, конечно, любит всех держать в ежовых рукавицах, но справедливый. Прорвемся.

— Ага, я убедился, какой справедливый. — Не без иронии хмыкнул Олег.

— Ладно, пора валить отсюда. Нам еще долгая дорога предстоит. — Щелкнув зажигание, Шторм ударил по газам, срываясь с места.

— Куда, если не секрет? — Наслаждаясь плавным скольжением автомобиля по дороге и скоростью, поинтересовался мужчина.

— В столицу, куда ж еще. Там у нас место дислокации.

— Понятно. А где этот твой генерал?

— В столице. У него дел разгрести вагон еще предстоит.

— Ну поехали, в столицу. Только это... — Олег неуверенно замаялся. — Можно сначала куда-то заскочить перекусить? Жрать хочу, не могу. Со вчера кусок в горло не лез.

— Обижает! Конечно, можно! Сейчас накормим тебя, а то за казенными харчами небось забыл вкус нормальных продуктов. А пока... — Игорь полез в бардачок. Достав оттуда небольшую металлическую флягу, протянул Чернышевскому со словами: — Держи, выпей, наконец, хорошего коньяка. Тебе необходимо. Но чуть-чуть, а то после шести лет в завязке гляди срубит.

Недоуменно зыркнув на друга, мужчина принял презент. Всегда был равнодушен к алкоголю. И о чем-чем, а об этом за годы на зоне не вспоминал ни разу. При желании бывала возможность выпить. Другой вопрос, что не хотелось. Ни разу. Ни капли. Всегда считал алкоголь последним средством для решения проблем. Убитое время, сознание и херовое самочувствие как следствие всего. Толку?

Но открутил флягу и, не раздумывая, сделал пару коротких глотков. Терпкий аромат ударил в нос, вкус обжег горло и внутренности. За секунды каждая клеточка тела наполнилась необходимым теплом. Легче не стало. Тяжелые мысли не отошли на второй план. Но воспринимались проще. Вспыхнула надежда на лучшее будущее. Поймав на себе одобрение Штормина, вновь приложился к бутылке. Еще пара глотков и, откинувшись к спинке кресла, прикрыл веки. Перед глазами снова она — Маргарита. Девчонка, без которой не жить...

2010 год

Распахнув веки, Чернышевский невидяще уставился на пузатый бокал, в котором плескались остатки янтарной жидкости. Поздние лучи уходящего солнца игриво отражались в дорогом хрустале. Солнце. Невиданная роскошь за последние дни. Осень окончательно вступила в свои права, затапливая столицу слезами. Что куда более сопоставимо с гребанной жизнью, чем эти нелепые лучи. Как насмешка. Как заигрывание. Огонек надежды, которой больше нет.

Противно так на душе. Внутри словно что-то сломалось. Задолбался. После шести лет тюрьмы не так отвратно себя ощущал, как сейчас. Устал до чертиков. Боролся за что-то, боролся, а все будто зря. Шесть лет чего-то ждал, куда-то спешил, к чему-то стремился. Справедливость, мать его. Кому нужна эта паршивая справедливость, когда самой близкой помочь не способен. Идиот несчастный.

Какого х*ена согласился на судьбоносное предложение Вотана? Но был ли выбор? Не виделось его. Ничего не виделось, кроме чертового призрачного спасения для Ритки. Что мог в одиночку, оставаясь за решеткой? Казалось, что под покровительством влиятельного чиновника из СБУ все станет по плечу. Тем паче в скорейшем положительном исходе дела были заинтересованы обе стороны. Казалось — месяц-другой и Ритка окажется на свободе. С ним, рядом. Тогда много что виделось иначе. В итоге?

Фыркнув, Чернышевский одним махом опустошил бокал. Огляделся безразлично. Мог ли предположить, что молодой борец за справедливость, осужденный за несовершенно и в итоге оправдавший клеймо убийцы, однажды окажется в такой роскоши. Что показное богатство станет обыденностью. Бутафорией. Реквизитом, установленным совершенно не к месту драмы, разворачивающейся в душе и в жизни.

Очередные шесть лет ушли в никуда. Короткая битва затянулась в долгосрочную войну. Неправильную и бессмысленную. Свобода оказалась мимолетным пшиком. Искрой что, не успев зажечься, погасла, затягивая глубоко во тьму. Но не унывал. Не сдавался. Ни разу за все эти годы. И когда упустили Маргариту, позволив оказаться в золотой клетке Рощина на безграничный срок. И когда гонялся едва не по всей стране за Сизым, чтобы поймать на крючок. И когда впервые пошел на сделку с совестью, превратившись в подставного игрока, криминального авторитета. И когда не выступил в открытое противостояние с Рощиным. Все ради дела. Ради будущего.

Сомневался много раз. Но не останавливался. Не было времени. Все спешил куда-то, торопился, жил мечтами. Сам не заметил, как заигрался. Шесть лет пролетели, как один. Всегда прислушивался к команде, к генералу. Не смел усомниться в правильности решений.

Оглядываясь назад, соображал: будучи в одиночку, возможно, смог сделать гораздо больше. Что-то поважнее, чем разбитая криминальная группировка. Чем установление баланса между преступностью в стране. Играя в одиночку, сделал бы главное — спас Ритку. Вытащил из тягучего болота. Да, не имел бы роскоши и богатств, но получил нормальная жизнь. Если бы не ждал, действовал.

Да и ныне... Черт подери, ему бы оторвать задницу от дивана и поехать за *Ней*. Забрать. Пойти на риск, если надо стать под пули, но забрать Ритку, выкрасть и увезти. Дальше — хоть потоп. Что-то сдерживало. Обещания. Обязательства. Ненавистный когда-то алкоголь,

распространившийся по венам. За последние несколько дней выпил столько, что тошно было. От самого себя. Своей никчемной беспомощности.

В голове снова и снова прокручивались Риткины слова из последней встречи.

Не нужен. Нас нет.

Ритка Одинцова, которую когда-то любил, давно умерла...

Ты возненавидишь меня...

Возможно. Пока ненавидел себя. Не так представлял все. Умом понимал, что обязан продолжать бороться. Идти дальше. Что-то удерживало. Не позволяло с места сдвинуться. Слова Ритки навсегда отпечатались в памяти. Знал, что блажь, ложь во спасение, а поделаться с собой ничего не мог.

Вотан, как назло, пронюхав об их встрече, в который раз отчитал, посадил на привязь, не давая дернуть, не то что пойти в открытое противостояние. Олег в который раз поражался выдержке этого мужчины. Знать, что родная дочь в опасности и неизвестно чем все обернется для её жизни, и продолжать выжидать, способен либо отъявленный проходимец, либо бесчувственный человек. Хотя, оставив Риту в раннем детстве, Одинцов и не знал её толком. Считаю, чужая. Дело важнее. Для всех. Кроме него, Чернышевского. Жаль, что поздно понял...

Зажмурившись, сжал ладони в кулаки. Одним резким движением сбросил содержимое журнального столика на пол. Разбивая пустой бокал. Разливая коньяк из открытой бутылки. Наблюдая, как коричневое пятно расплывается по белоснежному пушистому ковру, схватился за голову и взвыл. Ни конца, ни края происходящему не видел. Жизнь, как этот ковер, затягивало в грязную пучину с каждым мгновением сильнее.

Отчаянно пытался придумать правильное решение. Но в хмельную голову ничего, кроме воспоминаний, не приходило. Сколько просидел так, неизвестно. Еще б, наверное, сидел, если бы не стук двери, оповестивший о названном госте. Олегу оглядываться не стоило, чтобы понять кто. Бесшумные шаги и укоряющий взор, сверлящий спину, чуял на уровне подсознания.

— Что ты творишь, парень? — Устало проговорил генерал, опустившись рядом. — Когда просил не рыпаться, я имел в виду не бежать к Рошину и не устраивать разборок, а не сидеть с кислой рожой и выдувать все запасы коньяка.

— Если пришли поучать меня, то напрасно. — Не глядя на вошедшего, огрызнулся Чернышевский. — С Вашими пожизненными косяками Вы не лучший учитель и далеко не облик морале.

— Меньше недели до тендера. Надо потерпеть.

— Вы, вообще, очень терпеливый человек, раз двадцать с лишним лет идете к тому, чтобы встретиться с единственной дочерью. Может, специально оттягиваете? Бойтесь встречи и объяснений? — Молниеносная догадка пронзила сознание. Олег вопросительно уставился на Андрея Михайловича. — Рита навряд ли обрадуется, когда узнает, что пока отдувалась в борделе, родной отец погоны зарабатывал.

— Думаешь, мне легко? Думаешь, не хочется плюнуть на условности и пойти лично к Рошину, начистить рожу и забрать дочь? — Одинцов встал и двинул к мини-бару напротив. Плеснул коньяка. Выпил одним глотком и признался: — Годы в разведке научили выдержке. Понимаю, что своими порывами ничего не решу. В лучшем случае Рошин в очередной раз избежит наказания, а меня подстрелят. А если из-за моей оплошности что-то случится с Ритой? Я не переживу этого. Без того виноват перед ней. И ты прав, боюсь, что не примет

меня. И будет права.

— Почему Вы бросили их?

Вопрос, который Олег неоднократно задавал своему начальнику. Но откровенного ответа не получал никогда. И теперь не надеялся. Поинтересовался машинально. Но, видно, дошли до той точки, когда скрывать и недоговаривать нельзя.

Пройдя к окну, генерал разоткровенничался:

— Молодой был, глупый. Я тогда лет пять служил в разведке. Бесконечные командировки, поездки. Никто, естественно, не знал. Для жены я был простым капитаном из военной части, катающийся постоянно на учения. Она догадывалась, конечно, что не все так просто. Но не подозревала насколько. В один прекрасный день руководство поставило меня перед выбором: либо работы, либо семья.

Замолчал. Печаль читалась в его взгляде. Тоска из-за необратимости ситуации.

— Выбрали работу? — Олег, как зачарованный, ожидал ответа.

Никогда ранее откровенность не доходила до такой степени. Не хотел упустить момента. Хотел понять, возможно, оправдать для себя человека, которого несмотря ни на что считал авторитетом. Хмель куда и делся.

— Да, я выбрал работу. Со знаниями и прошлым, которое у меня на тот момент было, меня не отпустили бы. Ясно дали понять. Подвергать семью опасности не мог. Казалось, что оборвать все контакты единственно верный выбор. Я не предполагал, что жена скатится до банального алкоголизма, а Ритина жизнь пойдет под откос.

— Мне жаль. — Зачем-то проговорил Чернышевский. Предвидел, что его жалость Одинцову ни к чему. Разозлится.

Генерал молчал. Несколько минут молчал. Будто взвешивал что-то. Потом не успел открыть рот, чтобы отчитать подчиненного, как зазвонил телефон.

— Слушаю. — Коротко, невозмутимо. Возвращая бывшее безразличие. — Говори, Игорь... — Нахмурившись, уставился на Олега. — Нет, Буря не выходил со мной на связь. Да говори ты!..

По мере того как менялось выражение лица Одинцова, к Чернышевскому закрадывались нехорошие предчувствия. Руслан несколько дней не звонил. Такое бывало и раньше. Но учитывая последние события, навевало на домыслы.

— Понял! Сейчас будем. — Тем временем закончил разговор Вотан. Обращаясь к Олегу, выдал: — Руслана вычислили.

— Он жив? — Подхватился Чернышевский.

— Не знаю. Надеюсь. — Неопределенно качнул головой Андрей Михайлович. — Шторм пытается выяснить. Последнее известно, что несколько дней назад люди Рощина увезли его за город, на базу.

— Твою ж мать! — Заорал Олег, взмахнув руками. — Так и знал, что нельзя ему туда возвращаться. Я должен быть на его месте...

— Отставить панику! — Жестко оборвал генерал. — Если есть хоть малейший шанс, что он жив, мы его вытащим.

— А если нет?

Памятью обещания шестилетней давности касаясь Маргариты, Чернышевский не мог не предположить худшего исхода. Заигрались они. Сильно заигрались. Чересчур много безвинных жертв там, где их можно избежать. Риту Рощин, может, и не тронет, а вот у Буртенко шансов почти нет.

— Никаких если. — Дал установку Одинцов. — Хватит штаны просиживать. Поехали.
Пора действовать.

2010 год

Тук-тук-тук... Шаг за шагом сердце ускоряло ритм, глухими ударами отдавая в грудной клетке. Дышать становилось тяжелее. Здравый смысл не слушался. Предательские слезы готовились вновь политься. Держалась из последних сил. Сильная рука, сжимающая её ладонь, напоминала, что не имеет права предавать огласке свои слабости. Не здесь и не сейчас. Она должна быть сильной. Не ради себя. Ради человека, висящего на волоске между жизнью и смертью из-за неё.

— Расслабься. — Шикнул мужчина на ухо, незримо одернув. — Напряжена, будто тебя на казнь ведут.

Маргарита молча кивнула, мимоходом глянув на спутника. Даже при всем пренебрежении и внутренней ненависти, не могла не отметить, что он выглядел шикарно. Классический черный костюм. Белоснежная рубашка. Дорогие запонки. Начищенные до блеска туфли. Дерзкий аромат парфюма с древесными нотками. Хитрый взгляд с хищным прищуром и едва заметная ухмылка. Полон уверенности и превосходства.

Он привлекал к себе внимание других гостей, воспринимая как должное. Роцин — истинный хозяин положения. Сегодня он именно таков. Звезда вечера, азартный игрок, вот-вот готовый урвать заветную победу. Ранее Одинцова гордилась им. Не будь событий, случившихся за последние недели, сама, как многие, с вожделением заглядывала бы ему в рот, радуясь достижениям. В другой ситуации...

Теперь в голове пульсировала одна-единственная мысль — сбежать. Спаситься. Вырваться на свободу. Будь на кону лишь её жизнь, удрала. Если понадобилось, снова из машины выпрыгнула. Сдерживало слово, данное Кириллом: не трогать Руслана, если останется. Пойдет на тендер. Будет изображать влюбленную и счастливую спутницу истинного победителя.

Интересно, хоть кто-то из гостей способен распознать в ней запуганную и потерянную пленницу обстоятельств, прячущую боль за холодной безжизненной усмешкой? Судя по приветствующим кивкам и неприкрытой лести в лицо, если и видят, предпочитают игнорировать. Кому сдались чужие проблемы? Никому.

Маргарита не пыталась жаловаться на судьбу. Четко выполняла обязательства перед Роциным. Когда надо — расплывалась в милой улыбке, перебрасывалась короткими фразами, принимала комплименты и медленно, но уверенно напивалась шампанским. Мысленно находясь где угодно, но не в роскошном банкетном зале, принимающим этим хмурым вечером высокопоставленную публику. Ожидающую объявления о решении почетной комиссии, кто выиграет тендер на поставки вина и вольется в Internal Group.

Черное вечернее платье в пол под стать настроению и фигуре. Роскошные локоны собраны в высокий шиньон. На шее увесистое ожерелье из белого золота с бриллиантами, на руке браслет. Шпильки, красивый макияж. Все под стать Кириллу. Как он любит. Как настоятельно просил. Единственное, мужчина предпочитал, чтобы Рита выбрала алое платье. Не смогла. Пошла против воли хозяина. Только черный правильно подчеркивал состояние души и выражал траур по разрушенной жизни и разбитым мечтам.

Корила себя страшно. Ненавидела буквально. За каждый просчет. За поступки, оборачивающиеся против неё. За попытки стать счастливой. Знала давно, что стоит

смириться. Жить, как жилось и не дергаться. После Инанны у неё было почти великолепное существование у Рощина. Шесть лет в роскоши, богатстве и тепле. Стоило оставить как было. Внезапное появление Олега все разрушило, выбило из колеи. Зачем поддалась на его уговоры? Зачем ввязалась в аферу, которая обернулась бедой?

Ей сулили спасение, а по итогу крепче сдавили тиски. Поиск свободы или завоевание новых званий для отца? От воспоминания о человеке, ставшим причиной её появления на свет, становилось горько и смешно разом. Все время на грани риска было искусственно создано с подачи Одинцова. Рощин тоже не подарок. Маргарита знала его истинную натуру. Но если бы не повелась на слова Чернышевского, жила, как прежде, и горя не знала.

Душу раздирали противоречивые чувства. Маргарита догадывалась, что сегодня увидит Олега. Хоть издалека, но увидит. Эта мысль волнительным трепетом переворачивала все внутри. Но в памяти чересчур отчетливо всплывали слова Кирилла, открывшие правду и на Чернышевского, и на отца. А еще слишком хорошо помнился ужас и липкий страх, когда увидела едва живого Буртенко на цепях. Это холодило сердце похлеще, чем очередной воскрешенный призрак из прошлого по имени Павел...

Неделей ранее

Метая головой по подушке, девушке никак не удавалось вырваться из тревожной бессознательной тьмы. Пустой, оглушающей. Ни тебе снов, ни воспоминаний. Но опасное чувство тревоги в таком состоянии напоминало о себе. Сдерживало в цепких тисках переживаний. Хотела проснуться, открыть веки, понять, что опасения напрасны. Не получалось. До тех пор, пока не распознала холодные хлопки по щекам. Один, второй, третий... Каждый ошутимее и сильнее. И с каждым больше реальности в сознании.

— Хватит дрыхнуть, спящая красавица! — Безжалостный смешок окончательно привел в сознание.

Распахнув веки, Маргарита увидела склонившегося над собой Рощина. Едкая улыбка и пытливый взор подействовал сильнее ушата ледяной воды. Вздвогнув, резко села на диване (а местом её случайного отдыха оказался именно большой бархатный диван). С сознанием нещадно возвращалась память. Крупица за крупницей. Детально, подробно, но чрезвычайно быстро. Вспомнилось и событие, предшествующее обмороку.

— Что вы сделали с Русланом? — Вырвалось прежде, чем жуткое зрелище пыток Руслана возникло в воображении.

— Чего вдруг так за него печешься? — Вспыхнул Кирилл, усевшись в кресло напротив. Пошарил в кармане куртки в поисках сигарет. — То знать не хотела, а теперь вдруг Руслан. Может, и с ним спишь? — Щелчок зажигалкой и быстрый взгляд на Одинцову.

Непонимающе нахмурилась. Отвечать на абсурдное заявление не желала. Тело сковывало от страха за человека, которого стала считать другом. Все остальное, даже собственные проблемы, отошло на второй план. Пряча лицо в ладонях, спустила ноги на пол, пытаясь встать.

— Мне надо его увидеть. — Пробубнила дрожащим голосом. — Ты должен его отпустить. Это же Руслан. Твой начальник службы безопасности.

— Хреновая, видно, у меня безопасность, раз такой начальник. — Прикурив, наконец,

отметил равнодушно Кирилл. — Так как, поведает историю, чего дергаешься из-за этого Иуды? Ладно, Чернышевский. С ним все ясно. Молодость вспомнилась, глупость. Этот на кой тебе? Или Волкодава мало? Решила на этого товарища переключиться? А тут хопа, нестыковочка получилась.

— Ты болен, Кирилл.

Не было сил сопротивляться и высказывать негодование. Привыкла к абсурду, лившемуся из уст Рощина. С каждым разом все безумнее. Боялась представить, как далеко зайдет в своих фантазиях и хуже того — действиях.

— Зато ты, смотрю, сильно здорова прыгать из одной койки в другую! Инанны мало? — Выпуская густые клубы дыма, мужчина следил за слабыми попытками Ритки встать. — Хочешь повторения?

— Что?

Замерев, Одинцова с ужасом уставилась на бессердечного мужчину. Который еще недавно был единственным в её жизни. Важным, дорогим, близким. Спасшим от каббалы. И он снова намекает на бордель?

К месту вспомнилось, что и ныне, похоже, находятся в публичном доме. Очередном из, если верить Павлу. Но уже не чьему-то, а во владении самого Рощина. Раз рискнул избить её, довести до полусмерти Буртенко, что помешает подложить её, Маргариту, снова под десятки чужих мужиков.

— Ты хочешь вернуть меня в бордель? — Растерянно выдохнула.

Реакция последовала незамедлительно.

— Сбрендила совсем? — Заорал мужчина, стукнув кулаком по стеклянной столешнице. На скалах заходили желваки, а в очах вспыхнули злые искорки. — Хватит одного твоего любовника — Волкодава! Последствия еще долго разгребать придется. Больше думать о других мужиках не посмеешь.

Вздых облегчения сорвался с уст девушки. Хоть в чем-то у Рощина остался здравый смысл. Выходит, еще что-то значит для этого мужчины. Кроме него самого, бояться нечего. Это утешало мало, но гарантировало неприкосновенность со стороны чужаков. С Кириллом как-то справится. Вот только...

— А Руслан?.. — Обхватив себя за плечи, с мольбой глянула на мужчину.

— Что Руслан? Здорово Тимур придумал, правда? — Смяв окуроч, Рощин бросил тот в пепельницу. — Заковать этого су*онка в цепи, а потом тебя доставить на представление. Но не думал, что слабенькой окажешься. Не успел посмотреть на твою реакцию воочию.

— Зачем вы это творите? Назло мне? Хотите добить? — С отчаянием взвыла Одинцова. — Тебе нужна я? Вот она! Бери и делай, что пожелаешь! Не трогай больше никого!

— Ах, не трогай! Сдался тебе этот Бурый! — Подскочив, в пару шагов очутился лицом к лицу с девушкой. — Почему?

— Потому что виновата я, а он заложник ситуации. Он не хотел тебе навредить. Все случайно вышло.

Врала без зазрения совести и молилась, чтобы выглядеть достаточно убедительно. Чтобы поверил каждому слову. Не тронул. Нужно оттянуть время предстоящей казни. Ей ныне это под силу.

— Как же случайно! Он предал меня. — Взмахнув перед Одинцовой указательным пальцем, прошипел: — Как прикажешь вести себя с предателем? Премию выписать? В

отпуск на Багамы отправить? Ой, нет, извините, на Сицилию! Благодаря твоим итальянским каникулам я понял, что с этим гадом что-то нечисто. Не хотел верить до последнего. Спасибо, Калач глаза открыл. Что на тебя, с*ку, что на этого... — Сжимая и разжимая кулаки, будто из последних сил сдерживался, чтобы не схватить или ударить. — Убил бы!

— Почему не убьешь? — С вызовом метнула девушка.

— Кто сказал? Возможно, и убью Бурого. С такими, как он, по-другому нельзя.

— А меня? — На глазах выступили предательские слезы. — Убей лучше меня. Не трогай его.

— А тебя — нет. — Ухватив Риту за горло, выдохнул Кирилл. — Ты слишком хороша, чтобы быть так грязно и паршиво забита, как эта скотина. Признаюсь, как узнал, что Буртенко тебя к Волкодаву повез, ушам не поверил. Разозлился. Думал сначала — удушью собственными руками обоих. А смотрю и понимаю — ну как тебя такую дурочку душить. Ты как собачонка, куда помянут, туда и бежишь.

Громкий всхлип и одинокая слезинка, не удержавшись, скатилась по щеке. Хотелось дать деру. Спрятаться от Кирилла. Но не смела пошевелиться.

— Ну чего ты? — Искренне удивился мужчина. Провел большим пальцем по мокрой дорожке на её лице. — Неужели, тебе так жалко этого придурка безмозглого?

Немая мольба и короткий едва заметный кивок были ответом. На более не хватило. Мелькнула надежда, что послушание и согласие помогут, смягчат Рощина. Позволят осторожно направить в верную сторону. Ведь как показывала практика — сопротивления распалили мужчину, вынуждали действовать наперекор.

— Хочешь посмотреть на него?

Вновь кивок, уже более смелый. Хотя смотреть не хотелось. По горло хватило того зрелища. Но убедиться, что жив обязана. Иначе ни за что не простит себя.

— Ну пойдем. — Схватил за предплечье, потянул к выходу из комнаты.

— Куда? — Не сопротивляясь, несмело возразила.

— Куда-куда? На кудыкину гору! Посмотрим, не порешал ли твоего Руслана Калач.

Рита дышать, казалось, перестала. Ускорив шаг, торопилась за Кириллом. Не обращая внимания на охрану, расставленную в каждом коридоре, закоулке. Не видя ни обстановку, не запоминая дорогу обратно. Впиваясь в спину Рощина, бежала вперед, чтобы успеть. Страх оказался сильным мотиватором.

Спускаясь по слабоосвещенной лестнице, уже на последних ступеньках услышала громкие щелчки из злополучного подвала. Голоса, смешки и снова удар, следом за которыми дерганый звон метала. И вновь смех. Еще более громкий и раскатистый. Который разом стих, стоило двери широко распахнуться с подачи ноги Кирилла.

— Как успехи, ребята? — Прикрикнул Рощин, остановившись на пороге и оценив обстановку.

Маргарите пришлось подниматься на носочки и выглядывать, чтобы рассмотреть происходящее. Мужчина впереди заслонил весь обзор. Того, что успела поймать хватило. Руслан по-прежнему безжизненно болтался на цепях. Рядом стоял Тимур с огромной кожаной плеткой в руках. И надо быть полным идиотом, чтобы не понять, как её использовали. С предыдущей встречи ничего не изменилось. Почти ничего. Крови на Буртенко больше.

— Работаем. — Усмехнувшись, односложно ответил Тимур. И дабы показать, как именно, в очередной раз замахнулся и ударил Бурю.

— Останови это! — Взмолилась Маргарита тихо, дернув Рощина за рукав.

— Отдохни, Калач. — Жестко приказал Кирилл, двинувшись вперед.

— Да погоди ты, Кир. — Отмахнулся зверь. — Мы выйдем из него все. Расскажет не только какие цели преследует, но и вспомнит имена шлюх, которых за всю жизнь перетрахал. Обращаясь к жертве, поинтересовался: — Давно на Волкодава работаешь?

Руслан едва заметно мотнул головой, отказываясь говорить. Кнут со свистом вновь прилетел к его спине, с хлестким звуком отскочив обратно. Буртенко дернулся, стиснув зубы. Застонал от боли. Но промолчал.

— От, с*ка, крепкий орешек попался. — Процедил зло Калачев. — Но ничего, не таких раскалывали. — Лёва, неси инструмент. Накалился уже?

Маргарита увидела, что в дальнем углу подвала возле электропечи стоял один из людей Тимура и что-то вращал на огне кузнечными клещами.

— Ага, подогрелся знатно. — Человек, именуемый Лёвой, подал Тимуру раскаленный до красноты стальной штемпель.

Одинцова сообразить не успела, как разгорячённое клеймо оказалось под ребрами Руслана.

— А-а! — Дергаясь на цепях, заорал Буретнко во весь голос.

Мигом послышался запах горелого тела. А с места, где штемпель впивался в кожу, повалил дым.

— Нет! — Оглушая собственным криком, Ритка, отталкивая с пути Рощина, кинусь к Буре. — Не нужно!

— И эта шлюха здесь. — Презрительно фыркнул Тимур, сильнее впечатывая клеймо в тело. — Ну пускай посмотрит, что бывает с предателями. Если что, можем и ей лилию на плече выжечь.

— Отпусти его! — Пытаясь оттолкнуть от Буртенко Калачева, поймала мимолетный взгляд Руслана, полный страданий.

Сцепив зубы, он выл во весь голос, сотрясаясь на кандалах. На секунды показалось, что это конец, не выдержит. Рухнет на месте. Но в момент, когда забарабанила кулачками по ненавистному Тимуру, который отмахиваясь от неё, как от назойливой мухи, продолжал свое дело, позади послышался голос Кирилла, до этого безмолвно наблюдавшего сцену клеймения:

— Я сказал — хватит, Калач!

— Хватит, так хватит. — Отбросив штемпель, не смел ослушаться Тимур. — Уже и так достаточно выжгли.

Одинцова узрела на правом боку Руслана огромное покрасневшее пятно. Потянулась к лицу, поняв, что отключился. Осторожно хлопая по щекам, пыталась привести в сознание. Сама не понимала зачем. Ведь находясь в себе, мужчина снова ощутит адскую боль, причиненную и телу, и душе благодаря ей. Но необходимо было добиться от него признаков жизни. Едва заметного дыхания не хватало.

— Чего творишь, дура? — Поймав девушку за талию и прижав к груди, Рощин оттянул от Бури.

— Нужно привести его в чувства. Он не может умереть. Так не должно быть... — Глотая слезы и размазывая по щекам, невнятно бубнила Одинцова. Пыталась вырваться из цепкого захвата, смотрела на Руслана и отказывалась верить в реальность.

— Да стой ты! — Взорвался Кирилл, встряхнув девушку.

— По-другому в чувства приводить надо. — Вмешался Тимур. Подхватив стоящее неподалеку ведро с водой, в одночасье выплеснул на Буртенко.

Встрепенувшись, Руслан закашлялся. Цепи затарахтели с новой силой в такт мелкой дрожи, бьющей мужчину.

— Я ненавижу вас. — Прочедила сквозь зубы Маргарита, обвиснув в руках Кирилла.

— Невелика потеря остаться без благосклонности шлюхи. — Заржал Калачев.

— Сними его. — Оборвал зло Роцин.

— Кир, эта баба из тебя веревки вьет.

— Ты глухой? Сними Бурого с цепей! — Взревел Роцин, зыркнув на Тимура.

Калач нехотя повиновался. Подозвав помощника, указал на узел с замком, связывающий руки Руслана. Один поворот ключом и мужчина, очутившись свободным, как мешок повалился на бетонный пол.

Ритка вздрогнула от глухого стука при падении.

— Теперь пошел отсюда. — Приказал Кирилл Тимуру. — И своего помощника заberi.

Тот пнув на прощанье валявшиеся на полу щипцы, прошагал прочь. Когда дверь захлопнулась, оставив в подвале наедине с полусознательным Буртенко, Кирилл отпустил Риту. Потеряв равновесие, она рухнула на колени. Подниматься сил не оставалось. Так к Руслану казалось ближе.

Пошатываясь, подползла к Буртенко. Распластавшись на полу, он лежал неподвижно. Слабо заметное дыхание говорило о присутствии жизни в его теле. Позабыв о стоящем рядом Кирилле, погладила Руса по щеке. Ощутила жар, исходящий от мужчины и холод ледяных капель, стекающих с волос.

— Прости меня, Руслан. — Одними губами прошептала.

— Я ему сейчас даже завидую. — Вмешался хладнокровно Кирилл.

— Что? — Оглянувшись, Одинцова осмотрела мужчину, что, сунув руки в карманы брюк, наблюдал за разворачивающейся драмой. — У него жар. Вы избили его до полусмерти. Чему завидовать?

— За все годы нашего знакомства ты ни разу не переживала за меня, как волнуешься за этого своего Волкодава, за Бурого. Какой-то вонючий охранник тебе дороже мужика, с которым столько лет бок о бок.

— Если бы ты был на его месте, и за тебя переживала.

— Сама-то веришь? — Горько ухмыльнувшись, пошарил по карманам в поисках сигарет. Нервничал. — Будь я на его месте, на месте моих палачей был бы Чернышевский и, возможно, Руслан. А ты стояла рядом и наблюдала.

— Они бы ни за что...

Запнулась на полуслове, сообразив, что не может знать наверняка на что способны или неспособны эти мужчины. Тем паче с трудом представлялась собственная реакция.

— Видишь, сама не знаешь на что они готовы пойти. — Подтвердил Роцин.

— Да. — Опустив веки, согласилась. — Но на этом самом месте Руслан и я не хочу, чтобы он умирал из-за меня и твоей жестокости. Он хороший человек и не заслужил этого.

Повисла пауза. Роцин молчал, будто что-то взвешивая. Рита ждала его слов, как приговора. Откажет — поползет к нему на коленях. Умолять будет. Ноги целовать, если потребуется. Что угодно сделает. Ляжет под всех его охранников. В конце концов, что её тело, не раз использование сотнями мужчин, по сравнению с жизнью небезразличного человека.

— Ты пойдешь со мной на тендер. — Не спросил, констатировал факт. — Изобразишь счастливую спутницу. Если там будет Чернышевский, а он, скорее всего, там будет, словом с ним не обмолвишься. Тем более не вздумает переметнуться. Ты будешь со мной. Дальше решим, что делать.

На последней фразе послышались удаляющиеся шаги. Одинцова глянула на спину уходящего мужчины остановив:

— А Руслан?

— А Руслан... — Обернувшись, вздернул безразлично плечами. — Посидит пока здесь. Будет умным парнем, начнет содействовать, может, отправим на свободу. А нет... Если считаешь, что пожизненный плен лучше смерти, так тому и быть.

Не желая больше слушать, мужчина вышел из подвала, стукнув дверью.

И это все? Кирилл сдался? Неужели так просто? Остаться с ним взамен на жизнь Бури? Не самая страшная плата, учитывая, что Рошин и без того не планировал её освободить. Или это блажь? Не хотелось допускать мысли, что мужчина обманывает. Но задумываться об этом рано. Главное, удалось отсрочить казнь. Дальше что-то выдумает. В конце концов, Чернышевский должен кинуться на поиски товарища. Вытащить. Иначе быть не может...

— Рита... — Хриплый стон вернул Одинцову в настоящее.

Резко обкрутившись, увидела, что Руслан открыл веки.

— Русланчик, миленький, я придумаю что-то. — Поглаживая мужчину по голове, пробормотала Маргарита. Слезы вновь покатались по щекам. — Я найду способ убедить Кирилла отпустить тебя. Придумаю, как сбежать.

— Рит... — Морщась, позвал Буря. Видно, как тяжело давалось ему каждое слово. Не сумел выговорить: — Я не предал вас. Я им ничего не рассказал.

— Я знаю. — Закивала Рита. — И это неважно.

— Для меня важно. Не хочу, чтобы эта хрень всю жизнь напоминала о моем предательстве. — Нащупав на боку клеймо, скривился от боли. — Надеюсь, эта лысая сволочь не лилию мне выжгла?

— И сейчас шутишь?

— Плакать, что ли. Не хотелось бы потом объясняться перед бабами, почему на мне метка проститутки. — Поймав непонимание на лице Одинцовой, выдохнул: — Извини...

В другой ситуации возмутилась случайно всплывшему упоминанию о её прошлом. Но нынче все неважно. Сама невольно улыбнулась. Руслан, собираясь что-то еще сказать, зашелся в хриплом кашле. Приподняв ослабшую руку, указал на горло.

— Пить? — Догадалась Одинцова осматриваясь.

Узрев неподалеку с пустым ведром кружку с остатками воды, притянула. Положив голову Бури к себе на колени, осторожно напоила.

— Это ты извини, что приходится переживать это. — Отставив кружку, пролепетала.

— Ерунда. Я догадывался, что все так обернется. Если для меня все закончится в этих стенах, можешь выполнить одну просьбу? — Снизу всматриваясь в девичьи глаза.

— Не закончится! Не говори так! — Отрицательно закивала, боясь и представить такое.

— Рит, я серьезно. Всякое может случиться. — Настаивал Руслан, хмурясь и изнемогая от боли.

Отказать не имела права. Поэтому несмело кивнула.

— Если со мной что-то случится, передай вот это... — Пошарив в кармане джинс, достал небольшой камень в форме наконечника стрелы. Протянул Рите. — Девушке. Вере.

Твой отец... Одинцов в курсе, где её найти.

Господи, и здесь Одинцов! Руслан знает его и кем является. Но состояние мужчины вынудило, стиснув зубы, терпеливо выслушать просьбу.

— Скажи ей, что *моим последним словом была вера в её любовь...*

Фраза, как признание. Сродни удару под дых. Раньше Маргарита не задумывалась, что в жизни Руслана есть кто-то, занимавший сердце. Ранее дальше своего носа не видела. Вот её сложная жизнь, её проблемы, а что дальше? Что у кого-то могут разворачиваться драмы похлеще чем у неё, не предполагала.

Руслан шесть лет проработал под прикрытием, всегда невозмутимый и готовый на любые авантюры. Не унывающий человек, имевший смелость посмеяться с проблем. Никогда ни словом, ни жестом не давал понять, что у него за жизнь в реальности. Оказывается, где-то есть девушка по имени Вера, которая ждет, переживает. Или даже не знает, в каком болоте увяз Руслан...

— Ты выполнишь просьбу? — Несмело переспросил мужчина.

— Я найду способ помочь. — Забирая талисман, уклончиво отмахнулась Одинцова. — Ты сам скоро ей передашь и это, и скажешь, что захочешь.

— Это вряд ли. — Морщась, Буря поерзал на месте в попытке подняться.

Рита поспешила подсобить. Но поддерживая за спину, услышала глухой стон. Мужчина снова повалился на пол, корчась от страданий. Попытка не увенчалась успехом. Девушка, чувствуя что-то липкое на пальцах, подняла руки к себе и с ужасом увидела кровь. Машинально глянула на спину Руслана. Исполосованная глубокими кровотоочивыми ранами, она походила на багряное месиво.

— Нужно обработать раны. — Подскочила, пытаясь заблокировать накатывающую паническую атаку. Дрожа как осиновый лист, приказала: — Давай без резких движений. Я быстро!

Возражать Буртенко не хватило сил.

Срываясь на бег, Маргарита ринулась к выходу. Молясь, чтобы ей удалось достать в этом незнакомом месте лекарства. Существовал также риск, что обратно её не пустят. Но, по крайней мере, должна попытаться. Без медицинской помощи Руслану грозит заражение и лихорадка. Без того на грани.

Оставался шаг к выходу, когда кто-то из темноты схватил Одинцову за руку. Чуть сердце в пятки не ушло, прежде чем увидела перед собой возникшего из темноты Павла.

— Придурок! — Вырвалось в сердцах. Подумалось, что Городков все это время мог находиться в подвале, а никто не заметил. — Смерти моей хочешь?

— Я помогу тебе. — Просипел, бегая зрачками по девушке.

— Спасибо, уже помог. — Огрызнулась, брезгливо вырывая руку.

Иметь что-то общее с этим человеком последнее, что хотела. После очередного предательства с ним говорить противно, не то что ожидать помощи. Небось, опять с подачи Тимура что-то сотворит.

— Не глупи, Рит. Ты понимаешь, что тебе не дадут ни лекарств, ни тем более вернуться сюда.

— А тебе, стало быть, дадут? — Окотив ледяным взглядом.

— На меня никто не обратит внимания. — Криво ухмыльнулся. Подтверждая догадки: — Сейчас не обратили. Позволь помочь.

— И чем ты поможешь? Опять за дозу сдашь? Или его уколешь? — Кивнула назад,

сжимаемая в руке талисман Руслана.

— Знаю, я виноват перед тобой. Ты имеешь право не доверять. — Жалобно заскулил, прижимая исколотую руку к груди. — Я не удержался. Это сильнее меня. Но я искуплю вину, обещаю.

— Уйди с дороги! — Отпихнув Городкова, выглядящего жалким подобием мужчины, выбралась из подвала.

Тратить драгоценное время на очередные уловки Павла не планировала. Впереди предстояла сложная миссия по спасению Руслана.

Но, как и предсказал Городков, с лекарствами никто не помог. А когда, отыскав в огромном доме кухню и достав хотя бы лед, попыталась возвратиться, перед лестницей к подвалу её завернул один из калачевских амбалов. Потом из ниоткуда возник Кирилл, и пообещав, что Буре не причинят вреда, утащил прочь. Как ни противилась, как ни вырывалась, умоляла еще разок пустить к Руслану, Рошин был непреклонен. Пришлось вернуться в город. Собственно, у неё не спросили хочет или нет: просто усадили во внедорожник и увезли.

Дома тоже спуску не давали. Под дверью комнаты постоянно караулил охранник, а из средств коммуникации не осталось ничего. На последующие дни Маргарита стала пленницей. Но больше убивало ожидание. Тендер, как конечная цель всего, подкрадывался чересчур медленно. Пожалуй, если бы не видео-звонки, убеждающие в целостности Руслана, которыми ежедневно баловал Рошин, свихнулась. Не просила. Кирилл самостоятельно взял инициативу подтверждать справедливость договора.

Буртенко выглядел паршиво. Но под ним появился старый лежак, смягчающий жесткость пола. На спине виднелись грязные, пропитанные кровью, повязки. Он то метался в бреду, то едва заметно шевелился, но был жив. Это давало хрупкую надежду. Собственно, лишь это заставило Одинцову пойти на чертово мероприятие...

2010 год

— Расслабься, красавица. — Прозвенел над ухом холодный голос. По спине с прикосновением прошелся разряд тока. — Чего ты как каменное изваяние? Улыбнись. Ведь вот-вот и твой мужчина станет самым влиятельным в стране винным королем.

Глянув на улыбающегося всем и каждому Кирилла, Одинцова тоже криво ухмыльнулась. Оглашение результатов затягивалось, а Чернышевского не видно. Риск велик, но ей бы как-то подать знак о Буртенко.

— Дамы и господа! — Когда музыка затихла, привлекая внимание, послышалось приветствие со сцены. — Кажется, настало время узнать то, ради чего мы с Вами собрались — компанию-победителя тендера на выход в Internal Group.

— Наконец-то. — С нетерпением прокомментировал Кирилл.

Здесь Маргарита была солидарна. Мечтая поскорее закончить с фарсом, где заранее все предрешено, оглядела зал, замерший в предвкушении результатов.

— В этом году тендерным комитетом проделана огромная работа. Получено и обработано много заявок. Надо сказать — выбор был не из легких. — Тем временем продолжал ведущий. — Но он все-таки сделан. Я хочу пригласить на сцену для объявления

результатов главу комитета...

— Тоже мне, не из легких. — Фыркнул Кирилл едва слышно. — Там конкурентов для меня толком не было. Чернышевский еле дотягивал, и тот подставной.

В момент, когда Роциным было произнесено дорогое имя, девушка углядела среди толпы и самого мужчину. Сердце вздрогнуло, пустившись вскачь. Дыхание перехватило. Невозмутимо пробираясь меж гостями к сцене, он был неотразим. Серый костюм, белая рубашка, слегка расстёгнутая на груди. Обычный, ничем не примечательный наряд, но внимание к себе приковывал не хуже Кирилла. Судя по многим другим присутствующим в зале женщинам не одну её. На секунды позабыла, что опасно так неприкрыто пялиться на Олега. Благо её хозяин был слишком заинтересован происходящим на сцене.

Там под громкие аплодисменты появился тучный представитель тендерного комитета. Бесконечные приветствия и благодарности, короткий рассказ о преимуществах, получаемых компанией при выигрыше. Вступительная речь перед главными словами, казалось, длилась бесконечно.

Рита не сводила глаз с Олега. А Олег, равно как и Роцин, со сцены.

— Выбор был невероятно сложным. — Подошел к главному мужчина со сцены. — Но среди множества кандидатов мы отобрали две компании, которые особенно поразили. Одна из них давнишний лидер внутреннего рынка, устоявшаяся империя с громким именем. Вторая — новичок в винной индустрии, но уже очень хорошо и качественно зарекомендовавший себя. Мы долго спорили — кто достойнее? — Выдержал театральную паузу. — И, знаете, решили дать шанс новичку. Я с радостью хочу представить вам нового участника холдинга Internal Group. Ею становится Черная Жемчужина.

По залу прошелся гулкий шепот недоумения. Такого поворота не ожидал никто. Никто, кроме Олега, что, расплывшись в улыбке, двигался вперед. Маргарита, потеряв дар речи, вопросительно обернулась к Роцину. Тот грязно выругался, не стесняясь людей. Выхватив у проходящего мимо официанта с подноса рюмку с коньяком, выпил одним глотком.

— И я приглашаю на сцену её молодого и амбициозного руководителя — Олега Вячеславовича Чернышевского. — Звучало с динамиков.

Одинцова, глядя на Кирилла, не представляла радоваться или огорчаться. Роцин остался ни с чем. Чернышевский и здесь вышел победителем. Но как быть ей? Как спастись самой и спасти Руслана? Роцин в гневе способен пойти на что угодно. План, на волне победы умолять о пощаде, обернулся прахом.

— Олег Вячеславович, пару слов. — Ведущий забрал обратно бразды проведения мероприятия. — Ваши ощущения? Ожидали этой победы или она стала для Вас полнейшим сюрпризом?

Девушка повернулась к сцене, где уже стоял Олег.

— Я никогда не сомневался, что Жемчужина лучшая. — Коротко. Лаконично. Отыскав в толпе Маргариту. — И я счастлив, что скоро об этом узнает весь мир.

Молчание. Глаза в глаза. Рита думать забыла, что за спиной находится Роцин.

— Может, хотите сказать что-то еще? — Заполняя неловкую паузу, предложил ведущий. — Слова благодарности?

— Спасибо тендерному комитету?.. — Полувопросительно. — Спасибо. Спасибо всем, кто поверил в нас. И всем, кто ждет незамедлительных результатов. Поверьте, они не заставят себя ждать. Уже сегодня вы узнаете на что еще способна наша команда.

Звучало завуалировано и двусмысленно. Одинцова чувствовала, что это представление

разыгрывается для неё. Каждое слово, каждое действие.

— Еще что-то? — Уточнил Олег, глянув на ведущего. И под пытливым взглядом сотни людей выхватил гитару у музыканта. — Хотите, песню спою?

Рита глазам не поверила.

Удивленные возгласы из толпы подстегнули мужчину к действиям. Осторожно перебирая аккорды, он заиграл сначала несмело, но с каждой секундой, включаясь в представление.

— Клоун. — Послышалось презрительное от Рощина.

Риту раздирали противоречивые чувства. Это было неожиданно. Поющий песни Олег? В жизни такого не слыхала. Но к месту ли, когда на кону борьба, поиск решения проблем?

— *Я куплю тебе новую жизнь, лишь бы ты была только моей...* — Несмело затянул Чернышевский со сцены. — *Я к ногам твоим брошу весь свет, ничего не жалея тебе. На руках я тебя отнесу к алтарю нашей вечной любви.*

Пел не профессионально, но достаточно неплохо. От души и с душой. Вкладывая в каждое слово чувства и эмоции. Не сводя взора с Одинцовой. Всякая строчка песни звучала сродни объяснению в любви. Это было странно. Нелепо и странно.

Маргарите всегда казалось, что подобные признания на всеобщее обозрение бывают в кино. И пускай сегодня из уст Олега не звучало её имя, она-то прекрасно знала для кого и зачем Олег играет. Это могло сделать её счастливой. Когда-то в прошлом. Но не сейчас.

— *Я тебя у других украду, там не место твоей красоте...*

Слова, от которой душа переворачивалась. Очередные слова вместо необходимых действий.

Сдерживая горькие слезы, Рита развернулась, чтобы убежать и не слышать этого абсурда. Хоть куда. Хоть в дамскую комнату. И сбегая, поглощенная своими переживаниями, не заметила, что Кирилл рядом нет...

2010 год

Закрывшись в дамской комнате, Маргарита оперлась ладонями о мраморный умывальник и невидяще всмотрелась в собственное отражение в огромном зеркале. Красивая, эффектная, яркая, а очи полны боли и сожаления. Подумалось, что опять сходит с ума. Диссонанс внешнего мира с внутренним слишком велик.

Прямо сейчас за стеной мужчина, которому доверила свою жизнь и сердце, со сцены объясняется в любви. Песни поет. А она полжизни отдала, чтобы этого не было. Не таким способом.

Последние дни, особенно после заточения Руслана, как на пороховой бочке. Моментами казалось, что это никогда не закончится. Или завершится вселенским взрывом, после которого останется пустота и никого больше. Даже её, Ритки, не останется. Но лучше так, чем неопределенность и ответственность за жизнь другого человека, когда ничего поделаться не можешь. Сбежала из зала потому, что не выдержала. Сложно делать вид, будто ничего не случилось. Наслаждаться мгновениями, когда мир рушится.

В голове эхом отдавали слова песни. *Я куплю тебе новую жизнь...*

Черта с два! Новую жизнь для неё не купить ни за какие деньги. Однажды показалось, что это под силу Рощину. В итоге все обернулось новым заточением. Вряд ли Олег способен что-то изменить.

Олег. Совсем рядом. Счастливый победитель. Любимый мужчина? Да, почему-то ныне, сотрясаясь от мелкой дрожи и с трудом сдерживаясь от необдуманных и опасных поступков, отчетливо поняла, что любимый. Несмотря на его бездействие. На игры и связь с Одинцовым. Все равно любимый. Злилась на себя за это страшно. Что ничему жизнь не учит, постоянно попадает на одни грабли. Сначала Павлик, Роцин, теперь Чернышевский.

На Олега злилась. В большей части из-за неоправданных надежд. Хотя и тут сама виновата. Он совершенно не обязан выполнять выдуманные ею ожидания. Но песенки петь горазд. Почему ими ограничивается? Знает ли о случившемся с Бурей?.. Одинцовой бы подать Чернышевскому знак. Идти на прямой контакт боялась. После внезапного поражения, Роцин вряд ли спустит вольности с рук.

Включила кран, плеснула холодной водой в лицо, не заботясь о макияже. Нужно прийти в себя. Включить трезвость мышления. Снова из-за Чернышевского голову потеряла. Как пятнадцатилетняя девчонка. Лучше бы в том возрасте в него влюбилась, может, меньшими проблемами обернулось.

Стук в дверь застал Маргариту врасплох. Встрепенувшись, повернулась к выходу, подмечая, что заперлась изнутри. Кому-то не терпится, но не готова возвратиться. Олега видеть не настроена.

— Рита, открой. Я знаю, что ты тут.

Родной голос заставил вздрогнуть. Нашел. И здесь нашел.

Спрятав лицо в ладонях, затаила дыхание. Надеюсь, что Олег уйдет. Но не тут-то было. Подергав за дверную ручку, прикрикнул:

— Рита, черт побери! Открывай, иначе вынесу дверь!

Не самая опасная угроза, но отчего-то показалось, что на сей раз выполнит обещание. Выбьет и не посмотрит на других. Беда в том, что грохотом привлечет лишнее внимание

любопытных, среди которых может быть Рошин. И если это шанс рассказать о Руслане? Подчинившись мимолетному порыву, кинулась к замку. Один щелчок и дверь под напором с обратной стороны со скрипом отворилась.

— Маргаритка, девочка моя! — Оглядев Одинцову, Олег влетел в туалет, ногой захлопнув дверь. — Чего бегаешь от меня?

Вздохнуть не успела, как оказалась прижата к крепкой мужской груди. На секунды привиделась, что в пропасть летит. В его объятиях слишком хорошо. Как будто скиталась-скиталась где-то и вдруг домой попала. Большого не нужно. Пускай так продолжается вечность.

— Не бойся. Все скоро закончится. Обещаю. — Прошептал Чернышевский, отстраняясь и закрывая её лицо в кольцо рук.

— Обещаешь? — Осознание реальности вернулось чересчур быстро. Попыталась вырваться, упиравшись руками в грудь Олега. — Руслан у Кирилла. Едва живой. А ты мне вновь что-то обещаешь?

Хотела верить, да не получалось. Не выходило. Несмотря на глупые чувства, вспыхнувшие не вовремя. Обстановка казалась слишком безнадежной, чтобы довериться в очередной раз. Как показывала практика, доверие дорого обходится.

— Я знаю. Но не все так просто.

— Пока ты песни поешь, его добивают. — Не желая слушать, тараторила Рита, молотя кулаками мужчину. — Вместо того чтобы поздравления принимать, лучше друга вызволил. Или такая ваша дружба? Закидывать к врагу и оставлять на съедение?

— Рита, в данный момент мы над этим работаем. — Схватив Одинцову за запястья, встряхнул.

— Мы? Это кто интересно? — С вызовом уставившись на Чернышевского. — Неужели мой, внезапно возникший на горизонте отец? Ты уверен, что ему удобно спасать Руслана? Может, и на это у моего папочки уйдет не один год?

— Откуда знаешь про отца?

— Уж не от тебя! Когда собирался рассказать, что мое якобы спасение ради карьеры? Что Одинцов шишка большая не вспоминал о родной дочери, пока задание не получил? — Извиваясь, стояла на своем Маргарита.

— Прекрати истерику и слушай внимательно! — Впечатав девушку спиной в стену, шикнул раздраженно Олег. — Все, что тебе наплели, дели на двое. Ситуация с твоим отцом отвратительная. Но не такая, как представляешь. Ребята делают все, чтобы вытащить Руслана. И песни пою не потому, что вдруг приспичило в любви объясняться. Ты давно не маленькая девочка, хоть и ведешь себя порой так. Сама должна понимать, ради чего и кого я влез в это дерьмо. В гробу видал карьеру и остальные привилегии.

Рита дышать, казалось, перестала. Каждое слово Олега ножом по сердцу. Не получалось не верить. И верить тоже не получалось. Хотела, чтобы было именно так. Закрывать бы веки, открыть и нет больше нависающей угрозы над близкими людьми. Нет проблем и беспокойства, лишь они вдвоем.

— Меня эти годы только мысль о тебе спасала, жить заставляла, а ты выслушать спокойно не можешь. — Зажмурившись, признался Олег. Ослабил хватку. — Думаешь, мне сильно нравится происходящее? Я для Рошина твоего ненаглядного представление разыгрываю, время тяну, чтобы там гладко вышло. Веришь мне? — С отчаянием зыркнув на девушку.

Несмело кивнула, закусилась губу. Нестерпимо захотелось поцеловать Олега. Прижаться всем телом, впиться жадно устами и целовать-целовать. До умопомрачения. До бесконечности. Оказывается, соскучилась по нему за последние недели. Как жила целых двенадцать лет без этого мужчины?..

Чернышевский, словно почувствовав немую мольбу, наклонился и прижался к ней губами. Жадно завладел ртом, напором показывая, как скучал. Желая насытиться за мгновения. Рита ответила со всем пылом. Обхватила руками за шею, прильнула ближе. В эти секунды верила во что угодно. Олег сам прекратил поцелуй. Оторвался, затуманенным взглядом всматриваясь в девичье лицо. Провел тыльной стороной ладони по щеке, вдохнул аромат женских волос.

— Ты перестанешь бегать от меня и возвращаться к Рошину. Это уже не имеет смысла.

Хотела открыть рот, ответить. Возразить или согласиться не сообразила. Не успела. Дверь с грохотом открылась, стукнувшись о стену. В без того тесную дамскую комнату ворвался Кирилл.

— Какого хрена происходит? — Взревел, бросаясь сзади на Олега.

Опомниться не успели, как развернул Чернышевского за плечо и что есть силы двинул в лицо кулаком.

— Кирилл прекрати! — Завизжала Маргарита.

— Закрой пасть, шлюха! — Скривившись от отвращения, заорал Рошин.

Застыл, как вкопанный, переводя взгляд с Риты на Олега и обратно. В глазах море гнева и злости. Кажется, готов убить на месте. Причем сразу двоих.

Страх с ног до головы сковал тело девушки. Не за себя, за мужчину, злость на которого давно смешалась воедино с любовью.

Олег, одной рукой удерживаясь за умывальник, другой нащупал кровь, хлынувшую из носа. Ухмыльнувшись, оттолкнулся от раковины и двинул на Кирилла. Встречный удар оказался не менее стремительным. Увернуться Рошин не успел.

— Подбирай слова, когда с женщиной разговариваешь. — Потирая кулак, зло процедил Чернышевский.

— Где ты видишь женщину, щенок? — Огрызнулся Рошин.

Ответом была новая атака от Олега. Лучше бы этого не делал. В Кирилле вспыхнула нездоровая ярость. Сощурившись, отсканировал взором Чернышевского. Сплюнул кровь прямо на белоснежный кафельный пол. Подходя, прошипел:

— Урвал победу — возрадуйся. В отношении с моей женщиной не сунь свой поганый нос. Иначе забью тебя, как вшивую собаку. Волкодав.

Неожиданный удар в живот на мгновения дезориентировал Олега. Сложившись пополам, он больше не был преградой между Маргаритой и Кириллом. Чем последний не преминул воспользоваться. Оттолкнув Чернышевского, Рошин шагнул к Одинцовой. Хватая за запястье, потянул на себя со словами:

— Жизнь тебя ничему не учит, смотрю?

— Отпусти! — Взвизгнула, пытаясь освободиться.

— Не трогай её! — Заорал Олег выпрямляясь.

— Отпустить? — Будто не слыша, нагнетал Рошин. — Могу и отпустить. — Вопреки сказанному, ухватил Риту рукой за шею сзади, наклоня к себе. — Если тебе плевать на наш уговор и готова пожертвовать жизнью несчастного Руслана ради своих мимолетных увлечений?

Секунды глаза в глаза. Страх. Оцепенение. Осознание, что на сей раз выполнит угрозы, если не уступит и не послушается. Что там говорил Олег про спасение Бури? Где гарантия что получится до того, как Кирилл отдаст приказ и нажмет на курок?

— Я сказал — не трогай! — Вмешался Чернышевский приближаясь. Повторяя действия Рощина минутами ранее, ухватил за плечо, разворачивая к себе. Ударил.

— Су*а! Я убью вас всех! — Взорвался Кирилл, отмахиваясь от кулаков Олега.

Драка завязывалась нешуточная. Ни один из мужчин не желал уступить и сдаваться. Тесная дамская комната превратилась в ринг.

— Ритка, уходи отсюда! — Меж делом бросил Олег.

Терялась в сомнениях, что предпринять. Вмешаться и попытаться остановить нарастающее безумие? Звать на помощь? Разнимать? Или, действительно, пользоваться моментом и бежать? Неважно куда, главное, подальше отсюда. Выполнить просьбу любимого мужчины не могла. Оставить его здесь одного на растерзание Рощина не желала. Потом не простит себя. Удары один за другим с глухим стуком звенели в ушах. Уже не различала, кто кого. Схватившись за голову, закричала:

— Прекратите!

Ушам своим не поверила. Не узнала голос. Но он возымел эффект. Не самый ожидаемый, безумие разом прекратилось. Рощин, нанеся последний удар, толкнул Олега на пол. Прежде чем девушка успела что-либо сообразить, повернулся и схватив за волосы, потянул к двери.

— Не смей к ней прикасаться, тварь! — Поднимаясь, не отступал Чернышевский.

Рефлекторно Одинцова вздрогнула.

— Выбирай: или этот хлыщ, или жизнь Бурого. — Прошипел у уха Ритки Кирилл.

Времени на раздумья не было. Выбор очевиден. Колеблясь короткие секунды, послушно двинулась за Рощиным.

— О, господи, что здесь такое? — Женский визг случайной посетительницы в дверях туалета мгновенно привлек внимание других.

Но Кирилл, небрежно оттолкнув женщину с прохода, продолжая удерживать Одинцову за волосы, потянул прочь.

— Рита, постой! — Окликнул Чернышевский, ринувшись следом.

Оглянувшись, Маргарита не без удивления увидела, что Олег стал заложником сбежавшейся на шум охраны и гостей. Отбиваясь от вопросов, пытался нагнать их.

— Не нужно. — Одними губами пробормотала Одинцова, отрицательно качнув головой, и до того, как Кирилл заметил её действия, отвернулась.

Быстро перебирая ногами, едва успевала за широкими шагами Рощина. Тот небрежно тащил её через весь зал, плевав на громкие перешептывания и интерес. Должно быть, выглядели весьма странно. Пришедшие на вечер якобы счастливой парой, уходили словно террорист с заложницей. Может, поэтому люди на их пути расступались, пропуская вперед? Хоть бы кто попытался помешать Кириллу и заступился за Ритку.

Вся в слезах и потекшей косметике, растрепанная, походила на жалкую собачонку, которую хозяин на привязи тащит домой. Чувствовала себя таковой. Но собственные ощущения казались неважными по сравнению со страхом за дорогих людей. Смотрела перед собой и не видела ни сочувствия у других, ни любопытства, ни щелкающих вокруг камер папарацци. Пульсировала одна мысль: случись что с Русланом или Олегом по её вине — собственными руками убьет Кирилла. И покончит с собой. На сей раз точно.

— Су*а, ты и шесть лет назад была такой блудницей? — Гаркнул Кирилл, затолкав Риту на соседнее сиденье и усевшись сам. — Чуть что, как потаскуха бежишь к Волкодаву.

Глянув на мужчину, Маргарита обняла себя за плечи, пытаясь унять дрожь. Получалось слабо. Это не от холода, от нервов зуб на зуб не попадал.

— Мы обсудили накануне: будешь послушана и ничего с твоим дружкой не случится. — Выезжая со стоянки на трассу, продолжал гнуть свое Кирилл. Спокойно и на удивление без эмоций. — Что сложного? Или решили, что можно меня обставить? Обмануть? Что за цирк устроили? Пообжиматься в туалете захотелось?

Одинцова молчала. Не представляла, что ответить. Прискорбно признавать, но в сложившейся ситуации Рошин прав. Сама нарушила уговор. Олег помешал сдержать слово. Но про Олега лучше не упоминать. Хватит волнений за одного заложника. Спасибо, что живым Чернышевского бросил.

— Понимаешь, что вы не оставляете выбора? — Вкрадчиво предположил.

Девушку как токомшибануло. Уставившись на мужчину, взмолилась:

— Кирилл, ты не посмеешь. Пожалуйста, не надо. Я с тобой, как обещала. Если бы хотела, ушла с ним. Но не ушла. Не трогай Руслана. Пообещай.

— Тогда какого к нему бегаешь? — Стукнув кулаком по приборной панели, вскипел Рошин.

От смены тона девушка подпрыгнула на сиденье.

— Какого хрена этот выскочка обскакал меня на тендере? Тебя просто так в аренду сдавал? Чтоб он еще и там обошел?! Знаю, у этих тварей все подстроено, продуманно. Хотят меня прижать? Не позволю! Никому не позволю! И тебя им не отдам!

Бормоча, как заклинание, Кирилл походил на истинного безумца. В таком состоянии способен совершить что угодно. Гнал по шоссе, как умалишенный, сильнее вдавливая педаль газа в пол.

Переведя взгляд с мужчины на дорогу, увидела, что направляются в противоположную от дома сторону, к выезду из города. Это могло означать одно...

— Куда мы едем? — Несмело подала голос.

— В бордель. — Равнодушно, будто речь шла об абсолютно обыденных вещах, заявил Рошин. Предугадывая вопрос, пояснил: — Вместе с тендером там тоже проблемка нарисовалась.

— Не надо. — Умоляюще протянула. — Ты обещал, что не тронешь.

— Я да. Калач ничего не обещал. — Фыркнул мужчина.

На миг сердце в пятки ушло. Пока Рошин не признался:

— На твоём Буртенко свет клином не сошелся. Его судьба не самый важный вопрос.

Сказанное пренебрежительным тоном отчего-то вселило уверенность и надежду. Остаток дороги Маргарита провела в молчании. Кирилл периодически взрывался, покрывая нелестными словами Чернышевского, хая за победу в тендере и возмущаясь, что Одинцова печется о ком угодно, но не о нем, Рошине.

Несколько раз звонил Калачев. По односложным ответам и хмурому выражению лица, поняла, что происходит что-то серьезное. До чертиков хотелось верить, что обещанные действия команды Олега не заставили себя ждать. Но, приближаясь к месту назначения, душу охватывал неконтролируемый страх и волнение, как будто перед чем-то особенно важным.

Бесчисленное количество раз прокрутила в голове разнообразные варианты развития

событий. Но увиденное на подъезде к борделю огорошило. С десяток тонированных внедорожников по периметру и пара микроавтобусов преграждали въезд. Много людей в форме цвета хаки, бронжилетах, масках на лице и с автоматами, освещенные ярким светом фонарей.

Облегчение — первое и единственное чувство, охватившее девушку. Чернышевский не обманул, не подвел. Происходящее больно смахивало на облаву. Судя по тому, что людей Кирилла нигде не было видно, прошла она более-менее успешно.

— Приплыли. — Со свистом тормозных колодок, Рошин остановился прямо на дороге. Зыркнул на Ритку: — Ты чего скалишься? Довольна, что в яму меня загнали, да?

Ответить не успела. Кирилл, выскочив из автомобиля, побежал вперед. Перебросившись парой фраз с одним из СБшников, скрылся во дворе. Одинцова открыла дверцу и несмело выбралась из машины. Осенний холод разом укутал в своих объятиях. Пронзительный ветер смело забрался под вечернее платье.

Ежась, двинулась вперед. Вопреки ожиданиям, никто её не остановил и слова не сказал, когда зашла на территорию борделя. Там увидела несколько людей Тимура, стоящих в стороне и о чем-то разговаривающих. В остальном двор был полностью оцеплен силовиками. Похоже, маски-шоу подходили к концу. Сопrotивления со стороны обитателей если и были, явно полностью погашены.

Из особняка одну за одной СБшники выводили разномастных девушек, в большей степени полуголых. Те огрызались, но покорно следовали за мужчинами. Когда прошли в паре метрах от Риты, ощутила себя сторонним наблюдателем. Физически находилась здесь, все видела, но для окружающих являлась пустым местом. Ни слова, ни взора. Будто кино смотрела. Слишком реальное и пугающее. Не верилось, что это конец. Но все указывало, что на сей раз бордель Кирилла крепко взяли в оборот. Неужели она отныне также свободна?

Вспомнились рассказы Рошина об облаве на Инанну: как отомстил Сизому, разогнал притон. Тогда не вникала в суть. Радовалась, что свободна и нет больше разрушающего места, как убеждал мужчина. А как все прошло казалось неважным. Ныне осмыслила, что могла быть на месте девушек, которых повели в микроавтобус. Или подобных им, шесть лет назад. Если бы не Кирилл. К счастью, обошлось. Господь оградил от мучительного позора быть пойманной борцами за справедливость на горячем. Обернулось другими бедами, но хотя бы это прошло мимо.

Очередной стук двери дома и девушка, прервав наблюдение за пойманными куртизанками, машинально обернулась. Дыхание перехватило прежде, чем увидела мужчину, появившегося напротив. Высокий, статный, серьезный. Волосы полностью посеребрены сединой. Лоб расчерчен угрюмыми морщинистыми складками. Поживший, повидавший. Он тоже застыл на месте, впиваясь взглядом, хмурясь с каждой секундой сильнее.

Рита не видела его прежде в сознательном возрасте. Но что-то внутри подсказало, напомнило, что это именно *Он*. Израненное и холодное сердце отозвалось. Туманный образ, хранимый в памяти из детства, вдруг ожил в реальности. Утраченные пазлы сложились воедино. Сомнений, что перед ней никто иной как Одинцов собственной персоной, не осталось. Родной отец. Близкий человек. Но вместе с тем чужой и далекий. Незнакомый. Это даже не Чернышевский, ментальная связь с которым не утратилась за двенадцать лет. Это совершенно далекий и непонятный ей мужчина.

Подумалось, что прозвище Вотан как нельзя кстати подходит этому человеку. Истинный

бог войны и хозяин чертога доблестных воинов. Глупо надеяться, что этой встречи не случится. Почему теперь, когда жизнь и без того заносит на виражах? Когда понятия не имеет, как себя вести. Когда не подготовилась, не придумала слова. Хотя кого обманывает? Она не пыталась. Не помышляла о возможности этой встречи. Не до того было. Не желала с ней думать. Куда важнее было беспокойство о едва живом Руслане и страхи за Олега.

Оцепенение прошло, когда сообразила, что Одинцов двинулся к ней. Медленно, шаг за шагом, прибавляя уверенности и скорости. Первой мыслью Риты было сбежать. Но она не из тех, кто спасается бегством. К сожалению. Инстинктивно вздернула подбородок, когда мужчина остановился рядом. Глянула с вызовом. Единственный вопрос: «Почему?» готов был сорваться с уст. Удержалась. Сжав руки в кулачки, дожидалась первых слов от него.

— Рита... — Тяжелый вздох. Единственное, что звучит от мужчины, когда, осмотрев с ног до головы, пытается протянуть руки к её плечам.

— Не надо! — Отступив, шикнула.

Не так представляла встречу с отцом. Впрочем, до выяснения его личности, не предполагала подобного. Детские наивные мечты, что папа вернется и все наладится, канули в лету. Нет больше маленькой Ритки. И возвращать нечего.

— Прости меня. — Опустив руки как безвольная марионетка, одними губами прошелестел мужчина.

Два слова ножом по сердцу. Простить? Неужели считает, что такое прощают? Столько лет не было рядом, а явился и в первые минуты встречи обязана простить?

Неуверенно качнула головой, чувствуя новый приступ приближающейся паники. Невыносимо больно находиться здесь, рядом с этим человеком. Хотелось оказаться в другом месте. С Олегом. Где он, когда так нужен?..

— Бог простит. — Вырывается мимо воли.

— Ты выглядишь... уставшей. — Зачем-то подмечает Одинцов.

Еще бы, после случившегося на тендере она мало отличается от проституток, которых уводят из особняка. Впрочем, прошлое не стереть. Часть её навсегда осталась закована в схожем месте.

— Все в порядке? — Продолжает добивать мужчина.

Вопрос становится для Маргариты последней каплей. Обхватив себя за плечи, пятясь назад, выкрикнула:

— Издеваешься? По-твоему, в моей ситуации что-то может быть нормально? Считаешь это все... — Обернулась. — Нормально? Такой жизни желал своей дочери? Полжизни быть участницей и свидетельницей разборок? Этого добивался, оставляя нас с матерью одних?!

— Рита, я очень виноват перед тобой. — Пытаясь взять девушку за руку, проговорил Андрей Михайлович. — Мне нет прощения, но уверяю, что это конец. Тебе больше не нужно мучиться. Ты свободна от Рощина.

Не моргая, Рита смотрела на собственного отца и не могла поверить услышанному. Очи наполнились слезами. Подбородок задрожал. Сколько раз за последние недели представляла день, когда станет свободна от Кирилла. Но ни за что не предполагала, что именно так. Что новость сообщит родной отец. Бросивший её отец. Так ждала чертову свободу, что теперь не верила. Не выходило принять столь бесценный дар из рук человека, позволившего пойти её жизни под откос.

— А Руслан?.. — Цепляясь за имя друга, как за спасительную соломинку.

Весть о состоянии Буртенко способна отвязать от Рощина. Но никак не убеждения

Одинцова.

— В порядке. — Кивнул мужчина.

— Где он?

— В доме. Его осматривает врач. — Отчитался Вотан. — Сейчас отправим в город.

Неловкость сквозила в каждом жесте Одинцова. Маргарите это, напротив, добавляло уверенности. Вопросы, годами копившееся, стали хаотично срывать из губ:

— Оно того стоило? Оставить свою семью погибать ради этой власти? Ты хоть иногда сожалеешь, что так вышло? Или все игра?

Вопрос за вопросом выводил Вотана из равновесия. Насунился, на скулах заходили желваки, взгляд поledenел.

— Любил хоть когда-то маму? — Девушка продолжала. — Знаешь, что она остаток жизни провела с бутылкой и мыслями о тебе?.. А я ненавидела её за это, потому что после твоего ухода стала ей не нужна!..

Замолчала, прикусив язык, чувствуя, что наговорила лишнего. Ни к чему нелепые признания. Никому легче от них не станет. Уже ничего не изменить.

— Мне так жаль... — Схватившись за голову, промямлил Андрей Михайлович.

Жалость последнее, что нужно Маргарите от собственного отца. От него уже не нужно ничего. Поэтому, когда в дверях особняка появился Руслан, поддерживаемый под руку неизвестным светловолосым мужчиной, она без зазрения совести шагнула им навстречу, напрочь позабыв о присутствии рядом Одинцова.

— Господи, Руслан... — Пряча лицо в ладонях, выдохнула с облегчением Рита.

Прихрамывая, по пояс в свежих бинтах, просочившихся кровью, осунувшийся и уставший, но живой. В окружении своих. Отныне точно в безопасности. Порыв броситься к нему с объятиями пришлось подавить мыслью, что в таком состоянии Буртенко вряд ли понравятся лишние прикосновения к больным местам. Но её тихий стон не остался без внимания.

Осторожно спускаясь с крыльца, Руслан на секунды поднял голову от земли, глянув на Одинцову. Через силу улыбнулся и подмигнул. Что едва не стоило ему потери равновесия. Без товарища беспомощно покатился бы вниз.

— Рус, можешь хоть сейчас под ноги смотреть, а не на девок! — Осадил мужчину, но заметив, кому подмигивал Буря, стушевался и послав извинения за спину Маргариты, молча продолжил путь.

Похоже, здесь о её положении касается генерала Одинцова в курсе каждый. Это объясняет, почему никто не препятствовал передвижениям по оцепленной территории.

Нахмурившись, оглянулась к отцу, испепелив глазами. Поймала его, полный извинений и мольбы. Хотела сказать что-то едкое, вылить последнюю порцию яда на этого мужчину прежде, чем скрыться, но шум позади вновь привлек внимание.

— Эй, Бурый, каково быть предателем? Совесть не мучает, что после стольких лет бок о бок, теперь на их стороне? — Окликнул кто-то из парней Калачева.

— А он партизан, на два фронта подрабатывает. — Послышался откуда-то из темноты голос самого Тимура. — Сегодня нас предал, завтра их.

— Су*а! — Оборачиваясь к насмешникам, взревел Руслан. — Я тебя собственными руками урою!

Дернулся к обидчикам, но был удержан товарищем.

Все случилось чересчур стремительно. Со стороны компании Тимура началась

потасовка, отвлекающая внимание. Несколько силовиков по указке Вотана бросились разнимать. Откуда-то из темноты, как черт из табакерки, вновь появился Городков. На него никто, кроме Маргариты, внимания не обратил.

Выстрел из темноты. Павел, бросившийся под пулю и ставший мишенью, распластался на земле прямо перед ничего не понимающим Буртенко. Еще несколько СБшников побежали к стрелявшим, повалив всех на землю, отыскивая виновника. Крики, ругань, очередные разборки.

— Это что было? — Удивился Руслан.

— По ходу тебя только что доброжелатель спас от пули. — Отозвался светловолосый товарищ рядом. — Считаю, второй раз за день на свет родился.

Они говорили о чем-то еще. Встрял Одинцов. Ритка ничего не слышала. Ноги сами понесли к Павлу. Подбежала, замерла возле, рассматривая сверху как огромное кровавое пятно расплзается по белоснежной рубашке на груди.

Вот и все. Круг замкнулся. Событие, которое должно было случиться двенадцать лет тому, случилось. Но на сей раз не было ни боли, ни слез по этому поводу. Вакуум внутри. И неверие. Неужели Городков вправду преднамеренно закрыл Бурю? Неужели хоть раз в жизни повел себя достойно?

Заметив легкое движение веками, опустила на колени рядом с Павлом. Присмотрелась — правда, слабое дыхание вздымало грудь.

— Он еще жив! — Оглянувшись к своим, позвала. — Нужно врача.

— Не нужно. — Еле слышный хрип вместе с на удивление сильным захватом за запястье. — Поздно врача. И не хочу.

— Не говори глупостей. — Огрызнулась, пытаясь освободиться от неприятного касания.

— Устал от этой жизни собачей. Наркоман конченный. Нужно было давно себя застрелить, да не решался сам это сделать. — На выдохе, крепче сжимая руку девушки. — Но так, может, что-то светлое у тебя в памяти обо мне останется. Что закрыл твоего друга...

— Зачем это сделал? — Перестав вырываться, чувствуя: возможно, это последнее, что происходит с Павлом.

— Люблю я тебя, Ритка. — Громко сглотнув, прикрыл веки. Девушке на миг показалось, что это конец. Но Городков, снова глянув на неё, выдал: — Хочешь верь, а хочешь нет, но все эти годы любил тебя одну. Трусливо прячась за чужими спинами, но любил... Верить?

— Я... — Невразумительно вздернула плечами.

Слезинка скатилась по щеке, капнув на руку мужчины, которого когда-то, казалось, любила. А теперь не могла дать ответ на столь простой вопрос. Разучилась доверять. Тем паче однажды предавшим.

— Прости меня, Ритка. Надеюсь, хоть немного искупил вину перед тобой...

С этими словами рука Павла на девичьем запястье обмякла. Взор, впивавшийся в её лицо с благоговением, устремился к небу, становясь стеклянным. Все, точно конец.

— Девушка, отойдите. — За спиной послышался голос подоспевшего врача. — Ему нужно помочь.

— Уже нет. — Глухо прошептала, продолжая сидеть на месте.

До тех пор, пока не почувствовала, как кто-то подхватил за плечи и поставил на ноги. Глянула на своего спасителя — отец. Не удивительно.

— Рит, ты как? Я распорядюсь, тебя отвезут домой. — Обеспокоенно всматриваясь на

неё, проговорил Андрей Михайлович.

— А где он, мой дом? — Невнятно пролепетала.

Слезы, столь долго удерживаемые в себе, градом покатались по щекам. Дышать становилось труднее. Ей бы радоваться, что все заканчивается, но с осознанием этого приходит пустота. Оказывается, пока находилась у Кирилла, у неё до последнего была хотя бы золотая клетка. Что имеет сама? Бесконечную неизвестность впереди, где есть отец, которому не факт, что нужна и которого вряд ли готова принять. Олег, который снова в самый ответственный момент находится где угодно, но не с ней.

— Он у тебя есть, Рит. — Крепче сжав за предплечья, втолковал Одинцов.

— Что вы творите? — Вылетая из особняка, на ходу вскричал Роцин.

— У него, да? — Кивнув на приближающегося Кирилла, с горечью усмехнулась Маргарита.

— Уважаемый Андрей Михайлович, прошу отпустить мою женщину. — Остановившись рядом, с вызовом выдал Роцин. — Ей не место среди мужских разборок.

— Вы правы, Кирилл Сергеевич. — Отпустив Риту и обернувшись к противнику, Вотаедко отбрил: — Поэтому мою дочь увезут отсюда.

— Она никуда с тобой не поедет! — Ткнув Одинцова указательным пальцем в грудь, зарычал фривольно Кирилл. — Достаточно того, что рушишь мой бизнес. Марго я не отдам.

— Тебя забыл спросить. — Медленно переведя взгляд с лица визави на руку, огрызнулся Андрей Михайлович. — Ты не в том положении, чтобы ставить условия. Маргарита к тебе не вернется.

Устав наблюдать за перепалкой этих двоих в разное время близких для неё мужчин, Маргарита, став между ними, раздраженно огрызнулась:

— Я, вообще-то, здесь! Может прекратите делить меня, как вещь и поинтересуетесь, чего я хочу?

— Марго, конечно. — Глянув на девушку, согласился Роцин. Оскалившись, аки волк, на удивление спокойно отметил: — Я вызову тебе такси и поедешь в город на квартиру. — Потянувшись в карман за мобильным. — А то наших ребят, видишь, как обложили. Неизвестно сколько времени займет все утрясти.

— Маргарита, ступай к микроавтобусу, спроси Штормина. Скажи, что я приказал тебя отвезти. — Гнул свое генерал.

— Прекратили оба! — Осадила девушка. Оглянувшись, поймала глазами подъехавшую скорую, куда грузили Руслана. — Я поеду с Бурей. Вы здесь продолжайте мериться характерами, главное, не поубивайте друг друга. Еще и за это нести ответственность остаток жизни я не хочу!

Не в состоянии слушать возражения и участвовать в перепалке, крутанулась и побежала прочь со двора. Спотыкаясь и с каждым метром ускоряясь. Чтобы успеть. Чтобы больше не слышать мужчин, которые судя по манере общения, знают друг друга. Чтобы не чувствовать себя суперпризом, борьба за который продолжается и по окончании игры. Чтобы показать, что она личность и вправе выбирать.

Одинцова понятия не имела, зачем мчит к скорой. Проку с неё в больнице и рядом с Буртенко никакого. Но так, по крайней мере, оттянет момент неминуемого решения, что делать дальше. Выиграет время на раздумья. И Руслан, похоже, единственный с кем можно поговорить беспристрастно, не ощущая, как её словно одеяло перетягивают на свою сторону.

— О, Ритка, ты со мной? — Распластавшись на каталке, Буря при виде девушки

расплылся в добродушной улыбке. — Поехали, веселее будет.

— Буря, попридержи коней. — Шикнул мужчина, который провожал того с самого особняка. Помогая Рите забраться в машину, представился: — Игорь Штормин, правая рука генерала Одинцова.

Кивнув, девушка про себя отметила, что не удивительно, почему этот светловолосый мужчина по первому впечатлению вызывал мало доверия: очередной преданный слугитель отца.

— Ага, и нога, и почка. — С насмешкой поддел Руслан.

— Поговори мне. — Пригрозил Игорь, пропуская в кабину доктора. — Очухаешься получишь за свои разговорчики.

— Ой, иди! — Махнул рукой Буря и скривился от боли.

Доктор запричитал над ним и Штормин закрыл скорую с другой стороны. Уже через минуту машина с размеренным ревом двигателя двинулась с места.

Маргарита, вжавшись в одну из скамеек, терпеливо наблюдала как врач, поправив сползающие повязки, уколол Руслану обезболивающее и измерил давление. Закончив необходимые манипуляции, стал записывать что-то в журнал.

Буря, повернув голову к девушке, заговорил:

— Спасибо, что не оставила меня одного.

— Сомневаюсь, что от меня есть толк. — Смотрела на свежие повязки, а снова представляла издевательства, которые пришлось пережить другу.

Пятно крови, увиденное на груди Павла, воображение разом пририсовало Руслану. Стало не по себе. Получается, не окажись рядом Городкова, на его месте находился Буря. И не было бы ни его шуточек, ни непомерного оптимизма, ни этой поездки, ни разговора.

Передернулась, махнула головой, прогоняя наваждение. Мысль о возможной смерти Буртенко пугала куда больше реальной смерти Павла. К последнему, кроме жалости, не осталось ничего. Жуткая мысль, что получил по заслугам, намертво засела в сознании.

— Я не о сейчас. — Возвращая в реальность, подметил мужчина. — Спасибо, что тогда не побоялась и вступилась. Без тебя Рошин позволил бы Калачу добить меня. И меня увезли не на скорой в больничку, а на труповозке в морг.

— Руслан! — Шикнула девушка, боясь представить такое. — Прекрати.

— Не помню, говорил ли, но ты не так плоха, как я изначально считал. — Продолжал откровенничать мужчина. — Олегу повезло с тобой.

— Ага, но повезло ли мне. — Упоминание любимого вызвало прилив неконтролируемого раздражения.

— Кстати, где он?

— Понятия не имею.

Закусив губу, уставилась в окно. Темнота — хоть глаза выколи. Но это лучше, чем показывать Буре переживания. Без того самой от себя тошно. В голове такая каша, что не разобрать. Чрезвычайно много событий и впечатлений как для одного дня. Ни разобрать, ни структурировать.

— Сегодня был тендер. — Как можно безразличнее поведала. — Олег выиграл. Отвлекал там Кирилла песнями-плясками. Потом Рошин утащил меня за собой. Мы поехали на облаву, а Олег остался там.

— Думаю, у него есть причина, почему он не с тобой. — Заступился за Чернышевского друг.

— Возможно. Мне что до того?

— Рит, Олег любит тебя.

Ощутила прикосновение к руке. В который раз за вечер. Вспомнив о Павле, едва не вырвала ладонь. Остановивало, что видела перед собой Бурю.

— Вера в вас помогала ему двигаться дальше. Он ни за что тебя не оставит.

Опустив веки, девушка сжала ладонь мужчины в ответ. Вспомнила о его просьбе в жуткий день заточения. Это отличный способ перевести тему. В мотивах поступков Чернышевского устала разбираться.

— Помню о твоей просьбе, но я же говорила, что ты сам еще все передашь и скажешь. — Тепло улыбнулась Маргарита.

— Я говорил какую-то глупость, да? — Переводя в шутку, уточнил Буртенко. — Предупреждаю, что использовать против меня мои же слова, сказанные в состоянии аффекта, запрещенный прием. Я почти ничего не соображал. Калач выбил мозги, видать.

— Почему же? Наоборот, говорил очень хорошие вещи. Твоей девушке повезло.

— Девушке? — Задумался. — Нет, ты не так поняла. Вера не девушка. Вера... Она просто Вера. Малая моя. Я её полжизни знаю. Она как сестра. — Пожал плечами и тут же ойкнул от нового приступа боли.

— Молодой человек, что-то Вы разболтались. — Снова засуетился доктор. — В Вашем состоянии надо отдыхать и спать, а не беседы вести.

— В могиле отосплюсь. — Отмахнулся, но послушно и стойко принял очередной укол и уже через несколько минут провалился в небытие.

Рита, откинувшись к спинке, задумалась. Со слов Руслана показалось, что он также убегает от чувств и самого себя. Ровно как она делает с Олегом. Может, прав Буртенко? У Чернышевского на все должны быть причины. Доберутся до больницы и позвонит ему. Олег приедет и все будет хорошо. Она, наконец-то, будет дома.

В одном Одинцов прав — дом у неё есть и этот дом там, где Чернышевский. Об остальном думать не хотелось. Ни об отце, ни о Рощине. Судьбу последнего страшно представить. Если все действительно получилось, Кирилла, скорее всего, упекут в тюрьму. Эта мысль приносила двойкие чувства. С одной стороны — заслужил, последние события, коим Рита свидетель, подтверждение. А с другой — грустно, что так сложилось. Он не такой плохой человек, которым хотел казаться. Своеобразный. Но по-своему любил, помогал, спасал...

Нет, ей категорически нельзя думать о Рощине, иначе утонет в омуте противоречий. А смысл? Его эпоха ушла. Годы с ним не сделали Маргариту счастливой, на время придушили боль и помогли обрести равновесие, но вместе с тем разрушили все. Отныне её спасение в Олеге. Больше к Рощину не вернется. Единственное, придется поехать на квартиру, чтобы забрать талисман Руслана и отыскать кольцо Олега. Других вещей не станет собирать. Все остальное не её. Это та часть жизни, которую стоит оставить в прошлом. Вычеркнуть, как ненужную.

Рита дотла сожжет этот лист своей жизни и начнет все с нуля. Осталось совсем чуть-чуть. Совсем скоро все будет иначе. Обязательно. Нужно пережить это маленькое возвращение...

2010 год

Провожая взглядом убегающую Марго, Роцин с каждым шагом, удаляющим друг от друга, все больше ощущал, что летит в пропасть. Бездонную черную тьму, поглощающую с головой. Плевать было на проигрыш в тендере. На Вотана, стоящего в метре. На полон двор СБшников. На девок этих проклятых, приносящих древнейшей профессией, по сути, неплохой заработок. Что благодаря своей опрометчивости находится под прицелом спецслужбы. И навряд ли на сей раз получится легко выпутаться.

Все казалось неважным. Абсолютно. Кроме девушки, отчаянно сбегающей от него, как от огня. И нечем удержать. Не получится. Нет больше ни единого козыря в руках. Бурого, предателя, забрали. Чернышевский, су*а, вообще, в полном шоколаде. Генерал настроен чересчур решительно. Все складывается против Кирилла. Обстоятельства способствуют уходу Маргариты.

Чувствовал, что терял её. Навсегда теперь. Осознание этой гадской мысли самое паршивое, что могло случиться. Залип, как юнец, на бывшей проститутке. Дожил бы отец до такого, увидел, покрутил пальцем у виска, заметив, что шлюх на их век хватит, шкуру скорее надо спасти пока не повязали.

Подумал, что напрасно Калача не послушал, когда тот по телефону предупредил об облаве. Надо было валить вместе с Марго куда подальше. Или, по крайней мере, спрятать её, а не тащить в эпицентр событий. Чем думал? Неужто считал, что выкрутится снова? Пожалуй.

Не возникало мысли, что не прорвутся. Не отстоят. Но глядя на хаос, творящийся в одном из ключевых мест становления своего бизнеса, думал о том, что не хочет терять Ритку. Ненавидел себя крепко за это. Но рядом с девушкой, с мыслью о ней мозг отключался. Отказывался работать. Мерзкое чувство безысходности обволакивало душу и как справиться не представлял.

Безумным выдался день. Не только день, последние недели на грани. Времена самых лютых разборок с братцем уступали происходящему ныне. Стоило раньше заподозрить неладное. Не ставить Маргарите условия идти на тендер, а прятать подальше. Ненавидел её за Чернышевского, но вместе с тем готов простить что угодно. Лишь бы рядом была. Не артачилась и не смотрела волком, как на врага народа.

Где-то ошибся. Напортачил. Подавил эмоции, наступил на горло чувствам, боясь показаться мягкотелым слабаком. Гребанная циничность взяла верх. И как не взять? Когда единственная небезразличная ему баба готова была ноги целовать за спасение другого, чужого мужчину, даже не любовника. Понял еще, если бы за Волкодава своего горло рвала, но за Буртенко?

Роцин до последнего не хотел верить в предательство начальника охраны. Столько лет бок о бок, не подводил ни разу. Последние промахи с побегами Ритки не в счет. Оказывается, пригрел змею на груди. Которая все разворошила изнутри, подкопав под самый фундамент.

В глубине души чувствовал, что привычная реальность рушится. Гадское подозрение, что жизнь пойдет под откос давно закралось. С первым появлением Чернышевского. Но кто мог подумать, что столь нелепо сложится?..

Тогда присутствовал азарт. Тогда он был королем в своей сфере бизнеса. Единственным и беспрекословным. Стоило сразу убирать конкурента, без попыток договориться. Впрочем, что бы это дало? Судя по самодовольной роже генерала Одинцова, план зрел давно и готовился слишком тщательно. Иначе не объяснить, что долгие годы не замечал предателя в своем логове.

Когда Тимур взял с поличным Руслана, Кирилл знал, что это им не сойдет с рук. За убийство тайного агента СБшники станут как минимум мстить. Но и тогда запретил себе думать в эту сторону. Вырвал ростки опасений, уступил Калачу, позволил делать с предателем, что душе угодно. Но Маргарита снова включила в нем жалость. Глядя на её бесконечные слезы из-за Бурого, не мог оставаться тем же хладнокровным авторитетом. Девушка, сама не ведая, зажгла в нем остатки человечности. Заставила глянуть на Буртенко под другим углом, пожалеть.

Уступил ей, предполагая, что этим сможет удержать. Главной ошибкой Рощина стало то, что не подумал о последствиях. Как показывал минувший опыт: шантажом не привяжешь надолго. Вот и не вышло. Упорхнула птичка из клетки даже не попрощавшись. Не смутил и факт, что отец за погоны задницу рвет, а не за её благополучие. И что Чернышевский, тварь, по указке батеньки действует.

Надо было пришить сволочь сегодня. Самовлюбленный индюк мало того явился позже других на мероприятие, еще поймав звезду, выпендриваться решил на сцене. Песенки сопливые Ритке петь. Она-то смотрела как, чуть в рот не заглядывала. Неужто, правда, любит? А с ним, Кириллом, из-за чувства благодарности жила? Шальные выводы приходили в разум только сейчас.

В первые секунды после объявления победителей тендера, просчитывал, что сделать с Волкодавом. Убить казалось единственно верным выходом. Хотя прямо там, на сцене, в момент триумфа. Чтобы показать всем, а Маргарите в первую очередь, что бывает с наглыми обманщиками. Побежал звонить Тимуру, вызывать подмогу. Чертова импульсивность в который раз взяла верх над здравым смыслом. Готовился устроить разборки посреди сотен гостей. Забыл, что девку свою ни на секунду нельзя одну оставить. Как вернулся и увидел, что нет её, чуть с катушек не слетел. Спасибо добрые люди подсказали, что видели, как уходила в дамскую комнату.

Потом обжимания с Чернышевским и крышу окончательно снесло. Думал, на месте прибудет его. Но зараза оказался с тяжелой рукой. Губа все еще неприятно саднила, да и кости отзывались ломотой. Если бы не Риткин визг, одному богу известно, чем закончилось.

Вспомнил о все еще имеющемся козыре в виде пленника Руслана. К счастью, Маргарита на тот момент не знала, что уплывает её повод уходить с Кириллом. Он сам не знал, пока, убегая из не оправдавшего себя мероприятия, не позвонил Калач и не сообщил, что не приедет на тендер, есть дела поважнее на базе. Отбиваться от силовиков надо.

Калача в момент приезда генерала с парнями не было в борделе. Иначе устроил теплый прием, на всю жизнь запомнили, удайся выбраться живыми. Но товарищ чересчур поздно подоспел, равно как и Кирилл. Одинцов взял особняк без особого сопротивления. Первым делом увели Руслана, девок забрали, кабинет верх-дном перевернули. Найти что едва ли могли, самое ценное Рощин хранил в более надежном месте. Но шороху навели.

До того, как забежал в дом, Кирилл верил, что обойдется. Списывал на обычную ментовскую облаву. Думал, бабок сейчас сунут и ретируются незваные гости извиняясь. А увидел в кабинете Вотана и дошло, что приплыли. Империя Рощиных, возводимая долгие

годы, рушилась под тяжелым прессом государственной власти. Но и осознание этого пришло не сразу. Узрев генерала первой мыслью было, что нужно Ритку куда-то деть. Не допустить встречи родных по крови.

Не получилось. Вотан, надо отдать должное, умный мужик. Достал откуда-то документы, которые Кирилл берег как зеницу ока и которые способны закопать его раз и навсегда. Приставил какого-то щенка допрашивать, а сам быстро подсуетился и побежал дочь родную встречать. Довстречался, твою ж...

Надо решить как-то сложившуюся проблему. Недолго час, вправду в СИЗО заметут, а уж оттуда точно Королева не светит.

Нынешние обстоятельства больно напоминали события шестилетней давности. Но тогда все было в точности наоборот: без Маргариты Кириллу воли не видать, а теперь без воли Маргариты. Но как быть на сей раз, если оперировать нечем? Мотивы шестилетней давности не спасут...

2004 год

Это был первый день Кирилла в роли нового владельца Инанны. Особняк еще здоров походил на поле боя. Полон дыма, гари и трупов. Без потерь не обошлось с обеих сторон. Один из убегающих клиентов попал под раздачу. К счастью, люди Рощина остались в большинстве. После бессонной ночи полной разборок, всю разгребали последствия.

Испуганные девки прятались на кухне — единственном уцелевшем в суматохе месте. Хорошо, что не разбегались, пользуясь моментом. Мужчине не хотелось еще и им искать замену. Хватит, что на восстановление и полноценный выход к обычному графику работы предстоит потратить вагон времени и бабла.

Управляющего надо приставить: доверять здесь некому, того гляди бунт устроят. Дел в связи с расширением бизнеса в сторону предоставления сексуальных услуг предстоит тьма. Но думать об этом Кириллу не хотелось. Главное, поквитался с ненавистным Батей. Отомстил и за Королеву, и за себя. Показал, что с ним шутки плохи. Хотелось поскорее домой. Смыть вонь и грязь, увидеть Маргариту, прижать к груди, трахнуть как следует и, считай, жизнь наладилась.

Мужчина торопился сбежать из Инанны, когда крики и шум с улицы дали понять, что опять чего-то намечается. Первая мысль: Сизовские вернулись. Но вскоре довелось разувериться в этом.

Опомнится не успел, как в дом вбежало с десяток СБшников в масках, бронежилетах и с пистолетами. Быстро повалили всех на землю мордами в землю. Кирилл оказался не исключением. Маты один за другим слетали с губ. Всякого ожидал, но не такого. Попасться на облаве в месте, которое вчера не имело к нему никакого отношения — сомнительная перспектива. Его ребята, конечно, навели в округе шороху стрельбой и взрывами. Но здесь поблизости ни единого жилого дома, чтобы грешить на происки обывателей, вызвавших ментов.

Минут пять пролежал, как де*ьма кусок, вдавленный неизвестным в грязный пол, где совсем недавно валялся труп одного из охраны Сизого. Уже предвкушал какой разгон утроит этим придуркам, устроившим маски-шоу, когда пронюхают кого решили пресонуть. Рощина

в этом городе знала, боялась и уважала каждая собака и мужчина этим нещадно пользовался. Статус, чтоб его, обязывал.

Минут пять клоуны бегали по особняку, прежде чем над головой послышался хорошо поставленный командный голос:

— Кто здесь главный?

— Допустим — я. — Раздраженно выплюнул Роцин.

Мгновения и тело, удерживающее его, ослабило хватку и скоро Кирилл стоял на своих двоих рядом с неизвестными. Один в маске, очевидно, исполнитель. Второй — судя по классическому черному костюму и бронежилету поверх, как единственной защите, — командир. Средних лет, серьезный, недовольный.

Роцин сразу смекнул, что это как минимум гости из столицы. Своих-то главных блюстителей закона знал в лицо и сотрудничал, как и они с ним. И свои не стали бы, как с последним бандюком — рожей в пол. Не позволили бы такой вольности и случайно, иначе полетели головы одна за одной.

С интересом рассматривая мужчину напротив, Кирилл прикидывал, через кого и как лучше договориться с этим. Если гусь впрямь столичный, может быть сложновато, но возможно.

— Генерал-майор Одинцов Андрей Михайлович. — Тем временем представился незнакомец. — Управление борьбы с оргпреступностью Службы Безопасности страны.

— Роцин Кирилл Сергеевич. — С ехидной ухмылкой, отозвался. — Бизнесмен. Меня здесь каждая собака знает. Не советую со мной связываться.

— Меня мало волнует Ваш статус. Боюсь, известность не поможет Вам, когда начнем разбираться, что здесь произошло.

Самоуверенность генерала зашкаливала, но Роцин не привык пасовать перед трудностями. Пускай с такими шишками еще не имел дела, но это обещает быть интересным опытом. Связи в главном ведомстве СБУ, учитывая грядущие амбиции, не помешают.

— Сколько хотите? — Решив, что юлить бессмысленно, сходу поинтересовался Кирилл.

— Все зависит от статьи, масштабов и решения суда. — Осматриваясь, Одинцов прошел вглубь зала. — Но подозреваю лет 12–15, не меньше.

— Если перевести в денежный эквивалент — это?.. — Кирилл призадумался. — Извините, не в курсе столичных расценок. У нас здесь народ простой, всегда прямо говорит, что почем.

— Уважаемый Кирилл Сергеевич. — Акцентируя на имени. — Вы хотите откупиться?

— Зачем так грубо? Нет. — Отряхнув пиджак от пыли. — Хочу отблагодарить за помощь, которую Вы мне окажите.

— С чего взяли, что от меня стоит ждать помощи? Вы, наверное, что-то попутали господин Роцин, но я сюда приехал навести порядок, а не крышевать преступность.

— Принципиальный, что ли? — Буркнул Кирилл, пнув осколок вазы.

Знавал он таких много. Юлят-юлят, цену набивают. Стоит зеленю перед мордой потрясти, готовы что угодно сделать. Но тяжелый взгляд генерала ясно говорил, что на сей раз не получится легко отделаться. Да и, честно сказать, устал Роцин заискивать перед ним. Не хочет по-хорошему, будет по-плохому. Ничего эти шавки Кириллу не сделают.

— Видишь, что бывает с теми, кто мне перечит? — Обведя рукой вокруг, резко перешел на «ты» мужчина. — Тоже хочешь так закончить?

Ответом последовало молчание. Столичный хлыщ приблизился к Кириллу, остановился

напротив. Несколько секунд, не моргая, глядел на него. После чего обращаясь к подчиненному, что продолжал невозмутимо стоять возле Рощина, приказал:

— Давай его в машину и в отделение. До выяснения обстоятельств.

Кирилл опешил от неожиданной наглости. Нервы и так ни к черту. Усталость с головой накрыла. Еще эти со своими законами. Что себя возомнили?..

— Думаешь, это тебе с рук сойдет? — Заорал Рощин, когда наручники с лязгом защелкнулись на запястьях и СБшник в маске потащил к выходу. — Меня-то выпустят, а ты можешь до своего насиженного кабинета в управлении и не доехать!

— Кирилл Сергеевич, лучше помолчите. Все сказанное может после использоваться против Вас! — Вслед окликнул генерал.

— Да пошли все!.. — Маты один за другим вырывались из уст Рощина, но чуя, что сопротивляться бесполезно, послушно шел за ведомым.

Оказавшись на улице, увидел, что двор полностью оцеплен силовиками. Его ребята, как он минутами ранее, прижаты к разного рода горизонтальным поверхностям, будь то стол, лавочка или машина, лицом вниз. Но среди остальных Калача нигде не виделось. Вот и чудненько. В участке Тимур мало чем поможет. А так, пока Кира будут пытаться эти нелюди, позвонит кому следует и все решит.

Чувствовал себя Кирилл в этой ситуации паршиво. Еще вчера был на коне — устроил Сизому неплохой замес, а сегодня его, как последнего преступника, на глазах у своих же пацанов вели под белые ручки поганые ментяры. Где такое видано? Чтобы самого Рощина, под которым весь город ходил, как поганую собаку замели. В молодости ни разу не попадался, всегда удавалось улизнуть из-под носа блюстителей закона. А тут, имея лучшую в городе охрану, попался как юнец зеленый. Видать, не так хороша эта охрана. Освободится, надо пересмотреть и ребят и занимаемые ими должности.

Спасибо, долго в микроавтобусе не мурыжили. Усадили и почти сразу двинули в путь. Позволили позвонить адвокату, вместо которого отзвонился Тимуру. Полчаса езды и Рощина в наручниках могли наблюдать в одном из местных управлений милиции. Судя по взглядам, всех удивлял арест мужчины. Еще бы, еще вчера с его ладони жрали, а сегодня неравен час и кормушка захлопнется. Небось почувствовали страх, сволочи, лишиться денежек. Ничего, Рощин устроит всем за то, что не предупредили о столичной облаве.

В отделении отлично подготовились к гостям. Выделили для генерала кабинет, где и предстояло продолжить беседу. Главный СБшник, избавившись от бронежилета, невозмутимо восседал в кресле, продолжая допрос, начатый в борделе. А Рощина вдруг посетила отчаянная мысль, почему фамилия этого шакала кажется больно знакомой.

— Кирилл Сергеевич, что Вы делали в борделе? — Сверля упрямым взором, давил Андрей Михайлович.

— А чего делают в борделе? Как будто никогда не были там и не в курсе. — Ухмыльнулся Рощин, сложив освобожденные, наконец, от кандалов руки на груди.

— Не ерничайте. Минувшей ночью там явно не одними сексуальными утехами закончилось. Как объясните погром и наличие трупов?

— Как-как? Пих-пах пистолетами, вот тебе и трупы.

Удобнее развалившись на стуле, насколько тот позволял, забавлялся мужчина. Оттягивал время, пока Калач выяснит, что за перец такой решил порядки навести, да найдет зацепку через кого действовать.

— Что Вы сделали с Сизовым Николаем Степановичем? — Пропустив шуточки мимс

ушей, продолжал Одинцов.

— С кем, простите?

— Кирилл Сергеевич, прекратите паясничать. Знаю, что Вы знакомы с владельцем борделя и оказались там неслучайно. — Злился чиновник, кулаки сжимал. — Взорванный автомобиль на подъезде к борделю Ваших рук дело? Там Сизов? Через день-другой экспертиза и так покажет, но лучше Вам начать говорить сразу.

— Послушай, генерал. — Поддавшись вперед, Роцин нагло заявил: — Это мой город. И тебе лучше убраться отсюда по добру, по здорову. Мои дела с Сизым — это мои дела. За то, что с ним совершили, все спасибо скажут. Никто не всплакнет на похоронах. Какой тебе резон в это ввязываться?

— Ты, смотрю ничего не боишься. — Откинувшись к спинке стула, заметил Андрей Михайлович. — Думаешь, сойдет с рук произвол?

— Произвол — это появление вашей своры в моем городе.

— Я так понимаю, сотрудничать не собираешься? — Постучав ручкой по столешнице, устало вздохнул мужчина.

— У вас на меня ничего нет, зачем сотрудничать.

— То есть то, что вас взяли в разгромленном борделе с горой трупов ничего не значит? — Подскочив, заорал Одинцов. — Ты, мать твою, совсем охренел! Я тебя засажу так, что до конца дней света белого не увидишь!

— Давайте, без угроз. — Безразлично наблюдая за психами генерала, отозвался Кирилл. — Приедет мой адвокат, поговорим.

— Да я тебя... — Рассекая кулаком воздух, мужчина быстро прошагал к двери. Высунувшись, позвал: — Уведите!

Когда появился конвоир, Роцин добровольно подставил руки для наручников. Улыбаясь во все тридцать два, с видом царя не иначе, прошел под удивленными взорами до места своего временного заточения — сырой и грязной камеры. Обстоятельства складывались так, что ему бы нервничать, злиться, но отчего-то было смешно. Отказывался осознавать масштаб проблем. Может, носом чуял, что не простой генерал попался, что с ним можно и нужно бодаться — запросто выиграет нелегкий бой. В данном умозаключении удалось убедиться довольно быстро.

Вместо адвоката прибыл Калачев. Учитывая их положение в городе, препятствовать встрече никто не стал. А Тимур, молодец, поработал на славу. За несколько часов нарыл такую бомбу, что впору убежище искать: рванет и никого не пощадит.

— Короче, поздравляю: мы или в полном де*ьме, или шоколаде. — Сразу озадачил Тимур. — Наш столичный генерал — родной батя твоей потаскухи.

— С этого места подробнее. Как вышло, что объявился только сейчас?

Нахмурившись, Кирилл мысленно складывал два плюс два. За потаскуху Калачу стоило бы врезать: негоже его, Роцина, женщину так называть. Но не до того было. Становилось ясно, откуда смутное чувство, что знакомая фамилия. Оказывается, не просто знакомая. Пригрел под боком девушку, наслаждаясь телом и красотой, напрочь позабыв о происхождении.

— Одинцов, известный по прозвищу Вотан — новоиспеченный руководитель ведомства по борьбе с оргпреступностью. — Начал рассказ Тимур. — Помнишь, после убийства Гришки, я связывался с Коробовым, пробивал ситуацию. Через несколько дней у них там тоже переворот начался. Смена власти не прошла даром, чиновники захотели поставить

езде своих людей, копнули глубже и разузнали, что наш общий знакомый подполковник нечист на руку, равно как и его начальство. Вызвали из-за границы Одинцова. Он, оказывается, не простой дядька — двадцать с лишним лет в Европе в разведке служил. Говорят, честный, принципиальный, бабками его не возьмешь.

— Уже понял. — Скривился Кирилл. — Он хоть в курсе про дочь родную?

— Тут неясно. — Постучал пальцами по столу собеседник. — Вроде как по молодости оставил её с женой. Поддерживали связь или нет — х*ен его. Вряд ли. Иначе давно Сизого с Инанной за жопу взяли. Ну или дядька страдает особой изощренной формой садизма, допуская, чтобы несколько лет дочь трахали все, кому не лень.

Раскатистый смех Тимура пронесся по тесной комнате для свиданий, отражаясь эхом. В столь нелепой и неприятной ситуации нашел повод позлорадствовать.

— Занятная история. Уверен, что они, правда, родственники?

— Обижает! — Посерьезнев, возмутился товарищ. — Хоть с новой властью у нас в СБУ подвязок почти не осталось, приближенные люди, готовые за бабки слить что угодно, еще имеются.

Кивнув, Кирилл задумался, как лучше воспользоваться полученной информацией. Гарантии, что, если столько лет Одинцову не было дела до Маргариты, вдруг вспылал пламенной отцовской любовью — нет. Тем более что во имя родственных связей поможет дочериному любовнику. Но попробовать стоило. Терять Рощину нечего. Королева, еще вчера бывшая прекрасным дополнением и способом скрасить досуг, сегодня его единственный козырь и нужно как следует им воспользоваться.

— Где Марго? — Нарушив затянувшееся молчание, холодно поинтересовался Кирилл.

— На квартире, где ей быть.

— Увези её подальше. — Поднимаясь, показывая, что разговор закончен, приказал Рощин. — Спрячь, чтобы ни генерал, ни кто-либо еще не смог её найти.

— Будет сделано. — Вслед окликнул Тимур.

Кирилл не слышал. В послушании Калачева и без словесного согласия уверен. Его волновала предстоящая встреча с Одинцовым. Мысленно составлял ходы новой игры, где обязательно нужно выйти победителем. Иначе лишится всего. Тут либо пан, либо пропал. Другого не дано.

Уверенность в собственных силах вскоре окрепла. Стоило вывести Одинцова на маленькую откровенность, как все стало по местам. Пазлы сложились воедино, Рощин понимал, на что и как нужно давить.

После встречи с Калачем, мужчину снова привели на допрос. Похоже, не одному ему не терпелось поскорее выйти, но и генерал жаждал убраться из их захолустья в столицу. Изначально при встрече должен был присутствовать адвокат, но Рощин самолично отказался от этого. Лишние уши во время предстоящего разговора ни к чему.

Удивление генерала было на лицо, но предпочел не комментировать ситуацию. Все те же вопросы, настойчивость и явное желание упечь Кирилла за решетку. Но последний выпады в свою сторону встречал молчанием. До тех пор, пока Одинцов не спросил:

— Кирилл Сергеевич, убийство Вашего сводного брата тоже Ваших рук дело?

— Я мечтал грохнуть Гришку, но, к сожалению, не успел. А Вы бы хотели его убить? — Между прочим поинтересовался. — Мне кажется, мотивов у Вас должно быть не меньше, чем у меня.

Ступор на лице Одинцова дал понять Рощину, какую партию разыграть в этот час.

— Григорий Латунин был далек от образца морали, но вопреки его деяниям, предпочитаю другие методы. Более гуманные. — Глядя в глаза Кириллу, выдержано отозвался Андрей Михайлович.

— А изнасилуй он мою дочь так, я бы яйца живьем оторвал и скормил падле. — Ухмыльнувшись, выдал мужчина.

Наблюдая за сменой эмоций на лице чиновника, внутренне ликовал. Вотан не знал о Гришке и участии Маргариты в судьбе последнего. Еще бы, генерал шишка, но менты в городе все подчинялись Рощину. А его люди постарались, чтобы о том, что убила Латунина именно Королева, не разведал никто.

— Маргарита Одинцова? Знакомо имя? — Продолжал добивать Рощин. — Хороша, чертовка. В юности ей не посчастливилось оказаться в борделе Сизого и как следствие в руках Гришки. Но она, умница, умеет за себя постоять. Пришибла обидчика и глазом не моргнула. Правда, потом чуть умом не тронулась. Но это дело поправимое.

Андрей Михайлович, упрямо сверля взглядом Кирилла, с каждым словом сильнее сжимал в руке карандаш. Натянулся, как тетива. Казалось, дышать перестал. Треск и карандаш под сильным напором разломался на две части.

— Где она? — Сипло выдохнул.

— В безопасном месте. Там, где ей не угрожает тюремное заключение, которое вряд ли морально вынесет. — Сложив руки на груди, криво усмехнулся Кирилл.

— Она у тебя. — Не спросил, отметит очевидное.

Опять молчание. Рощин и бровью не повел. Ждал следующего хода от Вотана. Торопиться ни к чему. Нельзя допустить малейшего промаха. Раз собеседник нервничает — не так он черств и невозмутим, как хочет казаться. Значит, зов крови присутствует. Дочь небезразлична.

Одинцов тоже чего-то выжидал. Рассматривал внимательно Рощина. Может, хотел уличить во лжи, или предполагал, чего стоит дожидаться далее. Но в немой битве выиграл Кирилл. Андрей Михайлович, резво подскочив, стукнул ладонью по столешнице. Поддаваясь вперед, припечатал:

— Су*а, если ты с ней что-то сотворил, я тебя не просто засажу, сделаю все, чтобы до суда не дожил!

— Эй, полегче, генерал-майор. — Примирительно поднял руки Рощин. — Будь со мной сейчас адвокат, мы могли подать встречный иск за угрозы. И Вас непременно сняли с этого дела в отсутствие беспристрастности.

— Поумничай тут! — Огрызнулся Вотан не шелохнувшись. — Отвечай, где Маргарита и что с ней.

— Андрей Михайлович, если Вы прекратите волноваться, думаю, мы сможем прийти к компромиссу.

Секунды, как вечность. Прежде чем Одинцов, оттолкнувшись от стола, отстранился к окну. Достал из кармана пачку сигарет, покрутил в руках. Оглянувшись к Кириллу, тяжело выдохнул:

— Рощин, ты умный мужик. Все обстоятельства против: твои подчиненные наворотили дел в борделе, убили кучу людей, Сизого. Кроме этого, у нас есть основания полагать, что винный бизнес не так чист, как кажется. О связях твоей семьи с наркотиками давно ходят легенды. Доказать — для меня дело времени, но и без того хватит мотивов задержать тебя, чтобы не сбежал из страны. Не усугубляй ситуацию.

Рошин с жадностью проследил, как генерал достал сигарету и прикурил. С этим арестом почти день без никотина. Оказывается, та еще зависимость. Не думал о куреве пока не увидел и не унюхал дым. Теперь хотелось до чертиков. Но надо немного потерпеть. Даст бог через несколько часов будет на свободе: сможет и закурить, и выпить, и Королеву пообжимать.

— Это Вы не усугубляйте. Маргарита — Ваша дочь. А я — её единственное спасение. — Самоуверенно вывалил главный козырь. — Вы же не станете лишать родную дочь спасения? Какими чужими людьми за последние двадцать лет не были.

— Су*а, все прознал. Оборзел совсем? — Нешадно смяв почти целую сигарету, заорал Одинцов. — Ты не смеешь думать о ней, не то что говорить!

— Больше скажу: я её еще и трогаю регулярно. — Понимал, что напрасно лезет на рожон, но хотелось утереть нос генералу. Показать, что ныне Рошин главный мужчина в жизни Маргариты и появление блудного отца это не изменит.

— Ублюдок! — Терпение Одинцова лопнуло, бросился к Кириллу. Хватая того за грудки, поднял со стула, впечатав в стену. — Если ты был одним из тех, кто... Кто...

Андрей Михайлович жадно хватал воздух. Глаза горели от злости. Кирилл внутренне ликовал. Незавидное положение быть приплюснутым поджарым генералом не печалило. Чувал, что до победы пара малюсеньких шагов.

— В данном случае тебя должно волновать, что Маргарита жива, цела и невредима благодаря мне. — Выплюнул прямо в лицо собеседнику. — Что разгромил вонючее гнездо порока и уложил Сизого, вместо того чтобы дело шить, «спасибо» надо сказать. Вы пока со своими цепными псами приехали, там и ловить некого стало. Хочешь, чтобы с дочерью все было в порядке, отпустишь меня, и обсудим. А нет — можешь хоть здесь удушить.

Рошин блефовал. Заранее знал, чем все закончится. Решение Вотана не заставило себя ждать. Разжал сначала кулаки на рубашке Кира. Затем отступил на несколько шагов, давая свободу вдохнуть полной грудью.

— Что хочешь взамен на Маргариту?

За прямоту Рошину начинал нравиться Вотан. С таким приятно иметь дело.

— Не совсем за Маргариту. — Усаживаясь обратно, нагло заявил мужчина. — За её благополучие и свободу. Надеюсь, понимаете, что отпустить её не могу? Она мой единственный гарант, что будете держать слово и не тронете меня.

— Почему я должен идти у тебя на поводу? — Было видно, как тяжело Одинцову держаться в руках, но он включил хладнокровие. — Что мешает мне посадить тебя, а Маргариту забрать?

— Первое — она у меня. Но пока нахожусь здесь, мои люди запрячут её так, что сам захочу сдать — не отыщу. — Рошин поднялся. Ноги сами потянули к подоконнику, где остались сигареты генерала. С тем, куда должны завести их договоренности, маленькая фривольность воспользоваться имуществом должна быть прощена. — Второе — Маргарита собственными руками убила Гришку Латунина, а потом вскрыла вены и едва не покончила с собой, выскочив из автомобиля на большой скорости. Её чудом удалось откачать. — Сигарета, наконец, оказалась в зубах мужчины. Щелчок зажигалки, короткая спешная затяжка. Быстрый взгляд на недоуменного Одинцова. — Вы не знали?

Вместо ответа — неопределенный кивок.

— Что же так? — Вздернув бровь, продолжил Кирилл. — Хреново работает Ваше хваленая разведка. А я знаю, каких усилий стоило замести за ней следы и свалить убийство

на людей Сизого. Но если решите меня убрать, ничто не помешает потянуть Ритку за собой. Я-то выдержу, а она вряд ли. Без того едва мозгами не тронулась, плюс суицидница. Её любой судья сразу в дурку отправит. Можете представить, каково там? Когда разум и так на грани помутнения? — Новая затяжка. Сомнение на лице Вотана. Кириллу дышать стало легче. Игра подходила к логическому завершению. Последний шаг и жизнь наладится. — Конечно, не можете. Вы ведь отец лишь по паспорту. А как дочь родную жизнь побилла до убийства Латунина понятия не имеете. Гришка её ведь давно еще изнасиловал и избил до полусмерти. Уже того факта хватает, чтобы двинуться. Но она девочка сильная, выдержала тогда. Зато сейчас на психотропных сидит. Это единственный вариант. Её лечащий врач сказал — малейшее потрясение и можно попрощаться с разумом. Представьте, что будет, если завтра перед ней явится родной отец, годами блуждающий непонятно где? А если обвинения в убийстве предъявят? К психам посадят? Такой судьбы хотите дочери?

— Почему должен верить тебе? — Сипло пробормотал Вотан, устало опустившись на стул.

Кажется, за короткое время монолога Рощина, Одинцов постарел лет на десять. Обнажил истинное лицо, сорвав маску невозмутимого чиновника.

— Можете не верить. — Кир загушил окурок, бросил в урну. Пожал плечами. — Хотите — проверяйте, ищите доказательства. Хотите — рискуйте здоровьем Маргариты, авось обойдется. Если она Вам небезразлична, советую оставить как есть. Пускай на расстоянии, но здоровая и свободная дочь лучше, чем умалишенная. Вы понимаете, что в любом случае после стольких лет отсутствия она вряд ли простит Вас.

Поставив кулаки на стол, Андрей Михайлович спрятал лицо в ладонях. Вдохнул. Глянул на Рощин и спросил:

— Что ты хочешь?

— Вы отпустите меня, перестанете донимать, угрожать моей свободе и мешать бизнесу. — Как будто просил само собой разумеющееся, развел руками. — Гарантирую, что Маргарита будет жить припеваючи, ни в чем не зная отказа, счастливая, свободная и, главное, здоровая.

— Мне надо подумать.

— Ваше право. — Покорно согласился Рощин. — Но не забывайте, что часики тикают. Я могу передумать.

Конечно, Кирилл не собирался отступать. По сути уговор с Вотаном был единственным шансом. Калач пытался пробить другие способы, но из-за смены власти и принципиальности генерала лазеек не оставалось. Стоило надеяться, что благополучие родной дочери для Одинцова окажется важнее дел государственной значимости и жажды засадить его, Рощина, за решетку.

Мужчина почти не сомневался. Чутье никогда не подводило. Не изменило и на сей раз. Новоиспеченный генерал-майор СБУ пожертвовал делом ради Маргариты. Уступил. Сдался. Что тому причина — Кир не понял и спустя годы. Наверное, и правда Вотану оказалась важна дочь. Несмотря на то, что по факту чужие люди, кровь взяла свое.

До полного освобождения и снятия обвинений Рощину пришлось просидеть в камере до вечера следующего дня. В какой-то момент засомневался. Но видимо, Одинцов решил со всей ответственностью подойти к договору и перепроверить. Уж в чем, но в этом Кир не винил генерала. Сам бы сто раз заставил Тимура прознать, что к чему, прежде чем согласиться на чистой воды авантюру.

Благо факты были за Кирилла. В закрытом следствии по Гришке при связях СБУ несложно найти дыры и нужные доказательства в пользу вины Марго. Медицинская карта девушки и вовсе исписана кучей психических болезней, которые вылезли после попыток самоубийства. Тут придумывать ничего не нужно. Пожалуй, впервые за время как забрал к себе Королеву, рад, что за ней имелся огромный багаж проблем с нервами, за которые лечащий врач тоже едва в психушку не отправил. Отныне это стало для Рощина гарантом свободы и неприкосновенности.

Одинцова из Королевы разом превратилась в оберег, сама того не ведая. Одного Кирилл не просчитал: Вотан не сдался, а приняв условия игры, отошёл на время, чтобы позже выступить против с новыми силами. А Маргарита, сумев восстановить внутренний баланс, решила воспротивиться своей роли, превратившись из амулета в идола, которому Рощин, сам не ведая, готов был поклоняться. Идола, который больше не подчиняется, а сам распоряжается своей судьбой...

2010 год

— Что скажешь, Плантатор? — Усталый голос Вотана за спиной вернул в реальность. — Натикали часики.

Как не оттягивай момент истины, а ничего не изменить. Карета скорой помощи скрылась за поворотом, увозя от Рощина Ритку. Его Королеву. Надежду. Спасение. Одинцова ничто не удержит чтобы, наконец, исполнить давно задуманное и упечь Кира за решетку.

Мужчина не упрекал в этом генерала. Одного не понимал — как у того хватило терпения на целых шесть лет. Сам бы, окажись на его месте, пристрел себя на*рен, и дело с концом. А этот — благородный и правильный военный служащий. Хорош в тактике, но хреновый как отец. Впрочем, не Рощину судить об этом.

— Пожалуйста. — Кирилл протянул руки, готовый к тому, чтобы его заковали в наручники и увезли в СИЗО. — Чего так долго ждал — свершилось. Можешь сам меня арестовать, сопротивляться не стану.

Вотан глянул на Рощина и полез в карман. Но вместо наручников вытянул пачку сигарет. Открыл и предложил Киру.

Мужчина вопросительно изогнул бровь, переводя взор с генерала на курево. На сей раз, в отличие от предыдущей встречи шестилетней давности, затягиваться Рощину не хотелось. Забыл, когда последний раз прикладывался к сигарете. Кажется, когда собирались с Марго на тендер. И то без особого желания. Так, чтобы скоротать время в ожидании пока девушка примарафетится. Будто в другой жизни.

Сейчас ничего не нужно. Кроме Марго. Вот на неё хоть глазком посмотреть не отказался. Плевать, что всего ничего прошло, как уехала. А уже не хватало, как воздуха в легких. Сам себе поражался. Представляя в самых страшных кошмарах вероятность собственного заточения, подумать не мог, что в судьбоносный миг размышления о том, как улизнуть отойдут на второй план, уступая место его девочке.

За неимением Королевы, потянулся за дозой никотина. Если арестуют, неизвестно, когда получится покурить. Передачи-то тоже носить, оказывается, некому.

— Счастливы, что, наконец, уделали меня? — Приняв огонек от по-прежнему

молчавшего Вотана поинтересовался.

Мелькнула мысль, что лучше бы по роже генералу съездил, пока есть возможность и силовики не пасут, вместо того, чтобы трубку мира выкуривать. Но отчего-то на сопротивления сил не осталось. Увезли Маргаритку и выдохся разом. Не за что бороться. Да и незачем.

— Сам виноват. — Сунув сигарету меж зубами, проговорил Вотан. — Не тому дорогу перешёл.

— Я и не собирался переходить. Это ты решил вернуться в жизнь Марго не вовремя. Без тебя и твоего поганого стремления к справедливости, ей бы не пришлось так мучиться. Шесть лет прожила как-то со мной, не жаловалась.

Кирилл оглянулся, с безразличием оценивая потери. В другой раз нервничал бы, психовал, подсчитывал убытки и искал возможность все вернуть, а сейчас пофиг. Равнодушие захлестнуло с головой. Ещё вчера в этом месте, элитном борделе наподобие Инанны, располагалась целая империя. Сегодня — разруха. Но какое ему дело до империи, когда остался без Королевы.

— Так вечно не могло продолжаться. — Спустя недолгое молчание, возразил Одинцов. Покрутил сигарету в руках и выбросил, так и не прикурив. — Не тебе меня судить.

— Считаешь, Волкодав будет лучшей партией твоей Ритке? — Вопрос, который крутился на языке, наконец, сорвался.

Спросил и пожалел. Сам ощутил, насколько убого звучит и выглядит. Противно стало от этого. Цепляется, как придурок, за последнюю соломинку. На что надеется? Чего ждёт? Что генерал разглядит в нем, Кирилле, неземные чувства к Маргарите и разом все переиграет, оставив Чернышевского ни с чем? Глупо. Не в ситуации, когда Марго сама выбрала не его.

— Он любит ее и не причинит боли. — Как и следовало ожидать, Андрей Михайлович принял сторону своего протеже.

— А я? Забыл, что... — Замолчал, так и не сказав главного, смяв обжигающий пальцы окурок.

Смысл кичиться и хвастать делами во благо Марго? Все равно никто не оценит. Не поблагодарит, что уберёт от Латунина, выкупив за бешеные деньги. Что к себе забрал, выходил, вернул к обычной жизни, позволил стать нормальной.

Окружающие отказывались признавать добро, сделанное Роциным, но ткнуть на пороки считал обязан каждый. Бревна в своем глазу не видят, зато его, Кирилла, соринки на виду. Хотелось все высказать, но чувство гордости сильнее. Без того ничтожен, как никогда.

Взгляд машинально зацепился за Тимура, что о чем-то спорил с одним из СБшников. Последние никак не могли разобраться, кто стрелял в Буртенко, а попал в человека Калачева. Вроде ничего удивительного — Калач не из тех, кто уступает, тем паче ментам. Но видя, как товарищ оглядывается в темноту, явно сдаваться не собирается.

Тимур, подтверждая догадки, едва заметно кивнул Киру — мол, готовься. Роцин-то готов к чему угодно, терять нечего.

— Все еще надеешься стать Ритке хорошим отцом? — Вернув внимание Вотану, прежде чем тот углядел намечающийся сговор, в упор спросил мужчина.

Одинцов ошетинился. Было видно и по колючему взору, и по поджатым губам. Роцин задел за живое. И поделом ему. Хоть напоследок немного позлит генерала. Это доставляло слабое, но удовольствие. Других Кириллу в ближайшее время не светит.

Андрей Михайлович собирался ответить, но прилетевшая прямо под ноги дымовая

пашка и последующий за этим взрыв прервал бессмысленный разговор и разом дезориентировал. Послышались крики, выстрели. В генерала, кажется, тоже кто-то выпалил. После тот же человек или свои повалили на землю. Рошин сам едва не упал, но быстро сообразил, что это, вероятно, единственный шанс и тратить впустую не хотелось. Дымка деструктировала слаженную работу силовиков и здорово навела шороху и лишила обзора. Но Кириллу не привыкать двигаться на ощупь. Тем паче в этом месте, которое открыл вслед за отвоеванной у Сизого Инанне, за шесть лет научился ориентироваться вслепую.

Пользуясь моментом, пока некоторые СБшники обхаживали раненого Одинцова, а остальные вступили в борьбу с оставшимися парнями Калача, Рошин бросился к черному выходу со двора. Главный весь перекрыт — машин СБУ валом, а сзади должно быть тихо. Там калитка здорово припрятана между кустами, на случай подобный сегодняшнему.

Из-за завязавшейся заварушки между силовиками и своими парнями, побег Кирилл остался незамеченным. Внимания никто не обратил, когда, прячась за деревьями, двигался прочь. По пути прихватил пистолет у одного из пострадавших в перестрелке. На финише оглянулся, оценивая масштаб происходящего и поразился: не предполагал, что столько мужиков будут впрягаться за него, когда исход предрешен. Сколько не борись, СБшники заметут всех живыми или мертвыми. Но это их выбор, который на руку мужчине. Рошин в отличие от других дорожит своей шкурой, чтобы остаться и пуститься на растерзание. Бордель не отвоевать. Хоть бы жизнь оставить.

Выбрался со двора к лесу и с удивлением обнаружил на проселочной дороге автомобиль из калачевских, который с его появлением пару раз мигнул фарами. Кто-то из своих. Думать было некогда, пропажу вот-вот обнаружат, если уже не заметили, судя по новым, более громким крикам.

Рошин побежал к машине и, не разглядывая кто там, быстро забрался на пассажирское сиденье. Авто со скрежетом тормозных колодок сорвалось с места. Кирилл увидел, что водитель не кто иной, как Тимур. По иронии судьбы равно как вместе начинали, так теперь и сбегают.

— Не видел, эту су*у, Вотана, сняли ребята? — Выжимая педаль газа до упора и поглядывая в зеркало заднего вида, первым делом спросил Калач.

Похоже, у старого товарища мания ненависти ко всем из семейства Одинцовых. Что Ритку недолюбливает, что её папашку. Впрочем, с последним Кирилл солидарен.

— Видел, что ранили. — Отмахнулся Рошин. Оглянулся, чтобы убедиться нет ли за ними погони.

— Не ссы, Кир. — Словно прочитал мысли, приободрил Тимур. — Этой дороги нет на карте, О ней в курсе только местные. Отсюда искать не станут.

— Хорошо. — Растирая лицо, машинально согласился мужчина.

— Ну че, куда дальше? Чувствую, нас в розыск подадут, небось на каждом столбе рожи прилепят. Никакие связи не помогут.

Кирилл неопределенно вздернул плечами. И впрямь, что дальше? В голове полный раздрай. Он почти согласился с предстоящим арестом, а тут столь неожиданно свалилась пьянящая, но слишком хрупкая свобода.

— Может, на восток страны? У меня там кореш есть со школы, не последний человек в городе. Пристроит нас, паспорта липовые поможет сделать. Оттуда за бугор махнуть можно. — Ухмыльнувшись перспективам, рассуждал Калач.

Кирилл молчал. Идея была неплохая, но сбегать как крыса с тонущего корабля не

хотелось. Не с Тимуром.

— Бабки надо со счета снять. — Молчание товарищ принял за согласие. — Может, не успели заблокировать? Офис еще с вечера оцепили. У меня на квартире небольшие сбережения есть на черный день, но боюсь на двоих не хватит. Бл**ь! — Стукнул со всей дури по рулю. — Это из-за твоей доверчивости. Я с самого начала говорил: не связывайся с той шлюхой! И Буртенко не наш человек. Но нет, ты у нас босс. Лучше всех знаешь. А теперь что? С голой жопой и как последние бандюги убегаем.

— Отвези меня домой. — Проигнорировав возмущения Тимура, приказал Роцин.

— Сбрендил, что ли? — Из-подобья зыркнув на хозяина, выпалил Калачев. — Думаешь, там СБшников меньше, чем в офисе или борделе?

— Я сказал — отвези! — Пистолет, сунутый за пояс, оказался в руках нацеленный на товарища. — У меня дело там есть.

— Нет, не поеду туда. — Сжав сильнее руль, открестился мужчина, невозмутимо уставившись вперед. Как будто и не присутствовало угрозы жизни. — Максимум, могу выбросить в соседнем квартале, дальше будь добр сам. Скажи спасибо, что не кинул на базе. Думал, хоть эта история тебе ума-разума добавит. Опять за свое, что ли? — Быстрый взгляд на Кирилла.

Роцин, опустив оружие, отвернулся. Разговаривать и объяснять очевидное не желал. Тимур не понять: его здесь ничего не держало, кроме бабок. Кирилла, оказывается, удерживало. До сих пор. Раз вместо того, чтобы спастись, прется домой с тлеющим огоньком надежды.

Покаяться хотелось. Увидеть Королеву хоть глазком еще раз. На прощание. Или не на прощание... Вдруг это его шанс? Их шанс начать заново? По-другому? Без всей мишуры и богатств, окружающей последние годы. Если Марго чуточку к нему небезразлична... А она небезразлична — Кирилл точно знал, помнил, как смотрела при первой встрече. Он все исправит. Попытается, во всяком случае.

Оставшийся путь до города ехали в молчании. На постах ГАИ Калач то и дело матерился. Видно, включалась защитная реакция, опасался быть пойманным. Обошлось.

Тимур, как и обещал, выставил Роцина за несколько остановок от дома.

— Так понимаю, на этом наши пути-дорожки расходятся? — Щуря один глаз, безразлично уточнил Калач.

— Похоже на то.

Кирилл оглядел на прощание человека с которым провели долгие годы бок о бок, который постоянно прикрывал и выручал, и не почувствовал ни малейшего сожаления, что все так заканчивается. Больше сожалений присутствовало насчет Бурого, когда тот оказался предателем, чем нынче. Значит, правильно все делает. Империя Роцина рухнула, а больше их ничего не связывает. Тимур, вопреки преданности, никогда не понимал его.

— Если передумаешь или что изменится по жизни — дай знать. — Скорее из вежливости отметил Калачев.

— Буду иметь в виду. — Протянул руку на прощание. — Спасибо тебе и за сейчас, и за все.

Калач кивнул, поворачивая ключ в зажигании. Едва Роцин выбрался из машины, махнул прочь.

Проводив авто товарища усталым взглядом, Кирилл побрел в сторону дома. До рассвета оставалось несколько часов. Улицы еще были пустынные. Несколько часов предстояло до

суеты нового дня. Мужчина устал суетиться. Бежать куда-то, спешить. Все мысли из головы выветрились. Осталось единственное желание: Маргарита. Но она навряд ли светит, поэтому неплохо бы напиться...

Не соображал, зачем идет домой, где вряд ли её встретит. Но ноги и чутье заставляли двигаться вперед. По пути попался открытый киоск с паленой выпивкой. Не побрезговал. Купил самую гадкую водку и не скрываясь, заливался ею всю дорогу. Сначала горчила, неприятно садня в горле. Потом привык. Блаженное тепло расплескалось по телу и становилось чуть легче.

Позже после выпитого голова разлетится на кусочки от похмелья. Но ныне в этом виделось единственное спасение. От Королевы, преследующей по пятам в воображении. И от непонятных чувств, пробирающихся в сердце и больно ранящих изнутри. Именно тогда, когда уже забыл, каково это — чувствовать что-то кроме ненависти и злости...

2010 год

Квартира, бывшая для Маргариты последние шесть лет домом, встретила тишиной и непривычным спокойствием. Девушка знала, что здесь никого. Причиной тому не только отсутствие света в окнах, что заметила на подходе. Все закончилось. Это место больше никогда не приютит ни её, ни тем паче Рощина. Сейчас мужчина, однажды освободивший из кабалы, а потом сам в неё загнавший, наверное, уже в следственном изоляторе. Равно как и остальные его люди, которых удалось поймать при облаве.

Руслан рассказал девушке, что какой-то неизвестный доброжелатель под шумок во время налета подсунул генералу документы, которые позволят упечь Кирилла в тюрьму надолго. Те самые, на поиски которых хваленным СБшникам понадобилось целых шесть лет. Все получилось куда проще — стоило давно завести более пронырливую крысу в логове Рощина.

Ситуация казалась равно как безумной, столько же нелепой. Шесть лет ради поганых бумажек, чтобы получить их наиболее легким и безобидным способом. Впрочем, и без них последних событий с Буртенко хватило, чтобы задержать Рощина и его пособника Калачева.

Что чувствовала в эти мгновения Маргарита? Сожалела ли? Сожалела. О том, что ради одного большого пшика пришлось пережить столько боли и потерь. Что касемо Рощина — легкая грусть и тоска. С трудом верилось, что этот мужчина, обычно выкручивающийся из любых передраг, на сей раз попался в ловушку, в какой-то мере подстроенную им же. В остальном пустота. Как будто и не было тех лет вместе. Сердце, до краев наполненное переживаниями и чувствами, не выдержало, выплеснуло все наружу. Отпустило. Осталось пару шагов до новой реальности. Но какой она станет? Не представляла. Об этом думать будет позже, когда осознает, куда скатилась прежняя жизнь.

Положила ключи на тумбу при входе, зажгла лампу, мигом озарившую рассеянным теплым светом темноту. Шагнула решительно вглубь комнаты. Огляделась, надеясь, что почувствует хоть что-то, толику ностальгии. Но и здесь — *ни-че-го*. Как в номер дорогой гостиницы попала — кругом богатство и роскошь, а ощущения что ты дома нет. Напротив, хотелось поскорее сбежать, хоть бояться больше нечего. Кирилла и его людей здесь точно не встретит.

В больнице, когда заявила о желании вернуться на квартиру за вещами, Буря долго отговаривал от самодеятельности. Убеждал, что ни к чему спешить и ехать одной, лучше дождаться Олега и вместе отправиться. Не послушалась. Сама не понимала почему, но ступить на порог этой обители обязана была самостоятельно, без поддержки любимого. Незачем ему эта сторона жизни Риты. Чтобы окончательно оставить в прошлом, должна попрощаться с ней. Одна.

Особенно отчетливо осознала это, когда находясь в поликлинике при Руслане, объявился Чернышевский. Вкратце объяснил, что после бегства Риты с Рощиным измероприятия, его задержала охрана до выяснения обстоятельств. Уверения, что из силовой структуры не подействовали, пока не позвонили Одинцову и тот в приказном порядке настоятельно рекомендовал отпустить подчинённого.

На момент телефонного разговора, Олег мчался загород, опять же по приказу генерала. Уже зная, что Маргарита в безопасности. Утверждал, что предпочел находиться рядом с

девушкой, но в накрытом борделе что-то случилось и требовалась помощь Чернышевского. Подробнее разузнать не вышло.

Рита верила. Почему-то сомнений в правдивости слов любимого мужчины больше не возникало. Не винила егони в чем. Ни в вынужденной задержке, ни в необходимости в этот час находиться в другом месте, не с ней. Ни в подчинении собственному отцу и шестилетней заминке. Ни тем паче в том, что не смог помешать Кириллу увести её. Видела ведь, как до последнего боролся, пытаясь защитить. Олег не виновен, что пришлось покориться.

Отчего-то разом все барьеры рухнули. Стена недоверия и сомнений, которую тщательно возводила с первой встречи, упала под давлением чувств, захлестнувших с головой. Они справились, выжили. Сквозь годы пронесли нерушимую связь, переросшую в настоящие чувства. Остальное казалось неважным. Что значат несколько часов разлуки перед целой жизнью?

Маргарита верила, что теперь все будет хорошо. Она больше никогда не отпустит от себя Олега. Что бы ни случилось. Они совсем скоро будут вместе. Не напрасно ведь 12 лет промаялись? Заслужили счастье. Выстрадали.

Девушка вошла в спальню, окинула взглядом. Много всего здесь было и хорошего, и плохого. С ума сходила под грузом вины за непредумышленное преступление пускай и отъявленного проходимца — Гришки Латунина. Радовалась свободе после Инанны. Наслаждалась вниманием и терпеливостью Рощина. Нервничала из-за Олега. Рыдала и мучилась отзлости Кирилла. Ненавидела отца. Переживала за Буртенко. Смеялась от радости и заливалась слезами от горя. Всякое было. Но её дом в другом месте.

Прошла к прикроватной тумбе, открыла. Вытащила талисман, доверенный Русланом на хранение, покрутила в руках. Наконечник стрелы, по форме напоминающей сердце, весь исписанный иероглифами. Странная штука. Видимо, много значит для Бури, раз хотел сберечь его и передать какой-то девушке. Наверное, так же важно, как и кольцо Чернышевского. Машинально сунула вещь в клатч. Полдела сделано. Осталось отыскать драгоценность.

Одинцова надеялась, что Кирилл не выбросил кольцо, а хранил где-то дома. Иначе не представляла, как объясняться перед Олегом. Безусловно, он поймет и не осудит. Но вещь слишком дорога для него как память. Для Риты важно, как признание. Ей необходимосберечь такую ценность. Хотелось, чтобы при новой встрече находилось на её пальчике, и Чернышевский понял, что девушка согласна быть с ним. Всегда.

Вопреки нежеланию забирать из квартиры одежду, достала из шкафа пальто и накинула на плечи. Перебежки в вечернем платье поздней осенью порядком надоели. Замерзла. Устала. Хотелось почувствовать чуточку тепла.

Прошла в кабинет Рощина. Первым делом проверила ящики стола, полезла в сейф. Совсем недавно также рыскала здесь, но в поисках документов и страхе быть застуканной самим Кириллом. К месту вспомнилось, что тогда кольцо не попадалось на глаза, иначе забрала бы. Почему сейчас решила, что найдет украшение здесь? Хоть бы опасения, что кольцо давно потеряно не оправдалось.

Опустилась на край стола, пытаясь прикинуть, где еще поискать. Звук проворачивающегося ключа в замке противным скрежетом прошелся по сердцу. Первая мысль — Олег. Может, решил дела, поехал в больницу, не застал её там, и Буртенко сдал? За такое Рита даже злиться на Руслана не желала. До мурашек хотелось увидеть Чернышевского.

Подчиняясь эмоциям, Маргарита побежала в коридор. Сердце, подскочив, разом рухнуло, стоило увидеть вошедшего. Глазам своим не поверила. Показалось, что с ума сходит. Пошатываясь и ворча проклятия, в квартиру ввалился... Кирилл. Куртка настежь, рубашка не до конца заправлена. Весь помятый и растрепанный. С бутылкой водки и ключами в одной руке и цветами во второй. Шикарным букетом девственно-белоснежных роз. Штук двадцать пять, не меньше.

Кинул ключи на тумбу и, наконец, повернулся всем корпусом к ошарашенной девушке. Несколько мгновений скользил взглядом, рассматривая с ног до головы, прежде чем сфокусировавшись на лице, расплылся в довольной улыбке. Настоящей такой. Искренней.

Ритке почудилось на секунды, что вернулась на несколько лет назад. Ко времени, когда научилась совладать с собой, удерживая нервозность под контролем, а Кирилл еще не был обозленным и жестким с ней как последнее время и умел открыто улыбаться. Но между ними прежними и нынешними огромная пропасть. Разница в том, что сейчас Кирилл пьян и с розами.

Раньше мужчина никогда не дарил Маргарите цветов. Ни на праздники, ни просто так. Дорогие наряды, драгоценности, побрякушки. Лошадь опять же, стоящую безумных денег. Но букеты — никогда. Эта маленькая метаморфоза удивляла. Но больше настораживало непонимание, каким образом Роцин оказался здесь, на свободе? Куда подевались хваленые силовики, взявшие бордель и людей Кирилла? Вспомнились слова Олега о происшествии. Неужели Роцин сбежал? За ним не станет.

Господи, пускай Олег будет в порядке!

Липкий страх крепко уцепился за девушку. Дыхание перехватило. Стоило послушаться Руслана и не ехать одной. Да еще посреди ночи. Наивная, глупая дура! Жизнь столько раз оставляла наедине с опасностью, кидала в самый эпицентр взрыва, а она так и не научилась быть осторожной, лезет на рожон.

— Марго... — Поставив бутылку рядом с ключами, хрипло заговорил Роцин. Растер ладонью осунувшееся лицо. Заморгал часто, встряхнул головой, будто избавляясь от наваждения. Снова глянул на девушку, неверующе заметил: — Вернулась? Моя Королева.

— Что ты здесь делаешь? — Обхватив себя за плечи и ежась от мурашек, пробежавшихся по коже, отступила к стене. — Ты должен быть?..

— Где? — Двинул вперед, грубо перебил. — В лапах твоего папаши? В ментовке? На зоне?

Фраза одна за одной срывались с губ, а шаги неумолимо сокращали расстояние. Кирилл смотрел Маргарите в глаза, крепко сжимая перед собой цветы.

— Не получилось у них. — Остановился в десятке сантиметров от девушки. Лукаво ухмыльнулся, глянул на букет. — Ты же знаешь, что я неуловимый.

— Что там случилось? — Кусая губы, чтобы раньше времени не разреветься, холодно спросила Одинцова. — Олег, отец... Они?..

Сама не поняла, зачем вспомнила о человеке, именуемом отцом. Уж чья-чья, но его судьба обязана волновать меньше всего. Но отчего-то не хотелось потерять человека, который должен ей как минимум объяснения.

— Какая разница, Ритуль? — Мужчина поднял руку, едва касаясь, провел по скуле девушки. — Когда ты вернулась ко мне.

— Я не возвращалась. — Отпрянула.

Пальцы Роцина были ледяными, но жгли кожу огнем. Нужно поскорее заканчивать с

этим фарсом и уходить. Какого черта он решил, что пришла к нему? Неужели алкоголь до такой степени помутил разум?

— Ну как же. — Приблизился. Потерял о девичью щеку, вдохнул её запах и прошептал на ухо: — Ты здесь. Это главное.

— Я не знала, что встречу тебя.

Попыталась отстраниться, но Роцин преградил пути к отступлению, упираясь руками по бокам от Риты. Пожалела, что, пытаясь сохранить равновесие, остановилась у стены. Кирилл с его силой и под парами спирта может сделать, что угодно. Стоит лишь пожелать.

Зажмурилась, когда Кирилл провел носом у её уха, коснулся пальцами. Почувствовала тяжелое дыхание на своих губах. Дурманящий запах алкоголя. Их разделал лишь букет, все больше вминаемый Роциным в тело Маргариты. Она уже ощущала возбуждение мужчины.

— Не надо. — Уперлась ладонями в его плечи, пытаясь оттолкнуть.

— Тогда какого черта явилась? — Стукнув кулаком в стену рядом с девушкой, заорал Роцин.

Распахнув веки, Одинцова испуганно уставилась на Кирилла. Упрямо сжатые губы, колючий взгляд и тяжелое дыхание выдавали в нем ярость. Но держался. Из последних сил.

Мгновения молчания. Глаза в глаза. Немая мольба и страх. Рита не решалась ответить, или шелохнуться, дабы не спровоцировать взрыв. Мысленно умоляла его отступить, а себя выдержать. Достоинно и равнодушно, чтобы потом исчезнуть навсегда.

Первым нарушил затянувшуюся паузу Роцин. Оттолкнувшись от стены, отступил и как-то неестественно для самого себя, пробормотал:

— Как увидел свет в окнах, понял, что ты здесь. Букетпринес. — Протянул руку с розами к Маргарите. — Представляешь, у нас оказывается возле дома есть круглосуточный цветочный.

— Не нужно. — Отрицательно замотала головой, не принимая столь необычный дар со стороны мужчины. Стоило смолчать, но с уст слетело прежде, чем подумала: — Я за кольцом пришла.

— Ах, за кольцом... — Брови Роцина незамедлительно поползли вверх, цветы тяжелым грузом полетели на пол. Хмурился, шевеля невразумительно губами, очевидно, пытаясь подобрать слова. — В этом дело. Я-то подумал...

Отвернулся, возвратился к бутылке. Ухватил, одним махом залил в себя остатки спиртного. Снова обернулся к Маргарите.

Глядел на неё, как одержимый. Девушке не по себе стало от взгляда. Никогда прежде не видела Кирилла таким. Отчаянным и раздраженным одновременно. Растерянным и... Испуганным?

— Да что ты за баба такая?

Резкий взмах рукой и бутылка, пронёсшись в десятке сантиметров от Одинцовой, ударилась о стену и разбилась на сотни мелких осколков. Несколько прилетели к девушке, колючими уголками кольнув по ладони.

Вздрогнула, уклонившись. Роцин, словно смекнув, что едва не натворил, бросился к ней.

— Маргошечка. Королева моя. Риточка. Ритуленька... — Отчаяние во взгляде. Отчаяние в голосе. Поднял руку, желая прикоснуться, но так и не решился. Расчертил воздух. — Не уходи от меня. Пожалуйста. Давай вместе сбежим. Уедем. Куда захочешь. Начнем по новой. У меня бабок хватит. Я все для тебя. Только не уходи. Я не смогу один...

Замолчал. Замер. Повисла гробовая тишина. Лишь прерывистое тяжёлое дыхание мужчины и размеренный бег стрелки часов где-то на стене.

Время показалось вечностью. Время в ожидании ответа, которого так и не прозвучало. Тогда Кирилл как-то неестественно вздрогнув, медленно, будто ожидая, что его остановят, опустился на колени. Так нарочито и противоречиво для самого себя. Уставившись куда-то в пол.

Одинцова была не в состоянии вздохнуть, не то что пошевелиться. Что за цирк? Неужели Роцин решил напоследок разыграть представление? Шок — главная эмоция, накрывшая с головой. Всякого ожидала: криков, ругани, психов. Даже к ударам или попыткам изнасилования была готова. Но к этому?.. Столь беспомощным и уязвимым Кирилл никогда не видела. Это выглядело ирреально. Будто попала в параллельную вселенную, где Кирилл хороший, а она вселенское зло.

Рита оказалась не готова к его проявлениям чувств. К откровениям. Это произошло слишком не вовремя. Поведи себя мужчина так чуточку раньше, до того, как осознала, что любит другого мужчину, возможно, все могло быть иначе. И плевать тогда на прошлое, на изначальные причины, почему Роцин выбрал её. На его дела и махинации. Если бы раньше, до Олега, открылся, обнажил душу... Что тогда? Что бы это изменило?

Одинцова не могла ответить Кириллу взаимностью. Только жалость. Чувство, способное оскорбить любого. Такого, как Роцин вовсе загнать в могилу. Понимала, насколько это ужасно. Он унижается, ползает на коленях, а что она? Кусая губы и роняя слезы, позволила себе прикоснуться к его голове, осторожно провести рукой по затылку, растрепывая короткие волосы. Единственное, что могла дать. А ещё беззвучное «*Прости*», когда мужчина поднял умоляющий взор.

— Су*а! — Отшатнувшись, как от удара хлыстом, Роцин уселся прямо у её ног. Кусая кулак, взревел. — Су*а-а! Почему опять кто угодно, но не я?! Я все для тебя... — Повторял, как мантру. Нащупав на полу розы, вытянул одну, нещадно смял в руке, рассыпая лепестки как пепел по ветру. — На*ера мне это все, если тебя нет рядом?

Это было больно. До дрожи больно наблюдать, как сильный и невозмутимый мужчина, ломается не под гнетом обстоятельств, а из-за неё по сути. Рита не предполагала, как много значит для Кирилл. Думала так, красивое приложение для статусного мужчины. Шлюха, которой посчастливилось выбиться в дамки. Как любит повторять Роцин — Королеву.

Какая к черту из неё королева, если по её вине у винного короля не только царство отобрали, но и она сама предала. Предала ведь? Предала. Во имя призрачной справедливости и другого мужчины из прошлого. И случившегося не изменить и не переиграть. Время вспять не отмотать. Хотела бы — не выйдет. Любви к Чернышевскому не искоренить. Кириллу не помочь. Случись сейчас чудо и воспылай снова к Роцину неземными чувствами, сам потом не простит её. Оставшуюся жизнь будет вспоминать, как морально растоптала, раздавила его. Заставила унижаться. Роцин он ведь не унижается. Не показывает слабость. А если и демонстрирует, Маргарита более чем уверена, уничтожает свидетелей бессилия.

Возможно, и эти странные чувства Кирилл придумал? Сроднился, что она всегда рядом. Не привык уступать, отдавать кому-то то, что считает принадлежит ему. Роцин не может её любить. Не должен.

— Я просто шлюха. — Привела, казалось, наиболее увесистый аргумент. — Саммого раз говорил. Зачем тебе шлюха? Ты достоин чистой, настоящей женщины.

— Дура ты, Ритка, а не шляха. — Скривившись, выплюнул мужчина поднимаясь.

Мимолетная слабость проходила. Отчаяние на лице сменялось хладнокровием, без эмоциональностью и раздражительностью. Оно к лучшему. Так мужчине будет проще справиться, а Маргарите легче уйти. Пускай сейчас наговорит побольше гадостей и тогда не потянет обратно груз вины.

— Кольцо тебе надо? — Не взглянув на девушку, прошел мимо, к кабинету.

Одинцова облегченно выдохнула, надеясь, что благоразумие хотя бы на сей раз возьмет над Кириллом верх и он все поймет. Отпустит спокойноне удерживая. Наспех стерла с лица соленые слезы и двинулась следом.

Рошин подозрительно спокойно прошел к бару. Достал бутылку коньяка, плеснул в бокал. Осушил одним глотком. Повторил процедуру еще раз. Между прочим отметил:

— Шикарный коньяк. Тридцать лет выдержки. Хранил для особого случая. Настал походу. — Едко ухмыльнулся. — Не каждый день баба, вырвав сердце, бежит к другому. Давай сейчас начистоту: почему он?

Одинцова открыла рот, собираясь ответить. Кирилл остановил взмахом руки и колючим:

— Давай без этого всего, типа: он хороший, а я — бандюган. А тебе, как правильной девочке, дочке самого генерала из СБУ негоже путаться с криминальным авторитетом. Столько лет тебя это не смущало.

— Я люблю его. — На выдохе призналась Маргарита.

Кирилл скривился, как будто съел кислый лимон. Со стуком поставил стакан на стол. На нетрезвых ногах прошелся по кабинету туда-сюда, сунув руки в карманы. Остановился у окна.

— Спросить хотел — почему его любишь, а не меня, а потом подумал — наверняка ответишь, что любят не за что-то, а бла-бла-бла...

Брезгливо передернул плечами. Воротился к столу. Пошарив в кармане брюк, вытащил кольцо. Покрутил на свету, рассматривая и хлопнув ладонью по столешнице, положил рядом с сумкой Маргариты.

Она с непониманием наблюдала за действиями мужчины. Оказалось, удивительно обнаружить, что Рошин носил кольцо Олега все это время с собой. Но еще более странным было спокойствие. Как затишье перед бурей. Кирилл никогда не оставался побежденным, и не умел мирно воспринимать это. Особенно после оголяющих нервы признаний.

Но в какой-то момент понадеялась. Все меняются. Кирилл не исключение. Произшедшие за последние месяцы здорово трансформировало их всех. События не прошли бесследно для Рошина. Шагнула вперед, желая забрать то, за чем явилась. Рука коснулась изящного колечка, когда мужчина, перехватив, потянул девушку на себя. Вдавливая в грудь, насмешливо прошипел:

— Неужели, впрямь, решила, что так просто отдам тебя ему?

— Кирилл, отпусти. Мне больно. — Дернувшись, взвизгнула Одинцова.

— А мне не больно? — Заоралвстряхнув. Крепче сжал одной рукой за талию, другой прошелся по телу. Коснулся губами шеи. — Думаешь, мне не больно слышать признания в любви другому от своей женщины? Наблюдать, как та, ради кого на все готов был, предательски сваливает к чужому мужику?

— Кирилл, ты пьян. — Извиваясь и изворачиваясь от прикосновений, умоляла Рита.

Вот и перешагнул Кирилл незримую грань между спокойствием и яростью. Стоило

пользоваться его мимолетным замешательством и уходить, а не ждать чего-то. Он прав — дура она и есть дура.

— Пьян. — Покрывая шею девушки неловкими поцелуями, бесстыдно согласился Роцин. — Но я не для того сбегал от твоего папашки, чтобы получить отворот-поворот. Ты моя. Была. Есть. И будешь.

Передернувшись, Одинцова уперлась ладонями в грудь мужчины и что есть силы оттолкнула, вырываясь на свободу. Роцин пошатнувшись задел статуэтку на столе, упал на диван. Алкоголь дал себе знать и это было на руку девушке.

— Я не твоя, Кирилл! Хватит считать меня своей игрушкой! — Уверенно выпалила и хватая кольцо с сумкой, развернулась, чтобы сбежать.

Несколько шагов не хватило, чтобы оказаться в подъезде. Кирилл нагнал её. Отталкивая от двери, грубо прижал к стене. Что-то холодное и металлическое вжалось в висок и затем Маргарита поняла, что это пистолет. Роцин приставил к её голове пистолет!

— Я тебя не отпускал! — Выплюнул мужчина. Нащупав её ладони, заставил разжать и выпустить из рук и украшение и клатч. — Ты выйдешь отсюда либо со мной, либо не выйдешь вовсе!

Паника вновь овладела девушкой. Знала, что в таком состоянии Кирилл способен на все. Например, выстрелить в неё. Потом, конечно, будет жалеть. Судя по тому, что ползал в ногах, может даже рыдать. Но это потом, по факту совершенного. Что до сейчас — Маргарита уже не хотела умирать. Когда впереди замаячила перспектива счастливой, беззаботной жизни с любимым мужчиной. Возможно, все мираж, выстроенный её воображением. Но если получит пулю в голову, никогда не узнает этого.

— Кирилл, ты не должен этого делать. — Пролепетала Одинцова. — Это же я, твоя Королева. Ты сам казал, что не сможешь без меня.

— Да. — Расплываясь в самодовольной улыбке, согласился мужчина. — Именно поэтому сейчас поедешь со мной. Мы начнем новую жизнь. Тебе придется полюбить меня и забыть Волкодава.

— Кирилл... — Нервно сглотнув, попыталась возразить Маргарита.

Не вышло. Роцин, опустив пистолет, грубо подтолкнул к двери и потащил к лифту. В эти секунды понятия не имела, куда её ведет Кирилл и что за этим последует. Но в голове прокручивалась одна мысль: *«Олег, найди меня. Ты же всегда находил. Не подведи и в этот раз...»*

Крепко сжимая руль, Чернышевский мчал по еще пустынным улицам, вдавливая педаль газа в пол. Неприятное предчувствие не покидало с момента телефонного разговора с Маргаритой. Вроде тогда ничего не предвещало — она была в безопасности, среди своих. Но чутье не позволяло расслабиться. И когда оказался на месте работы спецгруппы убедился, что не напрасно.

Роцин, будь он не ладен, сбежал. Прихватил с собой своего пособника, промышляющего пытками, и свалил в туман. Вотана ранили в заварушке. Ничего серьезного, пуля навывлет под ребрами, но из строя выбила.

Олег злился до чертиков. Не понимал, куда смотрели десятки силовиков и чем были заняты, что главным виновникам торжества, ради которых и была затеяна облава, удалось улизнуть. Ругался на чем свет стоит. Не посмотрел ни на чины, ни на звания. Все отхватили: и Штормин, и даже Одинцов. Как маленькие, ей-Богу! Как будто не хватило случившегося с Русланом и что его после чуть не пристрелили если бы не Павлик.

Чернышевскому казалось, что он единственный здравомыслящий человек в этой команде идиотов. Жаль, понял только сейчас, когда градус опасности накалился до предела. Пойми раньше, не слушался приказов генерала, давнотачал действовать. На тендере гребанном не изображал триумфатора, выступая отвлекающим маневром, чтобы Рощина раньше времени не пронюхал про набег на его бордель и офис. Не разгребал там же последствия с исправно выполняющей свою работу охраной, которые Рощина, утаскивающего Ритку за волосы на виду всех пропустили, а Олега, пытающегося предотвратить ситуацию, задержали не вниманияуверениям, что из органов. Конечно, кто поверит, если на нем судимость висит, корочки нет, а имущества записано как на авторитета.

Его ведь как вытащили из тюрьмы, взяли в спецгруппу по разоблачению Рощина, все на словах. Легенды долбанной придерживались, чтобы никто не подкопался и не заподозрил в связях со спецслужбами. До одного места Олегу была та корочка, не для того ввязывался во все дерьмо. Но чем больше в нем погрязал, тем больше понимал, насколько неблагодарное это дело. Начальство в отделе по борьбе с преступностью хоть и поменялось на более принципиальное в лице Одинцова, но мелкие пешки как не болели за общее дело, так ничего и не изменилось. Иначе как халатностью, сделавшей возможным побег Плантатора, назвать нельзя.

Но это полбеда. Разобравшись на месте и отдав указания по поиску беглецов и дальнейшей судьбы взятого борделя вместо Вотана, которого увезла скорая, Чернышевский помчался в больницу, где должна была дожидаться Маргарита. Тут его ждал воистину неприятный сюрприз: любимая зачем-то поехала на квартиру к Рощину. Одна. Очень вовремя. Как будто не могла дожидаться его или попросить кого-то из органов проводить.

Теперь Чернышевский ехал к чертовой обители Рощина с одной-единственной надеждой, что тот не рискнет сунуться домой и тем более тронуть Риту. Но чем ближе подъезжал, тем сильнее охватывало волнение. Молился, чтобы оно было напрасным и необоснованным, но...

Рассвет уже рассеивал ночную тьму, первые лучики холодного осеннего солнца появились из-за горизонта, когда мужчина, затормозив у подъезда Рощина, побежал к квартире. Лифта ждать не хотелось, монотонное движение, поднимающее вверх, свело бы с ума. Понесся пешком, перепрыгивая через ступеньку. Жаждал одного — увидеть Ритку и сжать в объятиях. Крепко-крепко и никогда не отпускать.

Мечтам не суждено сбыться. Не сейчас. Открытая настежь дверь сразу натолкнула на смутные подозрения. Осколки и истоптанные цветы — вот что встретило Олега в прихожей, давая понять, что здесь находилась не одна Маргарита. Слабый огонек надежды подтолкнул вперед, проверить каждую комнату. Как и подсказывал здравый смысл — пусто. Лишь в кабинете перевернутая на полу фигурка и смятый ковер напоминали следы борьбы.

Черт! Неужели не успел?!

Они не могли далеко уйти. Все имущество, в том числе автопарк Рощина, опечатали. Олег распорядился, чтобы рожу Рощина увидела каждая собака и разыскивал каждый патрульный. Но этого мало, неизвестно что задумал Плантатор. Правда, судя по квартире — не все опечатали. Что за люди?!

Набирая номер Шторма, Чернышевский вернулся в прихожую, с отчаянием рассматривая следы пребывания. Розы свежие, потеки на стене тоже. Значит, были тут совсем недавно.

— Слушаю. — Недовольно ответил Игорь на последних гудках.

— Это я слушаю! — Заорал мужчина, пнув осколок. Взгляд зацепился за сумочку Риты, брошенную в углу, возле двери. — Какого хрена не поставили патруль у дома Рощина?

— Зачем? Думали возьмем его в борделе и дело с концом.

— Ни хрена вы не думали! — Присел, поднимая клатч, припоминая, что с ним девушка была на тендере. Значит — точно приходила. — Я по-человечески просил поставить наблюдение во всех местах, где он может появиться!

— Поставим, чего ты орешь. — Отмахнулся Штормин.

— Поздно. Он сбежал и Риту с собой прихватил. — Растирая лицо рукой, выдохнул Олег. — Пробей все ли машины Рощина и его людей под наблюдением. Если нет — узнай, где в последний раз видели. И аэропорты, вокзалы — может билеты где покупал. Банковские карты. Найдите его!

Отключился не дожидаясь ответа. Если бы товарищ начал возражать, не выдержал бы, вывалил на того все проклятия.

Огляделся еще раз. Поймал глазами под тумбочкой что-то блестящее. Машинально достал с удивлением узнав в побрякушке свое кольцо, подаренное Ритке. Сжал в руке.

— Сволочь, я убью тебя! Клянусь!

Забирая сумочку любимой, бросился к выходу. Еще не понимая, где искать Ритку, но зная, что обязан её спасти...

— Куда мы едем?

Вжимаясь в сиденье, Маргарита с ужасом смотрела перед собой на дорогу. Они мчались по автостраде, ведущей из города, на бешеной скорости. Обгоняя всех и ловко маневрируя, разминались с автомобилистами, ехавшими по встречной. Роцин игнорировал посты ГАИ, не сбавляя темпа. Надо отдать должное, что для человека, выпившего изрядную порцию алкоголя, держался он неплохо на трассе. Возможно, именно алкоголь помогал так лихачить.

— Домой едем. — Ухмыльнувшись, мимолетно зыркнул на девушку. — В место, которое ты любишь. Может, хоть там поймешь, что не все потеряно и нам суждено быть вместе.

— Что там? — Олег колесил у офиса Рощина, когда, наконец, позвонил Игорь.

Чернышевский с ног сбился, не предполагая, куда отправился Роцин. Поэтому объезжал еще раз все владения Плантадора, хотя везде уже и расположились СБшники. Но в связи с отсутствием информации — это лучше, чем сидеть и ждать неизвестности.

— Короче, упустили мы одну его тачку. Раритетная развалюха, числящаяся на Рощине со временем молодости. Стояла в гараже на квартире. — Отчитался Штормин. — Но благодаря тому, что машина не новая, а летела, как ракета, гаишникам на окружной запомнилась. Пытались остановить, не вышло, забили, решили, что нечего с такого взять.

— Ближе к делу! — Раздраженно оборвал.

— Ехали в сторону херсонской трассы.

Твою мать! Как сразу не догадался? Золотая Роща — единственное на данный момент место, не взятое силовиками. Для побега из страны Рощину нужно как минимум где-то взять деньги. Особняк в Роще — идеальный запасной вариант для Кирилла.

— Отправляй группу в Золотую Рощу! — Приказал Чернышевский, разворачивая автомобиль на 360 градусов.

Ждать больше нечего. Нужно торопиться. Спецгруппа подтянется, но Олегу нужно там быть до приезда Рощина. Или хотя бы в аккурат к нему. Главное, успеть.

Только бы с Ритой все было хорошо.

Когда старенький автомобиль Кирилла остановился во дворе особняка в Золотой Роще, Маргарита была не удивлена. За всю дорогу Рощин не произнес ни разу пункта назначения. Но выехав на трассу, ведущую к поселку, понимала куда двигаются.

Это была длинная дорога. Несмотря на то что Кирилл выжал из машины все возможное и вместо семичасового пути преодолели расстояние на два часа быстрее, хоть и делали небольшие остановки на заправках. Но напряжение, повисшее с самого начала в салоне, не отпускало до сих пор.

Рощин почти не разговаривал. Посматривал угрюмо, крепче сжимая руль да приговаривал, что скоро все наладиться и они будут счастливы. Рите казалось, что он обезумел. Столь уверен был в своих абсурдных рассуждениях. Пыталась несколько раз достучаться до его разума — тщетно. Злила сильнее. Понимала по тому, как до упора выжимал педаль газа. Одного не соображала — как на столь дикой скорости удалось проскочить патрули и автомобиль не развалился на ходу. Возможно, это было бы неплохим выходом из сложившейся ситуации... Но не вышло. Удача любит смелых.

Это был невыносимый путь. Весь на нервах после бессонной ночи. Как выехали на рассвете, так никакой передышки до обеда. Учитывая пасмурную, в тон настроению погоду, складывалось ощущение, что уже глубокий вечер.

Одинцова еще надеялась на Олега, хотя не предполагала, как узнает, где они. И в какой-то степени радовалась, что приехали именно сюда. Рита любила Золотую Рощу всем сердцем и знала здесь каждый закоулок. Если откуда и сбегать — это идеальное место. Даже Кирилл, проведя тут всю юность, не знал некоторых тайных мест девушки. И вдруг родной поселок еще способен вернуть мужчине здравый смысл?..

— Идем. — Выбираясь из авто, приказал Рощин.

Маргарита подчинилась. Вылезла на улицу, обнимая себя за плечи и ежась от порывов ветра. Особняк в это время пустовал. Не подготовленный к гостям и посетителям. Где-то должно быть несколько охранников. Хотя без разницы. Здесь все в подчинении у Рощина, никто не поможет Маргарите даже если сильно захочет.

— Посмотри! — Указав рукой на дом, закричал мужчина, поглядывая на Одинцову. — Неужели и здесь у тебя не екает? Ничего не чувствуешь?

— Кирилл, что ты хочешь услышать?

Рассматривая особняк, который когда-то действительно обожала. Лишь здесь чувствовала себя живой. Но прошли те времена. Исцелилась. Нашла новое пристанище для души. Но нельзя об этом говорить. Рощин в таком состоянии, что любые слова способен воспринять превратно. Даже её отношение к этому месту. Тем более отношение к этому месту.

— Неужели все, что было между нами для тебя ничего не значит? — Сложив руки за затылком, взвыл Кирилл, расшатываясь из стороны в сторону. — Неужели позабыла, как я тебя от Гришки спасал? Как от тюрьмы и психушки уберег? Принял тебя несмотря на прошлое...

— Я все помню. — Закусив губу, тихонько отозвалась. — И благодарна тебе за это, но...

— Благодарна, правда? — Подлетев к Ритке, Рощин схватил за плечи и гневно встряхнул. — Вот так сейчас платят за добро? Предательством?

Маргарита, прикрыв веки, не сопротивлялась, когда мужчина дергал её снова и снова, будто пытаясь вбить в неё простую истину — предательница. Она и без того знала.

Соглашалась. Но поделаться с собой ничего не могла. Заставить себя полюбить Рощина тоже.

— Ну что ты молчишь?! — Резко оттолкнув от себя девушку, взорвался Кирилл. — Скажи хоть что-то? Пошли меня на*ер в очередной раз! Унизь, растопчи!..

Пошатнувшись, Одинцова с ужасом проследила за рваными перебежками Рощина по двору. Хватаясь за голову, орал во все горло, пинал булыжники и колеса автомобиля. А потом, выломал одну из досок штакетника, ограждающего клумбы от дороги, и стал со всей дури лупить ею по столбу, автомобилю, всему, что попадалось под руку.

— Я же верил в тебя, больше чем в Господа Бога! — Размахнувшись, ударил по дереву, неподалеку от Риты. Оглянулся на неё. Новый удар, расколачивающий доску на мелкие щепки. — А ты предала меня! Предала! Променяла на ментовскую шавку! Прихвостня твоего блудного папаши! — Стянул с себя куртку, бросил на землю и втаптывая в грязь, опять налетел на девушку. Ухватил за предплечья. — Совесть не мучает, скажи? Хоть чуточку сожалеешь?!

— Перестань трясти меня. Мне больно. — Робко подала голос девушка.

Лучше бы молчала. Не провоцировала на новые выпады, которые не заставили себя ждать.

— Больно... Мне представь, каково? — Сощурившись, выплюнул ей в лицо.

Оттолкнул. Да так, что на сей раз Рита, не удержав равновесия, рухнула на землю.

— Мне жить не хочется, ты понимаешь это, или нет? — Растирая ладонями лицо, дрожащим голосом признался Рощин. — Я не представляю себя без тебя. Я... С каждым твоим словом все больше думаю, не пустить ли мне пулю в лоб?..

Безумный взгляд на Маргариту, что пыталась неловко встать на ноги, и Рощин, сунув руку за пояс в районе спины, достал пистолет. Направил себе в висок. Расплываясь в дикой улыбке, протянул с истерическими нотками:

— Ты этого хочешь? — Надвигаясь на Одинцову. — Нет человека — нет проблем. Я выстрелю в себя, а ты побежишь к своему Волкодаву. Я буду мертв, а вы все довольны и счастливы.

— Кирилл, ты совсем обезумел... — Отступая, пролепетала девушка. — Не нужно этого делать. Пожалуйста.

— А, знаешь, ты права. — Скиснув, опустил пистолет. Рассматривая несколько секунд, ухватил Ритку за запястье и потянул на себя. Вжав спиной в грудь, в который раз за последние сутки ткнул оружием ей в висок. — Я тебе пулю в лоб пущу. Не хочешь быть моей, значит, не быть ничьей!

— Кирилл, заклинаю... — Взмолилась, дрожа, как осиный лист. — Ты пожалеешь. Олег... Он найдет тебя. Отомстит. Тебе потом не жить.

— Олег-Олег! — Фыркнув, отбросил пистолет прочьотшатнувшись. — Опять Олег. Мне и так не жить, как не поймешь?!

Одинцова схватившись за голову разрыдалась. Сползла на землю, падая на колени. Она должна сейчас ненавидеть Рощина. Злиться на него. Желать смерти. Но каждое слово хлестким ударом отдавало по сердцу. В который раз винила себя во всем. Ненавидела себя. Что, не ведая и не желая, довела мужчину до откровенного безумия.

Почему-то верила каждому слову. Каждому жесту. Уязвимый, как никогда. И честный, настоящий. Такой Рощин, которого сколько лет пыталась выпустить наружу, узнать, понять. А сейчас, увидев его, настоящего, ужасалась открытию. Не понимала, что делать с этим знанием. Как вернуть благоразумие. Как убедить, что на ней свет клином не сошелся. Что

жизнь, какой бы паршивой ни была, продолжается и без неё. Что, в конце концов, побег от органов это шанс начать заново, уехать куда-то.

Знала, что не послушается. Не внимет советам. Сильнее разозлится. Психанет. Возненавидит её. И одному богу известно, к чему это приведет.

— Любишь его, да? — Зачем-то переспросил мужчина.

Ритка согласно кивнула, глотая слезы. Молилась, чтобы Олег нашел их. Усмирил безумие Рощина хотя бы сильным ударом. Иначе сил терпеть больше не было. Как самой помочь, не представляла.

Сумасшествие длилось, казалось, вечность. Кирилл бегал по двору, пинал автомобиль. А потом, бросившись к багажнику, достал большую канистру, литров на двадцать. Ринулся к дому, поливая двери, окна, стены. Как сумасшедший.

Маргарита, замороженно наблюдавшая за его действиями сквозь пелену слез, не сразу осознала, что происходит. Сначала казалось — Рощин не трогает её, дал небольшую передышку, и на том спасибо. Потом дошло. Яркой вспышкой мелькнуло в сознании. И она, подскочив, кинулась к мужчине, выкрикивая на ходу:

— Господи, Кирилл, успокойся! Не делай этого!

— Да какая тебе разница! — Отмахиваясь от девушки, пытающейся ухватить за руку и остановить, как от назойливой мухи, Рощин продолжал устраивать дождь из горячего. Не заботясь о том, что сам изрядно пропитался топливом. — Тебе плевать на меня, мне плевать на дом! Без тебя мне ничего не надо! — Оттолкнул от себя подальше. — И бабок тех, что здесь напрягано тоже не надо!

Когда бензин закончился, Кирилл потряс канистрой у себя над головой и отбросил ту подальше. Оглянулся к Маргарите. Осмотрел с ног до головы. Усмехнулся. Достал из кармана зажигалку. Щелкнул. Не раздумывая бросил за спину, в лужу бензина у порога.

Огонь вспыхнул моментально. Одной искорки хватило, чтобы топливо, разлитое вокруг, вспыхнуло ярким пламенем, которое разом двинуло к дому, закрывая входы и выходы.

Ритка, хватаясь за голову, завизжала. Оглушительно. Во весь голос. Смотрела за его спину, где колючими языками пламя жадно расползлось по особняку, и глазам своим не верила, что все заканчивается именно так. Желая начать с чистого листа, ни за что не думала, что предыдущий лист придется выжечь дотла в прямо смысле слова.

Рощин тем временем в несколько широких шагов преодолел разделяющее их расстояние, обхватил лицо девушки в кольцо своих рук и впился губами в девичьи уста. Жадно, настойчиво, нетерпеливо. Закончил поцелуй так же быстро, как и начал. Маргарита оттолкнуть не успела. Сам отстранился. С каким-то горьким сожалением глянул на неё. Отступил, спиной приближаясь к огню.

— Всех благ тебе, Королева. Счастливо оставаться. — Отсалютовав рукой отвернулся.

Одинцова вздохнуть не успела, не то что ответить, когда Рощин с ноги выбил горящую входную дверь и бросился в самое пекло.

— Не-ет, Кирилл! — Вырвалось у Маргариты, когда мужчина исчез внутри.

Громко потрескивая, пламя переместилось снаружи внутрь особняка. Как назло, никого вокруг не наблюдалось, чтобы попросить о помощи. Огни выплясывали в необузданном танце, завораживая и маня мистической силой. Происходящее напоминало страшный сон. Костер слизывал все, попадающееся на пути. Разгулявшийся ветер раздувал языки пламени, которые быстро из дома перекидывались на близстоящие пристройки: домик охраны, сарай и конюшню. Затрещали оконные стекла. Деревянные балки, удерживающие входной портал,

задрожали. Запах дыма и гари неприятно защекотал ноздри. Изнутри послышался треск распространяющейся там огненной стихии.

Что он творит?

Рухнула на колени, заливаясь солеными слезами и наблюдая как силуэт Рощина скрывается во тьме полыхающего здания. Ведь сгорит заживо. Психопат! Из-за неё. Из-за её глупости и неспособности унять его беды. Как жить еще с этим?

Много раз злилась на Рощина. Считала, что ненавидит его. Готова была собственными руками придушить. Мечтала, чтобы получил по заслугам. Но никогда и никоим образом не желала смерти. Тем более такой страшной. Кровавой. Ни тому жестокому и властному Кириллу, которого знала всегда. Ни особенно этому настоящему и ранимому в откровениях.

Он не должен умереть! Не здесь и сейчас! Не таким образом! Не по её вине!

Мало соображая, что совершает по меньшей мере безрассудность, Ритка поднялась и на пошатывающихся ногах побежала к дому, на ходу скидывая пальто и отрывая со злополучного вечернего платья длинный хвост, путающийся под ногами. Отбросила кусок ткани, который сразу оказался в плену огня. И не чувствуя длинных языков пламени, жальщих по пути, забежала сквозь пылающую входную арку в особняк.

Нужно найти Кирилла. Вытащить. *Если не способна ответить на его чувства, обязана хотя бы подарить спасение и жизнь... Любой ценой.*

Выжимая максимальную скорость и вздымая за собой клубы пыли, Олег мчался по узкой дороге между виноградными полями к особняку Рощина. Черные тучи затягивали небо, которое вот-вот прорвется, скинув поток холодной воды на землю. Это было бы очень кстати. Особенно над Золотой Рощей, пылающей ярким светом.

Огромные столбы дыма и красное зарево, расплзающиеся над поселком Чернышевский заметил издали. Сердце сжалось от колючей боли. Он догадывался, что там случилось. Но даже мысленно запрещал допустить худшее, что может увидеть. Но по мере приближения все ярче и сильнее в глаза бросались широкие языки пламени огромного кострища, съедающего некогда шикарное поместье.

Дрожащими руками набрал номер пожарной службы. Там уже знали о случившемся, ехали на вызов.

Страх неумолимо подступал к мужчине, но пытался сохранить самообладание. Молился, как никогда ранее об одном: пускай Ритка будет жива. Пускай находится где угодно, но не в месте, превратившимся этим днем в чистилище. Согласен, чтобы Рощин подстроил пожар в качестве отвлекающего маневра, а сам увез куда-то девушку. В таком случае Чернышевский отыщет её, заберет. Если же она здесь, в самом эпицентре пекла, то...

Запрещал себе думать об этом. Не хотел допускать противного домысла, едко расплзающегося в сознании, что любимая окажется внутри дома. Не желал терять её. Не сейчас, когда, совершив столь длинный и тернистый путь, обрел её наконец-то. *Сам готов заживо сгореть взамен неё.* Что угодно, лишь бы его девочка была в порядке.

Чем ближе подъезжал, тем дольше казался путь. Последние километры длиной в вечность. Отвратное состояние неизвестности. Стискивая руль, сцепил зубы, чтобы не завывать в голос от отчаяния. Все равно не поможет. Ничего не поможет, если Ритка...

Черт! Ударил по тормозам, остановившись у ворот особняка, возле которых собрались десятки местных зевак. Выскочил из машины. Расталкивая людей, бросился во двор, закричав на ходу:

— Какого х*ена стоите?! Пожар надо тушить!

Что-то ответили. Не слышал. Ничего не слышал. Мчался вперед, видя, как несколько мужчин ведрами таскают воду к дому, пытаясь обуздать пожар. Но, кажется, для стихии это было сродни вызову: там, где выплескивали воду, жар стихал лишь на секунды, чтобы подняться большими языками пламени.

Неподалеку от входа стояла старенькая BMW. Побитая, с распахнутыми настежь пассажирскими дверями и багажником. Если верить ориентировке Штормина — та самая развалюха Рощина.

Здесь... Они здесь.

— Вот там колодец. — Заметив Олега, окликнул один из добровольцев-пожарников, указав куда-то в сторону.

— В доме есть кто? — Стаскивая пиджак, осведомился Чернышевский.

— Я пришел, когда уже пылало. — Отмахнулся мужчина, спеша с водой. — Охранник видел, как мужик какой-то бросился в дом, а следом за ним девка. Говорят, хозяин со своей.

— Дай сюда! — Вырывая у мужчины ведро, оборвал Олег.

— Совсем с ума посходили. С жиру бесятся. Себя не жалко, хоть бы других пожалели, хороший дом был...

Чернышевский не слушал незнакомца. Достаточно было фразы, что Ритка там. Спешно накинул пиджак на голову и вылил на себя ледяную воду. Передернулся от озноба, волной прокатившегося по телу.

— Эй, ты чего удумал парень? — Опомнился мужик, когда Олег сунул тому обратно пустое ведро и ринулся к входу, полностью перекрытому огнем. — Их с этого пекла не вытащить. Зайдешь — не выберешься.

— Судьба, значит, такая. — Огрызнулся, выбивая треснувшее окно и заглядывая в дом, пытаясь отыскать наименее пораженное огнем место для входа.

— Эй, мужик, отсюда не зайти! — Крикнул Чернышевскому подоспевший второй незнакомец, очевидно, охранник. — Там со стороны сараев есть вход, беги туда.

Машинально поблагодарив, Олег помчался к конюшне. Охранник оказался прав: сюда слабо добралась стихия. Только копоти да дыма полно.

Прежде чем забежать внутрь, втянул воздуха полной грудью. Не помогло. Гарь скоро обожгла легкие, вызывая дикий приступ кашля. Пофиг было. Бежал по пустому сараю в поисках заветного входа. Главное, вытащить Ритку живой. А если нет, то помирать не жалко.

Откуда-то со стороны послышался топот и ржание. *Не может быть!* Редкие добровольцы так увлеклись попытками потушить дом, что напрочь забыли о животном. В дальнем стойле брыкалась и нервничала лошадь Маргариты. *Огненная Страсть*. Чувала неладное. Жалко было её. Притормозил, трясущимися руками отворил загороду, выпуская норовистое животное на свободу.

— Беги, девочка. — Похлопав по крупу, убегающую кобылу, продолжил путь.

Открытая дверь в длинный коридор. Несколько бесконечных метров и Чернышевский, наконец, оказался в доме со стороны кухни. Густой смог дезориентировал, лишал видимости и едко въедался в веки. Огонь молниеносно распространился вокруг.

— Рита! — Продвигаясь вперед, закричал мужчина. — Ты здесь?! Рита-а!

Затянувшиеся поиски сводили с ума. Чернышевский метался по бесчисленным комнатам в поисках девушки, выкрикивая её имя. Тщетно. Задыхался от дыма, но упрямо двигался вперед, в эпицентр пожара. И, наконец, в гостиной, наиболее охваченной жаром, увидел Маргариту. Распластанную на полу, без сознания. Окруженную со всех сторон огнем.

Не подойти, не подступиться.

Деревянные балки трещали над головой. Где-то сбоку одна уже рухнула, едва не задев мужчину. Уклонился, отбежал. Стянул с себя пиджак и несколько раз ударил по пламени, чтобы немного унять его и подобраться к Ритке. Полымя так и норовило заключить Чернышевского в свои объятия, подбираясь снизу по брюкам. Не видел, не обращал внимания.

Рванул к девушке. Очередное бревно затрещало над их головами. Подхватил на руки бессознательное тело и отскочил в сторону как раз в момент, когда деревянное перекрытие рухнуло вниз. На место, где до этого лежала Маргарита.

Прижался губами к девичьему виску. Огляделся. Мест для отступления не было. Вход, откуда пришел, уже завален. Впереди тоже огонь. Везде огонь.

На секунды показалось, что так и умрут здесь. Задыхаясь от дыма. Сгорая заживо. Не вместе. А потом крики со стороны главного входа и огромный поток пены, ворвавшийся в дом и умиряющей стихию, дали надежду. На пошатывающихся ногах стремглав побежал к обгоревшей двери, через которую уже можно было выбраться. Шаг за шагом, следуя к выходу. Так долго, что казалось, никогда отсюда не спасутся.

Лишь когда сквозь слезящиеся от дыма глаза заметил несколько пожарных машин и суetyащихся кругом укротителей огня с длинными шлангами, и спустившись с порога злополучного дома, понял, что выбрались.

Не удержался на ногах. Упал на колени, прижимая к себе бездыханное тело любимой. Глянул на неё. Беззащитную. Хрупкую. Неподвижную. С закрытыми веками. Лицо все перепачкано. Провел ладонью по щеке, пробираясь сквозь длинные спутанные волосы к шее, пытаюсь нащупать пульс.

Где-то над головой, спасением, разразился гром и с небес потоком хлынул дождь.

Живи, Рита. Только живи...

Полтора месяца спустя

Первый месяц зимы в этом году выдался теплым, больше напоминающим позднюю осень полную грязи и слякоти. Даже самые ярые противники морозов и снега с нетерпением ожидали наступления настоящей, привычной зимы. Лишь 31 декабря, с самого утра, с неба повалили огромные белоснежные хлопья. За несколько часов насыпало так много, что теперь с каждым шагом нога до щиколотки утопала в снежном покрове. Если продолжит такими темпами, к полуночи город превратится в сказочный. Символично — в Новый год с чистого листа.

Мороз щипал щеки, а снежинки застывали на одежде, образуя ледяное покрывало. Но двое мужчин не обращали внимания ни на это, ни на ветер, который здесь, в чистом поле, пронзал до костей. Оба стояли в невозмутимом молчании, с печалью рассматривая гранитное надгробие и высеченный на нем лик красивой молодой женщины.

В эти секунды каждый думал о своем, не желая делиться с другим сокровенным и нарушать тишину. Оба и так прекрасно знали о ком все мысли. Время тянулось бесконечно и, в конце концов, тот что постарше не выдержал. Достал из пальто пачку сигарет. Закурил, глотая сизый дым, надеясь найти спасение в куреве. Но скоро понял — не выйдет. Не поможет ничего, никотин тем более.

— Я так виноват перед ней. — Заговорил, сминая в ладони почти целую сигарету.

— Я тоже хорош. Не уберег тогда... — Скривившись как от зубной боли, отозвался второй.

Случившееся навсегда высекло в памяти глубокие рубцы. Чересчур яркие картинки из прошлого еще живо возникали перед глазами. Мало времени прошло. Впрочем, такое не забывается никогда. Какие усилия не прикладывай.

— Олег, как думаешь, она простила? — Пожилой мужчина пытливо уставился на собеседника.

— Не знаю. — Пожал плечами Чернышевский. — Зацепившись взглядом за женский силуэт, неспешно продвигающийся в их направлении между припорошенных могил. — Сейчас сами спросите.

Медленно, погрязая ногами в снежном покрывале, Маргарита двигалась к мужчинам, ожидающим рядом с могилой матери. С Олегом приехала. Отец — даже странно было называть постороннего мужчину столь родным словом, но другого, чтобы идентифицировать для себя Одинцова, подобрать не получалось, — появился незапланированно. Во всяком случае для девушки. Надо сказать, странное место избрал, чтобы попытаться заявить о себе. Впрочем, довольно символичное.

Кладбище — последний пункт, где они должны находиться в канун Нового года. Но оно как нельзя лучше отражало творившееся на душе Риты. Приехать сюда было инициативой девушки. Олег долго упирался, сопротивлялся, но в результате у него не осталось выбора.

После злополучного пожара желание куда-то выбраться для Одинцовой стало прогрессом. Полтора месяца больниц, клиник, реабилитаций — она ни разу не вышла дальше пределов дома Чернышевского. Ей нужно было время. Смириться. Переболеть. Перестрадать. Свыкнуться с новой жизнью и свободой. С тем, что рядом больше нет Рощина. Его, вообще, нет.

Воспоминания о дне, когда Кирилл сделал выбор уйти, еще мучительно отдавали в сердце. До сих пор не верила. Отказывалась признавать, что мужчина, который, по сути, значил для неё многое, мертв. И погубила его не кто иной, как она сама, Маргарита Одинцова. Как Рощин любил называть Королева. Прямо Изабелла Французская, зачинившая заговор против своего короля.

Олег запрещал Рите винить себя. А как иначе? Для него Кирилл был врагом. Для неё же... Когда-то всем. Психотерапевт, с которым по милости Чернышевского приходилось общаться едва не каждый день, настойчиво убеждал, что она не виновата в смерти Рощина. Что это был его выбор. Его желание. Никто его не толкал в пожар. Так-то оно так, рассуждать легко. Но доктора не было тем кошмарным днем в Роще, а Одинцова была. И ей остаток жизни с этим жить.

За полтора месяца почти привыкла. Приняла свою ношу. Но до сих пор волна дрожи прокатывалась по телу, стоило вспомнить, как Кирилл бесстрашно зашел в огонь. Затем и она, слабо контролируя действия, бросилась в кострище, желая помочь. Помочь не вышло. Но угодив в пекло, сквозь длинные языки пламени Рите на мгновения показалось, что мужчина выбрался из дома с обратной стороны, через веранду. Ей и самой следовало выбираться. Но надышавшись дымом потеряла сознание. Не подоспей Чернышевский, возможно, оставшиеся двое близких мужчин стояли также над её могилой.

Очнулась в больнице. Там узнала новость, что Кирилл погиб. Едва Олегу удалось выбраться из кострища с ней на руках, внутри рванула газовая система. Дом снесло начисто. На месте некогда шикарного особняка осталось одно пепелище и руины.

Завалы в поисках тела разгребали долго. Нашли. Останки мужчины, подходящего по всем признакам под описание Рощина. Но с точностью опознать погибшего не представилось возможным — тело сильно повреждено. Заключение построили на показаниях свидетелей, среди которых охрана, утверждающая что кроме Кирилла, в доме никого не могло быть. О чем-то, напоминающем побег, Маргарита умолчала, списав все на плод распалившегося воображения.

Усомнись Олег или Одинцов что в доме взорвался Рощин, землю грызть стали в поисках. Это новые волнения и вскрытие без того не заживающих ран. Не выдержала бы. Легче жить с мыслью при себе, что выбрался, сбежал, смог...

На том расследование закончилось. Несколько дней назад прах Рощина предали земле. Похоронили здесь же. На этом кладбище. Минутах в сорока езды от места гибели — Золотой Рощи. Без почестей и близких. Правоохранительные органы выполнили свой долг. Без сожалений и слез. Потому Маргарита чувствовала потребность приехать сюда. Если в могиле Кирилл — нужно попрощаться. Простить его и вымолить помилования для себя. Чтобы хоть там, на небесах, ему стало лучше.

Пришла. Посмотрела на деревянный крест да металлическую табличку с именем, не веря своим глазам. Думала екнет что-то. Сердце отзовется. Ничего. Воспоминания больше волновали, чем этот свежий холмик земли, мало ассоциирующийся с Кириллом. Поняла, что предпочитает верить в его спасение, нежели смерть. Если для других последнее очевидно, Рите проще уповать на чудеса, чем позволить чувству вины сгрызть себя до краев. Так и уходила от могилы полна надежды и легкости. Возможно, самовнушение, но казалось, что Рощин отпустил.

Зато теперь ожидал сюрприз в лице собственного отца. Разозлиться хотела на Олега, что выдал новость об их поездке, да не выходило. Ей давно стоит поговорить с Одинцовым.

Оставить все части прошлого позади.

Подошла к мужчинам. Не здороваясь и не глядя на Андрея Михайловича придвинулась к Олегу, ухватившись ладошками за ворот пальто. Уткнулась носом в шею, почувствовав, как сильная рука обняла за талию, крепче прижимая к груди.

Хорошо в его объятиях. Вдыхать родной запах. Чувствовать тепло. Дышалось сразу проще. Проблемы забывались, раны не так кровоточили. Во многом винила себя: что столкнула лбами двоих упрямцев, что довела до точки невозврата, но ни разу не сожалела, что сделала выбор в пользу Чернышевского. С этим мужчиной было легко. По-настоящему. С ним и была жизнь.

— Прости, что без твоего спроса позвал Андрея Михайловича. — Едва слышно прошептал Олег у уха девушки.

— Все в порядке. — Глянув в глаза, одними губами попросила: — Подожди, пожалуйста, в машине.

Дважды повторять не пришлось. Поцеловав Риту в висок, Чернышевский отстранился и медленно побрел к автомобилю, оставленному за воротами.

— Слушаю тебя. — Повернувшись к терпеливо ожидающемуся Вотану, отрезала Маргарита.

— Прости меня. — Пробормотал мужчина.

От его слов повеяло стойкой ассоциацией дежавю. Тот же взгляд и фразы как в минувший раз. И та же боль на душе у девушки. Легче от его «прости» не становилось. Но избегать разговора дальше не имеет смысла. Полтора месяца сторонилась, отказывалась от встречи. Впрочем, что такое полуторамесячное ожидание по сравнению с длившимся более двадцати лет?

— Допустим, я прощу. Перед ней как вину искупать будешь? — Кивок на памятник с ликом матери и долгий взгляд на мужчину, именуемого отцом.

Ударила по больному. Преднамеренно или случайно, но задела. Одинцов нахмурился. Поджал губы. В уголках глаза заблестело что-то похожее на слезы. Или это подтаявшие снежинки? Рите не узнать. Столь невозмутимый мужчина, которым был Вотан, не привык показывать слабости. Сдерживал эмоции до последнего. Всегда. Но не в этот раз.

— Я любил её. — Хрипло признался Андрей Михайлович и застывшая между веками капля, медленно скатилась по щеке. — Всю жизнь. До сих пор люблю. — Перевел взор с Риты на могилу. — Больше всего на свете жалею, что бросил вас тогда. Закрывая глаза, часто вижу день, когда разрушил все. Маша так плакала. — Не сдерживая слез, убивал откровениями. — Кричала, ругалась. Она не понимала, почему ухожу. Сам не понимал. Но был вынужден. А ты... хватала меня своими маленькими ручонками и просила остаться.

Каждое слово отдавало горечью и тоской по утраченному. Рита осознала, что сон, с недавних пор часто преследующий, где она вновь маленькая девочка, удерживающая отца за рукава, был вовсе не сном. Обрывками воспоминаний что, пробудившись, стали лезть наружу. В сновидениях всегда точно чувствовала эмоции ребенка из сна. Оказывается, свои эмоции.

— Если так не хотел оставлять нас, почему бросил? — Подошла ближе к Одинцову, стукнула кулаком в грудь. Сначала нерешительно. Потом снова и снова, ударяя с каждым разом увереннее. — Хоть соображаешь, что случившееся с нами, произошло по твоей вине? Ты тогда не семью оставил без мужа и отца, ты разрушил судьбы!

Слезы потоком катились по щекам, а девушка не могла остановиться и не бить отца.

Горечь и обида, годами копившиеся на мужчину, прорвали оборону и хлынули наружу. Если этот человек имеет объяснение своим поступкам, он обязан их дать.

— Дочка. — Наконец, заговорил генерал. Не пытаясь унять и успокоить. Остановить нахлынувшую бурю ярости, обрушенную на него в виде кулаков. — Разведка не только опасная, но и неблагодарная работа. Я ввязался в неё до того, как встретил твою мать. Потом заигрался, думал справлюсь, смогу совершить невозможное — совместить жизнь обычного человека, семью и работу агента-нелегала. Некоторое время получалось. Пока задания были попроще, и я не так сильно погряз в том болоте. Молодой, самоуверенный. Все казалось по плечу. Хотя уже тогда многие коллеги осуждали и не понимали меня, заранее пугая что до добра это не доведет, на двух стульях не усидеть. Ты или успешный разведчик, или семьянин. Третьего не дано. Когда был на волне успеха: дома ждала любимая жена и дочка, а на работе вот-вот предстояло серьезное задание, меня спустили с небес на землю. Пришлось выбирать.

Замолчал. Обдумывая. Подыскивая слова. Маргарита, сама того не замечая, застыла как вкопанная. Дышать боялась, не то что сдвинуть с места. Прислушивалась к каждому слову. Хотелось понять его. Не упустить ни малейшей детали. Все представлялось важным. Все *имело значение*.

— Работа оказалась важнее? — С придыханием поторопила.

— Безопасность семьи оказалась важнее. — Выдал Андрей Михайлович. — С теми знаниями о работе спецслужб и предстоящего задания, которые у меня имелись, так просто не отпускали. Разведка — это каббала, из которой и при большом желании очень тяжело выбраться. Мне ясно дали понять, что уйти без последствий не смогу. Ладно бы последствия одного меня касались, но на тот момент был наслышан, что делали с близкими неугодных разведчиков. Я боялся за вас. Оставлять как есть тоже стало невозможно. Задание было слишком опасным: в случае разоблачения вы могли пострадать. Истина, гласящая что настоящий разведчик не должен иметь привязанностей, сработала как четко слаженный механизм.

— Мама не знала? — Оглянувшись к памятнику, задала вопрос, ответ на который и без того предугадывала.

— Нет. — Подойдя сзади к Рите, ухватил за предплечья, легонько сжал. — Она бы не пережила, узнай, что променял вас на работу.

— Конечно. — Горько усмехнулась. — Она и так не пережила. Куда лучше было сделать вид, что променял нас на другую семью.

— Рит, ты не понимаешь... — Начал Одинцов и замолчал.

— Нет. Понимаю. — Оборвала. Сжала ладони в кулаки, пытаясь удержать себя от взрыва, и хоть как-то спрятать пальцы от холода. — Тебе казалось, что так будет лучше. Но ты не учел одного — она слишком любила тебя, чтобы смириться с уходом.

Одинцов смолчал. Сильнее впился пальцами в руки Маргариты. Что тут скажешь? Время не притупило боли и ничего не забылось. Но выбор сделан, вспять не возвратит.

— Ты никогда не думал, что не стоило исчезать с концами? — Выдохнула зажмурившись. Снег усиливался и открыто смотреть перед собой не получалось.

— Думал. — Честно признался. — Но любые привязанности — смерть для разведчика. Казалось, если не буду появляться пару раз в год, чтобы поздравить с праздниками, вы скорее забудете меня и начнете жизнь с чистого листа.

— С твоими возможностями ты мог хотя бы издалека наблюдать за нами! — Не

выдержала. Вспыхнула. Оборачиваясь лицом к лицу. — Попытайся узнать, как нам живется, мог все предотвратить! Но предпочел остаться в неведении! Это не мы вычеркнули тебя из своей жизни, а ты сделал все, чтобы оставить нас в прошлом и не вспоминать! Поступил, как чертов эгоист!

— Я никогда о вас не забыл. — Выдавил Андрей Михайлович.

— Да неужели? Реальность говорит об обратном. С чего вдруг решил вспомнить о нас шесть лет назад? — Давила вопросами Маргарита. — Или факт, что дочь проститутка, не вписывался в кристальную биографию доблестного генерала? Стоило везде подчистить доказательства нашего родства, чтобы не позориться, и забыть.

— Все прошедшие годы я провел за границей. Только шесть лет назад вернулся.

— Ах, вот оно что! — Перебила, хлопнув в ладоши. — А тут ностальгия заела?

— Пока жил в Германии, несколько раз пытался узнать, как вы через знакомых. — Игнорируя язвительный выпад, продолжал Одинцов. — Получал один ответ: все в порядке. Живы-здоровы. Потом выяснил, что вы съехали с квартиры. О причинах умолчали. Сказали что выдели Машу в компании какого-то мужчины. Я посчитал, что она оправилась, начала с чистого листа, потому и съехала...

— Ага, другого мужчины. Собутыльника очередного. — Передернувшись от неприятных воспоминаний, огрызнулась девушка. — Знаешь, сколько их липло к маме за все время? Не счесть. Она, конечно, бухала с ними, но близко не подпускала.

— Я же не знал... Подумать не мог.

— Вникни в подробности — знал бы. — Стирая с лица слезы, Маргарита попыталась унять обиду. — По возвращении почему шесть лет тянул со встречей? На это тоже оправдания имеются?

— Хреновые эти оправдания. — Пожал плечами Вотан.

— И все же? — Взглянув в печальные глаза, обрамленные морщинами.

— По возвращении в страну первым делом начал искать вас. Думал убедиться в вашем счастливом существовании и что давно не нужен. А нашел заброшенную могилу жены с обветшалым крестом.

— Это ты поставил памятник? — Молниеносная догадка пронзила сознание.

— Это наименьшее, что мог сделать для неё.

— А я? — Передернувшись от очередного порыва ветра, пронзившего до дрожи. — Шесть лет готовил операцию по разоблачению Кирилла, сделав меня подопытным кроликом. Зная на что способен Роцин, так запросто оставил меня с ним?

— Он бы тебя не тронул.

— Спорный вопрос. — Снисходительно фыркнула. Убить-то не убил бы, но всякое бывало.

— У нас была договоренность, в которой ты ключевое звено. Лишь из-за тебя искал другие подходы и лазейки к Роцину, не пер напролом. Не думал, что все так затянется и усугубится.

— Чем же мелкий авторитет мог припугнуть и удержать под контролем великого разведчика всех времен и народов? — Сарказм неконтролируемо прорывалась наружу. Пыталась быть сдержаннее, не получалось.

— Роцин тогда уберег тебя от срока за Латунина. Но также у него имелись козыри, чтобы при случае посадить тебя. Или в психушку упечь. Знаю, что ты тогда была на грани. Я не мог допустить, чтобы с тобой случилось еще и это. Прости меня, пожалуйста. Если

сможешь. Или хотя бы попытайся понять.

Замолчал. Опустил глаза в ожидании вердикта.

Рита тоже молчала. Несколько минут осознавала услышанное. Во многом предстояло разобраться. Многое обсудить. Спокойно и в подходящей обстановке. Но ни капли не удивилась признанию о Кирилле. Это было в его стиле. Но до чего странно наблюдать Одинцова... отца в столь уязвимом положении.

Смотрела на него, пытаясь найти подвох, уличить в обмане. Не выходило. Либо генерал умело пользовался профессиональными навыками, а она стала чересчур доверчивой, либо впрямь говорил правду. Сходу не разглядеть. Не уместить обсуждение событий длиной в несколько десятилетий в короткий разговор. И прощать Одинцова сразу не готова. Ей к пониманию еще идти и идти. Но если оттолкнет, тогда точно не получится.

Соблазн в очередной раз сбежать от решения проблемы был слишком велик. Но еще сильнее соблазн остаться и дать шанс искупить вину. Прежняя Марго, скорее всего, прогнала генерала. Но сейчас она пытается вернуться к той Ритке, которой была до событий двенадцатилетней давности. Олег пытается вернуть её. И та Ритка наверняка нашла бы точки соприкосновения с вдруг появившимся отцом.

По сути кто и что у неё имеется? Чернышевский и жизнь с чистого листа. С новыми радостями и огорчениями, мечтами и сожалениями. Только ей, Маргарите, решать, чем лист наполнять и кого впускать в будущее. Будучи ребенком, так часто желала, чтобы отец вновь оказался рядом. Возможно, стоит попытаться?..

— Сегодня Новый год. — Напомнила Маргарита. — Мы с Олегом остановились в его старой квартире. Звучит странно, но думали там отмечать. То место многое значит для нас. Может, оно позволит почувствовать себя прежними.

— Я знаю. — Выдохнул Одинцов.

Откуда — спрашивать не стоило. Ясно, что Чернышевский сдал.

— А... ты? — Нерешительно уточнила, закусив губу. — Хочешь составить компанию? Если у тебя, конечно, нет других планов.

— Я? — Генерал на миг нахмурился. Но смекнув что происходит, разом оживился. — Я с радостью. Если ты не против.

— Я ведь сама предложила. — Поежившись от холода, отмахнулась.

— Ты замерзла. — Констатировал факт мужчина. — Нужно идти.

— Да. — Обернувшись к могиле напоследок, медленно двинулась вперед.

Несколько шагов и ощутила, как отец, нагнав её, нерешительно приобнял за плечо, растирая руку в попытке согреть. Вздрогнула от неожиданности, но не отстранилась.

Странно вот так идти в обнимку с отцом. Но было в этом что-то такое... Просто Рите необходимо привыкнуть. К тому, что в жизни снова есть отец...

Это был её первый Новый год с Олегом. Первый в сознательном возрасте с отцом. Первый, спустя долгие годы в статусе свободной. Все в новинку. Все иначе. Воистину с чистого листа.

Как и предполагалось, к вечеру город засыпало, не пройти никуда, не проехать. Но Андрей Михайлович явился четко к назначенному времени. По-генеральски пунктуально и с кучей продуктов.

Планировали с Олегом скромно: купили небольшую, но пушистую живую ель; украсили старыми, оставшимися от дедушки и бабушки мужчины, игрушками. С блюдами на стол тоже не шиковали (хватит, сыта по горло уже) — оливье, мандарины, запеченная утка.

Советское шампанское, голубой экран старенького телевизора и мерцание гирлянд. Все просто, но с семейным теплом и уютом, которого не хватало обоим.

Рита как раз накрывала на стол, когда приехал отец. Увидев привезенные им пакеты, так и подмывало напомнить, что поздно подкупать, раньше стоило думать, когда они с матерью перебивались сухим хлебом. Смолчала. Если хотят наладить отношения, нужно стараться обоим.

Девушка предпочтительно помалкивала этим вечером. Опасалась наговорить лишнего, да и напряжение, возникшее с приходом Андрея Михайловича, здорово витало в воздухе. Спасибо Олегу, без его поддержки точно свихнулась.

— Я подал в отставку. — Уже сидя за столом, провожая уходящий год, признался Одинцов.

Рита с Олегом, расположившиеся напротив, переглянулись. Повила пауза. Где-то на фоне из голубого экрана монотонно звучала развлекательная программа. Это было неожиданное заявление. Девушке казалось, что без чего-чего, но службы отец не сможет. Неужели ошиблась?

— Нечего мне там больше делать. — Предугадывая вопросы, продолжил Андрей Михайлович. — Эта работа слишком дорого обходиться. Хватит. Устал. Не хочу. В жизни помимо есть много другого.

— Кого на Вашу должность? — Сощурившись, поинтересовался Чернышевский.

После пожара и сопутствующих событий, Олег перестал вникать в работу спецслужбы и отдалился от дел. Его миссия выполнена, остальное для него было неважно. Собственно, спросил скорее ради поддержания разговора, нежели любопытства.

— Не знаю. Подбирают кандидата. — Отмахнулся генерал, ковыряя вилкой салат.

— Как Штормин воспринял? — С долей насмешки продолжал Чернышевский.

— Не в восторге. Сам понимаешь, новый начальник — новая команда. Ему придется приложить много усилий, чтобы удержаться на месте.

— Он парень пробивной, справится. — С долей насмешки, подметил Олег. — А Рус чего?

— Ты не в курсе? — Удивился Одинцов. — Он сразу после больницы написал заявление и уехал в родной город.

Тут пришел черед удивляться Олегу и Маргарите. Странно, что Буря умотал, не попрощавшись. Но Рита была рада за Буртенко. Давно догадывалась, что тот хочет все бросить, да не в состоянии сойти с дистанции на полпути. Теперь все встало на свои места. Она искренне надеялась, что у друга сложится.

— Перед отставкой я отдал распоряжение, чтобы с тебя сняли обвинения, Олег. — Продолжал радовать новостями Одинцов.

Тут девушка не удержалась. Улыбнулась. Посмотрела на Олега, накрыла ладошкой его руку и чмокнула в щеку. Знала, как это важно для мужчины. Если для неё свобода — значит жизнь за пределами золотой клетки, для Чернышевского это очищение имени. И хоть никак не показал радости, увидела, как блеснули глаза, почувствовала, как неверующе напрягся.

— Спасибо. — Вместо мужчины поблагодарила Рита.

— А вы, ребят?.. — Переведя взор с лиц на правую руку девушки, на безымянном пальчике которой блестело то самое колечко.

— Олег замуж зовет. — Вздернув плечом, призналась Маргарита, ощущая, как в эти мгновения стена между ею и отцом помаленьку разрушается. — Для меня штамп ни разу не

главное, и не лучшее время, но... Не знаю, что из этого выйдет.

— Я думаю оставить дом и виноградники. — Подал голос Чернышевский. — Хочу сохранить небольшое производство, которое позволит первое время остаться на плаву. Еще планирую заняться лошадьми. Несколько уже имеется. Небольшой опыт в общении с ними тоже. Нужно найти хорошего специалиста, который поможет в разведении. В перспективе можно открыть небольшой ипподром и частную школу.

Для Риты это заявление не стало сюрпризом. Олег не раз обсудил с ней свое желание, сомневаясь в правильности решения. Но именно в этом девушка полностью поддерживала. Пускай вино и виноградники были частью былого, это та часть, которая действительно нравилась. А любовь к лошадям и скорости её страсть. То, что любимый целиком разделил её увлечения, говорило еще раз о не случайности происходящего.

Маргарита хотела вернуться в тот дом Чернышевского. Снова прокатиться на своей Страсти, чудом уцелевшей во время пожара. Увидеть виноградные поля, почувствовать на губах терпкий привкус полусладкого вина с нотами смородины и ароматом ванили. Пускай выглядит как чертово дежавю, с отсылками к минувшим дням, но именно это не хотелось оставлять и упускать.

— Уверен, что все у вас получится. Я всегда поддержу. — Поднимая бокал, улыбнулся Одинцов. Но тут же встрепенулся, услышав на фоне бой курантов. — Ой, уже полночь!

— Олег, шампанское! — Вскочив, воскликнула Маргарита.

Чернышевский, подхватив бутылку, с легкостью откупорил, угодив пробкой куда-то в потолок. Наспех, расплескивая по столу, разлил по вовремя подставленным девушкой бокалам.

— С Новым годом! — Принимая фужер, торжественно произнес Андрей Михайлович на последних секундах полуночного боя часов.

— Можно я скажу? — Отдёрнув бокал прежде чем чокнуться, робко спросила Рита. Получив одобрителльные кивки от мужчин, с легкой тоской произнесла: — Моя жизнь очень неоднозначная штука. Всякое было — хорошее, плохое... Слишком много плохого, я бы сказала. — Ощутила, как Олег притянул к себе и обнял за плечи, уткнувшись носом в макушку. — Но я рада, что те события привели меня сюда. Нам много всего предстоит... — Быстрый взгляд на отца. — Честно говоря, не представляю, как мы дальше будем справляться и чем в итоге обернется. Надеюсь, что начало, положенное сегодняшней ночью, станет отправной точкой для всех нас к новой жизни, к счастью. Что у нас получится начать с чистого листа, оставив беды в прошлом. Как бы ни было, я рада, что жива. Что вы живы. Что вы рядом. Только, пожалуйста, не оставляйте меня больше...

Со звоном чокнулась о фужеры мужчин. Отвернулась, уткнувшись в грудь Олега, пряча не вовремя накотившиеся слезы. Услышала, как отец за спиной тихо прошептал:

— Господи, девочка моя. Прости, что заставил тебя так долго ждать. Я больше никогда...

— Маргаритка, любимая. — Крепко стискивая в объятиях, твердо выдал Чернышевский. — Я обещаю, что сделаю все, чтобы ты забыла о прошлом. Ты будешь счастлива. Мы будем счастливы.

Рита поверила. В очередной раз доверилась мужчине, который никогда не подводил. Если она выбралась, выжила там, где страсть искажает все, с остальным точно справятся. Пускай впереди длинный путь в неизвестности, они обязательно обретут то, к чему так долго шли — покой и истинное счастье...

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Инанна — в шумерской мифологии богиня плодородия, любви и войн. Одновременно почиталась как богиня небес и звезды восхода — планеты Венеры.

«Афганка» — гашиш, привезенный из Афганистана. Используется в курительных смесях, однако признана тяжелым наркотиком. Психиатры утверждают, что человек, злоупотребляющий этой курительной смесью, за короткий период времени может сойти с ума.

Авиатор — сленг, имеется в виду контрабандист.

Эстимейт (от англ. estimate, дословно «ожидание») — Примерная стоимость того или иного предмета по оценке экспертов аукционного дома.

прозвище от **Вотан** — Один в мифологии древ. Германцев, бог ветра и бурь, позднее бог войны, покровитель торговли, мореплавания, поэзии, магии; верхов. божество ряда герм. племен. Культ Вотана (Одина) был особенно развит в сканд. странах.

Петух — низшая каста неформальной иерархии среди заключенных. У её представителей нет никаких прав, они выполняют самую грязную работу и ими могут пользоваться другие заключённые для получения сексуального удовлетворения. «Петухи» являются неприкасаемыми в самом прямом смысле: остальным заключённым нельзя прикасаться к ним (за исключением сексуального контакта), а также, в большинстве случаев, к предметам, побывавшим в их руках, их можно избивать только ногами или палками. Нарушение этих запретов обычно приводит к переводу в «петухи». В «петухи» попадают за грубейшие нарушения тюремных «законов», некоторые преступления сексуального характера, «позорящие» сексуальные контакты и т. д.

Типичные вопросы, которые задают заключенные новеньким.

«По жизни все равно»? Вопрос подразумевает в сущности одно — придерживался ли на воле человек поведения настоящего мужика. Это значит в первую очередь сексуальную ориентацию натурала, не сотрудничал ли с ментами (состоял внештатным сотрудником, сдал кого-нибудь ментам, являлся штатным закупщиком и т. д.).

Душком качнуться — примерно имеется в виду показать гордость, своеобразие.

Ката́ния — город-порт в итальянском регионе Сицилия, административный центр одноимённой провинции. Город расположен на восточном побережье острова Сицилия у подножья вулкана Этна.

Аэропорт Катании Фонтанаросса — расположен в пяти километрах к югу от Катании, второго по величине города итальянского острова Сицилия. Аэропорт носит имя Винченцо Беллини.

Сицилия — крупнейший остров Средиземного моря и административный регион Италии, имеющий площадь 25 708 км². Сицилия сегодня — единственная область Италии, имеющая собственный парламент, находящийся в столице острова — городе Палермо. Административно регион делится на 9 провинций. Берега Сицилии омывают три моря — Ионическое, Средиземное и Тирренское.

Русалочья бухта — она же бухта Миццаро, восточное побережье берега Сицилии.

Таормина — считается одним из самых красивых городов Сицилии. Расположен город на вершине горы Тауро, откуда открываются прекрасные виды на вулкан Этна и море внизу. Рядом с городом тянутся великолепные пляжи, а погода всегда располагает к отдыху.

Основана **Таормина** в 5 веке до н. э. греческими переселенцами из острова Наксос. Жители Наксоса поднялись на гору и разбили лагерь в Таормине, чтобы укрыться от жестокого правителя Дионисия Первого. Город был назван Тавромениумом.

Проходняк — проход между шконками (койками), тюремный коридор.

Спросить как с брата (спросить по-братски), употребляется и выражение «**дать почувствовать братскую руку**» — объяснить неправоту. Могут при этом также ударить по лицу кулаком или избить (удары наносятся только по лицу). Никаких последствий, если человек признал свою ошибку, данное действие не несет.

Спросить как с гада — искалечить или очень сильно избить. Избиение может быть и символическим, но в любом случае связано с объявлением человека гадом, со всеми вытекающими из этого последствиями. Если спрашивают с уже объявленного гадом, то спрашивают всегда как с гада. Гада руками не бьют, только палкой или ногами, бьют по любым участкам тела.

Шнырь — слуга, прислужник. Бывает как у одного человека, так и у отдельного коллектива. Шнырем человек объявляется либо за долги, либо в том случае, если он был пойман на прислуживании кому-либо в целях личной выгоды.

Козел («красные») — заключённые, открыто сотрудничающие с администрацией, занимающие какую-либо административную должность (завхоза, коменданта и т. д.), а также состоящие в секциях самодеятельности заключенных — СДиП (СДП, СДПУ — секция дисциплины и порядка учреждения), СБС (секция контроля за выполнением санитарных норм осужденными) и др. В настоящее время данные секции запрещены законодательно, однако, в ряде некоторых регионов продолжают функционировать.

Масть — мастей на зоне только две. «Красная» — менты, все их поддерживающие и актив колонии; и «черная» — **Воры** и стоящие за **воровские понятия**.

ШИЗО — штрафной изолятор. Отделение ИТУ (Исправительно-трудовые учреждения) где расположены камеры для нарушителей режима содержания. Водворенный в ШИЗО существенно ограничен в правах. До 1988 года в ШИЗО существовала пониженная норма питания (пытка голодом). Кроме того, у заключенных отбиралась вся одежда и выдавался лишь легкий хлопчатобумажный костюм, они не выводились на прогулку, не получали постельное белье и матрас, письма, бандероли, посылки. В ШИЗО обычно создаются тяжелые условия (холод зимой, духота летом), способствующие заболеванию туберкулезом. Введен предельный срок содержания в ШИЗО: разовое помещение в ШИЗО — до 15 суток общий срок наказания за год — не более 2-х месяцев.

Фуфло толкать — врать.

Положенец — на воровском жаргоне уголовный авторитет, находящийся на положении вора (т. е. может решать вопросы, отнесённые к ведению воров, в период их отсутствия в данном месте) и отвечающий за положение на определённой территории. Назначается «вором». Положенцы назначают «смотрящих», которые следят за ситуацией в отдельных районах города, в лагерях — в отрядах, в тюрьмах — в камерах. Положенец, в свою очередь сам является смотрящим высшего ранга. Как правило — за лагерем, за городом, за тюрьмой и т. п.

Положенец в местах лишения свободы следит за соблюдением «воровских законов», ведёт переговоры с администрацией, занимается урегулированием конфликтов, руководит сбором средств в общак. Как правило в одной зоне или тюрьме — один положенец.

«Общак» («воровская касса», «котёл») — на уголовном жаргоне фонд взаимопомощи в среде преступного сообщества. В соответствии с «воровскими законами» взносы в «общак» должны быть добровольными, хотя на практике требование не всегда выполняется.

«Общак» находится под контролем авторитетного преступного лидера, пользующегося доверием преступников («вор в законе», «положенец» или «смотрящий»).

В местах лишения свободы состоит из денег, продуктов питания, сигарет, чая, вещей. Пополняется за счёт передач и средств регионального общака. Средства «общака» используются для подкупа администрации, оказания поддержки заключённым, находящимся в трудном положении, или их семьям. Рассчитывать на помощь могут лишь определённые категории заключённых («блатные»).

«Общак» за пределами мест лишения свободы формируется за счёт доходов от преступной деятельности: взносы профессиональных преступников, рэкет (часто под видом защиты — «крышевание»), вознаграждение за помощь в разрешении споров между предпринимателями. Используется для организации новых преступлений, подкупа чиновников и сотрудников правоохранительных органов, материальной поддержки заключённых в местах лишения свободы («пацанов на зоне греть»).

Бура́ (тридцать одно) — карточная игра, так же называется и комбинация трёх козырей при игре в буру.

Предпочтительнее всего играть в буру вдвоем, но можно играть втроем или вчетвером. Используется колода в 36 или в 32 листа. Туз оценивается в 11 очков, десятка — в 10, король — в 4, дама — в 3, валет — в 2 очка. Остальные карты ценности не имеют.

Сдают по 3 карты каждому игроку. Вскрывается козырь. Ходить можно с одной карты, с двух или с трех карт одной масти. Если противник бьет карты хода, он забирает взятку себе. Если не может побить, сбрасывает любые карты (по количеству карт хода).

После каждой взятки игроки добирают карты из колоды по одной карте друг после друга, до трех карт на руках.

Выигрывает тот, кто первым наберет во взятках 31 очко. Комбинация из трех козырей на руках называется бура. Игрок, имеющий на руках буру, выигрывает партию, независимо от количества очков во взятках.

Комбинация из трех тузов, один среди которых козырный, является самой выигрышной. Имея её на руках, игрок сразу выигрывает, невзирая на наличие буры у соперника.

Речь о Троянской войне конца 13 — начала 12 века до н. э. Где явилось похищение Парисом, сыном троянского царя Приама, прекрасной Елены, жены царя Спарты Менелая.

Сокращенно Днепропетровск. **25-я отдельная Днепропетровская воздушно-десантная бригада Вооружённых сил Украины** — воинское формирование высококомобильных десантных войск Украины. Частично является правопреемницей 98-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, дислоцирующейся в Ивановской, Костромской и Ярославской областях.

Пистолет Макарова.

Внебрачное или незаконнорождённое дитя.